МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Артур Конан Дойл

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

«АЗБУКА»

Маракотова бездна
Артур Конан Дойл

Аннотация
Артур Конан Дойл. Маракотова бездна. Романы, рассказы
Научная фантастика Артура Конан Дойла
Приключения профессора Челленджера
Затерянный мир
Глава первая. Человек – сам творец своей славы
Глава вторая. Попытайте счастья у профессора Челленджера!
Глава третья. Это совершенно невозможный человек!
Глава четвёртая. Это величайшее в мире открытие!
Глава пятая. Это ещё не факт!
Глава шестая. «Меня называли бичом божиим»
Глава седьмая. Завтра мы уходим в неведомое
Глава восьмая. На подступах к новому миру
Глава девятая. Кто мог предугадать это?
Глава десятая. Вот они, чудеса!

Глава одиннадцатая. Я становлюсь героем дня
Глава двенадцатая. Как страшно было в лесу!
Глава тринадцатая. Этого зрелища мне никогда не забыть
Глава четырнадцатая. Это была настоящая победа
Глава пятнадцатая. Глаза наши не переставали дивиться
Глава шестнадцатая. На улицу! На улицу!
В ядовитом поясе
Глава первая. Линии расплываются
Глава вторая. Прилив смерти
Глава третья. Затоплены!
Глава четвёртая. Дневник умирающего
Глава пятая. Мёртвый мир
Глава шестая. Вселенское воскресение
Когда земля вскрикнула
Дезинтеграционная машина
Земля туманная. Роман о спиритизме
Глава первая,. в которой специальные корреспонденты приступают к работе
Глава вторая,. в которой описывается вечер в странной компании
Глава третья,. в которой профессор Челленджер высказывает своё мнение

Глава четвёртая,. в которой описываются странные занятия в Хаммерсмите

Глава пятая,. в которой наши деловые партнёры переживают ещё одно удивительное событие

Глава шестая,. где читатель знакомится с характером и привычками преступника

Глава седьмая,. в которой так называемый преступник наказывается по всей строгости английского закона

Глава восьмая,. в которой трое смельчаков встречаются с тёмным духом

Глава девятая,. в которой обнаруживаются вполне материальные явления

Глава десятая. «De Profundis»

Глава одиннадцатая,. в которой Сайлас Линден получает по заслугам

Глава двенадцатая,. в которой происходят взлёты и падения

Глава тринадцатая,. в которой в бой вступает профессор Челленджер

Глава четырнадцатая,. в которой Челленджер неожиданно встречает необычного коллегу

Глава пятнадцатая,. в которой готовится капкан на крупного зверя

Глава шестнадцатая,. в которой Челленджер испытывает самое сильное потрясение в жизни

Глава семнадцатая,. в которой туман окончательно рассеивается
Пояснения
Ко второй главе. Ясновидение в спиритических церквях
К восьмой главе. Духи, привязанные к земле
К десятой главе. Кружки духовного спасения
К двенадцатой главе. Опыты доктора Мопюи
Открытие Рафлза Хоу
Глава первая. Двойная загадка
Глава вторая. Хозяин нового дома
Глава третья. Дом чудес
Глава четвёртая. Из страны в страну
Глава пятая. Просьба Лауры
Глава шестая. Необычайный гость
Глава седьмая. Сила золота
Глава восьмая. Планы миллиардера
Глава девятая. Новый поворот событий
Глава десятая. Великая тайна
Глава одиннадцатая. Демонстрация опыта
Глава двенадцатая. Семейная ссора
Глава тринадцатая. Ночное происшествие
Глава четырнадцатая. Зло растёт

Глава пятнадцатая. Последняя тайна Маракотова бездна
I
II
III
IV
V
VI
VII

Аннотация

Крупнейший английский писатель, публицист, доктор медицины и доктор права сэр Артур Конан Дойл известен всему миру как непревзойденный мастер детективного и приключенческого жанров. Многие герои, рожденные его пером, обрели поистине грандиозную известность по всей планете: это и сыщик Шерлок Холмс со своим верным спутником доктором Ватсоном, это и неутомимый герой Наполеоновских войн бригадир Жерар, и английский рыцарь сэр Найджел Лоринг.

В настоящее издание вошли фантастические произведения Дойла: цикл об удивительных приключениях профессора Челленджера, а также романы «Открытие Рафлза Хоу» и «Маракотова бездна», каждый из которых является несомненным шедевром. Тексты сопровождаются оригинальными иллюстрациями американских и английских художников.

Артур Конан Дойл
Маракотова бездна
Романы, рассказы

Arthur Conan Doyle
THE MARACOT DEEP

© В. И. Бернацкая, Е. Б. Туева, перевод, 2006
© Н. А. Волжина (наследники), перевод, 2025
© П. А. Гелева, перевод, статья, комментарии, 2008
© Н. А. Дехтерева (наследник), перевод, 2025
© Е. Б. Туева, перевод, 2008
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Научная фантастика Артура Конан Дойла

Английский писатель Артур Конан Дойл, один из классиков и основателей детективного жанра, прежде всего известен читателям как автор рассказов о приключениях проницательного сыщика Шерлока Холмса, который легко распутывал самые таинственные преступления и загадочные происшествия. Но не одни приключения Шерлока Холмса составляют литературную славу Конан Дойла. Ведь он весьма известен и как автор исторических, фантастических и приключенческих романов, повестей и рассказов, как сочинитель увлекательных историй, в которых сильны элементы загадки, мистики и необъяснимо таинственного.

Но и это ещё не всё. Ничуть не меньше Конан Дойла знают и как автора научно-фантастических романов и повестей, в которых он проявил себя талантливым рассказчиком, мастером динамичного, напряжённого сюжета и популяризатором научных знаний. Врач по специальности (он окончил медицинский факультет Эдинбург-

ского университета), Конан Дойл имел хорошую научную подготовку, путешествовал по Африке и полярным странам, восемь лет занимался медицинской практикой, был врачом полевого госпиталя во время Англо-бурской войны и военным корреспондентом в пору Суданской кампании.

Любопытно, что путь к сердцам читателей Конан Дойл нашёл без помощи издателей, которые вначале неохотно брали его рукописи и, как водится, платили автору гроши. Издатели немало удивлялись, получая от книжных магазинов всё новые и новые заказы на книги Конан Дойла. Годы упорного и терпеливого труда дали достойные плоды, и сегодня издателям и читающей публике пора уже понять, что Конан Дойл — не только мэтр детективного жанра. Считая по формуле «Конан Дойл — (минус) Шерлок Холмс», написанного им хватит на то, чтобы составить несколько добротных писательских репутаций.

В жанре научной фантастики Конан Дойл выступил накануне Первой мировой войны, уже будучи прославленным автором, сложившимся мастером, создателем проницательного Шерлока Холмса, разудалого бригадира Жерара, благородного сэра Найджела Лоринга и кровожадного

капитана Шарки. Им написано уже более десятка исторических и приключенческих романов, ещё более — повестей и сборников рассказов. Но даже для известного писателя подобный дебют был весьма смелым шагом, ведь в это время в литературе научную фантастику представляли такие мастера, как Жюль Верн и Герберт Уэллс, завоевавшие мировое признание. И создатель Шерлока Холмса не пошёл за своими знаменитыми предшественниками, он попробовал сказать в этом жанре *своё* слово, сумел найти свой собственный путь. Хотя писатель обратился к фантастике с некоторым опозданием, но и здесь он сделал немало: десять рассказов, шесть романов и повестей — вот итог его работы в области фантастической литературы.

Конан Дойл и Уэллс — современники, стало быть, в их литературной судьбе есть реперные точки для сравнения. Конан Дойл родился в 1859 году, Уэллс — в 1866 году. Примерно та же дистанция сохранилась между ними и в литературной деятельности: Конан Дойл выступил со своим первым произведением в 1887 году, Уэллс начал литературную карьеру лет через семь-восемь. Первой повестью Конан Дойла был «Этюд в багровых тонах» (о Шерлоке Холмсе),

а через год появился его исторический роман «Майках Кларк», с которого и начинается слава автора. (К слову сказать, этот роман высоко оценили литераторы, современники писателя. Одни только лестные отзывы Оскара Уайльда чего стоят!) Первой книгой Уэллса, прошедшей поначалу незамеченной, был фантастический роман «Машина времени».

Казалось, литературные пути этих двух писателей разошлись, и чем дальше, тем больше расходились. Конан Дойл продолжал живописать приключения Шерлока Холмса. Уэллс, начав с фантастики, на время отошёл от неё, сделался политическим и бытовым писателем и всё-таки опять и опять возвращался к ней, пытаясь в этом жанре решать мучившие его проблемы, тревоги и заботы.

И вот в 1912 году Конан Дойл немало изумил своих читателей и поклонников, выпустив в свет очередную книгу — «Затерянный мир» — в совершенно необычном для него жанре. Так обнаружилась ещё одна сторона таланта уже известного всем автора — его прекрасная способность популяризировать завоевания современной науки, передавать их широким кругам читателей в увлекательном изложении, в напряжённом

сюжетном рассказе, полном движения, борьбы людей между собой и со стихиями природы. С новой силой сказались и опыт талантливого рассказчика, и научная подготовка.

Книга имела шумный успех. Позволим себе пространную цитату, дабы не делать никому не нужного пересказа:

«Кучка допотопных чудовищ и первобытных обезьянолюдей, каким-то чудом сохранившихся до наших дней, — об этом написано очень много фантастических произведений. Но лучшее из них, бесспорно, роман „Затерянный мир“. И дело не только в блестящей фантазии и научной добросовестности автора, а главное — в великолепно выписанных образах героев.

Образ профессора Челленджера, самодовольного и самоуверенного, презрительно относящегося к своим коллегам и в то же время очень крупного учёного, — одна из больших литературных удач Конан Дойла. Достойными его товарищами являются и учёный-педант профессор Саммерли, аристократ и искатель приключений лорд Джон Рокстон, молодой и предприимчивый репортёр Мелоун. Конан Дойл признавался, что прототипом Челленджера был профессор Эдинбургского университета Резерфорд. Прототипы остальных

героев тоже были найдены писателем в окружающей его жизни. И жизненность этих образов делает необыкновенно достоверными и убедительными их приключения в дебрях Южной Америки — достоверными до такой степени, что немало путешественников после выхода в свет этой книги поднимались по Амазонке, чтобы своими глазами взглянуть на таинственный затерянный мир, в реальность которого они поверили, пленённые образами и картинами этого увлекательного романа.

Но чем же эти герои отличаются от героев „классической“ приключенческой литературы — смелых охотников, лихих капитанов, неутомимых путешественников, хитроумных сыщиков? Что роднит между собой так непохожих друг на друга Челленджера, Саммерли, Рокстона, Мелоуна?

Не корысть движет ими, они не ищут дешёвой славы завоевателя, покорителя мирных народов. Им не чужда благородная гордость первооткрывателя, но подвиг они совершают ради науки. И когда, по традиции приключенческого жанра, они находят сокровище — россыпь алмазов, то огромное богатство они не собираются использовать в своих интересах, а готовы отдать его для

пользы той же науки»[1].

За «Затерянным миром» последовали фантастические романы «Открытие Рафлза Хоу», «В ядовитом поясе» (или «Отравленный пояс»), рассказы «Когда Земля вскрикнула», «Дезинтеграционная машина», роман «Земля туманная» (или «Страна туманов») и, наконец, «Маракотова бездна».

Правда, не все научно-фантастические произведения Артура Конан Дойла равноценны по их научной достоверности. Многие из них являются скорее просто фантастическими.

Научная фантастика — термин, которым можно уверенно характеризовать творчество Жюля Верна, неприменим к фантастическим произведениям Конан Дойла. Это лишь разновидность приключенческого жанра, где фантастическое допущение — не более чем литературный приём. Главное в них — те новые герои, которые и в приключенческих произведениях идут на смену старым: учёные-открыватели сменяют искателей приключений классического авантюрного жанра.

Эти тенденции и определяют характер фанта-

[1] Notes: 1

Андреев К. Артур Конан Дойл // Конан Дойл А. Избранные научно-фантастические произведения. М.: Мол. гвардия, 1957.

стики Конан Дойла. У неё нет той научной базы, какая, скажем, типична для творчества Верна, да и по сравнению с Уэллсом научный багаж его менее весом и более ограничен. Однако и у Конан Дойла мы найдём как элемент научного предвидения, так и добросовестность научной обработки сюжета.

Как и Уэллс, он отрицал какое-либо литературное родство с Жюлем Верном, заявляя, что его никогда не интересовало ни осуществление описываемых им изобретений и открытий, ни фундаментальная обоснованность выдвигаемых им фантастических гипотез. Писателя влекла романтика самого жанра, острота сюжетных конфликтов, создание типических характеров в исключительных обстоятельствах, какие открывались ему в развитии его смелых фантастических допущений.

В фантастических романах и рассказах Конан Дойла нет ни смелых технических прогнозов, ни широких картин будущего; в них не затрагиваются жгучие социальные проблемы, которые так волновали и Жюля Верна, и Герберта Уэллса. Оживающие мумии, воздушный велосипед, уносящий труп своего изобретателя; таинственные чудовища, населяющие стратосферу и недра

Земли; ядовитая зона мирового пространства, в которую попадает наша планета; потомки обитателей Атлантиды, живущие на дне океана, — во всём этом очень мало подлинной науки, это не более чем игра ума. Ведь не наука в её фантастическом развитии интересовала писателя. Зоркий наблюдатель, получивший серьёзное научное образование, Конан Дойл не мог не понимать, что в его время романтика описанных им ранее рыцарских подвигов, путешествий и морских приключений уступает место романтике современной науки, открывающей совсем рядом с нами новые, фантастические миры.

Однако, несмотря на то что рассказанное Конан Дойлом в этих произведениях очень далеко от науки, всё это в то же время занимательно, остроумно, интересно. Используя оригинальное, но порой совершенно абсурдное предположение, умело обставленное и подлинным, и псевдонаучным материалом, автор строит увлекательный сюжет — острый, напряжённый, захватывающий читателя и своей необычностью, и мастерски созданным правдоподобием происходящего, сочетанием необычайного, фантастического с самым будничным, обыкновенным. Это искусство неподражаемо умело рассказывать и привлекает

читателя в произведениях Конан Дойла, которым присущи лёгкость изложения, известная доля романтичности и добродушной иронии.

Если в первом научно-фантастическом произведении писателя — романе «Затерянный мир» — фантастичны лишь предпосылки, то есть место и возможность существования в современных условиях давно вымерших на земле животных, то описания самих животных (их внешний вид, повадки и т. п.) и ландшафта далёких геологических эпох строго научны, вполне правдоподобны и соответствуют тому уровню знаний, который был достигнут наукой во времена Конан Дойла. Но в последующих научно-фантастических произведениях Конан Дойл уже не так строго придерживается научной достоверности преподносимого читателю материала и обращается с наукой достаточно вольно. А в некоторых случаях он совершенно отступает от неё, сосредоточивая всё внимание на остром занимательном сюжете.

«Открытие Рафлза Хоу» — второй фантастический роман Конан Дойла. Это лирическая история гениального изобретателя и мечтателя-одиночки. Опять-таки стоит отметить, что осуществление всегдашней мечты алхимиков о

превращении заурядных металлов в золото для Конан Дойла не научная проблема, а только литературный приём, позволяющий увести читателя из скучной обстановки английской провинции в сказочный мир необычайных возможностей, которые современному человеку даёт в руки наука. Но главное в романе, по мысли автора, — моральные проблемы, неотделимые от социальных.

Конан Дойл задаётся вопросом: «А нужно ли огромное богатство одному человеку?» В великолепном доме-музее собраны сокровища всех стран, а хозяин занимает в нём всего только убогую комнатёнку, вся жалкая обстановка которой — это железная кровать, табурет и самый простецкий стол. Рафлз Хоу — благородная натура, а не какой-то ничтожный жлоб, стремящийся лишь к безудержному личному обогащению и власти над миром: учёный сохранил своё открытие в тайне для того, чтобы стать благодетелем мира — помогать бедным, давать пищу голодным и работу тем, кто в ней нуждается. Но наивные мечты героя терпят крушение при первом же столкновении с реальной жизнью: одному человеку, как бы он ни был богат, не изменить социального устройства мира сего. Это-то в конце концов становится ясно и герою романа, и само-

му автору. Так великое открытие гибнет вместе с самим учёным.

Особняком в фантастике Конан Дойла стоит роман «Маракотова бездна», вышедший в 1928 году, за два года до смерти писателя. Это последнее беллетристическое произведение Конан Дойла. В нём наряду с вполне достоверным научным материалом (возможность спуска в глубины океана в особом аппарате — что было впервые осуществлено уже в 1930 году, — некоторые картины жизни подводного мира и другое) содержится много такого, что является только плодом богатой фантазии автора. Используя легенду об Атлантиде — материке, затонувшем в древние времена, Конан Дойл заселяет глубины океана потомками атлантов. Такая фантазия ничем не обоснована, но она даёт писателю возможность развернуть ряд необычайных приключений, переживаемых героями, попавшими в сказочный подводный город атлантов.

Здесь как будто бы всё ненаучно, на что не раз и указывали педанты: и пребывание человека на дне океана в условиях сверхвысоких давлений, и подводное государство древних атлантов, переживших геологическую катастрофу, и способы возвращения героев романа из подводного

царства на поверхность Атлантики. Правда, критикам, отказывающим роману в научной достоверности, можно было бы возразить, что вопрос о существовании Атлантиды дебатируется не только в фантастике и что сама по себе легенда об Атлантиде до сих пор привлекает внимание мыслителей, исследователей и путешественников. Ведь и поныне наука официально не опровергла легенду о жизни и гибели Атлантиды, рассказанную Платоном в его диалогах «Тимей» и «Критий». В конце концов, нашёл же Шлиман Трою, только идя по следам Гомера, так почему бы не найти и Атлантиду, ориентируясь на Платона? Мировая археология по-прежнему не единодушна в этом вопросе.

Стиль Конан Дойла внешне спокоен, деловит, рассказ изобилует обыденными подробностями, и в то же время сюжет полон напряжения, действие развивается стремительно. Строгая научность порою причудливо переплетается с безудержной, необоснованной фантастикой. Зачем, например, автору понадобилось отвергнуть научно установленный и давно проверенный факт всё возрастающего с глубиной давления воды? Да потому, что без этого были бы невозможны увлекательные приключения героев на дне океа-

на. Обосновано ли существование на дне океана сказочного племени атлантов? Очень слабо, даже в смысле хотя бы минимальной «наукообразной» правдоподобности. Но если Уэллс в рассказе «На дне океана» допустил существование подводных двуногих, дышащих жабрами, — чудовищных карикатур на людей, — то Конан Дойл хотя столь же малообоснованно, но гораздо более красиво, увлекательно и романтично использовал древнюю легенду о затонувшей Атлантиде и народе атлантов.

Рядом с этими двумя основными научными неточностями не стоит отмечать несколько других, более мелких. Все они, вместе взятые, не могут лишить этот роман интереса, которого он заслуживает в глазах каждого любителя научно-фантастического жанра.

В романе «Маракотова бездна» лучше всего проявились характерные черты творчества Конан Дойла в области научной фантастики. Тут и предвосхищение будущей батисферы Биба, в которой лишь в 1930 году люди впервые опустились в недоступные до тех пор глубины океана, и удачные попытки нарисовать картину глубоководной морской жизни, её флоры и фауны, и нескрываемое восхищение беззаветной отвагой

и мужеством учёного, увлечённого бескорыстной страстью к науке, к познанию природы. Роман писался задолго до того, как современные батискафы покорили атлантические глубины, а первое глубоководное погружение, как мы уже сказали, было совершено уже после смерти писателя. Но страницы романа, посвящённые погружению Маракота и его спутников в стальной кабине, а также описания увиденной из этой кабины подводной фауны можно смело сравнить с репортажем Дюма и Кусто в их книге «В мире безмолвия», написанной на основе личного опыта аквалангистов-подводников.

До сих пор речь у нас шла о том, что научно и что ненаучно в фантастике Конан Дойла, но, пожалуй, стоит ещё сказать особо о её художественных качествах — о сильных, жизнелюбивых, житейски достоверных характерах, о романтической приподнятости повествования и остроте сюжетных ситуаций. И здесь, наверное, следует отметить, что современник Уэллса, Конан Дойл, уступая во многом своему соратнику на поприще научной фантастики, превзошёл его в одном. Уэллс не создал положительного героя: его гении-одиночки жестоки, себялюбивы и равнодушны к людям. Герои Конан Дойла — му-

жественные учёные доктор Маракот и профессор Челленджер, целиком отдавшиеся науке и ради неё, ради познания тайн природы идущие на любой риск, а также их бесстрашные спутники, делящие с ними все опасности и лишения во время необычайных путешествий и научных экспериментов, несомненно, вызывают симпатии читателя. Герои Конан Дойла обаятельны, человечны, бескорыстны, смело смотрят в будущее. Даже когда они предполагают, что человечество погибло («В ядовитом поясе»), они думают о дальнейшем развитии жизни, о новой эволюции. «Люди такого закала, — говорит профессор Челленджер, — составляют когорту покорителей природы и хранителей истины!»

Таковы герои Конан Дойла, а что же сам автор? О, он вполне мог бы сказать о себе словами одного из своих персонажей: «Моему разностороннему характеру не чужда тяга ко всему причудливому и фантастическому». Писателя всегда привлекали не только малоизвестные, но и загадочные, порой сверхъестественные явления и способности человека. Неудивительно поэтому, что чуть ли не пятьдесят лет Конан Дойл посвятил изучению спиритизма — самого поразительного явления жизни — и многого в нём достиг. Увлече-

ние Конан Дойла спиритизмом и оккультными науками занимает немалое место в его биографии. Правда, в ту эпоху многие крупные учёные интересовались спиритизмом и изучали его, но у Конан Дойла это увлечение было очень глубоким и длительным и отразилось на всём творчестве писателя во второй половине его жизни. Судить об этом читатель волен сегодня сам по книгам, статьям и письмам, которые мы уже издали на русском языке ранее[2]. Загадка жизни и смерти, недоступные банально-рациональному восприятию тайны жизни и сознания — эти проблемы глубоко волновали Конан Дойла, как сегодня они волнуют и нас.

Курьёзно, что советские критики нередко называли романы (или, по крайней мере, повести) Конан Дойла «рассказами». Причина, по-видимому, кроется в том, что русскому читателю эти произведения были известны лишь в куцем, урезанном виде. К тому же качество переводов (за исключением перевода «Затерянного мира», выполненного Н. Волжиной) оказывалось весьма

[2] Notes: 2

Конан Дойл А. Уроки жизни. М.: Аграф, 2002.
Конан Дойл А. Онтологический детектив. М.: Столица, 2010.
Конан Дойл А. Загадка жизни и смерти. Размышления АКД о религии, спиритизме и бессмертии. М.: Айрис Пресс, 2004.
Конан Дойл А. Записки о спиритизме. М.: Наташа, 1995, и др.

скверным, что, по сути дела, дискредитировало автора в глазах русского читателя, обладающего литературным вкусом.

Пару слов, быть может, стоит сказать о литературной судьбе Конан Дойла в России. Литературные критики и мэтры соцреализма его не любили. В чём причина?

Конан Дойл, в отличие от Уэллса, Бернарда Шоу, Роллана, Андре Жида и других западных писателей, никогда не строил себе иллюзий насчёт того, что творилось в Советской России. И этого ему здесь простить никак не могли. Творчество его замалчивалось, произведения третировались как незначительные и ничтожные. И всё это, невзирая на симпатии и любовь русских читателей. Чего только, например, стоит такой пассаж Корнея Чуковского в предисловии к подготовленному им сборнику «Записки о Шерлоке Холмсе»:

«Вообще, далеко не все произведения Конан Дойла могут вызвать сочувствие советских читателей. Поэтому из его рассказов о Шерлоке Холмсе мы даём в этой книге лишь те, что вошли в золотой фонд мировой литературы для детей».

Ну что можно на это сказать? «Большое спасибо за заботу, Корней Иванович!» Разумеется, писатель, когда он работает над книгой, не

ставит перед собой такой задачи, чтобы его произведение непременно вошло в «золотой фонд литературы для детей», и уж тем более его не огорчит нелестная оценка произведения со стороны тех взрослых читателей, чьи вкусы и умственные запросы не превышают детского уровня развития.

«Следует, однако, помнить, что автор „Маракотовой бездны“ был убеждённым сторонником современного ему буржуазного общества и творчество этого писателя далеко от решения острых социальных проблем». Это типичная фраза среди того, что было написано по поводу Конан Дойла рецензентами, заслуживающими анонимности и забвения. Их стараниями «Маракотова бездна» ни разу не издавалась по-русски в своём настоящем виде. Её последние главы цензоры, «верные делу Ленина и партии», *сочли не заслуживающими внимания советского читателя*. Переведя их, мы наконец издаём роман целиком и исправляем это досадное для русского читателя упущение.

Сэр Артур Конан Дойл — титул, которым он гордился потому, что получил это рыцарское звание за литературные заслуги, — умер в 1930 году на семьдесят первом году жизни, оставив в наследство читателям семьдесят томов своих книг.

Лучшие из них (а их не один десяток) дороги нам и сейчас и долго ещё будут радовать и волновать читателей всех возрастов во всех странах мира. Ценность научно-фантастических произведений Конан Дойла неоспорима.

Роман «Земля туманная» завершает цикл произведений о приключениях профессора Челленджера и его друзей. Для Конан Дойла «Земля туманная» была не столько романом, сколько изложением его собственных парапсихологических опытов и опытов других. «Слава богу, — писал он своему издателю Гринхоу Смиту 22 февраля 1925 года, — эта книга закончена. Она была для меня так важна, что я боялся, что могу умереть прежде, чем она будет написана».

«Земля туманная», или «Страна туманов», с полным правом может считаться заключительным аккордом в творчестве великолепного английского беллетриста. В этом романе автору счастливым образом удалось совместить богатство своего литературного дарования с глубиной и красотой выстраданного им в течение жизни мировоззрения. Мировоззрением Конан Дойла — сегодня об этом можно говорить с желанной прямотой — был спиритизм — философия, дающая новый и оригинальный взгляд на человека, его природу и его задачи в жизни. В стране «коммунистических идеалов» спиритизм был темой запретной, и русский читатель никак не мог познакомиться с важнейшим произведением английского классика. Теперь мы восполняем этот досадный пробел.

2016 г.
Павел Гелева́

Приключения профессора Челленджера

Затерянный мир

Вот бесхитростный рассказ, И пусть он позабавит вас – Вас, юношей и ветеранов, Кому стареть пока что рано.

Глава первая
Человек – сам творец своей славы

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убеждён, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости

серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуется немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом. — Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим ответом, вскочил с кресла, отчитал меня за моё всегдашнее легкомыслие, лишающее его возможности обсуждать со мной серьёзные вопросы, и выбежал из комнаты переодеваться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и её гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести её за преде-

лы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортёров «Дейли газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность, насторожённость — наследие тех суровых времён, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый, не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Несмотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далёких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали её холодной и чёрствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — всё это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать её любовь. Но будь что будет — доволь-

но неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от неё ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного братца!

Вот какие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд тёмных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть всё будет по-старому — так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе:

— Почему вы догадались? — Удивление моё было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринуждённо говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чём дело… столь же непринуждённо я мог бы беседовать… ну, скажем, с начальником железнодорожной станции. — Сам не понимаю, откуда он

взялся, этот начальник, но факт остаётся фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих. — Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу…

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы всё испортили! — сказала она. — Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит это! Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый это придумал! — взмолился я. — Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, всё бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы, с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить…

— Тогда надо ждать, когда любовь придёт сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Всё гораздо серьёзнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте всё обсудим. Ну не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне её сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит всё это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черёд вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своём идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на моё изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек ещё не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на всё, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила её.

— Прежде всего, вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твёрдая, суровая и не захочет с такой готовностью приспосабливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное, он — человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что отсвет её падёт и на меня. Вспомните Ричарда Бёртона[3]. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из её книги о муже? Вот перед какими

---

[3] Notes: 3

Ричард Бёртон (1821–1890) — английский путешественник, совершивший ряд экспедиций в Аравию, Африку и Южную Америку и описавший их в своих книгах. Ему принадлежит открытие озера Танганьика в Африке.

мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенный тон нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бёртонами и Стенли[4], — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилось, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идёт навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я ещё не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но

---

[4] Notes: 4

Генри Стенли (1841–1904) — известный американский путешественник, отыскавший пропавшую без вести экспедицию Давида Ливингстона (1813–1873) — выдающегося английского исследователя Африки. Некоторые из книг Стенли, как и книг Ливингстона, переведены на русский язык.

подъём был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверное, она возбуждает зависть у других! Пусть мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало в вас требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задыхались от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала. — Она с интересом посмотрела на меня. — Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на

нет всю романтику. Но всё равно я очень рада, что вы спускались в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутую мне руку — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я. — Кому же и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий случай, и тогда посмотрим, сумею ли я воспользоваться им. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придёт ему в руки. Да вот хотя бы Клайв![5] Скромный клерк, а покорил Индию! Нет, клянусь вам, я ещё покажу миру, на что я способен!

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого всё —

---

[5] Notes: 5

Роберт Клайв (1725–1774) — один из английских колонизаторов в Индии в период её завоевания Англией. Был генерал-губернатором Бенгалии. Начал свою деятельность писцом Ост-Индской компании.

молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я…

Её рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию. У меня просто не хватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим наш сегодняшний разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твёрдо решив не упускать ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему!

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без неё не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевлённый мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пустить-

ся наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!

Представьте же себе, как я, пятая спица в колеснице «Дейли газетт», провёл этот вечер в редакции, когда в голове моей созрело непоколебимое решение: если удастся, сегодня же найти возможность совершить подвиг, который будет достоин моей Глэдис. Что руководило этой девушкой, заставившей меня рисковать жизнью ради её прославления, — бессердечие, эгоизм? Такие мысли могут смущать в зрелом возрасте, но никак не в двадцать три года, когда человек познаёт пыл первой любви.

Глава вторая
Попытайте счастья у профессора Челленджера!

Я всегда любил нашего редактора отдела «Последние новости», рыжего ворчуна Макардла, и полагаю, что он тоже неплохо ко мне относился. Нашим настоящим властелином был, разумеется, Бомонт, но он обычно обитал в разрежённой атмосфере олимпийских высот, откуда взору его открывались только такие события,

как международные кризисы или крах кабинета министров. Иногда мы видели, как он величественно шествует в своё святилище, устремив взгляд в пространство и витая мысленно где-нибудь на Балканах или в Персидском заливе. Для нас Бомонт оставался недосягаемым, и мы обычно имели дело с Макардлом, который был его правой рукой.

Когда я вошёл в редакцию, старик кивнул мне и сдвинул очки на лысину.

— Ну-с, мистер Мелоун, судя по тому, что мне приходится слышать, вы делаете успехи, — приветливо сказал он.

Я поблагодарил его.

— Ваш очерк о взрыве на шахте превосходен. То же самое могу сказать и про корреспонденцию о пожаре в Саутуорке. У вас все данные хорошего журналиста. Вы пришли по какому-нибудь делу?

— Хочу попросить вас об одном одолжении.

Глаза у Макардла испуганно забегали по сторонам.

— Гм! Гм! А в чём дело?

— Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю всё, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

— А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мелоун?

— Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу газету, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

— Вы, кажется, не прочь распроститься с жизнью?

— Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

— Дорогой мой мистер Мелоун, вы уж слишком… слишком воспарили. Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов перестали оправдывать себя. И во всяком случае такие поручения даются человеку с именем, который уже завоевал доверие публики. Белые пятна на карте давно заполнены, а вы ни с того ни с сего размечтались о романтических приключениях! Впрочем, постойте, — добавил он и вдруг улыбнулся. — Кстати, о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхаузена, и поднимем его на смех? Отчего бы вам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?

— Что угодно, куда угодно — я готов на всё!

Макардл погрузился в размышления.

— Есть один человек, — сказал он наконец, —

только не знаю, удастся ли вам завязать с ним знакомство или хотя бы добиться интервью. Впрочем, у вас, кажется, есть дар располагать к себе людей. Не пойму, в чём тут дело — то ли вы такой уж симпатичный юноша, то ли это животный магнетизм, то ли ваша жизнерадостность, — но я сам на себе это испытал.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Так вот, почему бы вам не попытать счастья у профессора Челленджера? Он живёт в Энмор-Гарденс.

Должен признаться, что я был несколько озадачен таким предложением.

— Челленджер? Знаменитый зоолог профессор Челленджер? Это не тот, который проломил череп Бланделлу из «Телеграфа»?

Редактор отдела «Последние новости» мрачно усмехнулся:

— Что, не нравится? Вы же были готовы на любое приключение!

— Нет, почему же? В нашем деле бывает всякое, сэр, — ответил я.

— Совершенно верно. Впрочем, не думаю, чтобы он всегда бывал в таком свирепом настроении. Бланделл, очевидно, не вовремя к нему попал или не так с ним обошёлся. Надеюсь, что вы будете

удачливее. Полагаюсь также на присущий вам такт. Это как раз по вашей части, а газета охотно поместит такой материал.

— Я ровным счётом ничего не знаю об этом Челленджере. Помню только его имя в связи с судебным процессом об избиении Бланделла, — сказал я.

— Кое-какие сведения у меня найдутся, мистер Мелоун. В своё время я интересовался этим субъектом. — Он вынул из ящика лист бумаги. — Вот вкратце, что о нём известно: «Челленджер Джордж Эдуард. Родился в Ларгсе в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году. Образование: школа в Ларгсе, Эдинбургский университет. В тысяча восемьсот девяносто втором году — ассистент Британского музея. В тысяча восемьсот девяносто третьем году — помощник хранителя отдела в Музее сравнительной антропологии. В том же году покинул это место, обменявшись ядовитыми письмами с директором музея. Удостоен медали за научные исследования в области зоологии. Член иностранных обществ…» Ну, тут следует длиннейшее перечисление, строк на десять петита: Бельгийское общество, Американская академия, Ла-Плата и так далее, экс-президент Палеонтологического общества, Британская ас-

социация и тому подобное. Печатные труды: «К вопросу о строении черепа калмыков», «Очерки эволюции позвоночных» и множество статей, в том числе «Ложная теория Вейсмана», вызвавшая горячие споры на Венском зоологическом конгрессе. Любимые развлечения: пешеходные прогулки, альпинизм. Адрес: Энмор-Гарденс, Кенсингтон. Вот, возьмите это с собой. Сегодня я вам больше ничем не могу помочь.

Я спрятал листок в карман и, увидев, что вместо краснощёкой физиономии Макардла на меня смотрит его розовая лысина, сказал:

— Одну минутку, сэр. Мне не совсем ясно, по какому вопросу нужно взять интервью у этого джентльмена. Что он такое совершил?

Глазам моим снова предстала краснощёкая физиономия.

— Что он совершил? Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал, несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал было весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать, более чем вероятно. Ссылается на испорченные фотографии — как утверждают, фальсифицированные. До того его довели, что он стал буквально кидаться на всех, кто обращается к нему с вопросами, и уже не одного репортёра спустил с лестницы. На мой взгляд, это просто-напросто профан, балующийся наукой и к тому же одержимый манией человекоубийства. Вот с кем вам придётся иметь дело, мистер Мелоун.

А теперь марш отсюда и постарайтесь выжать из него всё, что можно. Вы человек взрослый и сумеете постоять за себя. В конце концов, риск не так уж велик, принимая во внимание закон об ответственности работодателей.

Ухмыляющаяся красная физиономия снова скрылась у меня из глаз, и я увидел розовый овал, окаймлённый рыжеватым пушком. Наша беседа была закончена.

Я отправился в свой клуб «Дикарь», но по дороге остановился у парапета Адельфи-Террас и в раздумье долго смотрел вниз на тёмную, подёрнутую радужными масляными разводами реку. На свежем воздухе мне всегда приходят в голову здравые, ясные мысли. Я вынул лист бумаги с перечнем всех подвигов профессора Челленджера и пробежал его при свете уличного фонаря. И тут на меня сошло вдохновение, иначе это никак не назовёшь. Судя по всему, что я уже узнал об этом сварливом профессоре, было ясно: репортёру к нему не пробраться. Но скандалы, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, говорили о том, что он фанатик науки. Так вот, нельзя ли сыграть на этой его слабости? Попробуем!

Я вошёл в клуб. Было начало двенадцатого, и в гостиной уже толпился народ, хотя до полного

сбора было ещё далеко. В кресле у камина сидел какой-то высокий, худой человек. Он повернулся ко мне лицом в ту минуту, когда я пододвинул своё кресло ближе к огню. О такой встрече я мог только мечтать! Это был сотрудник журнала «Природа» — тощий, весь высохший Тарп Генри, добрейшее существо в мире. Я немедленно приступил к делу:

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— О Челленджере? — Тарп недовольно нахмурился. — Челленджер — это тот самый человек, который рассказывал всякие небылицы о своей поездке в Южную Америку.

— Какие небылицы?

— Да он будто бы открыл там каких-то диковинных животных. В общем, невероятная чушь. В дальнейшем его, кажется, заставили отречься от своих слов. Во всяком случае, он замолчал. Последняя его попытка — интервью, данное Рейтер. Но оно вызвало такую бурю, что он сразу понял: дело плохо. Вся эта история носит скандальный характер. Кое-кто принял его рассказы всерьёз, но вскоре он и этих немногочисленных защитников оттолкнул от себя.

— Каким образом?

— Своей невероятной грубостью и возмутитель-

ным поведением. Бедняга Уэдли из Зоологического института тоже нарвался на неприятность. Послал ему письмо такого содержания: «Президент Зоологического института выражает своё уважение профессору Челленджеру и сочтёт за любезность с его стороны, если он окажет институту честь присутствовать на его очередном заседании». Ответ был совершенно нецензурный.

— Да не может быть!

— В сильно смягчённом виде он звучит так: «Профессор Челленджер выражает своё уважение президенту Зоологического института и сочтёт за любезность с его стороны, если он провалится ко всем чертям».

— Господи боже!

— Да, то же самое, должно быть, сказал и старик Уэдли. Я помню его вопль на заседании: «За пятьдесят лет общения с деятелями науки…» Старик совершенно потерял почву под ногами.

— Ну а что ещё вы мне расскажете об этом Челленджере?

— Да ведь я, как вам известно, бактериолог. Живу в мире, который виден в микроскоп, дающий увеличение в девятьсот раз, а то, что открывается невооружённому глазу, меня мало интересует. Я

стою на страже у самых пределов Познаваемого, и когда мне приходится покидать свой кабинет и сталкиваться с людьми, существами неуклюжими и грубыми, это всегда выводит меня из равновесия. Я человек сторонний, мне не до сплетен, но тем не менее кое-что из пересудов о Челленджере дошло и до меня, ибо он не из тех людей, от которых можно просто-напросто отмахнуться. Челленджер — умница. Это сгусток человеческой силы и жизнеспособности, но в то же время он оголтелый фанатик и к тому же не стесняется в средствах для достижения своих целей. Этот человек дошёл до того, что ссылается на какие-то фотографии, явно фальсифицированные, утверждая, будто они привезены из Южной Америки.

— Вы назвали его фанатиком. В чём же его фанатизм проявляется?

— Да в чём угодно! Последняя его выходка — нападки на теорию эволюции Вейсмана. Говорят, что в Вене он устроил грандиозный скандал по этому поводу.

— Вы не можете рассказать подробнее, в чём тут дело?

— Нет, сейчас не могу, но у нас в редакции есть переводы протоколов Венского конгресса.

Если хотите ознакомиться, пойдёмте, я покажу их вам.

— Это было бы очень кстати. Мне поручено взять интервью у этого субъекта, так вот — надо подобрать к нему какой-то ключ. Большое вам спасибо за помощь. Если ещё не поздно, то пойдёмте.

Полчаса спустя я сидел в редакции журнала, а передо мной лежал объёмистый том, открытый на статье «Вейсман против Дарвина» с подзаголовком «Бурные протесты в Вене. Оживлённые прения». Мои научные познания не отличаются фундаментальностью, поэтому я не мог вникнуть в самую суть спора, тем не менее мне сразу стало ясно, что английский профессор вёл его в крайне резкой форме, чем сильно разгневал своих континентальных коллег. Я обратил внимание на первые же три пометки в скобках: «Протестующие возгласы с мест», «Шум в зале», «Общее возмущение». Остальная часть отчёта была для меня настоящей китайской грамотой. Я до такой степени мало разбирался в вопросах зоологии, что ничего не понял.

— Вы хоть бы перевели мне это на человеческий язык! — жалобно взмолился я, обращаясь к своему коллеге.

— Да это и есть перевод!

— Тогда я лучше обращусь к оригиналу.

— Действительно, непосвящённому трудно понять, в чём тут дело.

— Мне бы только извлечь из всей этой абракадабры одну-единственную осмысленную фразу, которая заключала бы в себе какое-то определённое содержание! Ага, вот эта, кажется, подойдёт. Я даже почти понимаю её. Сейчас перепишем. Пусть она послужит связующим звеном между мной и вашим грозным профессором.

— Больше от меня ничего не потребуется?

— Нет-нет, подождите! Я хочу обратиться к нему с письмом. Если вы разрешите написать его здесь и воспользоваться вашим адресом, это придаст более внушительный тон моему посланию.

— Тогда этот субъект немедленно нагрянет сюда со скандалом и переломает нам всю мебель.

— Нет, что вы! Письмо я вам покажу. Уверяю вас, там не будет ничего оскорбительного.

— Ну что ж, садитесь за мой стол. Бумагу найдёте вот здесь. И прежде чем отсылать письмо, дайте его мне на цензуру.

Мне пришлось порядочно потрудиться, но в конце концов результаты получились неплохие. Гордый своим произведением, я прочёл его вслух

скептически настроенному бактериологу:

— *«Глубокоуважаемый профессор Челленджер! Будучи скромным естествоиспытателем, я с глубочайшим интересом следил за теми предположениями, которые Вы высказывали по поводу противоречий между теориями Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представилась возможность освежить в памяти Ваше…»*

— Бессовестный лгун! — пробормотал Тарп Генри.

— *«…Ваше блестящее выступление на Венском конгрессе. Этот предельно чёткий по изложенным в нём мыслям доклад следует считать последним словом науки в области естествознания. Однако там есть одно место, а именно: „Я категорически возражаю против неприемлемого и сверхдогматического утверждения, будто каждый обособленный индивид есть микрокосм, обладающий исторически сложившимся строением организма, вырабатывавшимся постепенно в течение многих поколений“. Не считаете ли Вы нужным, в связи с последними изысканиями в этой области, внести некоторые поправки в свою точку зрения? Нет ли в ней некоторой натяжки? Не откажите в любезности принять меня, так как мне крайне важно разрешить этот*

вопрос, а некоторые возникшие у меня мысли можно развить только в личной беседе. С Вашего позволения, я буду иметь честь посетить Вас послезавтра (в среду) в одиннадцать часов утра. Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой, уважающий Вас Эдуард Д. Мелоун».

— Ну как? — торжествующе спросил я.

— Что ж, если ваша совесть не протестует…

— Она меня никогда не подводила.

— Но что вы собираетесь делать дальше?

— Пойду к нему. Мне бы только пробраться в его кабинет, а там я соображу, как надо действовать. Может быть, даже придётся чистосердечно во всём покаяться. Если в нём есть спортивная жилка, я ему только угожу этим.

— Угодите? Берегитесь, как бы он в вас сам не угодил чем-нибудь тяжёлым. Советую вам облачиться в кольчугу или в американский футбольный костюм. Ну, всего хорошего. Ответ будет ждать вас здесь в среду утром, если только он соблаговолит ответить. Это свирепый, опасный субъект, предмет всеобщей неприязни и посмешище для студентов, поскольку они не боятся дразнить его. Для вас, пожалуй, было бы лучше, если б вы никогда и не слыхали о нём.

Глава третья
Это совершенно невозможный человек!

Опасениям или надеждам моего друга не суждено было оправдаться. Когда я зашёл к нему в среду, меня ждало письмо с кенсингтонским штемпелем. Адрес был нацарапан почерком, похожим на колючую проволоку. Содержание письма было следующее:

Энмор-Гарденс. Кенсингтон.

Сэр!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы заверяете меня, что поддерживаете мою точку зрения, каковая, впрочем, не нуждается ни в чьей поддержке. Говоря о моей теории по поводу дарвинизма, Вы взяли на себя смелость употребить слово «предположения». Считаю необходимым отметить, что в данном контексте оно является до некоторой степени оскорбительным. Впрочем, содержание Вашего письма убеждает меня, что Вас можно обвинить скорее в невежестве и

бестактности, чем в каких-либо дурных намерениях, а посему это пройдёт Вам безнаказанным. Вы цитируете выхваченную из моего доклада фразу и, видимо, не совсем понимаете её. Мне казалось, что смысл этой фразы может остаться неясным только для существа, стоящего на самой низшей ступени развития, но если она действительно требует дополнительного толкования, то я согласен принять Вас в указанное Вами время, хотя всякие посещения и всякие посетители мне крайне неприятны. Что же касается «некоторых поправок» к моей теории, то да будет Вам известно, что, высказав по зрелом рассуждении свои взгляды, я не имею привычки менять их. Когда Вы придёте, будьте любезны показать конверт от этого письма моему лакею Остину, ибо ему вменяется в обязанность ограждать меня от навязчивых негодяев, именующих себя репортёрами.

Уважающий Вас Джордж Эдуард Челленджер.

Таков был полученный мною ответ, и я про-

читал его вслух Тарпу Генри, который нарочно пришёл пораньше в редакцию, дабы узнать результаты моей смелой попытки. Тарп ограничился лишь следующим замечанием:

— Говорят, есть какое-то кровоостанавливающее средство — кутикура или что-то в этом роде, действует лучше арники.

Странным и непонятным чувством юмора наделены некоторые люди!

Я получил письмо в половине одиннадцатого, но кеб без опозданий доставил меня к месту моего назначения. Дом, у которого мы остановились, был весьма внушительного вида, с большим порталом и тяжёлыми шторами на окнах, что свидетельствовало о благосостоянии этого грозного профессора. Дверь мне открыл смуглый, сухонький человек неопределённого возраста, в чёрной матросской куртке и коричневых кожаных гетрах. Впоследствии я узнал, что это был шофёр, которому приходилось выполнять самые разнообразные обязанности, так как лакеи в этом доме не уживались. Его светло-голубые глаза испытующе оглядели меня с головы до ног.

— Вас ожидают? — спросил он.

— Да, мне назначено.

— Письмо при вас?

Я показал конверт.

— Правильно.

Этот человек явно не любил тратить слов попусту. Я последовал за ним по коридору, как вдруг навстречу мне из дверей, ведущих, должно быть, в столовую, быстро вышла женщина. Живая, черноглазая, она походила скорее на француженку, чем на англичанку.

— Одну минутку, — сказала эта леди. — Подождите, Остин. Пройдите сюда, сэр. Разрешите вас спросить, вы встречались раньше с моим мужем?

— Нет, сударыня, не имел чести.

— Тогда я заранее приношу вам свои извинения. Должна вас предупредить, что это совершенно невозможный человек, в полном смысле слова невозможный! Зная это, вы будете снисходительнее к нему.

— Я ценю такое внимание, сударыня.

— Как только вы заметите, что он начинает выходить из себя, сейчас же бегите вон из комнаты. Не перечьте ему. За такую неосторожность уже многие поплатились. А потом дело получает огласку, и это очень плохо отражается и на мне, и на всех нас. О чём вы собираетесь говорить с ним — не о Южной Америке?

Я не могу лгать женщинам.

— Боже мой! Это самая опасная тема. Вы не поверите ни единому его слову, и, по правде сказать, это вполне естественно. Только не выражайте своего недоверия вслух, а то он начнёт буйствовать. Притворитесь, что верите ему, тогда, может быть, всё сойдёт благополучно. Не забывайте, он убеждён в собственной правоте. В этом вы можете не сомневаться. Он сама честность. Теперь идите — как бы ему не показалась подозрительной такая задержка, — а когда увидите, что он становится опасен, по-настоящему опасен, позвоните в колокольчик и постарайтесь сдержать его до моего прихода. Я обычно справляюсь с ним даже в самые тяжёлые минуты.

С этим ободряющим напутствием леди передала меня на попечение молчаливого Остина, который во время нашей краткой беседы стоял словно вылитая из бронзы статуя, олицетворяющая величайшую скромность. Он повёл меня дальше. Стук в дверь, ответный рёв разъярённого быка изнутри, и я оказался лицом к лицу с профессором.

Он сидел на вращающемся стуле за широким столом, заваленным книгами, картами, чертежами. Как только я переступил порог, вращающийся

стул круто повернулся. У меня перехватило дыхание при виде этого человека. Я был готов встретить не совсем обычную личность, но такое мне даже не мерещилось. Больше всего поражали его размеры. Размеры и величественная осанка. Такой огромной головы мне в жизни не приходилось видеть. Если б я осмелился примерить его цилиндр, то, наверное, ушёл бы в него по самые плечи. Лицо и борода профессора невольно вызывали в уме представление об ассирийских быках. Лицо большое, мясистое, борода квадратная, иссиня-чёрная, волной спадающая на грудь. Необычное впечатление производили и волосы — длинная прядь, словно приклеенная, лежала на его высоком, крутом лбу. У него были ясные серо-голубые глаза под мохнатыми чёрными бровями, и он взглянул на меня критически и весьма властно. Я увидел широчайшие плечи, могучую грудь колесом и две огромные руки, густо заросшие длинными чёрными волосами. Если прибавить ко всему этому раскатисто-рыкающий, громоподобный голос, то вы поймёте, каково было моё первое впечатление от встречи со знаменитым профессором Челленджером.

— Ну? — сказал он, с вызывающим видом уставившись на меня. — Что вам угодно?

Мне стало ясно, что если я сразу во всём признаюсь, то интервью не состоится.

— Вы были настолько добры, сэр, что согласились принять меня, — смиренно начал я, протягивая ему конверт.

Он вынул из ящика стола моё письмо и положил его перед собой.

— Ах, вы тот самый молодой человек, который не понимает азбучных истин? Однако, насколько я могу судить, мои общие выводы удостоились вашей похвалы?

— Безусловно, сэр, безусловно! — Я постарался вложить в эти слова всю силу убеждения.

— Скажите пожалуйста! Как это подкрепляет мои позиции! Ваш возраст и ваша внешность делают такую поддержку вдвойне ценной. Ну что ж, лучше уж иметь дело с вами, чем со стадом свиней, которые набросились на меня в Вене, хотя их визг не более оскорбителен, чем хрюканье английского борова. — И он яростно сверкнул на меня глазами, сразу сделавшись похожим на представителя вышеупомянутого племени.

— Они, кажется, вели себя возмутительно, — сказал я.

— Ваше сочувствие неуместно! Смею вас уверить, что я сам могу справиться со своими

врагами. Приприте Джорджа Эдуарда Челленджера спиной к стене, сэр, и большей радости вы ему не доставите. Так вот, сэр, давайте сделаем всё возможное, чтобы сократить ваш визит. Вас он вряд ли осчастливит, а меня и подавно. Насколько я понимаю, вы хотели высказать какие-то свои соображения по поводу тех тезисов, которые я выдвинул в докладе.

В его манере разговаривать была такая бесцеремонная прямолинейность, что хитрить с ним оказалось нелегко. Всё-таки я решил затянуть эту игру в расчёте на то, что мне представится возможность сделать лучший ход. На расстоянии всё складывалось так просто! О моя ирландская находчивость, неужели ты не поможешь мне сейчас, когда я больше всего в тебе нуждаюсь? Пронзительный взгляд стальных глаз лишал меня сил.

— Ну-с, не заставляйте себя ждать! — прогремел профессор.

— Я, разумеется, только начинаю приобщаться к науке, — сказал я с глупейшей улыбкой, — и не претендую на большее, чем звание скромного исследователя. Тем не менее мне кажется, что в этом вопросе вы проявили излишнюю строгость к Вейсману. Разве полученные с тех пор доказа-

тельства не… не укрепляют его позиции?

— Какие доказательства? — Он проговорил это с угрожающим спокойствием.

— Мне, разумеется, известно, что прямых доказательств пока ещё нет. Я ссылаюсь, если можно так выразиться, на общий ход современной научной мысли.

Профессор наклонился над столом, устремив на меня сосредоточенный взгляд.

— Вам должно быть известно, — сказал он, загибая по очереди пальцы на левой руке, — что, во-первых, черепной указатель есть фактор постоянный.

— Безусловно! — ответил я.

— И что телегония[6] пока еще sub judice?[7]

— Несомненно!

— И что зародышевая плазма отличается от партеногенетического яйца?[8]

— Ну ещё бы! — воскликнул я, восхищаясь соб-

---

[6] Notes: 6

Телегония — одна из теорий в учении о наследственности, согласно которой дети могут быть предельно схожи со своими далёкими предками по мужской линии.

[7] Notes: 7

Под сомнением *(лат.)*.

[8] Notes: 8

Партеногенез — размножение, при котором женские половые клетки развиваются без оплодотворения.

ственной наглостью.

— А что это доказывает? — спросил он мягким, вкрадчивым голосом.

— И в самом деле, — промямлил я, — что же это доказывает?

— Сказать вам? — всё так же вкрадчиво проговорил профессор.

— Будьте так любезны.

— Это доказывает, — с неожиданной яростью взревел он, — что второго такого шарлатана не найдётся во всём Лондоне! Вы гнусный, наглый репортёришка, который имеет столь же отдалённое понятие о науке, сколь и о минимуме человеческой порядочности!

Он вскочил со стула. Глаза его горели сумасшедшей злобой. И всё же даже в эту напряжённую минуту я не мог не изумиться, увидев, что профессор Челленджер маленького роста. Он был мне по плечо — этакий приплюснутый Геркулес, вся огромная жизненная мощь которого словно ушла вширь, вглубь да ещё в черепную коробку.

— Я молол чепуху, сэр! — возопил он, опершись руками о стол и вытянув вперёд шею. — Я нёс несусветный вздор! И вы вздумали тягаться со мной — вы, у которого весь мозг с лесной орешек! Эти проклятые писаки возомнили себя

всесильными! Они думают, будто одного их слова достаточно, чтобы возвеличить человека или смешать его с грязью. Мы все должны кланяться им в ножки, вымаливая похвалу. Вот этому надо оказать протекцию, а этого изничтожить... Я знаю вашу подлую натуру! Уж очень высоко вы стали забирать! Было время, ходили смирненькие, а теперь зарвались, удержу вам нет. Пустомели несчастные! Я поставлю вас на место! Да, сэр, Джордж Эдуард Челленджер вам не пара. Этот человек не позволит собой командовать. Он предупреждал вас, но если вы всё-таки лезете к нему, пеняйте потом на себя. Фант, любезнейший мистер Мелоун! С вас причитается фант! Вы затеяли опасную игру и, на мой взгляд, остались в проигрыше.

— Послушайте, сэр, — сказал я, пятясь к двери и открывая её, — вы можете браниться, сколько вашей душе угодно, но всему есть предел. Я не позволю налетать на меня с кулаками!

— Ах, не позволите? — Он начал медленно, с угрожающим видом наступать на меня, потом вдруг остановился и сунул свои огромные ручищи в карманы коротенькой куртки, приличествующей больше мальчику, чем взрослому мужчине. — Мне не впервой выкидывать из дому

таких субъектов. Вы будете четвёртым или пятым по счёту. За каждого уплачен штраф в среднем по три фунта пятнадцать шиллингов. Дороговато, но ничего не поделаешь: необходимость! А теперь, сэр, почему бы вам не пойти по стопам ваших коллег? Я лично думаю, что это неизбежно. — Он снова начал своё крайне неприятное для меня наступление, выставляя носки в стороны, точно заправский учитель танцев.

Я мог бы стремглав броситься в холл, но счёл такое бегство позорным. Кроме того, справедливый гнев уже начинал разгораться у меня в душе. До сих пор моё поведение было в высшей степени предосудительно, но угрозы этого человека сразу вернули мне чувство собственной правоты.

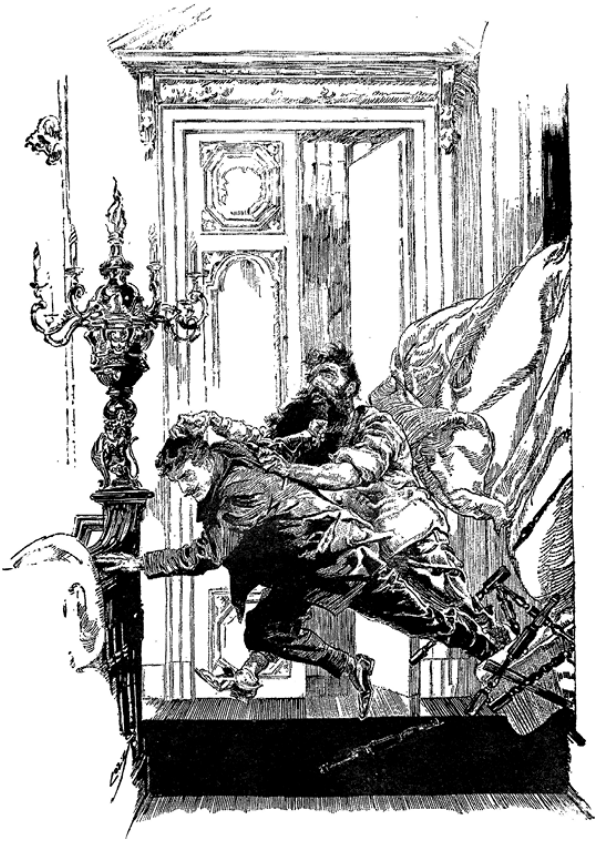
— Руки прочь, сэр! Я не потерплю этого!

— Скажите пожалуйста! — Его чёрные усы вздёрнулись кверху, между раздвинувшимися в злобной усмешке губами сверкнули ослепительно-белые клыки. — Так вы этого не потерпите?

— Не стройте из себя дурака, профессор! — крикнул я. — На что вы рассчитываете? Во мне больше двухсот фунтов веса. Я крепок как железо и каждую субботу играю в регби в ирландской сборной. Вам со мной не…

Но в эту минуту он ринулся на меня. К счастью,

я уже успел открыть дверь, иначе от неё остались бы одни щепки. Мы колесом прокатились по всему коридору, каким-то образом прихватив по дороге стул. Профессорская борода забила мне весь рот, мы стискивали друг друга в объятиях, тела наши тесно переплелись, а ножки этого проклятого стула так и крутились над нами. Бдительный Остин распахнул настежь входную дверь. Мы кувырком скатились вниз по ступенькам. Я видел, как братья Мэк исполняли нечто подобное в мюзик-холле, но, должно быть, этот аттракцион требует некоторой практики, иначе без членовредительства не обойтись. Ударившись о последнюю ступеньку, стул рассыпался на мелкие кусочки, а мы, уже порознь, очутились в водосточной канаве. Профессор вскочил на ноги, размахивая кулаками и хрипя, как астматик.



— Довольно с вас? — крикнул он, еле переводя дух.

— Хулиган! — ответил я и с трудом поднялся с земли.

Мы чуть было не схватились снова, так как боевой дух ещё не угас в профессоре, но судьба вывела меня из этого дурацкого положения. Рядом с нами вырос полисмен с записной книжкой в руках.

— Что это значит? Как вам не совестно! — сказал он. Это были самые здравые слова, которые мне пришлось услышать в Энмор-Гарденс. — Ну, — допытывался полисмен, обращаясь ко мне, — объясните, что это значит.

— Он сам на меня напал, — сказал я.

— Это верно, что вы первый напали? — спросил полисмен.

Профессор только засопел в ответ.

— И это не первый случай, — сказал полисмен, строго покачивая головой. — У вас и в прошлом месяце были неприятности по точно такому же поводу. У молодого человека подбит глаз. Вы предъявляете ему обвинение, сэр?

Я вдруг сменил гнев на милость:

— Нет, не предъявляю.

— Это почему же? — спросил полисмен.

— Тут есть и моя доля вины. Я сам к нему напросился. Он честно предостерегал меня.

Полисмен захлопнул книжку.

— Чтобы эти безобразия больше не повторялись, — сказал он. — Ну, нечего! Расходитесь! Расходитесь!

Это относилось к мальчику из мясной лавки, к горничной и двум-трём зевакам, которые уже успели собраться вокруг нас. Полисмен тяжело зашагал по тротуару, гоня перед собой это маленькое стадо. Профессор взглянул на меня, и в глазах у него мелькнула смешливая искорка.

— Входите! — сказал он. — Наша беседа ещё не кончилась.

Хотя эти слова прозвучали зловеще, но я последовал за ним в дом. Лакей Остин, похожий на деревянную статую, закрыл за нами дверь.

Глава четвёртая
Это величайшее в мире открытие!

Не успела дверь за нами захлопнуться, как из столовой выбежала миссис Челленджер. Эта крошечная женщина была вне себя от гнева. Она стала перед своим супругом, точно растревоженная клушка, грудью встречающая бульдога.

Очевидно, миссис Челленджер была свидетельницей моего изгнания, но не заметила, что я уже успел вернуться.

— Джордж! Какое зверство! — возопила она. — Ты искалечил этого милого юношу!

— Вот он сам, жив и невредим!

Миссис Челленджер смутилась, но быстро овладела собой:

— Простите, я вас не видела.

— Не беспокойтесь, сударыня, ничего страшного не случилось.

— Но он поставил вам синяк под глазом! Какое безобразие! У нас недели не проходит без скандала! Тебя все ненавидят, Джордж, над тобой все издеваются! Нет, моему терпению пришёл конец! Это переполнило чашу!

— Перетряхиваешь грязное бельё на людях! — загремел профессор.

— Это ни для кого не тайна! — крикнула она. — Неужели ты думаешь, что всей нашей улице, да если уж на то пошло — всему Лондону неизвестно… Остин, вы нам не нужны, можете идти. Тебе перемывают косточки все кому не лень. Ты забываешь о чувстве собственного достоинства. Ты, которому следует быть профессором в большом университете, пользоваться уважением студен-

тов! Где твоё достоинство, Джордж?

— А где твоё, моя дорогая?

— Ты довёл меня бог знает до чего! Хулиган, отъявленный хулиган! Вот во что ты превратился!

— Джесси, возьми себя в руки.

— Беспардонный скандалист!

— Довольно! К позорному столбу за такие слова! — сказал профессор.

И к моему величайшему изумлению, он нагнулся, поднял жену и поставил её на высокий постамент из чёрного мрамора, стоявший в углу холла. Постамент этот, вышиной по меньшей мере в семь футов, был такой узкий, что миссис Челленджер еле могла удержаться на нём. Трудно было представить себе более нелепое зрелище — боясь свалиться оттуда, она словно окаменела с искажённым от ярости лицом и только чуть переступала с ноги на ногу.

— Сними меня! — наконец взмолилась миссис Челленджер.

— Скажи «пожалуйста».

— Это безобразие, Джордж! Сними меня сию же минуту!

— Мистер Мелоун, пойдёмте ко мне в кабинет.

— Но помилуйте, сэр!.. — сказал я, глядя на его жену.

— Слышишь, Джесси? Мистер Мелоун ходатайствует за тебя. Скажи «пожалуйста», тогда сниму.

— Безобразие! Ну пожалуйста, пожалуйста!

Он снял её с такой лёгкостью, словно она весила не больше канарейки.

— Веди себя прилично, дорогая. Мистер Мелоун — представитель прессы. Завтра же он тиснет всё это в своей ничтожной газетке и бóльшую часть тиража распродаст среди наших соседей. «Странные причуды одной высокопоставленной особы». Высокопоставленная особа — это ты, Джесси, вспомни, куда я тебя посадил несколько минут назад. Потом подзаголовок: «Из быта одной оригинальной супружеской пары». Этот мистер Мелоун ничем не побрезгует, он питается падалью, подобно всем своим собратьям, — porcus ex grege diaboli — свинья из стада дьяволова. Правильно я говорю, мистер Мелоун?

— Вы и в самом деле невыносимы, — с горячностью сказал я.

Профессор захохотал.

— Вы двое, пожалуй, заключите против меня союз, — прогудел он, выпятив свою могучую грудь и поглядывая то в мою сторону, то на жену. Потом, уже совсем другим тоном: — Простите нам эти невинные семейные развлечения, мистер Мелоун. Я предложил вам вернуться совсем не для того, чтобы делать вас участником наших безобидных перепалок. Ну-с, сударыня, марш отсюда и не извольте гневаться. — Он положил свои огромные ручищи ей на плечи. — Ты права, как всегда. Если б Джордж Эдуард Челленджер слушался твоих советов, он был бы гораздо более почтенным человеком, но только не самим собой. Почтенных людей много, моя дорогая, а Джордж Эдуард Челленджер один на свете. Так что постарайся как-нибудь поладить с ним. — Он влепил жене звучный поцелуй, что смутило меня куда больше, чем все его дикие выходки. — А теперь, мистер Мелоун, — продолжал профессор, снова принимая величественный вид, — будьте добры пожаловать сюда.

Мы вошли в ту же самую комнату, откуда десять минут назад вылетели с таким грохотом.

Профессор тщательно прикрыл за собой дверь, усадил меня в кресло и сунул мне под нос ящик с сигарами.

— Настоящие «Сан-Хуан Колорадо», — сказал он. — На таких легковозбудимых людей, как вы, наркотики хорошо действуют. Боже мой! Ну кто же откусывает кончик! Отрежьте — надо иметь уважение к сигаре! А теперь откиньтесь на спинку кресла и слушайте внимательно всё, что я соблаговолю сказать вам. Если будут какие-нибудь вопросы, потрудитесь отложить их до более подходящего времени. Прежде всего о вашем возвращении в мой дом после вполне справедливого изгнания. — Он выпятил вперёд бороду и уставился на меня с таким видом, словно только и ждал, что я опять ввяжусь в спор. — Итак, повторяю: после вполне заслуженного вами изгнания. Почему я пригласил вас вернуться? Потому что мне понравился ваш ответ этому наглому полисмену. Я усмотрел в нём некоторые проблески добропорядочности, несвойственной представителям вашей профессии. Признав, что вина лежит на вас, вы проявили известную непредвзятость и широту взглядов, кои заслужили моё благосклонное внимание. Низшие представители человеческой расы, к которым, к несчастью,

принадлежите и вы, всегда были вне моего умственного кругозора. Ваши слова сразу включили вас в поле моего зрения. Мне захотелось познакомиться с вами поближе, и я предложил вам вернуться. Будьте любезны стряхивать пепел в маленькую японскую пепельницу вон на том бамбуковом столике, который стоит возле вас.

Всё это профессор выпалил без единой задержки, точно читал лекцию студентам. Он сидел лицом ко мне, напыжившись, как огромная жаба,

голова у него была откинута назад, глаза презрительно прищурены. Потом он вдруг повернулся боком, так что мне стал виден только клок его волос над оттопыренным красным ухом, переворошил кучу бумаг на столе и вытащил оттуда какую-то весьма потрёпанную книжку.

— Я хочу рассказать вам кое-что о Южной Америке, — начал он. — Свои замечания можете оставить при себе. Прежде всего будьте любезны запомнить: то, о чём вы сейчас услышите, я запрещаю предавать огласке в какой бы то ни было форме до тех пор, пока вы не получите на это соответствующего разрешения от меня. Разрешение это, по всей вероятности, никогда не будет дано. Понятно?

— К чему же такая чрезмерная строгость? — сказал я. — По-моему, беспристрастное изложение…

Он положил книжку на стол:

— Больше нам говорить не о чем. Желаю вам всего хорошего.

— Нет, нет! Я согласен на любые условия! — вскричал я. — Ведь выбирать мне не приходится.

— О выборе не может быть и речи, — подтвердил он.

— Тогда обещаю вам молчать.

— Честное слово?

— Честное слово.

Он смерил меня наглым и недоверчивым взглядом:

— А почём я знаю, каковы ваши понятия о чести?

— Ну знаете ли, сэр, — сердито крикнул я, — вы слишком много себе позволяете! Мне ещё не приходилось выслушивать такие оскорбления!

Моя вспышка не только не вывела его из себя, но даже заинтересовала.

— Короткоголовый тип, — пробормотал он. — Брахицефал[9], серые глаза, тёмные волосы, некоторые черты негроида... Вы, вероятно, кельт?

— Я ирландец, сэр.

— Чистокровный?

— Да, сэр.

— Тогда всё понятно. Так вот, вы дали мне слово держать в тайне те сведения, которые я вам сообщу. Сведения эти будут, конечно, весьма скупые. Но кое-какими интересными данными я с вами поделюсь. Вы, вероятно, знаете, что два года назад я совершил путешествие по Южной Америке

---

[9] Notes: 9

Брахицефал — «короткоголовый», в противоположность долихоцефалу — длинноголовому. Большинство антропологов рассматривают форму головы как один из наиболее устойчивых признаков рас, связывая это даже с определённым уровнем умственного развития.

— путешествие, которое войдёт в золотой фонд мировой науки. Целью его было проверить некоторые выводы Уоллеса и Бейтса[10], а это можно было сделать только на месте, в тех же условиях, в каких они проводили свои наблюдения. Если б результаты моего путешествия лишь этим и ограничились, всё равно они были бы достойны всяческого внимания, но тут произошло одно непредвиденное обстоятельство, которое заставило меня направить свои исследования по совершенно иному пути.

Вам, вероятно, известно — впрочем, кто знает: в наш век невежества ничему не удивляешься, — что некоторые места, по которым протекает река Амазонка, исследованы не полностью и что в неё впадает множество притоков, до сих пор не за-

[10] Notes: 10

Альфред Рассел Уоллес (1823–1913) — знаменитый английский натуралист, независимо от Дарвина пришедший к теории происхождения видов животных и растений путём естественного отбора. Классическими являются исследования Уоллеса и в области зоогеографии, изложенные в его капитальном труде «Географическое распространение животных и изменения земной поверхности, на которые оно указывает». Один из исследователей и сторонников спиритизма, написавший ряд книг, освещающих естественно-научную сторону данного предмета.

Генри Бейтс (1825–1892) — английский натуралист и путешественник; совместно с А. Уоллесом принимал участие в путешествии в Бразилию, где за 11 лет собрал громадную коллекцию насекомых, содержавшую несколько тысяч новых видов.

несённых на карту. Вот я и поставил перед собой задачу посетить эти малоизвестные места и обследовать их фауну, и это дало мне в руки столько материала, что его хватит на несколько глав того огромного, монументального труда по зоологии, который послужит оправданием всей моей жизни. Закончив экспедицию, я возвращался домой, и на обратном пути мне пришлось заночевать в маленьком индейском посёлке, недалеко от того места, где в Амазонку впадает один из её притоков — о названии и географическом положении этого притока я умолчу. В посёлке жили индейцы племени кукама — мирный, но уже вырождающийся народ, умственный уровень которого вряд ли поднимается над уровнем среднего лондонца… Я вылечил нескольких тамошних жителей ещё в первый свой приезд, когда поднимался вверх по реке, и вообще произвёл на индейцев сильное впечатление, поэтому неудивительно, что меня ждали там. Они сразу же стали объяснять мне знаками, что в посёлке есть человек, который нуждается в моей помощи, и я последовал за их вождём в одну из хижин. Войдя туда, я убедился, что страждущий, которому требовалась помощь, только что испустил дух. К моему удивлению, он оказался не индейцем, а белым, белейшим из

белых, если можно так выразиться, ибо у него были совсем светлые волосы и все характерные признаки альбиноса[11]. От его одежды остались одни лохмотья, страшно исхудавшее тело свидетельствовало о долгих лишениях. Насколько я мог понять индейцев, они никогда раньше не видели этого человека; он пришёл в посёлок из лесной чащи, один, без спутников, и еле держался на ногах от слабости. Вещевой мешок незнакомца лежал рядом с ним, и я обследовал его содержимое. Внутри был вшит ярлычок с именем и адресом владельца: «Мепл-Уайт, Лейк-авеню, Детройт, штат Мичиган». Перед этим именем я всегда готов обнажить голову. Не будет преувеличением сказать, что, когда важность сделанного мною открытия получит общее признание, его имя будет стоять рядом с моим.

Содержимое мешка ясно говорило о том, что Мепл-Уайт был художником и поэтом, отправившимся на поиски новых ярких впечатлений. Там были черновики стихов. Я не считаю себя знатоком в этой области, но мне кажется, что

---

[11] Notes: 11

Альбиносы (от *лат.* albus — белый) — люди, животные и растения с признаками *альбинизма,* то есть отсутствия нормальной для данного организма окраски. У животных и людей альбинизм выражается обычно в отсутствии окраски волосяного покрова или кожи, а также радужной оболочки глаз.

они оставляют желать лучшего. Кроме того, я нашёл в мешке довольно посредственные речные пейзажи, ящик с красками, коробку пастельных карандашей, кисти, вот эту изогнутую кость, что лежит на чернильнице, том Бекстера «Мотыльки и бабочки», дешёвенький револьвер и несколько патронов к нему. Предметы личного обихода он, по-видимому, растерял за время своих странствований, а может, их у него совсем не было. Никакого другого имущества у этого странного представителя американской богемы в наличии не оказалось.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил, что из кармана его рваной куртки что-то торчит. Это был альбом для этюдов — вот он, перед вами, и такой же потрёпанный, как тогда. Можете быть уверены, что с тех пор, как эта реликвия попала мне в руки, я отношусь к ней с не меньшим благоговением, чем относился бы к первоизданию Шекспира. Теперь я вручаю этот альбом вам и прошу вас просмотреть его страницу за страницей и вникнуть в содержание рисунков.

Он закурил сигару, откинулся на спинку стула и, не сводя с моего лица свирепого и вместе с тем испытующего взгляда, стал следить, какое впечатление произведут на меня эти рисунки.

Я открыл альбом, ожидая найти там какие-то откровения, какие — мне и самому было неясно. Однако первая страница разочаровала меня, ибо на ней был нарисован здоровенный детина в морской куртке, а под рисунком стояла подпись: «Джимми Колвер на борту почтового парохода». Дальше последовало несколько мелких жанровых набросков из жизни индейцев. Потом рисунок, на котором изображался благодушный толстяк духовного звания, в широкополой шляпе, сидевший за столом в обществе очень худого европейца.

Подпись поясняла: «Завтрак у фра Кристоферо в Росариу». Следующие страницы были заполнены женскими и детскими головками, а за ними шла подряд целая серия зарисовок животных с такими пояснениями: «Ламантин на песчаной

отмели», «Черепахи и черепашьи яйца», «Чёрный агути под пальмой» — агути оказался весьма похожим на свинью, — и, наконец, следующие две страницы занимали наброски каких-то весьма противных ящеров с длинными носами. Я не знал, что подумать обо всём этом, и обратился за разъяснениями к профессору:

— Это, вероятно, крокодилы?

— Аллигаторы! Аллигаторы! Настоящие крокодилы не водятся в Южной Америке. Различие между тем и другим видом заключается…

— Я только хочу сказать, что не вижу тут ничего особенного — ничего, что могло бы подтвердить ваши слова.

Он ответил мне с безмятежной улыбкой:

— Переверните ещё одну страницу.

Но и следующая страница ни в чём не убедила меня. Это был пейзаж, чуть намеченный акварелью, один из тех незаконченных этюдов, которые служат художнику лишь намёткой к будущей, более тщательной разработке сюжета. Передний план этюда занимали бледно-зелёные перистые растения, поднимавшиеся вверх по откосу, который переходил в линию тёмно-красных ребристых скал, напоминавших мне

чем-то базальтовые формации[12]. На заднем плане эти скалы стояли сплошной стеной. Правее поднимался пирамидальный утёс, по-видимому отделённый от основного кряжа глубокой расщелиной; вершина его была увенчана огромным деревом. Надо всем этим сияло синее тропическое небо. Узкая кромка зелени окаймляла вершины красных скал. На следующей страничке я увидел ещё один акварельный набросок того же пейзажа, сделанный с более близкого расстояния, так что детали его выступали яснее.

— Ну-с? — сказал профессор.

— Формация действительно очень любопытная, — ответил я, — но мне трудно судить, насколько она исключительна, ведь я не геолог.

— Исключительна? — повторил он. — Да это единственный в своём роде ландшафт! Он кажется невероятным! Такое даже присниться не может! Переверните страницу.

Я перевернул и не мог сдержать возгласа удивления. Со следующей страницы альбома на меня глянуло нечто необычайное. Такое чудовище

---

[12] Notes: 12

Базальт — бедная кремнекислотой горная порода, обычно чёрного, реже красного цвета. На поверхность земли попадает в результате вулканических извержений, образуя местами покров огромной площади и значительной мощности.

могло возникнуть только в видениях курильщика опиума или в бреду горячечного больного. Голова у него была птичья, тело как у непомерно раздувшейся ящерицы, волочащийся по земле хвост щетинился острыми иглами, а изогнутая спина была усажена высокими шипами, похожими на петушьи гребешки. Перед этим существом стоял маленький человечек, почти карлик.

— Ну-с, что вы на это скажете? — воскликнул профессор, с торжествующим видом потирая руки.

— Это что-то чудовищное, гротеск какой-то.

— А что заставило художника изобразить подобного зверя?

— Не иначе как солидная порция джина.

— Лучшего объяснения вы не можете придумать?

— Хорошо, сэр, а как вы сами это объясняете?

— Очень просто: такое животное существует. Совершенно очевидно, что этот рисунок сделан с натуры.

Я не расхохотался только потому, что вовремя вспомнил, как мы колесом прокатились по всему коридору.

— Без сомнения, без сомнения, — сказал я с той угодливостью, на какую обычно не скупятся

в разговоре со слабоумными. — Правда, меня несколько смущает эта крошечная человеческая фигурка. Если б здесь был нарисован индеец, можно было бы подумать, что в Америке существует какое-то племя пигмеев, но это европеец, на нём пробковый шлем.

Профессор фыркнул, словно разъярённый буйвол.

— Вы обогащаете меня опытом! — крикнул он. — Границы человеческой тупости гораздо шире, чем я думал! У вас умственный застой! Поразительно!

Эта вспышка была так нелепа, что она меня даже не рассердила. Да и стоило ли впустую тратить нервы? Если уж сердиться на этого человека, так каждую минуту, на каждое его слово. Я ограничился усталой улыбкой.

— Меня поразили размеры этого пигмея, — сказал я.

— Да вы посмотрите! — крикнул профессор, наклоняясь ко мне и тыча волосатым, толстым, как сосиска, пальцем в альбом. — Видите вот растение позади животного? Вы, вероятно, приняли его за одуванчик или брюссельскую капусту, ведь так? Нет, сударь, это южноамериканская пальма, именуемая «слоновой костью», а она достига-

ет пятидесяти-шестидесяти футов в вышину. Неужели вы не соображаете, что человеческая фигура нарисована здесь не зря? Художник не смог бы остаться в живых, встретившись лицом к лицу с таким зверем, уж тут не до рисования. Он изобразил самого себя только для того, чтобы дать понятие о масштабах. Ростом он был… ну, скажем, пяти футов с небольшим. Дерево, как и следует ожидать, в десять раз выше.

— Господи боже! — воскликнул я. — Значит, вы думаете, что это существо было… Да ведь если подыскивать ему конуру, тогда и вокзал Чаринг-Кросс окажется маловат!

— Это, конечно, преувеличение, но экземпляр действительно крупный, — горделиво сказал профессор.

— Но нельзя же, — воскликнул я, — нельзя же отметать в сторону весь опыт человеческой расы на основании одного рисунка! — Я перелистал оставшиеся страницы и убедился, что в альбоме больше ничего нет. — Один-единственный рисунок какого-то бродяги-художника, который мог сделать его, накурившись гашиша, или в горячечном бреду, или просто в угоду своему больному воображению. Вы, как человек науки, не можете отстаивать такую точку зрения.

Вместо ответа профессор снял какую-то книгу с полки.

— Вот блестящая монография моего талантливого друга Рэя Ланкастера[13], — сказал он. — Здесь есть одна иллюстрация, которая покажется вам небезынтересной. Ага, вот она. Подпись внизу: «Предполагаемый внешний вид стегозавра — динозавра юрского периода. Задние конечности высотой в два человеческих роста». Ну, что вы теперь скажете?

Он протянул мне открытую книгу. Я взглянул на иллюстрацию и вздрогнул. Между наброском неизвестного художника и этим представителем давно умершего мира, воссозданным воображением учёного, было, несомненно, большое сходство.

— В самом деле поразительно! — сказал я.

— И всё-таки вы продолжаете упорствовать?

— Но может быть, это простое совпадение, или же ваш американец видел когда-нибудь такую картинку и в бреду вспомнил её.

— Прекрасно, — терпеливо сказал профессор, —

---

[13] Notes: 13

Рэй Ланкастер (1847–1929) — крупный английский биолог. В течение долгого времени был директором естественно-исторического отдела Британского музея. Известен также и как талантливый популяризатор, в том числе в области палеонтологии.

пусть будет так. Теперь не откажите в любезности взглянуть на это.

Он протянул мне кость, найденную, по его словам, среди вещей умершего. Она была дюймов шести в длину, толще моего большого пальца, и на конце её сохранились остатки совершенно высохшего хряща.

— Какому из известных нам животных может принадлежать такая кость? — спросил профессор.

Я тщательно осмотрел её, призывая на помощь все знания, какие ещё не выветрились у меня из головы.

— Это может быть ключица очень рослого человека, — сказал я.

Мой собеседник презрительно замахал руками:

— Ключица человека имеет изогнутую форму, а эта кость совершенно прямая. На её поверхности есть ложбинка, свидетельствующая о том, что здесь проходило крупное сухожилие. На ключице ничего подобного нет.

— Тогда затрудняюсь вам ответить.

— Не бойтесь показать своё невежество. Я думаю, что среди зоологов Южного Кенсингтона не найдётся ни одного, кто смог бы определить

эту кость. — Он взял коробочку из-под пилюль и вынул оттуда маленькую косточку величиной с фасоль. — Насколько я могу судить, вот эта косточка соответствует в строении человеческого скелета той, которую вы держите в руке. Теперь вы имеете некоторое представление о размерах животного? Не забудьте и про остатки хряща — они свидетельствуют о том, что это был свежий экземпляр, а не ископаемый. Ну, что вы теперь скажете?

— Может быть, у слона…

Его так и передёрнуло, словно от боли.

— Довольно! Довольно! Слоны — в Южной Америке! Не смейте и заикаться об этом! Даже в нашей современной начальной школе…

— Ну хорошо, — перебил я его. — Не слон, так какое-нибудь другое южноамериканское животное, например тапир.

— Уж поверьте мне, молодой человек, что элементарными познаниями в этой отрасли науки я обладаю. Нельзя даже допустить мысли, что такая кость принадлежит тапиру или какому-нибудь другому животному, известному зоологам. Это кость очень сильного зверя, который существует где-то на земном шаре, но до сих пор неведом науке. Вы всё ещё сомневаетесь?

— Во всяком случае, меня это очень заинтересовало.

— Значит, вы ещё не безнадёжны. Я чувствую, что у вас что-то брезжит в мозгу, так давайте же терпеливо раздувать эту искорку. Оставим теперь покойного американца и перейдём снова к моему рассказу. Вы, конечно, догадываетесь, что я не мог расстаться с Амазонкой, не доискавшись, в чём тут дело. Кое-какие сведения о том, откуда пришёл этот художник, у меня были. Впрочем, я мог бы руководствоваться одними легендами индейцев, ибо мотив неизведанной страны проскальзывает во всех преданиях приречных племён. Вы, конечно, слыхали о Курупури?

— Нет, не слыхал.

— Курупури — это лесной дух, нечто злобное, грозное, встреча с ним ведёт к гибели. Никто не может толком описать Курупури, но имя это вселяет ужас в индейцев. Однако все племена, живущие на берегах Амазонки, сходятся в одном: они точно указывают, где обитает Курупури. Из тех же самых мест пришёл и американец. Там таится нечто непостижимо страшное. И я решил выяснить, в чём тут дело.

— Как же вы поступили?

От моего легкомыслия не осталось и следа. Этот

гигант умел завоевать внимание и уважение к себе.

— Мне удалось преодолеть сопротивление индейцев — то внутреннее сопротивление, которое они оказывают, когда заводишь с ними разговор об этом. Пустив в ход всяческие увещания, подарки и, должен сознаться, угрозы, я нашёл двоих проводников. После многих приключений — описывать их нет нужды, — после многих дней пути — о маршруте и его протяжённости позволю себе умолчать — мы пришли наконец в те места, которые до сих пор никем не были описаны и где никто ещё не бывал, если не считать моего злополучного предшественника. Теперь будьте любезны посмотреть вот это.

Он протянул мне небольшую фотографию:

— Её плачевное состояние объясняется тем, что, когда мы спускались вниз по реке, нашу лодку перевернуло, и футляр, в котором хранились непроявленные негативы, сломался. Результаты этого бедствия налицо. Почти все негативы погибли — потеря совершенно невосполнимая. Вот этот снимок — один из немногих более или менее уцелевших. Вам придётся удовольствоваться таким объяснением его несовершенства. Ходят слухи о какой-то фальсификации, но я не

расположен спорить сейчас на эту тему.

Снимок был действительно совсем бледный. Недоброжелательный критик мог бы легко придраться к этому. Вглядываясь в тускло-серый ландшафт и постепенно разбираясь в его деталях, я увидел длинную, огромной высоты линию скал, напоминающую гигантский водопад, а на переднем плане — пологую равнину с разбросанными по ней деревьями.

— Если не ошибаюсь, этот пейзаж был и в альбоме, — сказал я.

— Совершенно верно, — ответил профессор. — Я нашёл там следы стоянки. А теперь посмотрите ещё одну фотографию.

Это был тот же самый ландшафт, только взятый более крупным планом. Снимок был совсем испорчен. Всё же я разглядел одинокий, увенчанный деревом утёс, который отделяла от кряжа расщелина.

— Теперь у меня не осталось никаких сомнений, — признался я.

— Значит, мы не зря стараемся, — сказал профессор. — Смотрите, какие успехи! Теперь будьте

добры взглянуть на вершину этого утёса. Вы что-нибудь видите там?

— Громадное дерево.

— А на дереве?

— Большую птицу.

Он подал мне лупу.

— Да, — сказал я, глядя сквозь неё, — на дереве сидит большая птица. У неё довольно солидный клюв. Это, наверное, пеликан?

— Зрение у вас незавидное, — сказал профессор. — Это не пеликан и вообще не птица. Да будет вам известно, что мне удалось подстрелить вот это самое существо. И оно послужило единственным неоспоримым доказательством, которое я вывез оттуда.

— Оно здесь, у вас? Наконец-то я увижу вещественное подтверждение всех этих рассказов!

— Оно было у меня. К несчастью, катастрофа на реке погубила не только негативы, но и эту мою добычу. Её подхватило водоворотом, и, как я ни старался спасти своё сокровище, в руке у меня осталась лишь половина крыла. Я потерял сознание и очнулся, только когда меня вынесло на берег, но этот жалкий остаток великолепного экземпляра был цел и невредим. Вот он, перед вами.

Профессор вынул из ящика стола нечто напоминающее, на мой взгляд, верхнюю часть крыла огромной летучей мыши. Эта изогнутая кость с перепончатой плёнкой была по меньшей мере двух или более футов длиной.

— Летучая мышь чудовищных размеров? — высказал я своё предположение.

— Ничего подобного! — сурово осадил меня профессор. — Живя в атмосфере высокого просвещения и науки, я и не подозревал, что основные принципы зоологии так мало известны в широких кругах общества. Неужели вы не знакомы с элементарнейшим положением сравнительной анатомии, которое гласит, что крыло птицы представляет собой, в сущности, предплечье, тогда как крыло летучей мыши состоит из трёх удлинённых пальцев с перепонкой между ними? В данном случае кость не имеет ничего общего с костью предплечья, и вы можете убедиться собственными глазами в наличии всего лишь одной перепонки. Следовательно, о летучей мыши нечего и вспоминать. Но если это не птица и не летучая мышь, тогда с чем же мы имеем дело? Что же это может быть?

Мой скромный запас знаний был исчерпан до дна.

— Право, затрудняюсь вам ответить, — сказал я.

Профессор открыл монографию, на которую уже ссылался раньше.

— Вот, — продолжал он, показывая мне какое-то чудовище с крыльями, — вот великолепное изображение диморфодона, или птеродактиля, — крылатого ящера юрского периода, а на следующей страничке схема механизма его крыла. Сравните её с тем, что у вас в руках.

При первом же взгляде на схему я вздрогнул от изумления. Она окончательно убедила меня. Спорить было нечего. Совокупность всех данных сделала своё дело. Набросок, фотографии, рассказ профессора, а теперь и вещественное доказательство! Что же тут ещё требовать? Так я и сказал профессору — сказал со всей горячностью, на какую был способен, ибо теперь мне стало ясно, что к этому человеку относились несправедливо. Он откинулся на спинку стула, прищурил глаза и снисходительно улыбнулся, купаясь в лучах неожиданно блеснувшего на него солнца признания.

— Это величайшее в мире открытие! — воскликнул я, хотя во мне заговорил темперамент не столько естествоиспытателя, сколько журналиста. — Это грандиозно! Вы — Колумб науки! Вы

открыли затерянный мир! Я искренне сожалею, что сомневался в истине ваших слов. Всё это казалось мне невероятным. Но я не могу не признать очевидных фактов, и они должны быть столь же убедительны для всех.

Профессор замурлыкал от удовольствия.

— Что же вы предприняли дальше, сэр?

— Наступил сезон дождей, мистер Мелоун, а мои запасы продовольствия пришли к концу. Я обследовал часть этого огромного горного кряжа, но взобраться на него так и не смог. Пирамидальный утёс, с которого я снял выстрелом птеродактиля, оказался более доступным. Вспомнив свои альпинистские навыки, я поднялся на него примерно до середины. Оттуда уже можно было разглядеть плато, включающее горный кряж. Оно было просто необъятно! Куда ни посмотреть — на запад, на восток, — конца не видно этим покрытым зеленью скалам. У подножия кряжа расстилаются болота и непроходимые заросли, кишащие змеями и прочими гадами. Настоящий рассадник лихорадки. Вполне понятно, что такие препятствия служат естественной защитой для этой необыкновенной страны.

— А вы видели там ещё какие-нибудь признаки жизни?

— Нет, сэр, не видел, но за ту неделю, что мы провели у подножия этих скал, нам не раз приходилось слышать какие-то странные звуки, доносившиеся откуда-то сверху.

— Но что же это за существо, которое нарисовал американец? Как он с ним встретился?

— Я могу только предположить, что он каким-то образом проник на самую вершину кряжа и увидел его там. Следовательно, туда есть какой-то путь. Путь, несомненно, тяжёлый, иначе все эти чудовища спустились бы вниз и заполонили бы всё вокруг. Уж в чём другом, а в этом не может быть сомнений!

— Но как они очутились там?

— На мой взгляд, ничего загадочного тут нет, — сказал профессор. — Объяснение напрашивается само собой. Как вам, вероятно, известно, Южная Америка представляет собой гранитный материк. В отдалённые века в этом месте, очевидно, произошло внезапное смещение пластов в результате извержения вулкана. Не забудьте, что скалы эти базальтовые, следовательно они вулканического происхождения. Площадь величиной примерно с наше графство Суссекс выперло вверх со всеми её обитателями и отрезало от остального материка отвесными скалами такой твёрдой

породы, которой не страшно никакое выветривание. Что же получилось? Законы природы потеряли свою силу в этом месте. Всевозможные препятствия, обусловливающие борьбу за существование во всём остальном мире, либо исчезли, либо в корне изменились. Животные, которые в обычных условиях вымерли бы, продолжали размножаться. Как вы знаете, и птеродактиль, и стегозавр относятся к юрскому периоду, следовательно оба они — древнейшие животные в истории Земли, уцелевшие только благодаря совершенно необычным, случайно создавшимся условиям.

— Но добытые вами сведения не оставляют места для сомнений! Вам нужно только представить их соответствующим лицам.

— Я сам так думал в простоте душевной, — с горечью ответил профессор. — Могу сказать вам только одно: на деле всё вышло по-другому — мне приходилось на каждом шагу сталкиваться с недоверием, в основе которого лежала людская тупость или зависть. Не в моём характере, сэр, пресмыкаться перед кем-нибудь и доказывать свою правоту, когда мои слова берут под сомнение. Я сразу же решил, что мне не подобает предъявлять вещественные доказательства, ко-

торые были в моём распоряжении. Самая тема стала мне ненавистной, я не хотел касаться её ни единым словом. Когда мой покой нарушали люди, подобные вам, люди, угождающие праздному любопытству толпы, я был не в состоянии дать им отпор, не теряя при этом чувства собственного достоинства. По характеру я, надо признаться, человек довольно горячий и, если меня выведут из терпения, могу наделать всяких бед. Боюсь, что вам пришлось испытать это на себе.

Я потрогал свой заплывший глаз, но смолчал.

— Миссис Челленджер постоянно ссорится со мной из-за этого, но, по-моему, каждый порядочный человек поступал бы точно так же на моём месте. Впрочем, сегодня я намерен явить пример выдержки и показать, как воля может победить темперамент. Приглашаю вас полюбоваться этим зрелищем.

Он взял со стола карточку и протянул её мне:

— Как видите, сегодня в восемь часов тридцать минут вечера в Зоологическом институте состоится лекция довольно популярного естествоиспытателя мистера Персиваля Уолдрона на тему «Скрижали веков». Меня приглашают занять место в президиуме специально для того, чтобы я от имени всех присутствующих выразил

благодарность лектору. Так я и сделаю. Но это не помешает мне — конечно, с величайшим тактом и осторожностью! — обронить несколько замечаний, которые заинтересуют аудиторию и вызовут кое у кого желание более обстоятельно ознакомиться с поднятыми мною вопросами. Спорные моменты, разумеется, не будут затронуты, но все поймут, какие глубокие проблемы таятся за моими словами. Я обещаю держать себя в руках. Кто знает, может быть, моя сдержанность приведёт к лучшим результатам.

— А мне можно прийти туда? — поспешил я спросить.

— Разумеется, разумеется, можно, — радушно ответил профессор.

Его любезность была почти так же ошеломительна, как и грубость. Чего стоила одна его благодушная улыбка! Глаз почти не стало видно, а щёки вспухли, превратившись в два румяных яблочка, подпёртые снизу чёрной бородой.

— Обязательно приходите. Мне будет приятно знать, что у меня есть по крайней мере один союзник в зале, хоть и весьма беспомощный и несведущий в вопросах науки. Народу соберётся, вероятно, много, так как Уолдрон пользуется большой популярностью, несмотря на то что

он шарлатан чистейшей воды. Так вот, мистер Мелоун, я уделил вам гораздо больше времени, чем предполагал. Отдельная личность не может монополизировать то, что принадлежит всему человечеству. Буду рад увидеть вас сегодня вечером на лекции. А пока разрешите вам напомнить, что материал, с которым я вас ознакомил, ни в коей мере не подлежит огласке.

— Но мистер Макардл… это наш редактор… потребует от меня отчёта о беседе с вами.

— Скажите ему первое, что придёт в голову. Между прочим, можете намекнуть, что, если он пришлёт ко мне кого-нибудь ещё, я явлюсь к нему сам, вооружившись хорошей плёткой. Во всём остальном полагаюсь на вас: ни слова в печати! Так, прекрасно. Значит, в восемь тридцать — в Зоологическом институте.

Он помахал мне на прощание рукой. Я увидел в последний раз его румяные щёки, волнистую иссиня-чёрную бороду, дерзкие глаза и вышел из комнаты.

Глава пятая

Это ещё не факт!

То ли на мне сказался физический шок, полученный в первый мой визит к профессору Челленджеру, то ли тут сыграло роль моральное потрясение — результат второго визита, но, очутившись снова на улице, я почувствовал, что как репортёр я совершенно деморализован. Голова у меня разламывалась от боли, и всё же в мозгу, не утихая ни на минуту, стучала мысль, что этот человек говорит правду, значение которой трудно переоценить, и что, когда мне будет позволено использовать его рассказ для статьи, наша газета получит сенсационный материал. Увидев на углу кеб, я вскочил в него и поехал в редакцию. Макардл, как всегда, был на своём посту.

— Ну?! — нетерпеливо крикнул он. — Говорите, сколько вам надо строк? У вас такой вид, молодой человек, точно вы явились сюда прямо с поля битвы. Неужели без драки не обошлось?

— Да, сначала мы немножко не поладили.

— Вот человек! Ну а потом?

— Потом он образумился, и беседа прошла мирно. Но мне ничего не удалось у него выудить, даже для маленькой заметки.

— Это как сказать! А подбитый глаз разве не

материал для заметки? Довольно ему нас терроризировать, мистер Мелоун! Поставим его на место. Завтра же помещу статейку, от которой ему жарко станет. Дайте мне только материал, и я раз и навсегда заклеймлю этого субъекта. «Профессор Мюнхаузен» — что вы скажете о такой шапке? «Воскресший Калиостро»! Вспомним всех мистификаторов и шарлатанов, которых знала история. Он у меня получит сполна за все свои мошенничества!

— Я бы не советовал, сэр.

— Почему?

— Потому что этот человек совсем не мошенник.

— Как! — взревел Макардл. — Вы что же, поверили его россказням про мамонтов, мастодонтов и морского змея?

— По-моему, у него этого и в мыслях нет. Во всяком случае, я ничего такого не слышал. Но мне теперь совершенно ясно, что Челленджер может внести нечто новое в науку.

— Тогда о чём же вы думаете? Садитесь и пишите статью.

— Я бы рад написать, да он обязал меня хранить всё в тайне и только при этом условии согласился говорить со мной. — Я изложил в двух-трёх словах

рассказ профессора. — Видите, как обстоит дело?

Физиономия Макардла выразила глубочайшее недоверие.

— Тогда займёмся этим заседанием, мистер Мелоун, — сказал он наконец. — Уж в нём-то, наверное, нет ничего секретного. Другие газеты вряд ли им заинтересуются, потому что о лекциях Уолдрона писалось уже сотни раз, а о том, что там собирается выступить Челленджер, никто и не подозревает. Если нам повезёт, мы получим сенсационный материал. Во всяком случае, поезжайте туда и представьте мне подробный отчёт. До двенадцати часов продержу для вас свободную колонку.

Мне предстоял хлопотливый день, поэтому я решил пообедать в клубе пораньше и, пригласив за столик Тарпа Генри, рассказал ему вкратце о своих приключениях. С его худого смуглого лица не сходила скептическая улыбка, а когда я признался, что профессор убедил меня в своей правоте, Тарп не выдержал и громко захохотал:

— Дорогой мой друг, таких чудес в жизни не бывает! Где это видано, чтобы люди случайно натыкались на величайшие открытия, а потом теряли все вещественные доказательства? Предоставьте сочинять небылицы романистам. По

части ловких проделок ваш профессор заткнёт за пояс всех обезьян в зоологическом саду. Ведь это же невероятная чушь!

— А художник-американец?

— Вымышленная фигура.

— Я же сам видел его альбом!

— Это альбом Челленджера.

— Значит, вы думаете, что рисунок тоже его собственный?

— Ну конечно! А чей же ещё?

— А фотографические снимки?

— На них ведь ничего не видно. Вы же сами говорите, что разглядели только какую-то птицу.

— Птеродактиля.

— Да, если верить его словам. Вы поддались внушению и поверили.

— Ну а кости?

— Первую он извлёк из рагу, вторую смастерил собственными руками. Нужны только известная смекалка да знание дела, а тогда всё, что угодно, сфальсифицируешь — и кость, и фотографический снимок.

Мне стало как-то не по себе. Может быть действительно я слишком увлёкся? И вдруг меня осенила счастливая мысль.

— Вы пойдёте на эту лекцию? — спросил я.

Тарп Генри на минуту задумался.

— Ваш гениальный Челленджер не пользуется особой популярностью, — сказал он. — С ним многие не прочь свести счёты. Пожалуй, во всём Лондоне не найдётся другого человека, который вызывал бы к себе такое неприязненное чувство. Если на лекцию прибегут студенты-медики, скандалов там не оберёшься. Нет, что-то мне не хочется идти в этот сумасшедший дом.

— По крайней мере, отдайте ему должное — выслушайте его.

— Да, пожалуй, справедливость этого требует. Хорошо, буду вашим компаньоном на сегодняшний вечер.

Когда мы подъехали к Зоологическому институту, я увидел, что, сверх моих ожиданий, народу на лекцию собирается много. Электрические кареты одна за другой подвозили к подъезду седовласых профессоров, а более скромная публика потоком вливалась в сводчатые двери, свидетельствуя о том, что в зале будут присутствовать не только учёные, но и представители широких масс. И в самом деле, стоило нам занять места, как мы сразу убедились, что галерея и задние ряды ведут себя более чем непринуждённо. Там сидели, судя по всему, студенты-медики. Вероятно, все

крупные больницы отрядили сюда своих практикантов. Публика была настроена добродушно, но за этим добродушием крылось озорство. То и дело раздавались обрывки популярных песенок, распеваемых хором и с большим подъёмом, — весьма странная прелюдия к научной лекции! Склонность аудитории к бесцеремонным шуткам ясно давала себя знать. Это сулило в дальнейшем массу развлечений для всех, кроме тех лиц, к кому эти сомнительные шутки должны были непосредственно относиться.

Например, как только на эстраде появился доктор Мелдрам в своём знаменитом цилиндре с изогнутыми полями, со всех сторон раздались дружные крики: «Вот так ведро! Где вы его раздобыли?» Старик сейчас же стащил цилиндр с головы и украдкой сунул его под кресло. Когда страдающий подагрой профессор Уэдли заковылял к своему месту, шутники, к его величайшему смущению, хором осведомились о том, не болит ли у профессора пальчик на ноге. Но самый горячий приём был оказан моему новому знакомцу, профессору Челленджеру. Чтобы добраться до своего места — крайнего в первом ряду, — ему пришлось пройти через всю эстраду. Как только его чёрная борода показалась в дверях, аудитория

разразилась такими бурными приветственными криками, что я подумал: опасения Тарпа Генри подтвердились — публику привлекла сюда не столько сама лекция, сколько возможность посмотреть на знаменитого профессора, слухи о выступлении которого, по-видимому, успели разнестись повсюду.

При его появлении в передних рядах, занятых хорошо одетой публикой, раздались смешки — на сей раз партер относился сочувственно к бесчинству студентов. Публика приветствовала Челленджера оглушительным рёвом, точно хищники в клетке зоологического сада, заслышавшие вдали шаги служителя в час кормёжки. В этом рёве ясно звучали неуважительные нотки, но, в общем, шумный приём, оказанный профессору, выражал скорее интерес к нему, чем неприязнь или презрение. Челленджер улыбнулся устало и снисходительно, как улыбается добродушный человек, когда на него налетает свора тявкающих щенков, потом медленно опустился в кресло, расправил плечи, любовно погладил бороду и, прищурившись, надменно глянул в переполненный зал. Рёв ещё не успел стихнуть, как на эстраде появились председатель, профессор Рональд Меррей, и лектор, мистер Уолдрон. Заседание

началось. Надеюсь, профессор Меррей извинит меня, если я упрекну его в том, что он страдает недостатком, свойственным большинству англичан, а именно — невнятностью речи. По-моему, это одна из загадок нашего века. Почему люди, которым есть что сказать, не желают научиться говорить членораздельно? Это так же бессмысленно, как переливать драгоценную влагу через трубу с закрытым краном, отвернуть который до конца можно без всякого труда.

Профессор Меррей обратился с несколькими глубокомысленными замечаниями к своему белому галстуку и графину с водой, затем шутливо подмигнул серебряному канделябру, стоявшему по правую его руку, и опустился в кресло, уступив место известному популярному лектору мистеру Уолдрону, которого публика встретила аплодисментами. Физиономия у мистера Уолдрона была мрачная, голос резкий, манеры заносчивые, но он обладал даром усваивать чужие мысли и преподносить их непосвящённым в доступной и даже увлекательной форме, расцвечивая свои доклады множеством шуток на самые, казалось бы, неподходящие темы, так что в его изложении даже перемещение равноденствий или эволюция позвоночных приобретали юмористический

характер.

В простой, а подчас и живописной форме, которой не мешала научность терминологии, лектор развернул перед нами картину возникновения мира, взятую как бы с высоты птичьего полёта. Он говорил о земном шаре — огромной массе светящегося газа, пылавшей в небесной сфере. Потом рассказал, как эта масса начала охлаждаться и застывать, как образовались складки земной коры, как пар превратился в воду. Всё это было постепенной подготовкой сцены к той непостижимой драме жизни, которой предстояло разыграться на нашей планете. Перейдя к возникновению всего живого на Земле, мистер Уолдрон ограничился несколькими туманными, ни к чему не обязывающими фразами. Можно почти с уверенностью сказать, что зародыши жизни не выдержали бы первоначальной высокой температуры земного шара. Следовательно, они возникли несколько позже. Откуда? Из остывающих неорганических элементов? Весьма вероятно. А может статься, они были занесены извне каким-нибудь метеором? Вряд ли. Короче говоря, даже мудрейшие из мудрых не могут сказать ничего определённого по этому вопросу. Пока что нам не удаётся создать в лабораторных условиях органическое веще-

ство из неорганического. Наша химия не в силах перебросить мост через ту пропасть, которая отделяет живую материю от мёртвой. Но природа, оперирующая огромными силами на протяжении многих веков, сама является величайшим химиком, и ей может удаться то, что непосильно для нас. И больше тут сказать нечего.

Вслед за этим лектор перешёл к великой шкале животной жизни и ступенька за ступенькой, от моллюсков и беспозвоночных морских тварей к рыбам и пресмыкающимся, добрался наконец до производящей на свет живых детёнышей кенгуру, прямого предка всех млекопитающих, а следовательно, и тех, что находятся в этом зале. («Ну положим!» — голос какого-то скептика из задних рядов.) Если юный джентльмен в красном галстуке, крикнувший «Ну положим!» и, по-видимому, имеющий основание думать, что он вылупился из яйца, соблаговолит задержаться после заседания, лектор будет очень рад ознакомиться с такой достопримечательностью. (Смех.) Подумать только, что процессы, веками происходившие в природе, завершились созданием юного джентльмена в красном галстуке! Но разве эти процессы действительно завершились? Следует ли считать этого джентльмена конеч-

ным продуктом эволюции, так сказать, венцом творения? Лектор не хочет оскорблять джентльмена в красном галстуке в его лучших чувствах, но ему кажется, что, какими бы добродетелями ни обладал сей джентльмен, всё же грандиозные процессы, происходящие во Вселенной, не оправдали бы себя, если б конечным результатом их было создание вот такого экземпляра. Силы, обусловливающие эволюцию, не иссякли, они продолжают действовать и готовят нам ещё бóльшие сюрпризы.

Расправившись под общие смешки со своим противником, мистер Уолдрон вернулся к картинам прошлого и рассказал, как высыхали моря, обнажая песчаные отмели, как на этих отмелях появлялись живые существа, студенистые, вялые; рассказал о лагунах, кишащих всякой морской тварью, которую привлекало сюда тинистое дно и особенно — изобилие пищи, что способствовало её стремительному развитию.

— Вот, леди и джентльмены, откуда пошли те чудовищные ящеры, которые до сих пор вселяют в нас ужас, когда мы находим их скелеты в вельд-

ских или золенгофенских сланцах[14]. К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это ещё далеко не факт! — прогудел кто-то на эстраде.

Мистер Уолдрон был человек выдержанный, к тому же острый на язык, что особенно почувствовал на себе джентльмен в красном галстуке, и перебивать его было небезопасно. Но последняя реплика, очевидно, показалась ему настолько нелепой, что он даже несколько растерялся. Такой же растерянный вид бывает у шекспироведа, задетого яростным бэконианцем, или у астронома, столкнувшегося с фанатиком, который утверждает, что Земля плоская. Мистер Уолдрон смолк на секунду, а затем, повысив голос, с расстановкой повторил свои последние слова:

— К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

---

[14] Notes: 14

Вельдские отложения, составляющие самую нижнюю часть отложений мелового периода, развиты в Южной Англии и вдоль северного побережья Центральной Европы. Эти отложения богаты останками различных динозавров.

Золенгофен — месторождение сланцев юрского возраста, находится в Германии. Оно заключает в себе многочисленные останки различных пресмыкающихся: плезиозавров, ихтиозавров, крокодилов, летающих ящеров, а также археоптерикса — предка птиц, занимающего по своему строению промежуточное положение между пресмыкающимися и птицами.

— Это ещё не факт! — снова прогудел тот же голос.

Уолдрон бросил удивлённый взгляд на сидевших за столом профессоров и наконец остановился на Челленджере, который улыбался с закрытыми глазами, словно во сне, откинувшись на спинку стула.

— А, понимаю! — Уолдрон пожал плечами. — Это мой друг профессор Челленджер! — И под хохот всего зала он вернулся к прерванной лекции, как будто дальнейшие пояснения были совершенно излишни.

Но этим дело не кончилось. Какой бы путь ни избирал докладчик, блуждая в дебрях прошлого, все они неизменно приводили его к упоминанию об исчезнувших доисторических животных, что немедленно исторгало из груди профессора тот же зычный рёв. В зале уже предвосхищали заранее каждую его реплику и встречали её восторженным гулом. Студенты, сидевшие тесно сомкнутыми рядами, не оставались в долгу, и как только чёрная борода Челленджера приходила в движение, сотни голосов, не давая ему открыть рот, дружно вопили: «Это ещё не факт!» — а из передних рядов неслись возмущённые крики: «Тише! Безобразие!» Уолдрон, лектор опытный,

закалённый в боях, окончательно растерялся. Он замолчал, потом начал что-то бормотать, запинаясь на каждом слове и повторяя уже сказанное, увяз в длиннейшей фразе и под конец набросился на виновника всего беспорядка.

— Это переходит всякие границы! — разразился он, яростно сверкая глазами. — Профессор Челленджер, я прошу вас прекратить эти возмутительные и неприличные выкрики!

Зал притих. Студенты замерли от восторга: высокие олимпийцы затеяли ссору у них на глазах! Челленджер не спеша высвободил своё грузное тело из объятий кресла.

— А я в свою очередь прошу вас, мистер Уолдрон: перестаньте утверждать то, что противоречит научным данным, — сказал он.

Эти слова вызвали настоящую бурю. В общем шуме и хохоте слышались только отдельные негодующие выкрики: «Безобразие!», «Пусть говорит!», «Выгнать его отсюда!», «Долой с эстрады!», «Это нечестно — дайте ему высказаться!»... Председатель вскочил с места и, слабо взмахивая руками, взволнованно забормотал что-то. Из тумана этой невнятицы выбивались только отдельные отрывочные слова: «Профессор Челленджер... будьте добры... ваши соображе-

ния... после...» Нарушитель порядка отвесил ему поклон, улыбнулся, погладил бороду и снова ушёл в кресло. Разгорячённый этой перепалкой и настроенный весьма воинственно, Уолдрон продолжал лекцию. Высказывая время от времени какое-нибудь положение, он бросал злобные взгляды на своего противника, который, казалось, дремал, развалившись в кресле, всё с той же блаженной широкой улыбкой на устах.

И вот лекция кончилась. Подозреваю, что

несколько преждевременно, ибо заключительная её часть была скомкана и как-то не вязалась с предыдущей. Грубая помеха нарушила ход мыслей лектора. Аудитория осталась неудовлетворённой и ждала дальнейшего развёртывания событий.

Уолдрон сел на место, председатель чирикнул что-то, и вслед за этим профессор Челленджер подошёл к краю эстрады. Памятуя об интересах своей газеты, я записал его речь почти дословно.

— Леди и джентльмены… — начал он под сдержанный гул в задних рядах. — Прошу извинения, леди, джентльмены и дети… Сам того не желая, я упустил из виду значительную часть слушателей. — (Шум в зале. Пережидая его, профессор благостно кивает своей огромной головой и высоко поднимает руку, словно осеняя толпу благословением.) — Мне было предложено выразить благодарность мистеру Уолдрону за его весьма картинную и занимательную лекцию, которую мы с вами только что прослушали. С некоторыми тезисами этой лекции я не согласен, о чём счёл своим долгом заявить без всяких отлагательств. Тем не менее факт остаётся фактом: мистер Уолдрон справился со своей задачей, которая заключалась в том, чтобы изложить в общедо-

ступной и занимательной форме историю нашей планеты, вернее, то, что он понимает под историей нашей планеты. Популярные лекции очень легко воспринимаются, но… — (тут Челленджер блаженно улыбнулся и бросил взгляд на лектора), — мистер Уолдрон, конечно, извинит меня, если я скажу, что такие лекции, в силу особенностей изложения, всегда бывают поверхностны и недоброкачественны с точки зрения науки, ибо лектор так или иначе, а должен приспосабливаться к невежественной аудитории. — (Иронические возгласы с мест.) — Лекторы-популяризаторы по сути своей паразиты. — (Протестующий жест со стороны возмущённого Уолдрона.) — Они используют в целях наживы или саморекламы работу своих безвестных, придавленных нуждой собратьев. Самый незначительный успех, достигнутый в лаборатории, — один из тех кирпичиков, что идут на сооружение храма науки, — перевешивает всё полученное из вторых рук, перевешивает всякую популяризацию, которая может позабавлечь часок, но не принесёт никаких ощутимых результатов. Я напоминаю об этой общеизвестной истине отнюдь не из желания умалить заслуги мистера Уолдрона, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорции, принимая при-

служника за высшего жреца науки. — (Тут мистер Уолдрон шепнул что-то председателю, который привстал с места и обратил несколько суровых слов к стоявшему перед ним графину с водой.) — Но довольно об этом. — (Громкие одобрительные крики.) — Позвольте мне перейти к вопросу, представляющему более широкий интерес. В каком месте я, самостоятельный исследователь, был вынужден поставить под вопрос осведомлённость нашего лектора? В том, где речь шла об исчезновении с поверхности земли некоторых видов животной жизни. Я не дилетант и выступаю здесь не как популяризатор, а как человек, научная добросовестность которого заставляет его строго придерживаться фактов. И поэтому я настаиваю на том, что мистер Уолдрон глубоко ошибается, утверждая, будто так называемые доисторические животные исчезли с лица земли. Ему не приходилось видеть их, но это ещё ничего не доказывает. Они действительно являются, как он выразился, нашими предками, но не только предками, добавлю я, но и современниками, которых можно наблюдать во всём их своеобразии — отталкивающем, страшном своеобразии. Для того чтобы пробраться в те места, где они обитают, нужны только выносливость и смелость.

Животные, которых мы относили к юрскому периоду, чудовища, которым ничего не стоит растерзать на части и поглотить самых крупных и самых свирепых из наших млекопитающих, существуют до сих пор… — (Крики «Чушь! Докажите! Откуда вы это знаете? Это ещё не факт!») — Вы меня спрашиваете, откуда я это знаю? Я знаю это, потому что побывал в тех местах, где они живут. Знаю, потому что видел таких животных… — (Аплодисменты, оглушительный шум и чей-то голос: «Лжец!») — Я лжец? — (Единодушное: «Да, да!») — Кажется, меня назвали лжецом? Пусть этот человек встанет с места, чтобы я мог увидеть его. — (Голос: «Вот он, сэр!» — и над головой студентов взлетает яростно отбивающийся маленький человечек в очках, совершенно безобидный на вид.) — Это вы осмелились назвать меня лжецом? — («Нет, сэр!» — кричит тот и, словно Петрушка, ныряет вниз.) — Если кто-либо из присутствующих сомневается в моей правдивости, я охотно побеседую с ним после заседания. — («Лжец!») — Кто это сказал? — (Опять безобидная жертва взмывает высоко в воздух, отчаянно отбиваясь от своих мучителей.) — Вот я сейчас сойду с эстрады, и тогда… — (Дружные крики: «Просим, дружок, просим!» Заседание

на несколько минут прерывают. Председатель вскакивает с места и размахивает руками, словно дирижёр. Профессор окончательно разъярён. Он стоит, выпятив вперёд бороду, багровый, с раздувающимися ноздрями.) — Все великие новаторы встречали недоверие толпы, а недоверие — это клеймо дураков! Когда к вашим ногам кладут великие открытия, у вас не хватает интуиции, не хватает воображения, чтобы осмыслить их. Вы способны только поливать грязью людей, которые рисковали жизнью, завоёвывая новые просторы науки. Вы поносите пророков! Галилей, Дарвин и я… — (Продолжительные крики и полный беспорядок в зале.)

Всё это я извлёк из своих торопливых записей, которые хоть и были сделаны на месте, но не могут дать должного представления о хаосе, воцарившемся к этому времени в аудитории. Началось такое столпотворение, что некоторые дамы уже спасались бегством. Общему настроению поддались не только студенты, но и более

солидная публика. Я сам видел, как седобородые старцы вскакивали с мест и потрясали кулаками, гневаясь на закусившего удила профессора. Многолюдное собрание бурлило и кипело, точно вода в котле. Профессор шагнул вперёд и воздел руки кверху. В этом человеке чувствовалась такая сила и мужественность, что крикуны постепенно смолкли, усмирённые его повелительным жестом и властным взглядом. И зал притих, приготовившись слушать.

— Я не стану вас задерживать, — продолжал Челленджер. — Стоит ли попусту тратить время? Истина остаётся истиной, и её не поколебать никакими бесчинствами глупых юнцов и, с сожалением должен добавить, не менее глупых пожилых джентльменов. Я утверждаю, что мною открыто новое поле для научных исследований. Вы это оспариваете. — (Общие крики.) — Так давайте же проведём испытание. Согласны ли вы избрать из вашей среды одного или нескольких представителей, которые проверят справедливость моих слов?

Профессор сравнительной анатомии мистер Саммерли, высокий жёлчный старик, в суховатом облике которого было что-то придававшее ему сходство с богословом, поднялся с места. Он

пожелал узнать, не являются ли заявления профессора Челленджера результатом его поездки в верховья реки Амазонки, предпринятой два года тому назад.

Профессор Челленджер ответил утвердительно.

Далее мистер Саммерли осведомился, каким это образом профессору Челленджеру удалось сделать новое открытие в местах, обследованных Уоллесом, Бейтсом и другими учёными, пользующимися вполне заслуженной известностью.

Профессор Челленджер ответил на это, что мистер Саммерли, по-видимому, спутал Амазонку с Темзой. Амазонка гораздо больше Темзы, и, если мистеру Саммерли угодно знать, река Амазонка и соединяющаяся с ней притоком река Ориноко покрывают в общей сложности площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль. Поэтому нет ничего удивительного, если на таком огромном пространстве один исследователь обнаружит то, чего могли не заметить его предшественники.

Мистер Саммерли возразил с кислой улыбкой, что ему хорошо известна разница между Темзой и Амазонкой, заключающаяся в том, что любое утверждение касательно первой легко можно проверить, чего нельзя сказать о второй. Он был

бы премного обязан профессору Челленджеру, если б тот указал, под какими градусами широты и долготы лежит та местность, где обретаются доисторические животные.

Профессор Челленджер ответил, что до сих пор он воздерживался от сообщения подобных сведений, имея на это веские основания, но сейчас — конечно, с некоторыми оговорками — он готов представить их комиссии, избранной аудиторией. Может быть, мистер Саммерли согласен войти в эту комиссию и лично проверить правильность утверждения профессора Челленджера?

Мистер Саммерли. Да, согласен. *(Бурные аплодисменты.)*

Профессор Челленджер. Тогда я обязуюсь представить все необходимые сведения, которые помогут вам добраться до места. Но поскольку мистер Саммерли намерен проверять меня, я считаю справедливым, чтобы его тоже кто-нибудь проверял. Не скрою от вас, что путешествие будет сопряжено со многими трудностями и опасностями. Мистеру Саммерли необходим спутник помоложе. Может быть, желающие найдутся здесь, в зале?

Вот так нежданно-негаданно наступает перелом в жизни человека! Мог ли я подумать, входя

в этот зал, что я стою на пороге самых невероятных приключений, таких, которые мне даже не мерещились! Но Глэдис! Разве не об этом она говорила? Глэдис благословила бы меня на такой подвиг. Я вскочил с места. Слова сами собой сорвались у меня с языка. Мой сосед Тарп Генри тянул меня за пиджак и шептал:

— Сядьте, Мелоун! Не стройте из себя дурака при всём честном народе!

В ту же минуту я увидел, как в одном из первых рядов поднялся какой-то высокий рыжеватый человек. Он сердито сверкнул на меня глазами, но я не сдался.

— Господин председатель, я хочу ехать! — повторил я.

— Имя, имя! — требовала публика.

— Меня зовут Эдуард Дан Мелоун. Я репортёр «Дейли газетт». Даю слово, что буду совершенно беспристрастным свидетелем.

— А ваше имя, сэр? — обратился председатель к моему сопернику.

— Лорд Джон Рокстон. Я бывал на Амазонке, хорошо знаю эти места и поэтому имею все основания предлагать свою кандидатуру.

— Лорд Джон Рокстон пользуется мировой известностью как путешественник и охот-

ник, — сказал председатель. — Но участие в этой экспедиции представителя прессы было бы не менее желательно.

— В таком случае, — сказал профессор Челленджер, — я предлагаю, чтобы настоящее собрание уполномочило обоих этих джентльменов сопровождать профессора Саммерли в его путешествии, целью которого будет расследование правильности моих слов.

Под крики и аплодисменты всего зала наша судьба была решена, и я, ошеломлённый огромными перспективами, которые вдруг открылись перед моим взором, смешался с людским потоком, хлынувшим к дверям. Выйдя на улицу, я смутно, как сквозь сон, увидел толпу, с хохотом несущуюся по тротуару, и в самом центре её чью-то руку, вооружённую тяжёлым зонтом, который так и ходил по головам студентов. Потом электрическая карета профессора Челленджера тронулась с места под весёлые крики озорников и стоны пострадавших, и я зашагал дальше по Риджент-стрит, поглощённый мыслями о Глэдис и о том, что ждало меня впереди.

Вдруг кто-то дотронулся до моего локтя. Я оглянулся и увидел, что на меня насмешливо и властно смотрят глаза того высокого, худого

человека, который вызвался вместе со мной отправиться в эту необычайную экспедицию.

— Мистер Мелоун, если не ошибаюсь? — сказал он. — Отныне мы с вами будем товарищами, не так ли? Я живу в двух шагах отсюда, в Олбени. Может быть, вы уделите мне полчаса? Я очень хочу потолковать с вами кое о чём.

Глава шестая
«Меня называли бичом божиим»

Лорд Джон Рокстон свернул на Виго-стрит, и, миновав один за другим несколько мрачных проходов, мы углубились в Олбени, в этот знаменитый аристократический муравейник. В конце длинного тёмного коридора мой новый знакомый толкнул дверь и повернул выключатель. Лампы с яркими абажурами залили огромную

комнату рубиновым светом. Оглядевшись с порога, я сразу почувствовал здесь атмосферу утончённого комфорта, изящества и вместе с тем мужественности. Комната говорила о том, что в ней идёт непрестанная борьба между изысканностью вкуса её богатого хозяина и его же холостяцкой беспорядочностью. Пол был устлан пушистыми шкурами и причудливыми коврами всех цветов радуги, вывезенными, вероятно, с какого-нибудь восточного базара. На стенах висели картины и гравюры, ценность которых была видна даже мне, несмотря на мою неискушённость. Фотографии боксёров, балерин и скаковых лошадей мирно уживались с полотнами чувственного Фрагонара[15], батальными сценами Жирарде[16] и мечтательным Тёрнером[17]. Но среди этой роскоши были и другие вещи, живо напомнившие мне о том, что лорд Джон Рокстон — один из знаменитейших охотников и спортсменов наших дней. Два скрещённых весла над

[15] Notes: 15

Жан-Оноре Фрагонар (1732–1806) — знаменитый французский живописец-гравёр.

[16] Notes: 16

Поль Жирарде (1821–1893) — швейцарский художник.

[17] Notes: 17

Джозеф Уильям Тёрнер (1775–1851) — выдающийся английский живописец-пейзажист.

камином — тёмно-синее и красное — говорили о былых увлечениях гребным спортом в Оксфорде, а рапиры и боксёрские перчатки, висевшие тут же, свидетельствовали, что их хозяин пожинал лавры и в этих областях. Всю комнату, подобно архитектурному фризу, опоясывали головы крупных зверей, свезённые сюда со всех концов света, а жемчужиной этой великолепной коллекции была голова редкостного белого носорога с надменно выпяченной губой.

Посреди комнаты на пушистом красном ковре стоял чёрный с золотыми инкрустациями стол эпохи Людовика XV — чудесная антикварная вещь, кощунственно испещрённая следами от стаканов и ожогами от сигарных окурков. На столе я увидел серебряный поднос с курительными принадлежностями и полированный поставец с бутылками. Молчаливый хозяин сейчас же налил два высоких бокала и добавил в них содовой из сифона. Поведя рукой в сторону кресла, он поставил мой бокал на столик и протянул мне длинную глянцевитую сигару. Потом сел напротив и устремил на меня пристальный взгляд своих странных светло-голубых глаз, мерцающих, как ледяное горное озеро.

Сквозь тонкую пелену сигарного дыма я при-

сматривался к его лицу, знакомому мне по многим фотографиям: нос с горбинкой, худые, запавшие щёки, тёмно-рыжие волосы, уже редеющие на макушке, закрученные шнурочком усы, маленькая, но задорная эспаньолка. В нём было нечто и от Наполеона III, и от Дон Кихота, и от типичного английского джентльмена — любителя спорта, собак и лошадей, характерными чертами которого являются подтянутость и живость. Солнце и ветер закалили докрасна его кожу. Мохнатые, низко нависшие брови придавали и без того холодным глазам почти свирепое выражение, а изборождённый морщинами лоб только усугублял эту свирепость взгляда. Телом он был худощав, но крепок, а что касается неутомимости и физической выдержки, то не раз было доказано, что в Англии соперников по этой части у него мало. Несмотря на свои шесть с лишним футов, он казался человеком среднего роста. Виной этому была лёгкая сутулость.

Таков был знаменитый лорд Джон Рокстон, и сейчас, сидя напротив, он внимательно разглядывал меня, покусывая сигару, и ни единым словом не нарушал затянувшегося неловкого молчания.

— Ну-с, — сказал он наконец, — отступать нам теперь нельзя, милый юноша. Да, мы с вами

прыгнули куда-то очертя голову. А ведь когда вы входили в зал, у вас, наверное, и в мыслях ничего подобного не было?

— Мне такое и не мерещилось.

— Вот именно. Мне тоже не мерещилось. А теперь мы с вами увязли в эту историю по уши. Господи боже, да ведь я всего три недели как вернулся из Уганды, успел снять коттедж в Шотландии, подписал контракт и всё такое прочее. Ну и дела! Ваши планы, наверное, тоже пошли прахом?

— Да нет, такое уж у меня ремесло: ведь я журналист, работаю в «Дейли газетт».

— Да, конечно. Вы же сказали об этом. Кстати, тут есть одно дело… Вы не откажетесь помочь?

— С удовольствием.

— Но дело рискованное… Как вы на это смотрите?

— А в чём риск?

— Я поведу вас к Биллингеру, вот в чём риск. Вы о нём слышали?

— Нет.

— Помилуйте, юноша, на каком вы свете обретаетесь? Сэр Джон Биллингер — наш лучший жокей. На ровной дорожке я ещё могу с ним потягаться, но в скачке с препятствиями он меня

сразу заткнёт за пояс. Ну так вот, ни для кого не секрет, что как только у Биллингера кончается тренировка, он начинает пить горькую. Это у него называется «выводить среднее число». Во вторник он допился до белой горячки и с тех пор буйствует. Его комната как раз под моей. Врачи говорят, что если беднягу не покормить хотя бы насильно, то пиши пропало. Слуги сего джентльмена объявили забастовку, так как он лежит в кровати с заряженным револьвером и грозится всадить все шесть в первого, кто к нему сунется. Надо сказать, что Джон вообще человек непокладистый и к тому же стреляет без промаха, но ведь нельзя допустить, чтобы жокей, взявший Большой национальный приз, погибал такой бесславной смертью! Как вы на это смотрите?

— А что вы думаете предпринять? — спросил я.

— Лучше всего насесть на него вдвоём. Может быть, он сейчас спит. В худшем случае один из нас будет ранен, зато другой успеет с ним справиться. Если бы нам удалось связать ему руки чехлом с дивана, а потом бы утром вызвать по телефону врача с желудочным зондом, он, голубчик, роскошно бы у нас поужинал.

Когда на человека вдруг ни с того ни с сего сваливается такая задача, радоваться тут не при-

ходится. Я не считаю себя очень уж большим храбрецом. Всё новое, неизведанное рисуется мне заранее гораздо более страшным, чем оно оказывается на деле. Таково уж свойство чисто ирландского пылкого воображения. С другой стороны, меня всегда пугала мысль, как бы не навлечь на себя позорного обвинения в трусости, ибо мне с малых лет внушали перед ней ужас. Смею думать, что, если б кто-нибудь усомнился в моей храбрости, я мог бы броситься в пропасть, но побудила бы меня к этому не храбрость, а гордость и боязнь прослыть трусом. Поэтому, хоть я и содрогался, мысленно представляя себе обезумевшее с перепоя существо в комнате снизу, всё же у меня хватило самообладания, чтобы выразить своё согласие самым небрежным тоном, на какой я только был способен. Лорд Рокстон начал было расписывать опасность предстоящей нам задачи, но это только вывело меня из терпения.

— Словами делу не поможешь, — сказал я. — Пойдёмте.

Я встал. Он поднялся следом за мной. Потом, коротко рассмеявшись, ткнул меня раза два кулаком в грудь и усадил обратно в кресло:

— Ладно, юноша… признать годным.

Я с удивлением воззрился на него.

— Сегодня утром я сам был у Джона Биллингера. Он прострелил мне всего лишь кимоно: слава богу, руки тряслись! Но мы всё-таки надели на него смирительную рубашку, и через несколько дней старик будет в полном порядке. Вы на меня не сердитесь, голубчик? Строго между нами: эта экспедиция в Южную Америку — дело очень серьёзное, и мне хочется иметь такого спутника, на которого можно положиться, как на каменную гору. Поэтому я устроил вам лёгкий экзамен и должен сказать, что вы с честью вышли из положения. Вы же понимаете, нам придётся рассчитывать только на самих себя, потому что этому старикану Саммерли с первых же шагов потребуется нянька. Кстати, вы не тот Мелоун, который будет играть в ирландской команде на первенство по регби?

— Да, но, вероятно, запасным.

— То-то мне показалось, будто я вас где-то видел. Ваша встреча с ричмондцами — лучшая игра за весь сезон! Я стараюсь не пропускать ни одного состязания по регби, ведь это самый мужественный вид спорта. Однако я пригласил вас вовсе не для того, чтобы беседовать о регби. Займёмся делами. Вот здесь, на первой странице «Таймса», расписание пароходных рейсов. Пароход

до Пары[18] отходит в следующую среду, и если вы с профессором успеете собраться, мы этим пароходом и поедем. Ну, что вы на это скажете? Прекрасно, я с ним обо всём договорюсь. А как у вас обстоит со снаряжением?

— Об этом позаботится моя газета.

— Стрелять вы умеете?

— Примерно как средний стрелок территориальных войск.

— Только-то? Боже мой! У вас, молодёжи, это считается последним делом. Все вы пчёлы без жала. Таким своего улья не отстоять! Вот попомните моё слово: нагрянет кто-нибудь к нам за мёдом, хороши вы тогда будете! Нет, в Южной Америке с оружием надо обращаться умело, потому что, если наш друг-профессор не обманщик и не сумасшедший, нас ждёт там нечто весьма любопытное. Какое у вас ружьё?

Лорд Рокстон подошёл к дубовому шкафу, открыл дверцу, и я увидел за ней поблёскивающие металлом ружейные стволы, выставленные в ряд, словно органные трубки.

— Сейчас посмотрим, что я могу пожертвовать вам из своего арсенала, — сказал лорд Рокстон.

---

[18] Notes: 18

Пара (ныне Белем) — город и порт в Северной Бразилии.

Он стал вынимать одно за другим великолепные ружья, открывал их, щёлкал затворами и, ласково поглаживая, как нежная мать своих младенцев, ставил на место.

— Вот «бленд». Из него я уложил вон того великана. — Он взглянул на голову белого носорога. — Будь я на десять шагов ближе, этот зверь пополнил бы мной свою коллекцию. Надеюсь, вы хорошо знаете Гордона?[19]

Судьба моя зависит от пули,

А пуля – защита в неравном бою.

Это поэт, воспевающий коня, винтовку и тех, кто умеет обращаться и с тем и с другим. Вот ещё одна полезная вещица — телескопический прицел, двойной эжектор, прекрасная наводка. Три года назад мне пришлось выступить с этой винтовкой против перуанских рабовладельцев. В тех местах меня называли «бичом Божиим», хотя вы не найдёте моего имени ни в одной Синей книге. Бывают времена, голубчик, когда каждый из нас обязан стать на защиту человеческих прав и справедливости, чтобы не потерять уважения к самому себе. Вот почему я вёл там нечто вроде

[19] Notes: 19

Адам Гордон (1833–1870) — английский поэт, бóльшую часть жизни провёл в Австралии.

войны на свой страх и риск. Сам её объявил, сам воевал, сам довёл её до конца. Каждая зарубка — это убитый мною мерзавец. Смотрите, целая лестница! Самая большая отметина сделана после того, как я пристрелил в одной из заводей реки Путумайо Педро Лопеса — крупнейшего из рабовладельцев… А, вот это вам подойдёт! — Он вынул из шкафа прекрасную винтовку, отделанную серебром. — Прицел абсолютно точный, магазин на пять патронов. Можете смело доверить ей свою жизнь. — Лорд Рокстон протянул винтовку мне и закрыл шкаф. — Кстати, — продолжал он, снова садясь в кресло, — что вы знаете об этом профессоре Челленджере?

— Я его увидел сегодня впервые в жизни.

— Я тоже. Правда, странно, что мы с вами отправляемся в путешествие, полагаясь на слова совершенно неизвестного нам человека? Он, кажется, довольно наглый субъект и не пользуется любовью у своих собратьев по науке. Почему вы им заинтересовались?

Я рассказал вкратце о событиях сегодняшнего утра. Лорд Рокстон внимательно меня выслушал, потом принёс карту Южной Америки и разложил её на столе.

— Челленджер говорит правду, чистейшую правду, — серьёзно сказал он. — И я, заметьте, утверждаю это не наобум. Южная Америка — моя любимая страна, и если, скажем, проехать её насквозь, от Дарьенского залива до Огненной Земли, то ничего более величественного и более пышного не найдёшь на всём земном шаре. Эту страну мало знают, а какое её ждёт будущее, об этом никто и не догадывается. Я изъездил Южную Америку вдоль и поперёк, в период засухи побывал в тех местах, где у меня завязалась война с работорговцами, о которой я вам уже рассказывал. Да, действительно, мне приходилось слышать там много разных легенд. Это всего лишь индейские предания, но за ними,

безусловно, что-то кроется. Чем ближе узнаёшь Южную Америку, друг мой, тем больше начинаешь верить, что в этой стране всё возможно, решительно всё! Люди передвигаются там по узким речным долинам, а за этими долинами начинается полная неизвестность. Вот здесь, на плоскогорье Мату-Гросу, — он показал сигарой место на карте, — или в этом углу, где сходятся границы трёх государств, меня ничто не удивит. Как сказал сегодня Челленджер, Амазонка орошает площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль, поросших тропическим лесом, — площадь, почти равную всей Европе. Не покидая бразильских джунглей, мы с вами могли бы находиться друг от друга на расстоянии, отделяющем Шотландию от Константинополя. Человек только кое-где смог продраться сквозь эту чащу и протоптать на ней тропинки. А что бывает в периоды дождей? Уровень воды в Амазонке поднимается по меньшей мере на сорок футов и превращает всё кругом в непролазную топь. В такой стране только и следует ждать всяких чудес и тайн. И почему бы нам не разгадать их? А помимо всего прочего, — странное лицо лорда Рокстона озарилось довольной улыбкой, — там на каждом шагу придётся рисковать жизнью, а мне, как спортсмену,

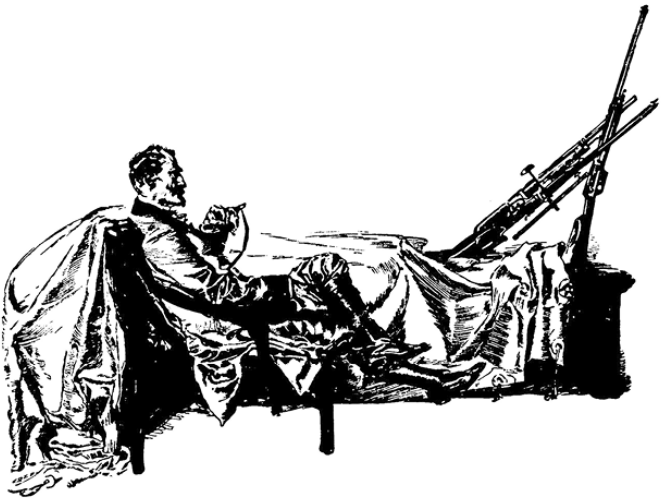
ничего другого и не нужно. Я точно старый мяч для гольфа — белая краска с меня давно стёрлась, так что теперь жизнь может распоряжаться мной как угодно: царапин не останется. А риск, милый юноша, придаёт нашему существованию особенную остроту. Только тогда и стоит жить. Мы слишком уж изнежились, потускнели, привыкли к благоустроенности. Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пущусь на поиски того, что стоит искать. Чего только я не испробовал в своей жизни: и воевал, и участвовал в скачках, и летал на аэроплане, — но охота на чудовищ, которые могут присниться только после тяжёлого ужина, — это для меня совсем новое ощущение! — Он весело рассмеялся, предвкушая то, что его ждало впереди.

Может быть, я слишком увлёкся описанием своего нового знакомого, но нам предстоит провести много дней вместе, и поэтому мне хочется передать своё первое впечатление об этом человеке со всеми особенностями его характера, речи и мышления. Только необходимость везти в редакцию отчёт о заседании и заставила меня покинуть лорда Рокстона. Когда я уходил от него, он сидел в кресле, залитый красноватым светом

лампы, смазывал затвор своей любимой винтовки и негромко посмеивался, раздумывая о тех приключениях, которые нам готовила судьба. И я проникся твёрдой уверенностью, что если нас ждут опасности, то более хладнокровного и более отважного спутника, чем лорд Рокстон, мне не найти во всей Англии.

Как ни утомили меня необычайные происшествия этого дня, всё же я долго сидел с редактором отдела «Последние новости» Макардлом, разъясняя ему все обстоятельства дела, которые он считал необходимым завтра же довести до сведения нашего патрона сэра Джорджа Бомонта. Мы условились, что я буду присылать подробные отчёты обо всех своих приключениях в форме писем к Макардлу и что они будут печататься в газете либо сразу же по мере их получения, либо потом — в зависимости от санкции профессора Челленджера, ибо мы ещё не знали, каковы будут условия, на которых он согласится дать нам сведения, необходимые для путешествия в Неведомую страну. В ответ на запрос по телефону мы не услышали от профессора ничего другого, кроме яростных нападок на прессу, но потом он всё же сказал, что, если его известят о дне и часе нашего отъезда, он доставит на пароход те ин-

струкции, которые сочтёт нужными. Наш второй запрос остался совсем без ответа, если не считать жалобного лепета миссис Челленджер, умолявшей нас не приставать более к её супругу, так как он и без того разгневан сверх всякой меры. Третья попытка, сделанная в тот же день, была пресечена оглушительным треском, и вскоре вслед за этим центральная станция уведомила нас, что у профессора Челленджера разбита телефонная трубка. После этого мы уже не пытались говорить с ним.



А теперь, мои терпеливые читатели, я прекращаю свою беседу с вами. Отныне (если только продолжение этого рассказа когда-нибудь дойдёт до вас) вы будете узнавать о моих дальнейших приключениях только через газету. Я вручаю редактору отчёт о событиях, послуживших толчком

к одной из самых замечательных экспедиций, какие знает мир, и если мне не суждено будет вернуться в Англию, вы узнаете, по крайней мере, что ей предшествовало.

Я дописываю свой отчёт в салоне парохода «Франциск». Лоцман заберёт его с собой и передаст на хранение мистеру Макардлу. В заключение, пока я не захлопнул записную книжку, позвольте мне набросать ещё одну картину — картину, которая останется со мной как последнее воспоминание о родине.

Поздняя весна, промозглое, туманное утро; моросит холодный, мелкий дождь. По набережной шагают три фигуры в глянцевитых макинтошах. Они направляются к сходням большого парохода, на котором уже поднят синий флаг. Впереди них носильщик везёт тележку, нагруженную чемоданами, портпледами и винтовками в чехлах.

Долговязый, унылый профессор Саммерли идёт, волоча ноги и понурив голову, как человек, горько раскаивающийся в содеянном. Лорд Джон Рокстон, в охотничьем кепи и кашне, шагает бодро, и его живое, тонкое лицо сияет от счастья. Что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что всем своим видом выражаю радость, ведь предотъездная суета и горечь прощания остались

позади.

Мы уже совсем близко от парохода — и вдруг сзади раздаётся чей-то голос. Это профессор Челленджер, который обещал проводить нас. Он бежит за нами, тяжело отдуваясь, весь красный и страшно сердитый.

— Нет, благодарю вас, — говорит профессор. — Не имею ни малейшего желания лезть на пароход. Мне надо сказать вам несколько слов, а это можно сделать и здесь. Не воображайте, пожалуйста, что вы так уж меня разодолжили своей поездкой. Мне это глубоко безразлично, и я ни в коей мере не считаю себя обязанным вам. Истина остаётся истиной, и все те расследования, которые вы собираетесь производить, никак на неё не повлияют и смогут лишь разжечь страсти разных невежд. Необходимые вам сведения и мои инструкции находятся вот в этом запечатанном конверте. Вы вскроете его лишь тогда, когда приедете в город Манаус на Амазонке, но не раньше того дня и часа, которые указаны на конверте. Вы меня поняли? Полагаюсь на вашу порядочность и надеюсь, что все мои условия будут соблюдены в точности. Мистер Мелоун, я не намерен налагать запрет на ваши корреспонденции, поскольку целью вашего путешествия является освещение

фактической стороны дела. Требую от вас только одного: не указывайте точно, куда вы едете, и не разрешайте опубликовывать отчёт об экспедиции до вашего возвращения. Прощайте, сэр! Вам удалось несколько смягчить моё отношение к той презренной профессии, представителем которой, к несчастью, являетесь и вы сами. Прощайте, лорд Джон! Насколько мне известно, наука для вас — книга за семью печатями. Но охотой в тех местах вы останетесь довольны. Не сомневаюсь, что со временем в «Охотнике» появится ваша заметка о том, как вы подстрелили диморфодона. Прощайте и вы, профессор Саммерли. Если в вас ещё не иссякли способности к самоусовершенствованию, в чём, откровенно говоря, я сомневаюсь, то вы вернётесь в Лондон значительно поумневшим.

Он круто повернулся, и минуту спустя я увидел с палубы его приземистую фигуру, пробирающуюся сквозь толпу к поезду.

Мы уже вышли в Ла-Манш. Раздаётся последний звонок, оповещающий о том, что пора сдавать письма. Сейчас мы распрощаемся с лоцманом.

А теперь «вперёд, корабль, плыви вперёд!». Да хранит Бог всех нас — и тех, кто остался на берегу,

и тех, кто надеется на благополучное возвращение домой.

Глава седьмая
Завтра мы уходим в неведомое

Я не стану утруждать тех, до кого дойдёт этот рассказ, описанием нашего переезда на комфортабельном океанском пароходе, не буду говорить о неделе, проведённой в Паре (ограничусь только благодарностью компании «Перейра-да-Пинта», оказавшей нам помощь при закупке снаряжения), и лишь коротко упомяну о нашем путешествии вверх по широкой, мутной, ленивой Амазонке — путешествии, проделанном на судне, почти не уступавшем размерами тому, на котором мы пересекли Атлантический океан.

После многих дней пути наша группа высадилась в городе Манаосе[20], за Обидосским проходом. Там нам удалось избежать весьма сомнительных прелестей местной гостиницы благодаря любезности агента Британско-Бразильской торговой компании мистера Шортмена. Мы

---

[20] Notes: 20

Манаос (Манаус) — город и порт на Амазонке, в 1690 км от её устья, доступный и для морских судов.

прожили в его гостеприимной асиенде до срока, указанного на конверте, который дал нам профессор Челленджер. Прежде чем приступить к описанию неожиданных событий этого дня, мне хотелось бы несколько подробнее обрисовать моих товарищей и тех людей, которых мы завербовали в Южной Америке для обслуживания нашей экспедиции. Я пишу с полной откровенностью и полагаюсь на присущий вам такт, мистер Макардл, ибо до опубликования этот материал пройдёт через ваши руки.

Научные заслуги профессора Саммерли слишком хорошо известны, о них нет нужды распространяться. Он оказался гораздо более приспособленным к такой тяжёлой экспедиции, чем можно было предположить с первого взгляда. Его худое, жилистое тело не знает усталости, а сухая, насмешливая и подчас просто недружелюбная манера остаётся неизменной при любых обстоятельствах. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, он ни разу не пожаловался на трудности, с которыми нам часто приходилось сталкиваться. Вначале я боялся, что профессор Саммерли окажется тяжкой обузой для нас, но, как выяснилось из дальнейшего, его выносливость ничуть не уступает моей. Саммерли — человек жёлчный и

большой скептик. Он не считает нужным скрывать свою твёрдую уверенность, что Челленджер — шарлатан чистейшей воды и что наша безумная, опасная затея не принесёт нам ничего, кроме разочарований, в Южной Америке и насмешек — в Англии. Профессор Саммерли не переставал твердить нам это всю дорогу от Саутгемптона до Манаоса, корча презрительные гримасы и тряся своей жиденькой козлиной бородкой.

Когда мы высадились, его несколько утешило великолепие и богатство мира пернатых и насекомых Южной Америки, ибо он предан науке всей душой. Теперь профессор Саммерли с раннего утра носится по лесу с охотничьим ружьём и сачком для бабочек, а вечерами препарирует добытые экземпляры. Из присущих ему странностей отмечу всегдашнюю небрежность туалета, полное невнимание к своей наружности, крайнюю рассеянность и пристрастие к короткой пенковой трубке, которую он почти не вынимает изо рта. В молодости профессор участвовал в нескольких научных экспедициях (был, например, с Робертсоном в Папуа), и поэтому кочевая жизнь ему не в новинку.

У лорда Джона Рокстона есть кое-что общее с профессором Саммерли, но по существу они

прямо противоположны друг другу. Хотя лорд Джон лет на двадцать моложе, тело у него такое же поджарое и костлявое. Я, помнится, подробно описал его внешность в той части моего повествования, которая осталась в Лондоне. Он очень опрятен, следит за собой, одет обычно в белое, носит высокие коричневые башмаки на шнуровке и бреется по меньшей мере раз в день. Как почти всякий человек действия, лорд Джон немногословен и часто задумывается, но на обращённые к нему вопросы отвечает тотчас же и охотно принимает участие в общей беседе, сдабривая её отрывистыми, наполовину серьёзными, наполовину шутливыми репликами. Его знание разных стран, и в особенности Южной Америки, просто поражает своей широтой, а что касается нашей экспедиции, то он всем сердцем верит в её целесообразность, не смущаясь насмешками профессора Саммерли. Голос у лорда Рокстона мягкий, манеры спокойные, но в глубине его мерцающих голубых глаз таится нечто свидетельствующее о том, что обладатель этих глаз способен приходить в бешенство и принимать беспощадные решения, а его обычная сдержанность только подчёркивает, насколько опасен может быть этот человек в минуты гнева. Он

не любит распространяться о своих поездках в Бразилию и Перу, и поэтому мне и в голову не приходило, что его появление так взволнует туземцев, населяющих берега Амазонки. Эти люди видят в нём поборника своих прав и надёжного защитника. Вокруг подвигов Рыжеволосого Вождя, как его здесь называют, уже сложились легенды, но с меня было достаточно и фактов, которые я мало-помалу узнавал, они были поразительны сами по себе.

Так, например, выяснилось, что несколько лет назад лорд Джон очутился на «ничьей земле», существование которой объясняется неточностью границ между Перу, Бразилией и Колумбией. На этом огромном пространстве в изобилии произрастает каучуковое дерево, принёсшее туземцам, как и в Конго, не меньше зла, чем подневольный труд на дарьенских серебряных рудниках во времена владычества испанцев. Кучка негодяев-метисов завладела всей этой областью, вооружила тех индейцев, которые оказывали им поддержку, а остальных обратила в рабство и, подвергая их нечеловеческим пыткам, вынуждала рубить каучуковые деревья и сплавлять их вниз по реке к Паре.

Лорд Джон Рокстон попробовал было вступить-

ся за несчастных, но, кроме угроз и оскорблений, ничего не добился. Тогда он по всем правилам объявил войну главарю рабовладельцев, некоему Педро Лопесу, собрал беглых рабов, вооружил их и начал военные действия, закончившиеся тем, что изверг-метис погиб от его пули, а возглавляемая им система рабства была уничтожена.

Неудивительно, что этот рыжеволосый человек с бархатным голосом и непринуждёнными манерами приковал к себе всеобщее внимание на берегах великой южноамериканской реки. Впрочем, чувства, которые он возбуждал, были, как и следовало ожидать, разные, ибо туземцы испытывали к нему благодарность, а их бывшие поработители — ненависть. Несколько месяцев, проведённых в Бразилии, не прошли для лорда Рокстона без пользы: он свободно овладел местным наречием, состоящим на одну треть из португальских слов и на две трети — из индейских.

Я уже упоминал, что лорд Джон Рокстон буквально бредил Южной Америкой. Он увлекался, говоря о ней, и его увлечение было заразительно, ибо даже у такого невежды, как я, пробудился интерес к этой стране. Как бы мне хотелось передать прелесть его рассказов, в которых точное

знание так тесно переплеталось с игрой пылкой фантазии, что даже профессор Саммерли внимательно слушал их, и скептическая улыбка постепенно сбегала с его худой, длинной физиономии! Лорд Джон рассказывал нам историю этой величественной реки. Она была исследована ещё первыми завоевателями, проплывшими по ней от одного конца материка до другого, и всё же до сих пор скрывала много тайн за своей узкой и вечно меняющейся береговой линией.

— Что там, в той стороне? — восклицал он, показывая на север. — Топи и непроходимые джунгли. Кто знает, что в них таится? А там, южнее? Болотистые заросли, где ещё не ступала нога белого человека. Неведомое окружает нас со всех сторон. Кто может знать наверное, чего следует ждать за этой узкой прибрежной линией? Можно ли поручиться, что старик Челленджер был не прав?

Профессор Саммерли расценивал такие слова как прямой вызов, упрямая усмешка снова появлялась на его лице, он иронически покачивал головой, пускал клубы дыма из трубки и ни единым словом не нарушал враждебного молчания. Но довольно говорить о моих двух белых спутниках: их характер и недостатки, так же как и мои

собственные, выявятся из дальнейшего. Расскажу лучше о людях, которые, возможно, будут играть немаловажную роль в грядущих событиях.

Начнём с великана-негра по имени Самбо. Это чёрный Геркулес, работающий как лошадь и наделённый примерно таким же интеллектом. Мы наняли его в Паре по рекомендации пароходной компании, на судах которой он научился кое-как объясняться по-английски.

Там же, в Паре, мы завербовали двух метисов, которые сплавляли в город красное дерево с верховьев Амазонки. Их звали Гомес и Мануэль. Оба они были смуглые, бородатые и свирепые на вид, а их ловкости и силе могла бы позавидовать и пантера. Гомес и Мануэль провели всю свою жизнь в верхней части бассейна Амазонки, которую мы должны были исследовать, и это обстоятельство и побудило лорда Джона взять их. У одного из метисов, Гомеса, было ещё то достоинство, что он прекрасно говорил по-английски. Эти люди согласились прислуживать нам — стряпать, грести и вообще делать всё, что от них потребуется, за жалованье в пятнадцать долларов в месяц. Кроме них, мы наняли троих боливийских индейцев племени мойо, представители которого славятся среди других приречных племён как искусные

рыболовы и гребцы. Старшего из них мы так и назвали — Можо, а двое других получили имена Жозе и Фернандо. Итак, трое белых, двое метисов, один негр и трое индейцев — вот состав нашей маленькой экспедиции, которая ждала в Манаосе дальнейших инструкций, чтобы двинуться в путь и выполнить возложенную на неё столь необычную задачу.

Наконец прошла томительная неделя и настал долгожданный день и час. Представьте же себе полутёмную гостиную асиенды Сант-Игнасио, расположенной в двух милях от города Манаоса. За спущенными шторами ослепительно сияло отливающее медью солнце, тени от пальм чернели на свету так же чётко, как и сами пальмы. Не было ни малейшего ветерка, в воздухе стояло несмолкаемое жужжание насекомых, и в этот тропический многооктавный хор входил и густой бас пчёл, и пронзительный фальцет москитов. Позади веранды начинался небольшой, обнесённый кактусовой изгородью сад с цветущими кустами, над которыми, искрясь на солнце, порхали большие голубые бабочки и крохотные колибри.

Мы сидели за камышовым столом, а на нём лежал запечатанный конверт. На конверте

неровным почерком профессора Челленджера было нацарапано следующее:

«Инструкция лорду Джону Рокстону и его спутникам. Вскрыть в городе Манаосе 15 июля ровно в 12 часов дня».

Лорд Джон положил часы на стол рядом с собой.

— Ещё семь минут, — сказал он. — Старикашка весьма пунктуален.

Профессор Саммерли криво усмехнулся и протянул к конверту свою худую руку.

— По-моему, безразлично, когда вскрыть, сейчас или через семь минут, — сказал он. — Это всё

то же шарлатанство и кривляние, которыми, к сожалению, славится автор письма.

— Нет, уж если играть, так по всем правилам, — возразил лорд Джон. — Парадом командует старик Челленджер, и нас занесло сюда по его милости. С нашей стороны будет просто неприлично, если мы не выполним его распоряжений в точности.

— Бог знает что! — рассердился профессор. — Меня и в Лондоне это возмущало, а чем дальше, тем становится всё хуже и хуже! Я не знаю, что заключается в этом конверте, но если в нём нет совершенно точного маршрута, я сяду на первый же пароход и постараюсь застать «Боливию» в Паре. В конце концов, у меня найдётся работа поважнее, чем разоблачать бредни какого-то маньяка. Ну, Рокстон, теперь уже пора.

— Да, время истекло, — сказал лорд Джон. — Можете давать сигнал.

Он вскрыл конверт перочинным ножиком, вынул оттуда сложенный пополам лист бумаги, осторожно расправил его и положил на стол. Бумага была совершенно чистая. Лорд Джон перевернул лист другой стороной. Там тоже ничего не было. Мы растерянно переглядывались и молчали, но наступившую тишину вдруг прервал

презрительный смех профессора Саммерли.

— Это же чистосердечное признание! — воскликнул он. — Что вам ещё нужно? Человек сам подтвердил собственное мошенничество. Нам остаётся только вернуться домой и назвать его во всеуслышание наглым обманщиком, кем он и является на самом деле.

— Симпатические чернила! — вырвалось у меня.

— Вряд ли, — ответил лорд Рокстон, поднимая бумагу на свет. — Нет, дорогой юноша, незачем себя обманывать. Ручаюсь чем угодно, что на этом листке ничего не было написано.

— Разрешите войти? — прогудел чей-то голос с веранды.

Приземистая фигура появилась в освещённом квадрате двери. Этот голос! Эта непомерная ширина плеч! Мы дружно вскрикнули и повскакали с мест, когда перед нами, в нелепой детской соломенной шляпе с цветной ленточкой, в парусиновых башмаках, носки которых он при каждом шаге выворачивал в стороны, вырос сам Челленджер. Он остановился на ярком свету, засунул руки в карманы куртки, выпятил вперёд свою роскошную ассирийскую бороду и устремил на нас дерзкий взгляд из-под полуопущенных век.

— Всё-таки опоздал на несколько минут, — сказал он, вынимая из кармана часы. — Вручая вам этот конверт, я, признаться, не рассчитывал, что вы вскроете его, так как мною с самого начала было решено присоединиться к вам раньше указанного часа. Виновники этой досадной задержки — болван-лоцман и в равной степени некстати подвернувшаяся мель. Боюсь, что я волей-неволей предоставил моему коллеге профессору Саммерли прекрасный повод поиздеваться надо мной.

— Должен вам заметить, сэр, — довольно строгим тоном сказал лорд Джон, — что ваш приезд несколько облегчает создавшееся неприятное

положение, так как мы уже решили, что наша экспедиция подошла к преждевременному концу. Тем не менее я отказываюсь понимать, что вас заставило пуститься на такие странные шутки.

Вместо ответа профессор Челленджер подошёл к столу, поздоровался за руку со мной и с лордом Джоном, отвесил оскорбительно вежливый поклон профессору Саммерли и сел в плетёное кресло, которое скрипнуло и так и заходило ходуном под его тяжестью.

— У вас всё готово, чтобы двинуться в путь? — спросил он.

— Можно выехать хоть завтра.

— Так и сделаем. Теперь вам не понадобится никаких карт, никаких указаний — я сам буду вашим проводником, цените это! Я с самого начала решил возглавить экспедицию, и вы убедитесь, что ни одна, даже самая подробная карта не заменит вам моего опыта, моего руководства. Что же касается этой невинной хитрости с конвертом, так если б я посвятил вас заранее в свои планы, мне пришлось бы отбиваться от ваших настоятельных просьб ехать сюда всем вместе.

— От меня вы бы этого не дождались, сэр! — с жаром воскликнул профессор Саммерли. — Разве лишь если б на всём Атлантическом океане не

нашлось другого парохода!

Челленджер только махнул в его сторону волосатой ручищей:

— Здравый смысл подскажет вам, что я руководствовался правильными соображениями. Мне нужно было сохранить за собой свободу действий, с тем чтобы появиться здесь в тот момент, когда моё присутствие окажется необходимым. Этот момент наступил. Теперь ваша судьба в надёжных руках. Вы доберётесь до места. Отныне руководить экспедицией буду я. Прошу вас закончить за сегодняшний день все приготовления, чтобы завтра ранним утром мы могли сняться с места. Моё время драгоценно, ваше тоже, хоть и в меньшей степени. Поэтому предлагаю как можно скорее проделать весь путь, а в конце его я покажу вам то, ради чего вы сюда приехали.

Лорд Джон Рокстон уже несколько дней назад зафрахтовал большой паровой катер «Эсмеральда», на котором мы должны были отправиться вверх по Амазонке. Время года не играло никакой роли при отправке нашей экспедиции, так как температура здесь держится в пределах двадцати пяти — тридцати градусов и зимой и летом. Другое дело — период дождей: он длится с декабря по май и вода в реке постепенно поднимается боль-

ше чем на двенадцать метров сверх обычного уровня. Амазонка выходит из берегов, заливает огромные пространства, превращая обширный район — местное название его Гапо — в сплошные топи, по которым если пойти пешком, то увязнешь, а на лодке не проедешь из-за мелководья. К июню вода начинает спадать, а в октябре или ноябре уровень её достигает низшей точки. Отправка нашей экспедиции совпадала именно с тем периодом, когда величественная река со всеми её притоками держится более или менее в берегах.

Течение в Амазонке довольно медленное, так как уклон её русла не превышает восьми дюймов на милю. Вряд ли есть на свете река более удобная для навигации. Преобладающие ветры здесь юго-восточные, и до границы Перу парусные суда добираются быстро, а обратно идут вниз по течению. Что касается нашей «Эсмеральды», то ход её, благодаря прекрасной машинной части, не зависел от ленивой реки, и мы двигались с такой быстротой, точно это была не Амазонка, а стоячий пруд.

Первые три дня наш катер держал курс на северо-запад, вверх по течению. Хотя устье Амазонки находится от этих мест на расстоянии несколь-

ких тысяч миль, она настолько широка здесь, что с середины реки оба берега кажутся еле заметной линией где-то у самого горизонта. На четвёртый день после нашего отплытия из Манаоса мы свернули в один из притоков, который в устье почти не уступал по ширине самой Амазонке, но вскоре начал быстро суживаться. Прошло ещё два дня, и мы подошли к какому-то индейскому посёлку, где профессор предложил нам высадиться, а «Эсмеральду» отправил обратно в Манаос. Скоро начнутся пороги, пояснил он, и катеру тут делать нечего. По секрету же добавил, что мы приблизились к преддверию Неведомой страны и, следовательно, чем меньше народу будет посвящено в нашу тайну, тем лучше. С этой же целью он взял с каждого из нас честное слово, что мы не опубликуем и не разгласим устно точных сведений о географическом положении того места, куда направляется экспедиция, а всех слуг заставил торжественно поклясться в соблюдении тайны. Всё это вынуждает меня к известной сдержанности в изложении событий, и я предупреждаю читателей, что на тех картах или чертежах, которые, возможно, придётся приложить к моему повествованию, будет правильно только взаимное расположение отдельных мест, но не

координаты их и, следовательно, пользоваться этими данными для того, чтобы проникнуть в Неведомую страну, не рекомендуется. Чем бы ни руководствовался профессор Челленджер, столь ревностно сохраняя свою тайну, мы не могли не повиноваться ему, ибо он действительно был способен скорее сорвать экспедицию, чем хоть на йоту отступить от поставленных нам условий.

Второго августа мы простились с «Эсмеральдой», тем самым порвав последнее звено, связующее нас с миром. За четыре дня, которые прошли с тех пор, профессор нанял у индейцев два больших челна, настолько лёгких (они были сделаны из звериных шкур, натянутых на бамбуковый каркас), что в случае необходимости мы могли бы перетаскивать их на руках. В эти челны было погружено всё наше снаряжение, а в качестве добавочных гребцов мы наняли ещё двух индейцев по имени Ипету и Атака, кажется тех самых, которые сопровождали профессора Челленджера в его первом путешествии. Оба они, по-видимому, были вне себя от ужаса, когда им предложили снова отправиться в те края, но в быту индейцев вождь до сих пор пользуется патриархальной властью, и, если какая-либо сделка кажется ему выгодной, его соплеменникам рассуждать не

приходится.

Итак, завтра мы уходим в Неведомое. Первую свою корреспонденцию я отправлю с попутной лодкой, и, быть может, для тех, кто интересуется нашей судьбой, эта весточка о нас будет последней. Я посылаю её на ваше имя, дорогой мистер Макардл, как мы и условились. Сокращайте, правьте мои письма, словом, делайте с ними всё, что найдёте нужным, — полагаюсь на присущий вам такт.

Судя по весьма уверенному виду нашего предводителя, он собирается доказать свою правоту на деле, и я, вопреки упорному скептицизму профессора Саммерли, не сомневаюсь, что мы действительно накануне величайших и поразительных событий.

Глава восьмая
На подступах к новому миру

Пусть наши друзья на родине порадуются вместе с нами — мы добрались до цели своего путешествия и теперь можем сказать, что утверждения профессора будут проверены. Правда, на плато наша экспедиция ещё не поднималась, но оно тут, перед нами, и при виде его даже профес-

сор Саммерли несколько смирился духом. Он, конечно, не допускает и мысли, что его соперник прав, но спорить стал меньше и большей частью хранит насторожённое молчание.

Однако вернусь назад и продолжу свой рассказ с того места, на котором он был прерван. Мы отсылаем обратно одного из индейцев, сильно поранившего руку, и я отправлю письмо с ним, но дойдёт ли оно когда-нибудь по назначению, в этом я очень сомневаюсь.

Последняя моя запись была сделана в тот день, когда мы собирались покинуть индейский посёлок, к которому нас доставила «Эсмеральда». На сей раз приходится начинать с неприятного, так как в тот вечер между двумя членами нашей группы произошла первая серьёзная ссора, чуть было не закончившаяся трагически. Постоянные стычки между профессорами, конечно, в счёт не идут. Я уже писал о нашем метисе Гомесе, который говорит по-английски. Он прекрасный работник, очень услужливый, но страдает болезненным любопытством — пороком, свойственным большинству людей. В последний вечер перед отъездом из посёлка Гомес, по-видимому, спрятался где-то около хижины, в которой мы обсуждали наши планы, и стал подслуши-

вать. Великан Самбо, преданный нам, как собака, и к тому же ненавидящий метисов, подобно всем представителям своей расы, схватил его и притащил в хижину. Гомес взмахнул ножом и заколол бы негра, если б тот, обладая поистине неимоверной силой, не ухитрился обезоружить его одной рукой. Мы отчитали их обоих, заставили обменяться рукопожатием и надеемся, что тем дело и кончится. Что же касается вражды между нашими двумя учёными мужами, то она не только не утихает, но разгорается всё пуще и пуще. Челленджер, надо сознаться, ведёт себя крайне вызывающе, а злой язык Саммерли ни в коей мере не способствует их примирению. Вчера, например, Челленджер заявил, что он не любит гулять по набережной Темзы — ему, видите ли, грустно смотреть на то последнее пристанище, которое его ожидает. У профессора нет ни малейших сомнений, что его прах будет покоиться в Вестминстерском аббатстве. Саммерли кисло улыбнулся и сказал:

— Насколько мне известно, Милбенкскую тюрьму давно снесли.

Огромное самомнение Челленджера не позволяет ему обижаться на такие шпильки, и поэтому он только усмехнулся в бороду и проговорил снисходительным тоном, словно обращаясь к ребёнку:

— Ишь ты какой!

По уму и знаниям эти два человека могут занять место в первом ряду светил науки, но приглядеться к ним — они настоящие дети: один — сухонький, брюзгливый, другой — тучный, властный. Ум, воля, душа — чем больше узнаёшь жизнь, тем яснее видишь, как часто одно не соответствует другому!

На следующий день после описанного происшествия мы двинулись в путь, и эту дату можно считать началом нашей замечательной экспедиции. Всё снаряжение прекрасно поместилось в двух челнах, а мы сами разбились на две группы, по шесть человек в каждой, причём в интересах общего спокойствия профессоров рассадили по разным челнам. Я сел с Челленджером, который пребывал в состоянии безмолвного экстаза и всем своим видом излучал благостность. Но мне уже приходилось наблюдать его в другом настро-

ении, и я готов был каждую минуту услышать гром среди ясного неба. С этим человеком никогда нельзя чувствовать себя спокойным, но зато в его обществе и не соскучишься, ибо он всё время заставляет тебя трепетать в ожидании внезапной вспышки его бурного темперамента.

Два дня мы поднимались вверх по широкой реке, вода в которой была тёмная, но такая прозрачная, что сквозь неё виднелось дно. Такова половина всех притоков Амазонки, в других же вода мутно-белого цвета — всё зависит от местности, по которой они протекают: там, где есть растительный перегной, вода в реках прозрачная, а в глинистой почве она замутнена. Пороги нам встретились дважды, и оба раза мы делали обход на полмили, перетаскивая всё своё имущество на руках. Лес по обоим берегам был вековой давности, а через такой легче пробираться, чем сквозь густую поросль кустарника, поэтому наша поклажа не причиняла нам особых неудобств. Мне никогда не забыть ощущения торжественной тайны, которое я испытал в этих лесах. Коренной горожанин не может даже представить себе таких могучих деревьев, почти на недосягаемой для взора высоте сплетающих готические стрелы ветвей в сплошной зелёный шатёр, сквозь кото-

рый лишь кое-где, пронизывая на миг золотом эту торжественную тьму, пробивается солнечный луч. Густой мягкий ковёр прошлогодней листвы приглушал наши шаги. Мы шли, охваченные таким благоговением, которое испытываешь разве только под сумрачными сводами Вестминстерского аббатства, и даже профессор Челленджер понизил свой зычный бас до шёпота. Будь я здесь один, мне так бы никогда и не узнать названий этих гигантских деревьев, но наши учёные то и дело показывали нам кедры, огромные капоки, секвойи и множество других пород, благодаря обилию которых этот континент стал для человека главным поставщиком тех даров природы, что относятся к растительному миру, тогда как его животный мир крайне беден.

На тёмных стволах пламенели яркие орхидеи и поражающие своей окраской лишайники, а когда случайный луч солнца падал на золотую алламанду, пунцовые звёзды жаксонии или густо-синие гроздья ипомеи, казалось, что так бывает только в сказке. Всё живое в этих дремучих лесах тянется вверх, к свету, ибо без него — смерть. Каждый побег, даже самый слабенький, пробивается всё выше и выше, заплетаясь вокруг своих более сильных и более рослых

собратьев. Ползучие растения достигают здесь чудовищных размеров, а те, которым будто и не положено виться, волей-неволей постигают это искусство, лишь бы вырваться из густого мрака. Я видел, например, как обыкновенная крапива, жасмин и даже пальма яситара оплетали стволы кедров, пробираясь к самым их вершинам.

Внизу, под величественными сводами зелени, не было слышно ни шороха, ни писка, но где-то высоко у нас над головой шло непрестанное движение. Там в лучах солнца ютился целый мир змей, обезьян, птиц и ленивцев, которые, вероятно, с изумлением взирали на крохотные человеческие фигурки, пробирающиеся внизу, на самом дне этой наполненной таинственным сумраком бездны.

На рассвете и при заходе солнца лесная чаща оглашалась дружным воем обезьян-ревунов и пронзительным щебетом длиннохвостых попугаев, но в знойные часы мы слышали лишь жужжание насекомых, напоминающее отдалённый шум прибоя, и больше ничего… Ничто не нарушало торжественного величия этой колоннады стволов, уходящих вершинами во тьму, которая нависала над нами. Только раз в густой тени под деревьями неуклюже проковылял ка-

кой-то косолапый зверь — не то муравьед, не то медведь. Это был единственный признак того, что в лесах Амазонки живое передвигается и по земле.

А между тем некоторые другие признаки свидетельствовали и о присутствии человека в этих таинственных дебрях — человека, который держался не так далеко от нас. На третий день мы услышали какой-то странный ритмический гул, то затихавший, то снова сотрясавший воздух своими торжественными раскатами, и так всё утро. Когда этот гул впервые донёсся до нас, челны шли на расстоянии нескольких ярдов один от другого. Индейцы замерли, точно превратившись в бронзовые статуи, на их лицах был написан ужас.

— Что это? — спросил я.

— Барабаны, — небрежным тоном ответил лорд Джон. — Боевые барабаны. Мне уже приходилось слышать их.

— Да, сэр, это боевые барабаны, — подтвердил метис Гомес. — Индейцы — злой народ. Они следят за нами. Индейцы убьют нас, если смогут.

— Каким это образом они ухитрились нас выследить? — спросил я, вглядываясь в тёмную, неподвижную чащу.

Метис пожал плечами:

— Индейцы, они всё умеют. У них всегда так. Они следят. Барабаны переговариваются между собой. Индейцы убьют нас, если смогут.

К полудню — в моей записной книжке отмечено, что это было во вторник, восемнадцатого августа, — гул по меньшей мере шести-семи барабанов окружал нас со всех сторон. Они то учащали ритм, то замедляли. Вот где-то на востоке послышалась чёткая, отрывистая дробь… Пауза… Густой гул откуда-то с севера. Этот непрестанный рокот звучал почти как вопрос и ответ. В нём было что-то грозное, невероятно действующее на нервы. Он сливался в слова — те самые, которые не переставал твердить наш метис: «Если сможем, убьём. Если сможем, убьём». В безмолвном лесу не было ни малейшего движения. Тёмная завеса зелени дышала покоем и миром, присущим только природе, но из-за неё безостановочно неслась одна и та же весть, которую слал нам собрат-человек. «Если сможем, убьём», — говорили те, кто был на востоке. «Если сможем, убьём», — отвечали им с севера.

Барабаны рокотали и перешёптывались весь день, и угроза, звучавшая в их голосах, отражалась ужасом на лицах наших цветных спутников. Даже смелый, хвастливый метис, видимо, трусил.

Зато в тот же день у меня был случай убедиться, что Саммерли и Челленджер обладают высшим мужеством — мужеством просвещённого ума. С такой же отвагой держался Дарвин среди гаучо[21] Аргентины и Уоллес — среди малайских охотников за черепами. Так уж положено милостивой природой: человек не может думать о двух вещах сразу, и там, где говорит научная любознательность, соображениям личного порядка места не остаётся.

Оба профессора не пропускали ни одной пролетавшей птицы, ни одного кустика на берегу и то и дело принимались яростно спорить, не обращая внимания на таинственный грозный гул. Саммерли по-прежнему огрызался на Челленджера, который, по своему обыкновению, гудел басом, и ни тот ни другой не считали нужным хотя бы одним словом обмолвиться об индейских барабанах, будто всё это происходило в курительной комнате клуба Королевского общества на Сент-Джеймс-стрит. Они только раз удостоили индейцев своим вниманием.

---

[21] Notes: 21

Гаучо — этническая группа, возникшая от смешения испанцев с индейцами Аргентины. Во времена путешествия Дарвина (1831–1836) гаучо отличались большой воинственностью, хотя по характеру своему, как свидетельствует Дарвин, представляли собой народ вежливый, гостеприимный и услужливый.

— Каннибалы племени миранью, а может быть, амажуака, — сказал Челленджер, ткнув большим пальцем в сторону леса, откуда неслись барабанные раскаты.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Саммерли, — и, как все здешние племена, они принадлежат к монгольской расе, а язык у них полисинтетический.

— Разумеется, полисинтетический, — снисходительно согласился Челленджер. — Насколько мне известно, других языков на этом континенте не существует. У меня записано более сотни разных наречий. Но что касается монгольской расы, то в этом я сомневаюсь.

— А казалось бы, достаточно самого поверхностного знакомства со сравнительной анатомией, чтобы признать эту теорию правильной, — ядовито заметил Саммерли.

Челленджер с воинственным видом выпятил вперёд подбородок. Поля соломенной шляпы и борода — вот всё, что предстало нашим взорам.

— Вы правы, сэр, поверхностное знакомство ничего другого дать не может. Но исчерпывающие знания заставляют приходить к иным выводам.

Они злобно ели друг друга глазами, а в это время по лесу еле слышным шёпотом проносилось

эхо: «Убьём, убьём… Если сможем, убьём».

Вечером мы вывели челны на середину реки, приспособив вместо якорей тяжёлые камни, и подготовились к возможному нападению. Однако ночь прошла спокойно, и с рассветом мы двинулись дальше под затихавшую вдали барабанную дробь. Около трёх часов дня нам преградили путь высокие пороги, тянувшиеся мили на полторы, те самые, на которых профессор Челленджер потерпел крушение в свою первую экспедицию.

Сознаюсь, что вид этих порогов подбодрил меня: это было первое, хоть и слабое подтверждение достоверности рассказов Челленджера.

Индейцы перенесли сквозь густой кустарник сначала челны, потом снаряжение, а мы, четверо белых, с винтовками в руках, шли цепочкой, прикрывая их от той опасности, которая могла нагрянуть из лесу. К вечеру наша партия благополучно миновала пороги, поднялась миль на десять вверх по реке и остановилась на ночлег. По моим примерным расчётам, к этому времени Амазонка была уже по меньшей мере на сотни миль позади нас.

Рано утром на следующий день произошли важные события. Профессор Челленджер с самого рассвета вглядывался в оба берега, явно чем-то

обеспокоенный. Но вот он радостно вскрикнул и показал на дерево, низко нависшее над водой.

— Как по-вашему, что это? — спросил он.

— Пальма ассаи, конечно, — сказал Саммерли.

— Правильно. И эта самая пальма служила мне главной приметой. Ещё с полмили вверх по тому берегу — и мы подойдём к скрытому в чаще протоку. Удивительнее всего, что деревья стоят там сплошной стеной. Вон видите: тёмный кустарник сменяется светло-зелёным тростником. Там среди высоких тополей и есть потайная дверь в Неведомую страну. Сейчас вы сами во всём убедитесь. Ну, вперёд!

И действительно, нам оставалось только поражаться. Подплыв к тому месту, где начинались заросли светло-зелёного тростника, мы врезались в них, потом ярдов сто вели оба челна, отталкиваясь от берега шестами, и наконец вышли в тихую, неглубокую речку с песчаным дном, видневшимся сквозь прозрачную воду. Её узкие берега были одеты пышной зеленью.

Тот, кто не заметил бы, что вместо густого кустарника здесь растёт тростник, никогда бы не догадался о существовании этой речки и открывающегося за ней волшебного царства.

Да, это было поистине волшебное царство! Такое великолепие может нарисовать только

самая пылкая фантазия. Густые ветви сплетались у нас над головой, образуя естественный зелёный свод, а сквозь этот живой туннель струилась прозрачно-зелёная река. Прекрасная сама по себе, она казалась ещё чудеснее от тех причудливых бликов, которые роняли на неё смягчённые зеленью яркие лучи солнца. Чистая, как хрусталь, недвижная, как зеркало, зеленеющая у берегов, как айсберг, водная гладь сверкала сквозь резную арку листвы, подёргиваясь рябью под ударами наших вёсел. Это был путь, достойный страны чудес, в которую он вёл.

Теперь индейцы никак не давали о себе знать, зато животные стали попадаться чаще, и их доверчивость свидетельствовала о том, что они ещё не встречались с охотником. Пушистые бархатисто-чёрные обезьянки с ослепительно-белыми зубами и лукавыми глазками провожали нас пронзительной трескотнёй. Иногда с тяжёлым всплеском срывался с берега в воду кайман. Раз как-то грузный тапир выглянул из кустов и, постояв минуту, побрёл в чащу. Потом среди деревьев мелькнуло гибкое тело крупной пумы; она обернулась на ходу, и из-за рыжего плеча на нас сверкнули полные ненависти зелёные глаза. Птиц здесь было множество, особенно болотных.

На каждом стволе, нависшем над водой, стайками сидели ибисы, цапли, аисты — голубые, ярко-красные, белые, а кристально чистая вода так и кишела рыбами всех цветов радуги.

Мы плыли по этому золотисто-зелёному туннелю три дня. Глядя вдаль, трудно было отличить, где кончается зелёная вода и где начинается зелёный свод над ней. Ничто не нарушало глубокого покоя этой реки, следов человека здесь не было.

— Индейцев нет. Они боятся Курупури, — сказал как-то Гомес.

— Курупури — это лесной дух, — пояснил лорд Джон. — Здесь этим именем называют всё, что несёт в себе злое начало. Бедняги-туземцы боятся даже заглянуть сюда: им кажется, будто в этих местах кроется нечто страшное.

На третий день нам стало ясно, что с челнами надо расстаться: так как река начинала быстро мелеть, они то и дело скребли днищем о песок. Под конец мы вытащили их из воды и расположились на ночь в прибрежном кустарнике. Утром лорд Джон и я прошли мили две лесом параллельно реке и, убедившись, что она мелеет всё больше и больше, вернулись с этой вестью к профессору Челленджеру, тем самым подтвердив его предположение, что мы достигли крайней

точки, дальше которой на челнах идти нельзя. Тогда мы втащили их ещё выше на берег, спрятали в кустах и сделали на соседнем дереве зарубку, чтобы разыскать свой тайник на обратном пути. Потом, распределив между собой поклажу: винтовки, патроны, провизию, одеяла, палатку и прочий скарб, — взвалили тюки на плечи и снова двинулись в путь, последний этап которого сулил нам гораздо большие трудности, чем начало.

Это выступление, к несчастью, было ознаменовано стычкой между нашими двумя петухами. Присоединившись к нам, Челленджер сразу же взял экспедицию под своё начало, к явному неудовольствию Саммерли. И в этот день, как только Челленджер отдал распоряжение своему коллеге (нести анероидный барометр всего-навсего!), последовал взрыв.

— Разрешите спросить, сэр, — с грозным спокойствием проговорил Саммерли, — по какому праву вы командуете нами?

Челленджер вдруг вспыхнул и весь так и ощетинился:

— По праву начальника экспедиции, профессор Саммерли!

— Вынужден заявить, сэр, что я вас таковым не признаю.

— Ах вот как! — Челленджер с поистине слоновьей грацией отвесил ему насмешливый поклон. — Тогда, может быть, вы соблаговолите указать мне моё место среди вас?

— Пожалуйста, сэр. Вы — человек, слова которого взяты под сомнение, а мы — члены комиссии, созданной для того, чтобы проверить вас. Вы идёте со своими судьями, сэр!

— Боже милостивый! — воскликнул Челленджер, садясь на перевёрнутый чёлн. — В таком случае будьте добры следовать своей дорогой, а я, не торопясь, пойду за вами. Поскольку я не возглавляю эту экспедицию, мне незачем идти во главе её.

Благодарение богу, в нашей партии нашлись два здравомыслящих человека — лорд Джон и я, — иначе сумасбродство и горячность наших учёных мужей привели бы к тому, что мы вернулись бы в Лондон с пустыми руками. Сколько понадобилось пререканий, уговоров, объяснений, прежде чем мы утихомирили их! Наконец Саммерли двинулся вперёд, попыхивая трубкой и презрительно усмехаясь, а Челленджер с ворчанием последовал за ним. К счастью, мы ещё за несколько дней до того успели обнаружить, что оба наших мудреца ни во что не ставят доктора

Иллингворта из Эдинбурга, и это спасло нас. В дальнейшем стоило нам только упомянуть имя шотландского зоолога, как назревающие ссоры моментально стихали, оба профессора заключали временный союз и дружно накидывались на своего общего соперника.

Двигаясь гуськом вдоль берега, мы скоро обнаружили, что река постепенно превратилась в узкий ручей, а он, в свою очередь, затерялся в трясине, заросшей зелёным губчатым мхом, в который наши ноги уходили по колено. В этом месте вились густые тучи москитов и всякой другой мошкары, так что мы с чувством облегчения ступили наконец на твёрдую землю и, сделав большой крюк лесом, обошли эту злачную трясину, которая ещё долго напоминала нам о себе органным гулом насекомых.

На второй день после того, как мы бросили челны, характер местности резко изменился. Нам приходилось всё время идти в гору, лесная чаща заметно редела и утрачивала свою тропическую пышность. Огромные деревья, вскормленные илистой почвой долины Амазонки, уступили место кокосовым и финиковым пальмам, которые стояли группами среди густого кустарника. В сырых низинах росли пальмы с изящными

ниспадающими листьями. Мы шли почти только по компасу, и раза два между Челленджером и двумя индейцами разгорался спор о выборе пути, причём оба раза вся наша партия предпочла, как выразился возмущённый профессор, «довериться обманчивому инстинкту первобытных дикарей, а не совершеннейшему продукту современной европейской культуры». На третий день выяснилось, что мы были правы, отдав предпочтение индейцам. Челленджер сам опознал кое-какие приметы, запомнившиеся ему с первого путешествия, а в одном месте мы даже наткнулись на четыре обожжённых камня — след его лагерной стоянки.

Подъём всё время продолжался; два дня ушло на то, чтобы преодолеть усеянный валунами холм. Растительность снова изменилась, и от прежней тропической роскоши здесь оставались только пальмы «слоновая кость» да множество чудесных орхидей, среди которых я научился распознавать редкостную Nuttoma vexillaria, розовые и пунцовые цветы великолепной катлеи и одонтоглоссум. В расщелинах холма журчали по мелким камням ручейки, затенённые зарослями папоротника. На ночь мы обычно располагались среди валунов на берегу какой-нибудь заводи,

где стаями носились рыбки с синевато-чёрными спинками вроде нашей английской форели, служившие нам прекрасным блюдом на ужин.

На девятый день нашего пути, когда мы проделали, по моим расчётам, около ста двадцати миль от того места, где были спрятаны челны, лес совсем измельчал и мало-помалу перешёл в кустарник. Кусты, в свою очередь, сменились бескрайними бамбуковыми зарослями, настолько густыми, что нам приходилось прорубать в них дорогу ножами и индейскими томагавками. На это у нас ушёл целый день, от семи утра до восьми вечера, всего с двумя короткими перерывами на отдых. Трудно представить себе занятие более однообразное и утомительное! Даже в просеках мой горизонт ограничивался какими-нибудь десятью-двенадцатью ярдами; всё остальное время я видел перед собой только спину лорда Джона в белой парусиновой рубашке да по сторонам, почти вплотную, — жёлтую стену бамбука. Узкие, как лезвие, лучи солнца кое-где пронизывали её; футах в пятнадцати у нас над головой на фоне ярко-синего неба покачивались бамбуковые метёлки. Я не знаю, какие животные населяли эту чащу, но мы не раз слышали совсем близко от себя чью-то грузную поступь. Лорд Джон думал, что

это были какие-то крупные копытные. Только к ночи выбрались мы из зарослей бамбука и, измученные за этот показавшийся нам бесконечным день, сейчас же разбили лагерь.

Следующее утро застало нас уже в пути. Характер местности опять начал меняться. Жёлтая стена бамбука чётко, словно речное русло, виднелась позади. Перед нами же расстилалась открытая равнина, поросшая кое-где древовидными папоротниками и постепенно поднимавшаяся к длинному гребню, который напоминал очертаниями спину кита. Мы перевалили через него около полудня и увидели за ним долину, а дальше — снова пологий откос, мягко круглившийся на горизонте. Здесь, у первой гряды холмов, и произошло некое событие, полное, быть может, серьёзного значения, но так ли это — покажет дальнейшее.

Профессор Челленджер, шагавший впереди вместе с двумя индейцами, вдруг остановился и взволнованно замахал рукой, показывая куда-то вправо. Посмотрев в ту сторону, мы увидели примерно в миле от нас нечто похожее на огромную серую птицу, которая неторопливо взмахнула крыльями, низко и плавно пронеслась над самой землёй и скрылась среди деревьев.

— Вы видели? — ликующим голосом крикнул Челленджер. — Саммерли, вы видели?

Его коллега не отрываясь смотрел туда, где скрылась эта странная птица.

— Что же это такое, по-вашему? — спросил он.

— Как — что? Птеродактиль!

Саммерли презрительно расхохотался.

— Птерочушь! — сказал он. — Это аист, самый обыкновенный аист.

Челленджер лишился дара речи от бешенства. Вместо ответа он взвалил на плечи свой тюк и зашагал дальше. Но у лорда Джона, который вскоре поравнялся со мной, вид был куда серьёзнее обычного. Он держал в руках цейсовский бинокль.

— Я всё-таки успел её разглядеть, — сказал он. — Не берусь судить, что это за штука, но таких птиц я ещё в жизни не видывал, могу поручиться в этом всем своим опытом охотника.

Вот так и обстоят наши дела. Подошли ли мы действительно к Неведомой стране, стоим ли на подступах к Затерянному миру, о котором не перестаёт твердить наш руководитель? Всё записано так, как было, и вы знаете столько же, сколько и я. Такие случаи больше не повторялись, никаких других важных событий с нами

не произошло.

Итак, мои дорогие читатели, — если только когда-нибудь у меня будут таковые — вы поднялись вместе со мной по широкой реке, проникли сквозь тростник в великий туннель, прошли по откосу среди пальм, преодолели заросли бамбука, спустились на равнину, поросшую древовидными папоротниками. И теперь цель нашего путешествия лежит прямо перед нами.

Перевалив через вторую гряду холмов, мы увидели узкую долину, густо заросшую пальмами, а за ней длинную линию красных скал, которая запомнилась мне по рисунку в альбоме. Сейчас я пишу, но стоит мне оторваться от письма — и вот она у меня перед глазами: её тождество с рисунком несомненно. Кратчайшее расстояние между ней и нашей стоянкой не превышает семи миль, а потом она изгибается и уходит в необозримую даль.

Челленджер, как петух, с боевым видом расхаживает по лагерю; Саммерли хранит молчание, но настроен по-прежнему скептически. Ещё один день — и многие из наших сомнений разрешатся. Пока же я отправлю это письмо с Жозе, который поранил себе руку в бамбуковых зарослях и требует, чтобы его отпустили. Надеюсь, что письмо

всё-таки попадёт по назначению. При первой же возможности напишу ещё. К письму прилагаю приблизительный план нашего путешествия в расчёте на то, что он поможет вам уяснить всё здесь изложенное.

Глава девятая
Кто мог предугадать это?

Нас постигло страшное несчастье. Кто мог предугадать это? Теперь я не вижу конца нашим бедам. Может быть, нам суждено остаться на всю жизнь в этом загадочном, неприступном месте. Я так потрясён случившимся, что до сих пор не могу хорошенько разобраться в настоящем, не могу и заглянуть вперёд, в будущее. Первое кажется моему смятенному мозгу ужасным, второе — беспросветным, как ночь.

Вряд ли кто-нибудь ещё попадал в такое положение. Оно столь безвыходно, что я даже не считаю нужным открывать вам точные координаты этой горной цепи и взывать к друзьям о высылке спасательной партии. Если такая партия и будет выслана, наша судьба, по всей вероятности, решится задолго до её прибытия в Южную Америку.

Да, мы отрезаны от всякой помощи, всё равно как если бы нас занесло на Луну. Если же мы выйдем с честью из этой беды, то будем обязаны спасением только самим себе. Мои три спутника — люди незаурядные, люди замечательного ума и непоколебимого мужества. В этом, и только в этом вся наша надежда. Стоит мне взглянуть на спокойные лица товарищей, и мрак вокруг меня рассеивается. Смею думать, что внешне я держусь с таким же спокойствием. На самом же деле меня мучат тяжкие сомнения.

А теперь позвольте мне изложить со всеми подробностями ход событий, который привёл нас к катастрофе.

В последнем своём отчёте я писал, что мы находимся в семи милях от цепи красных скал, опоясывающих кольцом то самое плато, о котором говорил профессор Челленджер. Когда наша партия подошла к ним поближе, мне показалось, что профессор даже преуменьшил их высоту, так как в некоторых местах они достигают по крайней мере тысячи футов. Бросается в глаза также слоистость этих скал, по-видимому характерная для базальтовых образований. Нечто подобное можно наблюдать в Селисберийских утёсах близ Эдинбурга. Вершина горной цепи

покрыта пышной растительностью — по краям поднимаются кусты, а за ними высокие деревья. Живых существ здесь, очевидно, нет.

Той ночью мы разбили лагерь у самого подножия горной цепи, в пустынном и мрачном месте. Красные скалы, поднимающиеся над нами, не только совершенно отвесны, но и загибаются по

краям наружу, так что о подъёме с этой стороны нечего и думать. Невдалеке от нашего лагеря стоит высокий, суживающийся кверху утёс. Я, кажется, уже говорил о нём в своё время. Он напоминает утолщённый церковный шпиль. Вершина его, на которой растёт высокое дерево, приходится вровень с плато, но их разделяет расщелина. Этот утёс и ближайшие к нему отроги горной цепи не очень высоки — на мой взгляд, футов пятьсот-шестьсот, не больше.

— Вот на этом самом дереве, — сказал профессор, — сидел птеродактиль, которого я подстрелил. Мне пришлось вскарабкаться до половины утёса. Думаю, что хороший альпинист, вроде меня, сможет подняться и на вершину, хотя оттуда на плато всё равно не переберёшься.

Пока Челленджер говорил о своём птеродактиле, я приглядывался к профессору Саммерли и впервые уловил в нём нечто новое: он явно начинал верить своему сопернику и даже проявлял некоторые признаки раскаяния. Язвительная усмешка исчезла с его губ, он стоял бледный и не старался скрыть свое изумление. Челленджер тоже не преминул заметить это и уже упивался победой.

— Профессор Саммерли, разумеется, думает,

что, говоря о птеродактиле, я имею в виду обыкновенного аиста, — сказал он, неуклюже пытаясь сострить, — но этот аист лишён оперения, у него необычайно твёрдый кожный покров, перепончатые крылья и усаженный зубами клюв.

Челленджер отвесил низкий поклон, ухмыльнулся, подмигнул своему коллеге, а тот не выдержал и отошёл прочь.

Утром после скромного завтрака, состоявшего из кофе и маниока — провизию приходилось экономить, — мы созвали военный совет и стали обсуждать, каким образом подняться на плато.

Профессор Челленджер председательствовал с необычайной торжественностью — ни дать ни взять верховный судья.

Представьте себе такую картину: этот бородач в сдвинутой на затылок нелепой соломенной шляпе восседает на камнях, надменно поглядывая на нас из-под полуопущенных век, и медленно, с расстановкой, говорит о нашем теперешнем положении и дальнейших планах действия. Перед ним разместились мы трое: ваш покорный слуга — загорелый, сильно окрепший на свежем воздухе; Саммерли, с важным и по-прежнему скептическим видом попыхивающий трубкой, и худощавый, острый, как лезвие бритвы, лорд

Джон, который опирается на винтовку, устремив на Челленджера орлиный взор. Позади нас двое смуглых метисов и сбившиеся в кучку индейцы, а впереди красноватые ребристые скалы, закрывающие нам доступ к желанной цели.

— Вряд ли стоит говорить, — так начал наш руководитель, — что в свой первый приезд сюда я испробовал все способы подняться на плато, и если уж это не удалось мне, опытному альпинисту, то другому и подавно не удастся. Правда, у меня не было никаких альпинистских приспособлений, но теперь я об этом позаботился и с их помощью во что бы то ни стало доберусь до вершины утёса. Впрочем, о подъёме на главный кряж с этой стороны пока что нечего и думать. В прошлый раз мне пришлось торопиться: приближался период дождей, кроме того, мои запасы подходили к концу. Всё это крайне стесняло меня во времени, и я успел обогнуть хребет в восточном направлении миль на шесть и не нашёл сколько-нибудь подходящего места для подъёма. Что же мы предпримем теперь?

— По-моему, здравый смысл подсказывает нам только один выход, — заговорил профессор Саммерли. — Если вы обследовали хребет в восточном направлении, то теперь надо идти на

запад и посмотреть, нельзя ли подняться с той стороны.

— Правильно, — поддержал его лорд Джон. — Есть основания предполагать, что этот кряж не так уж велик. Мы обойдём его вокруг и либо отыщем то, что нам нужно, либо вернёмся к исходной точке.

— Я уже разъяснил нашему юному другу, — сказал Челленджер (он всегда говорил обо мне как о десятилетнем школьнике), — что на лёгкий подъём рассчитывать не приходится, и по весьма простой причине: если б таковой существовал, плато не было бы отрезано от остального мира и на нём не создались бы условия, которые нарушают все известные нам законы выживания видов. Тем не менее я вполне допускаю, что на склонах есть места, доступные опытному альпинисту, но непреодолимые для тяжёлых, неповоротливых животных. В существовании по крайней мере одного такого места я просто уверен.

— Что же вам дало эту уверенность, сэр? — резко спросил его Саммерли.

— А то, что моему предшественнику, американцу Мепл-Уайту, каким-то образом удалось подняться на плато. Иначе как бы он увидел то чудовище, которое зарисовано у него в альбоме?

— Следовательно, вы забегаете вперёд, не дожидаясь, когда всё это будет проверено, — упрямо возразил Саммерли. — Я признаю существование плато, потому что оно у меня перед глазами, но есть ли на нём жизнь, этого мне ещё никто не доказал.

— Признаёте ли вы что-нибудь или не признаёте — это, сэр, совершенно не важно. Впрочем, я рад, что наличие самого плато всё же дошло до вашего сознания. — Челленджер поднял голову и вдруг, вскочив с места, схватил Саммерли за шиворот и задрал ему подбородок кверху. — Ну, сэр, — крикнул он хриплым от волнения голосом, — теперь вы убедились, что на плато есть животный мир?

Я уже говорил о густой бахроме зелени, окаймлявшей края каменной гряды. Так вот, из этих зарослей вдруг показалось какое-то чёрное блестящее существо. Оно медленно подползло к обрыву, свесилось над ним, и тут мы разглядели, что это огромная змея с плоской, похожей на лопату головой. С минуту она качалась над обрывом, играя на солнце своими гладкими, словно отполированными, кольцами, потом медленно подалась назад и исчезла в кустах.

Это зрелище так увлекло Саммерли, что сначала

он даже не пытался вырваться из лап Челленджера. Но потом опомнился и, оттолкнув от себя своего коллегу, снова принял достойный вид.

— Профессор Челленджер, — сказал он, — я был бы очень рад, если бы вы нашли какой-нибудь другой способ привлекать внимание к своим словам, вместо того чтобы задирать мне подбородок кверху. Такую вольность не оправдывает даже появление весьма обыкновенного питона.

— А всё-таки на плато есть жизнь! — торжествующе воскликнул его коллега. — И теперь, когда этот мой тезис получил столь наглядное подтверждение, что оспаривать его не станут даже самые предубеждённые и тупые умы, я предлагаю немедленно покинуть стоянку и двинуться в западном направлении на поиски того места, откуда можно будет совершить подъём.

Подножие хребта было каменистое, неровное, так что мы подвигались вперёд медленно и с большим трудом. Но неожиданная находка подбодрила нас: мы наткнулись на следы чьей-то давней стоянки. Среди камней оказались несколько жестянок из-под чикагских мясных консервов, сломанный нож к ним, бутылка с этикеткой «Коньяк» и много другой обычной в таких случаях мелочи. Скомканная рваная газета

оказалась «Чикагским демократом», но от какого она была числа, обнаружить нам не удалось.

— Не моё, — сказал Челленджер. — Это, должно быть, Мепл-Уайт оставил.

Лорд Джон внимательно разглядывал ствол высокого древовидного папоротника, в тени которого была разбита стоянка.

— Посмотрите-ка, — сказал он. — По-моему, это нечто вроде указательного столба.

К дереву острым концом на запад была прибита щепка.

— Совершенно верно! — воскликнул Челленджер. — Ничего другого и быть не может. Наш предшественник понимал, что предстоящий ему путь сопряжён с опасностями, и оставил эту веху на тот случай, если его будут разыскивать. Подождите, может быть, мы ещё встретим какие-нибудь другие следы.

Он оказался прав, но как неожиданно и страшно было то, что мы увидели! У самого подножия хребта тянулись высокие заросли бамбука, такие же, как те, сквозь которые нам приходилось продираться в начале нашего путешествия. Стебли его достигали порой двадцати футов, а острые, крепкие верхушки торчали кверху, словно настоящие колья. Мы шли вдоль этих зарослей и

вдруг заметили, что там блеснуло что-то белое. Я просунул голову между стеблями и увидел череп. В нескольких шагах от него, ближе к краю, лежал и весь скелет.

Индейцы быстро расчистили ножами это место, и разыгравшаяся здесь трагедия предстала перед нами во всех подробностях. От одежды погибшего остались одни лохмотья, но башмаки на голых костях сохранились в целости, и по ним можно было судить, что бывший их обладатель — европеец. Среди вещей лежали золотые часы нью-йоркской фирмы «Гудзон» и стилографическое перо на цепочке. Тут же валялся серебряный портсигар с выгравированной на крышке надписью: «Дж. К. от А. Э. С.». Портсигар не успел потемнеть, следовательно несчастный случай произошёл не так давно.

— Кто же это? — спросил лорд Джон. — Вот бедняга! Ни одной целой косточки не осталось!

— И бамбук торчит сквозь рёбра, — сказал Сммерли. — Правда, он растёт необычайно быстро, но всё же трудно предположить, что стебли могли вытянуться до двадцати футов за то время, пока скелет лежит здесь.

— Что касается личности погибшего, — сказал Челленджер, — то на этот счёт у меня нет ника-

ких сомнений. До того как присоединиться к вам в асиенде, я навёл точные справки о Мепл-Уайте. В Паре о нём ничего не знали. К счастью, меня навёл на след один рисунок из его альбома. Помните, завтрак в Розариу у какого-то священника? Так вот, этого священника мне удалось разыскать, и хотя он оказался большим спорщиком и страшно разобиделся, когда я стал ему доказывать, что религиозные верования не устоят перед разлагающим действием современной науки, всё же наша беседа не прошла даром. Мепл-Уайт приезжал в Розариу четыре года назад, то есть за два года до смерти. Он был не один, с ним путешествовал его друг, американец по имени Джеймс Колвер, который на берег не сходил и со священником не виделся. Поэтому мы можем не сомневаться, что перед нами останки этого самого Джеймса Колвера.

— Ещё меньше сомнений вызывают у меня обстоятельства его гибели, — сказал лорд Джон. — Он упал со скалы или же был сброшен оттуда и напоролся на бамбук. Иначе никак не объяснишь переломанные кости. Да и бамбук не мог бы так быстро прорасти сквозь его тело.

Мы молча смотрели на лежавшие перед нами останки, вдумываясь в значение того, что сказал

лорд Джон Рокстон. Выступ скалы тяжким молотом нависал над бамбуковой чащей. Американец свалился оттуда. Но сам ли он свалился? Действительно ли это был несчастный случай? А может быть… И чем-то зловещим и страшным повеяло на нас при мысли об этой неведомой стране.

Не прерывая молчания, мы двинулись дальше вдоль каменной стены, такой же отвесной и гладкой, как те бескрайние ледяные поля Антарктики, которые, если верить описаниям, простираются от горизонта до горизонта, высоко вздымаясь над мачтами затерявшихся среди них судов. На протяжении первых пяти миль мы не увидели ни единой расщелины, даже ни единой трещины в этой гряде скал. Но вдруг перед нами блеснул луч надежды. В небольшом углублении, куда не могли попасть струи дождя, была нарисована мелом стрела, указывающая по-прежнему на запад.

— Опять Мепл-Уайт, — сказал профессор Челленджер. — Он, очевидно, предчувствовал, что по его стопам пойдут люди, достойные всяческой заботы.

— Значит, у него был при себе мел?

— Ну как же! В его дорожном мешке был целый ящик с пастельными карандашами. Помню, я обратил внимание, что от белого карандаша

остался один огрызок.

— Весьма убедительное доказательство, — сказал Саммерли. — Что ж, последуем его указаниям и пойдём дальше, на запад.

Мы прошли ещё пять миль и снова увидели белую стрелу на скале. В этом месте в каменной стене появилась первая узкая расщелина. В расщелине снова была нарисована стрела, но на этот раз она указывала куда-то вверх.

Какой торжественностью дышало это место! Гигантские скалы, клочок голубого неба над ними и густая тьма, потому что свет почти не проникал сюда сквозь двойную бахрому зелени. Мы уже несколько часов ничего не ели, утомительный путь по камням изнурил нас, но разве можно было задерживаться здесь! Приказав индейцам разбить лагерь, мы четверо в сопровождении двух метисов двинулись дальше, вглубь тесного ущелья.

У входа оно было не больше сорока футов шириной, но потом быстро начало суживаться и наконец упёрлось в откос, такой крутой и скользкий, что о подъёме здесь не приходилось и думать. Наш предшественник явно имел в виду нечто другое. Мы вернулись назад — ущелье было всего лишь в четверть мили глубиной, — и

вдруг острый глаз лорда Джона нашёл то, что нам требовалось. Высоко, над самой головой у нас, из общего мрака выступало ещё более тёмное пятно. Это был, несомненно, вход в какую-то пещеру.

На дне ущелья лежали груды камней, и мы без труда взобрались по ним вверх. Все наши сомнения рассеялись. Вот он, вход в пещеру, а рядом с ним опять нарисованная мелом стрела! Значит, отсюда, с этого самого места, Мепл-Уайт и его злополучный спутник начали подъём на плато.

Мы были так взволнованы, что не могли и помышлять о возвращении в лагерь. Нам хотелось немедленно обследовать пещеру. Лорд Джон вынул из заплечного мешка электрический фонарик, который должен был служить нам единственным источником света, и двинулся вперёд, поводя им по сторонам. Мы шли за ним не отставая.

Судя по гладким стенам и грудам круглых камней, это углубление в скалах было вымыто водой. Проникнуть в него нам удалось лишь поодиночке, да и то низко пригибаясь. На протяжении первых пятидесяти ярдов пещера углублялась прямо в толщу скал, а потом начала подниматься под углом в сорок пять градусов. Вскоре подъём стал ещё круче, и нам пришлось карабкаться

вверх на четвереньках по мелкой осыпающейся гальке. Прошло ещё несколько минут, и вдруг лорд Джон крикнул:

— Дальше хода нет!

Столпившись позади него, мы увидели в жёлтом свете фонаря нагромождение базальтовых обломков, доходивших до самого потолка пещеры.

— Обвал!

Мы вытащили несколько камней, но это ничему не помогло и лишь расшатало более крупные глыбы, которые того и гляди могли рухнуть вниз и придавить нас. Преодолеть такое препятствие нам было явно не под силу. Путь, которым шёл Мепл-Уайт, больше не существовал.

Мы были так подавлены этим, что, не обменявшись ни словом, повернули назад и побрели по тёмному ущелью. Но тут произошло одно событие, которое в ряду других оказалось весьма знаменательным.

Мы кучкой стояли на дне ущелья, футах в сорока ниже пещеры, как вдруг мимо нас пролетел огромный камень. Нам чудом удалось избежать смерти. С нашего места не было видно, откуда сорвалась эта глыба, но, по словам обоих метисов, задержавшихся у входа в пещеру, она пролетела и мимо них, следовательно, ей неоткуда было упасть, кроме как с самой вершины. Мы посмотрели туда, но в зелёных зарослях, окаймлявших края скал, не было заметно ни малейшего движения. И всё же никто из нас не сомневался, что камень был предназначен нам. Значит, на плато есть люди — люди, от которых следует ждать всего самого худшего!

Мы поспешно вышли из ущелья, размышляя

о том, как это неожиданное событие может повлиять на наши планы. Положение было и без того трудное, но если к препятствиям, которые чинит на нашем пути природа, прибавятся ещё и злоумышления человека, тогда нам придётся совсем плохо. И всё же кто из нас отважился бы вернуться в Лондон, не узнав, что скрывается за этой пышной каймой зелени, раскинувшейся в какой-нибудь сотне футов над нами? Обсудив всё это, мы решили продолжать обход плато и отыскивать другое место, откуда можно будет подняться на его вершину. Гряда скал, значительно снизившаяся, шла теперь уже не в западном, а в северном направлении, и если принять пройденную нами часть за сектор окружности, то вся окружность, видимо, была не особенно велика. В худшем случае мы могли через несколько дней вернуться к той точке, откуда начали обход.

Двадцать две мили, проделанные нами за этот день, не принесли ничего нового. Кстати сказать, анероидный барометр показывает, что, считая с того места, где у нас были оставлены челны, мы постепенно поднялись по меньшей мере на три тысячи футов над уровнем моря. Этим объясняются и заметные изменения температуры и растительности. Мы почти отделались

от насекомых, от этого проклятия, которое в тропиках отравляет жизнь путешественнику. Некоторые виды пальм ещё попадаются, древовидного папоротника по-прежнему много, а вот высокие деревья, которыми так богат бассейн Амазонки, исчезли без следа. Зато как приятно было встретить среди этих негостеприимных скал наш вьюнок, страстоцвет и бегонию — цветы, напоминающие о родных краях! Вот такая же точно красная бегония цветёт в окне одной виллы в Стритеме… Впрочем, я, кажется, незаметно уклонился в сторону, в область личных воспоминаний!

В тот вечер — я всё ещё рассказываю о первом дне похода вокруг горного кряжа — с нами случилось то, после чего уже никто не сомневался, что в самом недалёком будущем нас ждут чудеса.

Дорогой мистер Макардл! Читая эти строки, вы, может быть, впервые почувствуете, что редакция послала меня сюда не зря и что этот материал, который можно будет напечатать с разрешения профессора, необычайно интересен. Да я сам осмелюсь опубликовать его лишь в том случае, если вернусь в Англию с вещественными доказательствами, подтверждающими правоту моих слов, иначе меня ославят как нового Мюн-

хаузена.

Вы, наверное, тоже так считаете и не захотите рисковать репутацией «Дейли газетт» до тех пор, пока мы не сможем достойным образом защититься против той волны критики и скептицизма, которую неизбежно вызовут мои статьи. Посему пусть отчёт об этом поразительном случае — какую сенсационную шапку можно было бы дать в нашей старушке «Дейли»! — лежит у вас в столе и ждёт своего часа.

А ведь всё произошло в одно мгновение, и след от этого события остался только у нас в мозгу.

Вот как было дело. Лорд Джон подстрелил агути — небольшое животное вроде свиньи. Половину туши мы отдали индейцам, другую жарили для себя на костре. С наступлением темноты здесь становится прохладно, и каждый из нас жался поближе к огню. Ночь была безлунная, но звёзды немного разрежали темноту, нависшую над равниной. И вдруг из этой темноты, из этого ночного мрака, со свистом, напоминающим свист аэроплана, к костру ринулось сверху какое-то существо. Перепончатые крылья на миг прикрыли нас, словно пологом, и я успел разглядеть длинную, как у змеи, шею, свирепые, блеснувшие красным огоньком глаза и огромный разверстый клюв, усаженный, к моему величайшему

изумлению, мелкими, ослепительно-белыми зубами. Секунда — и это существо унеслось прочь… вместе с нашим ужином. Огромная чёрная тень футов двадцати в поперечнике взмыла к небу, чудовищные крылья на миг погасили звёзды и скрылись за скалами, возвышавшимися над нами. Поражённые, мы молча сидели у костра, словно те герои Вергилия, на которых напали гарпии. Саммерли первым нарушил молчание.

— Профессор Челленджер, — торжественным, дрожащим от волнения голосом проговорил он, — я должен извиниться перед вами. Я был не прав, сэр, но надеюсь, что вы предадите прошлое забвению.

Это было хорошо сказано, и оба наших учёных впервые обменялись рукопожатием. Вот что дало нам непосредственное знакомство с птеродактилем. Не жаль было поступиться ужином ради примирения двух таких людей.

Но если плато и населяют доисторические животные, то их, по-видимому, не так уж много, потому что в ближайшие три дня нам ничего такого не попалось. Всё это время мы шли вдоль северной и восточной стен плато по голой, угнетающе-суровой местности. Сначала это была каменистая пустыня, потом унылые болота,

изобилующие дикой птицей. Эти места совершенно неприступны, и если б не твёрдый выступ у самого подножия скал, то нам пришлось бы поворачивать обратно.

Сколько раз мы уходили по пояс в жидкий кисель полутропических болот! Но что было хуже всего — это яракаки, самые ядовитые и злые змеи Южной Америки, которыми полны эти болота. Оне полчищами выползали из зловонной топи и кидались нам вслед. Нас спасали только винтовки, которые мы всегда держали наготове. Я, вероятно, во веки вечные не отделаюсь от кошмарного воспоминания об одной воронкообразной впадине в трясине, поросшей серо-зелёным лишайником. Там было настоящее гнездо этих гадин, откосы впадины кишели ими, и они тотчас же устремлялись в нашу сторону, ибо яракака тем и знаменита, что стоит ей только завидеть человека, как она немедленно кидается на него. Всех змей нельзя было перестрелять, и мы бросились наутёк и бежали до тех пор, пока не выбились из сил. Остановившись, я оглянулся назад и увидел, как наши страшные преследователи извивались среди камышей, не желая прекращать погоню, и этого зрелища мне никогда не забыть. На карте, которую мы чертим, это

место так и будет названо: Змеиное болото.

С восточной стороны плато скалы были уже не красного, а тёмно-шоколадного цвета, растительность, окаймлявшая их вершины, заметно поредела, но, несмотря на то что общий уровень горного кряжа снизился до трёхсот-четырёхсот футов, нам и здесь не удалось найти места для подъёма. Скалы, пожалуй, стали даже ещё отвеснее, чем там, где мы начали свой обход. О совершенной неприступности их можно судить по прилагаемому снимку, который сделан со стороны каменистой пустыни.

— Но ведь дождевая вода должна как-то сбегать вниз, — сказал я, когда мы обсуждали, что нам предпринять дальше. — Значит, на склонах не может не быть промоин.

— У нашего юного друга бывают иногда проблески здравого смысла, — ответил профессор Челленджер, похлопав меня по плечу.

— Дождевая вода должна куда-то деваться, — повторил я.

— Нет, какая у него хватка! Какой трезвый ум! Беда лишь в том, что мы воочию убедились в отсутствии таких промоин.

— Тогда куда же она девается? — настаивал я.

— Очевидно, задерживается где-то внутри, по-

скольку стоков нет.

— Значит, в центре плато есть озеро?

— Полагаю, что так.

— И по всей вероятности, оно образовалось на месте старого кратера, — сказал Саммерли. — Формация этого кряжа явно вулканического происхождения. Во всяком случае, я склонен думать, что поверхность плато имеет уклон к центру, а там есть значительный резервуар, вода из которого стекает каким-нибудь подземным путём в Змеиное болото.

— Либо испаряется, что тоже способствует сохранению должного уровня, — заметил Челленджер, после чего оба учёных, по своему обыкновению, затеяли научный спор, который для нас, непосвящённых, был поистине китайской грамотой.

На шестой день мы закончили обход горного кряжа и вернулись к своей прежней стоянке у пирамидального утёса. Вернулись удручённые, так как обход окончательно убедил нас, что даже самые ловкие и самые сильные не смогут подняться на это плато. Ущелье, к которому вели указательные стрелки Мепл-Уайта и которым он, по-видимому, сам воспользовался, было теперь непроходимо.

Что же нам оставалось делать? Провизии и того, что мы добывали охотой, у нас было вполне достаточно, но ведь наступит день, когда запасы надо будет пополнить. Месяца через два начнутся дожди, и тогда в лагере не усидишь. Эти скалы твёрже мрамора, у нас не хватит ни времени, ни сил, чтобы высечь тропинку на такую высоту. Поэтому нет ничего удивительного, что весь тот вечер мы мрачно поглядывали друг на друга и наконец, не тратя лишних слов, забрались под одеяла. Перед тем как уснуть, я полюбовался на следующую картину: Челленджер, словно огромная жаба, сидел на корточках у костра, подперев руками свою массивную голову, и, по-видимому, был так погружён в размышления, что даже не отозвался на моё «спокойной ночи».

Но утром перед нами предстал совсем другой Челленджер. Этот Челленджер, видимо, был в восторге от собственной персоны и всем своим существом излучал самодовольство. За завтраком он то и дело посматривал на нас с притворной скромностью, словно говоря: «Все ваши похвалы мною заслужены, я это знаю, но умоляю вас, не заставляйте меня краснеть от смущения!» Борода у него так и топорщилась, грудь была выпячена вперёд, рука заложена за борт куртки. Таким он,

вероятно, видел себя на одном из пьедесталов Трафальгар-сквера, ещё не занятом очередным лондонским пугалом.

— Эврика! — крикнул наконец Челленджер, сверкнув зубами сквозь бороду. — Джентльмены, вы можете поздравить меня, а я могу поздравить всех вас. Задача решена!

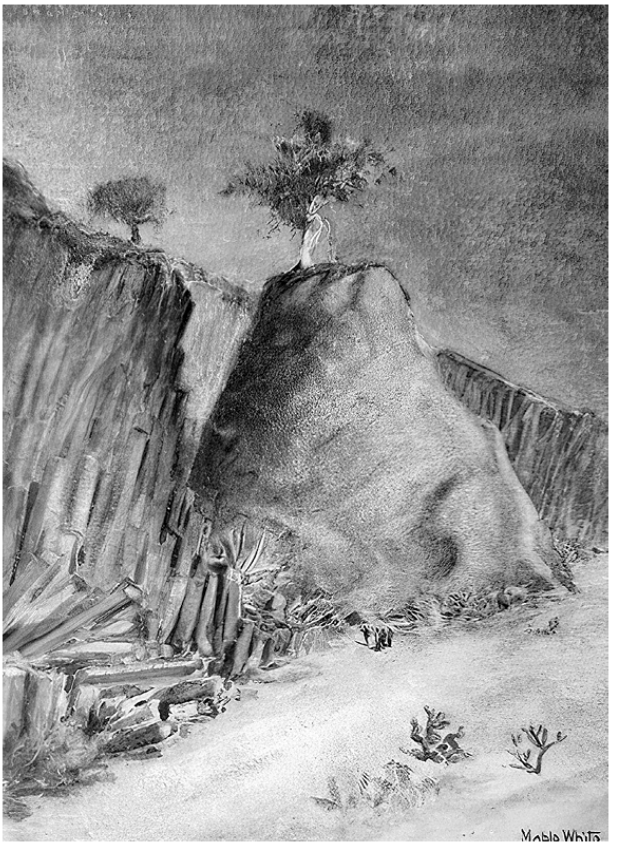
— Вы нашли, откуда можно подняться на плато?

— Осмеливаюсь так думать.

— Откуда же?

Вместо ответа Челленджер показал на пирамидальный утёс, возвышавшийся направо от нашей стоянки. Физиономии у нас вытянулись, — по крайней мере, за свою ручаюсь. Со слов Челленджера мы знали, что на этот утёс можно подняться. Но ведь между ним и плато лежит страшная пропасть!

— Нам не перебраться через неё, — еле выговорил я.


Mable White

— На вершину мы так или иначе поднимемся, — ответил он. — А там посмотрим, может быть, я сумею вам доказать, что моя изобретательность ещё не исчерпана до конца.

После завтрака мы развязали тюк, в котором наш руководитель держал все свои альпинистские приспособления. Оттуда были извлечены железные кошки, скобы и необычайно крепкий и лёгкий канат длиной полтораста футов. Лорд Джон был опытный альпинист, Саммерли тоже приходилось совершать трудные восхождения, следовательно из всех нас новичком в этом деле был один я. Но сила и ретивость должны были возместить мне отсутствие опыта.

Задача оказалась не такой уж трудной, хотя бывали минуты, когда у меня волосы шевелились на голове. Первая половина подъёма прошла совсем просто, но далее утёс становился всё круче, и последние пятьдесят футов мы подвигались, цепляясь руками и ногами за каждый выступ, за каждую трещину в камнях. Ни я, ни профессор Саммерли не одолели бы всего подъёма, если б не Челленджер. Он первым добрался до вершины (странно было видеть такую ловкость в этом грузном человеке) и привязал канат к стволу большого дерева, которое росло там. С его помо-

щью мы скоро вскарабкались вверх по неровной каменной стене и очутились на небольшой, заросшей травой площадке футов двадцать пять в поперечнике. Это и была вершина утёса.

Отдышавшись немного, я глянул назад и был поражён открывшимся передо мной видом. Казалось, вся бразильская равнина лежала перед нами, уходя вдаль, в голубоватой дымке, застилавшей горизонт. У самых наших ног поднимался пологий каменистый склон, поросший кое-где древовидным папоротником, а дальше, за седловиной холмов, отчётливо выступали жёлто-зелёные заросли бамбука, через которые мы не так давно пробирались. Потом кусты и деревья стали гуще и наконец слились в сплошную стену джунглей, тянувшуюся покуда хватало глаз и, наверное, ещё на добрых две тысячи миль вглубь страны.

Я всё ещё как зачарованный упивался этой волшебной панорамой, как вдруг тяжёлая рука профессора опустилась на моё плечо.

— Смотрите сюда, мой юный друг, — сказал он. — Vestigia nulla retrorsum![22] Стремитесь вперёд, к нашей славной цели!

---

[22] Notes: 22
Ни шагу назад! *(лат.)*

Я перевёл взгляд на плато. Оно лежало на одном уровне с нами, и зелёная кайма кустарника с редкими деревьями была так близко от утёса, что я невольно усомнился: неужели она действительно недосягаема? На глаз эта пропасть была не больше сорока футов шириной, но не всё ли равно — сорок футов или четыреста? Я ухватился за ствол дерева и заглянул вниз, в бездну. Там, на самом её дне, чернели крохотные фигурки индейцев, смотревших на нас. Обе стены — и утёса, и горного кряжа — были совершенно отвесные.

— Любопытная вещь! — послышался сзади меня скрипучий голос профессора Саммерли.

Я оглянулся и увидел, что он с величайшим интересом разглядывает дерево, которое удерживало меня над бездной. В этой гладкой коре и маленьких ребристых листьях было что-то страшно знакомое.

— Да ведь это бук! — воскликнул я.

— Совершенно верно, — подтвердил Саммерли. — Наш земляк тоже попал на чужбину.

— Не только земляк, уважаемый сэр, но и верный союзник, если уж на то пошло, — сказал Челленджер. — Этот бук окажется нашим спасителем.

— Мост! — крикнул лорд Джон. — Боже мило-

стивый, мост!

— Правильно, друзья мои, мост! Недаром я вчера целый час ломал себе голову, всё старался найти какой-нибудь выход. Если наш юный друг помнит, ему уже было сказано однажды, что Джордж Эдуард Челленджер чувствует себя лучше всего, когда его припирают к стене. А вчера — вы, конечно, не станете этого отрицать — мы все были припёрты к стене. Но там, где интеллект и воля действуют заодно, выход всегда найдётся. Через эту пропасть надо перекинуть мост. Вот он, перед вами!

Действительно, блестящая мысль! Дерево было не меньше шестидесяти футов вышиной, и, если оно ляжет так, как надо, пропасть будет перекрыта. Готовясь к подъёму, Челленджер захватил с собой топор. Теперь он протянул его мне:

— У нашего юного друга завидная мускулатура. Он лучше всех справится с этой задачей. Тем не менее прошу вас, делайте только то, что вам будет сказано, и не старайтесь утруждать свои мозги.

Следуя его указаниям, я сделал несколько зарубок на дереве с таким расчётом, чтобы оно упало в нужном направлении. Задача оказалась нетрудной, так как ствол его сам по себе кренился к плато. Затем я принялся за работу всерьёз,

чередуясь с лордом Джоном. Примерно через час раздался громкий треск, дерево закачалось и рухнуло, утонув вершиной в кустах на противоположной стороне пропасти. Ствол откатился к самому краю площадки, и на одно страшное мгновение нам показалось, что дерево свалится вниз. Но оно дрогнуло в нескольких дюймах от края и остановилось. Мост в Неведомую страну был переброшен!

Все мы, не говоря ни слова, пожали руку профессору Челленджеру, а он снял свою соломенную шляпу и отвесил каждому из нас глубокий поклон.

— Мне принадлежит честь первым ступить на землю Неведомой страны, — сказал он. — Не сомневаюсь, что художники будущего запечатлеют этот исторический момент на своих полотнах.

Он уже подошёл к краю пропасти, когда лорд Джон вдруг ухватил его за куртку.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я ни в коем случае не допущу этого.

— То есть как, сэр! — Голова Челленджера откинулась назад, борода вздёрнулась кверху.

— Во всём, что касается науки, я признаю ваше первенство, потому что вы учёный. Но это по моей части, так что будьте добры слушаться меня.

— Как это «по вашей части», сэр?

— У каждого из нас есть своё ремесло, и моё ремесло солдатское. Насколько я понимаю, мы собираемся вторгнуться в неизведанную страну, быть может битком набитую врагами. Немножко здравого смысла и выдержки. Я не привык действовать очертя голову.

Доводы лорда Джона были настолько убедительны, что спорить с ним не приходилось. Челленджер вскинул голову и пожал плечами:

— Хорошо, сэр, что же вы предлагаете?

— Кто знает, может быть, в этих кустах притаилось целое племя каннибалов, которым сейчас самое время позавтракать? — сказал лорд Джон, глядя через мост на скалы. — Вот попадём в кипящий котёл, тогда поздно будет раздумывать. Поэтому давайте надеяться, что ничего дурного нас не ожидает, но действовать будем на всякий случай с осмотрительностью. Мы с Мелоуном спустимся вниз, возьмём все четыре винтовки и вернёмся обратно с обоими метисами. Потом один из нас под прикрытием винтовок перейдёт на ту сторону, и если всё обойдётся благополучно, тогда за ним последуют и остальные.

Челленджер сел на пенёк срубленного дерева и застонал от нетерпения. Мы с Саммерли единодушно поддержали лорда Джона, считая, что в таких делах право руководства должно принадлежать ему. Взбираться по утёсу теперь было гораздо легче, потому что в самом трудном месте нам помогал канат. Через час мы явились

обратно с винтовками и дробовиком. Метисы по распоряжению лорда Джона перенесли наверх мешок со съестными припасами на тот случай, если наша первая вылазка в Неведомую страну затянется. Патроны были у каждого при себе.

— Ну-с, Челленджер, если вы непременно хотите быть первым… — сказал лорд Джон, когда все приготовления были закончены.

— Премного вам обязан за столь милостивое разрешение! — злобно ответил профессор, не признающий никаких авторитетов, кроме своего собственного. — Если вы ничего не имеете против, я воспользуюсь вашей любезностью и выступлю на сей раз в роли пионера.

Он перебросил топорик за спину, сел на дерево верхом и, отталкиваясь обеими руками, быстро перебрался по стволу на ту сторону. А там встал на землю и вскинул вверх руки.

— Наконец-то! — крикнул он. — Наконец-то!

Я со страхом следил за ним, ожидая, какую же судьбу готовит ему эта зелёная завеса. Но кругом было тихо, только какая-то странная пёстрая птичка вспорхнула у профессора из-под ног и скрылась среди деревьев.

Вторым через пропасть перебрался Саммерли. Просто поразительно, сколько силы в этом тще-

душном теле! Он пожелал непременно захватить с собой две винтовки, так что теперь оба профессора были вооружены. Потом наступил мой черёд. Я старался не смотреть в разверзшуюся подо мной страшную бездну. Саммерли протянул мне приклад винтовки, а секундой позже я уже ухватил его за руку. Что касается лорда Джона, то он просто перешёл по мосту — перешёл без всякой поддержки! Железные нервы у этого человека!

И вот мы четверо в волшебной стране, в Затерянном мире, куда до сих пор проник один Мепл-Уайт! Настала минута величайшего торжества. Но кто мог подумать, что эта минута будет для нас началом величайших бедствий? Позвольте же мне рассказать в нескольких словах, как грянул над нами этот страшный удар.

Мы отошли от края пропасти и успели футов на пятьдесят пробраться сквозь густой кустарник, как вдруг позади раздался оглушительный грохот. Мы инстинктивно бросились назад. Нашего моста больше не существовало!

Заглянув вниз, я увидел на самом дне пропасти путаницу ветвей и щепок — всё, что осталось от бука. Неужели край площадки не выдержал такой тяжести и осыпался под ней? Это была первая мысль, которая пришла нам в голову. А потом из-за выступа пирамидального утёса медленно показалась чья-то коричневая физиономия. Это

был наш метис Гомес. Но куда девалась его сдержанная улыбка и непроницаемость сфинкса? Лицо, смотревшее на нас, искажала ненависть, утолённая месть зажгла сумасшедшим восторгом его глаза.

— Лорд Рокстон! — крикнул он. — Лорд Джон Рокстон!

— Что нужно? — отозвался наш спутник. — Я здесь!

До нас донёсся взрыв хохота.

— Да, ты там, английская собака, и тебе оттуда не выбраться! Я ждал, долго ждал, когда настанет мой час. Вам трудно было взбираться наверх, а спускаться вниз будет ещё труднее. Эх, дурачьё! Попались в ловушку! Все до одного попались!

Поражённые, мы не находили слов и молча смотрели на метиса. Большой сломанный сук, лежавший на траве, объяснил нам, что послужило ему рычагом, когда он сбрасывал наш мост. Его лицо исчезло в кустах, но через секунду появилось снова, ещё больше искажённое ненавистью.

— Мы чуть не убили вас камнем у пещеры, — крикнул он, — но так будет лучше! Медленная смерть страшнее. Побелеют ваши косточки, и никто не узнает, где они покоятся, никто не придёт прикрыть их землёй. Когда будешь издыхать, вспомни Лопеса, которого ты убил пять лет тому назад у реки Путумайо! Я его брат, и какая бы смерть ни настигла меня, я умру спокойно, потому что он отомщён!

Метис яростно погрозил нам кулаком и скрылся. Наступила тишина.

Если б Гомес утолил свою месть и тем ограничился, всё сошло бы ему с рук. Его погубила безрассудная страсть к драматическим эффектам, свойственная всем людям латинской расы, а Рокстон, прославший «бичом Божиим» в трёх странах Южной Америки, не позволял с собой шутить. Метис уже спускался по противоположному склону утёса, но ему так и не удалось ступить на землю. Лорд Джон побежал по краю плато, чтобы не терять его из виду. Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через секунду — глухой стук упавшего тела. Рокстон вернулся к нам; лицо у него было окаменевшее.

— Я слепец, простофиля! — с горечью сказал он. — Моя глупость погубила вас всех. Вольно же мне было забывать, что эти люди не прощают кровных обид, что с ними всегда надо быть начеку!

— Зачем же вы пощадили другого метиса? Ведь без его помощи Гомес не справился бы с деревом.

— Я бы мог покончить и с ним, да пожалел. Может, он тут ни при чём. Но пожалуй, вы правы. Лучше было бы пристрелить и его: он, наверное, помогал Гомесу.

Теперь, когда истинная подоплёка этого предательства разъяснилась, мы начали вспоминать,

что поведение метиса во многом было подозрительно. Всё стало понятно: и его упорное стремление проникнуть в планы экспедиции, и ссора у хижины, когда Самбо помешал ему подслушать наш разговор, и полные ненависти взгляды, которые нам частенько приходилось перехватывать. Мы продолжали толковать обо всём этом, в то же время стараясь освоиться с новым поворотом событий, как вдруг внимание наше привлекла любопытная сцена, разыгравшаяся внизу, у подножия каменной гряды. Человек, одетый в белое, — очевидно, оставшийся в живых метис — во все лопатки бежал по равнине, будто удирая от настигающей его смерти. За ним огромными прыжками нёсся чёрный как смоль великан — наш преданный негр Самбо. У нас на глазах он нагнал беглеца, вскочил ему на спину и обхватил его руками за шею. Они покатились по земле. Минуту спустя Самбо поднялся на ноги, взглянул на распростёртое перед ним тело и, радостно помахав нам руками, побежал к утёсу. Неподвижная белая фигура так и осталась лежать посреди равнины.

Возмездие настигло обоих предателей, но содеянное ими было непоправимо. Мы не могли вернуться на утёс. Когда-то нашим обиталищем

был весь мир, теперь он сузился до размеров этого плато. То и другое существовало раздельно. Вот равнина, которая ведёт к тому месту, где у нас спрятаны челны. А там, за лиловатой дымкой горизонта, — река, обратный путь к цивилизации. Исчезло лишь одно-единственное связующее звено. Никакой изобретательности не хватит на то, чтобы перекинуть мост через пропасть, зияющую между нашим настоящим и прошлым. Достаточно было одного мига — и как всё изменилось!

И тут я понял, из какого теста слеплены мои три товарища. Правда, вид у них был очень серьёзный и сосредоточенный, но ничто не могло нарушить невозмутимое спокойствие этих людей. Нам не оставалось ничего другого, как сидеть в кустах и терпеливо поджидать Самбо. И вскоре его добродушная чёрная физиономия выглянула из-за камней, и он встал на вершине утёса во весь свой могучий рост.

— Что я теперь сделать? — крикнул Самбо. — Вы мне говорить, и я всё буду сделать.

Задать такой вопрос ничего не стоило, а ответить на него было трудно. Мы знали лишь одно: Самбо — наша единственная надёжная связь с внешним миром. Только бы он не оставил нас!

— Нет, нет! — крикнул Самбо. — Я вас не оста-

вит. Я всегда здесь. Индейцы хотел уходить. Самбо не может удержать индейцы. Они говорят, здесь живёт Курупури, пойдём домой. Вас нет, а Самбо один не может уговорить.

Действительно, за последнее время индейцы не скрывали, что им хочется бросить нас и вернуться восвояси. Самбо говорил правду: удержать их теперь не было никакой возможности.

— Самбо! Скажи им, пусть подождут до завтра! Тогда я пошлю с ними письмо! — крикнул я.

— Хорошо, сэр! Индейцы будут ждать завтра. Самбо дал слово.

Дел для нашего верного негра нашлось много, и он справился со всем как нельзя лучше. Прежде всего мы велели ему отвязать канат, обмотанный вокруг пня, и перебросить один его конец к нам. Канат был не толще бельевой верёвки, но очень крепкий; хотя в качестве моста он не годился, всё же в нашем положении такая вещь была необходима. Потом Самбо привязал к своему концу мешок со съестными припасами, уже поднятый на утёс, и мы перетащили его к себе. Этого нам должно было хватить по крайней мере на неделю, даже если не пополнять запасов охотой. Наконец, Самбо принёс наверх ещё два мешка, в которых были патроны и много других вещей.

Всё это мы перетащили на канате к себе. Был уже вечер, когда наш негр в последний раз спустился вниз, твёрдо заверив нас, что индейцы останутся до утра.

Вот почему почти всю эту ночь — нашу первую ночь на плато — я просидел с фонарём, записывая то, что произошло с нами.

Мы расположились на ночлег у самого края обрыва и тут же поужинали, запивая еду аполлинарисом, две бутылки которого нашлись в одном из мешков с провизией. Отыскать воду — для нас вопрос жизни и смерти, но я думаю, что на сегодня приключений достаточно даже для лорда Джона, а другие и подавно не испытывают никакого желания отправиться на разведку в Неведомую страну. Костра мы решили не разжигать и вообще стараемся производить как можно меньше шума.

Завтра, вернее, сегодня, потому что я досидел до рассвета, мы совершим первую вылазку в этот загадочный мир. Когда мне удастся продолжить свои записи и удастся ли — я не знаю. Пока что индейцы всё ещё здесь — мне видно их отсюда, и я уверен, что наш Самбо скоро явится за письмом. Очень надеюсь, что оно попадёт по адресу.

P. S. Чем больше я раздумываю над нашим

положением, тем безотраднее оно мне кажется. Надежды на возвращение у меня нет. Если бы у края плато росло высокое дерево, мы могли бы перебросить через пропасть новый мост, но ближе пятидесяти футов деревьев нет, а подтащить к обрыву такую тяжесть нам не удастся даже вчетвером. Канат же слишком короток, на нём не спустишься. Нет, наше положение безнадёжно, безнадёжно!

Глава десятая
Вот они, чудеса!

С нами произошли и всё ещё происходят самые настоящие чудеса. Мои бумажные запасы состоят из пяти потрёпанных блокнотов да кучи разрозненных листков, а стилографический карандаш у меня всего-навсего один. Но пока рука моя сохранит способность двигаться, я не перестану вести подробную запись всех наших приключений и, памятуя, что мы одни из всего рода человеческого свидетели этих чудес, поспешу описать их, пока они ещё свежи у меня в памяти и пока нас не постигла злая участь, которой нам, по-видимому, не избежать.

Сможет ли Самбо доставить мои письма к бере-

гам Амазонки, привезу ли я их с собой в Лондон, чудесным образом вырвавшись отсюда, попадут ли они в руки какого-нибудь смельчака, который, быть может, доберётся до плато на усовершенствованном моноплане, — ничего этого я не знаю, но, как бы там ни было, меня не покидает твёрдая уверенность, что эти записи станут классической повестью об истинных приключениях и что им суждено бессмертие.

На другой же день после того, как негодяй Гомес устроил нам ловушку на плато, мы во многом пополнили свой жизненный опыт. Впрочем, первое испытание, выпавшее в то утро на мою долю, не внушило мне особых симпатий к месту, куда нас занесла судьба. Я заснул только с рассветом и, проснувшись, увидел у себя на икре что-то странное. Во время сна правая штанина у меня немного вздёрнулась, и теперь между ней и носком на ноге сидела большая багрово-красная виноградина. Удивлённый этим, я только дотронулся до неё, и вдруг, к моему величайшему ужасу и отвращению, виноградина лопнула у меня между пальцами, брызнув во все стороны кровью. На мой крик прибежали оба профессора.

— Чрезвычайно любопытно! — сказал Саммерли, нагнувшись надо мной. — Громадный клещ

и, насколько мне известно, не занесённый ни в один определитель.

— Мы пожинаем первые плоды наших трудов, — назидательным тоном прогудел Челленджер. — Придётся назвать его Ixodes Maloni! Но, мой юный друг, что значит такой пустяк, как укус клеща, по сравнению с тем, что ваше имя будет напечатано в славных анналах зоологии! К несчастью, вы раздавили этот великолепный экземпляр в момент его насыщения.

— Какая мерзость! — воскликнул я.

В знак протеста профессор Челленджер поднял свои мохнатые брови и успокоительно потрепал меня по плечу.

— Учитесь смотреть на вещи с научной точки зрения, развивайте в себе беспристрастность учёного, — сказал он. — Для человека с философическим складом мышления, вроде меня например, этот клещ с его ланцетовидным хоботком и растягивающимся желудком является таким же прекрасным творением природы, как, скажем, павлин или северное сияние. Мне больно слышать, что вы отзываетесь о нём столь неодобрительно. При известном старании мы сможем раздобыть второй такой же экземпляр, в этом я не сомневаюсь.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — мрачно проговорил Саммерли, — ибо этот второй экземпляр только что залез вам за шиворот.

Челленджер так и подскочил на месте и, взревев как бык, начал рвать на себе куртку и рубашку. Мы с Саммерли так развеселились, что даже не могли помочь ему. Наконец нам кое-как удалось обнажить могучий торс Челленджера (обхват груди пятьдесят четыре дюйма по мерке портного) и поймать клеща, который запутался в дебрях чёрных волос, покрывавших его грудь, и не успел причинить ему никакого вреда. Оказалось, что кругом все кусты кишат этой гадостью, и мы решили перенести стоянку на другое место.

Но сначала надо было ещё договориться с нашим верным негром, который вскоре же появился на вершине утёса с банками какао и пачками сухарей. Всё это было переправлено к нам, а из оставшейся внизу провизии мы велели ему отложить себе запас месяца на два, остальное же раздать индейцам в награду за службу и в виде залога за доставку наших писем на Амазонку. Спустя несколько часов мы увидели, как они гуськом, каждый с узлом на голове, потянулись по равнине той самой дорогой, которой мы пришли сюда. Самбо устроился в нашей маленькой

палатке у подножия пирамидального утёса и остался единственным звеном, связующим нас с внешним миром.

Теперь нам предстояло выработать план действий на ближайшее время. Мы перенесли стоянку из полного клещей кустарника на небольшую поляну, окружённую со всех сторон деревьями. Посредине поляны лежало несколько гладких больших камней, тут же поблизости был прекрасный источник, и мы, довольные чистотой и комфортом, принялись разрабатывать планы вторжения в неизведанную страну. В густой листве перекликались птицы — громче всех раздавался протяжный свист какой-то совсем незнакомой нам певуньи. Никаких других признаков жизни мы здесь не заметили.

Первое, что нам надо было сделать, — это составить подробный инвентарь нашего имущества, чтобы твёрдо знать, на сколько времени можно считать себя обеспеченными. Оказалось, что запасов у нас вполне достаточно. Мы учли всё: и принесённое с собой, и переправленное по канату негром. Но что было важнее всего, принимая во внимание те опасности, которых нам, вероятно, не миновать, у нас имелись все четыре винтовки, тысяча триста патронов к ним, дробо-

вик и около полутораста пуль среднего калибра. Провизии нам должно было хватить на несколько недель, табака хоть отбавляй. Был и кое-какой научный инструмент, включая сильный телескоп и хороший полевой бинокль. Всё это мы сложили на поляне, а в качестве первой меры предосторожности нарезали ножами колючих веток и соорудили из них изгородь ярдов пятнадцати в диаметре. На первое время эта площадка должна была служить нам штаб-квартирой, убежищем на случай какого-нибудь неожиданного нападения и складом всего имущества. Этот лагерь получил название форт Челленджера.

Мы покончили с устройством на новом месте только к полудню, но жара не очень нас мучила. Вообще температура и характер растительности на плато ближе к умеренному поясу. Среди деревьев, кольцом окружавших поляну, были бук, дуб и даже берёза. Огромный гинкго, возвышавшийся над всеми своими соседями, затенял наш форт могучими ветвями с веерообразной листвой. Под его сенью мы и продолжали беседу, предоставив слово лорду Джону, который принял на себя командование экспедицией в эти решительные для нас часы.

— Пока нас не услышат и не увидят какие-

нибудь живые существа — зверь или человек, безразлично, — мы в безопасности, — сказал он. — Но стоит только им проведать о нашем появлении на плато, и спокойной жизни конец. Пока что мы, кажется, не вызываем никаких подозрений. Поэтому на первое время надо затаиться и вести разведку очень осторожно. Не мешает исподволь присмотреться к соседям, прежде чем начинать обмен визитами.

— Но ведь нам надо продвигаться дальше, — неуверенно сказал я.

— Милый юноша, вы совершенно правы. Мы будем продвигаться в пределах, дозволенных здравым смыслом. Заходить слишком далеко я не советую, надо делать такие концы, чтобы в любую минуту можно было вернуться сюда, в наш форт. И что самое важное, ни одного выстрела, разве лишь в том случае, если от него будет зависеть ваша жизнь.

— Однако вы вчера выстрелили, — сказал Сммерли.

— Ну знаете ли, выбирать мне не приходилось. Да и вряд ли звук отнесло далеко вглубь: вчера был сильный ветер со стороны плато. Кстати, как мы его назовём? Ведь это наше дело — решать.

Было внесено несколько предложений, более

или менее удачных, но последнее слово осталось за Челленджером.

— Тут долго думать нечего, — сказал он. — Плато будет названо в честь пионера, который его открыл: это Страна Мепл-Уайта.

Так мы и назвали плато, под этим именем оно занесено на карту, составление которой поручено мне; под этим именем оно, надеюсь, войдёт и в будущие атласы.

Перед нами лежала неотложная задача — проникнуть мирным путём в Страну Мепл-Уайта. Мы успели убедиться собственными глазами, что в ней обитают какие-то странные существа, а зарисовки Мепл-Уайта сулили нам появление других, ещё более страшных чудовищ. Наконец, у нас были все основания думать, что на плато есть и люди, о свирепости которых говорил скелет, пропоротый бамбуком.

Не питая никаких надежд на спасение, мы знали, что опасности подстерегают нас на каждом шагу, и решили принять все меры предосторожности, которые подсказывал лорду Джону его опыт. Но разве мы могли долго задерживаться на пороге этого таинственного мира, если нас томило желание как можно скорее проникнуть в самое его сердце!

Итак, мы завалили кустами вход в лагерь и, оставив все наши запасы под защитой колючей изгороди, медленно и с величайшей осторожностью двинулись в Неведомое вдоль русла небольшого ручейка, который брал начало в источнике на поляне и должен был служить нам путеводной нитью по возвращении.

Не успев как следует отойти от лагеря, мы сразу же наткнулись на первые признаки ожидающих нас чудес. В густом лесу было много деревьев, совершенно незнакомых мне, но наш ботаник Саммерли опознал тут цикадеи и несколько видов хвойных, давно исчезнувших с лица земли. Пройдя лесом несколько сот ярдов, мы вышли к месту, где ручей разливался довольно широкой заводью. По краям её рос густой высокий тростник, который профессор Саммерли отнёс к разряду хвощей; тут же на ветру раскачивали верхушками и древовидные папоротники. Лорд Джон, шедший впереди, вдруг остановился и поднял руку.

— Смотрите! — сказал он. — Вот так след! Тут, наверное, ходил прародитель всех птиц!

На вязкой тине были чётко видны огромные трёхпалые следы. Они вели через болота к лесу. Мы остановились у этих чудовищных отпечат-

ков. Если тут прошла действительно птица — а какое животное могло оставить такие следы? — то лапа у неё настолько больше, чем у страуса, что размеры этого гиганта даже трудно себе представить. Лорд Джон внимательно огляделся по сторонам и вложил два патрона в свою крупнокалиберную винтовку.

— Ручаюсь честью охотника, — сказал он, — что следы совсем свежие. Это существо прошло здесь каких-нибудь десять минут назад. Видите: вода ещё не успела заполнить вон ту ямку, где лапа глубже погрузилась в тину. Господи боже! А вот и след детёныша.

И действительно, параллельно большим следам шли такие же, но маленькие.

— А что вы скажете об этом? — торжествующе воскликнул профессор Саммерли, показывая след, похожий на отпечаток пятипалой человеческой руки.

— Вельд! — крикнул Челленджер, не помня себя от восторга. — Я видел такие отпечатки в вельдских слоях. Это существо передвигается на задних, трёхпалых конечностях, выпрямившись во весь рост, а передними, пятипалыми, помогает себе при ходьбе. Нет, дорогой мой Рокстон, это отнюдь не птичка!

— Зверь?

— Нет, пресмыкающееся — динозавр. Это он, и никто другой! Девяносто лет назад такие следы сбили с толку одного весьма почтенного учёного из Суссекса. Но кто мог мечтать… кто мог мечтать… что нам придётся видеть…

Последние слова Челленджер договорил шёпотом, а мы так и замерли от изумления. Следы увели нас от болота к густым зарослям кустарника. За ним, среди деревьев, была большая прогалина, и по этой прогалине разгуливало пять странных существ — таких мне ещё никогда не приходилось видеть. Мы притаились за кустами и долго-долго разглядывали их.

Как я уже сказал, они гуляли впятером — двое взрослых и три детёныша. Размеры их поразили нас. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых уж и говорить не приходится. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблёскивала на солнце аспидно-чёрными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пятипалыми, притягивали к себе зелёные ветки и обгладывали с них листья. Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах, скажу, что они напоминали гигантских, футов двадцать

высотой, кенгуру, покрытых тёмной крокодиловой кожей.

Я не знаю, сколько времени мы простояли там как зачарованные, глядя на это необычайное зрелище. Сильный ветер дул в нашу сторону, кусты служили хорошим укрытием, следовательно можно было не опасаться, что чудовища обнаружат нас. Время от времени детёныши принимались неуклюже резвиться, подпрыгивая и с глухим стуком шлёпаясь на землю. Их родители, по-видимому, обладали неслыханной силой, ибо один из них, не дотянувшись до листьев на верхушке довольно высокого дерева, обхватил его передними лапами и переломил ствол пополам, как тоненькую ветку. Поступок этот свидетельствовал одновременно о двух вещах: о сильно развитой мускулатуре и недоразвитом мозге, так как дерево рухнуло чудовищу прямо на голову, и оно разразилось громкими воплями. Огромные размеры явно не соответствовали степени выносливости, дарованной ему от природы. Происшествие с деревом, очевидно, заставило его насторожиться, потому что оно медленно побрело в лес в сопровождении своей пары и трёх гигантских детёнышей. Некоторое время мы видели, как их аспидно-чёрные спины

поблёскивали в чаще, а головы ныряли вверх и вниз над кустарником. Потом они исчезли среди деревьев.

Я посмотрел на своих товарищей. Лорд Джон стоял, держа палец на спусковом крючке, а глаза его так и горели охотничьим азартом. Чего бы он только не дал за то, чтобы повесить одну такую голову над камином у себя в комнате рядом с двумя скрещёнными вёслами! И всё-таки благоразумие взяло в нём верх, ибо он знал, что мы только в том случае сможем проникнуть в тайны этой неведомой страны, если её обитатели не будут и подозревать о нашем существовании.

Оба профессора словно онемели от радости. Забыв обо всём на свете, они бессознательно схватились за руки и так и замерли на месте, точно двое маленьких ребятишек, безмолвно глазеющих на какое-нибудь чудо из чудес. На губах Челленджера играла ангельская улыбка, отчего щёки его вздулись яблочками; жёлчная гримаса исчезла с лица Саммерли, уступив место выражению благоговейного восторга.

— Nunc dimittis![23] — воскликнул он наконец. — Что же скажут об этом в Англии?

---

[23] Notes: 23
Ныне отпущаеши! *(лат.)*

— Дорогой мой Саммерли, по секрету могу вам сообщить, что именно будет сказано в Англии, — ответил Челленджер. — Там скажут, что вы отъявленный лжец и шарлатан, не имеющий никакого отношения к науке. То же самое, что вы и вам подобные говорили обо мне.

— А если мы предъявим фотографические снимки?

— Подделка, Саммерли! Грубая подделка!

— А если мы предъявим вещественные доказательства?

— А! Вот тогда они от нас не отвертятся! Мелоун и его банда с Флит-стрит ещё будут петь нам хвалу. Запомните! Двадцать восьмого августа мы видели в Стране Мепл-Уайта пять живых игуанодонов. Сделайте соответствующую запись в своей книжечке, мой юный друг, и сообщите об этом в ваш жалкий газетный листок.

— И приготовьтесь к тому, что редактор вас вышвырнет, — добавил лорд Джон. — На тех широтах, где стоит Лондон, всё выглядит несколько по-иному, дорогой мой юноша. Мало ли есть людей, которые никогда не рассказывают о своих приключениях из боязни, что им не поверят! Кто их осудит за это? Пройдёт месяц-другой, и нам самим всё будет казаться сном. Как вы их назвали,

этих чудовищ?

— Игуанодоны, — сказал Саммерли. — Отпечатки их ног найдены в гастингских песчаниках, в Кенте, в Суссексе. Они водились во множестве в Южной Англии, потому что там не было недостатка в зелени, которой они питаются. А потом условия изменились, и звери мало-помалу вымерли. Здесь, по-видимому, всё осталось как было, потому что игуанодоны продолжают существовать до сей поры.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми, без такой головы домой не вернусь, — сказал лорд Джон. — Подождите, африканские охотнички, вы ещё у меня позеленеете от зависти! Однако, друзья, не знаю, как вам, а мне всё время кажется, что мы того и гляди наткнёмся на какую-нибудь серьёзную неприятность.

То же самое ощущение грозной тайны было и у меня. В лесном сумраке таились ужасы, и сердце невольно сжималось от страха, когда мы вглядывались в эту густую зелёную чащу. Правда, исполинские игуанодоны были совершенно безобидные увальни, и они не могли причинить нам особого вреда, но почём знать, не сохранились ли в этом мире чудес другие исполины, которые таятся сейчас в своих логовищах среди

скал и кустарника и только выжидают минуты, чтобы броситься на нас? Я имею весьма смутное представление о доисторической жизни, но, помнится, мне как-то попала в руки одна книга, где говорилось о зверях, для которых наши львы и тигры были такой же лёгкой добычей, как мышь для кошки. Что, если такие чудовища живут в лесных дебрях Страны Мепл-Уайта?

В то утро — наше первое утро в неизведанной стране — мы убедились, что опасности подстерегают нас здесь на каждом шагу. Приключение это было просто отвратительное, и мне даже неприятно говорить о нём. Если лорд Джон прав и прогалину, где паслись игуанодоны, мы будем вспоминать как сон, то болото с птеродактилями останется у нас в памяти страшным кошмаром. Сейчас расскажу, как всё это было.

Мы шли по лесу очень медленно, отчасти потому, что лорд Джон в качестве разведчика не позволял нам догонять себя, отчасти из-за обоих профессоров, которые то и дело приходили в восторг от какого-нибудь неизвестного им вида цветка или насекомого. Мили через три-четыре деревья вдоль правого берега ручья поредели, и перед нами открылась ещё одна прогалина. За густой каймой кустарника громоздились

каменные глыбы — они встречаются на плато повсюду. Мы медленно двинулись туда через кусты, доходившие нам до пояса, и вдруг услышали где-то совсем близко звуки — не то курлыканье, не то шипение, — сливавшиеся в невнятный гул, от которого дрожал воздух. Лорд Джон подал нам знак остановиться и, пригибаясь на бегу, бросился к камням. Он посмотрел поверх них, вздрогнул и, видимо забыв о нашем существовании, долго стоял, поглощённый открывшимся перед ним зрелищем. Наконец он поманил нас к себе, показывая знаками, что необходимо соблюдать осторожность. Я понял по его виду, что за каменными глыбами скрывается какое-то чудо, а может быть, и серьёзная опасность.

Подкравшись к лорду Джону, мы заглянули вниз. Перед нами зияла глубокая котловина — вероятно, один из тех небольших кратеров, каких много на плато. На дне этой котловины, ярдах в ста от того места, где мы лежали, за кромкой камыша поблёскивали подёрнутые зеленью стоячие лужи. Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнились сцены из седьмого круга Дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили — сотни и сотни птеродактилей! Котловина так и кишела

ими — детёныши ползали у воды, а их отвратительные мамаши высиживали на отмели яйца в твёрдой желтоватой плёнке. Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое страшное зловоние, что у нас тошнота подступила к горлу. А повыше, каждый на своём камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела, восседали совершенно неподвижно, как мёртвые, и только поводили налившимися кровью глазами да изредка щёлкали клювами вслед пролетавшим стрекозам. Их гигантские перепончатые крылья, согнутые в предплечьях, были прижаты к бокам, и от этого в облике их мне мерещилось что-то человеческое: они напоминали старух, кутающихся в мерзкие, цвета паутины шали, из которых выглядывали только хищные птичьи головы. Считая и больших и маленьких, в котловине было не меньше тысячи этих гнусных тварей.

Оба наших профессора так обрадовались возможности изучать вблизи жизнь доисторического мира, что просидели бы здесь весь день. Они показывали на дохлую рыбу и птиц, валявшихся среди камней и, видимо, служивших пищей птеродактилям, и поздравляли друг друга с тем, что внесут наконец ясность в вопрос, почему кости этих летающих ящеров в таком количестве встречаются в ряде мест, например в кембриджских песчаниках. Теперь уже не подлежит сомнению, говорили они, что птеродактили, подобно пингвинам, жили стаями.

В конце концов, желая доказать коллеге какой-то тезис, Челленджер высунул голову из-за камней и чуть не навлёк гибель на всех нас. Ближайший к нам самец вдруг пронзительно зашипел, взмахнул перепончатыми двадцатифутовыми крыльями и поднялся в воздух. Самки с детёнышами сбились в кучу поближе к воде, а часовые один за другим взмыли в небо. Удивительное зрелище представляли собой эти отвратительные твари, которые сотнями парили над нами, быстро, словно ласточки, разрезая воздух крыльями. Впрочем, мы вскоре поняли, что любование этим зрелищем к добру не приведёт. Сначала птеродактили кружили высоко в небе,

видимо проверяя, насколько велика опасность. Потом, постепенно сжимая круг, стали опускаться всё ниже и ниже, наконец сухой шелест их аспидно-чёрных крыльев достиг такой силы, что мне невольно вспомнился Хендонский аэродром в дни состязаний.

— Берегитесь! — крикнул лорд Джон, хватая винтовку за дуло. — Бегите прямо к лесу, держитесь все вместе!

Но круг над нами уже сомкнулся. Птеродактили почти задевали нас крыльями по лицу. Мы били их прикладами, но удары приходились во что-то мягкое и не причиняли им никакого вреда. И вдруг из этого аспидно-чёрного блестящего круга высунулась длинная шея: свирепый клюв целился прямо в нас. За ним ещё и ещё один. Саммерли вскрикнул и закрыл руками окровавленное лицо. Я почувствовал сильный толчок в затылок и чуть не потерял сознание от боли. Челленджер упал, я нагнулся помочь ему и повалился на него, сражённый ещё одним ударом сзади. В ту же минуту лорд Джон выстрелил. Я поднял голову и увидел, что один из птеродактилей бьётся на земле с перебитым крылом, брызжет слюной из разверстого клюва и яростно вращает выпученными, налитыми кровью глазами — ни дать ни взять дьявол с картины какого-нибудь средневекового художника. Его собратья, испуганные звуком выстрела, взмыли кверху и стали кружить у нас над головой.

— Теперь спасайтесь! — крикнул лорд Джон.

Мы побежали напролом сквозь кустарник, но

у самой опушки гарпии снова настигли нас. Саммерли был сбит с ног, мы подняли его и бросились под деревья. В лесу опасность миновала, потому что птеродактилям с их огромными крыльями негде было развернуться между ветвей.

Мы возвращались в лагерь в довольно жалком состоянии, а они ещё долго провожали нас, паря кругами в голубом небе на такой высоте, что снизу их можно было принять за самых обыкновенных голубей. И лишь тогда, когда нас скрыла лесная чаща, птеродактили прекратили погоню.

— Необычайно интересное и поучительное происшествие, — сказал Челленджер, обмывая в ручье распухшее колено. — Теперь, Саммерли, мы с вами прекрасно знаем, как ведут себя разъярённые птеродактили.

Саммерли в это время вытирал кровь, лившуюся из ссадины на лбу, а я перевязывал довольно глубокую рану на шее. Лорд Джон отделался легче нас — чудовище только оцарапало ему плечо и разорвало рубашку.

— Следует отметить, — продолжал Челленджер, — что наш юный друг получил колотую рану, а вырвать такой клок из рубашки лорда Джона можно было только зубами. Меня же били крыльями по голове. Таким образом, мы

познакомились с разнообразнейшими способами нападения птеродактилей.

— Ещё немного, и нам пришёл бы конец, — серьёзным тоном проговорил лорд Джон. — Более гнусную смерть трудно себе представить — пасть жертвой этих мерзких тварей! Мне очень не хотелось стрелять, но выбора не было.

— Мы бы не сидели сейчас у ручейка, если б не ваш выстрел, — убеждённо проговорил я.

— Будем надеяться, что моя пальба делу не повредит, — сказал лорд Джон. — В здешних лесах, наверное, часто раздаются звуки не менее громкие: то отломится ветка, то рухнет целое дерево. Однако на сегодня сильных ощущений хватит. Пойдёмте-ка лучше к лагерю, поищем в нашей аптечке карболки. Кто этих гадин знает, — может быть, их укусы ядовиты.

Но с тех пор как стоит мир, вряд ли на долю человека выпадало столько приключений за один день. Нас подстерегала новая неожиданность. Мы вышли по берегу ручья на поляну и, увидев колючую изгородь, окружавшую наш форт, решили, что на сей раз испытания наши кончились. Однако отдыхать нам не пришлось. Вход в форт Челленджера был завален по-прежнему, изгородь была цела, и всё же мы сразу поняли, что в

наше отсутствие здесь кто-то побывал. Непрошеный гость не оставил на земле никаких следов, и только нависшая над лагерем огромная ветка дерева гинкго выдавала его с головой. Что же касается его силы и дерзости, то об этом ясно говорило состояние нашего склада. Все вещи были раскиданы по поляне, одна жестянка с мясом раздавлена, — очевидно, таким способом он пытался извлечь её содержимое. От ящика с патронами остались одни щепки, а подле него валялась смятая в лепёшку гильза. Смутный страх снова сжал нам сердце, и мы стали испуганно вглядываться в густые тени под деревьями, ожидая, что оттуда вот-вот появится нечто чудовищное.

Какое же облегчение мы испытали, когда услышали в эту минуту голос Самбо и, подойдя к краю плато, увидели на вершине утёса его ухмыляющуюся физиономию!

— Всё хорошо, мистер Челленджер! Всё хорошо! — крикнул он. — Самбо здесь. Не бойся! Когда позовёшь Самбо, он всегда будет здесь.

Глядя на честного негра и на необъятную равнину, простиравшуюся чуть ли не до притоков Амазонки, мы вспомнили, что это всё же двадцатый век, что мы живём на Земле, а не на какой-нибудь полной первобытного хаоса плане-

те, куда нас перенесло волшебной силой. Но как трудно было представить себе, что от фиолетовой линии горизонта рукой подать до великой реки, по которой ходят большие пароходы, что люди там толкуют о своих маленьких житейских делишках, в то время как мы, заброшенные в первобытный мир, к первобытным существам, можем только смотреть в ту сторону и тосковать о мире, полном для нас стольких радостей.

У меня осталось ещё одно воспоминание, связанное с этим необыкновенным днём, и на нём я закончу своё письмо. Полученные ранения явно подействовали на нервы обоих профессоров, и они затеяли горячий спор о том, к какому роду доисторических ящеров принадлежат наши враги — к птеродактилям или к диморфодонам. Дело дошло до обмена колкостями. Чтобы не слышать их перепалки, я отошёл в сторону и, сев на ствол упавшего дерева, машинально закурил трубку. Через несколько минут передо мной выросла фигура лорда Джона.

— Слушайте, Мелоун, — сказал он, — вы хорошо запомнили то место, где гнездятся эти твари?

— Конечно запомнил.

— Нечто вроде вулканического кратера, правда?

— Совершенно верно, — сказал я.

— А какая там почва, вы обратили внимание?

— Одни скалы, камни.

— Нет, возле самой воды, где растёт тростник?

— Что-то синеватое, вроде глины.

— Вот именно… Вулканический кратер и синяя глина.

— А почему это вас интересует? — спросил я.

— Да нет, это я так, — ответил лорд Джон и неторопливо зашагал туда, где всё ещё раздавались голоса наших учёных спорщиков — напряжённый, резкий тенор Саммерли и зычный бас Челленджера.

Я, вероятно, позабыл бы слова лорда Джона, но в ту ночь мне пришлось услышать их от него ещё раз: «Синяя глина… синяя глина в вулканическом кратере…» Это было последнее, что донеслось до меня сквозь дремоту, после чего, измучившись за день, я погрузился в крепкий сон.

Глава одиннадцатая
Я становлюсь героем дня

Опасения лорда Джона Рокстона оправдались: укусы напавших на нас чудовищ были ядовитыми. На следующее утро после нашего первого

приключения на плато у меня и у Саммерли начались сильные боли и озноб, а у Челленджера так распухло колено, что он едва мог ступить на больную ногу. Поэтому мы провели весь день в лагере, стараясь по мере сил помогать лорду Джону, который занимался укреплением колючей изгороди — нашей единственной защиты от врагов. Помню как сейчас, меня с самого утра преследовало тогда странное ощущение: мне всё казалось, что за нами внимательно следят, но кто и откуда — этого я не мог сказать.

Я не утерпел и поделился своими опасениями с Челленджером, который не замедлил приписать их умственному расстройству, будто бы вызванному моим лихорадочным состоянием. Как бы там ни было, но я то и дело продолжал озираться по сторонам, готовясь увидеть что-то и ничего не видя, кроме тёмной груды веток, из которых была сложена наша колючая изгородь, да сумрачных сводов зелени, венчавших стволы огромных деревьев. И всё же уверенность, что какой-то недоброжелательный наблюдатель прячется в двух шагах от нас, не только не покидала меня, но становилась всё сильнее и сильнее. Я вспомнил суеверный страх индейцев перед грозным Курупури, таящимся в лесной глуши, и уже был готов

поверить, что этот злобный дух лишает покоя тех смельчаков, которые вторгаются в тайная тайных его священной обители.

В эту ночь — нашу третью ночь в Стране Мепл-Уайта — одно событие произвело на нас очень тяжёлое впечатление и заставило лишний раз поблагодарить лорда Джона, не пожалевшего трудов, чтобы укрепить форт Челленджера. Мы спали возле потухающего костра, как вдруг нас разбудил, вернее, буквально поднял на ноги неистовый рёв и визг. Я не знаю, с чем можно сравнить эти крики, раздававшиеся где-то совсем рядом с нашим лагерем, — мне не приходилось слышать ничего более страшного. Они раздирали воздух, словно паровозный свисток, не обладая ни чистотой, ни чёткостью этого звука. Мы зажали уши, стараясь не слышать густых вибрирующих раскатов, полных беспредельного ужаса и муки. Нервы не выдерживали такого напряжения. Я весь покрылся холодным потом, сердце замерло у меня в груди. Казалось, все горести жизни, все её неисчислимые страдания — всё, в чём она может обвинить Небеса, слилось воедино в этом страшном, мучительном крике. И, как бы аккомпанируя звенящим воплям, как бы оттеняя их, там же рокотал чей-то прерывистый, низкий

смех, чьё-то ликующее гортанное рычание. Этот кошмарный дуэт длился минуты три-четыре; он переполошил всех птиц, спавших на деревьях, и так же внезапно стих. Мы долго молчали, потрясённые слышанным. Потом лорд Джон подбросил хвороста в костёр. Красноватые отблески огня осветили напряжённые лица моих товарищей и заиграли в листве у нас над головой.

— Что это было? — шёпотом спросил я.

— Утром узнаем, — сказал лорд Джон. — Это где-то совсем близко, не дальше той прогалины.

— Мы удостоились чести подслушать издали доисторическую трагедию, разыгравшуюся в тростниках у лагуны юрского периода, когда крупный ящер приканчивал в тине своего более слабого собрата! — провозгласил Челленджер с необычной даже для него торжественностью. — Да, человек много выиграл, появившись на Земле несколько позднее. На заре мироздания ему пришлось бы встретиться с такими чудовищами, которые не устрашились бы ни его мужества, ни его изобретательности. Разве помогли бы ему стрелы, праща и копьё при столкновении с теми силами, которые разгулялись сегодня ночью? Даже современная винтовка не даст вам перевеса при встрече с таким сильным чудовищем.

— Тем не менее я ставлю на моего милого дружка, — сказал лорд Джон, поглаживая дуло своего «экспресса». — Но не спорю, у того страшилища были бы немалые шансы на победу.

Саммерли поднял руку.

— Тсс! — прошептал он. — Мне что-то послышалось.

Мёртвую тишину нарушил глухой, мерный топот. Какое-то животное пробиралась в чаще, осторожно ступая тяжёлыми лапами. Оно медленно обошло наш форт и остановилось у входа. Мы услышали его свистящее дыхание. Только лёгкая изгородь отделяла нас от этого ночного чудища. Мы схватились за винтовки, а лорд Джон, вытащив куст из колючей изгороди, проделал в ней нечто вроде амбразуры.

— Бог мой! — шепнул он. — Я, кажется, вижу его!

Я заглянул в амбразуру поверх плеча лорда Джона. Да! Верно! В густой тени под деревом виднелась тень более густая. Дикая мощь и

свирепость чувствовались в этом припавшем к земле первобытном звере. Ростом он был не выше лошади, но его грузные контуры говорили о необычайной силе. Только у сверхмощного организма могло быть такое дыхание — наполненное, ровное, как у парового котла. Чудовище шевельнулось, и я увидел его страшные, блеснувшие зелёным огнём глаза. И тут же послышался шорох — оно медленно двинулось вперёд.

— Сейчас прыгнет! — сказал я и взвёл курок.

— Не стреляйте! — шепнул лорд Джон. — Разве можно стрелять в такую тихую ночь? Звук отнесёт на несколько миль. Приберегите это напоследок.

— Если оно перемахнёт через изгородь, мы пропали, — сказал Саммерли с нервным смешком.

— Перемахнуть мы ему не дадим! — крикнул лорд Джон. — Но стреляйте только в самом крайнем случае. Может быть, я и так с ним справлюсь. Надо попробовать.

Трудно представить себе более смелый поступок, чем тот, который совершил лорд Джон. Он нагнулся над костром, выхватил из огня горящую ветку и в одно мгновение проскользнул сквозь узкое отверстие, проделанное в изгороди. Чудовище с грозным рычанием двинулось вперёд. Не колеблясь ни минуты, лорд Джон быстро и легко

подбежал к нему и ткнул горящей веткой в самую его морду. Передо мной всего лишь на секунду мелькнула отвратительная морда гигантской жабы — бородавчатая, словно изъеденная проказой кожа и огромная пасть, вся в свежей крови. И тут же следом в кустах послышался треск, и наш страшный гость исчез в лесной чаще.

— Я так и думал, что он испугается огня, — со смехом сказал лорд Джон, вернувшись за ограду и швырнув ветку в костёр.

— Вы рисковали жизнью! — хором воскликнули мы.

— А что мне оставалось делать? Если б это чудовище очутилось среди нас, мы бы уложили друг друга в перестрелке. Стрелять через ограду тоже не имело смысла: тогда оно наверняка перемахнуло бы сюда, а такая пальба выдала бы нас с головой, и больше ничего. В общем, по-моему, мы легко отделались. Но что это за зверь?

Наши учёные мужи нерешительно переглянулись.

— Я не берусь сколько-нибудь точно определить это существо, — сказал Саммерли, раскуривая трубку у костра.

— Такая осторожность свойственна людям с истинно научным складом мышления. — Чел-

ленджер снизошёл даже до комплиментов. — Я тоже ограничусь лишь общим утверждением, что сегодня ночью мы столкнулись с одним из видов плотоядного динозавра. О возможности их существования на плато вы уже от меня слышали.

— Ведь о многих доисторических видах до нас не дошло никаких сведений, — сказал Саммерли. — С нашей стороны было бы опрометчиво думать, что мы сможем назвать каждое живое существо, которое нам встретится здесь.

— Вы совершенно правы. Наши возможности ограничиваются самой приблизительной классификацией. Подождём до завтра, там будет виднее, а пока что давайте-ка лучше вернёмся к прерванному сну.

— Но при условии, что один из нас останется дежурить, — решительно сказал лорд Джон. — В такой стране шутки плохи, друзья. Впредь предлагаю установить несение дежурства, по два часа в смену.

— Тогда первым часовым буду я, мне как раз хочется докурить трубку, — сказал профессор Саммерли.

И с тех пор мы никогда не ложились спать без охраны.

Утром причина неистовых криков, разбудив-

ших нас, разъяснилась. Прогалина, где мы видели игуанодонов, стала ареной настоящего побоища. Глядя на эти лужи крови и огромные куски мяса, разбросанные по зелёной траве, можно было предположить, что здесь полегло немало зверей, но при ближайшем рассмотрении все эти останки оказались частью туши одного игуанодона, буквально растерзанного на клочки другим зверем, если не более крупным, то более свирепым, безусловно.

Оба профессора погрузились в научный спор, тщательно осматривая каждый кусок, носивший на себе отметины безжалостных клыков и огромных когтей.

— Делать сейчас какие-либо выводы преждевременно, — сказал профессор Челленджер, глядя на лежавший у него на коленях кусок беловатого мяса. — Судя по некоторым данным, нападающим был тигр с саблевидными клыками. Скелеты таких тигров находят среди конгломератов в пещерах, но зверь, которого мы видели собственными глазами, гораздо крупнее и похож скорее на пресмыкающееся. Я лично склонен думать, что это был аллозавр.

— Или мегалозавр[24], — сказал Саммерли.

— Может быть. Словом, любой из крупных плотоядных динозавров. Среди них попадаются самые страшные чудовища, которые когда-либо оскверняли наш земной шар или служили украшением музеев. — Челленджер захохотал над собственной остротой. Обладая весьма примитивным чувством юмора, он радовался каждой своей шутке, даже самой грубой.

— Чем меньше мы будем шуметь, тем лучше! — резко осадил его лорд Джон. — Почём знать, кто здесь бродит поблизости? Если этот молодчик вздумает вернуться сюда завтракать и наткнётся на нас, тогда будет не до смеха. Кстати, что это за пятна?

На чешуйчатой тускло-чёрной коже игуанодона чуть повыше плеча ясно выступала тёмная нашлёпка, похожая по цвету на асфальтовую. Никто из нас не мог определить это пятно, хотя Саммерли вспомнил, что два дня назад он видел точно такое же на одном из молодых игуанодонов. Челленджер сидел надутый и хранил многозначительное молчание, выражая всем своим видом: вот знаю, да не скажу! Лорду Джону

---

[24] Notes: 24

Аллозавр и *мегалозавр* — хищные динозавры, достигавшие 10 м длины. Жили в верхнеюрскую эпоху.

не оставалось ничего другого, как обратиться с тем же вопросом непосредственно к нему.

— Если ваша милость разрешит мне открыть рот, я буду счастлив высказать своё мнение, — ироническим тоном начал Челленджер. — Мне впервые в жизни приходится выслушивать такие нотации. Я не подозревал, что без вашего разрешения нельзя даже посмеяться невиннейшей шутке.

И только после того, как лорд Джон принёс свои извинения нашему обидчивому другу, тот соблаговолил сменить гнев на милость. Когда же возмущение его окончательно улеглось, он влез на ствол упавшего дерева и обратился к нам с длинной и, как всегда, чрезвычайно торжественной речью, точно перед ним была не наша маленькая группа из трёх человек, а тысячная аудитория, ожидающая от профессора драгоценных сведений.

— Что касается вышеупомянутого пятна, — начал Челленджер, — то я склонен присоединиться к мнению моего друга и коллеги профессора Саммерли, который утверждает, что это асфальт. Страна Мепл-Уайта явно вулканического происхождения, асфальт же, как известно, принадлежит к глубинным образованиям и, несомненно,

имеется здесь в жидком состоянии; следовательно, он мог оказаться на коже игуанодонов. Впрочем, сейчас перед нами стоит другой вопрос, гораздо более важный: каким образом здесь могут существовать плотоядные хищники, один из которых посетил эту прогалину и оставил на ней такие страшные следы? Мы знаем, что по своим размерам плато не больше среднего графства у нас в Англии. На этом замкнутом со всех сторон пространстве в течение многих веков живут некоторые виды, давно исчезнувшие с лица земли. Казалось бы — для меня это не подлежит сомнению, — что плотоядные животные, беспрепятственно размножаясь, должны были бы давно уничтожить предоставленные им природой запасы пищи и, в силу этого, либо умереть с голоду, либо перейти с мяса на какой-нибудь другой корм. Как видим, ни того ни другого не случилось. Следовательно, остаётся предположить, что ограничение числа этих свирепых хищников, без чего немыслимо равновесие в природе, достигается здесь какими-то иными способами. Каковы эти способы и как они применяются — вот одна из многих интереснейших проблем, которые ждут своего разрешения. Я позволю себе выразить надежду, что нам ещё представится случай

наблюдать плотоядных динозавров с более короткой дистанции.

— А я позволю себе выразить надежду, что такого случая нам не представится, — сказал я.

В ответ на это профессор поднял брови, словно школьный учитель, услыхавший неуместное замечание озорного ученика.

— Может быть, профессору Саммерли угодно высказать свои соображения по этому вопросу? — предложил он.

И оба они воспарили к горним высям науки, в разрежённой атмосфере которых только и можно было обсуждать такие проблемы, как связь между борьбой за существование и понижение рождаемости при неуклонном уменьшении кормов.

В то утро мы отправились к востоку от ручья, чтобы не выходить опять к болоту с птеродактилями, и нанесли небольшую часть плато на карту. В этой стороне подлесок в чаще был такой густой, что нам приходилось буквально продираться сквозь него.

До сих пор я рассказывал только об ужасах Страны Мепл-Уайта, но это несправедливо по отношению к ней, ибо всё то утро мы бродили среди чудесных цветов, главным образом двух оттенков — белого и жёлтого. По словам Челленджера и

Саммерли, первобытная гамма этими двумя красками и ограничивается. Во многих местах земля была сплошь покрыта цветами, и наши ноги по щиколотку уходили в этот великолепный мягкий ковёр, распространявший вокруг такое сильное и сладостное благоухание, что от него кружилась голова. Повсюду жужжали пчёлы, совсем такие же, как у нас в Англии. Ветви деревьев низко сгибались под тяжестью плодов, отчасти известных нам, отчасти совсем незнакомых. Мы выбирали поклёванные птицами и, не боясь отравиться, вносили приятное разнообразие в своё меню. В этой части джунглей всюду бежали тропы, проложенные дикими зверями, а болотистые низины были испещрены множеством следов; среди них попадались и следы игуанодонов. На одной из лесных прогалин паслось небольшое стадо этих исполинов, и лорд Джон рассмотрел в бинокль, что у них тоже есть асфальтовые пятна на теле, хотя не в тех местах, что у растерзанного игуанодона. Как объяснить это странное явление, никто из нас не знал.

По пути нам то и дело попадались мелкие животные — дикобразы, чешуйчатый муравьед, пегий кабан с длинными, закрученными кверху клыками. Как-то раз в просвете между деревьями

мы увидели вдали зелёный склон холма, по которому быстро взбегал какой-то крупный зверь серовато-коричневой масти. Он промелькнул так стремительно, что мы не успели разглядеть его. Но если это был олень, как утверждал лорд Джон, то размерами он не уступал тем гигантским лосям, скелеты которых до сих пор ещё находят в болотах моей родной Ирландии.

После загадочного посещения мы стали с опаской возвращаться к себе в лагерь. Однако больше ничего такого не случилось. В тот вечер у нас завязался горячий спор о планах на будущее. Изложу его подробно, ибо он повлиял на наш дальнейший образ действий и помог нам в несколько дней ознакомиться со Страной Мепл-Уайта гораздо лучше, чем это можно было сделать за долгие недели.

Прения открыл Саммерли. Он ещё с утра был чем-то недоволен, и, когда лорд Джон заговорил о планах на завтрашний день, профессор не выдержал и вскипел.

— И сегодня, и завтра, и послезавтра нам надо искать выход из этой мышеловки, — сказал он. — Вы всё ломаете себе голову, как бы пробраться внутрь страны, а по-моему, думать надо только о том, как бы выбраться отсюда.

— Я просто поражаюсь, сэр, что человек науки может пасть столь низко! — загудел Челленджер, поглаживая свою пышную бороду. — Вы попали в страну, полную таких соблазнов для любознательного натуралиста, равных которым нет и не было с тех пор, как стоит мир! И вы предлагаете покинуть этот заповедник, предлагаете нам ограничиться лишь самым поверхностным знакомством с ним и с его обитателями! Я не ожидал от вас этого, профессор Саммерли!

— Не забывайте, пожалуйста, — сердито заговорил тот, — что в Лондоне меня ждёт большая группа студентов, которые оставлены на попечение моего весьма бестолкового заместителя. У меня несколько иное положение, чем у вас, профессор Челленджер, ибо, насколько мне известно, вам никто и никогда не поручал такой ответственной работы, как обучение молодёжи.

— Совершенно верно, — согласился Челленджер. — Зачем загружать пустяками ум, способный на творческие искания высшего порядка? По-моему, это кощунство! Вот почему я всегда самым решительным образом отказываюсь от подобных предложений.

— От каких же это? — с язвительной усмешкой осведомился Саммерли.

Но тут лорд Джон поспешил перевести разговор на другую тему.

— Должен вам сказать, — начал он, — что я считаю просто позором возвращаться в Лондон, не ознакомившись как следует с этой страной.

— А у меня не хватит духу перешагнуть порог редакции и показаться на глаза нашему старику Макардлу, — вставил я. — Вы не будете сердиться, сэр? Он мне не простит, если я пренебрегу таким материалом. Но по-моему, эти споры излишни: ведь мы при всём желании не можем спуститься вниз.

— Примитивный здравый смысл в какой-то степени возмещает нашему юному другу недостаток умственного развития, — сказал Челленджер. — Нам, разумеется, нет никакого дела до его презренных профессиональных интересов, но что правда, то правда: мы не можем спуститься вниз, следовательно, нечего зря тратить силы на бессмысленные споры.

— А по-моему, всё, что вы задумали, будет тоже бессмысленной тратой сил, — пробурчал Саммерли, не вынимая трубки изо рта. — Разрешите вам напомнить, что мы приехали сюда с совершенно определённой целью, поставленной перед нами научным собранием Лондонского зоологического

института. Цель эта — проверить утверждения профессора Челленджера. Должен сказать, что мы уже вполне можем подтвердить их правильность. Следовательно, миссия наша выполнена. Что же касается детального изучения плато и его обитателей, то эта огромная задача будет под силу только большой, специально снаряжённой экспедиции. Если мы возьмёмся за это сами, тогда кто же доставит в Англию добытые нами сведения, которые послужат ценным вкладом в науку? Профессор Челленджер изобрёл способ подняться на это неприступное с виду плато. Давайте же попросим его ещё раз пустить в ход присущую ему изобретательность и вернуть нас в тот мир, откуда мы пришли.

Доводы Саммерли показались мне в высшей степени разумными. Челленджер и тот призадумался, сообразив, что ему не удастся посрамить своих врагов, если подтверждение его правоты не дойдёт до тех, кто сомневался в ней.

— Проблема спуска с плато на первый взгляд кажется неразрешимой, — сказал он, — но я не сомневаюсь, что человеческий интеллект найдёт выход и из этого положения. Уважаемый коллега, по-видимому, прав: нам не следует затягивать своё пребывание в Стране Мепл-Уайта, пора

подумать о том, как вернуться домой. Однако я наотрез отказываюсь покинуть плато до тех пор, пока мы не обследуем его и не составим хоть какой-нибудь карты.

Профессор Саммерли нетерпеливо фыркнул.

— У нас ушло уже целых два дня на разведку, — сказал он, — и это почти ничего не дало. Мы по-прежнему не имеем никакого представления о топографии плато. Выяснилось только одно: Страна Мепл-Уайта покрыта густыми лесами. Но ведь на более подробное обследование потребуются месяцы! Другое дело, если б здесь была какая-нибудь возвышенность. Однако плато имеет уклон к центру, значит, сколько бы мы ни забирались вглубь, его общий вид всё равно перед нами не откроется.

И тут на меня нашло вдохновение. Я случайно остановился взглядом на огромном узловатом дереве гинкго, простиравшем над нами свои могучие ветви. Судя по его мощному стволу, оно должно быть выше других деревьев. Если плато действительно поднимается по краям, то почему бы этому гиганту не послужить нам наблюдательной вышкой для обозрения всей Страны Мепл-Уайта? Я ещё в мальчишеские годы славился своим искусством лазить по деревьям. Мои

спутники лучше меня карабкаются по скалам, но тут им за мной не угнаться. Только бы поставить ногу на нижнюю ветку, а всё остальное пустяки — доберусь и до вершины!

Моя идея была принята восторженно.

— Наш юный друг способен проделывать акробатические трюки, немыслимые для людей с более массивной и в то же время более представительной фигурой, — сказал Челленджер, и его щёки надулись двумя румяными яблочками. — Я приветствую такое решение.

— Юноша, да вы просто гениальны! — воскликнул лорд Джон, хлопнув меня по спине. — Не понимаю, как это нам раньше не пришло в голову! До захода солнца остался какой-нибудь час, но вы ещё успеете набросать план местности, хотя бы самый приблизительный. Лезьте туда прямо с блокнотом. Сейчас мы подставим под дерево три ящика, один на другой, и уж я как-нибудь подсажу вас.

Лорд Джон взобрался на ящики и стал осторожно помогать мне, но тут в дело вмешался Челленджер. Он подбежал к нам и буквально подбросил меня кверху одним движением своей мощной длани. Я ухватился за толстый сук и, перебирая ногами по стволу, сначала подтянул-

ся до половины туловища, а потом стал на сук коленями. Три нижние ветви послужили мне настоящими ступеньками, другие, потоньше, тоже облегчили подъём, и я так быстро взобрался по ним кверху, что вскоре земля совсем скрылась у меня из глаз.

Время от времени случались задержки, один раз пришлось даже подниматься по лиане футов десять длиной, но, в общем, всё шло хорошо, и мне уже казалось, что густой бас Челленджера скоро совсем перестанет доноситься сюда. Но дерево было гигантской высоты; я вглядывался в зелёную листву у себя над головой и не замечал, чтобы она начинала хоть сколько-нибудь редеть.

В коре на моём пути встретилась ветка, на которой сидел плотный зелёный клубок — вероятно, какое-нибудь паразитическое растение. Я вытянул шею, стараясь заглянуть за него, и, потрясённый тем, что неожиданно предстало моим глазам, чуть не свалился с дерева.

На меня смотрело чьё-то лицо — каких-нибудь два фута отделяли нас друг от друга. Существо, которому оно принадлежало, пряталось за зелёным клубком и высунуло из-за него голову одновременно со мной. Лицо было человеческое,

во всяком случае более человеческое, чем у любой обезьяны. Длинное, белёсое, всё в прыщах, приплюснутый нос, массивная нижняя челюсть, на подбородке и скулах жёсткая щетина, совсем как бакенбарды. Чудовище ощерило пасть и зарычало, будто изрыгая проклятия по моему адресу, и я увидел острые, загнутые книзу собачьи клыки. Свирепые глаза под нависшими бровями метнули на меня взгляд, полный ненависти и угрозы, и мгновенно помертвели от беспредельного страха. Чудовище камнем ринулось вниз. Раздался громкий треск ломающихся ветвей, рыжее, волосатое, как у свиньи, тело на секунду мелькнуло у меня перед глазами и исчезло в вихре взметённой листвы.

— В чём дело? — послышался снизу голос лорда Рокстона. — Что-нибудь случилось?

— Вы видели? — крикнул я, весь дрожа от волнения и крепко держась обеими руками за сук.

— Слышали какой-то шум, подумали, что вы оступились. А в чём всё-таки дело?

Внезапное появление этой странной человекообезьяны так взволновало меня, что я уже хотел спуститься с дерева и рассказать о случившемся моим спутникам. Но до вершины оставалось совсем немного, и мне было стыдно возвращаться

вниз, не выполнив взятой на себя задачи.

Поэтому я сделал долгую остановку, отдышался и полез дальше. Раз как-то нога моя ступила на подгнивший сук, и я удержался только на руках, но, в общем, подъём был нетрудный. Мало-помалу листва стала редеть, в лицо мне пахнуло ветром, а это значило, что гинкго уже поднялось над окружающими деревьями.

Но я лез всё выше и выше, твёрдо решив не смотреть по сторонам до тех пор, пока не доберусь до самой вершины. Наконец ветки стали гнуться под моей тяжестью. Тогда я выбрал надёжный развилок, уселся в нём поудобнее и глянул вниз на изумительную панораму этой таинственной страны, в которую нас занесла судьба.

Солнце уже спустилось к самой линии горизонта, но вечер был такой ясный и тихий, что плато, раскинувшееся подо мной, виднелось от края до края. Оно представляло собой овал длиной миль тридцать, шириной двадцать и имело форму неглубокой воронки, так как поверхность его шла под уклон к центру, где было довольно большое озеро, миль десяти в окружности. По берегам этого прекрасного озера рос густой тростник, сквозь зеленоватую воду кое-где проступали жёлтые песчаные отмели, отливавшие золотом в мягких лучах солнца. На отмелях виднелось множество каких-то чёрных предметов. Для аллигаторов они были слишком велики, для челнов — слишком длинны. Я разглядел в бинокль, что это живые существа, но какие — так и не догадался.

С той стороны плато, где был наш лагерь, лесистые склоны, нарезанные кое-где прогалинами, тянулись миль на шесть по направлению к

центральному озеру. Почти у самых своих ног я различил прогалину игуанодонов, а дальше, среди редеющих деревьев, виднелся проход к болоту птеродактилей. Зато по другую сторону озера облик плато резко менялся. Там поднимались точно такие же красноватые базальтовые скалы, какие мы видели снизу, с равнины. Эта гряда была футов двести вышиной, и у подножия её рос лес. В нижней части красноватых скал, немного выше земли, я разглядел в бинокль ряд тёмных отверстий, служивших, по-видимому, входами в пещеры. У входа в одну из них что-то белело, но что именно — мне так и не удалось разобрать.

Я бросил свою работу только после захода солнца, когда мне ничего не было видно, и спустился к товарищам, с нетерпением ожидавшим меня под деревом. Вот когда я стал героем дня! Этот замысел принадлежал мне, и я сам привёл его в исполнение. Вот она, карта, которая сбережёт нам месяц времени и избавит от необходимости блуждать вслепую по Неведомой стране. Последовал обмен торжественными рукопожатиями. Но прежде чем показать карту товарищам, надо было рассказать им и о моей встрече с человекообезьяной.

— Она была там всё время, — сказал я.

— Откуда вы это знаете? — спросил лорд Джон.

— Меня не оставляло ощущение, что за нами следят чьи-то злобные глаза. Помните, профессор Челленджер? Я говорил вам об этом.

— Действительно, нечто подобное я слышал. Наш юный друг обладает той впечатлительностью, которая характерна для представителей кельтской расы.

— Теория телепатии… — начал было Саммерли, набивая трубку.

— Это чересчур сложная проблема, не будем её обсуждать сейчас, — решительно прервал его Челленджер. — Скажите лучше вот что, — обратился он ко мне с величественным видом, словно епископ, экзаменующий ученика воскресной школы, — вы не заметили, может это существо прижать большой палец к ладони?

— Вот уж чего не заметил, того не заметил.

— Хвост у него есть?

— Нет.

— Задние конечности хватательные?

— По всей вероятности, иначе он не смог бы так быстро скакать с ветки на ветку.

— Если память мне не изменяет, в Южной Америке насчитывается до тридцати шести видов обезьян… профессор Саммерли, прошу вас воз-

держаться от замечаний… Но человекообразных среди них нет. Теперь не подлежит сомнению, что здесь они водятся, но это какая-то другая разновидность, а не те волосатые гориллоподобные обезьяны, которые встречаются только в Африке и на Востоке. — (У меня чуть было не сорвалось с языка, что двоюродного братца этих гориллоподобных я видел и в Кенсингтоне.) — Для здешней разновидности характерны наличие растительности на лице и белый цвет кожи, последнее же объясняется тем, что эти обезьяны живут на деревьях, среди густой листвы. Перед нами стоит вопрос: к кому же больше приближается здешняя разновидность — к обезьяне или к человеку? В последнем случае она, видимо, представляет собой то, что зовётся в просторечии «недостающим звеном». Наш долг — немедленно приступить к разрешению этой проблемы…

— Возражаю! — резко оборвал его Саммерли. — Теперь, когда у нас есть карта, а этим мы обязаны сообразительности и энергичному образу действий мистера Мелоуна, — (я вынужден привести здесь эти слова), — наш единственный долг — принять все меры, чтобы немедленно же выбраться здравыми и невредимыми из этого ужасного места.

— Блага цивилизации не дают вам спать! — простонал Челленджер.

— Да, сэр! И самым большим благом цивилизации я считаю чернила, сэр! Мы должны отчитаться во всём, что видели здесь, а дальнейшим исследованием пусть занимаются другие. Вы же сами с этим согласились до того, как мистер Мелоун показал нам свою карту.

— Хорошо, — сказал Челленджер. — Мне тоже сразу полегчает, когда я буду окончательно уверен, что результаты экспедиции дойдут до сведения наших друзей. Но пока что я понятия не имею, как нам отсюда выбраться. Впрочем, Джорджу Эдуарду Челленджеру ещё не приходилось сталкиваться с задачами, которые были бы не под силу его изобретательному уму, и он обещает вам завтра же заняться этим вопросом вплотную.

На этом спор был закончен. А в тот же вечер при свете костра и единственной свечи мы вычертили по моему наброску первую карту Затерянного мира. Детали, только намеченные мною с вершины дерева, были занесены на соответствующие места. Карандаш Челленджера задержался над большим белым пятном, изображающим озеро.

— Как же мы его назовём? — спросил он.

— Почему бы вам не воспользоваться случаем

увековечить своё имя? — с обычной язвительностью сказал Саммерли.

— Я уверен, сэр, что у потомства найдутся более веские основания, чтобы запомнить Челленджера. И эти основания будут покоиться на его личных заслугах, — сурово ответил профессор. — Каждый невежда может навязать своё имя какой-нибудь реке или горной вершине. Мне таких монументов не нужно.

Саммерли криво улыбнулся, готовясь к новому выпаду, но лорд Джон поспешил прервать спорщиков.

— Милый юноша, окрестить озеро должны вы, — сказал он. — Вы первый его увидели, и, если вам захочется проставить на карте «озеро Мелоун», перечить вам никто не будет.

— Конечно, конечно! Пусть наш юный друг даст название озеру, — поддержал его Челленджер.

— В таком случае, — сказал я и сам почувствовал, что краснею, — пусть оно зовётся озером Глэдис.

— А вам не кажется, что «Центральное» даст более ясное понятие о его местоположении? — спросил Саммерли.

— Нет, пусть будет озеро Глэдис.

Челленджер бросил на меня сочувственный

взгляд и с шутливой укоризной покачал головой.

— Ах, молодость, молодость! — сказал он. — Ну что же, Глэдис так Глэдис!

Глава двенадцатая
Как страшно было в лесу!

В предыдущем письме уже упоминалось — а может, и нет? последнее время память играет со мной злые шутки, — что я был сам не свой от гордости, когда трое таких незаурядных людей, как мои спутники, с благодарностью пожали мне руку. По их словам, я спас или по крайней мере значительно облегчил наше положение. Будучи самым младшим членом экспедиции и уступая моим товарищам во всём, что касалось опыта и твёрдости характера, я с первых же дней нашего путешествия оставался в тени. Но теперь настал и мой час. Увы! Гордыня к добру не приводит. Чувство самодовольства и новая для меня уверенность в своих силах привели к тому, что в ту же ночь мне пришлось выдержать такое испытание, о котором я до сих пор не могу вспомнить без ужаса.

Вот как это случилось. Взбудораженный сверх

всякой меры своим удачным подъёмом на вершину дерева гинкго, я никак не мог уснуть. В ту ночь первым дежурил Саммерли. В неярком свете костра виднелась его нелепая, угловатая фигура. Он сидел, сгорбившись, положив винтовку на колени, и так клевал носом, что его козлиная бородка то и дело вздрагивала. Лорд Джон лежал, завернувшись в своё южноамериканское одеяло-пончо, и его совсем не было слышно. Зато густой громкий храп Челленджера разносился по всему лесу.

Полная луна светила ярко; ночной воздух так и пробирал холодком. Какая ночь для прогулки! И вдруг меня осенило: а почему бы и в самом деле не прогуляться? Что, если я тихонько выйду из лагеря, найду дорогу к центральному озеру и утром вернусь с целым ворохом новостей? Ведь тогда акции мои поднимутся ещё выше! И если Саммерли заставит нас найти какой-нибудь способ выбраться отсюда, мы вернёмся в Лондон с самыми точными сведениями о центральной части Страны Мепл-Уайта, где, кроме меня, не побывал никто. Я вспомнил Глэдис… «Человек сам творец своей славы», — прозвучало у меня в ушах. Вспомнил и Макардла. Какой материал для газеты — на целую полосу! Какая карьера

ждёт меня впереди! Начнётся война, и, может быть, меня пошлют корреспондентом на театр военных действий. Я схватил первую попавшуюся винтовку — патроны были у меня в карманах — и, разобрав завал у входа в форт, проскользнул за его ограду. Оглянувшись напоследок, я увидел нашего горе-часового Саммерли, который по-прежнему дремал у затухающего костра, мерно, словно китайский болванчик, покачивая головой.

После первых же ста ярдов мне стало ясно, сколько безрассудства в моём поступке. Я, кажется, уже упоминал на страницах этой хроники, что пылкость воображения мешает мне стать по-настоящему смелым человеком, упоминал и о том, что больше всего на свете боюсь прослыть трусом. Вот эта боязнь и толкала меня вперёд. Я просто не мог бы вернуться в лагерь с пустыми руками. Если б товарищи и не хватились меня и не узнали бы о моём малодушии, всё равно я не нашёл бы себе места от жгучего стыда. А в то же время меня то и дело кидало в дрожь, и я готов был отдать всё, лишь бы найти достойный выход из этого нелепого положения.

Как страшно было в лесу! Деревья стояли такой плотной стеной, листва у них была такая густая,

что лунный свет почти не проникал сюда, и лишь самые верхние ветки филигранным узором сквозили на фоне звёздного неба. Привыкнув мало-помалу к темноте, глаза мои начали кое-что различать в ней. Некоторые деревья всё же виднелись в этом мраке, другие совсем тонули в угольно-чёрных провалах, от которых я в ужасе шарахался, так как порой они казались мне входами в какие-то пещеры. Я вспомнил отчаянный вопль обречённого на гибель игуанодона, разнёсшийся по всему лесу. Вспомнил и бородавчатую окровавленную морду, мелькнувшую передо мной при свете факела лорда Джона. Безымянное страшное чудовище охотится в этих самых местах. Оно может в любую минуту броситься на меня из лесной тьмы. Я остановился, вынул из кармана патрон и открыл затвор винтовки. И вдруг сердце замерло у меня в груди. Это была не винтовка, а дробовик.

И я снова подумал: «Уж не вернуться ли?» Повод вполне достаточный, никто не посмеет сомневаться в причинах моей неудачи. Но глупая гордость восставала даже против одного этого слова. Нет, я не хотел, я не мог допустить, чтобы меня постигла неудача. Если уж на то пошло, так перед лицом тех опасностей, которые мне

здесь, по всей вероятности, угрожают, винтовка окажется столь же бесполезным оружием, как и охотничье ружьё. Возвращаться в лагерь и исправлять ошибку не имеет смысла — второй раз мне не удастся уйти оттуда незамеченным. Придётся объяснить свои намерения, и тогда инициатива уйдёт у меня из рук. После недолгих колебаний я всё же собрался с духом и двинулся дальше, держа бесполезное ружьё под мышкой.

Лесная тьма пугала меня, но на прогалине игуанодонов, залитой ровным лунным светом, мне стало ещё страшнее. Я внимательно оглядел её, спрятавшись в кустах. Чудовищ не было видно. Трагедия, злополучным героем которой стал один из игуанодонов, вероятно, заставила остальных уйти с этого пастбища. Туманная, серебристая ночь была безмолвна — ни шороха, ни звука. Набравшись храбрости, я быстро перебежал прогалину и по ту сторону опять вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью. Этот весёлый спутник бежал, болтая и журча, как тот дорогой моему сердцу ручей в родной стороне, где я ещё мальчиком ловил по ночам форель. Если идти вниз по течению, он выведет меня к озеру; если подниматься вверх — вернёшься обратно в лагерь. Ручей то и дело терялся среди кустов,

но его неумолчное журчание всё время стояло у меня в ушах.

Чем ниже под уклон, тем больше и больше редел лес, постепенно уступая место зарослям кустарника, среди которых лишь кое-где поднимались высокие деревья. Идти становилось легче, и теперь я мог смотреть по сторонам, оставаясь незамеченным. Мой путь проходил мимо болота птеродактилей, и оттуда навстречу мне с сухим шелестом и свистом взмыл в воздух один из этих гигантов, размах крыльев которого был футов двадцать по меньшей мере. Вот его перепончатые крылья пронизало ослепительно-белым тропическим сиянием лунного диска, и словно скелет пролетел у меня над головой. Я кинулся в кусты, зная по опыту, что достаточно этому чудовищу подать голос, и на меня тучей налетят его омерзительные собратья. И только после того, как птеродактиль опустился в чащу кустов, я осторожно двинулся дальше.

Ночь была на редкость тихая, но вот тишину нарушил глухой, ровный рокот, с каждым моим шагом становившийся всё громче и громче. Наконец я остановился совсем рядом с источником, из которого исходил этот звук, напоминавший клокотание кипятка в котле, и понял, в чём тут

дело. Посередине небольшой лужайки виднелось озеро, вернее, большая лужа, ибо в диаметре она была не больше водоёма в Трафальгар-сквере. Её чёрная как дёготь поверхность непрестанно вздувалась пузырями, которые лопались, выделяя газ. Воздух над лужей дрожал от жара, а земля вокруг была до того горячая, что, коснувшись её ладонью, я тут же отдёрнул руку. По-видимому, мощный вулканический процесс, много веков назад вздыбивший плато над земной поверхностью, ещё не закончился. Нам уже приходилось видеть здесь, среди пышной зелени, чёрные обломки скал и застывшую лаву, но этот резервуар с жидким асфальтом был первым неоспоримым доказательством того, что древний вулкан продолжает действовать и по сию пору. К сожалению, мне надо было спешить, чтобы вернуться в лагерь до рассвета, и я не стал задерживаться здесь.

До конца дней своих я не забуду этого страшного пути. Освещённые луной прогалины я обходил по самым краям, стараясь держаться в густой тени; в джунглях то и дело замирал от страха, слыша треск веток, сквозь которые пробирался какой-нибудь зверь. Огромные тени возникали передо мной и снова исчезали, бесшумно скользя на мягких лапах. Я часто останавливался с твёр-

дым намерением повернуть обратно, и всякий раз гордость побеждала страх и гнала меня вперёд, к намеченной цели.

Наконец (на моих часах было начало второго) в просвете между деревьями блеснула вода, и минут через десять я уже стоял в камышах, на берегу центрального озера. Меня давно мучила жажда, и я лёг ничком и припал к воде; она оказалась холодной и очень свежей на вкус. В этом месте к берегу вела широкая, испещрённая множеством следов тропинка, — очевидно, звери приходили сюда на водопой. У самой воды огромной глыбой поднималась застывшая лава. Я взобрался на неё, лёг и осмотрелся по сторонам.

Первое, что предстало моему взору, поразило меня своей неожиданностью. Описывая вид, открывавшийся с вершины дерева гинкго, я упоминал о тёмных пятнах на скалистой гряде, которые можно было принять за входы в пещеры. Взглянув теперь в ту сторону, я увидел множество круглых отверстий, светящихся ярким, красноватым огнём, словно иллюминаторы океанского парохода в ночной темноте. Сначала я подумал, что это отблеск лавы, бурлящей в непотухшем вулкане, но тут же отказался от такого предположения. Лава бурлила бы где-нибудь внизу, а

не высоко среди скал. Тогда что же это значит? Невероятно, но, по-видимому, другого объяснения не подыщешь: эти красноватые пятна не что иное, как отблески костров, горящих в пещерах, — костров, разжечь которые могла только человеческая рука. Следовательно, на плато есть люди. Какие блестящие результаты дала моя ночная прогулка! Уж с такими известиями нам не стыдно будет вернуться в Лондон.

Я долго смотрел на эти красные мерцающие отблески. Меня отделяло от них не меньше десяти миль, но даже на таком расстоянии можно было разглядеть, что они то затухали, то вспыхивали ярче, то совсем исчезали у меня из глаз, когда их заслоняли чьи-то тени. Чего бы я только не дал, чтобы подобраться к этим пещерам, заглянуть в них и потом поведать моим спутникам о внешнем облике и образе жизни человеческой расы, населяющей этот таинственный уголок земного шара! Сейчас об этом нечего было и думать, но вряд ли кто-нибудь из нас захочет покинуть плато, не узнав толком, что скрывается в этих пещерах.

Озеро Глэдис — моё озеро! — сверкало передо мной, словно ртуть, а в самом центре его отражался светлый диск луны. Оно было неглубокое:

из воды в нескольких местах проглядывали песчаные отмели. Гладкая поверхность озера жила своей жизнью — на ней появлялись то круги, то лёгкая рябь; вот рыба блеснула серебряной чешуёй, вот показалась горбатая аспидно-чёрная спина какого-то чудовища. Странное существо, похожее на огромного лебедя с длинной гибкой шеей, прошло по краю отмели, потом грузно плюхнулось в озеро и поплыло. Его изогнутая шея и юркая голова долго виднелись над водой. Потом оно нырнуло и больше уже не показывалось.

Вскоре я устремил всё своё внимание на то, что происходило почти у самых моих ног. На берегу появились два зверя, похожие на крупных армадиллов. Они припали к воде и быстро заработали длинными красными лентами языков. Вслед за ними на водопой явился огромный ветвисторогий олень с самкой и двумя оленятами. Такого царственного существа, наверное, больше нигде не найдёшь, кроме как в Стране Мепл-Уайта; и лось, и американский олень были бы ему по плечо. Всё семейство мирно пило воду, но вдруг самец предостерегающе фыркнул, и они мигом исчезли в камышах. Армадиллы тоже заковыляли прочь. На тропинке появилось какое-то новое существо — настоящее чудовище.

У меня пронеслось в голове: где же я видел этого урода с круглой спиной, усаженной треугольными зубцами, с маленькой птичьей головкой, опущенной почти до самой земли? И вдруг вспомнил. Это же стегозавр, которого Мепл-Уайт запечатлел на страницах своего альбома, то чудовище, которым прежде всего заинтересовался Челленджер. Вот он передо мной — может быть, тот самый зверь, что повстречался американскому художнику. Земля содрогалась под его страшной тяжестью, воду он лакал так громко, что эти звуки, казалось, будили ночь. Минут пять стегозавр стоял совсем рядом со мной. Стоило мне протянуть руку, и я бы коснулся этих отвратительных зубцов, вздрагивавших при каждом его движении. Напившись, чудовище побрело прочь и скрылось среди камней.

Я вынул часы — была половина третьего, самое время возвращаться в лагерь. Обратный путь не вызывал у меня никаких сомнений, так как я шёл сюда, держась левого берега ручья, а ручей вливался в центральное озеро в нескольких шагах от моего наблюдательного пункта. Итак, я в самом лучшем расположении духа зашагал к лагерю, гордясь результатами своей ночной прогулки и теми новостями, которые преподне-

су товарищам. Конечно, самая важная новость — это освещённые изнутри пещеры, где, по всей вероятности, живёт какое-то племя троглодитов. Но мои наблюдения над центральным озером тоже кое-чего стоят. Я могу удостоверить, что оно полно живых существ, и, кроме того, опишу несколько новых видов доисторических сухопутных животных, не встречавшихся нам до сих пор. Не много найдётся людей на свете, думал я, которые за одну ночь — и какую необычайную ночь! — смогли бы внести столь ценный вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Поглощённый своими мыслями, я медленно поднимался вверх по склону и уже был примерно на полпути к лагерю, когда послышавшиеся сзади странные звуки вернули меня к действительности. Это было нечто среднее между храпением и рёвом — глухим, низким и грозным. По-видимому, вблизи появился какой-то зверь, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Я прибавил шагу и, пройдя ещё с полмили, снова услышал те же звуки. На сей раз они были гораздо громче и страшнее. Сердце замерло у меня в груди при мысли, что за мной кто-то гонится. Я весь похолодел и почувствовал, как волосы встали дыбом у меня на голове. Пусть эти чудовища рвут друг друга

на куски, такова борьба за существование, но чтобы они нападали на современного человека, охотились за владыкой мира — с этой страшной мыслью я не мог примириться. Передо мной снова возникло это страшное видение из Дантова ада — залитая кровью морда, освещённая на миг горящей веткой лорда Джона. Я стоял, глядя во все глаза назад, на залитую луной тропинку, и колени у меня подгибались от страха. Такое может только присниться: тишина, серебристые лунные блики на прогалинах, чёрные пятна кустов. И вдруг эту грозную тишину снова прорвало какое-то низкое, гортанное рычание. Оно звучало ещё громче, ещё ближе. Сомнений быть не могло: меня кто-то выслеживал и расстояние между мной и моим преследователем сокращалось с каждой минутой.

Я стоял, будто пригвождённый к месту, и не мог отвести глаз от тропинки. И вдруг *оно* по-

казалось. В дальнем конце прогалины, которую я только что прошёл, дрогнули кусты. Что-то большое, тёмное отделилось от них и одним прыжком вымахнуло на залитую луной прогалину. Я умышленно говорю о прыжке, ибо чудовище передвигалось, как кенгуру, вытянувшись во весь рост и отталкиваясь от земли сильно развитыми задними ногами; передние были прижаты у него к брюху. Размеры и мощь этого зверя поразили меня — настоящий слон, вставший на дыбы. И при всём том такая подвижность! В первую минуту у меня ещё мелькнула надежда: может быть, это лишь безобидный игуанодон? Но несмотря на всё своё невежество, я понял, что ошибаюсь. У трёхпалого травоядного игуанодона голова была маленькая, как у лани, а у этого страшилища широкая, плоская — словом, точная копия той жабьей морды, обладатель которой так напугал нас минувшей ночью. Свирепый рёв и настойчивость, с какой он преследовал меня, свидетельствовали о том, что это плотоядный динозавр, один из самых страшных зверей, какие когда-либо водились на земле. Чудовище то и дело припадало на передние лапы и тыкалось носом в землю, вынюхивая мои следы. Иногда они терялись, но динозавр находил их и снова

огромными прыжками пускался по тропинке следом за мной.

Даже теперь, при одном лишь воспоминании об этом кошмаре, холодный пот проступает у меня на лбу. Что мне было делать? У меня в руках был дробовик, но какой от него толк сейчас? Я с отчаянием огляделся по сторонам, ища глазами какое-нибудь прикрытие — скалу или дерево, но здесь, в чаще кустарника, были только молодые деревца, а моему преследователю ничего не стоило бы переломить как тростинку и большое дерево. Меня могло спасти только бегство. Но как бежать по неровному каменистому откосу? К счастью, я заметил хорошо утоптанную тропинку, пересекавшую мой путь. Во время своих разведок мы видели немало таких троп, проложенных дикими зверями. Если броситься по ней, может быть, мне и удастся уйти от преследования, тем более что бегаю я хорошо и сейчас нахожусь в форме. И, отшвырнув в сторону бесполезное ружьё, я показал такой класс спринта, какой не показывал ни до, ни после этой ночи. Ноги мои подкашивались, грудь разрывалась, дыхание спирало в горле, но я всё бежал и бежал вперёд, подгоняемый ужасом. Наконец, когда сил уже больше не стало, я остановился. На секунду мне

показалось, что преследование кончилось — на тропинке никого не было. И вдруг снова: треск сучьев, топот исполинских лап, свистящее дыхание могучих лёгких… Зверь настигал меня. Он уже совсем близко! Спасения нет!

Безумец! Зачем я так долго раздумывал, прежде чем обратиться в бегство? Сначала динозавр полагался только на свой нюх, а это замедляло погоню. Но как только я побежал, он заметил меня и с той минуты уже не терял из виду. Ещё несколько прыжков — и чудовище показалось из-за поворота тропинки. В ярком свете луны блеснули огромные выпученные глаза, пасть с двумя рядами страшных зубов и острые когти на коротких передних лапах. Я дико вскрикнул и опрометью бросился вперёд. Прерывистое, хриплое дыхание слышалось всё ближе и ближе. Тяжёлый топот настигал меня. Ещё секунда — и динозавр вцепится мне в спину. И вдруг — оглушительный треск, я лечу в бездну, а дальше тьма и пустота забвения…

Когда я очнулся от обморока — думаю, что на это потребовалось всего несколько минут, — мне ударило в нос ужасающее, совершенно невыносимое зловоние. Я шарил в темноте и одной рукой нащупал что-то вроде огромного куска мяса, другой — тяжёлую кость. Высоко вверху в правильном овале светили звёзды. Следовательно, я лежал на дне какой-то глубокой ямы. Всё тело у меня ныло, но кости были целы, никаких повреждений не обнаруживалось. Когда в моём затуманенном

мозгу всплыли обстоятельства, предшествовавшие этому падению в яму, я с ужасом взглянул вверх в полной уверенности, что тёмная голова динозавра вот-вот появится на фоне бледнеющего неба. Но всё было тихо, спокойно. Тогда я медленно, ощупью обошёл дно ямы, стараясь понять, куда же меня вверг счастливый случай. Яма была глубокая, с отвесными краями и ровным дном, футов двадцать в поперечнике. На дне валялись совершенно разложившиеся куски мяса, от которых шёл удушающий смрад. Ступая по этой падали и то и дело спотыкаясь о неё, я вдруг наткнулся на что-то твёрдое — это был деревянный кол, вбитый в самой середине ямы. Я ощупал его, моя рука скользнула по чему-то липкому, но до верхушки кола так и не дотянулась.

Вдруг я вспомнил, что у меня в кармане есть восковые спички, и, чиркнув одну, сразу понял назначение этой ямы. Сомневаться не приходилось: это была западня, вырытая руками человека. Вбитый посредине заострённый кол высотою футов девять весь почернел от крови животных, которые напарывались на него. Валявшиеся на дне куски гнилого мяса были, по-видимому, срезаны с кола, чтобы очистить место для следующих жертв.

Я вспомнил Челленджера, утверждавшего, что человек с его слабыми средствами защиты не может существовать на плато, населённом такими чудовищами. Но теперь способы его борьбы с ними стали ясны мне. Пещеры с узкими входами служили надёжным убежищем для их обитателей, кто бы они ни были. Умственное превосходство этих человеческих существ над огромными ящерами было, по-видимому, настолько велико, что позволяло им устраивать на звериных тропах прикрытые ветками ловушки, в которых их враги гибли, несмотря на всю свою мощь и ловкость. Человек и здесь царствовал над миром.

Чтобы выбраться по откосам ямы наверх, особенной ловкости не требовалось, но я долго не решался на это, боясь попасть в лапы врага, который едва не растерзал меня. Почём знать, может быть, динозавр подкарауливает свою жертву, притаившись в кустах? Но я вспомнил один разговор Челленджера с Саммерли о повадках этих исполинских пресмыкающихся и немного осмелел. Оба профессора сходились на том, что в крохотной черепной коробке динозавра нет места разуму и что, по сути дела, это совершенно безмозглые животные, исчезнувшие с лица земли

именно из-за полного неумения приспосабливаться к меняющимся условиям существования.

Прежде чем подкарауливать меня, динозавр должен был понять, что со мной произошло, но для этого требовалось умение устанавливать связь между причиной и следствием. Гораздо более вероятно, что глупое животное, действующее лишь по велениям хищнического инстинкта, сначала опешило в недоумении, а потом отправилось на поиски новой добычи.

Я долез до края ямы и огляделся по сторонам. Звёзды гасли, небо начинало бледнеть, и предутренний ветерок приятной прохладой пахнул мне в лицо. Мой враг никак не давал о себе знать. Я медленно выбрался из ямы и сел на землю, готовясь при малейшей тревоге спрыгнуть в своё убежище. Потом, несколько успокоенный полной тишиной, которая была вокруг, и наступлением утра, собрался с духом и крадучись пошёл назад по той же тропинке. Через несколько минут я увидел своё ружьё, подобрал его, вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью, и быстро зашагал к лагерю, то и дело оборачиваясь и бросая по сторонам испуганные взгляды.

И вдруг ветер принёс мне напоминание о моих товарищах. Тишину спокойного утра нарушил

далёкий звук ружейного выстрела. Я остановился и прислушался — всё было тихо. «Не случилось ли чего с ними?» — пронеслось у меня в голове. Но я тут же успокоил себя, найдя более простое и более естественное объяснение этому выстрелу. Уже совсем рассвело. Моё отсутствие, конечно, успели заметить. Товарищи, вероятно, решили, что я заблудился в лесу, и дали выстрел, чтобы помочь мне добраться до лагеря. Правда, стрельба была у нас запрещена, но если они думали, что мне грозит опасность, вряд ли это остановило бы их. Надо как можно скорее вернуться в лагерь и унять тревогу.

Я устал, измучился за ночь и при всём желании не мог идти быстро. Но вот наконец-то начались знакомые места. Слева болото птеродактилей, а скоро будет прогалина игуанодонов. Теперь только узкая полоса леса отделяла меня от форта Челленджера. Я весело крикнул, торопясь успокоить товарищей. Ответа не было. Кругом стояла зловещая тишина. Сердце у меня сжалось. Я ускорил шаги, потом побежал. Вот и ограда — она цела, но завала у входа нет. Я бросился внутрь. Страшное зрелище предстало моим глазам в холодном свете раннего утра. Наши вещи в беспорядке валялись по всей поляне; моих спут-

ников нигде не было, а возле потухшего костра краснела на траве большая лужа крови.

Я был так потрясён этой неожиданностью, что первое время вообще потерял способность соображать. Припоминаю только, как тяжёлый кошмар, свои метания по лесу вокруг опустевшего лагеря, отчаянные призывы, обращённые к товарищам. Но лесная чаща безмолвствовала. Меня сводили с ума страшные мысли. Что, если я больше не увижу их? Что, если я останусь один в этом ужасном месте и никогда не смогу вернуться в мир? Что, если судьба обречёт меня жить и умереть здесь? Мне хотелось рвать на себе волосы и биться головой о землю в припадке отчаяния. Только теперь я понял, какой опорой были для меня товарищи — и Челленджер, с его безмятежной самоуверенностью, и властный, хладнокровный лорд Рокстон, никогда не теряющий чувства юмора. Без них я был как слабый, беспомощный ребёнок, оставшийся один в темноте. Куда мне податься, что делать, с чего начать?

Некоторое время я сидел совершенно подавленный, потом мало-помалу пришёл в себя и стал раздумывать, какая же злая участь постигла моих спутников. Разгром, учинённый в лагере, свидетельствовал о том, что они подверглись

нападению, очевидно, в ту самую минуту, когда я услышал выстрел. Но выстрел был только один, значит всё кончилось мгновенно. Винтовки лежали тут же на земле, а в затворе одной из них, принадлежавшей лорду Джону, был стреляный патрон. Судя по брошенным у костра одеялам Челленджера и Саммерли, беда настигла их во время сна. Ящики с патронами и провизией валялись по всей поляне; тут же я увидел наши фотографические аппараты и коробки с пластинками. Всё это было цело, зато съестные припасы, вынутые из ящиков, исчезли, а их, помнится, было изрядное количество. Следовательно, нападение на лагерь произвели не люди, а звери, ибо в противном случае тут, вероятно, ничего бы не осталось.

Но если это действительно звери или какое-нибудь одно чудовище, то что же сталось с моими спутниками? Хищники, конечно, растерзали бы их, но где же останки? Правда, лужа крови достаточно красноречиво говорила о случившемся, а динозавр, который преследовал меня ночью, мог бы унести свою жертву с такой же лёгкостью, с какой кошка уносит мышь. В таком случае оставшиеся дома, вероятно, бросились за ним вдогонку. Но почему же они не взяли с собой

винтовок? Мой усталый, измученный мозг отказывался разгадать эту загадку. Поиски в лесу тоже ничего не дали. Я заплутался и только благодаря счастливой случайности снова вышел к лагерю, потратив на это не меньше часа.

И тут в голову мне пришла одна мысль, в которой было кое-какое утешение. Всё-таки я не совсем один здесь. У подножия скал остался верный Самбо. Он услышит мой голос. Я подошёл к обрыву и заглянул вниз. Ну конечно, вон он сидит на одеяле у костра! Но там есть кто-то ещё. Кто же это? Сердце ёкнуло у меня от радости. Может быть, один из моих товарищей как-то ухитрился спуститься вниз? Но стоило мне присмотреться повнимательнее, и надежда угасла. Кожа человека, сидевшего напротив Самбо, отливала красным в лучах восходящего солнца. Это был индеец. Я громко крикнул и замахал носовым платком. Самбо вскинул голову, махнул рукой мне в ответ и побежал к утёсу. Прошло несколько минут, и он уже стоял на его вершине, совсем близко от меня, и в горестном молчании слушал мой рассказ.

— Их унёс дьявол, мистер Мелоун, — сказал Самбо. — Вы пришли в страну дьявола, и он всех вас возьмёт к себе. Слушайте, что говорит Самбо,

сэр: поскорей спускайтесь вниз, а то и вам будет беда.

— Как же я спущусь, Самбо?

— Рубите лианы с деревьев, мистер Мелоун. Бросайте их сюда. Я привяжу лианы к пеньку, и будет мост.

— Мы сами об этом думали. Но лианы нас не выдержат.

— Пошлите за верёвками, мистер Мелоун.

— Кого же я пошлю и куда?

— Пошлите в индейский посёлок, сэр. В индейском посёлке много верёвок из кожи. Внизу есть индеец, пошлите его.

— Откуда он взялся?

— Это наш индеец. У него всё отняли, а самого побили. Он вернулся. Теперь возьмёт письмо, принесёт верёвки — всё сделает.

Возьмёт письмо… Что ж, это мысль! Может быть, кто-нибудь придёт нам на помощь? А если нет, открытия, которыми мы обогатили науку, дойдут до наших друзей, и мир узнает, что мы погибли не зря. Два письма были у меня уже готовы. За сегодняшний день напишу третье, в котором ход событий будет доведён до последней минуты. Индеец доставит мои письма туда, в мир.

Я приказал Самбо подняться на утёс ещё раз,

ближе к вечеру, и весь этот унылый день посвятил описанию того, что произошло со мной минувшей ночью. К письмам я присовокупил также коротенькую записку, которую индеец должен был вручить первому попавшемуся белому — торговцу или капитану какого-нибудь судна. В записке было сказано, что наша жизнь зависит от того, пришлют нам канаты или нет. Вечером я переправил Самбо все письма и свой кошелёк с тремя фунтами стерлингов. Деньги предназначались индейцу, а за канаты ему была обещана вдвое большая сумма.

Теперь, дорогой мистер Макардл, вы поймёте, каким образом мои письма дошли до вас, и узнаете всю правду о своём неудачливом корреспонденте, в случае если он больше не напишет вам ни строчки. Сейчас я слишком измучен и слишком подавлен, чтобы строить какие-нибудь планы. Завтра подумаю о дальнейшем и, не теряя связи с лагерем, начну поиски моих несчастных товарищей.

Глава тринадцатая

Этого зрелища мне никогда не забыть

В тот грустный день на закате солнца я увидел внизу уходившего индейца — нашу последнюю надежду на спасение — и до тех пор провожал глазами его одинокую крохотную фигурку, пока она не скрылась в розовом вечернем тумане, медленно вставшем между мной и далёкой Амазонкой.

Было уже совсем темно, когда я побрёл к нашему разгромленному лагерю, бросив напоследок ещё один взгляд на костёр Самбо — на этот единственный луч света, доходивший до меня из огромного мира и так же ласкавший мой взгляд, как присутствие верного негра ласкало мою омрачённую душу. Но теперь, впервые после постигшей меня беды, я немного приободрился, утешая себя мыслью, что мир узнает о наших бедах и сохранит в памяти наши имена, связав их навеки с теми открытиями, которые, быть может, достанутся нам ценой жизни.

Мне было страшно устраиваться на ночь в этом злополучном лагере, а джунгли пугали меня ещё больше. Однако приходилось выбирать между тем и другим. Благоразумие требовало, чтобы я был настороже, но истомлённому телу трудно

было бороться с дремотой. Забравшись на дерево гинкго, я тщетно искал такого местечка на его нижних ветвях, где можно было бы уснуть, не рискуя сломать себе шею при неминуемом падении.

Пришлось слезть и решать, как быть дальше. После долгих раздумий я завалил кустами вход в лагерь, разжёг три костра, расположив их треугольником, сытно поужинал и уснул крепким сном, который был прерван на рассвете самым неожиданным и самым приятным образом.

Ранним утром чья-то рука легла мне на плечо. Я вскочил, весь дрожа, схватился за винтовку и вдруг радостно вскрикнул, узнав лорда Джона, склонившегося ко мне в сером рассветном сумраке.

Да, это был он, но какая перемена произошла в нём! Последний раз я видел лорда Джона спокойным, сдержанным, в чистом белом костюме. Сейчас он стоял передо мной бледный, глаза его дико блуждали по сторонам, грудь тяжело вздымалась, как после долгого и стремительного бега, голова была непокрыта, худое лицо исцарапано и всё в крови, костюм порван в клочья. Я смотрел на него, поражённый этим зрелищем, но он не дал мне даже открыть рта и принялся подбирать

раскиданные по поляне вещи, бросая мне короткие, отрывистые фразы:

— Скорее, юноша, скорей! Дорога каждая минута. Возьмите винтовки — обе. Остальные у меня. Как можно больше патронов. Набейте ими карманы. Теперь — провизия. Шести банок хватит. Вот так. Ни о чём не спрашивайте, не рассуждайте. Ну, бежим, не то будет поздно.

Ещё не проснувшись как следует, не соображая, что всё это значит, я помчался по лесу за лордом Джоном с двумя винтовками под мышкой и с шестью консервными банками в руках. Он выбирал самые густые, с трудом проходимые заросли и наконец вывел меня к высоким кустам. Мы кинулись туда, не обращая внимания на колючки. Лорд Джон упал ничком на землю и потянул меня за собой.

— Ну вот! — еле выговорил он. — Теперь, кажется, мы в безопасности. Они нагрянут на лагерь, это как пить дать, и просчитаются.

— Что случилось? — спросил я, отдышавшись. — Где оба профессора? И кто на них охотится?

— Человекообезьяны! — громким шёпотом сказал лорд Джон. — Господи боже, что это за чудовища! Говорите тише. У них тонкий слух,

зрение тоже, зато обоняние никуда не годится, насколько я мог заметить. По следам они до нас не доберутся. Где вы пропадали, юноша? Вам повезло, благодарите свою судьбу, что не попали в эту переделку.

Я шёпотом поведал ему о своих приключениях.

— Да, плохи наши дела! — сказал лорд Джон, услышав о динозавре и западне. — Здесь вам не курорт. Но всё же полное представление о прелестях здешних мест я получил в ту минуту, когда на нас напали эти дьяволы. Мне однажды пришлось побывать в лапах у людоедов-папуасов, но они конфетки по сравнению с этими монстрами.

— Расскажите, как всё было, — попросил я.

— Это случилось на рассвете. Наши учёные друзья только продрали глаза и даже не успели сцепиться. И вдруг откуда ни возьмись — обезьяны. Просто посыпались на нас, как яблоки с яблони. Они, наверное, ещё затемно облепили высокое дерево, на которое вы лазили. Одной я тут же всадил пулю в брюхо, однако тем дело и кончилось — нас мигом уложили на обе лопатки. Я называю этих дьяволов обезьянами, но они размахивали палками, швыряли в нас камнями, тараторили между собой на своём языке и

в довершение всего связали нам руки лианами. Это человекообезьяны, и по развитию они стоят выше всех зверей, которых мне приходилось встречать во время своих странствований, а я, слава богу, много шатался по белу свету. Как говорится, «недостающее звено». Ну недостаёт, и чёрт с ним, обошлись бы и без него! А дальше дело было так. Они подхватили своего раненого сородича, из которого кровь хлестала, как из прирезанной свиньи, и унесли его куда-то, а потом уселись около нас кружком. Морды свирепые, того и гляди растерзают. Ростом они, пожалуй, с человека, но немного шире, коренастее. Сидят и смотрят, смотрят на нас… Брови рыжие, нависшие, глаза какие-то странные, будто из мутного стекла. Уж на что Челленджер не трус, а ему тоже стало не по себе. Как вскочит да как закричит: «Приканчивайте нас, нечего тянуть!» У него, верно, от всего этого в голове помутилось — уж очень он буйствовал. Пожалуй, будь на месте обезьян его заклятые враги — репортёры, им и то меньше бы досталось.

— Ну а обезьяны что?

Я с жадностью вслушивался в шёпот лорда Джона, который рассказывал мне об этих поразительных происшествиях, а сам внимательно

поглядывал по сторонам, не отнимая руки от винтовки со взведённым курком.

— Я уже думал: ну, конец нам! Но ничуть не бывало. Обезьяны затараторили, закричали. Потом одна подошла к Челленджеру и стала рядом с ним. Вы сейчас рассмеётесь, юноша, но до чего же они были похожи — как близкие родственники! Я бы сам не поверил, да глаза не лгут. Эта старая человекообезьяна, по-видимому вожак племени, оказалась точной копией Челленджера, только что масть другая — рыжая. А все прочие очаровательные приметы нашего друга были налицо, правда несколько утрированные. Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи, длинная рыжая борода, мохнатые брови и такой же заносчивый вид — пойдите, мол, вы все к чёрту! Словом, полное сходство. Когда эта обезьяна стала рядом с Челленджером и положила ему лапу на плечо, эффект получился потрясающий. Саммерли, настроенный несколько истерически, хохотал до слёз, глядя на них. Обезьяны сначала тоже смеялись, если такое кудахтанье можно назвать смехом, а потом схватили нас и поволокли в лес. Винтовки и другие вещи они не тронули, видно побоялись, а вот провизию, вынутую из ящиков, всю забрали

с собой. Доро́гой нам с Саммерли здорово досталось — полюбуйтесь на мою физиономию и на эти лохмотья. Они тащили нас сквозь заросли, не разбирая пути, а им самим хоть бы что — у них шкура дублёная. Зато Челленджер нисколько не пострадал. Четыре обезьяны подняли его на плечи и понесли, как римского триумфатора. Тсс! Что это?

Откуда-то издали до нас донеслось странное потрескивание, напоминающее мелкую дробь

кастаньет.

— Это они! — шепнул мой товарищ, закладывая патроны во вторую двустволку «экспресс». — Заряжайте обе винтовки, юноша, живьём мы не сдадимся, об этом не мечтайте. Слышите, как верещат?.. Значит, чем-то взбудоражены. А доберутся до нас — и ещё не так взволнуются. Помните «Последнюю атаку»? «Сжимая винтовки в ослабших руках, средь мёртвых на поле боя…» Это детские игрушки по сравнению с тем, что предстоит нам.

— Они где-то очень далеко.

— Эта банда до нас не доберётся, но у них, наверное, по всему лесу рыщут разведчики. Ну ладно, вернёмся к моему скорбному повествованию. Так вот, эти дьяволы притащили нас в большую рощу у самого обрыва. У них там настоящий город на деревьях — до тысячи хижин из ветвей и листьев. Это в трёх-четырёх милях отсюда. Мерзкие твари! Мне кажется, я после них никогда не отмоюсь. Они меня всего перещупали своими грязными лапами. В городе нас связали уже по рукам и ногам, и я попался такому ловкачу, которому только бы морские узлы вязать, — что твой боцман. Так вот, связали нас и положили под деревом, а на страже поставили здоровенную обезьянищу с дубинкой.

Я всё говорю «нас» да «нас», но это относится только ко мне и к Саммерли. Что же касается Челленджера, то он сидел на дереве, ел какие-то фрукты и наслаждался жизнью. Впрочем, нам от него тоже кое-что перепало, а главное — он ухитрился расслабить наши путы. Вы, наверное, не удержались бы от смеха, глядя, как профессор восседает на дереве чуть не в обнимку со своим близнецом и распевает густым басом: «О звонкий колокол!» Музыка, видите ли, настраивала обезьян на миролюбивый лад. Да, вы бы рассмеялись, а нам было не до смеху. Челленджеру разрешалось делать всё, что угодно, разумеется в известных пределах, но для нас режим был установлен куда строже. Единственное, чем мы все утешались, — это мысль, что вы на свободе и сбережёте все наши записи и материалы.

А теперь, милый юноша, слушайте и удивляйтесь. Вы утверждаете, что, судя по некоторым признакам — костры, ловушки и тому подобное, — на плато существуют люди. А мы этих людей видели. И надо сказать, что бедняги являют собой весьма печальное зрелище. Жалкий, запуганный народец! Да это и неудивительно. По-видимому, людское племя занимает ту часть плато, где пещеры, а обезьянье — другую, и между обоими племенами идёт борьба не на жизнь, а на смерть. Вот так здесь обстоят дела, если мне удалось правильно в них разобраться.

Вчера человекообезьяны захватили в плен двенадцать туземцев и приволокли их к себе в город. Это сопровождалось такими криками и верещанием, что я просто ушам своим не верил. Туземцы — краснокожие, совсем низкорослые. Дорóгой это зверьё так их отделало когтями и зубами, что они еле передвигали ноги. Двоих тут же прикончили, причём у одного чуть не оторвали руку. В общем, зрелище было омерзительное. Эти несчастные держались молодцами, даже не пикнули, а мы просто не могли смотреть на них. Саммерли упал в обморок. Челленджер и тот еле выдержал… Ну, кажется, ушли.

Мы долго прислушивались к глубокой тишине

леса, но её ничто не нарушало, кроме щебетания птиц. Лорд Джон снова вернулся к своему рассказу:

— Вам здорово повезло, юноша! Обезьяны так увлеклись индейцами, что о нас перестали и думать. Но не будь этого, второе нападение на лагерь было бы неминуемо. Вы оказались совершенно правы: они всё время наблюдали за нами с дерева и прекрасно поняли, что одного человека не хватает. Но потом им стало уже не до нас. Вот почему своим пробуждением вы обязаны мне, а не стае обезьян. Бог мой, что нам пришлось испытать потом! Это какой-то кошмар! Вы помните бамбуковые заросли, где мы нашли скелет американца? Так вот, они приходятся как раз под обезьяньим городом, и обезьяны сбрасывают туда своих пленников. Я уверен, что там горы этих скелетов, надо только поискать как следует. Над обрывом у них расчищен настоящий плац для подобных церемоний. Несчастных пленников заставляют прыгать в пропасть поодиночке, и весь интерес заключается в том, разобьются ли они в лепёшку или напорются на острый бамбук. Всё обезьянье племя выстроилось над обрывом, и нас тоже потащили полюбоваться на это зрелище. Первые четверо индейцев прыгнули вниз, и бам-

бук прошёл сквозь их тела, как вязальные спицы сквозь масло. Я теперь не удивляюсь, вспоминая скелет бедного янки. Да, зрелище страшное… Но вместе с тем захватывающее. Мы как зачарованные смотрели на эти прыжки, хотя каждый из нас думал: «Сейчас настанет моя очередь».

Однако до этого не дошло. Шестерых индейцев приберегли на сегодня, но бенефициантами в этом спектакле, вероятно, были бы мы — Саммерли и я. Челленджер, по-видимому, вывернется. Понять обезьян не так уж трудно, потому что они изъясняются главным образом знаками. И вот, следя за их переговорами, я решил: пора действовать. Кое-какие планы у меня были. Но приходилось полагаться только на свои силы — от Саммерли толку никакого. Челленджер немногим лучше. Им удалось сойтись вместе на каких-нибудь несколько минут, и они тут же затеяли яростный спор по поводу научной классификации этих рыжих дьяволов, которые держали нас в своей власти. Один утверждал, что это яванские дриопитеки, другой называл их питекантропами. Просто рехнулись оба! Но у меня было совсем иное на уме. Прежде всего я обратил внимание, что по ровной местности эти твари бегают хуже человека, так как ноги у

них короткие, кривые, а туловище грузное. Челленджер и тот дал бы фору самому лучшему их бегуну, а мы с вами настоящие чемпионы против них. Затем ещё одно немаловажное наблюдение: они понятия не имеют об огнестрельном оружии. По-моему, им было даже невдомёк, что случилось с той обезьяной, которую я ранил. Словом, только бы нам добраться до своих винтовок, а там мы им покажем.

И вот сегодня на рассвете я дал своему часовому здоровенного пинка в брюхо, примчался в лагерь, захватил вас, винтовки… А дальнейшее вам известно.

— Но что же будет с нашими профессорами? — в ужасе воскликнул я.

— Надо выручать их. Бежать со мной они не могли: Челленджер сидел на дереве, а у Саммерли не хватило бы сил, — поэтому я решил, что прежде всего надо достать винтовки, а уж потом спасать остальных. Правда, обезьяны могут укокошить их в отместку. Челленджера они вряд ли тронут, но за Саммерли не ручаюсь. Впрочем, ему так или иначе грозила бы смерть. В этом я совершенно уверен. Так что моё бегство не могло ухудшить положение. Но теперь честь обязывает нас или спасти товарищей, или разделить с ни-

ми их участь. А посему, дорогой мой, кайтесь в грехах, очищайте душу, ибо к вечеру ваша судьба будет решена.

Не знаю, удалось ли мне передать здесь характерную для лорда Рокстона манеру выражаться — отрывистость, энергичность его фраз, насмешливую бесшабашность тона. Этот человек был прирождённым вождём. Чем ближе надвигалась на нас опасность, тем красочнее становилась его речь, тем ярче разгорались его холодные глаза, тем больше и больше топорщились длинные, как у Дон Кихота, усы. Он любил рисковать, наслаждался драматичностью, присущей истинным приключениям, особенно когда это касалось его самого, считал, что во всякой опасности есть своего рода спортивный интерес — интерес жестокой игры человека с судьбой, где ставкой служит жизнь. Всё это делало лорда Джона незаменимым помощником в трудные минуты жизни. Если б не страх за товарищей, я бы не испытывал ничего, кроме радости, идя за таким человеком на опасное дело.

Мы уже хотели выбраться из своего убежища, как вдруг лорд Джон схватил меня за руку.

— Смотрите! — шепнул он. — Идут!

С нашего места открывался вид на узкую про-

галину между деревьями, ветви которых сплетались вверху, образуя сплошной зелёный свод. На этой прогалине показался отряд человекообезьян. Сутулые, кривоногие, они бежали гуськом, озираясь по сторонам, и то и дело касались земли своими длинными руками. Сутулость уменьшала их рост, но, прикинув на взгляд, я определил его футов в пять, не меньше. Многие из них были вооружены дубинками, и на расстоянии эти широкогрудые существа сильно смахивали на обросших волосами, уродливых людей. С минуту я видел их совершенно отчётливо. Потом они скрылись за кустами.

— Нет, сейчас ещё рано, — сказал лорд Джон, опуская винтовку. — Лучше затаиться, пока они не перестанут рыскать по лесу. А потом посмотрим, может быть, проберёмся к ним в город и застанем их врасплох. Дадим им ещё час на поиски и тогда пойдём.

Воспользовавшись этой отсрочкой, мы вскрыли одну из захваченных с собой банок и принялись завтракать. Лорд Рокстон ничего не ел с утра, если не считать нескольких плодов, и сейчас с жадностью накинулся на еду. Когда же завтрак был окончен, мы взяли в обе руки по винтовке и с полными карманами патронов двинулись

на выручку товарищей. Прежде чем выйти из зарослей, лорд Джон сделал несколько зарубок на кустах, чтобы запомнить, в какой стороне находится форт Челленджера, и в случае нужды сразу отыскать это место. Мы молча пробрались сквозь чащу и вышли на край обрыва, неподалёку от нашей первой стоянки. Здесь лорд Джон остановился и посвятил меня в свои планы.

— В густом лесу это зверьё может сделать с нами всё, что угодно, — сказал он. — Они нас будут видеть, а мы их нет. Но на открытом месте дело другое, потому что бегаем мы гораздо быстрее. Следовательно, будем держаться открытых пространств, покуда это возможно. Вдоль края плато лес реже, оттуда мы и начнём наступление. Идите не спеша, смотрите в оба и держите винтовку наготове. И главное, помните: живьём в руки не даваться, отстреливайтесь до последнего патрона. Вот вам мой последний совет, юноша.

Когда мы вышли к обрыву, я заглянул вниз и увидел нашего доброго негра, который покуривал трубку, сидя на камнях. Как мне хотелось окликнуть его и рассказать ему, что с нами случилось! Но это было рискованно: нас могли услышать. Лесная чаща, казалось, так и кишела человекообезьянами; их своеобразное пронзительное

верещание то и дело долетало до нашего слуха. Мы бросались в кусты и отлёживались там до тех пор, пока эти звуки не затихали вдали. Это очень задерживало наше продвижение вперёд, и нам понадобилось по меньшей мере два часа, чтобы добраться до обезьяньего города. Теперь он был близко — я понял это по той осторожности, с какой шёл лорд Джон. Вот он махнул мне рукой, приказывая лечь, а сам пополз дальше, но вскоре повернул обратно. Лицо его подёргивалось от волнения.

— Скорее! — шепнул он. — Скорее! Только бы не опоздать!

Дрожа всем телом, я подполз к нему и выглянул из-за кустов на открывающуюся впереди поляну.

Этого зрелища мне никогда не забыть. Оно было так фантастично, так невероятно, что я не знаю, как описать его, чтобы вы поверили мне. Может быть, нам всё же удастся выбраться отсюда живыми; пройдёт несколько лет… я буду по-прежнему сидеть в гостиной клуба «Дикарь» и смотреть в окно на скучную, не вызывающую сомнений в своей реальности набережную Темзы… Так вот, поверю ли тогда я сам, что всё это происходило у меня на глазах? Не покажется ли мне, что это был дикий кошмар, что я принимал

горячечные видения за действительность? Вот почему я хочу записать всё как можно скорее, пока события свежи у меня в памяти, пока хотя бы один человек — тот, что лежит рядом со мной в сырой траве, сможет подтвердить каждое написанное здесь слово.

Перед нами расстилалась поляна шириной ярдов в сто, покрытая вплоть до самого обрыва густой зелёной травой и невысоким папоротником. Эту поляну полукругом обступали деревья, усаженные в несколько ярусов странного вида домиками, свитыми из веток и листьев. Представьте себе грачовник, где вместо гнёзд домики, и вы поймёте, о чём я говорю. У входов в них и на ближайших ветках сидели обезьяны — судя по их небольшим размерам, самки и детёныши обезьяньего племени. Все они с любопытством следили за тем, что происходило внизу и от чего мы сами не могли отвести глаз.

На открытом месте, недалеко от края плато, столпилось несколько сот этих лохматых рыжих существ. Среди них возвышались настоящие гиганты, и все они без исключения были омерзительны. Обезьяны держались все вместе, очевидно соблюдая какой-то порядок. Перед ними стояло несколько низкорослых, но очень

пропорционально сложённых индейцев, кожа которых отливала бронзой в ярких лучах солнца. В этой маленькой кучке выделялась высокая, худая фигура белого человека. Понурая голова, сложенные на груди руки — всё выражало ужас и полное отчаяние. Мы сейчас же узнали в нём профессора Саммерли.

Вокруг несчастных пленников было расставлено несколько человекообезьян, которые зорко следили за ними, готовясь пресечь всякую попытку к бегству. Правее, у самого края плато, стояли особняком ещё две фигуры, такие нелепые — при других обстоятельствах их можно было бы назвать даже комическими, — что, увидев эту пару, я уже не мог оторвать от неё глаз. Один из них был наш товарищ, профессор Челленджер. Жалкие лохмотья, оставшиеся от его куртки, всё ещё держались на нём, но рубашка исчезла, будто её и не было, и борода его сливалась с густой порослью на могучей груди; волосы, сильно отросшие за время наших странствований, чёрной гривой развевались по ветру. Достаточно было одного дня, чтобы превратить этот высший продукт современной цивилизации в последнего дикаря Южной Америки.

Рядом с Челленджером стоял его владыка — ца-

рёк человекообезьяньего племени. Лорд Джон не преувеличивал: это была точная копия нашего профессора с поправкой лишь на рыжую масть. Та же приземистая фигура, те же массивные плечи и длинные руки, та же кудлатая борода, спускающаяся на волосатую грудь. Разница сказывалась лишь в следующем: низкий, приплюснутый лоб человекообезьяны представлял собой полный контраст великолепному черепу европейца. Что же касается всего остального, то обезьяний царёк был настоящей карикатурой на профессора.

На бумаге это описание занимает очень много места, но тогда я охватил всю картину в один миг и тут же отвлёкся от неё, поглощённый драмой, которая разыгрывалась у нас на глазах. Две человекообезьяны схватили одного индейца и поволокли его к обрыву. Царёк взмахнул рукой — это был сигнал. Чудовища подняли человека за руки и за ноги и, раскачав, швырнули его в пропасть. Сила взмаха была так велика, что несчастный описал дугу в воздухе, прежде чем камнем полететь вниз. Вся обезьянья толпа, за исключением часовых, бросилась к обрыву, замерла там в напряжённом молчании и вдруг разразилась ликующими криками. Обезьяны скакали как одержимые, размахивали длинными

волосатыми руками и выли от восторга. Потом они отхлынули от обрыва и построились прежним порядком в ожидании следующей жертвы.

На этот раз настала очередь Саммерли. Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперёд. Он трепыхался и бился, как цыплёнок, которого тащат из курятника. Челленджер отчаянно зажестикулировал, обращаясь к обезьяньему царьку. Он просил, умолял, заклинал

пощадить его товарища. Но обезьяна бесцеремонно оттолкнула своего двойника и замотала головой. Это было её последнее сознательное движение: щёлкнул выстрел, и рыжий царёк мешком повалился на землю.

— Стреляй в толпу! Не жалей пуль, сынок! — крикнул мне лорд Джон.

В душе каждого, даже самого заурядного человека таятся неведомые ему бездны. Я всегда славился своим мягкосердечием; стоны раненого зайца не раз исторгали у меня горькие слёзы. Но теперь меня обуяла жажда крови. Я вскочил на ноги, я выпускал пулю за пулей сначала из одной винтовки, потом из другой. Щёлкал затворами, перезаряжая их, и всё время кричал, не помня себя от какого-то яростного восторга. Вдвоём, стреляя из четырёх винтовок, мы произвели страшное опустошение в рядах обезьян. Оба часовых, приставленных к Саммерли, валялись мёртвые, а он шёл, пошатываясь как пьяный, и, видимо, не сознавал, что его освободили. Наши враги растерянно метались по поляне, ничего не понимая, не зная, куда деваться от неожиданно налетевшего на них вихря смерти. Они размахивали руками, визжали, падали, спотыкаясь о трупы. Потом, повинуясь инстинкту, толпой ри-

нулись под защиту деревьев, и поляна, усеянная трупами убитых обезьян, опустела. Посередине её стояла только маленькая кучка пленников.

Быстрый ум Челленджера мигом оценил положение. Он схватил ошеломлённого Саммерли за руку и, таща его за собой, побежал к нам. Двое часовых метнулись было за ними, но лорд Джон мигом уложил сначала одного, потом другого, не потратив лишней пули. Мы выбежали из кустов навстречу нашим друзьям и сунули каждому в руки по заряженной винтовке. Но тут Саммерли совершенно обессилел. Он едва передвигал ноги. Между тем человекообезьяны уже успели оправиться от страха. Оне рассыпались среди кустов, видимо собираясь отрезать нам путь. Мы с Челленджером подхватили Саммерли под руки, а лорд Джон прикрывал наше отступление, посылая пулю за пулей в страшные оскаленные морды, то и дело выглядывавшие из кустарника. Примерно с милю, а то и больше, эти твари с оглушительным визгом преследовали нас по пятам. Потом стали отставать убедившись в нашем превосходстве и не желая больше попадать под меткие пули лорда Джона. Добравшись наконец до лагеря, мы оглянулись назад и убедились, что теперь нас оставили в покое. По крайней

мере, так нам казалось, но это была ошибка. Мы успели только завалить вход в лагерь, пожать друг другу руки и в изнеможении растянуться у источника посреди поляны, как вдруг за оградой послышались чьи-то быстрые шаги и сейчас же вслед за этим тихие, жалобные всхлипывания. Лорд Джон подбежал с винтовкой к завалу и выглянул наружу. За оградой, уткнувшись лицом в землю, лежали четыре медно-красные фигурки оставшихся в живых индейцев. Они дрожали от страха, но это не мешало им молить нас о защите. Один из них встал, выразительно повёл руками, очевидно желая сказать, что лес вокруг нашего лагеря полон опасностей, потом упал лорду Джону в ноги и прижался лицом к его коленям.

— Это ещё что такое? — воскликнул наш предводитель, в замешательстве теребя усы. — Нет, в самом деле, как же нам быть с этой публикой? Вставай, дружок, вставай, оставь мой сапог в покое.

— О них тоже надо позаботиться, — сказал Сammерли, набивая трубку. — Вы всех нас вырвали из когтей смерти. Как это было сделано! Я просто восхищаюсь вами.

— Изумительно! — воскликнул Челленджер. — Изумительно! Не только мы лично, но и весь

учёный мир Европы останется у вас в неоплатном долгу. Скажу не колеблясь, что гибель профессора Саммерли и профессора Челленджера пробила бы весьма заметную брешь в современной науке. Вы и наш юный друг заслуживаете всяческой похвалы.

Отеческая улыбка заиграла на губах Челленджера, но как бы удивился учёный мир Европы, если б он узрел в эту минуту своё любимое детище, свою надежду! Всклокоченные волосы, голая грудь, лохмотья. Оплот науки сидел, зажав между коленями открытую консервную банку, и пальцами отправлял в рот большой кусок австралийской баранины. Индеец взглянул на него, вскрикнул и снова припал к ногам лорда Джона.

— Не бойся, малыш, — сказал наш предводитель, поглаживая чёрную голову, жавшуюся к его коленям. — Челленджер, ваш вид привёл индейца в ужас. И я не нахожу в этом ничего удивительного. Успокойся, дружок, это человек, такой же, как мы.

— Однако, сэр! — вскричал Челленджер.

— Ничего, профессор, вы должны благодарить судьбу, что она наградила вас не совсем обычной наружностью. Если б не ваше большое сходство с обезьяньим царьком…

— Довольно, лорд Джон Рокстон! Вы слишком много себе позволяете!

— Факт остаётся фактом.

— Прошу вас, сэр, переменить тему разговора! Ваши замечания совершенно неуместны и к делу не относятся. Нам надо решить, что делать с этими индейцами. По-видимому, придётся доставить их домой. Но где они живут? Вот вопрос.

— На этот счёт можете не сомневаться, — сказал я. — Индейцы живут в пещерах, по ту сторону центрального озера.

— Ах вот как! Нашему юному другу известно, где находится их жильё. Это, вероятно, не так близко отсюда?

— Миль двадцать, не меньше, — ответил я.

Саммерли застонал:

— Я-то, во всяком случае, туда не доберусь. Вы слышите? Эти твари всё ещё рыщут по нашим следам.

И действительно, из тёмной лесной чащи до нас донеслось далёкое верещание человекообезьян. Индейцы снова начали подвывать от страха.

— Надо уходить отсюда, и как можно скорее, — сказал лорд Джон. — Юноша, вы поможете Саммерли. Индейцы понесут вещи. Ну, пошли, пока они нас не заприметили.

Меньше чем за полчаса мы добежали до нашего убежища в кустах и спрятались там. Взволнованные крики человекообезьян весь день доносились до нас со стороны нашего форта, но сюда никто из них не добрался, и усталые беглецы — и белые, и краснокожие — наконец погрузились в долгий, крепкий сон.

Вечером я почувствовал сквозь дремоту, что кто-то тянет меня за рукав, и, открыв глаза, увидел перед собой Челленджера.

— Мистер Мелоун, насколько мне известно, вы ведёте дневник и рассчитываете со временем опубликовать его, — начал он весьма торжественным тоном.

— Меня послали сюда в качестве репортёра, — ответил я.

— Вот именно. Вы, вероятно, слыхали глупые намёки лорда Джона Рокстона, что… что будто бы… есть некоторое сходство между…

— Да, слыхал.

— Мне незачем вам говорить, что опубликование подобного вздора… и вообще малейшая вольность в изложении событий будут для меня чрезвычайно оскорбительны.

— Я обещаю строго придерживаться фактов.

— Лорд Джон склонен предаваться всяким

фантазиям, и ему ничего не стоит как-нибудь по-своему объяснить то уважение, которое даже самые некультурные расы питают к человеческому достоинству. Вам ясна моя мысль?

— Вполне.

— Так я полагаюсь на ваш такт, — сказал Челленджер и после долгой паузы добавил: — А этот обезьяний царёк был весьма незаурядным существом… необычайно внушительная наружность и такой разумный! Не правда ли?

— Весьма достойная личность, — ответил я.

И профессор, видимо успокоившись, снова улёгся спать.

Глава четырнадцатая
Это была настоящая победа

Мы воображали, что наши преследователи, человекообезьяны, не подозревают о существовании этого убежища в кустах, однако вскоре нам пришлось убедиться в своей ошибке. В лесу стояло полное безмолвие — ни звука, ни шелеста листьев… И всё-таки прежний опыт должен был подсказать нам, с какой хитростью и с каким терпением эти твари выслеживают свою добычу и выжидают удобного случая для нападения. Не

знаю, что мне сулит судьба в дальнейшем, но вряд ли я буду когда-нибудь так близок к смерти, как в то утро. Сейчас расскажу всё по порядку.

Сон не помог нам восстановить силы после страшных волнений и голодовки предыдущего дня. Саммерли был так слаб, что еле держался на ногах, но с присущими ему упорством и мужеством не хотел признаваться в этом. Мы созвали военный совет и решили посидеть здесь ещё часа два, подкрепиться завтраком, что было крайне необходимо, а потом отправиться в путь через всё плато и выйти к пещерам на тот берег центрального озера, где, по моим наблюдениям, жили люди. Мы надеялись, что спасённые нами индейцы замолвят за нас доброе слово, и рассчитывали на хороший приём со стороны их соплеменников.

После такого путешествия Страна Мепл-Уайта ещё больше приоткроет перед нами свои тайны, и, выполнив возложенную на нас миссию, мы сосредоточим все свои помыслы на том, как нам выбраться отсюда и снова вернуться в мир. Даже сам Челленджер признавал, что цель нашей экспедиции будет достигнута и что после этого долг обяжет нас как можно скорее поведать всему цивилизованному миру о сделанных нами

удивительных открытиях.

Теперь мы могли повнимательнее приглядеться к спасённым индейцам. Они были небольшого роста, мускулистые, ловкие, незлобивые на вид, с правильным овалом лица, лишённого всякой растительности, и с гладкими чёрными волосами, схваченными на затылке кожаным ремешком. Одежда их состояла лишь из повязки на бёдрах, тоже кожаной. Разорванные кровоточащие мочки свидетельствовали о том, что в ушах у них были какие-то украшения, которые остались в лапах их врагов — обезьян. Индейцы живо переговаривались между собой на незнакомом нам языке, но мы всё же поняли, что их племя называется «аккала». Они произнесли это слово несколько раз подряд, показывая друг на друга, потом замахали стиснутыми кулаками в сторону леса и, дрожа от страха и ненависти, крикнули: «Дода! Дода!» (так, очевидно, именовались у них человекообезьяны).

— Что вы о них скажете, Челленджер? — спросил лорд Джон. — Для меня ясно только одно: вон тот юноша с выбритым лбом — их вождь.

И действительно, этот индеец держался особняком, а остальные обращались к нему со знаками глубочайшего уважения, несмотря на то что все

они были старше его. Гордость и независимость сквозили в каждом движении юноши, и когда Челленджер положил свою огромную лапищу ему на голову, он отпрянул от него, как пришпоренный конь, и, гневно сверкнув чёрными глазами, отошёл назад. Потом приложил ладонь к груди и, весь преисполненный достоинства, несколько раз повторил слово «маретас».

Профессор, нимало не смутившись, схватил за плечо другого индейца и, поворачивая его из стороны в сторону, как наглядное пособие, начал читать нам лекцию.

— Развитый череп, лицевой угол и некоторые другие признаки говорят о том, что это племя не может быть отнесено к низшей расе, — загудел он своим звучным басом. — В расовой шкале мы должны отвести ему место впереди многих других племён Южной Америки. Я твёрдо уверен, что здесь, на плато, возникновение и развитие этого племени были бы невозможны. Но ведь и человекообезьян отделяет огромная пропасть от сохранившихся здесь доисторических животных. Следовательно, они тоже не могли появиться и эволюционировать в Стране Мепл-Уайта.

— Откуда же они взялись? С неба, что ли, свалились? — спросил лорд Джон.

— Этот вопрос, несомненно, вызовет горячие споры среди учёных Европы и Америки, — ответил профессор. — Моё собственное толкование его — правильное или неправильное, — при этих словах он выпятил грудь и с высокомерным видом повёл вокруг глазами, — заключается в следующем: в здешних, весьма своеобразных условиях эволюция достигла стадии позвоночных, причём старые формы продолжали жить и развиваться бок о бок с новыми. Вот почему наряду с формами юрского периода здесь уживаются и современный тапир — животное с весьма почтенной родословной, — и крупный олень, и муравьед. Пока всё ясно. Но вы спросите: а человекообезьяны, а индейцы? Как научная мысль должна отнестись к их пребыванию на плато? На мой взгляд, объяснение может быть только одно: они проникли сюда извне. Очень возможно, что какие-то человекообразные обезьяны, существовавшие в Южной Америке, перебрались в эти места ещё в незапамятные времена и в результате своей эволюции дали тот вид человекообезьян, отдельные представители которого, — тут Челленджер посмотрел на меня в упор, — обладают столь внушительной и благообразной наружностью, что при наличии

разума они могли бы украсить собой даже человеческую расу. Что же касается индейцев, то это племя иммигрировало сюда с равнины в более поздние времена под влиянием либо голода, либо преследований врага. Столкнувшись здесь с невиданными доселе врагами, они укрылись в пещерах, о которых рассказывал наш юный друг. Однако им, несомненно, приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с диким зверьём, в частности с обезьянами, кои не желали примириться с вторжением человека и вели с ним беспощадную войну, пуская в ход всю свою хитрость, а в этом они могут поспорить с любыми, более крупными существами. Вот чем объясняется, на мой взгляд, немногочисленность индейского племени. Итак, джентльмены, что вы теперь скажете? Правильно я разгадал эту загадку или у вас имеются какие-нибудь возражения по существу?

Но профессору Саммерли было не до споров, и он только отчаянно замотал головой в знак протеста. Лорд Джон поскрёб свою лысеющую макушку и отказался принять вызов Челленджера, мотивируя это тем, что он борец другого веса и другой категории. Я же остался верен себе и перевёл беседу в более прозаический и деловой план, объявив, что один из индейцев куда-то

запропастился.

— Он ушёл, — сказал лорд Рокстон. — Мы дали ему банку из-под консервов и отправили за водой.

— В старый лагерь? — спросил я.

— Нет, к ручью. Это недалеко, вон за теми деревьями. Каких-нибудь сто ярдов. Но этот малый, видимо, не торопится.

— Пойду посмотрю, что он там делает, — сказал я и, захватив винтовку, пошёл в лес, предоставив друзьям заниматься приготовлениями к скудному завтраку.

Вам покажется опрометчивым с моей стороны, что я даже на такой короткий срок решился покинуть наше надёжное убежище в кустах, но ведь обезьяний город был далеко, ведь враги потеряли наши следы, а кроме того, у меня была при себе винтовка. Но, как оказалось в дальнейшем, я недооценивал коварство и силы человекообезьян.

Ручей журчал где-то совсем близко, хотя густые заросли деревьев и кустарника скрывали его от меня. Я уже довольно далеко отошёл от товарищей, как вдруг в глаза мне бросилось что-то красное.

К моему ужасу, это оказался труп посланного за водой индейца. Несчастный лежал скорчившись, и шея у него была так неестественно вывернута, будто он смотрел вверх, через плечо. Я крикнул, предупреждая друзей об опасности, подбежал к индейцу и нагнулся над ним… Вероятно, мой ангел-хранитель был где-то совсем близко в эту минуту, ибо инстинкт, а может статься, и шорох листьев заставили меня взглянуть вверх. Из густой зелёной листвы, нависшей над моей головой, ко мне медленно тянулись две длинные мускулистые руки, покрытые рыжими волосами. Ещё секунда — и жадные пальцы сомкнулись бы

и вокруг моей шеи. Я отскочил назад, но эти руки оказались ещё проворнее. Правда, прыжок спас меня от мёртвой хватки, но одна лапа вцепилась мне в затылок, другая — в лицо, а потом, когда я закрыл горло ладонями, — в пальцы.

Я почувствовал, что отделяюсь от земли, что голову мне отгибают назад с непреодолимой силой… Казалось, ещё секунда — и шейные позвонки не выдержат. Мозг начинал затуманиваться, но я не отпускал этой страшной руки и наконец оторвал её от подбородка. Надо мной склонилась страшная морда с холодными светло-голубыми глазами, беспощадный взгляд которых сковывал меня, как гипноз. Бороться не было сил. Как только чудовище почувствовало, что я слабею, в его огромной пасти сверкнули два белых клыка, и оно ещё сильнее стиснуло лапу, всё больше запрокидывая мне голову. Перед глазами у меня поплыли мутные круги, в ушах зазвенели серебряные колокольчики. Где-то вдали послышался выстрел, я ударился о землю, почти не ощутив при этом боли, и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что лежу на траве в нашем убежище среди кустов. Кто-то уже успел сбегать к ручью, и лорд Джон смачивал мне голову водой, а Челленджер и Саммерли заботливо

поддерживали меня с двух сторон. Увидев перед собой их встревоженные лица, я впервые понял, что наши профессора не только мужи науки, но и люди, способные на простые человеческие чувства. Никаких телесных повреждений на мне не было. По-видимому, мой обморок был вызван только сильным потрясением, ибо через полчаса я уже окончательно пришёл в себя, если не считать боли в затылке и в шее.

— Ну, дорогой мой, на сей раз вы были на волосок от смерти, — сказал лорд Джон. — Когда я бросился на ваш крик и увидел, что этот зверь откручивает вам голову и вы уже подняли все четыре лапки кверху, у меня прежде всего мелькнула мысль: ну, нашего полку убыло! Я даже промахнулся впопыхах, но всё-таки обезьяна бросила вас и сразу же удрала. Эх, чёрт! Дали бы мне сюда пятьдесят человек с ружьями, мы бы живо навели здесь порядок — и следа бы не оставили от этой нечисти.

Теперь было совершенно ясно, что человекообезьяны каким-то образом прознали о нашем убежище и не спускают с него глаз. Днём их можно было не бояться, но что будет ночью? Они наверняка нагрянут сюда. Значит, надо уходить, и чем скорее, тем лучше. С трёх сторон

нас окружала лесная чаща, где на каждом шагу можно было нарваться на засаду, но с четвёртой начинался пологий склон, спускавшийся к центральному озеру, и там рос низкий кустарник с редкими деревьями, перемежающийся кое-где открытыми прогалинами. По этому склону я и шёл один в ту ночь, и он вёл прямо к пещерам индейцев. Следовательно, сюда нам и надо было держать путь.

Единственное, о чём мы жалели, — это о нашем лагере, и не столько из-за брошенных там запасов, сколько из-за негра Самбо, последнего звена между внешним миром и нами. Впрочем, винтовки были при нас, недостатка в патронах тоже не ощущалось, так что некоторое время мы могли обойтись и этим, а дальше, надо думать, представится возможность вернуться на старое место и снова установить связь с нашим негром. Самбо твёрдо обещал не бросать нас, и мы не сомневались, что он сдержит своё слово.

После полудня наша партия двинулась в путь. Впереди в качестве проводника шёл молодой вождь, с негодованием отказавшийся нести какую-нибудь поклажу. За ним, взвалив на спину всё скудное имущество экспедиции, шагали два уцелевших индейца. Наша четвёрка с ружья-

ми наперевес замыкала шествие. Как только мы вышли из кустарника, безмолвная доселе лесная чаща вдруг наполнилась диким воем человекообезьян, которые не то ликовали, не то злорадствовали по поводу нашего ухода. Оглядываясь назад, мы ничего не видели, но этот протяжный вой ясно говорил, сколько врагов скрывалось за сплошной стеной зелени, обступившей нас со всех сторон. Однако гнаться за нами обезьяны, по-видимому, не собирались, и, выйдя на более открытое место, мы совсем перестали бояться их.

Я шёл самым последним и невольно улыбался, глядя на своих товарищей. Неужели это блистательный лорд Джон Рокстон, который не так давно принимал меня в розовом великолепии своих апартаментов в Олбени, устланных персидскими коврами и увешанных по стенам картинами? Неужели это тот самый профессор, который так величественно восседал за огромным письменным столом в Энмор-Гарденс? И наконец, куда девался тот суровый, чопорный учёный, что выступал на заседании Зоологического института? Да разве у бродяг, встречающихся на просёлочных дорогах Англии, бывает такой жалкий, унылый вид! Мы провели на плато всего лишь

неделю, но смена одежды осталась у нас внизу, а неделя эта была не из лёгких, хотя мне как раз не приходилось особенно жаловаться, так как я не попал в лапы к обезьянам в ту ночь. Оставшись без шляп, все мои товарищи повязали голову платками; одежда висела на них клочьями, а слой грязи и небритая щетина меняли их почти до неузнаваемости. Саммерли и Челленджер сильно хромали, я тоже еле волочил ноги, ещё не оправившись как следует от утреннего потрясения, и с трудом ворочал шеей, одеревеневшей после мёртвой хватки обезьяны. Да, мы представляли собой весьма печальное зрелище, и меня нисколько не удивляло, что наши спутники-индейцы то и дело оглядывались назад, взирая на нас с недоумением и даже с ужасом.

Было далеко за полдень, когда мы вышли из зарослей к берегам озера. Индейцы увидели его широкую гладь и с радостными возгласами замахали руками, показывая нам на воду. Картина была в самом деле изумительная. Прямо к тому месту, где мы стояли, неслась целая флотилия лёгких челнов. Они были далеко, за несколько миль, но это расстояние так быстро сокращалось, что вскоре гребцы разглядели, кто стоит на берегу. Оглушительные вопли громовым раскатом

пронеслись над озером. Вскочив с мест, индейцы замахали вёслами и копьями. Потом снова принялись грести и в мгновение ока пролетели оставшееся расстояние, вытащили челны на отлогий песчаный берег и с приветственными криками распростёрлись ниц перед молодым вождём. Вслед за тем из толпы выступил пожилой индеец с ожерельем и браслетом из крупных блестящих стекляшек и в наброшенной на плечи великолепной пятнистой шкуре, отливающей янтарём. Он подбежал к юноше, нежно обнял его, потом посмотрел в нашу сторону, спросил что-то и, подойдя к нам, без всякого подобострастия, с большим достоинством обнял всех нас по очереди. По одному его слову остальные индейцы в знак уважения склонились перед нами до земли. Мне лично было не по себе от такого раболепия, лорда Джона и Саммерли оно, по-видимому, тоже смутило, зато Челленджер расцвёл, как цветок, согретый солнцем.

— Может быть, эти туземцы недалеко ушли вперёд в своём развитии, — сказал он, поглаживая бороду и оглядывая распростёртые перед нами тела, — но кое-кому из просвещённых европейцев следовало бы поучиться у них, как вести себя в присутствии высших существ. Подумать

только, до чего безошибочен инстинкт первобытного человека!

Судя по всему, индейцы выступили в боевой поход, потому что, кроме копий из длинного бамбука с костяными наконечниками, каждый из них имел при себе лук и стрелы, дубинку или каменный топор у пояса. Мрачные, злобные взгляды, которые они кидали в сторону леса, откуда мы вышли, и частое повторение слова «дода» свидетельствовали о том, что целью этого похода было либо выручить сына старого вождя (мы догадались об их родстве), либо отомстить за его смерть. Теперь все они расселись на корточках в кружок и держали военный совет, а мы поместились поодаль на базальтовой глыбе и стали наблюдать за происходящим. Первыми говорили воины, а потом к своему племени с горячими словами обратился и наш юный друг. Речь его сопровождалась столь красноречивой мимикой и жестикуляцией, что мы поняли её всю, точно этот язык был знаком нам.

— Стоит ли возвращаться сейчас домой? — говорил он. — Рано или поздно мы должны будем пойти на это. Наши братья убиты. Что из того, что я остался жив и невредим, когда другие погибли? Кто из вас может быть спокоен за свою жизнь?

Сейчас мы все в сборе. — Он показал на нас. — Эти пришельцы — наши друзья. Они великие воины и так же, как и мы, ненавидят обезьян. Им повинуются громы и молнии. — Тут он воздел руку к небу. — Представится ли когда-нибудь другой такой случай? Пойдёмте же вперёд и либо умрём, либо завоюем себе спокойную жизнь, и тогда нам не стыдно будет вернуться к нашим женщинам.

Маленькие краснокожие воины жадно слушали своего вождя, а когда он кончил, разразились восторженными криками и все как один взметнули копья в воздух. Его отец спросил нас о чём-то, показывая в сторону леса. Лорд Джон знаком предложил ему подождать и обратился к нам.

— Ну, решайте каждый сам за себя, — сказал он. — Я лично не прочь свести счёты с этими обезьянами, и если дело кончится тем, что они будут стёрты с лица земли, то эта самая земля только похорошеет после такой операции. Я пойду с нашими новыми друзьями и не оставлю их до победного конца. А вы что скажете, юноша?

— Конечно я с вами!

— А вы, Челленджер?

— Можете рассчитывать на мою помощь.

— А вы, Саммерли?

— Мы всё дальше и дальше отклоняемся от

цели нашей экспедиции, лорд Джон. Уверяю вас, я вовсе не для того покинул профессорскую кафедру в Лондоне, чтобы возглавлять набег краснокожих на колонию человекообразных обезьян.

— Да, в самом деле, как мы низко пали! — с улыбкой сказал лорд Джон. — Но ничего не поделаешь, так уж вышло. Ну, мы ждём вашего ответа.

— Это — весьма сомнительное предприятие, — не сдавался Саммерли, — но, если вы все уйдёте, мне не остаётся ничего другого, как следовать за вами.

— Значит, решено, — сказал лорд Джон и, повернувшись к старому вождю, утвердительно кивнул и похлопал ладонью по винтовке.

Старик пожал всем нам руки, а его соплеменники разразились ещё более восторженными криками.

Выступать в поход было уже поздно, и индейцы наскоро разбили лагерь. Повсюду загорелись, задымили костры. Небольшая группа ушла в джунгли и вернулась, гоня перед собой молодого игуанодона, у которого тоже сидела асфальтовая нашлёпка на плече. Один индеец подошёл к нему и распорядился, чтобы его прирезали, и мы

только тогда поняли, что огромные игуанодоны являются собственностью туземцев, всё равно как у нас рогатый скот. Следовательно, загадочные асфальтовые пятна были всего-навсего чем-то вроде клейма или тавра. Эти тупые травоядные существа, наделённые крохотным мозгом, отличаются такой беспомощностью, несмотря на свои огромные размеры, что с ними может справиться и ребёнок. Не прошло и нескольких минут, как игуанодона освежевали, и куски мяса уже поджаривались на кострах вместе с какой-то крупночешуйчатой рыбой, которую индейцы наловили в озере, пустив в ход копья вместо острог.

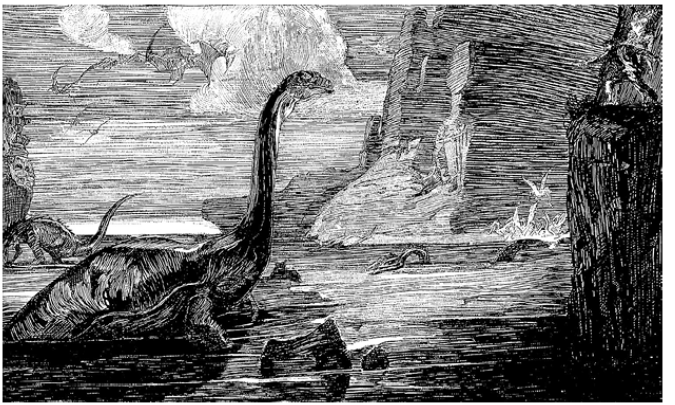
Саммерли лёг на песок и заснул, а мы втроём отправились бродить по берегу озера, горя желанием узнать как можно больше об этой диковинной стране. Раза два на нашем пути попадались ямы с такой же синей глиной, как на болоте птеродактилей. Эти недействующие вулканические кратеры почему-то очень интересовали лорда Джона. Челленджер тоже нашёл нечто достойное его внимания — это был сильно бивший грязевой гейзер, струи которого так и кипели пузырьками, выделявшими какой-то неведомый нам газ. Челленджер опустил в гейзер

полую тростинку, поднёс к ней спичку и, точно школьник, закричал от радости, когда подожжённый газ взорвался и запылал синим огнём. Потом он приладил к тростинке кожаный кисет, наполнил и его газом и запустил в воздух. Этот эксперимент привёл профессора в ещё больший восторг.

— Горючий газ! Да какой — легче воздуха! Теперь я уверен, что в нём содержится значительное количество свободного водорода. Подождите, друзья мои! Джордж Эдуард Челленджер ещё не исчерпал всех своих возможностей! Великий ум всегда заставляет природу служить себе. Вы ещё убедитесь в этом собственными глазами! — Он горделиво выпятил грудь, но так и не поделился с нами своими тайными замыслами.

Что касается меня, то берег казался мне малоинтересным по сравнению с самим озером. Появление индейцев и шум стоянки распугали всё живое в его окрестностях, и ничто не нарушало тишины, стоявшей вокруг нашего лагеря, если не считать нескольких птеродактилей, которые парили высоко в небе, высматривая падаль. Но розоватые воды центрального озера жили своей жизнью. Чьи-то огромные аспидно-чёрные спины и зубчатые плавники то и дело взметали

серебряные брызги над водой и снова исчезали в глубине. Песчаные отмели кишели какими-то уродливыми существами — не то огромными черепахами, не то ящерицами, и среди них нам особенно бросилось в глаза одно чудовище. Плоское, словно лоскут кожи, оно подёргивалось всей своей поверхностью, отливавшей жирными бликами, и медленно ползло по песку. Время от времени из воды вдруг вырастали головы каких-то змееподобных существ, которые, грациозно извиваясь, плыли будто в воротничке из пены и с таким же пенящимся шлейфом позади. Но, как оказалось, это были совсем не змеи. Одно такое существо вылезло на песчаную отмель недалеко от нас, и мы увидели, что длинная шея переходит у него в цилиндрическое туловище с огромными перепончатыми плавниками. Челленджер и Саммерли, уже присоединившиеся к нам, себя не помнили от восторга и удивления.



— Плезиозавр! Пресноводный плезиозавр! — воскликнул Саммерли. — И я вижу его собственными глазами! Мой дорогой Челленджер, кто из зоологов может похвалиться таким счастьем?

Наступила ночь, костры наших краснокожих союзников уже зардели в темноте, когда нам наконец удалось увести обоих профессоров от околдовавшего их первобытного озера. Но, даже лёжа на берегу далеко от воды, мы продолжали

слышать всплески и фырканье исполинов, обитавших в его глубине.

С первыми рассветными лучами весь лагерь был уже на ногах, и час спустя мы выступили в наш беспримерный поход. Я часто мечтал дожить до той минуты, когда меня пошлют военным корреспондентом на фронт. Но какой мечтатель мог бы представить себе кампанию, подобную той, которую судьба послала на мою долю? Итак, приступаю к своему «первому донесению с театра военных действий».

За ночь наши силы пополнились новыми отрядами туземцев, так что к утру у нас насчитывалось уже до четырёхсот-пятисот воинов. Вперёд были высланы разведчики, а за ними сомкнутой колонной двигались главные силы. Мы поднялись по отлогому склону, поросшему кустарником, и вышли к джунглям. Копьеносцы и лучники рассыпались неровной цепью вдоль опушки. Рокстон и Челленджер заняли места на правом фланге, я и Саммерли — на левом. Итак, мы, вооружённые по последнему слову оружейной техники, вели в бой дикую орду каменного века.

Противник недолго заставил себя ждать. Лесная чаща огласилась пронзительным воем, и

свора человекообезьян, вооружённых камнями и дубинками, ринулась в самый центр наступающих индейцев. Это был смелый, но довольно бессмысленный манёвр, ибо неуклюжие, кривоногие твари не могли тягаться с ловкими, как кошки, туземцами. Страшное зрелище предстало нашим глазам: разъярённые обезьяны с пеной у рта, бешено сверкая белками, бросались на своих изворотливых врагов, стрелявших в них из луков. Мимо меня с рёвом пронеслось огромное чудовище, грудь и бока которого были утыканы стрелами. Я сжалился над ним и выстрелил — оно рухнуло замертво среди кустов алоэ. Но больше мне не пришлось стрелять, так как атака была направлена в самый центр цепи и индейцы отбили её без нашей помощи. Из тех обезьян, которые участвовали в этой вылазке, вряд ли хоть одна убралась живой под защиту деревьев.

Но когда мы вступили в лес, дело приняло более серьёзный оборот. Отчаянный бой продолжался час с лишним, и временами мне казалось, что наша песенка спета. Обезьяны выскакивали из чащи и укладывали своими дубинками сразу по три, по четыре индейца, не дав им даже времени пустить в ход копья. Удары их тяжелейших дубинок были сокрушительны. Один из них при-

шёлся по винтовке Саммерли, и от неё остались одни щепы. Ещё минута — и такая же участь постигла бы и его голову, но вовремя подоспевший индеец пронзил копьём замахнувшегося на Саммерли врага. Обезьяны, забравшиеся на деревья, швыряли в нас камнями и огромными сучьями, некоторые прыгали вниз, в самую гущу свалки, и дрались с ожесточением, до последней капли крови. Индейцы дрогнули, и, если б не огонь наших винтовок, наносивший огромный урон противнику, ничто не удержало бы их от бегства. Однако вождь снова собрал своих воинов и с такой стремительностью повёл их в атаку, что теперь уже приходилось отступать обезьянам. Саммерли был обезоружен, но я выпускал пулю за пулей, а с правого фланга тоже доносилась непрерывная стрельба.

Наконец обезьян обуяла паника. Визжа и воя, они бросились врассыпную, а наши союзники с дикими воплями погнались за ними.

Этот день должен был вознаградить человека за все распри, не затихающие из века в век, за жестокости и преследования, которыми только и была богата его убогая история. Отныне он становился господином плато, а человекозверь должен был раз и навсегда занять положенное

ему подчинённое место.

Как ни мчались побеждённые, ничто не могло спасти их от дикарей, и лесная чаща то и дело оглашалась победными криками, звоном тетивы и глухим стуком падающих с деревьев тел.

Я бежал вслед за всеми и вдруг наткнулся на лорда Джона и Челленджера, которые отыскивали нас.

— Ну, кончено! — сказал лорд Джон. — Заключительную часть можно предоставить индейцам. Зрелище будет не из приятных. Чем меньше мы увидим, тем спокойнее будем спать.

Глаза Челленджера горели воинственным огнём.

— Друзья мои! На нашу долю выпало счастье присутствовать при одной из тех битв, которые определяют дальнейший ход истории, решают судьбы мира! — провозгласил он, с горделивым видом прохаживаясь перед нами. — Что значит победа одного народа над другим? Ровно ничего. Она не меняет дела. Но жестокие битвы на заре времён, когда пещерные жители одолевали тигров или когда слон впервые узнавал, что у него есть властелин, — вот это были подлинные завоевания, подлинные победы, которые оставляли след в истории.

Какую же надо было иметь веру в конечную целесообразность подобных побоищ, чтобы оправдывать их жестокость!

Идя по лесу, мы на каждом шагу видели трупы обезьян, пронзённых копьями и стрелами индейцев. Изуродованные человеческие тела отмечали места особенно жарких схваток, когда враг дорого продавал свою жизнь. Впереди всё время слышались крики и рёв, и по ним мы следили за направлением погони. Обезьян оттеснили к их городу, там они собрали последние силы, но и это им не помогло, и теперь мы подоспели как раз вовремя, чтобы присутствовать при страшной заключительной сцене. На ту самую поляну у края обрыва, которая два дня назад была свидетельницей наших подвигов, индейцы выгнали около сотни уцелевших в битве обезьян. Мы подошли в ту минуту, когда победители с копьями наперевес взяли эту кучку в полукольцо. Всё было кончено в несколько секунд. Тридцать-сорок обезьян полегли тут же, на месте. Остальные визжали, отбивались, но это ничему не помогло. Их сбросили в пропасть, и они разделили участь своих прежних жертв, напоровшись на острый бамбук, который рос внизу, на глубине шестисот футов.

Челленджер был прав: отныне человек навсе-

гда утвердил своё господство в Стране Мепл-Уайта. Самцы обезьяньего племени были истреблены все до одного, обезьяний город разрушен, самки и детёныши угнаны в неволю. Последний кровавый бой положил конец вековой междоусобице человека и обезьяны.

Эта победа была нам сильно на руку. Мы вернулись в свой лагерь к брошенным там запасам и установили связь с нашим негром, который был до смерти напуган страшным зрелищем, когда обезьяны градом посыпались в пропасть.

— Уходите оттуда, уходите! — кричал он, и глаза лезли у него на лоб от страха. — Там дьявол, он вас погубит!

— Устами негра глаголет истина, — убеждённо проговорил Саммерли. — Довольно с нас приключений, тем более что они по своему характеру совершенно не подобают людям нашего положения. Челленджер, напоминаю вам ваши слова. Отныне вы должны думать только о том, как вызволить нас из этой ужасной страны и вернуть в цивилизованный мир.

Глава пятнадцатая

Глаза наши не переставали дивиться

Я веду свой дневник изо дня в день и всё жду той минуты, когда можно будет написать, что тучи, нависшие над нами, рассеялись и сквозь них глянуло солнце. Мы до сих пор не знаем, как выбраться отсюда, и горько сетуем на судьбу. И всё же я совершенно ясно представляю себе, что когда-нибудь мы с благодарностью будем вспоминать об этой вынужденной задержке на плато, которая дала нам возможность наблюдать всё новые и новые чудеса Страны Мепл-Уайта и жизнь её обитателей.

Победа индейцев над племенем человекообезьян круто изменила наше положение. С тех пор мы стали подлинными хозяевами плато, ибо туземцы взирали на нас со страхом и благодарностью, помня, что наша чудодейственная сила помогла им расправиться с их исконными врагами. Они, вероятно, ничего не имели бы против, если б такие могущественные и загадочные существа совсем покинули плато, но спуск к равнине был неизвестен им. Насколько нам удалось понять по их знакам, плато соединялось раньше с равниной туннелем, нижний конец которого мы видели при обходе каменной гряды. В незапа-

мятные времена этим путём поднялись на плато человекообезьяны и индейцы, а не так давно им же воспользовался Мепл-Уайт со своим товарищем. Но год назад здесь произошло сильное землетрясение, и верхнюю часть туннеля наглухо завалило обломками скал. Когда мы выражали желание спуститься вниз, на равнину, индейцы только пожимали плечами и отрицательно качали головой. То ли они действительно не могли помочь нам, то ли не хотели, сказать трудно.

После победоносного похода индейцы перегнали уцелевших обезьян в другую часть плато (боже, как они выли дорогой!) и поселили их неподалёку от своих пещер. И с этого дня обезьянье племя перешло в полное рабство к человеку.

Среди ночной тишины часто раздавались протяжные вопли какого-нибудь первобытного Иезекииля, оплакивающего свою былую славу и былое величие обезьяньего города. Отныне покорённые обезьяны должны были довольствоваться скромной ролью дровосеков и водоносов при своём властелине — человеке.

Через два дня после битвы мы снова пересекли плато и расположились лагерем у подножия красных скал. Индейцы предлагали нам устроиться в пещерах, но лорд Джон не согласился на

это, считая, что если они замыслят что-нибудь против нас, то мы будем всецело в их власти.

Поэтому мы предпочли сохранить свою независимость и, поддерживая с нашими союзниками самые лучшие отношения, всё же держали оружие наготове. Нам часто приходилось бывать в их пещерах, но мы так и не выяснили, кому индейцы обязаны этим замечательным жильём — самим себе или природе. Пещеры были вырыты на одном уровне в какой-то рыхлой породе, залегавшей между красноватым базальтом вулканического происхождения и твёрдым гранитом, который служил основанием скал.

К входам в них, находившимся примерно на высоте восьмидесяти футов от земли, вели каменные ступени, такие узкие и крутые, что по ним не могло бы подняться ни одно крупное животное. Внутри было тепло и сухо. Пещеры уходили в толщу кряжа на различную глубину; по их гладким серым стенам тянулись нарисованные обугленными палочками великолепные изображения животных, населяющих плато. Если б в Стране Мепл-Уайта не осталось ни одного живого существа, будущий исследователь нашёл бы на стенах этих пещер исчерпывающие сведения о её диковинной фауне, ибо здесь было

всё — и динозавры, и игуанодоны, и ихтиозавры.

Узнав, что огромные игуанодоны считаются у индейцев ручным скотом или, вернее, чем-то вроде ходячей мясной кладовой, мы вообразили, будто человек даже при наличии столь несовершенного оружия, как луки и копья, полностью установил своё господство на плато. Однако нам вскоре пришлось убедиться, что это неверно и что пока его здесь только терпят.

Драма разыгралась на третий день после того, как мы поселились возле пещер. Челленджер и Саммерли с утра отправились к озеру, где туземцы вылавливали для них гарпунами ящериц. Мы с лордом Джоном остались в лагере; неподалёку от нас, на травянистом склоне перед пещерами, расхаживали индейцы, занятые своими делами. И вдруг сотни голосов пронзительно закричали: «Стоа! Стоа!» Взрослые и дети бросились со всех сторон к пещерам и, тесня друг друга, стали карабкаться вверх по каменным ступенькам.

Добравшись до своих убежищ, они замахали руками, приглашая нас поскорее присоединиться к ним. Мы схватили винтовки и побежали выяснить, что случилось, а навстречу нам из небольшой рощи уже неслись что было сил десять-пятнадцать индейцев, преследуемых

по пятам двумя чудовищами — точно такими, как непрошеный гость, явившийся в наш лагерь, и как мой ночной преследователь. Они передвигались прыжками и были похожи на омерзительных жаб невероятных размеров. До сих пор нам приходилось видеть этих исполинов только в темноте, так как они охотятся ночью, а днём выходят из своих берлог лишь в том случае, если их потревожат, как было на сей раз. Мы стояли, поражённые зрелищем, открывшимся нашим глазам. Пятнистая, бородавчатая кожа этих исполинских жаб отливала на солнце всеми цветами радуги и поблёскивала, как рыбья чешуя. Впрочем, наблюдать нам пришлось недолго, ибо эти твари в несколько прыжков нагнали несчастных индейцев… И тут началось нечто страшное. Приём у них был такой: обрушившись всей своей тяжестью на ближайшую жертву, они оставляли её, раздавленную, изуродованную, и кидались за следующей. Дико крича, индейцы неслись к пещерам, но не могли уйти от своих преследователей. Они гибли один за другим, и к тому времени, когда мы с лордом Джоном подоспели на помощь, от всей их группы осталось не больше пяти-шести человек. Впрочем, мы не только не помогли им, но и сами чуть не погибли. Пуля за

пулей впивалась в шкуры этих тварей, производя такой же эффект, как если б наши винтовки были заряжены бумажными шариками. А ведь стрельба велась с каких-нибудь двухсот ярдов! Организм громадных пресмыкающихся не боялся ранений, а отсутствие центрального мозгового аппарата делало даже самое современное оружие бесполезным в борьбе с ними. Единственное, что нам удалось сделать, — это отвлечь их внимание треском выстрелов и вспышками огня и таким образом дать возможность и себе, и индейцам добежать до спасительных ступеней.

Но там, где конические разрывные пули двадцатого века оказывались бессильными, приходилось полагаться на отравленные стрелы дикарей, вымоченные в настое строфанта и смазанные трупным ядом. Такие стрелы бесполезны на охоте, ибо кровообращение у доисторических чудовищ настолько вялое, что они обычно успевают настичь и растерзать свою жертву до того, как почувствуют действие яда. Но теперь положение было иное: как только наши преследователи очутились у каменных ступеней, ведущих в пещеры, из каждой расщелины в горном кряже со свистом полетели стрелы. Жабы обросли ими, как перьями, но, по-видимому, в

первые минуты боль не ощущалась, так как они продолжали в бессильной ярости карабкаться вверх по ступенькам, не желая упускать добычу. Они с трудом одолевали несколько ярдов и тотчас срывались вниз. Но вот яд начал действовать. Один зверь глухо заревел и уткнулся плоской головой в землю. Второй пронзительно взвыл, сделал несколько нелепых прыжков, потом в корчах повалился рядом с первым и вскоре тоже затих. Тогда индейцы толпой высыпали из пещер и с ликующими криками закружились вокруг трупов, торжествуя победу над двумя опаснейшими врагами.

Есть это мясо было нельзя, так как яд продолжал

действовать, и индейцы в ту же ночь разрезали обе туши на куски и отнесли их в лес, чтобы не заражать здесь воздух. Около пещер остались только два огромных сердца, каждое величиной с подушку; они жили самостоятельной жизнью, медленно и ритмично сокращаясь и расширяясь, и эта омерзительная пульсация продолжалась день, другой и затихла только на третьи сутки.

Когда-нибудь, когда у меня будет настоящий стол, а не заменяющая его консервная банка, и лучшие письменные принадлежности, чем огрызок карандаша и один-единственный истрёпанный блокнот, я подробно опишу индейцев племени аккала, опишу нашу жизнь среди них и волшебную Страну Мепл-Уайта, мало-помалу открывавшую перед нами свои чудеса. Память не изменит мне; наряду с первыми впечатлениями детства в ней до конца дней моих сохранится каждая минута, каждый час, проведённые нами на плато, и ничто другое не вытеснит этих воспоминаний. Придёт время, и я опишу ту чудесную лунную ночь на центральном озере, когда индейцы выловили сетью чуть не перевернувшего наш чёлн молодого ихтиозавра — существо, похожее не то на тюленя, не то на рыбу с тремя глазами, причём третий глаз сидел у него на

темени, а другие два были защищены костяными пластинками. В ту же ночь зелёная водяная змея стрелой метнулась к нам из тростниковых зарослей, оплела своими кольцами рулевого в лодке Челленджера и скрылась с ним под водой.

Я не забуду рассказать и о том диковинном белом существе — мы и по сей день не знаем, что это было: пресмыкающееся или зверь, — которое обитало в гнилом болоте восточнее центрального озера и по ночам сновало среди кустов, излучая слабый фосфорический блеск. Индейцы так боялись его, что даже близко не подходили к тому болоту, а мы дважды были там, видели этого зверя издали, но не могли пробраться к нему через топи. Скажу только, что величиной он больше коровы и распространяет вокруг себя неприятный мускусный запах.

В моих будущих записях вы встретите также упоминание о гигантской быстроногой птице, от которой Челленджеру пришлось удирать однажды под защиту скал. Она много выше страуса, и безобразная голова сидит у неё на длинной голой шее. Когда Челленджер карабкался вверх по камням, она одним ударом своего свирепого изогнутого клюва, как долотом, сорвала ему каблук. Но на этот раз современное оружие не

посрамило себя: огромный фороракос двенадцати футов ростом[25] (ликующий профессор, не успев отдышаться как следует, уже сообщил нам его название) повалился на землю, сражённый пулей лорда Джона, и судорожно забил ногами, взметая тучу перьев и не сводя с нас сверкающих яростным огнём жёлтых глаз. Как бы мне хотелось дожить до того дня, когда эта свирепая приплюснутая голова найдёт своё место среди других трофеев, украшающих кабинет в Олбени!

Под конец надо будет обязательно упомянуть и о токсодоне — исполинской морской свинке ростом десять футов с выступающими вперёд острыми зубами, которую мы подстрелили как-то на рассвете у водопоя.

Со временем я расскажу обо всём этом более подробно и, наряду с нашими приключениями, любовно опишу чудесные летние вечера, когда мы четверо мирно лежали где-нибудь на лесной опушке среди неведомых нам ярких цветов и, глядя вверх сквозь отягощённые сочными плодами ветки деревьев, дивились причудливым птич-

---

[25] Notes: 25

Фороракос — гигантская бегающая птица, жившая в начале кайнозойской эры — 40 миллионов лет назад. На самом деле она достигала 1,5–2 м высоты. По образу жизни фороракос был хищником, питавшимся, вероятно, мелкими млекопитающими и пресмыкающимися. Останки этой ископаемой птицы найдены в Южной Америке.

кам, пролетавшим в высокой синеве неба, потом переводили взгляд в густую траву и наблюдали за странными существами, которые выползали из своих норок поглазеть на нас; опишу долгие лунные ночи, когда мы выплывали в челнах на середину озера и с невольным страхом смотрели на его сверкающую гладь. Вот нечто фантастическое взметнулось над водой, пустив по ней широкие круги… Вот тёмная глубина озарилась зеленоватым светом, отмечающим путь нового, неведомого нам существа… Я запомню эти картины во всех подробностях, и когда-нибудь моя память и моё перо отдадут им должное.

Но вы, наверное, спросите, как можно было заниматься такими наблюдениями, когда нам следовало и день и ночь искать способ вернуться в цивилизованный мир? Отвечу вам, что мы все ломали над этим голову, но тщетно. Выяснилось только одно: на помощь индейцев рассчитывать не приходится. Они были нашими друзьями и относились к нам чуть ли не с рабской преданностью, но как только мы заикались о помощи, о том, чтобы перетащить к обрыву какую-нибудь длинную доску или сплести канат из кожаных ремней и лиан, нас сразу же осаживали мягким, но решительным отказом. Индейцы улыбались,

подмигивали нам, качали головой, и дальше этого дело не шло. Старый вождь и тот не сдавался, и лишь его сын Маретас грустно поглядывал на белых людей и знаками выражал им своё искреннее сочувствие.

После битвы с обезьянами индейцы смотрели на нас как на сверхчеловеков, несущих залог победы в своих таинственных, изрыгающих смерть трубках, и думали, что, пока мы с ними, счастье им не изменит. Нам предлагали обзавестись краснокожими жёнами и собственными пещерами, лишь бы мы согласились забыть свой народ и навсегда остались на плато. Пока всё обходилось тихо и мирно, но мы знали, что наши планы следует хранить в тайне, так как, прознав о них, индейцы могли задержать нас у себя силой.

Несмотря на возможность встречи с динозаврами (впрочем, опасность эта была не столь уж велика, ибо, как уже говорилось выше, они охотятся главным образом по ночам), за последние три недели я дважды ходил в наш старый лагерь проведать Самбо, который по-прежнему оставался на своём посту у подножия горного кряжа. Мои глаза жадно скользили по необъятной равнине в надежде, что оттуда к нам придёт долгожданная помощь. Но поросшие кактусами просторы были

безлюдны, и вплоть до виднеющейся вдали стены бамбуковых зарослей ничто не нарушало их однообразия.

— Они скоро придут, мистер Мелоун. Подождите ещё неделю. Индейцы придут с канатами и снимут вас оттуда! — так подбадривал меня наш чудесный Самбо.

Во второй раз я заночевал в старом лагере, а утром на обратном пути меня ждал сюрприз. Я возвращался хорошо знакомой дорогой и был уже недалеко от болота птеродактилей, когда впереди из-за кустов вдруг появился какой-то странный предмет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это человек, который шёл, надев на себя нечто вроде футляра или камышовой клетки, защищавшей его со всех сторон. Каково же было моё изумление, когда я узнал в этом человеке лорда Джона Рокстона! Увидев меня, он вылез из этого нелепого сооружения и засмеялся, но вид у него был несколько смущённый.

— Это вы, юноша? — сказал лорд Джон. — Вот уж не ожидал такой встречи!

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Навещал своих друзей-птеродактилей, — спокойно ответил он.

— Это ещё зачем?

— Любопытные зверушки! Только ужасно негостеприимные. Да вы сами знаете, как они встречают непрошеных посетителей. Вот я и соорудил такую корзиночку, чтобы защитить себя от их любезностей.

— Да что вам понадобилось на этом болоте?

Лорд Джон испытующе посмотрел на меня, и я понял, что его одолевают какие-то сомнения.

— По-вашему, любознательность свойственна только людям, имеющим звание профессора? — сказал он наконец. — Я изучаю этих милашек, вот и всё. Хватит с вас такого объяснения?

— Простите, — сказал я.

Но добродушие не изменило лорду Джону и на этот раз, и он рассмеялся:

— Не обижайтесь, юноша. Я хочу раздобыть для Челленджера маленького цыплёночка. Вот это моя главная задача. Нет, спасибо, ваша помощь мне не нужна. Я в этой клетке никого не боюсь, а вы беззащитны. Ну, всего хорошего, ждите меня к вечеру.

Он напялил на себя свою нелепую корзинку, повернулся и зашагал к лесу.

Если уж поведение лорда Джона было несколько странно в эти дни, то что же сказать о Челленджере? Следует отметить, что наш профессор обладал какой-то притягательной силой для индианок, и поэтому ему приходилось всегда носить при себе большую пальмовую ветку, которой он отгонял своих поклонниц, точно мух, когда они уж слишком одолевали его своим вниманием. Представьте же себе, какое это было зрелище!

Пожалуй, самое комическое из всех, какие мне довелось видеть в Стране Мепл-Уайта. Выбрасывая носки в стороны, Челленджер шествует с символом власти в руке, а за ним, точно за чернобородым опереточным султаном, тянется свита индейских девушек в одеяниях из тонкого растительного волокна.

Что касается Саммерли, то он был всецело поглощён изучением мира насекомых и пернатых Страны Мепл-Уайта и проводил всё своё время за препарированием добытых экземпляров (если не считать тех часов, которые уходили у него на перебранку с Челленджером, якобы не желавшим выручить нас из трудного положения).

Челленджер повадился исчезать каждое утро и возвращался только среди дня с таким торжественным видом, точно на его плечах лежало тягчайшее бремя ответственности за какое-то чрезвычайно серьёзное дело.

В один прекрасный день, не расставаясь с пальмовой веткой, он повёл нас за собой и открыл нам свои тайные планы.

Мы вышли на небольшую полянку посреди пальмовой рощи и увидели один из тех грязевых гейзеров, о которых я уже говорил. Кругом было разбросано множество ремней, нарезанных из

шкур игуанодонов; тут же лежал большой кусок перепончатой плёнки — впоследствии выяснилось, что это не что иное, как выскобленный и высушенный желудок рыбоящера. В этой прошитой по краям плёнке было оставлено маленькое отверстие для нескольких отрезков бамбука; противоположные концы их соединялись с глиняными воронками, в которых собирался газ, выделявшийся пузырьками в горячих струях гейзера. Вскоре опавшая плёнка стала медленно вздуваться и проявлять столь явное намерение устремиться ввысь, что Челленджеру пришлось привязать опоясывающие её ремни к деревьям. Через полчаса она превратилась в настоящий воздушный шар, и, судя по тому, как этот шар натягивал ремни и рвался вверх, подъёмная сила его была велика. Челленджер молча смотрел на творение своего гения и самодовольно поглаживал бороду — ни дать ни взять счастливый отец, любующийся своим первенцем.

Затянувшееся молчание прервал Саммерли.

— Неужели вы собираетесь предложить нам подняться на этой штуке? — ледяным тоном спросил он.

— Пока что я собираюсь продемонстрировать перед вами её мощность, дорогой Саммерли,

чтобы у вас не было никаких сомнений.

— Тогда советую вам немедленно выбросить из головы этот вздор, — решительно заявил Саммерли. — Вы никакими силами не заставите меня согласиться на такое безумие. Лорд Джон, надеюсь, вы не станете поддерживать эту авантюру?

— Остроумная штука! — сказал наш предводитель. — Любопытно бы посмотреть её в действии.

— Сейчас посмотрите, — сказал Челленджер. — Последние дни я напрягал все силы своего ума, чтобы разрешить задачу, как нам выбраться отсюда. Мы уже убедились, что спуск по отвесным скалам невозможен, а туннеля больше не существует. Перебросить мост через утёс нам, безусловно, не удастся. Но что же тогда делать? Я как-то говорил нашему юному другу, что гейзеры выделяют водород в свободном состоянии. Отсюда логически вытекала мысль о воздушном шаре. Сознаюсь, что меня несколько смущал вопрос, где достать для него оболочку, но когда мне попались на глаза колоссальные внутренности здешних пресмыкающихся, я уже ни в чём больше не сомневался. И вот результаты моих трудов.

Он заложил одну руку за борт своей рваной куртки, а другую горделиво протянул вперёд.

Тем временем шар окончательно округлился, и ремни уже еле сдерживали его.

— Бред! Чистейший бред! — фыркнул Сам-мерли.

Но лорд Джон был в восторге от этой идеи Челленджера.

— Ну и голова у нашего старикана! — шепнул он мне. Потом сказал громко: — А где вы возьмёте корзину?

— Теперь буду думать и о корзине. У меня уже есть кое-какие соображения по этому поводу. А пока я покажу вам, что мой аппарат способен поднять каждого из нас.

— Вы хотите сказать — всех вместе?

— Нет, мы будем спускаться по очереди. Приспособление для подъёма сделать нетрудно. Если мой аппарат выдержит тяжесть одного человека и осторожно опустит его на землю, значит всё в порядке. Сейчас мы его испробуем.

Он притащил обломок базальта довольно солидных размеров и обвязал его верёвкой — той самой, с помощью которой мы взбирались на пирамидальный утёс. Она была футов в сто длиной и хоть не толстая, но очень крепкая. Потом нам было продемонстрировано нечто вроде кожаного ошейника с длинными стропами. Челленджер

водрузил этот ошейник на воздушный шар, собрал в пучок свисающие вниз стропы так, чтобы тяжесть груза распределялась равномерно по всей поверхности, привязал к ним обломок базальта, а конец верёвки намотал себе на руку.

— Сейчас я покажу вам грузоподъёмность моего аппарата, — объявил он, заранее предвкушая своё торжество, и с этими словами перерезал туго натянутые ремни.

Никогда ещё наша экспедиция не была так близка к гибели, причём в полном своём составе. Наполненная газом оболочка стремительно рванулась вверх, увлекая за собой Челленджера. Я едва успел обхватить его за талию и взмыл в воздух следом за ним. Лорд Джон словно защёлкнул капкан у меня на щиколотках, и его ноги тоже оторвались от земли. На секунду я представил себе мысленно, как четверо отважных путешественников, подобно гирлянде сосисок, повиснут над страной, тайны которой они тщились разгадать. Но к счастью, прочность верёвки имела какой-то предел, чего, по-видимому, нельзя было сказать о подъёмной силе этого дьявольского аппарата. Раздался треск, и наша троица камнем рухнула на землю. Путаясь в оборвавшейся верёвке, мы с трудом поднялись на ноги и увиде-

ли, как обломок базальта стремительно уходит ввысь, еле заметной точкой чернея в ярко-голубом небе.

— Блестяще! — воскликнул неунывающий Челленджер, потирая ушибленную руку. — Опыт удался как нельзя лучше. Я сам не рассчитывал на такой успех. Обещаю вам, джентльмены, что новый шар будет готов через неделю, и мы совершенно спокойно проделаем на нём первый этап нашего обратного путешествия на родину.

До сих пор записи в моём дневнике велись от события к событию, а теперь, когда нам ничто не угрожает, когда все наши невзгоды миновали, как сон, я заканчиваю своё повествование в том самом лагере у подножия красных скал, где Самбо так ждал нас.

Спуск вниз прошёл без всяких осложнений, но кто мог предполагать, что всё это получится именно так! Через полтора-два месяца мы будем в Лондоне, и, может быть, моё письмо ненамного опередит меня. Всеми своими чувствами и помыслами мы уже дома, в родном городе, где осталось столько дорогого, любимого для каждого из нас.

Перелом в нашей судьбе наступил в тот день, когда Челленджер проделал свой рискованный

опыт с самодельным воздушным шаром. Я уже говорил, что единственным человеком, который сочувствовал нашим попыткам выбраться с плато, был спасённый нами юноша, сын старого вождя. Мы поняли по его выразительной жестикуляции, что он не хочет задерживать нас против воли в чужой нам стране.

В тот вечер, уже затемно, Маретас незаметно прокрался в лагерь, протянул мне небольшой свиток древесной коры (он почему-то всегда предпочитал иметь дело со мной, может быть, потому, что я был примерно одного с ним возраста), потом величественно повёл рукой, показывая на пещеры, торжественно приложил палец к губам в знак молчания и так же незаметно ушёл к своим.

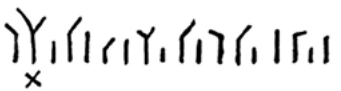
Я сел поближе к костру, и мы внимательно рассмотрели вручённый мне свиток. На внутренней белой стороне этого квадратного куска древесной коры размером фут на фут были нарисованы углём палочки, напоминающие безлинейное нотное письмо.

— Вы обратили внимание, какой у него был многозначительный вид? — спросил я товарищей. — Это что-то очень важное для нас.

— А может быть, дикарь решил разыграть с

нами милую шуточку? — сказал Саммерли. — С таких элементарных развлечений, вероятно, начинается развитие человека.

— Это какой-то шифр, — сказал Челленджер.



— Или ребус, — подхватил лорд Джон, заглядывая мне через плечо, и вдруг вырвал кусок коры у меня из рук. — Честное слово, я, кажется, разгадал его! Юноша прав. Смотрите. Сколько здесь этих палочек? Восемнадцать. А сколько пещер по ту сторону склона? Тоже восемнадцать?

— И в самом деле! Ведь он на них и показывал! — сказал я.

— Значит, правильно. Это план пещер. Смотрите, всего восемнадцать палочек — есть короткие, есть длинные, а некоторые раздваиваются. Под одной крестик. Зачем? Вероятно, затем, чтобы выделить одну пещеру, которая глубже остальных.

— Сквозную! — крикнул я.

— Наш юный друг, по-видимому, прав, — поддержал меня Челленджер. — В противном случае зачем индейцу понадобилось бы отмечать её

крестиком? Ведь у него есть все основания относиться к нам благожелательно. Но если пещера действительно сквозная и выходит с той стороны на таком же уровне, то до земли там не больше ста футов.

— Тридцать метров — сущие пустяки! — проворчал Саммерли.

— Но ведь наша верёвка длиннее! — воскликнул я. — Мы спустимся без всякого труда.

— А про индейцев вы забыли? — не сдавался Саммерли.

— Эти пещеры нежилые, — сказал я. — Оне служат складами и амбарами. Давайте поднимемся туда сейчас же и произведём разведку.

На плато растёт крепкое смолистое дерево — вид араукарии, по словам нашего ботаника, — ветки которого идут у индейцев на факелы. Мы взяли каждый по охапке таких веток и поднялись по замшелым ступенькам в пещеру, отмеченную на плане крестиком. Как я и предполагал, она оказалась необитаемой, если не считать множества огромных летучих мышей, которые с громким хлопаньем крыльев всё время кружили у нас над головой. Не желая привлекать внимание индейцев, мы долго брели в темноте, нащупывая какие-то повороты, углы, и, только

отойдя довольно далеко от входа, зажгли факелы. Нашим взорам открылся сухой, усыпанный белым гравием туннель со сводчатым потолком и гладкими серыми стенами, покрытыми изображениями животных. Мы устремились вперёд, и вдруг все разочарованно вскрикнули: перед нами встала сплошная каменная стена — ни щели, ни трещинки, мышонок и тот не проберётся. Выхода здесь не было.

Мы с тоской смотрели на неожиданное препятствие, преградившее нам путь. Эта стена ничем не отличалась от боковых стен туннеля, следовательно обвала здесь не было, как в том, уже знакомом нам подземном ходе. Это был самый настоящий тупик, и ничего больше.

— Не огорчайтесь, друзья, — сказал неунывающий Челленджер. — Ведь я обещал вам второй воздушный шар.

Саммерли застонал.

— Может быть, мы ошиблись пещерой? — сказал я.

— Бросьте, юноша! — Лорд Джон провёл пальцем по плану. — Семнадцатая пещера справа, она же вторая слева. Нет, ошибки быть не могло.

Я взглянул на крестик и вдруг вскрикнул, сам не свой от радости:

— Знаю! Знаю! Идите за мной, скорее! — И, подняв факел над головой, бросился назад. — Вот здесь! — Я показал на обгорелые спички, валявшиеся на песке. — Вот здесь мы зажгли факелы.

— Совершенно верно.

— Но ведь на рисунке ясно показано, что пещера разветвляется! Значит, мы просто-напросто прозевали в темноте это место. Будем держаться правой стороны, и я уверен, что мы найдём его.

Как я говорил, так и вышло. Ярдов через тридцать в стене зачернело большое отверстие. Мы свернули в него и очутились в гораздо более широком туннеле. Нетерпение гнало нас вперёд. Сотня ярдов, другая, третья… и вдруг впереди забрезжил красноватый свет. Что бы это могло быть? Ровное, немигающее пламя загораживало нам путь. Мы ускорили шаги. Жа́ра от этого огня не чувствовалось. Всё было тихо, ни шороха, ни звука… А между тем огненная завеса не исчезала, и её сияние серебром заливало туннель, превращая белый песок в блистающие алмазы. Мы подошли ещё ближе, и край завесы чётко закруглился у нас на глазах.

— Это луна, клянусь вам! — крикнул лорд Джон. — Мы свободны, друзья! Свободны!

И действительно, в пролом, выходивший на

ту сторону горного кряжа, светила полная луна. Пролом оказался небольшой, величиной с окно, но нам и этого было достаточно. Выглянув из него, мы увидели, что спуск будет не особенно трудный и что до земли недалеко. Разглядеть этот лаз при обходе плато нам, конечно, никогда бы не удалось. Кому бы пришло в голову искать место для подъёма именно здесь, среди низко нависших скал? Мы убедились, что отсюда можно будет спуститься по верёвке, и, счастливые, вернулись в лагерь готовиться к завтрашнему вечеру.

Действовать надо было тайно и без всякого промедления, так как индейцы могли задержать нас даже в последнюю минуту. Мы решили бросить всё своё снаряжение, кроме оружия и патронов. Правда, у Челленджера было несколько громоздких вещей, которые он во что бы то ни стало хотел взять с собой, и одна из них доставила нам особенно много хлопот. Но об этом я пока что не могу распространяться.

День тянулся бесконечно долго, но вот наконец стемнело. У нас всё было готово. Соблюдая всяческую осторожность, мы втащили свои пожитки вверх по ступенькам, остановились у входа в пещеру и бросили последний взгляд на эту загадочную, окутанную для нас романтической

дымкой страну, которую, боюсь, скоро наводнят охотники и всяческие исследователи, страну, где мы много дерзали, где нам много пришлось перенести и многому научиться, — *нашу* страну, как мы всегда будем любовно называть её.

Слева от нас соседние пещеры бросали в темноту весёлые красноватые отблески костров. Снизу доносились голоса, смех и пение индейцев. Вдали стеной вставала лесная чаща, а между ней и скалистой грядой искрилось большое озеро — обитель диковинных чудовищ. Вот в темноте прозвенел пронзительный зов какого-то зверя. Это был голос Страны Мепл-Уайта, славшей нам своё последнее «прости». Мы повернулись и вошли в пещеру, через которую пролегал наш путь домой.

Через два часа мы сами и все наши пожитки были уже у подножия горного кряжа. Спуск прошёл благополучно, если не считать возни с вещами Челленджера. Оставив всю поклажу на месте, мы отправились налегке к стоянке Самбо. Каково же было наше изумление, когда при свете раннего утра перед нами открылась равнина, на которой пылал не один костёр, а по меньшей мере десять! Спасательная партия всё-таки пришла. Она состояла из двадцати индейцев с Амазонки, доставивших сюда шесты, канаты и всё, что требовалось для переброски моста через пропасть. Уж теперь-то у нас не будет никаких затруднений с доставкой багажа к берегам Амазонки, куда мы двинемся завтра утром!

На этом, благодарный судьбе, я заканчиваю свой рассказ. Глаза наши не переставали дивиться чудесам, души очистились, закалённые тяжёлыми испытаниями. Все мы, каждый на свой лад, стали лучше, серьёзнее.

Возможно, что в Паре нам придётся сделать остановку, так как надо обзавестись всем необходимым для дальнейшего путешествия. В таком случае это письмо опередит меня на один трансатлантический рейс. Если же мы сразу отправимся в путь, то оно будет в Лондоне одновременно с нами. Так или иначе, дорогой мой мистер Макардл, я надеюсь скоро пожать вашу руку.

Глава шестнадцатая
На улицу! На улицу!

Я считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем нашим друзьям с Амазонки, которые так радушно нас приняли и проявили к нам столько внимания. Особой благодарности заслуживает сеньор Пенелоса и другие должностные лица бразильского правительства, чья помощь обеспечила нам возвращение домой, а также сеньор Перейра из города Пары, предусмотрительно заготовивший для нас всё необходимое

по части одежды, так что теперь нам не стыдно будет появиться в цивилизованном мире.

К сожалению, мы плохо отплатили нашим благодетелям за их гостеприимство. Но что же делать! Пользуюсь случаем заверить тех, кто вздумает отправиться по нашим следам в Страну Мепл-Уайта, что это будет только потеря времени и денег. В своих рассказах мы изменили все названия, и как бы вы ни изучали отчёты экспедиции, всё равно вам не удастся даже близко подойти к тем местам.

Мы думали, что повышенный интерес к нам в Южной Америке носит чисто местный характер, но кто мог предположить, какую сенсацию произведут в Европе первые неясные слухи о наших приключениях! Оказывается, нами интересовался не только учёный мир, но и широкая публика, хотя мы узнали об этом сравнительно поздно.

Когда «Иберния» была уже в пятидесяти милях от Саутгемптона, беспроволочный телеграф начал передавать нам депешу за депешей от разных газет и агентств, которые предлагали колоссальные гонорары хотя бы за самое краткое сообщение о результатах экспедиции. Однако долг обязывал нас прежде всего отчитаться перед Зоологическим институтом, поручившим нам

произвести расследование, и, посовещавшись между собой, мы отказались давать какие-либо сведения в печать. Саутгемптон кишел репортёрами, но они ничего не добились от нас, и поэтому легко себе представить, с каким интересом публика ждала заседания, назначенного на вечер седьмого ноября.

Зал Зоологического института — тот самый, где создали комиссию расследования, — был признан недостаточно вместительным, и заседание пришлось перенести в Куинс-холл на Риджент-стрит. Теперь уже никто не сомневается, что если б даже устроители сняли Альберт-холл, то он тоже не вместил бы всех желающих.

Знаменательное заседание было назначено на второй вечер после нашего приезда в Лондон. Предполагалось, что первый день уйдёт у нас на

личные дела. О своих я пока умалчиваю. Пройдёт время, и, может быть, мне будет легче думать и даже говорить обо всём этом. В начале своего повествования я раскрыл читателю, какие силы побудили меня к действию. Теперь, пожалуй, следует показать, чем всё это кончилось. Но ведь наступит же время, когда я скажу себе, что жалеть не о чем. Те силы толкнули меня на этот путь, и по их воле я узнал цену настоящим приключениям.

А теперь перейду к последнему событию, завершившему нашу эпопею. Когда я ломал себе голову, как бы получше описать его, взгляд мой упал на номер «Дейли газетт» от восьмого ноября, в котором был помещён подробнейший отчёт о заседании в Зоологическом институте, написанный моим другом и коллегой Макдоной. Приведу его здесь полностью, начиная с заголовка, — ведь всё равно лучше ничего не придумаешь. Наша «Дейли», гордая тем, что в экспедиции принимал участие её собственный корреспондент, уделила особенно много места событиям в Зоологическом институте, но другие крупные газеты тоже не оставили их без внимания.

Итак, предоставляю слово моему другу Макдоне:

НОВЫЙ МИР МНОГОЛЮДНОЕ СОБРАНИЕ В КУИНС-ХОЛЛЕ БУРНЫЕ СЦЕНЫ В ЗАЛЕ НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ ЧТО ЭТО БЫЛО? НОЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НА РИДЖЕНТ-СТРИТ

(От нашего специального корреспондента)

«Долгожданное заседание Зоологического института, на котором был заслушан отчёт комиссии, посланной год назад в Южную Америку проверить сведения, сообщённые профессором Челленджером, о наличии форм доисторической жизни на этом материке, состоялось вчера в Куинс-холле, и мы смело можем сказать: этот день войдёт в историю науки, ибо события его носили столь необычайный и сенсационный характер, что вряд ли они когда-либо изгладятся из памяти присутствующих. (О собрат мой по перу Макдона! Какая чудовищно длинная вступительная фраза!)

Официально пригласительные билеты распространялись только среди членов института и близких к ним лиц, но, как известно, последнее понятие весьма растяжимо, и поэтому большой зал Куинс-холла был набит битком задолго до

начала заседания, назначенного на восемь часов. Однако широкая публика, без всяких на то оснований считающая себя обиженной, штурмом взяла двери зала после продолжительной схватки с полицией, во время которой пострадало несколько человек, в том числе инспектор Скобл, получивший перелом ноги. Включая этих бунтовщиков, заполнивших не только все проходы, но и места, отведённые для представителей печати, прибытия путешественников ожидало, по приблизительному подсчёту, не менее пяти тысяч человек. Когда они наконец появились, их провели на эстраду, где к тому времени собрались крупнейшие учёные не только Англии, но и Франции и Германии. Швеция также была представлена в лице знаменитого зоолога, профессора Упсальского университета господина Сергиуса. Появление четырёх героев дня было встречено овацией: весь зал поднялся как один человек и приветствовал их криками и аплодисментами. Впрочем, внимательный наблюдатель мог уловить некую диссонирующую нотку в этой буре восторга и сделать отсюда вывод, что собрание будет протекать не совсем мирно. Но того, что произошло в действительности, никто из присутствующих предугадать не мог.

Описывать здесь наружность наших четырёх путешественников нет никакой нужды, поскольку их фотографии помещены во всех газетах. Тяжёлые испытания, которые, как говорят, им пришлось перенести, мало отразились на них, хотя они покидали наши берега совсем не такими загорелыми. Борода профессора Челленджера стала, пожалуй, ещё пышнее, черты лица профессора Саммерли немного суше, лорд Джон Рокстон чуть похудел, но в общем состояние их здоровья не оставляет желать ничего лучшего. Что же касается представителя нашей газеты, известного спортсмена и игрока в регби международного класса Э. Д. Мелоуна, то он в полной форме, и его честная, но не блещущая красотой физиономия так и сияет благодушной улыбкой. (Ладно, Мак, только попадись мне!)

Когда тишина была восстановлена и все расселись по местам, председательствующий, герцог Дархемский, обратился к собранию с речью. Герцог сразу же заявил, что, поскольку аудитории предстоит встреча с самими путешественниками, он не намерен задерживать её внимание и предвосхищать доклад профессора Саммерли, председателя комиссии расследования, труды которой, судя по имеющимся сведениям, увен-

чались блестящим успехом. *(Аплодисменты.)* По-видимому, век романтики не миновал, и пылкая фантазия поэта всё ещё может опираться на твёрдую основу науки. „В заключение, — сказал герцог, — мне остаётся лишь выразить свою радость — и в этом меня, несомненно, поддержат все присутствующие, — что джентльмены вернулись здравы и невредимы из своего трудного и опасного путешествия, ибо с гибелью этой экспедиции наука понесла бы почти невосполнимые потери“. *(Шумные аплодисменты, к которым присоединяется и профессор Челленджер.)*

Появление на кафедре профессора Саммерли снова вызвало бурю восторга, и речь его то и дело прерывалась рукоплесканиями. Мы не будем приводить её дословно, так как подробный отчёт о работах экспедиции, принадлежащий перу нашего корреспондента, будет выпущен „Дейли газетт“ специальной брошюрой. Поэтому ограничимся лишь кратким изложением доклада профессора Саммерли.

Напомнив собранию, каким образом возникла мысль о посылке экспедиции, оратор воздал должное профессору Челленджеру и принёс ему свои извинения за былое недоверие к его словам, теперь полностью подтверждённым. Затем

он набросал в общих чертах маршрут путешествия, тщательно избегая каких-либо указаний, которые могли бы послужить справкой о географическом положении этого необычайного плато; описал в немногих словах переход от берегов Амазонки к горному кряжу и буквально потряс слушателей рассказом о многократных попытках экспедиции подняться на плато, обошедшихся им в конце концов ценой жизни двух преданных проводников-метисов. (Этим неожиданным толкованием событий мы были обязаны Саммерли, который хотел избежать некоторых щекотливых вопросов.)

Поднявшись со своими слушателями на вершину горного кряжа и заставив их почувствовать, что значит для четырёх путешественников обвал моста — единственной их связи с внешним миром, профессор приступил к описанию ужасов и прелестей этой необычайной страны. О своих приключениях он говорил мало, но старался всячески подчеркнуть, какой богатейший вклад в науку сделала экспедиция, ведя наблюдения над представителями животного и растительного царства плато. Мир насекомых там особенно богат жесткокрылыми и чешуйчатокрылыми, и в течение нескольких недель экспедиции

удалось определить сорок шесть видов первого семейства и девяносто четыре — второго. Но, как и следовало ожидать, публика интересовалась главным образом крупными животными, в особенности теми, которые считаются давно вымершими. Профессор дал длинный перечень таких доисторических чудовищ, уверив своих слушателей, что этот список может быть значительно пополнен после тщательного изучения плато. Ему и его спутникам удалось видеть собственными глазами, правда большей частью издали, по крайней мере с десяток животных, до сих пор неизвестных науке. Со временем они, безусловно, будут должным образом изучены и классифицированы. В виде примера профессор привёл тёмно-пурпурную змею длиной пятьдесят один фут, некое белое существо, по всей вероятности млекопитающее, которое излучает в темноте фосфорический свет, и огромную чёрную бабочку, укусы которой, по словам индейцев, ядовиты.

Помимо совершенно новых видов живых существ, плато изобилует известными науке доисторическими животными; некоторых из них следует отнести к раннему юрскому периоду. Тут был назван исполинский стегозавр, попавшийся однажды мистеру Мелоуну у водопоя на озере.

Такой же точно зверь был зарисован в альбоме американского художника, проникшего в этот неведомый мир ещё до экспедиции. Профессор Саммерли описал также игуанодона и птеродактиля — первых двух чудовищ, встретившихся им на плато, и привёл слушателей в содрогание, рассказав о самых страшных хищниках, населявших этот мир, — о динозаврах, которые не раз преследовали то одного, то другого члена экспедиции. Далее профессор подробно говорил об огромной свирепой птице фороракосе и об исполинских лосях, всё ещё встречающихся на плоскогорьях этой страны.

Но восторг аудитории достиг высшего предела, когда профессор поведал ей тайны центрального озера. Слушая спокойную речь этого трезвого учёного, хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон, что ты наяву слышишь о трёхглазых рыбообразных ящерах и гигантских водяных змеях, обитающих в этих загадочных глубинах.

Далее он перешёл к описанию туземцев и племени человекообразных обезьян, которые, по-видимому, представляют собой результат эволюции яванского питекантропа, а следовательно, более, чем любой другой вид животного мира, приближаются к гипотетическому суще-

ству, известному как „недостающее звено между обезьяной и человеком“.

Наконец, профессор развеселил аудиторию, описав остроумный, но чрезвычайно опасный воздухоплавательный аппарат — изобретение профессора Челленджера, и в заключение своего необычайно интересного доклада рассказал, каким образом экспедиции удалось вернуться в цивилизованный мир.

Предполагалось, что на этом заседание и закончится и что предложенная профессором Сергиусом резолюция с выражением благодарности членам комиссии расследования будет должным образом проголосована и принята. Однако дальнейшие события развивались отнюдь не гладко. С самого начала заседания враждебно настроенная часть публики то и дело напоминала о себе, а как только профессор Саммерли кончил доклад, доктор Джеймс Иллингворт из Эдинбурга поднялся с места и обратился к председателю с вопросом: не следует ли до голосования резолюции обсудить поправку к ней?

Председатель. Да, сэр, если таковая имеется.

Доктор Иллингворт. Поправка у меня есть, ваша светлость.

Председатель. В таком случае огласите её.

Профессор Саммерли *(вскакивая с места).* Ваша светлость, разрешите довести до всеобщего сведения, что этот человек — мой личный враг ещё с тех пор, как мы с ним вели полемику на страницах журнала „Научное обозрение“.

Председатель. Вопросы личного порядка нас не касаются. Продолжайте, доктор Иллингворт.

Друзья наших путешественников подняли такой шум, что доктора Иллингворта временами почти не было слышно. Кое-кто даже пытался стащить его с кафедры. Но, обладая недюжинной силой и мощным голосом, доктор Иллингворт преодолел все препятствия и довёл свою речь до конца. С той минуты, как он поднялся с места, всем стало ясно, что у него много сторонников в зале, правда составляющих меньшинство аудитории. Значительная же часть публики была настроена выжидательно и пока что сохраняла нейтралитет.

Для начала профессор Иллингворт заверил профессора Челленджера и профессора Саммерли в своём глубочайшем уважении к их научной деятельности, но далее с прискорбием отметил, что его поправку к резолюции почему-то объясняют какими-то личными мотивами, тогда как на самом деле им руководит исключительно

стремление к истине. В сущности, он занимает сейчас ту же позицию, какую занимал на прошлом заседании профессор Саммерли. Профессор Челленджер выдвинул тогда ряд тезисов, которые были взяты под сомнение его коллегой. Теперь этот самый коллега выступает с точно такими же утверждениями и рассчитывает, что их никто не будет оспаривать. Логично ли это? *(Крики: „Да!“, „Нет!“ В ложе, отведённой представителям печати, слышно, как профессор Челленджер просит у председателя разрешения выставить доктора Иллингворта за дверь.)* Год назад один человек утверждал весьма странные вещи. Теперь то же самое, и, пожалуй, в ещё большей степени, делают четыре человека. Но разве это может служить решающим фактором там, где речь идёт чуть ли не о перевороте в науке?

У всех на памяти случаи, когда путешественники возвращались из далёких, никому не ведомых краёв и распространяли всякие небылицы, которым слишком охотно верили. Неужели лондонский Зоологический институт хочет оказаться в положении легковера? Члены комиссии расследования — весьма достойные люди, этого никто не станет отрицать. Но человеческая натура чрезвычайно сложна. Желание выдвинуться может

совратить с пути истинного любого профессора. Все мы, словно бабочки, летим на огонёк славы. Охотники за крупной дичью не прочь погрешить против истины в пику своим соперникам, а журналисты так падки на всяческие сенсации, что сплошь и рядом призывают на помощь фактам своё богатое воображение. У каждого из членов комиссии могли оказаться свои мотивы, руководствуясь которыми они раздули результаты экспедиции. *(„Позор! Стыдитесь!“)* Он никого не желает оскорблять *(„Однако оскорбляет!“ Шум в зале.)*... но доказательства, представленные в подтверждение всех этих чудес, носят чрезвычайно легковесный характер. К чему они сводятся? К нескольким фотографическим снимкам. Но в наше время искусство фальсификации достигло такого высокого уровня, что на одни фотографии полагаться нельзя. Чем же ещё стараются нас убедить? Рассказом о поспешном бегстве и о спуске по канату, что якобы помешало членам экспедиции захватить с собой более крупные образцы фауны этой чудесной страны? Остроумно, но не очень убедительно. Было сказано, что у лорда Джона Рокстона имеется череп фороракоса. Но где он? Любопытно было бы взглянуть на него.

Лорд Джон Рокстон. Этот человек, кажется,

обвиняет меня во лжи? *(Шум в зале.)*

Председатель. Тише! Тише! Доктор Иллингворт, будьте добры сформулировать свою поправку.

Доктор Иллингворт. Я подчиняюсь, хотя мне хотелось бы сказать ещё кое-что. Итак, моё предложение сводится к следующему: поблагодарить профессора Саммерли за его интересный доклад, но сообщённые им факты считать недоказанными и поручить их проверку другой, более авторитетной комиссии.

Трудно описать, какое смятение вызвали в зале эти слова. Большинство присутствующих, возмущённых таким поклёпом на наших путешественников, требовали: „Долой поправку!“, „Не голосуйте её!“, „Вон его отсюда!“ В то же время недовольные, а их было немало, поддерживали доктора Иллингворта и оглушительно кричали: „Это нечестно!“, „Председатель! Призовите к порядку!“ На задних скамьях, где сидели студенты-медики, началась потасовка, были пущены в ход кулаки. Всеобщую свалку предотвратило только присутствие дам среди публики. И вдруг крики смолкли, в зале наступила полная тишина. На эстраде стоял профессор Челленджер. Внешность и манеры этого человека производят

настолько внушительное впечатление, что стоило только ему поднять руку, как все уселись по местам и приготовились слушать его.

— Многие из присутствующих, вероятно, помнят, — начал профессор Челленджер, — что подобные непристойные сцены разыгрались и на первом нашем заседании. В тот раз главным моим обидчиком был профессор Саммерли, и хотя теперь он исправился и покаялся в грехах, всё же этот инцидент не может быть предан забвению. Сегодня мне пришлось услышать ещё более оскорбительные выпады со стороны лица, только что покинувшего эстраду. Я с величайшим трудом заставляю себя снизойти до интеллектуального уровня данного лица, но это нужно сделать, дабы устранить сомнения, которые, может быть, ещё сохранились у некоторых из здесь присутствующих. *(Смех, шум, крики из задних рядов.)*

Профессор Саммерли выступал здесь как глава комиссии расследования, но вряд ли нужно напоминать вам, что подлинным вдохновителем всего дела являюсь я и что наша поездка увенчалась успехом главным образом благодаря мне. Я довёл этих троих джентльменов до нужного места и, как вы уже слышали, убедил их в

правильности моих утверждений. Мы не рассчитывали, что наши совместные выводы будут оспариваться с тем же невежеством и упорством. Но, наученный горьким опытом, я вооружился на сей раз кое-какими доказательствами, которые смогут убедить всякого здравомыслящего человека. Профессор Саммерли уже говорил здесь, что наши фотокамеры побывали в лапах человекообезьян, разгромивших весь наш лагерь, и что большинство негативов погибло. *(Шум, смешки, с задних скамей кто-то кричит: „Расскажите это вашей бабушке!“)* Кстати, о человекообезьянах. Не могу не отметить, что звуки, которые доходят сейчас до моего слуха, весьма живо напоминают мне наши встречи с этими любопытными существами. *(Смех.)*

Несмотря на то что многие ценные негативы были уничтожены, всё же некоторое количество фотографий у нас осталось, и по ним вполне можно судить об условиях жизни на плато. Есть ли у кого-нибудь из присутствующих сомнения в их подлинности? *(Чей-то голос: „Да!“ Общее волнение, заканчивающееся тем, что нескольких человек выводят из зала.)*

Негативы предложены вниманию экспертов. Какие же ещё доказательства может представить

комиссия? Ей пришлось бежать с плато, и поэтому она не могла обременять себя каким бы то ни было грузом, но профессору Саммерли удалось спасти свою коллекцию бабочек и жуков, а в ней имеется много новых разновидностей. Разве этого не достаточно? *(Несколько голосов: „Нет! Нет!“)* Кто сказал „нет“?

Доктор Иллингворт *(поднимаясь с места).* Мы считаем, что коллекцию можно было собрать где угодно, а не обязательно на вашем доисторическом плато. *(Аплодисменты.)*

Профессор Челленджер. Без сомнения, сэр, слово такого крупного учёного, как вы, для нас закон. Однако оставим фотографии и энтомологическую коллекцию и перейдём к вопросам, которые никогда и нигде не освещались. У нас, например, имеются совершенно точные сведения о птеродактилях. Образ жизни этих животных… *(Крики: „Вздор!“ Шум в зале.)* Я говорю, образ жизни этих животных станет вам теперь совершенно ясен. В моём портфеле лежит рисунок, сделанный с натуры, на основании которого…

Доктор Иллингворт. Рисунки нас ни в чём не убедят!

Профессор Челленджер. Вы хотели бы видеть самую натуру?

Доктор Иллингворт. Несомненно!

Профессор Челленджер. И тогда вы поверите мне?

Доктор Иллингворт *(со смехом)*. Тогда? Ну ещё бы!

И тут мы подошли к самому волнующему и драматическому эпизоду вечера — эпизоду, эффект которого навсегда останется непревзойдённым. Профессор Челленджер поднял руку, наш коллега мистер Э. Д. Мелоун тотчас же встал с места и направился вглубь эстрады. Минуту спустя он снова появился в сопровождении негра гигантского роста; они несли вдвоём большой квадратный ящик, по-видимому очень тяжёлый. Ящик был поставлен у ног профессора. Публика замерла, с напряжением следя за происходящим. Профессор Челленджер снял выдвижную крышку с ящика, заглянул внутрь и, прищёлкнув несколько раз пальцами, сказал умильным голосом (в журналистской ложе были прекрасно слышны его слова): „Ну выходи, малыш, выходи!“ Послышалась какая-то возня, царапанье, и тут же вслед за этим невообразимо страшное, омерзительное существо вылезло из ящика и уселось на его краю. Даже неожиданное падение герцога Дархемского в оркестровую яму не отвлекло внимания пора-

жённой ужасом публики. Хищная голова этого чудовища с маленькими, пылающими словно угли глазами невольно заставила вспомнить страшных химер, которые могли зародиться только в воображении средневековых художников. Его полуоткрытый длинный клюв был усажен двумя рядами острых зубов. Вздёрнутые плечи прятались в складках какой-то грязно-серой шали. Словом, это был тот самый дьявол, которым нас пугали в детстве.

Публика пришла в смятение — кто-то вскрикнул, в переднем ряду две дамы упали в обморок, учёные на эстраде проявили явное стремление последовать за председателем в оркестр. Казалось, ещё секунда — и общая паника охватит зал.

Профессор Челленджер поднял руку над головой, стараясь успокоить публику, но это движение испугало сидевшее рядом с ним чудовище. Оно расправило серую шаль, которая оказалась не чем иным, как парой перепончатых крыльев. Профессор ухватил его за ноги, но удержать не смог. Чудовище взвилось с ящика и медленно закружило по залу, с сухим шорохом взмахивая десятифутовыми крыльями и распространяя вокруг себя ужасающее зловоние. Вопли публики

на галерее, до смерти перепуганной близостью этих горящих глаз и огромного клюва, привели его в полное смятение. Оно всё быстрее и быстрее металось по залу, натыкаясь на стены и люстры, и, видимо, совсем обезумело от страха. „Окно! Ради всего святого, закройте окно!“ — кричал профессор, приплясывая от ужаса и ломая руки. Увы, он спохватился слишком поздно. Чудовище, бившееся о стены, словно огромная бабочка о колпак лампы, поравнялось с окном, протиснуло в него своё уродливое тело… и только мы его и видели. Профессор закрыл лицо руками и упал в кресло, а зал облегчённо охнул как один человек, убедившись, что опасность миновала.

И тут… Но разве можно описать, что происходило в зале, когда восторг сторонников и смятение недавних противников Челленджера слились воедино и мощная волна ликования прокатилась от задних рядов к оркестровой яме, захлестнула эстраду и подняла наших героев на своём гребне! (Молодец, Мак!) Если до сих пор аудитория была несправедлива к четырём отважным путешественникам, то теперь она постаралась искупить свою вину. Все вскочили с мест. Все двинулись к эстраде, крича, размахивая руками. Героев окружили плотным кольцом. „Качать их! Качать!“ — раздались сотни голосов. И вот четверо путешественников взлетели над толпой. Все их попытки высвободиться были тщетны! Да они при всём желании не могли бы опуститься наземь, так как люди стояли на эстраде сплошной стеной.

„На улицу! На улицу!“ — кричали кругом.

Толпа пришла в движение, и людской поток медленно двинулся к дверям, унося с собой четырёх героев. На улице началось нечто невообразимое. Там собралось не менее ста тысяч человек. Люди стояли плечом к плечу от „Ленгем-отеля“ до Оксфордской площади. Как только яркий свет фонарей у подъезда озарил четырёх

героев, плывущих над головами толпы, воздух дрогнул от приветственных криков. „Процессией по Риджент-стрит!“ — дружно требовали все. Запрудив улицу, шеренги двинулись вперёд, по Риджент-стрит, на Пэлл-Мэлл, Сент-Джеймс-стрит и Пиккадилли. Движение в центре Лондона приостановилось. Между демонстрантами, с одной стороны, полицией и шофёрами — с другой, произошёл ряд столкновений. Наконец уже после полуночи толпа отпустила четырёх путешественников, доставив их в Олбени, к дверям квартиры лорда Джона Рокстона, спела им на прощание „Наши славные ребята“ и завершила программу гимном. Так закончился этот вечер — один из самых замечательных вечеров, которые знал Лондон за многие годы».

Так писал мой друг Макдона, и, несмотря на цветистость его слога и пару сомнительных замечаний, ход событий изложен в этом отчёте довольно точно. Что же касается самой большой сенсации, то она поразила своей неожиданностью только публику, но не нас, участников экспедиции. Читатель, разумеется, не забыл моей встречи с лордом Джоном Рокстоном, когда он, напялив на себя нечто вроде кринолина, отправился добывать «цыплёночка» для профессора

Челленджера. Вспомните также намёки на те хлопоты, которые причинял нам багаж Челленджера при спуске с плато. Если бы я вздумал продолжить свой рассказ, то в нём было бы отведено немало места описанию возни с нашим не совсем симпатичным спутником, которого приходилось ублажать тухлой рыбой. Я умолчал о нём, ибо профессор Челленджер опасался, как бы слухи об этом неопровержимом аргументе не просочились в публику раньше той минуты, когда он воспользуется им, чтобы повергнуть в прах своих врагов.

Несколько слов о судьбе лондонского птеродактиля. Ничего определённого тут установить не удалось. Две перепуганные женщины утверждают, будто бы видели его на крыше Куинс-холла, где он восседал несколько часов подряд, подобно какой-то чудовищной статуе. На следующий день в вечерних газетах появилась короткая заметка следующего содержания: гвардеец Майлс, стоявший на часах у Мальборо-Хауса, покинул свой пост и был за это предан военному суду. На суде Майлс показал, что во время ночного дежурства он случайно посмотрел вверх и увидел чёрта, заслонившего от него луну, после чего бросил винтовку и пустился наутёк по Пэлл-Мэлл.

Показания подсудимого не были приняты во внимание, а между тем они могут находиться в прямой связи с интересующим нас вопросом.

Добавлю ещё одно свидетельство, почерпнутое мной из судового журнала парохода американо-голландской линии «Фрисланд». Там записано, что в девять часов утра следующего дня, когда Старт-Пойнт был в десяти милях от штирборта, над судном, держа путь на юго-запад, со страшной быстротой пронеслось нечто среднее между крылатым козлом и огромной летучей мышью. Если инстинкт правильно указал дорогу нашему птеродактилю, то не может быть сомнений, что он встретил свой конец где-нибудь в пучинах Атлантического океана.

А моя Глэдис? Глэдис, чьё имя было дано таинственному озеру, которое отныне будет называться Центральным, ибо теперь я уже не хочу даровать ей бессмертие. Не замечал ли я и раньше признаков чёрствости в натуре этой женщины? Не чувствовал ли, с гордостью повинуясь её велению, что немногого стоит та любовь, которая шлёт человека на верную смерть или заставляет его рисковать жизнью? Не боролся ли с вечно возвращавшейся ко мне мыслью, что в этой женщине прекрасен лишь облик, что душу

её омрачает тень себялюбия и непостоянства? Почему она так пленялась всем героическим? Не потому ли, что свершение благородного поступка могло отразиться и на ней без всяких усилий, без всяких жертв с её стороны? Или всё это пустые домыслы? Я был сам не свой все эти дни. Полученный удар отравил мою душу.

Но с тех пор прошла неделя, и за это время у нас был один очень важный разговор с лордом Джоном Рокстоном… Мне мало-помалу начинает казаться, что дела обстоят не так уж плохо.

Расскажу в нескольких словах, как всё произошло. В Саутгемптоне на моё имя не было ни письма, ни телеграммы, и, встревоженный этим, я в десять часов вечера того же дня уже стоял у дверей маленькой виллы в Стритеме. Может быть, её нет в живых? Давно ли мне грезились во сне раскрытые объятия, улыбающееся личико, горячие похвалы, без счёта расточаемые герою, рисковавшему жизнью по прихоти своей возлюбленной! Действительность швырнула меня с заоблачных высот на землю. Но мне будет достаточно одного её слова в объяснение, чтобы опять воспарить к облакам. И я опрометью бросился по садовой дорожке, постучал в дверь, услышал голос моей Глэдис, оттолкнул в сторону

оторопевшую служанку и влетел в гостиную. Она сидела на диванчике между роялем и высокой стоячей лампой. Я в три шага перебежал комнату и схватил обе её руки в свои.

— Глэдис! — крикнул я. — Глэдис!

Она удивлённо посмотрела на меня. Со времени нашей последней встречи в ней произошла какая-то неуловимая перемена. Холодный взгляд, твёрдо сжатые губы — всё это показалось мне новым. Глэдис высвободила свои руки.

— Что это значит? — спросила она.

— Глэдис! — крикнул я. — Что с вами? Вы же моя Глэдис, моя любимая крошка Глэдис Хангертон!

— Нет, — сказала она, — я Глэдис Потс. Разрешите представить вам моего мужа.

Какая нелепая штука жизнь! Я поймал себя на том, что машинально раскланиваюсь и пожимаю руку маленькому рыжеватому субъекту, удобно устроившемуся в глубоком кресле, которое некогда служило только мне. Мы кивали головой и с глупейшей улыбкой смотрели друг на друга.

— Папа разрешил нам пожить пока здесь. Наш дом ещё не готов, — пояснила Глэдис.

— Вот как! — сказал я.

— Разве вы не получили моего письма в Паре?

— Нет, никакого письма я не получал.

— Какая жалость! Тогда вам всё было бы ясно.

— Мне и так всё ясно, — пробормотал я.

— Я рассказывала о вас Уильяму, — продолжала Глэдис. — У нас нет тайн друг от друга. Мне очень жаль, что так вышло, но ваше чувство было, вероятно, не очень глубоко, если вы могли бросить меня здесь одну и уехать куда-то на край света. Вы на меня не дуетесь?

— Нет, что вы, что вы!.. Так я, пожалуй, пойду.

— А не выпить ли нам чаю? — предложил рыжеватый субъект и потом добавил доверительным тоном: — Вот так всегда бывает… А на что другое можно рассчитывать? Из двух соперников побеждает всегда один.

Он залился идиотским смехом, и я счёл за благо уйти.

Дверь гостиной уже закрылась за мной, как вдруг меня словно что-то подтолкнуло, и, повинуясь этому порыву, я вернулся к своему счастливому сопернику, который тотчас же бросил тревожный взгляд на электрический звонок.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, — сказал я.

— Что ж, если он в границах дозволенного…

— Как вы этого добились? Отыскали какой-

нибудь клад? Открыли полюс? Были корсаром? Перелетели через Ла-Манш? Что вы сделали? Где она, романтика? Как вам это удалось?

Он уставился на меня во все глаза. Его глуповато-добродушная, ничтожная физиономия выражала полное недоумение.

— Не кажется ли вам, что всё это носит чересчур личный характер? — проговорил он наконец.

— Хорошо. Ещё один вопрос, последний! — крикнул я. — Кто вы? Какая у вас профессия?

— Я работаю письмоводителем в нотариальной конторе Джонсона и Мервилля. Адрес: Ченсерилейн, дом сорок один.

— Всего хорошего! — крикнул я и, как подобает безутешному герою, исчез во мраке ночи, обуреваемый яростью, горем и… смехом.

Ещё одна короткая сцена — и повествование

моё будет закончено.

Вчера вечером мы все собрались у лорда Джона Рокстона и после ужина за сигарой долго вспоминали в дружеской беседе наши недавние приключения. Странно было видеть эти хорошо знакомые мне лица в такой непривычной обстановке. Вот сидит Челленджер — снисходительная улыбка по-прежнему играет на его губах, веки всё так же презрительно сощурены, борода топорщится, он выпячивает грудь, пыжится, поучая Саммерли. А тот попыхивает своей коротенькой трубочкой и трясёт козлиной бородкой, яростно оспаривая каждое слово Челленджера. И наконец, вот наш хозяин — худое лицо, холодный взгляд голубых, как лёд, орлиных глаз, в глубине которых всегда тлеет весёлый, лукавый огонёк. Такими все трое долго сохранятся у меня в памяти.

После ужина мы перешли в святая святых лорда Джона — в его кабинет, залитый розовым сиянием и увешанный бесчисленными трофеями, — и наш дальнейший разговор происходил там. Хозяин достал из шкафчика старую коробку из-под сигар и поставил её перед собой на стол.

— Пожалуй, мне давно следовало посвятить вас в это дело, — начал он, — но я хотел сначала выяс-

нить всё до конца. Стоит ли пробуждать надежды и потом убеждаться в их неосуществимости? Но сейчас перед нами факты. Вы, наверное, помните тот день, когда мы нашли логово птеродактилей в болоте? Так вот, я смотрел, смотрел на это болото и в конце концов призадумался. Я скажу вам, в чём дело, если вы сами ничего не заметили. Это была вулканическая воронка с синей глиной.

Оба профессора кивнули, подтверждая его слова.

— Такую же вулканическую воронку с синей глиной мне пришлось видеть только раз в жизни — на больших алмазных россыпях в Кимберли[26]. Вы понимаете? Алмазы не выходили у меня из головы. Я соорудил нечто вроде корзинки для защиты от этих зловонных гадов и, вооружившись лопаткой, недурно провёл время в их логове. Вот что я извлёк оттуда.

Он открыл сигарную коробку, перевернул её кверху дном и высыпал на стол около тридцати или более неотшлифованных алмазов величиной от боба до каштана.

---

[26] Notes: 26

Синяя или голубоватая глина, а вернее сказать, глиноподобная порода, о которой здесь идёт речь, представляет собой подвергшуюся химическому выветриванию вулканическую алмазоносную породу кимберлит (по названию города Кимберли в Южной Африке).

— Вы, пожалуй, скажете, что мне следовало сразу же поделиться с вами моим открытием. Не спорю. Но неопытный человек может здорово нарваться на этих камешках. Ведь их ценность зависит не столько от размера, сколько от консистенции и чистоты воды. Словом, я привёз их сюда, в первый же день отправился к Спинку и попросил его отшлифовать и оценить мне один камень.

Лорд Джон вынул из кармана небольшую коробочку из-под пилюль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.

— Вот результаты моих трудов, — сказал он. — Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделимся поровну. Ни на что другое я не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?

— Если вы действительно настаиваете на столь великодушном решении, — сказал профессор, — то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чём давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу всё своё время окончательной классификации моего со-

брания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу ещё разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны. Ведь вы женитесь?

— Да нет, пока не собираюсь, — ответил я со скорбной улыбкой. — Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединюсь к вам.

Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул мне свою крепкую, загорелую руку.

1912 г.

В ядовитом поясе
Глава первая
Линии расплываются

Нет, нужно немедля, со всеми подробностями, пока они ещё свежи в памяти, описать поразительные события, свидетелем которых мне довелось стать. И всё же, приступая к осуществлению своего замысла, не перестаю изумляться, что и это приключение выпало на долю именно нам — четвёрке из «Затерянного мира»: профессору Челленджеру, профессору Саммерли, лорду Джону Рокстону и мне.

Когда несколько лет назад я описывал в «Дейли газетт» наше знаменитое путешествие в Южную Америку, могло ли мне прийти в голову, что однажды я расскажу о приключении ещё более изумительном, которое затмит собою всё, что произошло доныне в истории человечества? Обстоятельства, при которых мы снова оказались вместе, сложились самым естественным образом. Постараюсь рассказать обо всём возможно короче и яснее, хотя и сознаю, что читатель был бы рад любой лишней подробности, поскольку

всеобщий интерес к случившемуся до сей поры не угас.

В пятницу, двадцать седьмого августа — дата, которая навсегда останется памятным днём в мировой истории, — я отправился в редакцию своей газеты и попросил мистера Макардла, который и по сей день ведёт у нас отдел хроники, дать мне трёхдневный отпуск. Славный шотландец лишь покачал головой и, задумчиво почесав пушистые остатки рыжеватых волос, в конце концов облёк свой отказ в такие слова:

— Видите ли, мистер Мелоун, как раз в ближайшие дни мы на вас рассчитываем. Понимаете, надо написать репортаж, и никто, кроме вас, не может сделать его как следует.

— Что ж, прошу извинить! — ответил я, изо всех сил стараясь скрыть своё разочарование. — Разумеется, если я вам нужен, вопрос полностью исчерпан. Но мне надо съездить по личному делу. И если можно как-нибудь обойтись без меня…

— Увы, никак нельзя.

Я расстроился, но делать было нечего. В конце концов, пенять не на кого — уж мне ли не знать, что журналист не вправе располагать собою и своим временем?

— В таком случае не смею настаивать! — от-

вечал я с натянутой улыбкой. — Что же вы мне поручаете?

— Я хочу, чтобы вы взяли интервью у этого дьявола из Ротерсфильда.

— Надеюсь, вы имеете в виду не профессора Челленджера? — воскликнул я.

— Разумеется, его! Кого же ещё? На прошлой неделе он схватил за шиворот и подтяжки молодого Алека Симпсона из «Курьера» и проволок беднягу с милю по шоссе. Надо полагать, вы читали об этом в полицейской хронике. Наши ребята предпочли бы, пожалуй, побеседовать с удравшим из зоопарка крокодилом. Один вы сможете навестить его в качестве давнишнего друга.

— Ну, — сказал я с облегчением, — ваше задание как нельзя более кстати. Я ведь, собственно, для того и просил у вас отпуск, чтобы навестить профессора Челленджера в Ротерсфильде. Близится третья годовщина нашего совместного приключения, и он пригласил нас, чтобы отпраздновать это событие.

— Вот и превосходно! — воскликнул Макардл, потирая руки, и глаза его просияли за стёклами очков. — Вы, стало быть, выведаете у него, что он думает на самом деле. Заяви такое не он, а кто другой, я бы счёл эти слова бредом сумасшед-

шего, но профессор… Как знать, может, он опять окажется прав.

— Что же выведать? — спросил я. — О чём вообще речь?

— Да разве вы не читали в сегодняшней «Таймс» его письма под заголовком «Возможности научного предвидения»?

— Нет.

Макардл нырнул под стол и поднял с пола газету.

— Прочтите вслух, — сказал он, указывая пальцем на столбец. — Не откажусь послушать ещё раз, а то не совсем уверен, всё ли я правильно понял.

Я принялся читать вслух, как он и просил:

ВОЗМОЖНОСТИ
НАУЧНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ.

Милостивый государь!

С любопытством, к которому, однако, примешивались некоторые менее лестные чувства, прочёл я недавно помещённое в Вашей газете самодовольное и нелепое письмо Джеймса Вильсона Мак-Фейля о расплывающихся фраунгоферовых линиях в спектрах планет и неподвижных звёзд. Автор статьи отмахивается от данного явления как от вздорной безделицы, а между тем более острый ум усматривает в нём обстоятельство чрезвычайной важности, поскольку не исключено, что расплывание этих линий несёт с собой гибель всему живому на нашей планете. Я не могу, разумеется, рассчитывать, что научные термины, прибегни я к ним, окажутся понятны безмозглым людям, которые имеют обыкновение черпать свои знания и суждения из газет. А потому постараюсь примениться к их узкому кругозору и

объяснить положение вещей наглядным примером, который, надеюсь, окажется доступным ограниченному пониманию Ваших читателей…

— Нет, он положительно невыносим! — воскликнул Макардл, качая головой. — Он разозлит даже цыплёнка и перессорит мирных прихожан, собравшихся на молебен. Теперь мне понятно, почему в Лондоне ему не нашлось места. А право, жаль, мистер Мелоун, потому что голова у него светлая. Ну-с, теперь перейдём к его объяснению.

Я продолжал:

Представим себе, что маленькая связка пробок медленно уносится течением Атлантического океана. День за днём, при неизменных обстоятельствах, пробки неспешно плывут всё дальше. Будь пробки мыслящими существами, они, скорее всего, полагали бы, что такое положение вещей вечно и неизменно. Мы же, наделённые значительно большим разумом, знаем, что может случиться многое, чего пробки не ожидают. Так, они могут наскочить, например, на спящего кита,

запутаться в водорослях. В конце концов их путешествие окончится тем, что их выбросит на скалистый берег Лабрадора. Но всего этого они не предвидят, день за днём мирно плывя по волнам беспредельного и, по их мнению, неизменного океана.

Ваши читатели, быть может, уже догадались, что в своём иносказании под «океаном» я разумею бесконечный эфир, через который мы мчимся в космическом пространстве, а кучка связанных пробок представляет собой крошечную планетную систему, к которой мы принадлежим. Светило третьей степени с кучкой незначительных спутников – мы несёмся при неизменных с виду обстоятельствах навстречу неведомому концу, навстречу ужасной катастрофе, подстерегающей нас на краю Вселенной, где мы низвергнемся в какую-нибудь эфирную Ниагару или разобьёмся о какой-либо незримый Лабрадор. Я ничуть не разделяю поверхностного и невежественного оптимизма Вашего корреспондента м-ра Джеймса Вильсона Мак-Фейля и нахо-

жу много причин, почему мы должны скрупулёзно следить за малейшими изменениями нашей космической среды. Ведь эти изменения могут означать нашу общую гибель.

— М-да, из него вышел бы маститый проповедник! — заметил Макардл. — Его речь звучит как орган. Посмотрим же, чем он обеспокоен.

Если в спектре расплываются и исчезают фраунгоферовы линии, то это указывает, по моему мнению, на широкое космическое изменение весьма своеобразного характера. Свет планет является отражённым светом Солнца. Свет неподвижных звёзд, напротив, излучается ими самими. В настоящее же время одно и то же изменение наблюдается как в спектре планет, так и в спектре неподвижных звёзд. Можно ли видеть причину этого явления в самих планетах и неподвижных звёздах? Я считаю это недопустимым. Какому же общему изменению они могли бы одновременно подвергнуться? И не кроется ли причина этого изменения в земной атмосфере? Возможно, но

крайне неправдоподобно, ибо у нас нет на это явных указаний, а химический анализ не дал никаких результатов. Какая же существует третья возможность? Я считаю – и это единственно верная точка зрения, – что изменение таится в проводящей среде, в том бесконечно тонком эфире, который заполняет собой пространство между звёздами и окутывает весь мир. В глубине этого океана нас несёт медленное течение. И разве трудно допустить, что это течение влечёт нас в такие эфирные пояса, которые новы для нас и обладают совершенно неизвестными нам свойствами? Очевидно, в эфире что-то переменилось. Это доказывает космическое изменение спектра.

Указанное изменение может быть для нас благоприятным, но может также таить опасности или, наконец, оказаться для нас безразличным. Словом, нам пока что ничего не известно. Скудоумные наблюдатели могут от всего этого отмахиваться как от вздорного пустяка; но всякий, кто, подобно мне, наделён куда более острым умом подлинно фи-

лософского склада, без труда поймёт, что скрытые во Вселенной возможности безграничны и что всех мудрее тот, кто всегда готов к непредвиденному. Вот наглядный пример: кто может доказать, что таинственная и всеобщая эпидемия, вспыхнувшая среди туземных племён Суматры, – о ней сообщила сегодня утром Ваша же газета – не стоит в какой-нибудь связи с предполагаемым мною космическим изменением, на которое именно эти народы, быть может, реагируют быстрее, чем европейцы? Я ставлю этот вопрос, на который нельзя пока ответить ни «да» ни «нет». Тем не менее тот, кто не в состоянии понять, что высказанные мною мысли пребывают в границах научного предвидения, будет поистине круглым дураком.

С совершенным почтением, Джордж Эдвард Челленджер, Ротерсфильд.

— М-да, а письмо таки даёт серьёзную пищу для размышлений! — задумчиво проговорил Макардл, вставляя сигарету в длинную стеклянную трубку, служившую ему мундштуком. — А вы как

считаете, мистер Мелоун?

Я вынужден был признаться в своём позорном невежестве: предмет спора оказался мне совсем незнаком. Что такое, прежде всего, фраунгоферовы линии?

Макардл, сам лишь недавно просвещённый в данном вопросе редактором нашего научного отдела, достал из письменного стола две многоцветные спектральные ленты, весьма похожие на те, какими украшают свои кепи некоторые молодые и честолюбивые члены крикетных клубов. Макардл показал мне чёрные линии, которые пересекли собой ряд ярких цветов, тянувшихся от красного через оранжевый, жёлтый, зелёный и другие к фиолетовому.

— Вот эти тёмные полоски и называются фраунгоферовыми линиями, — сказал он. — Все цвета вместе составляют белый свет. Свет, преломляясь в призме, даёт эти же самые цвета. Но дело не в цветах. Решающее значение имеют линии, потому что они меняются в зависимости от тела, излучающего свет. Эти-то линии, обычно совершенно отчётливые, за последнюю неделю расплылись и помутнели, и астрономы не могут столковаться между собой о причине столь странного явления. Вот и фотография этих

расплывшихся линий, которая появится в нашем завтрашнем номере. Публика до сей поры этим не интересовалась, но теперь, под влиянием письма Челленджера в «Таймс», она, думаю, всполошится.

— А при чём тут Суматра?

— Да, в самом деле, от расплывающихся в спектре линий до больных туземцев на Суматре «дистанция огромного размера». Но Челленджер уже не раз доказал, что знает, о чём говорит. А кроме того, согласно только что полученной из Сингапура телеграмме, на берегах Зондского пролива внезапно погасли маяки, вследствие чего два парохода сели на мель. Во всяком случае, у вас достаточно материала для беседы с Челленджером. И если вы у него и впрямь что-нибудь разузнаете, черкните нам матерьяльчик для понедельничного номера.

Выходя из кабинета редактора, я обдумывал, как приступить к делу; вдруг внизу, в приёмной, громко выкрикнули моё имя. Посыльный принёс мне телеграмму, которая пришла на адрес моей квартиры в Стритгеме. Телеграмма была от человека, о котором мы с Макардлом только что говорили.

СТРИТГЕМ, ХИЛЛ-СТРИТ, 17, МЕЛОУНУ. ПРИВЕЗИТЕ КИСЛОРОД.

«Привезите кислород» — ничего себе! Тут я вспомнил, что профессор — как бы это сказать? — отличается слоновьим чувством юмора, из-за чего порой изумляет неуклюжими и топорными остротами. Не было ли это требование очередной тяжеловесной шуткой, которые вызывают у Челленджера припадок буйного веселья? В такие минуты глаза его совершенно исчезают и он становится сплошной разинутой пастью и трясущейся бородой; и его ничуть не смущает, что никто больше не смеётся. Я несколько раз перечитал телеграмму и не нашёл в ней ничего, что указывало бы на её шуточный характер, и потому решил, что это серьёзное поручение, хотя и весьма странное. Но я не собирался игнорировать распоряжения профессора — это было бы в высшей степени неблагоразумно. Возможно, он готовился ставить химический опыт, а может… Ну да что гадать! Не моё дело размышлять о том, для чего ему понадобился кислород. Я просто обязан добыть его. До отхода поезда в моём распоряжении оставалось около часа. Поэтому, не теряя времени, я взял таксомотор и, узнав предварительно из телефонного справочника адрес кислородного завода на Оксфорд-стрит, поехал

в его контору.

Когда я остановился у ворот конторы, навстречу мне вышли двое рабочих, тащивших металлический баллон, который они с трудом взгромоздили на поджидавший автомобиль. За их работой неотступно следил пожилой господин, визгливым голосом распекавший их на все лады. Он повернулся ко мне. Ошибиться, глядя на это постное лицо и козлиную бородку, было невозможно: передо мной стоял мой старый знакомый — ворчун и неугомонный спорщик профессор Саммерли.

— Как?! — вскричал он. — Неужели и вам он дал дурацкий наказ привезти кислород?

Я показал телеграмму.

— Ну и ну! Я ведь получил такую же и, как видите, вопреки здравому смыслу, исполняю поручение. Наш милый приятель, как всегда, невыносим. Не мог же, в самом деле, ему так безотлагательно понадобиться кислород, чтобы пренебрегать обычными способами покупки и бесцеремонно отнимать время у тех, кто занят куда больше его самого! Почему он не заказал его прямо на заводе?

Я робко предположил, что профессору, вероятно, кислород очень необходим.

— А может, он только воображает, что необходим, а это — заметьте! — не одно и то же. Зато вам теперь не нужно покупать его: я и так везу изрядный запас.

— Однако Челленджер по каким-то причинам, видно, желает, чтобы я тоже привёз кислород. Лучше уж в точности выполнить его просьбу.

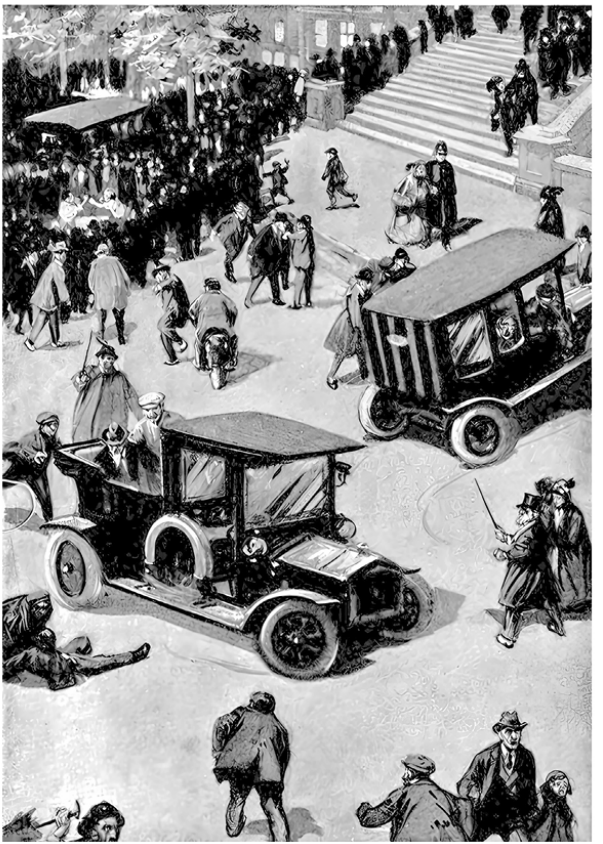
Не обращая внимания на ворчливые возражения профессора, я купил ещё один баллон, который тоже погрузили на автомобиль, так как Саммерли предложил подвезти меня на вокзал Виктория.

Я пошёл к моему такси, чтобы расплатиться с шофёром, заломившим несуразно высокую цену. Когда я вернулся к Саммерли, тот уже яростно ругался с обоими грузчиками, и его седая бородка тряслась от возмущения. Мне помнится, что один из рабочих обозвал его старым безмозглым облезшим попугаем, и тогда профессорский шофёр выскочил из машины, дабы вступиться за честь хозяина, и мне с большим трудом удалось предупредить уличную драку.

Все эти мелкие происшествия могут показаться слишком незначительными, чтобы так подробно на них останавливаться, и тогда я тоже не придал им значения. И лишь сейчас, оглядываясь назад,

я понимаю их связь с событием, о котором собираюсь рассказать.

Шофёр, вероятно, был новичком, или стычка с рабочими вконец его расстроила, только он пустил машину с бешеной скоростью. Дважды по дороге к вокзалу мы едва не столкнулись с такими же бешено мчавшимися автомобилями; помню, что я жаловался Саммерли на легкомыслие лондонских водителей. Один раз мы чуть было не врезались в толпу людей, глазевших на драку на углу Пэлл-Мэлл. И без того возбуждённые люди дико завопили на нашего горе-шофёра, а какой-то господин, вскочив на подножку, замахнулся на нас тростью. Я оттолкнул его, и мы были просто счастливы, когда избавились от преследователей и убрались подобру-поздорову. Все эти бесконечные неприятности привели меня в величайшее раздражение, да и терпение моих спутников, как я видел, также было на исходе.



Но когда мы увидели маячившую на перроне высокую фигуру лорда Джона Рокстона, облачённую в его излюбленный светло-жёлтый охотничий костюм, к нам вернулось доброе расположение духа. Выразительное лицо нашего друга озарилось радостью при нашем появлении. Он совсем не изменился: тот же проницательный и добродушно-насмешливый взгляд; правда, в его рыжих волосах уже пробивалась седина и морщины на лице углубились, но в остальном он показался мне прежним Джоном Рокстоном, добрым товарищем прошлых дней.

— Здравствуйте, господин профессор! Здравствуйте, здравствуйте, мой юный друг! — воскликал он, идя навстречу.

Увидев баллоны с кислородом, которые выгружали носильщики, он расхохотался:

— Ага, и у вас тот же багаж! Мой уже в вагоне. Что это нашему старику взбрело в голову?

— Читали вы его письмо в «Таймс»? — спросил я.

— Какое письмо?

— Невероятная чушь! — мрачно проскрипел Саммерли.

— Я почти уверен, оно связано с кислородной затеей! — заметил я.

— Полнейший вздор! — снова крикнул Саммерли с излишней, как мне показалось, горячностью.

Мы разместились в купе первого класса для курящих, и профессор уже закурил свою старую обгорелую трубку из корня шиповника, которая словно была готова опалить ему кончик длинного задиристого носа.

— Наш друг Челленджер — человек умный, спору нет, — заговорил Саммерли с большим напором. — Взгляните хотя бы на величину его шляпы. Ведь она прикрывает мозг весом в шестьдесят унций — это мощная машина, ровно и чисто работающая. Покажите мне машинное здание — и я определю вам размеры самой машины. Но он, увы, прирождённый шарлатан. Вы уже слышали, как я однажды сказал ему это прямо в глаза. Прирождённый шарлатан и фигляр, доложу я вам, который с театральным жестом выскакивает к рампе. Наш приятель Челленджер считает нужным привлечь к своей особе всеобщее внимание. Не думаете же вы, будто он в самом деле верит в чепуху насчёт изменений в эфире и угрозы роду человеческому? Басня, глупее которой ничего не придумаешь!

Саммерли сидел нахохлившись, как старый

седой ворон, и, чудилось, не смеялся, а каркал, трясясь от саркастического хохота.

Я негодовал, слушая Саммерли. Стыд и срам говорить так о человеке, которому мы были обязаны своей славой и благодаря которому мы, единственные на земле, побывали в затерянном мире. Я уже открыл рот для гневной отповеди, но лорд Джон опередил меня.

— У вас просто на него зуб, — сказал он строго. — Вы однажды схватились со стариком Челленджером, и он в десять секунд уложил вас на обе лопатки. По-моему, профессор Саммерли, вам с ним не тягаться. Мой вам совет: ходите сторонкой и не задирайте его.

— Кроме того, — добавил я, — он каждому из нас был верным другом. При всех его недостатках, он — откровенный и прямой человек и, я уверен, никогда не стал бы плохо отзываться о своих товарищах у них за спиной.

— Хорошо сказано, мой мальчик! — воскликнул лорд Джон. Затем, приветливо улыбаясь, он похлопал по плечу профессора Саммерли. — Ну, не будем ссориться, господин профессор. Мы ведь столько пережили вместе. Но не задевайте Челленджера, потому что и я, и молодой человек питаем слабость к старику.

Однако Саммерли не хотел пойти на мировую. Лицо его было холодно как лёд, и он сердито пыхтел трубкой.

— Что касается вас, лорд Рокстон, — прокаркал он, — то вашему мнению в научных вопросах я придаю ровно столько же значения, сколько вы придали б моей оценке, скажем, нового охотничьего ружья. У меня есть своё собственное мнение, сэр, которое я сумею отстоять. Неужели же из-за ошибки, которую я когда-то допустил, я обязан теперь принимать на веру всё — даже очевидную чушь, если ею пожелает потчевать нас этот человек?! Уж не нужен ли нам в науке особый папа, чьи непогрешимые выводы ex cathedra должны приниматься без возражений его бедной смиренной паствой? Заявляю вам, сэр, у меня у самого есть голова на плечах, и я считал бы себя рохлей, если б не шевелил собственными мозгами! Если вам угодно верить во фраунгоферовы линии спектра и в то, что они расплываются в эфире, — ради бога, но не требуйте, чтобы человек старше и опытнее вас тоже стал сумасбродом. Разве не очевидно, что если б эфир изменился, как утверждает ваш Челленджер, то это гибельно отразилось бы на здоровье людей, и, кстати, на нас с вами. — Сказав это, Саммерли

разразился безудержным смехом в восторге от собственного довода. — Да, сэр, будь оно так, мы не сидели бы сейчас в этом вагоне, мирно обсуждая научные проблемы, а страдали бы от явных симптомов отравления. А в чём, скажите на милость, усматриваете вы признаки грозного космического возмущения? Ответьте мне, сэр! Нет-нет, не увиливайте! Я настаиваю на ответе! Ага, вам нечего сказать!

Меня прямо зло взяло. Я считал поведение Саммерли заносчивым и вызывающим.

— Думаю, будь вы лучше осведомлены, то стали бы сдержаннее в своих оценках.

Саммерли вынул изо рта трубку и устремил на меня надменный взгляд:

— Простите, сэр, что вы хотели сказать своим дерзким замечанием?

— Могу объяснить: когда я уходил из редакции, мне в отделе «Последних новостей» показали телеграмму, которая сообщала, что на Суматре туземцы поголовно заболели какой-то странной болезнью и что в Зондском проливе погасли маяки.

— Нет, должен же быть предел человеческой глупости! — в бешенстве вскричал Саммерли. — Неужто вы не в состоянии понять, что эфир,

прими мы даже на мгновение абсурдную теорию Челленджера, есть мировое вещество, а потому его состав должен быть здесь точно таким же, как и на другом конце земли? Уж не думаете ли вы, что в Англии один эфир, а на Суматре — другой? Чего доброго, вы ещё скажете, что в графстве Кент эфир лучшего качества, чем в Суррее, где мы сейчас проезжаем? Воистину легковерию профанов нет границ! Мыслимое ли дело: на Суматре этот эфир так губителен, что всё население лежит в лёжку, в то время как здесь он, по-видимому, не оказывает на нас ни малейшего действия. Лично я, смею вас уверить, ещё никогда не чувствовал себя физически лучше и умственно уравновешеннее, чем сейчас.

— Может быть! Ведь я и не выдаю себя за учёного, — возразил я, — хотя мне часто доводилось слышать, что научные доводы, бесспорные для одного поколения, следующее, как правило, объявляет ложными. Не нужно, однако, большого ума, чтобы понять одну простую вещь: мы слишком мало знаем об эфире и не исключено, что в различных частях света он подвергается местным влияниям, поэтому то воздействие, которое проявляется сейчас где-нибудь в отдалённом уголке земли, несколько позднее скажется и у нас.

— Вашими «может быть» вы ничего не доказываете! — яростно завопил Саммерли. — Так могут и свиньи летать. Да, сэр, «могут» и «могли бы», но не летают. Вижу, мне с вами спорить не приходится. Челленджер забил вам голову всякой чепухой, и теперь вы оба не способны здраво рассуждать. Я могу с таким же успехом выкладывать свои доводы и перед пустым купе.

— Должен откровенно сказать, профессор Саммерли, что с той поры, как я имел удовольствие видеть вас в последний раз, ваши манеры нисколько не изменились к лучшему, — строго заметил лорд Джон.

— А вы, титулованные особы, не привыкли выслушивать правду! — горько улыбаясь, ответил Саммерли. — Наверное, не особенно приятно, когда указывают, что высокий титул не мешает быть круглым невеждой.

— Честное слово, — сказал лорд Джон сдержанно и сухо, — будь вы моложе, я бы не позволил вам говорить со мною таким тоном.

Саммерли вскинул голову и затряс козлиной бородкой:

— Не откажите принять к сведению, сэр, что в старости, как и в молодости, я не колебался высказать своё мнение невежественному ин-

дюку. Да, сэр, невежественному индюку! И этой привычке я не изменю, хотя бы вы имели все титулы, которые способны изобрести рабы и присвоить ослы!

Глаза лорда Джона на мгновение вспыхнули, но героическим усилием он сдержал себя и, скрестив на груди руки, откинулся на спинку сиденья. Мне стало и тягостно, и больно. Волной нахлынули воспоминания о нашем добром товариществе, о временах счастливых приключений, о наших страданиях и победах. И вот чем всё кончается: дело дошло до брани и оскорблений. Я вдруг расплакался, громко и безудержно, не в силах сдержать рыдания. Мои спутники смотрели на меня с удивлением. Я закрыл лицо руками.

— Ничего! — проговорил я сквозь слёзы. — Но только… только мне так обидно!

— Вы больны, друг мой, вот в чём всё дело! — сказал лорд Джон. — Мне с самого первого взгляда показалось, что вы не в себе.

— Да, сэр, за прошедшие три года вы нисколько не потрудились избавиться от своей скверной привычки, — заявил Саммерли. — От меня тоже не ускользнуло при встрече, что вы держите себя довольно странно. Напрасно вы расточаете своё сочувствие, лорд Джон: происхождение этих слёз

чисто алкогольное. Сей джентльмен изрядно выпил. Кстати, лорд Джон, я только что назвал вас невежественным индюком, что, пожалуй, было чересчур крепко сказано. Это замечание мне, однако, напомнило об одном из моих скромных дарований, которым я раньше владел, — обыденном, но забавном. Вы меня знаете только как серьёзного учёного. А поверите ли, я ведь когда-то слыл за прекрасного звукоподражателя. Могу вас развлечь. Не позабавило бы вас, например, если бы я запел петухом?

— Нет, сэр! — сказал лорд Джон, ещё не простивший оскорблений. — Это бы не позабавило меня.

— Могу изобразить вам кудахтанье наседки, снёсшей яйцо, — это всегда вызывало бурный восторг. Хотите?

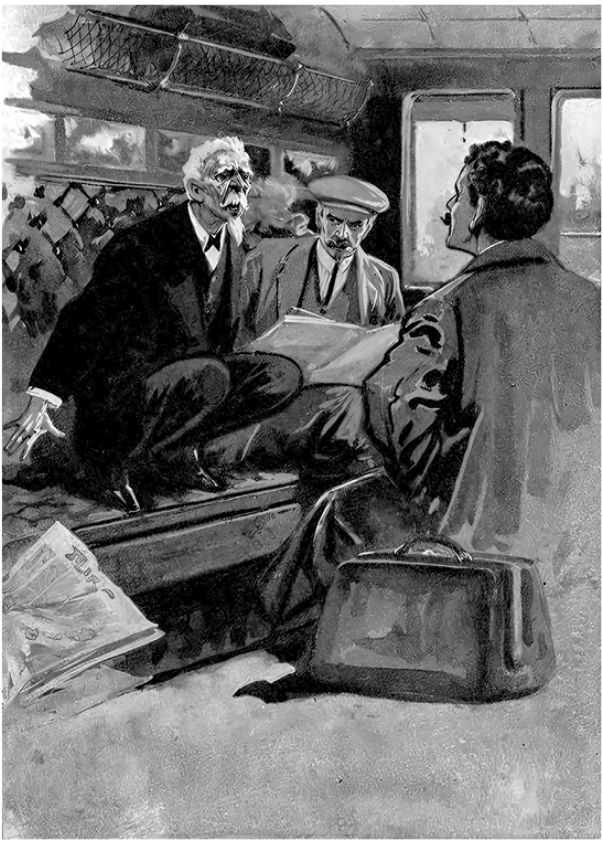
— Нет, сэр, я решительно возражаю.

Однако, не вняв такому серьёзному отказу, профессор Саммерли отложил в сторону трубку и до конца путешествия развлекал нас — или, вернее, пробовал развлечь — подражанием целому хору птичьих и звериных голосов. Это было до того нелепо, что мои слёзы вдруг сменились истерическим хохотом. Я сидел против важного профессора и… и видел или, точнее, слышал то обозлившегося петуха, то щенка, которому при-

щемили хвост.

Лорд Джон протянул мне газету, на полях которой написал карандашом: «Бедняга! Он просто спятил!» Конечно, профессор вёл себя как большой чудак, но его представление весьма меня позабавило.

В то же время лорд Джон, наклонившись ко мне, рассказывал какую-то крайне бессвязную историю про индийского раджу и буйвола, в которой я не мог уловить ни начала, ни конца. Профессор Саммерли только что принялся щебетать канарейкой, а лорд Джон достиг, казалось, кульминационной точки своего повествования, когда поезд остановился в Джарвис-Бруке — станции нашего назначения.



Челленджер ожидал нас на платформе. Вид у него был самый что ни на есть величественный. Все индюки на свете не могли бы шагать столь медлительно и гордо, как он, когда шествовал нам навстречу, благосклонно и снисходительно взирая на проходящих мимо. Он не изменился, разве что его характерные черты выступили ещё резче. Мощная голова с выпуклым лбом и свисающей на глаза чёрной прядью волос казалась громаднее прежнего. Чёрная борода величаво ниспадала на грудь, а выражение светлых серых глаз, с насмешливым, высокомерным прищуром, стало ещё более повелительным и властным.

Он благодушно пожал мне руку и поощрительно улыбнулся, словно учитель при виде своего ученика-мальчугана.

Поздоровавшись с другими, Челленджер помог нам вынести багаж и баллоны с кислородом, запихал всех и вся в свой большой автомобиль, шофёром в котором был наш давнишний знакомец — молчаливый Остин, свободный, по-видимому, от всяких чувств. При моём первом и весьма памятном посещении он исполнял у Челленджера должность дворецкого.

Наша дорога шла вверх по отлогому склону холма в красивой сельской местности. Я сидел

впереди, рядом с шофёром, а разместившиеся за мной три моих спутника говорили, как мне казалось, все разом. Лорд Джон всё ещё не развязался со своей историей о буйволе, а в промежутках, перебивая друг друга, гремел густой бас Челленджера и скрипел нудный голос Саммерли. Оба они затеяли какой-то высокий научный спор. Вдруг Остин, не отводя глаз от руля, повернул ко мне своё смуглое лицо.

— Я уволен! — сказал он.

— Неужели?! — воскликнул я.

В этот день мне всё представлялось необычайным. Люди говорили самые неожиданные вещи. Всё было точно во сне.

— В сорок седьмой раз! — добавил Остин, подумав.

— Когда же вы уйдёте? — спросил я, не найдя сказать ничего лучшего.

— Я не уйду! — прозвучало в ответ.

Разговор, казалось, на этом и кончился, но через некоторое время Остин снова вернулся к нему.

— Если я уйду, кто же будет смотреть за ним? — Он кивнул при этом в сторону хозяина. — Кто захочет у него служить?

— Ну, захочет кто-нибудь, — сказал я неуверенно.

— Другого ему не найти! Больше недели никто не протянет. С моим уходом крышка всему дому, как часам с лопнувшей пружиной. Я потому вам это говорю, что вы ему друг и должны это знать. Я мог бы поймать его на слове… Но у меня не хватит духу. Они с хозяйкой останутся словно двое младенцев, подкинутых на чужой порог. Всё в доме держится на мне, а вот, не угодно ли, он меня увольняет!

— Почему с ним никто не уживается? — спросил я.

— Потому что не все так рассудительны, как я. Хозяин мой — очень умный человек, такой умный, что подчас у него ум за разум заходит. Я тогда понимаю, что он сошёл с катушек, и не обижаюсь зря. Послушайте, что сделал он сегодня утром…

— Что же?

Остин наклонился ко мне и прошептал:

— Укусил экономку.

— У-ку-сил?..

— Да, сэр, за ногу. Я собственными глазами видел, как она пулей вылетела из дому.

— Боже милостивый!

— Это ещё что! Знали б вы, что у нас тут творится, сэр! Со всеми соседями он не в ладах. Тут иные говорят, что как он жил среди чудовищ, о

которых вы писали, так это для него — для хозяина, значит, — и есть самая подходящая компания. Вот как соседи говорят. Но я-то прослужил у него уже десять лет, я к нему привязался, и, заметьте, он как-никак великий человек: я почитаю за честь служить у него. Но подчас с ним нужно большое терпение. Посмотрите-ка, сэр, вот хоть на это. Навряд ли такое можно назвать добрым английским гостеприимством, а? Сейчас вы разом прочтёте.

Машина сворачивала по крутому подъёму, и за поворотом показался прочный глухой забор, над которым я увидел доску с объявлением. Прочесть, как и предупреждал Остин, было нетрудно, надпись сама бросалась в глаза:

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Любопытным бездельникам, журналистам и попрошайкам лучше держаться подальше!

Дж. Эд. Челленджер

— Да, никакого, что называется, радушия! — сказал Остин, качая головой, и покосился на прискорбный плакат. — Как бы это выглядело на рождественской открытке? Прошу прощения,

сэр, я уже давно так много не говорил, но сдержать себя был просто не в силах. Что-то на меня нашло. Пусть он гонит меня, пусть ругает, пока не отсохнет язык, а я от него не уйду, и всё тут! Я его слуга, он мой хозяин, пусть так оно и останется до конца моей жизни.

Мы въехали в белые ворота и покатили по широкой аллее, обсаженной кустами рододендрона. В конце аллеи мы увидели низкое кирпичное здание, с белыми дверями и рамами, красивое и уютное на вид. Миссис Челленджер, маленькая хрупкая женщина, улыбаясь, стояла в открытых дверях и приветствовала нас.

— Ну, моя дорогая, — сказал Челленджер, соскакивая с подножки, — вот и наши гости. Для нас это ново — принимать гостей, не так ли? Соседи с нами не в большой дружбе. Дать им волю — они бы, думаю, подсыпали крысиного яда нам в булки.

— Это ужасно, прямо-таки ужасно! — воскликнула полусмеясь-полуплача его супруга. — Джордж вечно с кем-нибудь ссорится. У нас во всей округе нет ни единого доброго знакомого.

— Именно потому я и могу посвятить всё своё внимание моей любимой жёнушке! — сказал Челленджер, обхватывая короткой толстой ру-

кой её тонкую талию. Представьте себе гориллу рядом с газелью — и вы получите понятие об этой супружеской чете. — Идём скорее, гости устали с дороги, и завтрак сейчас очень кстати. Сара уже вернулась? — многозначительно спросил он.

Супруга удручённо покачала головой, а профессор громко рассмеялся и величественно погладил бороду.

— Остин! — крикнул он. — Когда поставите машину в гараж, помогите-ка хозяйке накрыть на стол! А сейчас, господа, пройдём ко мне в кабинет, так как я безотлагательно хочу сделать вам весьма важное сообщение.

Глава вторая
Прилив смерти

Когда мы проходили через гостиную, раздался телефонный звонок, и нам поневоле пришлось услышать реплики Челленджера в последовавшем разговоре. Говорю «нам», но уверен, что его громовой бас, сотрясавший весь дом, раздавался на сто метров вокруг. Ответы профессора врезались мне в память.

— Да, да… разумеется, это я… Да, конечно… профессор Челленджер, знаменитый профес-

сор, разумеется, а то кто же?.. Конечно, каждое слово, иначе я не написал бы его… Не удивлюсь нисколько, все признаки налицо… Разумеется… Не позднее как через день… Да… Ничем не могу помочь… Конечно, очень неприятно, но это, полагаю, коснётся людей и поважнее вас… Плачь не плачь — конец один… Придётся вам примириться с судьбой. Нет, не могу… Довольно, сэр!.. Чепуха!.. Вешаю трубку! У меня нет времени слушать вашу болтовню! Меня ждут дела поважнее…

Он швырнул трубку и повёл нас по лестнице в свой просторный и светлый кабинет. На большом письменном столе красного дерева лежало семь или восемь нераспечатанных телеграмм.

— Право, — сказал он, сгребая их, — я начинаю подумывать, не обзавестись ли мне телеграфным адресом, чтобы сберечь деньги моих корреспондентов. Мне кажется, такой адрес, как «Ротерсфильд, Ною», вполне подошёл бы! — И, прислонившись к письменному столу, Челленджер, как всегда с ним случалось при его непонятных шутках, затрясся от хохота.

— Ною, ха-ха! Ной! — мычал он и корчил при этом зверскую рожу.

Он всё трясся, и из-за этого ему никак не удавалось распечатать конверт. Мы с лордом Джоном

обменялись многозначительными сочувственными улыбками, а Саммерли неодобрительно качал головой с видом страдающей от колик козы. Наконец, продолжая мычать и гудеть, Челленджер приступил к чтению телеграмм, а мы залюбовались великолепным видом, открывавшимся из высоких сводчатых окон.

Картина поистине была дивная. Мы находились, как потом узнали, на высоте семисот футов над уровнем моря. Дом Челленджера стоял на крайнем выступе холма, и с южной стороны, где как раз располагался кабинет, открывался широкий ландшафт с мягкими, волнистыми очертаниями холмов Южного Даунса на горизонте. Столб дыма, поднимавшийся из впадины между горами, указывал на местоположение Льюиса. А прямо под нашими ногами лежала цветущая долина с просторными зелёными площадками гольф-клуба Кроуборо, на которых толпились игроки. Немного дальше к югу мы видели через лесную просеку часть железнодорожной линии, ведущей из Лондона в Брайтон, а под нами, в непосредственной близости, находился огороженный забором дворик, где стоял доставивший нас с вокзала автомобиль.

Возглас Челленджера заставил всех обернуться.

Он прочитал телеграммы и аккуратной стопкой сложил их на столе. Его широкое, грубо высеченное лицо или, вернее сказать, та его незначительная часть, что ещё виднелась из-под дико растущей бороды, покраснела, — несомненно, он был в сильном возбуждении.

— Джентльмены, — начал он громко, словно обращаясь к многолюдному собранию, — у нас с вами поистине знаменательная встреча. Происходит она при совершенно необычайных, я бы даже сказал, беспримерных обстоятельствах. Позвольте спросить, вы не заметили ничего особенного, пока ехали из города?

— Я только одно заметил, — сказал Саммерли с кислой усмешкой, — что наш юный друг за истёкшие три года нисколько не излечился от скверной привычки злоупотреблять спиртным. Я должен с прискорбием засвидетельствовать, что у меня имелись серьёзные основания быть недовольным его поведением, а потому не стану лгать, что он произвёл на меня благоприятное впечатление.

— Ничего, с кем не бывает, — заметил лорд Джон. — Молодой человек надоедал, конечно, не со зла. В конце концов, он участник международных состязаний, и если полчаса и донимал

нас описанием футбольного матча, то это вполне объяснимо.

— Я полчаса донимал вас описанием матча?! — воскликнул я в недоумении. — Да ничего подобного! Вот вы и вправду полчаса рассказывали мне какую-то бесконечную историю про буйвола. Профессор Саммерли может подтвердить.

— Затрудняюсь сказать, кто из вас двоих был назойливее, — отозвался Саммерли. — Знаете, Челленджер, с этого дня я всегда буду затыкать уши, чуть только при мне заговорят про буйволов или про футбол.

— Да ведь я сегодня и слова не сказал о футболе! — негодовал я.

Лорд Джон присвистнул, а Саммерли удручённо покачал головой.

— Да ещё в такой ранний час! — продолжал он. — Это в самом деле хоть кого могло вывести из себя. В то время как я сидел в задумчивом безмолвии…

— В безмолвии?! — воскликнул лорд Джон. — Да вы всю дорогу давали нам представление в стиле варьете, подражая звериным голосам, и были скорее похожи не на человека, а на взбесившийся граммофон.

Саммерли выпрямился, задетый за живое:

— Шутить изволите, лорд Джон! — Физиономия его стала кислой как уксус.

— Но чёрт побери, это уже граничит с помешательством! — воскликнул лорд. — Каждый из нас в точности знает, что делали другие, и никто не может вспомнить, что вытворял он сам. Давайте восстановим всё как было с самого начала. Мы сели в вагон первого класса для курящих, не так ли? Затем начался спор по поводу письма в «Таймс» нашего друга Челленджера.

— Вот как, вы из-за него спорили? — грозно пророкотал наш хозяин, и глаза его сузились.

— Вы, Саммерли, сказали, что во всей этой истории нет ни слова правды.

— Ого! — рявкнул профессор Челленджер, выпятив грудь, и погладил бороду. — Ни слова правды? Помнится, я уже слышал однажды такую фразу. Могу ли я осведомиться, какими, собственно, доводами высокочтимый профессор Саммерли опроверг утверждения жалкого невежды, дерзнувшего высказать своё мнение о научных возможностях? Быть может, наипочтеннейший профессор снизойдёт до того, чтобы привести некоторые аргументы в защиту противоположного мнения, выдвинутого им самим?

Произнося эту речь, Челленджер со слоновьим

сарказмом отвешивал поклоны, дёргал плечом, разводил руками.

— Довод весьма простой, — ответил упрямец Саммерли. — Если окружающий землю эфир, утверждал я, так ядовит, что на иных широтах оказывает губительное влияние, то представляется несообразным, почему же мы трое, сидя в вагоне, не испытывали на себе его действия?

Это заявление необычайно развеселило Челленджера. Он хохотал, не в силах остановиться, так что вся комната, казалось, начала дрожать и греметь.

— Наш многочтимый Саммерли не вполне, по-видимому, уразумел создавшееся положение, что, впрочем, случается с ним не впервые, — сказал он наконец, отирая взмокший лоб. — Теперь, джентльмены, вместо всяких доказательств я лучше просто изложу вам, как я себя вёл нынче утром. Вам легче будет разобраться во всех ваших умственных аберрациях, о которых вы рассказываете, когда вы узнаете, что даже и моё душевное равновесие порой казалось нарушенным. У нас в доме уже несколько лет служит экономка по имени Сара — запомнить её фамилию я никак не старался. Это чрезмерно скромная особа суровой и непривлекательной наружности. Ровна и

выдержанна до чрезвычайности, и мы никогда, насколько помнится, не замечали у неё каких-либо душевных движений. И вот, когда сегодня утром я сидел один за завтраком — жена не выходит обычно из своей комнаты по утрам, — у меня вдруг мелькнула мысль, что было бы забавно и вместе с тем поучительно найти границы невозмутимости нашей Сары.

Я избрал для этого столь же простое, сколь надёжное средство: опрокинул маленькую цветочную вазу, которая обыкновенно стоит по-

среди стола, позвонил и спрятался под стол. Сара входит, видит, что комната пуста, и думает, по-видимому, что я в кабинете. Как я и ожидал, она подходит ближе, наклоняется над столом и хочет поставить вазу на место. Перед глазами у меня торчит шерстяной чулок и башмак на резинках. Я высовываю голову и кусаю её за икру. Успех превзошёл мои самые смелые ожидания. Несколько секунд она стояла ошеломлённая, рассматривая сверху мой череп. Затем с пронзительным криком бросилась из комнаты. Я — за ней, чтобы её успокоить, но она ничего не слышит, бежит галопом по дороге, и спустя несколько минут я вижу в бинокль, как она со скоростью курьерского поезда мчится в юго-западном направлении. Рассказывая вам сей анекдот, я воздерживаюсь от каких-либо объяснений. Я сею зёрна в ваших мозгах и жду всходов. Не озаряет ли вас догадка? Не приходит ли вам чего-либо в голову по данному поводу? Что вы скажете, лорд Джон?

Лорд Джон глубокомысленно покачал головой.

— Вы навлечёте на себя крупные неприятности, если не возьмёте себя в руки, — изрёк он.

— А вы, Саммерли, сделаете какое-нибудь замечание на сей счёт?

— Вам следовало бы временно отказаться от

всяких умственных занятий, Челленджер, взять трёхмесячный отпуск, чтобы провести курс лечения на каком-нибудь немецком курорте, — отозвался тот.

— Поразительное глубокомыслие! — воскликнул Челленджер. — Ну а вы, мой юный друг, ждать ли мне от вас мудрого прозрения, после того как ваши предшественники столь блестяще промахнулись?

И я действительно изрёк эту мудрость. Говорю это со всей скромностью. Конечно, теперь, когда каждый знает о постигшей нас перемене, случай с экономкой кажется ясным и понятным, но тогда он, право же, не был так ясен именно из-за всеобщей неосведомлённости. Как бы то ни было, меня вдруг осенило.

— Яд! — воскликнул я.

И, выкрикивая это слово, я припомнил все утренние происшествия: рассказ лорда Джона про буйвола, мой истерический плач, вызывающее поведение профессора Саммерли. Вспомнил я также странные события в Лондоне, волнения на улицах, бешеную езду шофёра, ссору у кислородного завода. Теперь всё стало понятно.

— Разумеется! — воскликнул я ещё раз. — Это яд. Мы все отравлены.

— Именно! — сказал Челленджер, потирая руки. — Мы все отравлены. Наша планета попала в ядовитый эфирный пояс и погружается в него всё глубже со скоростью многих миллионов миль в минуту. Наш юный друг сформулировал причину всех последних странных явлений одним словом: яд!

Мы оторопело глядели друг на друга. Ни у кого не нашлось возражений.

— Можно бороться с этими симптомами, — продолжал Челленджер, — противопоставляя им усилие сознания. Я, безусловно, не рассчитываю, что эта способность развита у вас так же сильно, как у меня; тут сказывается весовое различие наших талантов. Хотя разумность в изрядной степени наблюдается у нашего молодого друга… Итак, после короткой вспышки возбуждения, так напугавшей экономку, я сел и принялся обстоятельно рассуждать. Прежде всего я учёл, что дотоле ни разу не испытывал ни малейшего желания хватать за икры кого-нибудь из домашних. Следовательно, этот позыв надо было признать ненормальным. И я узрел истину. Несколько раз пощупал у себя пульс и установил превышение нормы на десять ударов, равно как и ускорение моих рефлекторных реакций. Я призвал всё своё

самообладание, и мне удалось — когда жена сходила по лестнице, я собирался спрятаться за дверь, чтобы испугать её диким рёвом, — мне удалось, говорю я, подавить в себе это желание и поздороваться с нею подобающим образом. Я мог управлять своим рассудком. Это была победа духа над материей. Точно так же мне удалось совладать с потребностью загоготать гусём, а когда позже я вышел из дому, чтобы велеть подать автомобиль, то вовремя заметил, что уже занёс кулак, дабы сыграть с Остином такую шутку, от которой он, несомненно, последовал бы примеру экономки. Но я спокойно положил руку ему на плечо, приказал ехать на станцию, чтобы встретить ваш поезд. Да и сейчас я чувствую непреодолимое искушение схватить профессора Саммерли за его нелепую козлиную бородёнку и сильно подёргать. Но как видите, я способен сдерживать себя. Так берите же с меня пример!

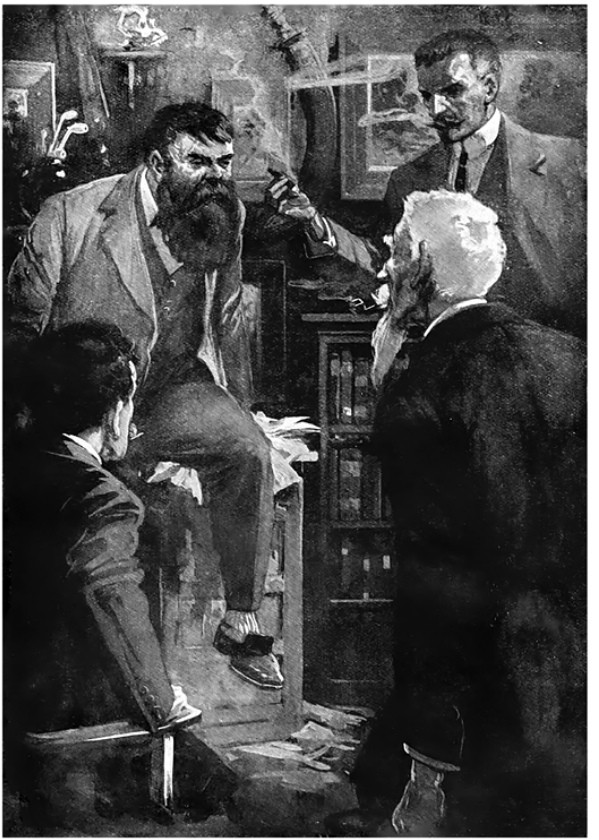
— У меня, по-видимому, это вылилось в рассказ про буйвола, — сказал лорд Джон.

— А у меня про футбольный матч.

— Пожалуй, вы правы, Челленджер! — сказал Саммерли, сбавив тон. — Я склонен думать, что моё призвание — скорее критиковать, чем создавать, и что меня не так-то легко склонить на

сторону новой теории, особенно если она так необычна и фантастична, как в данном случае. Однако, обдумывая серьёзно утренние события и вспоминая смехотворное поведение своих спутников, я готов поверить, что здесь не обошлось без возбуждающего яда.

Челленджер весело похлопал своего коллегу по плечу.



— Мы делаем успехи! — сказал он. — Мы положительно делаем успехи.

— Не поделитесь ли своими соображениями, коллега, — скромно спросил Саммерли, — о создавшемся положении?

— С вашего разрешения, я скажу по этому поводу несколько слов. — Челленджер уселся на свой письменный стол и принялся болтать короткими толстыми ногами. — Мы являемся свидетелями страшной, чудовищной катастрофы. На мой взгляд, пришёл конец света.

Конец света! Невольно наши взоры обратились в сторону окна, за которым открывался прелестный летний пейзаж: широко раскинувшаяся цветущая долина, красивые виллы, уютные крестьянские домики и игроки на площадках для гольфа.

Конец света! Мы часто слышали эти слова, но что они могут иметь прямое значение, что конец наступит не когда-то, в туманной дали будущего, а вот сейчас, сегодня — эта мысль ошеломляла ум и леденила кровь. Потрясённые, мы молча ждали, что ещё скажет Челленджер. Его спокойствие, внушительный и властный вид придавали вес его словам, и на время забылись и его грубость, и его чудачества; он казался нам стоящим выше

простых смертных. Затем вернулось — по крайней мере, ко мне — утешительное воспоминание, что уже дважды, как мы вошли в комнату, он разражался своим грохочущим смехом.

Я подумал, что и для психического расстройства есть пределы. Значит, катастрофа не была неотвратимой.

— Представьте себе гроздь винограда, — говорил Челленджер, — покрытую хотя и микроскопическими, но вредными бациллами. И вот садовод обрызгивает её дезинфицирующим составом. Может быть, он хочет очистить виноград. Может быть, ему нужно место для новой, менее вредной бациллы. Как бы то ни было, он окружает виноградную гроздь ядом, и бациллы исчезают. Думаю, что судьба поступает так же и с Солнечной системой: бацилла под названием «человек», маленькое смертное насекомое, которое извивалось и корчилось на поверхности земной коры, будет скоро удалено отсюда посредством стерилизации.

Мы хранили молчание. Вдруг пронзительно зазвонил телефон.

— Одна из наших бацилл пищит о помощи, — сказал Челленджер с угрюмой усмешкой. — Они начинают понимать, что продолжение их суще-

ствования не является основным условием бытия Вселенной.

Он вышел из комнаты. Вспоминаю, что за время его отсутствия никто из нас не проронил ни слова: обсуждения казались неуместными.

— Управляющий медицинским ведомством в Брайтоне, — сообщил он, вернувшись. — Симптомы резче обнаруживаются почему-то в приморских местностях. Наше высокое местоположение — семьсот футов над уровнем моря — даёт нам некоторое преимущество. Люди, по-видимому, уразумели, что я в данном вопросе — первый авторитет. Несомненно, это результат моего письма в «Таймс». Перед этим звонком я говорил с бургомистром одного захолустного городка. Вы ведь слышали, что я ему сказал. Он считает свою жизнь особо ценной, и мне пришлось поставить его на надлежащее место.

Саммерли встал и подошёл к окну. Его худые, костлявые руки дрожали от волнения.

— Челленджер! — сказал он несколько сурово. — Положение слишком серьёзно для пустых препирательств. Не думайте, что я намереваюсь докучать всевозможными расспросами. Но я вынужден обратиться к вам с вопросом, потому что в ваши предположения и доводы, может статься,

вкралась ошибка. Солнце на голубом небе сияет ясно, как всегда. Мы видим луга и цветы и слышим щебетание птиц. Люди развлекаются на площадках для гольфа, а работники в поле жнут хлеб. Вы утверждаете, что они и мы на грани полного уничтожения, что этот летний день является, вероятно, днём казни, так долго ожидаемой человечеством. Так на чём же вы основываете своё чудовищное утверждение? На незначительном перемещении спектральных линий, на слухах об эпидемии на Суматре, на любопытном возбуждении, которое мы заметили друг у друга? Этот последний симптом не настолько силён, чтобы его нельзя было преодолеть силой воли. Вы должны объясниться с нами по-товарищески, Челленджер! Мы ведь однажды смотрели в лицо смерти. Скажите же прямо, как обстоит дело и как вы представляете себе наше будущее.

Это была мужественная, достойная речь, в которой чувствовался сильный характер, скрывавшийся за резкостью старого зоолога. Лорд Джон встал и пожал ему руку.

— Присоединяюсь! — сказал он. — Скажите же, Челленджер, какая судьба нас ожидает. Мы не робкого десятка, как вам известно. Мы ехали к вам в гости, а узнали, что мчимся на всех парах

навстречу Страшному суду, и некоторое пояснение на этот счёт не было бы излишне. Какая грозит нам опасность, насколько она велика и что мы намерены сделать, чтобы её предотвратить?

Высокий, статный лорд Джон стоял в лучах солнечного света, положив руку на плечо Саммерли.

Я откинулся в глубоком кресле, папироса моя потухла, я находился в том сумеречном состоянии духа, когда впечатления особенно остры. Возможно, это была новая стадия отравления; все безотчётные импульсы исчезли, уступив место чрезвычайно тусклому и в то же время зоркому умонастроению. Я стал зрителем. Я чувствовал себя так, словно всё происходящее вокруг нисколько меня не касается. Я находился в обществе троих сильных, смелых мужчин, и наблюдать за ними было крайне интересно.

Челленджер нахмурил густые брови и снова погладил бороду, прежде чем ответить на заданные ему вопросы. Видно было, что он тщательно взвешивает каждое слово.

— Каковы были последние известия при вашем отъезде из Лондона? — спросил он.

— Около десяти часов я был в своей редакции, — ответил я. — Как раз пришла телеграмма

Рейтер из Сингапура о том, что болезнь распространилась по всей Суматре и потому не были зажжены даже маяки.

— С тех пор положение значительно изменилось, — сказал Челленджер, показывая на кипу телеграмм. — Я постоянно получаю сообщения от властей и от прессы, а потому знаю, что происходит в мире. Все выражают настойчивое желание, чтобы я вернулся в Лондон. Но по-моему, это не имеет никакого смысла. Судя по сообщениям, первая стадия отравления прежде всего выражается в эмоциональном возбуждении. Сегодня утром в Париже произошли весьма крупные беспорядки, а среди наших шахтёров какое-то возмущение. Если верить имеющемуся у меня материалу, то вслед за состоянием возбуждения, которое принимает весьма разнообразные формы, в зависимости от расы и индивида, наступает повышение жизнедеятельности и обострение духовных способностей, признаки чего я, кажется, наблюдаю теперь у нашего юного друга. Далее, после довольно долгого промежутка времени, наступает сонливость, ведущая к смерти. Я предполагаю, исходя из моих познаний в токсикологии, что существуют известные растительные яды, сходным образом действующие на нервную

систему…

— Датурин! — вырвалось у Саммерли.

— Превосходно! — воскликнул профессор Челленджер. — Ради научной точности назовём этот ядовитый возбудитель датуроидом. За вами, дорогой Саммерли, будет признана, увы, посмертная честь установления термина для разрушителя Вселенной, дезинфекционного средства Верховного Садовника. Итак, мы принимаем, что воздействие датуроида таково, как я описал. И не подлежит сомнению, что весь мир испытает его на себе и ни одно живое существо не останется невредимым, ибо эфир проникает всюду. Пока отравление в разных местах проявлялось по-разному, но постепенно симптомы становятся едиными; словом, отравление похоже на прилив, который покрывает сушу пядь за пядью, пока не зальёт всю Землю. Конечно, воздействием и распределением датуроида управляют определённые законы, установить которые было бы чрезвычайно интересно, располагай мы для того достаточным временем. Насколько мне удалось проследить, — он заглянул в телеграммы, — менее цивилизованные народы страдают больше. Из Африки приходят очень тревожные сообщения, австралийские же туземцы, кажется,

уже истреблены поголовно. Северные народы обнаруживают бóльшую сопротивляемость, чем население юга. Вот это сообщение отправлено сегодня из Марселя в девять часов сорок пять минут. Я прочитаю его полностью:

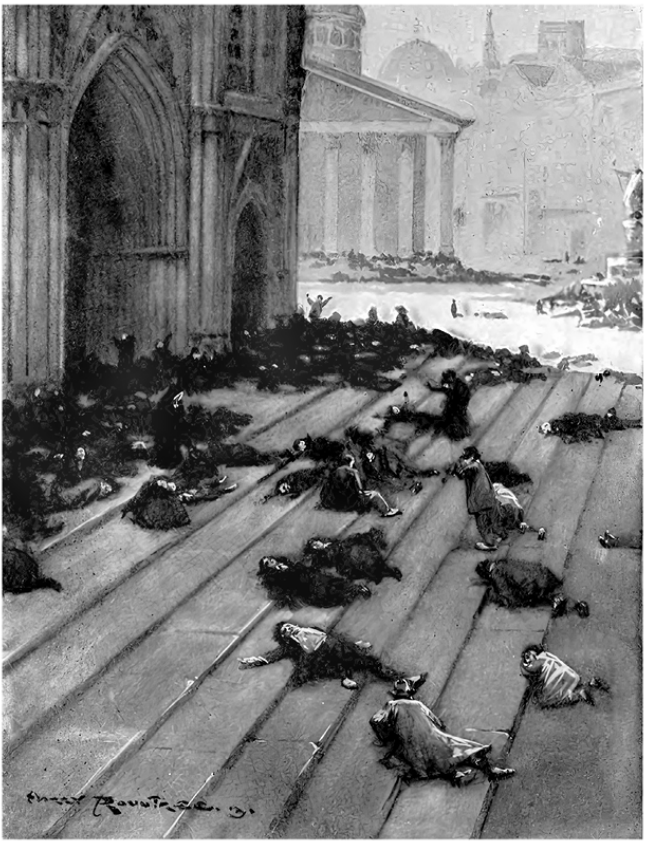
ЦЕЛУЮ НОЧЬ ЛИХОРАДОЧНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ ПО ВСЕМУ ПРОВАНСУ. БЕСПОРЯДКИ СРЕДИ ВИНОГРАДАРЕЙ НИМА. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ В ТУЛОНЕ. ВНЕЗАПНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ СОНЛИВОСТЬЮ НАБЛЮДАЮТСЯ СЕГОДНЯ УТРОМ. ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ. МНОЖЕСТВО ТРУПОВ НА УЛИЦАХ. ЖИЗНЬ ПАРАЛИЗОВАНА. ВСЕОБЩИЙ ХАОС.

Часом позже тот же осведомитель телеграфирует:

НАМ УГРОЖАЕТ ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ. ЦЕРКВИ И СОБОРЫ ПЕРЕПОЛНЕНЫ МЁРТВЫМИ. УЖАСНО И НЕПОСТИЖИМО! СМЕРТЬ НАСТУПАЕТ, ПО-ВИДИМОМУ, БЕЗБОЛЕЗНЕННО, НО БЫСТРО И НЕОТВРАТИМО.

Такая же телеграмма пришла из Парижа, где положение тоже трагично. Индия и Персия как будто вымерли совершенно. Славянское население Австрии охвачено эпидемией, германские народности почти не затронуты. На основании сей скудной информации я могу установить, что

жители равнин и приморских областей скорее поддались действию яда, чем жители горных стран. Даже небольшая возвышенность почвы играет значительную роль, а потому если кто-то и переживёт катастрофу, то находиться он должен на вершине высокой горы, вроде Арарата. Даже небольшой холм, на котором мы находимся, может ненадолго стать островком спасения в море смерти. Но если скорость распространения отравы сохранится, через несколько часов будем затоплены и мы.



Лорд Рокстон потёр лоб.

— Одно меня поражает, — сказал он, — как могли вы сидеть тут с ворохом страшных телеграмм и смеяться? Мне частенько доводилось глядеть смерти в глаза, но всеобщая смерть — это ужасно!

— Что касается моей весёлости, — ответил Челленджер, — то не забывайте, что я тоже не избежал отравления эфирным ядом, а он оказывает возбуждающее действие. Но, честно говоря, ваш ужас перед всеобщей гибелью представляется мне несколько преувеличенным. Если бы вас одного, на утлом судёнышке, заставили отправиться с неизвестной вам целью в открытое море, то у вас были бы все основания приуныть. Одиночество и неизвестность угнетали бы вас. Напротив, совершай вы своё плавание на большом пароходе, который взял бы на борт всех ваших родных и друзей, вы чувствовали бы себя совершенно иначе. Несмотря на сомнительный исход путешествия, вы бы не сетовали на судьбу, потому что невзгоды ниспосланы всем. Одинокая смерть, пожалуй, страшна, но всеобщая гибель, особенно когда она наступает так быстро и безболезненно, не представляет ничего ужасного. На мой взгляд, напротив, нет ужасней судьбы,

как остаться в живых, когда всё великое, благородное и прекрасное, что было на земле, исчезло без следа.

— Что вы предлагаете делать? — спросил Сammерли, который — невиданное дело! — слушая речь своего коллеги, одобрительно кивал.

— Прежде всего, позавтракать! — ответил Челленджер, поскольку как раз прозвучал гонг. — Яичницу нашей кухарки могут затмить только её же котлеты. Будем надеяться, что поварские таланты от космических влияний не пострадали. Необходимо спасти от бессмысленного уничтожения и моё шварцбергерское вино девяносто шестого года — это под силу нашим объединённым усилиям, было бы прискорбною расточительностью дать погибнуть этому благородному напитку.

Он тяжеловесно скатился с письменного стола, на котором сидел, возвещая нам предстоящую гибель планеты.

— Идёмте! — сказал он. — Времени у нас и так в обрез, воспользуемся же им по возможности правильно и разумно.

Действительно, завтрак прошёл весело и довольно оживлённо, хотя мы ни на минуту не забывали о своём ужасном положении. Лишь

тот, я убеждён, кто никогда ещё не глядел в глаза смерти, робеет перед ней, когда приходит конец. Для нас четверых за время прежних приключений смерть стала привычной попутчицей. Что же касается хозяйки дома, то она, опёршись на могучую руку супруга, была готова следовать за ним куда угодно. Будущее наше было уже предопределено; но настоящее принадлежало нам. И мы проводили его в сердечной и оживлённой беседе. Разум работал, как я уже говорил, необычайно остро. Даже я умудрялся блистать остроумием, а Челленджер был положительно великолепен. Стихийного величия этого человека, его широкого и мощного ума никогда ещё я не понимал так ясно, как в этот день. Саммерли подстёгивал его своей язвительной критикой, а мы с лордом Джоном от души потешались, следя за состязанием учёных мужей. Миссис Челленджер, положив руку на плечо супруга, умеряла рык философа. Жизнь, смерть, судьба человечества — вот о чём мы говорили в памятный час, значение которого усугублялось тем, что странное и внезапное повышение жизнедеятельности, равно как покалывание в руках и ногах, говорили о медленном и постепенном приближении к нам смертельной волны. Лорд Джон вдруг закрыл рукою глаза,

Саммерли откинулся на спинку кресла. Каждый вдох доказывал нам присутствие необычных сил. И всё же на душе у нас было весело и радостно. Вошёл Остин, поставил на стол папиросы и хотел удалиться.

— Остин! — окликнул его хозяин.

— Что прикажете, сэр?

— Благодарю вас за верную службу.

Улыбка скользнула по обветренному лицу слуги.

— Я только исполнял свой долг, сэр.

— Сегодня я жду кончины мира, Остин.

— Слушаю, сэр. В котором часу?

— Не могу точно сказать, Остин. Во всяком случае, до наступления вечера.

— Хорошо, сэр.

Молчаливый Остин поклонился и вышел. Челленджер закурил и, придвинув стул ближе к жене, взял её за руку.

— Ты знаешь, дорогая, как обстоит дело, — сказал он. — Я объяснил это и нашим друзьям. Ты ведь не боишься, нет?

— А больно не будет, Джордж?

— Не больней, чем при наркозе у дантиста. Ведь каждый раз, как ты теряла сознание, ты умирала.

— Но то было приятное ощущение.

— Такова, верно, будет и смерть. Изношенная телесная машина не способна отмечать свои впечатления, но мы знаем, какое духовное наслаждение кроется в состоянии сна или транса. Быть может, природа построила дивные врата и завесила их множеством благоухающих и мерцающих покрывал, дабы создать нам преддверие к новой жизни. Всякий раз, когда я основательнее заглядывал в существующее, я находил в глубине только мудрость и доброту. И если робкий смертный когда и нуждается в особой нежности, то это, несомненно, в миг опасного перехода от бытия к небытию. Нет, Саммерли, я ничего не хочу знать о ваших законах, потому что я ощущаю себя слишком мощным явлением, чтобы кончиться простым физическим распадом на горсточку солей и три ведра воды. Здесь, — и он ударил огромным кулаком по своей голове, — имеется нечто, что может уничтожить смерть, но что смерть не уничтожит никогда.

— Раз уж мы заговорили о смерти, — сказал лорд Джон, — то я вот что замечу. Я прекрасно понимаю наших предков, которые завещали хоронить себя с топором, колчаном, стрелами и тому подобным, словно они собирались и за

гробом жить прежней, привычной жизнью. Право, — прибавил он, смущённо поглядывая на нас, — мне стало бы спокойней, если бы в мою могилу положили мой верный «Экспресс четыреста пятьдесят» с патронташем и дробовичок, тот, что покороче и снабжён резиновым ложем… Конечно, нелепая прихоть, но я признаюсь в ней. Что скажете, господин профессор?

— Ну знаете ли, — сказал Саммерли, — если вам угодно моё мнение, я вам отвечу: это бесспорный возврат к каменному веку или даже к ещё большей древности. Я же принадлежу к двадцатому столетию и хотел бы умереть как подлинно культурный человек. Не скажу, что боюсь смерти больше, чем любой из вас, потому что я уже стар и жить мне всё равно остаётся недолго. Но я не могу безропотно сидеть и ждать смерти, как баран на бойне. Наверное ли вы знаете, Челленджер, что спасенья нет?

— Спасенья нет! — отвечал Челленджер. — В лучшем случае нам удастся продлить нашу жизнь на несколько часов и таким образом наблюдать за развитием великой трагедии, прежде чем мы сами падём её жертвами. Это, пожалуй, в моей власти. Я принял некоторые меры предосторожности.

— Кислород?

— Совершенно верно, кислород.

— Но как поможет нам кислород, если отравлен весь эфир? Между кислородом и эфиром так же мало общего, как, скажем, между каким-нибудь газом и толчёным кирпичом. Это совершенно различные вещества. Одно не может воздействовать на другое. Оставьте, Челленджер, не можете же вы серьёзно защищать подобный тезис?

— Мой милый Саммерли, на этот эфирный яд, несомненно, влияют материальные факторы, что понятно по его неравномерному действию в разных областях. A priori мы, разумеется, не могли этого предположить, но теперь факт налицо. Вот потому я твёрдо уверен, что газ, подобный кислороду, повышающий жизнеспособность и сопротивляемость организма, поможет ослабить действие яда, столь удачно названного вами датуроидом. Возможно, я ошибаюсь, но я твёрдо верю в правильность моего предположения.

— Ну знаете ли, — сказал лорд Джон, — если мы усядемся и начнём, как младенцы, сосать каждый свою фляжку, то — слуга покорный! — я решительно отказываюсь.

— В этом не будет нужды, — ответил Челленджер. — У нас кое-что подготовлено, главным

образом стараниями моей жены. Её комната сделана по возможности воздухонепроницаемой. При помощи грубых одеял и вощёной бумаги…

— Час от часу не легче! Челленджер, не предполагаете же вы отгородиться от эфира вощёной бумагой?

— Поистине, мой учёный друг, здесь вы дали маху. Не проникновению эфира, а исчезновению кислорода должны помешать наши меры предосторожности. Я уверен, мы не лишимся сознания, пока воздух будет в известной мере насыщен кислородом. У меня было два баллона с кислородом, а вы привезли ещё три. Конечно, это немного, но всё же кое-что.

— И надолго ли нам его хватит?

— Понятия не имею. Мы не откроем баллонов, пока воздух не станет явно отравленным. А затем начнём выпускать газ по мере надобности. Может быть, судьба подарит нам несколько лишних часов, а может статься, и дней, в течение которых мы будем взирать на усопший мир. Мы отдалим таким способом на некоторое время собственную кончину, и наш необычайный жребий будет заключаться в том, что мы станем арьергардом человечества на пути в неведомое. Будьте добры, помогите мне установить баллоны. Воздух стал

уже довольно спёртым.

Глава третья
Затоплены!

Комната, в которой мы намеревались провести беспрецедентный эксперимент, представляла собой очаровательный дамский будуар площадью около четырнадцати или шестнадцати квадратных футов. За красивыми бархатными шторами находилась небольшая гардеробная профессора, через которую можно было попасть в спальню. Мы раздвинули шторы, чтобы будуар и гардеробная составили одно помещение. Дверь в спальню и оконные рамы были сплошь оклеены полосами вощёной бумаги, они в буквальном смысле были запечатаны. Над входной дверью находилась отдушина, которую можно было открыть, потянув за шнурок, если бы понадобился доступ свежего воздуха. В углах комнаты стояли кадки с большими лиственными растениями.

— Особенно щекотливый и важный вопрос заключается в том, как избавиться от излишков выдыхаемой углекислоты, не теряя вместе с тем кислорода, — сказал Челленджер, поглядывая в раздумье на пять прислонённых к стене балло-

нов с кислородом. — Будь в моём распоряжении больше времени, я разрешил бы и эту задачу, но времени нет, и придётся делать то, что в наших силах. Эти растения принесут нам пользу. Два баллона с кислородом приготовлены, и их можно сразу же пустить в дело. Таким образом, смерть не застанет нас врасплох. Ни в коем случае нельзя покидать эту комнату. Критический момент может наступить быстро и неожиданно.

Широкое низкое окно выходило на балкон. Отсюда нам открывался тот же вид, которым мы уже любовались из кабинета. Я выглянул в окно, но нигде не заметил ничего необыкновенного. По дороге, которая вела к самому дому, медленно поднимался кеб — один из тех допотопных пережитков, которые ещё кое-где встречаются. Дальше я заметил няню с детьми, она катила перед собой детскую коляску и вела за руку ребёнка постарше. Синеватые клубы дыма над домами создавали ощущение порядка, уюта и благополучия. Нигде, ни на синем небе, ни на залитой солнечным светом земле, не было видно признаков надвигающейся катастрофы. Жнецы опять появились на полях, а любители гольфа группами по два и по четыре человека бегали по зелёной лужайке. В голове у меня происходило

такое странное смятение, а раздражённые нервы были так напряжены, что равнодушие этих людей казалось мне непостижимым.

— Эти молодцы, видать, чувствуют себя превосходно, — сказал я, указывая на площадку для гольфа.

— Вы играли когда-нибудь в гольф? — спросил лорд Джон.

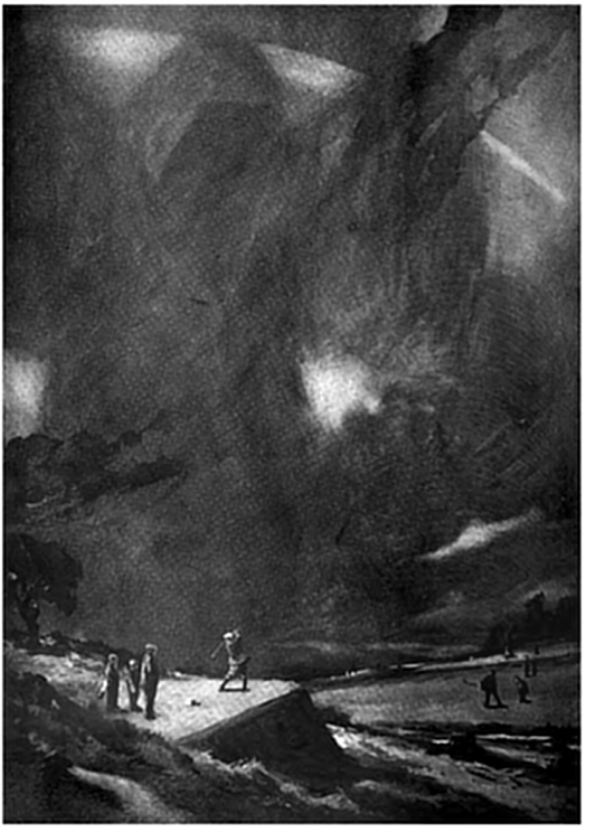
— Нет, не играл.

— То-то и оно. Иначе бы вы знали, что только трубы Страшного суда могут остановить истого игрока, когда он гонит мяч. Стойте! Опять телефон!

За завтраком и после Челленджера то и дело отзывали пронзительные и настойчивые звонки. Он передавал нам новости скупыми, короткими фразами, как получал их сам. Никогда ещё истории человечества не происходило ничего сопоставимого с надвигающимся событием. С юга чудовищной волной наползала грозная тень смертоносного прилива. Египет прошёл через безумие и уснул. В Испании и Португалии в безмолвии смерти стихли неистовые бои между клерикалами и анархистами. Уже не приходило никаких телеграмм из Южной Америки. В южных частях Северной Америки население

после ужасающей резни на почве расовых различий целиком вымерло от яда. Севернее, в окрестностях Мэриленда, действие его пока обнаруживалось слабо, в Канаде же совсем пока что не проявилось. Зато Бельгия, Голландия и Дания были одна за другою поглощены смертоносным потоком. Отчаянные крики о помощи, мольбы о советах и спасении неслись со всех сторон к научным центрам, к знаменитым химикам и врачам. Астрономов также осаждали вопросами. Но сделать ничего было нельзя: то, что творилось, охватило весь мир и лежало за пределами человеческого знания и человеческой власти. Везде была смерть — безболезненная, но неотвратимая: для старых и молодых, для больных и здоровых, для богатых и нищих, — никому не оставалось надежды на спасение. Таковы были новости, которые мы узнавали из отрывочных, отчаянных телефонных сообщений. Большие города уже знали об ожидавшей их участи и, насколько мы могли судить, готовились встретить её покорно и с достоинством. А наши крестьяне и спортсмены, занятые своими делами, были беспечны, как овцы под занесённым над ними ножом. Странно было на них смотреть. Но откуда им было знать про катастрофу? Она надвинулась на челове-

чество с такой чудовищной быстротой, что в утренних газетах о ней ничего не сообщалось.



Только что пробило три часа пополудни. В это время, по-видимому, распространился какой-то слух, потому что жнецы убежали с полей, а игроки в гольф скрылись в здании клуба: они бежали, словно спасаясь от надвигавшейся грозы. Мальчишки, подбирающие мячи, неслись за ними. Но самые азартные ещё продолжали игру.

Няня повернула и торопливо покатила коляску обратно в гору. Я заметил, что она прижала руку ко лбу. Кеб остановился, и усталая лошадь, опустив морду до колен, словно уснула. Над нами в сияющей летней красоте простиралось ясное синее небо, несколько лёгких белых облачков плыли по далёкому своду. «Если роду человеческому и суждено сегодня погибнуть, то, во всяком случае, смерть его будет красивой», — почему-то подумалось мне. Впрочем, от контраста между кроткой прелестью природы и подкрадывающейся смертью становилось жутко. Ведь какой мирной и радостной была жизнь, которой нас безжалостно лишал рок!

Снова зазвонил телефон. Вдруг я услышал из гостиной громовой голос Челленджера.

— Мелоун! — крикнул он. — Вас к телефону.

Я бросился к аппарату и узнал голос Макардла. Он вызывал меня из Лондона.

— Это вы, мистер Мелоун? — кричал знакомый голос. — Здесь, в Лондоне, творится нечто невообразимое! Ради всего святого, поговорите с Челленджером: может, он что-то посоветует!

— Он ничего не может посоветовать, сэр! — ответил я. — Он считает кризис всеобщим и неотвратимым. Мы здесь припасли немного кислорода, но это даст нам отсрочку всего на несколько часов.

— Кислород? — испуганно крикнул он. — Мы не успеем достать. Едва вы утром уехали, редакция превратилась в сущий ад. Половина сотрудников лежит без чувств. Я сам падаю от усталости. Из окон я вижу валяющиеся на Флит-стрит[27] груды человеческих тел. Движение остановилось. По последним телеграммам, весь мир…

---

[27] Notes: 27

Флит-стрит — улица в Лондоне, на которой размещено множество газетных редакций.

Голос постепенно слабел и вдруг оборвался. Ещё миг — и я услышал в телефон глухой стук, как если бы голова говорившего упала на письменный стол.

— Мистер Макардл! — закричал я. — Мистер

Макардл!

Ответа не было. Вешая трубку, я знал, что больше никогда не услышу его голоса.

И тут, едва я отошёл от телефона, накатило и на нас. Словно мы были пловцами, стоявшими по плечи в воде, и вдруг набежала волна и захлестнула нас с головой. Незримая рука тихо легла мне на горло и принялась мягко душить. Я ощущал в груди невероятную тяжесть, что-то туго сжало виски, в ушах громко зазвенело, и перед глазами начали плясать страшные молнии. Кое-как я доплёлся до перил. В тот же миг мимо меня, хрипя и сопя, как раненый буйвол, пронёсся Челленджер — багровое лицо, глаза лезут из орбит, волосы дыбом. Свою маленькую, хрупкую жену, лишившуюся, по-видимому, чувств, он нёс на плече. Шатаясь и спотыкаясь, он вместе с нею взбирался по лестнице, неимоверным усилием воли неся своё и её тело через тлетворную атмосферу к гавани временного спасения. Ободрённый его примером, я также бросился по лестнице, оступаясь, падая и цепляясь за перила, пока почти не рухнул ничком на последней ступени, теряя сознание. Лорд Джон железной рукой ухватил меня за воротник, и мгновением позже я лежал навзничь на ковре в будуаре, не имея сил ни

пошевельнуться, ни вымолвить слово. Миссис Челленджер лежала рядом со мной, а в кресле у окна прикорнул Саммерли, опустив голову почти до колен. Словно во сне видел я, как Челленджер, похожий на гигантского жука, медленно ползёт на четвереньках по полу, а затем послышалось тихое шипение выходящего из баллона кислорода. Челленджер сделал два-три глубоких вдоха: его лёгкие громко всасывали животворный газ.

— Действует! — ликуя, вскричал он. — Моя логика оправдала себя!

Он снова был на ногах, бодрый и сильный. С резиновой трубкой в руках он подбежал к жене и направил струю газа ей в лицо. Она застонала, зашевелилась и наконец села. Он бросился ко мне, и я почувствовал, как тёплая волна жизни разлилась по моим жилам. Разум говорил мне, что это всего лишь краткая отсрочка, и всё же, как ни легкомысленно мы рассуждаем о смысле жизни, теперь каждый лишний час казался мне бесценным. Никогда ещё не испытывал я такого трепета чувственной радости, как в эту минуту возвращения к бытию. Тяжесть свалилась у меня с груди, обруч, сдавивший голову, разжался, меня охватило сладостное чувство покоя и освобождения. Я лежал, наблюдая, как от того же целебного средства ожил и Саммерли; наконец очнулся и лорд Джон. Он вскочил и подал мне руку, а Челленджер поднял свою жену и уложил её на диван.

— О Джордж, как я жалею, что ты вернул меня к жизни! — сказала она, держа его за руку. — Ворота смерти действительно затянуты великолепными, сверкающими завесами, как ты говорил. Чуть только проходит ощущение удушья, всё становится неописуемо прекрасным и умиротворяющим. Зачем ты разбудил меня?

— Потому что хочу отправиться в путешествие вместе с тобой. Много лет мы были верными спутниками друг другу. Было бы грустно разлучиться в последнюю минуту.

На мгновение в его нежном голосе открылся новый Челленджер, столь отличный от того шумного, напыщенного и дерзкого человека, который поочерёдно изумлял и оскорблял своих современников. Здесь, осенённый смертью, явился истинный Челленджер — человек, которому удалось завоевать и удержать женскую любовь. Вдруг его настроение переменилось, и он вновь стал нашим твёрдым командиром.

— Я один из всего человечества предвидел и предсказал эту катастрофу! — сказал он, и в голосе его прозвучало торжество учёного. — Надеюсь, добрейший Саммерли, ваши последние сомнения о значении размытых спектральных линий рассеялись и вы, полагаю, перестанете считать моё письмо в «Таймс» плодом заблуждения.

На этот раз наш воинственный коллега ничего не ответил. Он сидел в кресле и глубоко дышал, разминая свои длинные, тощие ноги, как будто хотел убедиться, что ещё не покинул родную планету. Челленджер подошёл к баллонам с кислородом, привернул кран, и громкое шипение

перешло в едва уловимый свист.

— Нам следует беречь запас кислорода, — сказал он. — Воздух в комнате пока насыщен им, и никто больше не ощущает никаких тяжёлых симптомов. Только опытным путём мы можем установить, какое количество кислорода нужно прибавлять к воздуху, чтобы нейтрализовать действие яда. Посмотрим, хорошо ли будет так, как сейчас.

Минут пять мы молча сидели в напряжённом молчании, прислушиваясь к своим ощущениям. Едва мне показалось, что я снова начинаю ощущать обруч на висках, как миссис Челленджер крикнула нам с дивана, что ей дурно. Супруг её снова открыл кран.

— В младенческую пору науки, — сказал он, — на каждой подводной лодке обычно обзаводились белыми мышами, нежный организм которых скорее отзывался на влияние вредной атмосферы, чем организм моряков. Ты, моя дорогая, должна быть теперь нашей белой мышкой. Я увеличил количество газа. Тебе лучше?

— Да, мне стало легче.

— Вероятно, мы напали на правильный состав смеси. Как только мы установим минимально необходимую дозу, мы сможем подсчитать,

сколько времени у нас впереди. К сожалению, чтобы прийти в себя, мы израсходовали значительную часть первого баллона.

— Не всё ли равно? — спросил лорд Джон. Он стоял у окна, заложив руки в карманы. — Если нам суждено умереть, то какой смысл отдалять смерть? Вы ведь не видите для нас пути к спасению?

Челленджер улыбнулся и покачал головой.

— А если так, — продолжал лорд Джон, — не достойнее ли самому прыгнуть в бездну, чем ожидать, когда тебя толкнут в спину? Коли это неизбежно, то я предлагаю остановить газ и открыть окна.

— В самом деле! — смело заявила жена профессора. — Конечно же, Джордж, лорд Джон совершенно прав: так будет лучше.

— Я решительно против! — взметнулся Саммерли. — Если нам суждено умереть, мы, конечно, умрём, но самим торопить смерть — затея, на мой взгляд, непозволительная, да и просто глупая.

— Что думает по этому поводу мой юный друг? — спросил Челленджер.

— Я за то, чтобы дождаться конца.

— И я решительно того же мнения! — сказал он.

— В таком случае, Джордж, я присоединяюсь к тебе! — воскликнула его жена.

— Ну ладно, я ведь только предложил, — сказал лорд Джон. — Если вы все хотите дождаться конца, то я последую вашему примеру. Спору нет, это будет весьма занимательно. Много на моём веку выпало приключений, я был очевидцем просто удивительных событий, и такая смерть как нельзя более подходит к моему беспокойному земному странствию.

— Если допустить, что существует посмертная жизнь… — заговорил Челленджер.

— Смелое допущение! — усмехнулся Саммерли.

Челленджер смерил его уничтожающим взглядом.

— Итак, допуская, что посмертная жизнь существует, — повторил он самым назидательным тоном, — никто из нас не в состоянии предугадать, как мы сможем наблюдать материальный мир из так называемой духовной сферы. Даже самому упрямому человеку, — при этом он посмотрел на Саммерли, — должно быть ясно, что, пока мы состоим из материи, нам легче всего наблюдать материальные явления и судить о них. А потому, если прождать несколько оставшихся

нам часов, мы можем унести с собою в будущую жизнь ясное представление о самом грандиозном событии в мире или даже во Вселенной. Нелепо сокращать наши уникальные впечатления!

— Я полностью с вами согласен! — воскликнул Саммерли.

— Принято единогласно! — сказал лорд Джон. — А ведь, пожалуй, бедняга шофёр, который лежит во дворе, совершил свою последнюю поездку. Не сделать ли нам вылазку, чтобы втащить его сюда?

— Явное сумасшествие! — закричал Саммерли.

— Наверное, вы правы! — ответил лорд Джон. — Ему уже не помочь, и даже вернись мы сюда живыми, нам пришлось бы растратить почти весь кислород. Вы посмотрите только: всюду под деревьями валяются мёртвые пташки.

Мы придвинули четыре стула к широкому, низкому окну; жена Челленджера продолжала сидеть на диване с закрытыми глазами. Я помню ещё, что у меня было жуткое, странное чувство — вероятно, под влиянием спёртого, гнетущего воздуха, которым мы дышали, — словно мы сидим в четырёх креслах партера в первом ряду и смотрим последний акт мировой трагедии.

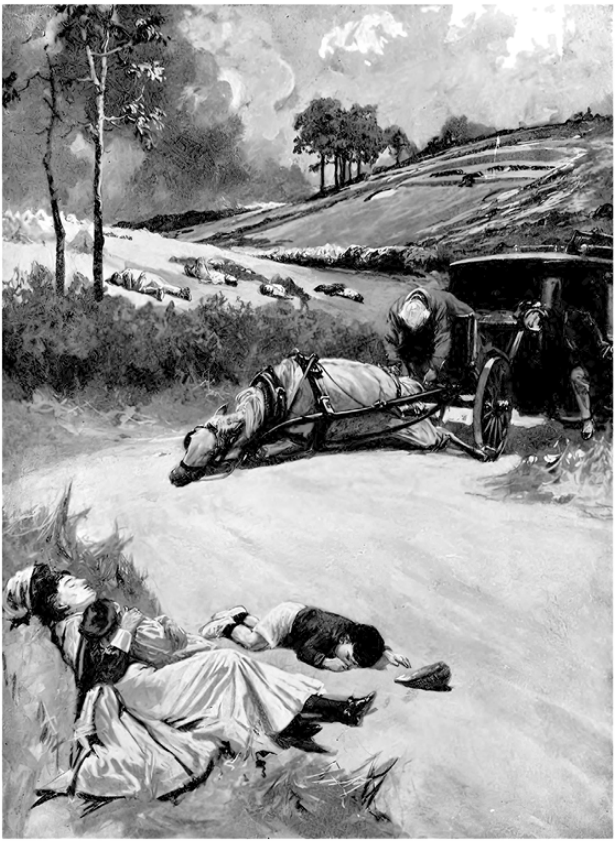
На переднем плане, прямо перед нами, расположен был дворик, где стоял наполовину вычищенный автомобиль. Шофёр Остин получил на этот раз окончательный расчёт: он раскинулся на земле, и большая ссадина чернела у него на лбу, — должно быть, при падении он ударился головою о подножку или о крыло. Он ещё держал в руке шланг, из которого поливал автомобиль. В углу двора росли низкорослые платаны, и под ними лежало несколько пушистых комочков, трогательно задравших вверх крохотные лапки. Коса смерти скосила всё: и большое и малое.

За оградой нам была видна извилистая дорога к станции. На дороге вповалку лежали тела жнецов. За ними, прислонясь к откосу, лежала няня. Она взяла на руки из коляски грудного младенца и прижала неподвижный свёрток к груди. Рядом с нею на обочине упал маленький

мальчик. Вон мёртвая лошадь лежит между оглоблями кеба. Старый кучер, похожий на воронье пугало, согнулся на своём передке, руки его бессильно повисли. В окне кеба мы смутно различали молодого человека. Он схватился за ручку открытой двери, как будто в последний миг пытался выскочить из экипажа. На площадках для гольфа, как и утром, было множество игроков, но только теперь они неподвижно распростёрлись на траве и дорожках. На одной лужайке покоились восемь бездыханных тел — самые азартные игроки вместе с помощниками, так и не ушедшие с поля. Ни единой птицы в синем небе; ни человек, ни животное не двигались в расстилавшемся перед нами широком пейзаже. Вечернее солнце продолжало мирно озарять землю, охваченную глубоким безмолвием всеобщей смерти, которая вскоре поглотит и нас. Только окно — хрупкая стеклянная перегородка — оберегало нас, задерживая добавочный кислород, который противодействовал ядовитому эфиру. Знания и прозорливость одного человека создали маленький оазис жизни посреди страшной пустыни смерти. Но в конечном счёте кислород неминуемо израсходуется, и мы, задыхаясь, растянемся на вишнёво-красном ковре на полу

будуара; человеческий род, как и все живые организмы, найдёт в нашей гибели своё завершение. Долго в торжественном молчании созерцали мы трагедию мира. Челленджер первым решился заговорить.

— Там горит дом! — сказал он, указывая на столб дыма, поднимавшийся над деревьями. — Сейчас вспыхнет немало пожаров. Горят, возможно, целые города, ведь сколько народу могло упасть, держа в руках свечу или что-нибудь в этом роде. Кстати, пожар доказывает, что содержание кислорода в воздухе совершенно нормальное и что вся беда в эфире… А! Взгляните-ка на вершину холма Кроуборо! Там тоже, кажется, вспыхнул пожар! Горит, если не ошибаюсь, здание гольф-клуба. Слышите? Бьют часы на церковной колокольне! Тут есть над чем задуматься философу: созданные руками человека механизмы пережили своих творцов.



— Смотрите! — вскричал лорд Джон, вскочив с кресла. — Дым! Это поезд.

Мы услышали грохот колёс и пыхтение паровоза, а вскоре показался и сам поезд. Он мчался прямо-таки с невероятной скоростью. Откуда он ехал и сколько был в пути, мы не знали. Каким-то чудом он до сих пор не сошёл с рельсов. И нам суждено было увидеть ужасное крушение.

На пути у поезда стоял длинный, гружённый углём состав. Мы затаили дыхание, поняв, что скорый поезд несётся по тому же пути. Столкновение было ужасным. Паровоз и вагоны сбились в груду мятого железа и щепок. Красные языки пламени взметнулись над обломками, и всё запылало. Больше получаса мы молчали, подавленные страшным зрелищем.

— Бедные, несчастные люди! — простонала наконец миссис Челленджер и в слезах припала к плечу мужа.

— Дорогая, пассажиры этого поезда были уже неодушевлёнными предметами, как вагоны, на которые они налетели, или как углерод, в который они теперь превратились, — сказал Челленджер и ласково погладил её руку. — Когда поезд отбыл с вокзала Виктория, в нём сидели живые люди, но потом он вёз лишь мёртвый

груз, и правили им мертвецы задолго до того, как случилась эта катастрофа.

— Во всём мире сейчас происходит то же самое, — сказал я тихо, меж тем как странные видения проносились перед моими глазами. — Подумайте только о пароходах в открытом море: ведь они будут плыть и плыть, пока не погаснут их котлы или пока они не разобьются о подводные камни. А парусные суда? Они будут носиться по волнам со своим мёртвым экипажем и наполняться водой, пока дерево не сгниёт и швы не треснут и пока одно за другим они наконец не пойдут ко дну! Быть может, ещё и через сто лет Атлантический океан будет усеян старыми, покачивающимися на волнах обломками.

— А углекопы в шахтах! — угрюмо отозвался Саммерли. — Если когда-нибудь на земле снова появятся геологи, то они будут строить дикие теории о существовании человека в угольных слоях почвы.

— В науках я, конечно, мало что смыслю, — заметил лорд Джон, — но думаю, что мир отныне похож на пустующее помещение, сдающееся внаём. Но раз всё человечество стёрто с лица земли, откуда же взяться другим людям?

— Вначале земля была пуста и необитаема, —

пояснил Челленджер. — По определённым законам, связь которых лежит за пределами нашего знания, она населилась. Отчего бы тому же самому процессу и не повториться?

— Дорогой мой Челленджер, неужели вы в это верите?

— Не в моих правилах, профессор Саммерли, говорить то, во что я сам не верю. В вашем замечании не было нужды, — пророкотал Челленджер; борода у него внушительно встопорщилась, веки опустились.

— Ладно, ладно! Вы всю жизнь были упрямым догматиком и хотите остаться им до конца, — ответил Саммерли с кислой гримасой.

— А вы, сэр, всегда были спорщиком, напрочь лишённым фантазии, и нет надежды, что вы изменитесь.

— Да уж, это верно, злейшие враги не упрекнут вас в недостатке фантазии, — отпарировал Саммерли.

— Честное слово! — вмешался лорд Джон. — Это так похоже на вас — истратить последний глоток кислорода на то, чтобы наговорить друг другу грубостей. Какая разница, появятся люди на земле снова или не появятся? Уж нам, во всяком случае, не узнать этого никогда.

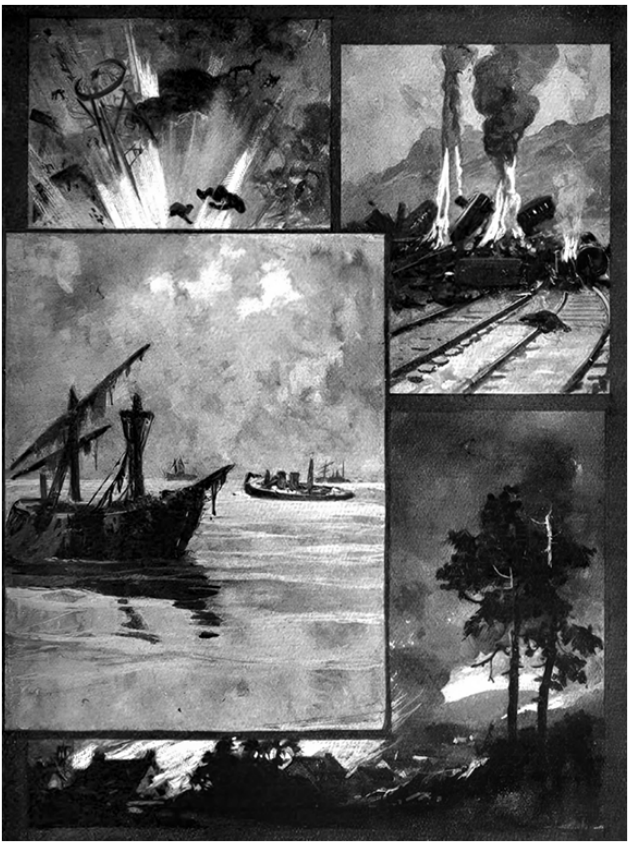
— Ваши суждения, сэр, выдают крайнюю ограниченность ума, — строго заметил Челленджер. — Мысль истинного учёного не связана условиями пространства и времени. Она способна проникать как в далёкое прошлое, так и в будущее. Подлинный учёный умирает на своём посту, его мышление методично до самого конца. Оно не зацикливается на такой мелочи, как собственный распад. Я прав, профессор Саммерли?

Саммерли не слишком учтиво выразил своё мнение.

— Согласен, но с некоторыми оговорками, — пробурчал он.

— Истинно научный ум… — я говорю в третьем лице, дабы не показаться слишком самонадеянным, — истинно научный ум способен размышлять над отвлечённым вопросом даже в ту минуту, когда его обладатель, вывалившись из гондолы воздушного шара, падает на землю. Лишь люди такого закала составляют когорту покорителей природы и хранителей истины!

— Мне почему-то кажется, что сегодня победит природа, — сказал лорд Джон, глядя в окно. — Я не раз читал в газетных передовицах, будто вы, господа учёные, покорили природу, но она, как выясняется, умеет дать сдачи.



— Ну, это только временная уступка, — убеждённо заявил Челленджер. — Что значат несколько миллионов лет в великом круговороте времён? Вы видите, растительный мир остался невредимым. Поглядите только на листья платанов! Птицы умерли, но растения живут, и из растений — в стоячих водах, в прудах и болотах, — постепенно возникнут микроскопические организмы, предвестники беспредельно великой армии жизни, тыл которой мы в данное время обязаны прикрывать. А как только образуется этот низший вид живых существ, из него, с такою же непреложностью, с какой из жёлудя вырастает дуб, разовьётся новый человеческий род. Колесо эволюции сделает ещё один оборот.

— Но разве яд не уничтожит возможность всякой жизни? — недоумённо спросил я.

— Яд, может оказаться, образует всего лишь известный слой, своего рода вредоносный Гольфстрим среди беспредельного океана эфира, по которому мы плывём. Или может выработаться определённая невосприимчивость, и жизнь приспособится к новым условиям. Уже сам факт, что сравнительно незначительного пересыщения нашей крови кислородом оказалось достаточно для борьбы с ядом, доказывает возможность

животной жизни без каких-либо значительных органических изменений.

Дымившийся за деревьями дом ярко разгорелся. Огромные языки пламени поднимались к небу.

— Ужас! — прошептал лорд Джон.

Я впервые видел его по-настоящему взволнованным.

— В сущности, не всё ли равно? — заметил я. — Мир мёртв, а кремация — лучшие похороны.

— Если огонь перекинется на наш дом, нам сразу крышка!

— Я предвидел эту опасность и попросил жену принять меры предосторожности, — сказал Челленджер.

— Они приняты, мой милый. Но в голове у меня опять начало стучать. Что за ужасный воздух!

— Сейчас мы его освежим, — сказал Челленджер и наклонился над баллоном с кислородом.

— Этот почти пустой, — заявил он. — Его хватило почти на три с половиной часа. Сейчас около восьми вечера. Мы свободно протянем ночь. Думаю, конец наступит завтра, часов в девять утра. Мы увидим ещё один рассвет, и он будет безраздельно нашим.

Он отвернул второй баллон и в то же время

открыл на полминуты отдушину над дверью. Когда воздух стал заметно свежее, а симптомы отравления у нас усилились, он снова захлопнул отдушину.

— Кстати, — сказал он, — не одним кислородом жив человек. Давно пора обедать. Уверяю вас, джентльмены, когда я пригласил вас к себе в надежде приятно провести время, я рассчитывал, что моя кухня не осрамится. Однако надо позаботиться о себе. Уверен, вы верно поймёте, если я не стану разводить огонь в плите, чтобы избежать бесполезной траты кислорода. Нам придётся довольствоваться холодными мясными блюдами, хлебом и пикулями. Найдётся и бутылка кларета… Спасибо тебе, моя дорогая! Ты, как всегда, лучшая из хозяек.

В самом деле, нельзя было не удивляться миссис Челленджер: за несколько минут, со спокойным достоинством, присущим английской хозяйке, она накрыла стоявший посредине стол белоснежною скатертью; потом разложила салфетки и подала скромный ужин со всею утончённостью современного комфорта вплоть до настольной электрической лампочки посреди стола. Но ещё больше удивил нас собственный аппетит, походивший на прожорливость.

— Это нервное, — сказал Челленджер тем снисходительным тоном, каким он привык в научном духе разъяснять повседневные явления. — Мы прошли через большое потрясение, оно равнозначно большой затрате молекулярной энергии, которая требует возмещения. Сильное страдание и сильная радость вызывают большой аппетит, а не отсутствие аппетита, как нас хотят убедить романисты.

— Вот почему крестьяне устраивают обильные поминки, — посмел и я вставить слово.

— Именно! Наш юный друг нашёл превосходную иллюстрацию этому явлению. Разрешите положить вам ещё ломтик копчёного языка?

— Совсем как у дикарей, — сказал лорд Джон, нацелившись на холодную телятину. — На реке Арувими хоронили одного вождя, и я сам видел, что дикари съели целого гиппопотама, весившего не меньше, чем всё их племя, вместе взятое. У некоторых туземцев Новой Гвинеи в обычае съедать на поминках и дорогого усопшего, вероятно, дабы добро не пропадало. Однако из всех поминальных пиршеств на свете наш обед самый оригинальный.

— Странное дело, — заметила миссис Челленджер, — я не чувствую в себе ни малейшей

скорби по умершим. Отец и мать остались у меня в Бедфорде. Я знаю, что они только что умерли, и всё же не могу в этой всемирной катастрофе оплакивать отдельных людей, пусть даже самых близких.

— А моя старенькая мать — в Ирландии, в своём деревенском домике! — сказал я. — Я словно вижу её перед собой: в шали и кружевном чепце, она лежит в своём старом кресле у окна, закрыв глаза, положив рядом с собою книгу и очки. Зачем мне оплакивать её? Она умерла, но умираю и я, и, может, там, в новой жизни, мы будем ближе, чем здесь, когда я жил в Англии, а она в Ирландии. И всё-таки мне горько, что её, моей родной, больше нет!

— Если речь о теле, — заметил Челленджер, — так мы же не горюем при разлуке с кончиками ногтей или прядями остриженных волос, хотя они когда-то составляли часть нас самих. И одноногий инвалид не льёт сентиментальных слёз о своей утраченной ноге. Наше тело было для нас главным образом источником боли и усталости. Оно постоянно указывало нам на нашу ограниченность. Так чего же нам огорчаться, когда оно отделяется от нашего духовного «я»?

— Если только одно отделимо от другого, —

пробурчал Саммерли. — Нет, что ни говорите, всеобщая смерть ужасна!

— Как я уже объяснял, — возразил Челленджер, — всеобщая смерть по своей природе должна ужасать нас куда меньше, чем смерть в одиночку.

— Как на войне, — сказал лорд Джон. — Если бы здесь на полу лежал только один мертвец, с большой раной в черепе и вдавленной грудной клеткой, вам было бы жутко на него смотреть. В Судане же я видел десятки тысяч таких трупов, и это не произвело на меня особенного впечатления. В ходе истории жизнь отдельного человека значит слишком мало, чтобы о ней беспокоиться. И когда умирают, как сегодня, тысячи миллионов, вы уже не отделяете свою личность от толпы.

— Ах, поскорей бы уж конец! — печально сказала миссис Челленджер. — Мне так страшно, Джордж!

— Ты встретишь конец храбрее всех нас, моя маленькая. Конечно, я вёл себя как старый ворчливый медведь, но ты должна принять во внимание, что Джордж Эдвард Челленджер таков, каким его создала природа, и он не мог вести себя иначе. Ведь ты не променяла бы его на другого?

— Ни на кого на свете, дорогой! — сказала она и обвила руками бычью шею мужа.

Мы с лордом Джоном и профессором Саммерли отошли к окну и застыли в изумлении перед открывшейся нам картиной. Надвинулась тьма, и мёртвый мир лежал во мраке. Но на южном горизонте простиралась огненная, багровая, довольно длинная полоса, которая то меркла, то вспыхивала вновь, начиная гореть самыми яркими красками и опять тускнея.

— Льюис горит! — вскричал я.

— Нет, это Брайтон, — сказал Челленджер, подойдя к нам. — Вы видите, волнистая линия гор возвышается перед заревом, значит пожар происходит за горами и раскинулся, вероятно, на много миль. По-видимому, весь город в огне.

В различных направлениях вспыхивали красные всполохи, пожар на рельсах продолжал пылать, но он казался светящейся точкой по сравнению с гигантским заревом за холмами. Какое сообщение можно было бы послать в газету! Был ли когда-нибудь у журналиста такой богатый материал и вместе с тем полная невозможность его использовать?

Потрясающее зрелище — и никого, кто бы оценил его! Во мне вдруг проснулся неугомонный

азарт репортёра. Если эти мужи науки до самого конца оставались на своих постах, то и я решил не ударить лицом в грязь и сделать то, что было в моих скромных силах. Конечно, моей статье не суждено найти читателя, но ведь мне нужно было как-то скоротать длинную ночь: я чувствовал, что поспать не удастся. Работа поможет провести эти томительные часы и занять свои мысли. Вот как получилось, что у меня есть бесценная записная книжка, страницы которой я сплошь исписал в ту ночь при тусклом свете единственной электрической лампы. Будь у меня поэтический дар, написанные мною строки соответствовали бы высокому пафосу всемирной трагедии; в настоящем же виде заметки мои просто поведают о наших переживаниях и томительном ужасе той страшной ночи.

Глава четвёртая
Дневник умирающего

«Как странно выглядят эти слова, написанные вместо заглавия на первой странице моей записной книжки! Но ещё более странно, что их написал я, Эдуард Мелоун, который каких-нибудь двенадцать часов назад вышел из своей квар-

тиры в Стритгеме, совершенно не подозревая о грядущих потрясениях. Я ещё раз перебираю в памяти сегодняшние события: мою беседу с Макардлом, предостережение Челленджера в „Таймс“, наши вздорные разговоры в поезде, приятный завтрак, катастрофу, и вот уже мы одни остались в живых на опустевшей планете. Участь наша столь ясна, что эти строки, которые я пишу по профессиональной привычке и которых никогда не прочтут человеческие глаза, кажутся мне словами умершего. Я стою перед входом в царство теней, куда уже ушли все находившиеся вне нашего крошечного убежища. Только теперь я сознаю, как мудро и правильно говорил Челленджер, что подлинная трагедия — пережить всё благородное, доброе, прекрасное. Но эта опасность нам не грозит: второй баллон с кислородом на исходе, и мы можем высчитать скудный остаток нашей жизни с точностью почти до минуты.

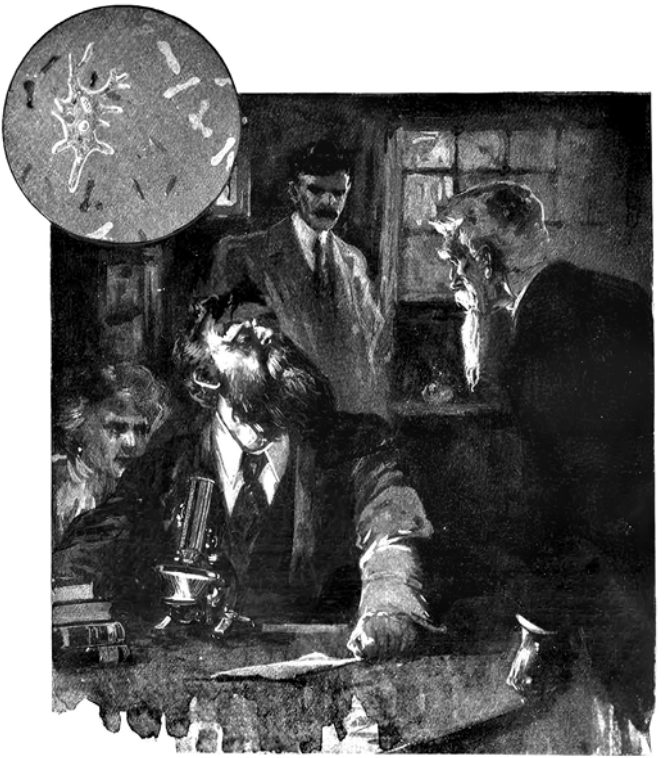
Челленджер только что преподнёс нам лекцию на добрых четверть часа. В возбуждении он так рычал на нас, словно громил с кафедры своих научных оппонентов, старых скептиков из академии. Правда, ему пришлось ораторствовать перед весьма необычной аудиторией: его жена, которая послушно соглашалась, не зная, чего он,

в сущности, хочет; Саммерли, сидевший у окна в раздражённом и ворчливом настроении, но слушавший с интересом; лорд Джон, растянувшийся в кресле со скучающим видом, и я, отстранённо взиравший на всех, как будто я вижу сон или это лично меня совершенно не касается. Челленджер восседал за столом, направив фонарь на пластинку под микроскопом, которую принёс из гардеробной. Яркий кружок света, отражённый от стекла, резко озарял часть его обветренного бородатого лица. Последнее время он, кажется, изучал низшие формы жизни, и его крайне взволновал тот факт, что амёба, которую он положил вчера под микроскоп, была ещё жива.

— Сами извольте убедиться! — возбуждённо повторял он. — Саммерли, может, вы всё-таки подойдёте и разрешите свои сомнения? Мелоун, не хотите проверить? Маленькие веретёнчатые тельца посредине — это лиатомеи; на них не стоит обращать внимания, так как это скорее растительные, чем животные существа. Но справа вы видите несомненную амёбу, лениво ползущую по освещённому полю. Этот верхний винт служит для установки. Взгляните-ка на неё.

Саммерли последовал приглашению и, закончив осмотр, не нашёл, что возразить Челлен-

джеру. Я также поглядел в микроскоп и увидел крошечное создание, которое было сделано словно из жидкого стекла, оставлявшего липкие следы на освещённом поле. Лорд Джон отнёсся к микроскопу с полным равнодушием.



— К чему мне ломать голову над вопросом, жива она или сдохла? — сказал он. — Мы ведь незнакомы, стало быть незачем особенно за неё тревожиться. Не думаю, чтобы и она утратила душевное спокойствие из-за нашего самочувствия.

Я невольно рассмеялся, а Челленджер бросил на меня холодный и укоризненный взгляд.

— Легкомыслие недоучек вредит науке больше, чем тупость невежды, — сказал он. — Если бы лорд Джон Рокстон соизволил…

— Дорогой Джордж, оставь свою язвительность, — вмешалась миссис Челленджер и ласково положила руку на чёрную гриву мужа, склонившегося над микроскопом. — Не всё ли равно, жива амёба или нет?

— Нет, далеко не всё равно! — угрюмо прорычал Челленджер.

— Так давайте же поговорим об этом, — с весёлой улыбкой сказал лорд Джон. — В конце концов, эта тема для разговора не хуже любой другой. Если вы считаете, что я слишком легкомысленно отнёсся к госпоже амёбе или как-нибудь оскорбил её лучшие чувства, то я охотно готов извиниться перед нею.

— Что до меня, — заметил Саммерли, по обыкновению, трескучим, сварливым тоном, — так я

вообще не понимаю, отчего вы придаёте такое значение обстоятельству, что амёба жива. Она дышит тем же воздухом, что и мы, а потому также подвержена воздействию яда. Вне этой комнаты она умерла бы, как и остальные животные.

— Ваше замечание, мой милый Саммерли, — сказал Челленджер с выражением невероятного превосходства (о, если бы я мог изобразить это самоуверенное, надменное лицо, с прыгающим по нему ярким зайчиком света от зеркальца микроскопа!), — ваше замечание лишь доказывает, что вы не способны правильно оценить положение. Эта особь взята вчера и герметически закупорена. Поэтому наш кислород не имел к ней доступа, а вот эфир, разумеется, проник туда, как и повсюду во Вселенной. Следовательно, животное устояло против яда. Отсюда мы вправе сделать вывод, что и вне этой комнаты всякая другая амёба не погибла, как вы ошибочно предположили, а пережила катастрофу.

— Даже в этом случае я не намерен разразиться громовым „ура“, — заявил лорд Джон. — Какая нам разница?

— Разница та, что мир не умер, как мы предполагали, а продолжает жить. Если бы вы обладали научным воображением, то могли бы, исходя

из одного этого факта, представить себе мир через несколько миллионов лет (а такой срок — мгновение в чудовищном потоке времён) и тогда увидели бы мир с животными и людьми, обязанными своим возникновением вот этому крохотному существу. Вам, верно, случалось видеть, как степной пожар сметает с поверхности земли всякий след травы и растений, оставляя лишь обугленную пустошь? Создаётся впечатление, что так останется навсегда. Однако корни растений не погибли, и, посети вы вновь то же место через несколько лет, вы бы не нашли, где пронёсся опустошительный пожар. Это микроскопическое существо является корнем всей животной жизни, и его эволюция сотрёт последние следы нынешней мировой катастрофы.

— Чертовски занятно! — сказал лорд Джон и неторопливо подошёл к столу, чтобы заглянуть в микроскоп. — Забавный карапузик! В будущем ты станешь первым экспонатом в галерее предков человека. Смотри-ка, какая красивая, большая пуговица у тебя на груди!

— Тёмное пятнышко — это клеточное ядро, — сказал Челленджер тоном няньки, которая учит азбуке своего питомца.

— Отлично! Стало быть, мы не можем чув-

ствовать себя одинокими, — рассмеялся лорд Джон. — На земле, кроме нас, живёт кое-кто ещё!

— Я вижу, Челленджер, вы твёрдо уверены, — сказал Саммерли, — будто мир создан исключительно с одной-единственной целью — порождать и поддерживать человеческую жизнь.

— А вы, сэр, можете указать другую цель мироздания? — ощетинился Челленджер при первом же намёке на возражение.

— Иногда я думаю, что только чудовищное самомнение человека внушает ему мысль, будто беспредельная Вселенная сотворена в качестве подмостков, по которым он мог бы важно расхаживать.

— Оставляя в стороне чудовищное самомнение, которое вы ставите нам в упрёк, люди могут со спокойной совестью сказать, что они самые развитые существа во всей природе.

— Самые развитые из известных нам существ.

— Само собою разумеется, многоуважаемый.

— Подумайте о миллионах, а может, и биллионах лет, когда пустая Земля вращалась в мировом пространстве, если даже и не вовсе пустая, то всё же без малейших признаков человеческого рода и без мысли о нём. Подумайте о бессчётных эрах,

когда землю заливали дожди, выжигало солнце, обвевали бури. По геологическому летосчислению, человек появился на свет, так сказать, всего лишь вчера. Как же можно полагать, что все эти гигантские приготовления свершались для его пользы?

— А для чьей? Для чьей же ещё?

Саммерли пожал плечами:

— Что я могу ответить? Это за пределами нашего понимания. Не исключено, что человек является всего лишь побочным продуктом, случайно возникшим в процессе эволюции. Положение совершенно такое же, как если бы вода на поверхности океана вообразила себе, будто океан предназначен для её создания и сохранения, или если бы мышь в соборе полагала, что здание воздвигнуто как её собственная резиденция.

До сих пор я дословно передавал их спор, но теперь он перешёл в шумную перебранку с многосложными научными терминами, которыми противники принялись бомбардировать друг друга. Разумеется, весьма лестно присутствовать при обсуждении величайших вопросов столь выдающимися умами; но при их постоянном расхождении во взглядах простые люди, вроде лорда Джона и меня, не могут вынести из по-

добного спора ничего положительного. Каждый опровергает сказанное другим, и в конце концов слушатели перестают понимать что бы то ни было. Но вот прения окончились, Саммерли съёжился в кресле, а Челленджер, колдующий над микроскопом, продолжает глухо ворчать, словно море после шторма. Лорд Джон подходит ко мне, и мы оба всматриваемся в ночь.

На небе светит бледная луна, на которую в последний раз глядят люди, и ярко горят звёзды. Даже в чистом воздухе южно-американской равнины не приходилось мне любоваться более ярким звёздным сиянием. Возможно, что на свет влияют изменения в эфире. В Брайтоне продолжает пылать губительный костёр, а вдалеке на западе виднеется багровое пятно — значит пожар охватил Эрандел или Чичестер, а может быть, и Портсмут. Я сижу в раздумье, делаю по временам записи. В воздухе разлита кроткая печаль. Неужели всему настал конец — молодости, красоте, отваге, любви?.. Озарённая звёздами земля похожа на сонное царство, полное сладостного покоя. Кто бы мог поверить, что эта земля — ужасная Голгофа, усеянная трупами погибшего человечества? Вдруг я услышал свой собственный смех.

— Ого, молодой человек! — Лорд Джон с изум-

лением воззрился на меня. — Мы, оказывается, можем ещё потешаться в столь грозный час? Что вы нашли смешного?

— Я невольно подумал обо всех тех *важных* вопросах, — ответил я, — на разрешение которых мы тратили уйму труда и умственных сил. Вспомните, к примеру, британско-германское соперничество или спор о Персидском заливе — конёк моего шефа. Мы дико спорили, обсуждая их в табачном чаду редакций. Кто бы мог тогда предугадать, как на самом деле разрешатся столь „важные“ вопросы?!

Мы снова погрузились в глубокое молчание. По-моему, каждый думает о близких, опередивших нас на пути в царство смерти. Миссис Челленджер тихо плачет, а её супруг шепчет ей слова утешения. Я вспоминаю людей, о которых до сих пор ни разу не подумал, и представляю, как они лежат бледные, неподвижные, подобно несчастному Остину во дворе. Вот, например, Макардл. Я точно знаю, где он умер, поникнув лицом на письменный стол, с телефонною трубкою в руке: я ведь сам слышал, как он упал. Редактор Бирмонт распростёрт, наверное, на своём турецком красно-синем ковре, украшающем его святилище. А мои коллеги в репортёрской комнате — Макдо-

на, Мюррей, Бонд? Они, скорее всего, умерли в разгаре работы. В руках у них записные книжки, полные сенсационных известий. Я представляю себе, как первого командировали к медицинским светилам, второго — в Вестминстер, третьего — в собор Святого Павла. Их последними видениями были, вероятно, великолепные ряды заголовков, которым никогда не суждено быть напечатанными. Вижу перед собою Макдону у медиков. „С надеждой смотрите на Харлей-стрит!“ — Мак всегда имел большое пристрастие к аллитерациям. — „Интервью с мистером Соулей-Вильсоном. Знаменитый специалист говорит: «Только не отчаиваться!» — Наш специальный корреспондент застал знаменитого учёного на крыше его дома, где тот укрылся от толпы взволнованных пациентов, осаждавших его квартиру. Признавая, что положение в стране весьма серьёзно, знаменитый врач, однако, не считает его безнадёжным“.

Так, вероятно, начал Мак. Затем следовал Бонд. Он немало гордился своим писательским дарованием. Тема пришлась бы ему по вкусу! „Когда я стоял на маленькой галерее под куполом Святого Павла и смотрел вниз на плотные толпы отчаявшихся людей, валявшихся в этот последний миг в пыли, до слуха моего донёсся такой

протяжный стон, исполненный мольбы и страха, такой ужасный крик о спасении…“ и так далее. Да, это был славный конец для репортёра, хотя всем им пришлось умереть, так и не использовав собранных сокровищ. Чего бы только не дал, например, бедняга Бонд, чтобы увидеть такую заметку, подписанную его инициалами!

Какой, однако, вздор я пишу! Очевидно, это попытка бороться с томительным ожиданием конца. Миссис Челленджер удалилась в гардеробную и, по словам профессора, крепко спит. Сам он сидит за столом, что-то спокойно пишет и справляется в книгах, словно ему предстоят ещё целые годы мирной работы. Наверное, нарочно пишет скрипучим пером, дабы громким скрипом выразить своё презрение всем не согласным с ним.

Саммерли задремал в кресле и прямо-таки невыносимо храпит. Лорд Джон откинулся на спинку кресла, засунул руки в карманы и закрыл глаза. Просто непостижимо, как вообще могут люди спать при подобных обстоятельствах?..

Половина четвёртого утра. Я только что пробудился. Было пять минут двенадцатого, когда я сделал последнюю запись. Я запомнил время, потому что завёл тогда часы и взглянул на циферблат. Следовательно, я растратил на сон пять

часов из тех немногих, какие нам ещё осталось жить. А я-то думал, что спать в последнюю ночь преступно! Но чувствую себя теперь бодрее, я примирился со своею участью, а может, просто хочу верить, что примирился.

Миссис Челленджер ещё спит. Челленджер заснул на своём стуле. Что за вид! Он откинулся назад, мощные волосатые руки сложены на животе, голова запрокинулась, а над воротником видна только взлохмаченная густая борода. Мощный храп сотрясает его огромное тело, а Саммерли вторит ему тенорком. Лорд Джон тоже уснул; его высокая фигура скорчилась наискось в плетёном кресле. Первые холодные лучи рассвета проскальзывают в комнату; всё серо и печально.

Я ожидаю восхода солнца, того страшного восхода, который осветит опустошённый мир. Род человеческий исчез, вымер в один день, но планеты продолжают кружиться, шепчутся ветры, и природа идёт своим путём, а ведь вскоре и следа не останется на земле от тех, кто считал себя венцом творения. Внизу во дворе, раскинувшись, лежит Остин; его лицо мерцает в сумеречном свете белым пятном, и похолодевшая рука всё ещё держит резиновый шланг. Трагическая и вместе с тем смешная поза! И лежит он рядом с

машиною, которой когда-то управлял...»

На этом кончаются записи, сделанные мною в ту ночь. Дальше события развивались столь стремительно и властно, что вести записи я не мог, но всё случившееся врезалось мне в память.

Удушливое ощущение в горле заставило меня взглянуть на баллоны с кислородом, и то, что я увидел, меня потрясло: срок нашей жизни истекал. Челленджер перенёс за ночь резиновый шланг с третьего баллона на четвёртый, но и этот, похоже, был почти пуст. Я почувствовал себя точно в тисках. Подошёл к баллонам, отвинтил шланг и прикрепил его к наконечнику последнего резервуара. При этом я испытывал угрызения совести, потому что подумал, как спокойно все скончались бы во сне, побори я себя. Но в следующий же миг эта мысль испарилась, когда из внутренней комнаты я услышал крик миссис Челленджер:

— Джордж, Джордж, я задыхаюсь!

— Всё уже в порядке, миссис Челленджер, — отозвался я, когда остальные вскочили со своих мест. — Я только что открыл новый баллон.

И даже в такую трагическую минуту я не мог удержаться от улыбки, взглянув на Челленджера, который протирал глаза огромными волосатыми

кулаками, точно большой бородатый младенец, только что пробудившийся ото сна. Саммерли дрожал как в лихорадке: страх смерти, когда он осознал своё положение, видимо, на короткое время победил стоический дух учёного. Зато лорд Джон был так спокоен и бодр, словно его разбудили утром, чтобы ехать на охоту.

— Пятый и последний, — сказал он, взглянув на шланг у баллона. — Что это у вас за блокнот на коленях, друг мой, неужто вы всю ночь просидели, записывая в него свои впечатления?

— Только несколько беглых заметок, чтобы скоротать время.

— Ну и выдержка! Наверное, только ирландец способен на такое. Боюсь, правда, что не скоро дождётесь читателей, ведь пока-то ещё подрастёт сестрёнка-амёба, которую сейчас мало интересует происходящее. Ну что, господин профессор, каковы наши виды на будущее?

Челленджер созерцал широкие покровы утреннего тумана, одевшего окрестности. Там и сям из облачного моря, подобно коническим островам, поднимались лесистые холмы.

— Природа точно в саван облачилась, — сказала миссис Челленджер, выйдя к нам в утреннем халате. — Это напоминает мне твою песенку,

Джордж: «Былому — звон похоронный, грядущему — благовест!» Пророческая песня!.. Но вы продрогли, мои бедные дорогие друзья! Я всю ночь пролежала в тепле, под одеялом, а вы мёрзли в креслах. Ничего, сейчас вы у меня согреетесь.

Отважная маленькая женщина скрылась за портьерой, и вскоре мы услышали гудение котелка. Через несколько минут она вынесла на подносе пять чашек с дымящимся какао.

— Пейте, — сказала она. — Вам сразу станет лучше.

И мы стали пить. Саммерли попросил разрешения закурить трубку, а мы взялись за папиросы. Я думал, что курение успокоит наши нервы; но мы совершили страшную ошибку, потому что воздух в запертом помещении стал невыносимо спёртым. Челленджеру пришлось открыть отдушину.

— Как долго ещё? — спросил лорд Джон.

— Пожалуй, ещё часа три, — ответил профессор, пожав плечами.

— Раньше мне было страшно, — сказала его супруга, — но чем ближе это мгновение, тем менее тяжёлым оно мне представляется. Не помолиться ли нам, Джордж?

— Молись, моя родная, если хочешь, — ласково ответил ей великан. — Каждый из нас молится на

свой лад. Примирённое приятие всего, что ниспосылает нам судьба, приятие полное и весёлое — вот моя молитва. Высшая вера и высшая наука для меня сливаются воедино.

— А вот я отнюдь не могу похвалиться своим настроением! — проворчал Саммерли, посасывая трубку. — Я мирюсь, потому что мне ничего другого не остаётся, но должен откровенно признаться, что охотно пожил бы ещё с годик, чтобы закончить свою классификацию известковых ископаемых.

— Ваша незаконченная работа — вещь пустяковая, — возвестил Челленджер, — если подумать, что мой собственный труд — «Эволюция жизни» — только начат. Мой умственный капитал, всё, что я до сих пор прочитал, мои опыты и наблюдения, мой воистину совершенно исключительный талант — всё это должно было войти в мою книгу, которая открыла бы в науке новую эру. Но повторяю, я не ропщу.

— Полагаю, — сказал лорд Джон, — что каждый оставляет что-нибудь незавершённое в этой жизни. Как обстоит, например, дело у вас, мой юный друг?

— Я как раз работал над томом стихов, — ответил я.

— Ну, хотя бы миру удалось от них спастись, — бодро заметил лорд Джон. — В каждом деле, молодой человек, есть хорошая сторона, нужно только уметь её найти.

— Ну а вы? — спросил я.

— Я как раз заканчивал сборы в дорогу, потому что обещал Маривалю отправиться с ним весною на Тибет поохотиться на снежных барсов. Но вам, миссис Челленджер, наверное, грустно: вы едва успели устроиться в этом уютном доме!..

— Где Джордж, там и мой дом. Но я бы многое дала, чтоб в последний раз побродить с ним по этим дивным холмам!

Её слова нашли отклик в наших сердцах. Солнце пробилось сквозь туман, и широкая долина купалась в его золотых лучах. Нежный ветерок легко пробегал по листьям и траве. Нам, истомившимся в затхлой и отравленной атмосфере комнаты, это ясное утро показалось волшебно прекрасным.

Миссис Челленджер в тоске простёрла руки к окну. Мы придвинули кресла и уселись перед ним полукругом. Воздух становился нестерпимо спёртым. Казалось, тень смерти вплотную подкралась к последним людям на земле. Будто незримый занавес опускался вокруг нас.

— Этого баллона хватило ненадолго, — прокомментировал лорд Джон, с трудом переводя дыхание.

— Количество кислорода не во всех баллонах одинаково, — ответил Челленджер. — Оно зависит от давления при заполнении и от плотности затвора. Я согласен с вами, Рокстон: последний баллон был с изъяном.

— Стало быть, у нас украдены последние часы жизни, — с горечью заметил Саммерли. — Характерный финал для подлого века, в который мы живём. Челленджер, вам предоставляется удобный случай наблюдать субъективные явления физического распада.

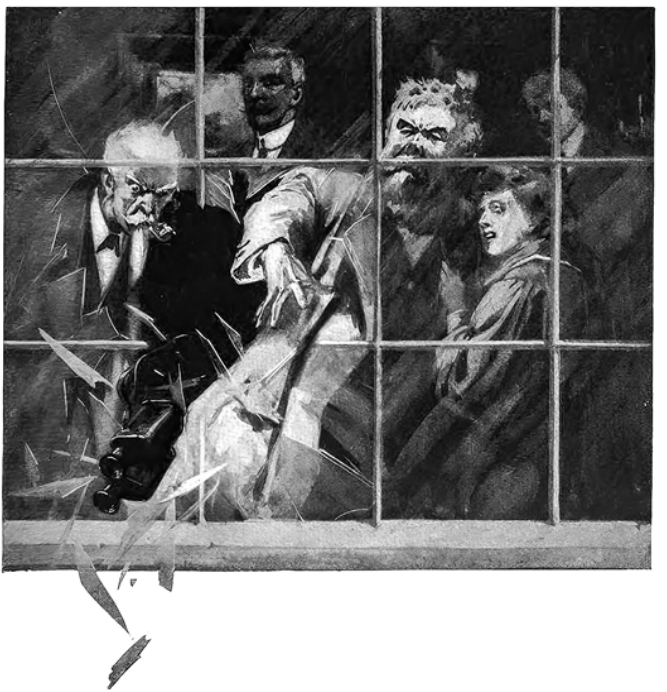
— Садись сюда и дай мне руку, — сказал Челленджер своей жене, указывая на скамеечку подле себя. — Мне кажется, друзья мои, что дальнейшее пребывание в этом невыносимом воздухе нежелательно. Что ты думаешь, моя дорогая?

Жена застонала и поникла лицом на его колени.

— Я видел людей, купавшихся зимою в проруби, — заговорил лорд Джон. — Те, кто мёрз на берегу, завидовали пловцам, решившимся окунуться в ледяную воду. Словом, я за то, чтобы одним махом покончить с этой историей.

— Значит, вы открыли бы окно и встретились бы с эфиром?

— Лучше умереть от яда, чем задохнуться!



Саммерли, кивнув, в молчаливом одобрении протянул Челленджеру свою худую руку.

— Хотя мы часто с вами спорили, но теперь всё позади, — сказал он. — Мы всегда оставались добрыми друзьями и в душе чувствовали друг к другу глубочайшее уважение. Прощайте!

— Прощайте, мой мальчик! — сказал мне лорд Джон. — Окна заклеены, и нам их не удастся открыть.

Челленджер нагнулся, поднял жену и крепко прижал её к груди, а она обхватила его шею руками.

— Дайте мне подзорную трубу, Мелоун, — сказал он.

Я передал ему трубу.

— Отдаёмся в руки той силы, которая создала нас! — воскликнул он громовым голосом и с этими словами швырнул трубу в окно.

Но прежде чем замер последний звон посыпавшихся осколков, чистый свежий воздух сильным и бесконечно сладостным дуновением обдал наши разгорячённые лица.

Я не знаю, как долго мы сидели в полном изумлении. Потом, как во сне, я услышал голос Челленджера.

— Мы опять вернулись в нормальную среду! —

воскликнул он. — Мир выскользнул из ядовитого пояса, но из всего человечества спаслись мы одни…

Глава пятая
Мёртвый мир

Помню, как мы сидели в креслах, жадно глотая воздух, а порывы свежего юго-западного ветра врывались к нам со стороны моря, поднимая на окнах кисейные занавески и обвевая наши пылающие щёки. Не знаю, сколько мы так просидели. После мы никак не могли столковаться по этому поводу. Мы были совершенно подавлены, оглушены, сознание наше помутилось. Мы призвали всё своё мужество, чтобы встретить смерть. И вот новый страшный и потрясающий факт: мы принуждены жить на планете в полном одиночестве. Осознание этого буквально парализовало нас. Затем остановившийся механизм постепенно пришёл в движение, снова начала работать голова, и мысли наши вновь обрели связность. С резкой, неумолимой ясностью поняли мы соотношение между прошлым, настоящим и будущим, между жизнью, какую мы вели прежде, и тою, которая ожидала нас в будущем. В немом отчая-

нии смотрели мы друг на друга, и каждый читал в глазах другого тот же мучительный вопрос. Вместо радости, которую должны чувствовать люди, бывшие на волосок от гибели и только что спасшиеся, нами овладело самое глубокое, беспросветное уныние. Всё, что мы любили на земле, оказалось смыто великим, неведомым, неизмеримым океаном, и мы остались на пустынном острове без спутников и надежды. Несколько лет мы будем рыскать, подобно шакалам, меж могилами вымершего человечества, а затем и нас ждёт одинокая, запоздалая кончина.

— Это ужасно, Джордж, ужасно! — воскликнула миссис Челленджер, захлёбываясь от рыданий. — Уж лучше бы нам уйти вместе со всеми. О, зачем ты спас нам жизнь? У меня такое чувство, словно одни мы умерли, а все остальные живы.

Густые брови Челленджера сдвинулись в напряжённом раздумье, и его огромная волосатая лапа сжала руку жены. Я заметил, что, когда миссис Челленджер бывала расстроена, она тянулась к мужу, словно ребёнок к матери.

— Хотя я и не фаталист, чтобы покорно со всем мириться, — заметил он, — но всё же убедился на опыте, что высшая мудрость всегда заключается в умении осваиваться с наличествующей

обстановкой.

Он говорил медленно, и в его полном голосе звучало глубокое чувство.

— Я с вами не согласен, — решительно заявил Саммерли.

— Не думаю, чтобы ваше согласие или несогласие могло хоть как-то повлиять на наше положение, — заметил лорд Джон. — Волей-неволей вам придётся с ним примириться. И какое значение имеет ваше личное мнение? Насколько помню, никто нас не спрашивал, когда начиналась эта история, согласны мы с ней или нет, и, надо думать, нас и теперь не спросят, довольны ли мы её результатами. Что бы мы ни думали о создавшемся положении, оно нисколько от того не изменится.

— Но мы можем приспособиться, — задумчиво сказал Челленджер, всё ещё любовно поглаживая руку жены. — Вы можете плыть по течению и найти душевный покой, можете также бороться с течением и потерять при этом бодрость и силы. Всё дело, стало быть, в нас, а потому примем вещи, какими они нам даны, и нечего больше это обсуждать.

— Но что нам делать? Для чего мы будем жить? — спросил я и в отчаянии устремил взгляд

в пустое небо. — Что делать мне, например? Газет больше нет, значит конец моему призванию.

— Не на кого больше охотиться, не с кем воевать, так что и для меня всё кончено, — уныло отозвался лорд Джон.

— Раз больше нет студентов и университетов, то, стало быть, и моя карьера кончена! — воскликнул Саммерли.

— Но у меня остался муж, остался дом — значит я могу благодарить Небо: у меня есть цель в жизни, — сказала миссис Челленджер.

— И у меня тоже, — заметил Челленджер. — Ведь наука не умерла, и самая катастрофа поставила нам множество чрезвычайно интересных проблем, которые ждут своего разрешения.

Он широко распахнул окно, и мы созерцали безмолвную долину.

— Постойте! Дайте сообразить, — продолжал он. — Вчера, в три часа пополудни или несколько позже, Земля так глубоко погрузилась в ядовитый поток эфира, что совершенно захлебнулась в нём. Теперь девять часов. Спрашивается, в каком часу вышли мы из ядовитой зоны?

— На рассвете воздух был особенно душен.

— Да и позже, — заявила миссис Челленджер. — Приблизительно в восемь часов я совершенно

ясно ощутила то особенное удушье, какое почувствовала вчера, в начале катастрофы.

— Стало быть, будем считать, что мы вышли из зоны в восемь часов. Семнадцать часов мир был погружён в ядовитый эфир. За это время Великий Садовник очистил свои ягоды от человеческой плесени, разросшейся на их поверхности. А разве нельзя допустить, что дезинфекция произошла неполная и что, подобно нам, остались в живых ещё и другие люди?

— Я тоже об этом подумывал, — сказал лорд Джон. — Почему именно нам быть единственными камешками, оставшимися на побережье после отлива?

— Послушайте, совершенно нелепо предполагать, что, кроме нас, ещё кто-нибудь мог пережить катастрофу, — решительно возразил Саммерли. — Вспомните, как убийственно действовал яд. Даже такой человек, как Мелоун, сильный, словно буйвол, и с канатами вместо нервов, так он и то едва вскарабкался по лестнице, а потом свалился замертво. Как можно после этого думать, будто кто-то выжил хоть через семнадцать минут, не то что семнадцать часов?

— А что, если кто-нибудь предвидел катастрофу и принял свои меры предосторожности, как наш

друг Челленджер?

— Сомневаюсь! — отозвался Челленджер, задрав бороду и прищурив глаза. — Сочетание наблюдательности, железной логики и богатого воображения — а только оно и позволило мне предвидеть опасность — столь редко, что едва ли может встретиться дважды в одном поколении.

— Итак, ваш вывод, что, кроме нас, умерли все?

— На этот счёт почти нет сомнений. Однако нужно учесть то обстоятельство, что яд действовал в направлении снизу вверх, а потому меньше повлиял на возвышенные местности. Это, несомненно, поразительное явление. В будущем оно представит чрезвычайно соблазнительное поле для наших исследований. Поэтому если кто-нибудь ещё выжил, помимо нас, то искать такого человека следует где-нибудь в тибетской деревне или в шалаше на альпийской вершине, поскольку они лежат на много тысяч футов выше уровня моря.

— А так как больше нет ни кораблей, ни железных дорог, то нам от уцелевших людей проку столько же, как если бы они находились на Луне, — сказал лорд Джон. — Меня интересует другое: игра уже сыграна или это только тайм-

аут?

Саммерли вытянул шею, чтобы обозреть весь горизонт.

— Воздух стал как будто прозрачнее и чище, — неуверенно заметил он, — но он и вчера был таким же. Нет никакой уверенности, что нам больше ничто не грозит.

Челленджер пожал плечами:

— Мне снова приходится вернуться к фатализму. Если мир и раньше когда-либо подвергался такому эксперименту — а это не исключено, — то произошёл он, несомненно, очень давно, а потому мы можем твёрдо рассчитывать, что ежели подобная катастрофа и повторится, то очень не скоро.

— Так-то оно так, — сказал лорд Джон, — но мы знаем, что при землетрясении за одним толчком обыкновенно немедленно следует другой. Мне кажется, что стоит немного поразмяться, пройтись и подышать свежим воздухом, пока у нас есть такая возможность. Раз наш кислород иссяк, то нам всё равно, где нас застигнет — на воле или в четырёх стенах.

Но после всех волнений, пережитых за истёкшие сутки, нами овладела полная апатия. Реакция была и нравственная, и физическая, в

глубине сознания гнездилось чувство безразличия ко всему, ничто, казалось, не имело более смысла. Даже Челленджер поддался этой апатии. Он сидел в кресле, подперев обеими руками могучую голову и уйдя в глубокое раздумье, пока лорд Джон и я не подхватили его под руки и чуть ли не насильно поставили на ноги, за что были вознаграждены свирепым взглядом и сердитым ворчанием раздражённого бульдога. Но когда из нашего тесного убежища мы вышли на вольный воздух, к нам мало-помалу стали возвращаться силы.

Но за какое дело могли мы взяться на всеземном кладбище человечества? Никогда ещё не приходилось людям встречаться с таким вопросом. Правда, в смысле наших телесных потребностей — даже в пределах роскоши — мы были обеспечены на будущее. Все запасы пищи, все винные погреба, все сокровищницы искусств были к нашим услугам. Нам довольно было протянуть к ним руку. Но какое это имело теперь значение? Стоило лучше подумать, за какие дела нам следовало приняться в первую очередь: они уже ждали нас.

Мы отправились в кухню и уложили обеих служанок на кровати. По-видимому, они умерли

совершенно безболезненно; одна сидела на своём стуле у печки, другая лежала перед раковиной для мытья посуды. Затем мы принесли со двора беднягу Остина. Его мускулы, сведённые судорогами смерти, были тверды, как дерево, а мышцы рта стянулись так, что лицо исказилось отвратительно-насмешливой гримасой. Эти признаки наблюдались у всех отравленных ядом. Куда мы ни приходили, всюду встречались с этими ухмыляющимися лицами, словно насмехавшимися над нашим ужасным положением и молча, с глумливой и злобной усмешкой взиравшими на злополучных счастливцев, переживших род человеческий.

— Вы как хотите, — заявил лорд Джон, беспокойно шагавший взад и вперёд по столовой, пока мы слегка подкреплялись едою, — а я просто не могу сидеть здесь, ничего не делая!

— Не будете ли вы так любезны, — ответил Челленджер, — сказать нам, что мы должны, по-вашему, делать?

— Прежде всего сняться с места и посмотреть, что, собственно, произошло.

— Я предложил бы то же самое.

— Но не в этой деревушке. Всё, что тут есть поучительного, мы можем увидеть из окна.

— Куда же мы двинем?

— В Лондон.

— Легко сказать, — заворчал Саммерли. — Сорок миль пешком отмахать — это нам пустяки, но решится ли на это Челленджер, с его толстыми короткими ногами, — это другой вопрос. Да я не могу и за себя ручаться.

Челленджер изрядно рассердился:

— Если бы вы соблаговолили, сэр, интересоваться только собственными телесными особенностями, то убедились бы, что они послужат вам достаточно обширным полем для наблюдений и весьма богатым материалом для бесед.

— Я совсем не имел намерения вас огорчить, мой милый Челленджер! — воскликнул наш бестактный товарищ. — Никто не ответствен за своё физическое сложение. Если природа наделила вас толстым, коротким туловищем, то естественно, что и ноги у вас должны быть ему под стать.

Челленджер пришёл в такую ярость, что аж лишился дара речи. Он только и мог, что рычать да щурить глаза, тряся взъерошенными волосами. Лорд Джон поспешил вмешаться, пока спор не разгорелся ещё сильней.

— Кто говорит о ходьбе? Да и зачем нам идти пешком? — спросил он.

— А вы что, предполагаете отправиться в Лондон на поезде? — съязвил Челленджер, всё ещё кипевший от гнева.

— А ваш автомобиль на что? Почему бы нам не воспользоваться им?

— По этой части я не специалист, — сказал Челленджер, дёргая себя в раздумье за бороду. — Но вы совершенно правы, лорд Джон, полагая, что человеческий интеллект, стоящий на столь высоком уровне, обязан справляться со всяким затруднением. Ваша мысль положительно превосходна, лорд Джон. Я сам отвезу вас в Лондон!

— Нет, вы за это, безусловно, не возьмётесь! — решительно заявил Саммерли.

— Нет, нет, Джордж, конечно, не надо! — воскликнула миссис Челленджер. — Ты уже пробовал однажды, и помнишь — ты тогда вдребезги разнёс полгаража.

— То была просто случайная неудача, — совершенно спокойно объяснил Челленджер. — Значит, вопрос решён: я сам отвезу всех в Лондон.

Лорд Джон спас положение:

— Какая у вас машина?

— «Хамбер», двадцать лошадиных сил.

— Да я же водил такую много лет! — заявил он и, помолчав, добавил: — Надо же, чёрт возьми!

Никогда не думал, что придёт день, когда смогу усадить в машину всё наличное человечество. Помнится, там как раз пять мест. Собирайтесь в дорогу, я подам машину к подъезду ровно в десять.

Точно в назначенное время к воротам, пыхтя и гудя, подкатил автомобиль с лордом Джоном за рулём. Я занял место рядом с ним, а на заднем сиденье между обеими враждующими державами — мужем и Саммерли — уселась миссис Челленджер. Лорд Джон разогнал машину, и мы понеслись в самое необычайное путешествие за всю историю человечества.

Природа в то августовское утро была прелестна: прохладный чистый воздух, золотой блеск летнего солнца, безоблачное небо, сочная зелень знаменитых суссекских лесов и тёмно-красные тона цветущей долины. Глядя на такую красоту, нельзя было и помыслить о катастрофе, если бы не мёртвая, всеобъемлющая тишина. Каждая населённая местность наполнена тихим шумом жизни, настолько глубоким и неизменным, что привыкший слух совсем уже не воспринимает его, как и живущие на морском берегу не слышат вечного рокота волн. Щебет птиц, жужжание насекомых, отдалённые звуки голосов, мыча-

ние скота, собачий лай, гудение поездов, стук лошадиных копыт по дороге создают смутный, непрерывный гул, который теперь исчез. Мёртвая тишина вызывала жуткое чувство. Она была так торжественна и трагична, что пыхтение и гул нашего автомобиля казались непристойным, святотатственным её нарушением, издевательством над величавым покоем, раскинувшимся, подобно огромному савану, над останками человечества. Кладбищенское безмолвие и дым, поднимающийся над пепелищами, совершенно не соответствовали нашему восхищению красотою природы.

И затем — мертвецы! Поначалу бесчисленные группы искажённых и осклабившихся мёртвых лиц леденили сердце. Производимое ими впечатление было так сильно и неизгладимо, что я и сейчас как бы заново переживаю ту поездку по долине мимо няни с её питомцами, мимо клячи, поникшей между оглоблями, мимо кучера, съёжившегося на козлах, и молодого человека в кебе, ухватившегося за дверцы, чтобы выпрыгнуть на дорогу. А вон шесть жнецов, устремивших в небо мёртвые, закатившиеся глаза. Но по милости благодетельной природы наши нервы вскоре притупились. Всепланетные размеры катастро-

фы подавляли чувство сострадания к отдельным жертвам. Личности сливались в группы, группы в массы, а последние слагались в единое, всеобщее явление, с которым приходилось считаться как с необходимой составной частью всего окружавшего. Лишь иногда особенно трагичная или причудливая сцена опять заставляла нас почувствовать ужас случившегося.

Помнится, участь детей мы воспринимали как чудовищную несправедливость. Мы едва удержались от рыданий, а миссис Челленджер и впрямь разрыдалась, когда мы проезжали мимо большой окружной школы и увидели длинные ряды маленьких тел, которыми была усеяна дорога к ней. Испуганные учителя в отчаянии отпустили школьников, но яд застиг их по дороге домой. Множество мертвецов лежало на подоконниках. В Тенбридже почти не было окна, из которого бы не глядело с застывшей усмешкою мёртвое лицо. Ощущение удушья, потребность в кислороде, удовлетворить которую смогли только мы, гнала всех к открытым окнам. На ступенях перед домами тоже лежали люди в домашних платьях; видимо, они в панике выбегали на улицу. Многие упали прямо на мостовой. Счастье ещё, что лорд Джон был опытным шофёром, потому что прокладывать себе дорогу среди трупов было далеко не лёгкой задачей. Через деревни и города можно было проехать лишь совсем медленно; я помню ещё, как перед школою в Тенбридже нам пришлось остановиться, чтобы очистить путь от загромождавших его тел.

Перед гостиницей в Саутборо стоял великолепный автомобиль. Его пассажиры, как можно было

догадаться, возвращались из увеселительной поездки в Брайтон или Истборн: три молодые элегантные дамы (у одной сидела на коленях китайская болонка), расфранчённый пожилой джентльмен и молодой аристократ, который даже не успел вынуть монокль из глаза, а между пальцами затянутой в перчатку руки продолжал держать погасшую сигару. Смерть, видимо, захватила их мгновенно, сковав в той позе, в какой они сидели. За исключением пожилого господина, который в приступе удушья сорвал с себя воротник, они походили на спящих.

У подножки автомобиля прикорнул официант, держа в руках поднос с несколькими разбитыми стаканами. С другой стороны лежало двое оборванцев — мужчина и женщина. Длинная, костлявая рука мужчины была протянута за милостыней. Одно мгновение уничтожило все социальные различия, превратив аристократа, нищего и собачонку в одинаково безжизненную массу разлагающейся протоплазмы.

Я вспоминаю и другую потрясающую картину в нескольких милях от Севенокса (как едешь к Лондону, то с левой стороны раскинулся красивый монастырь на высоком, поросшем травою холме). На пологом склоне этого холма мы уви-

дели группу школьниц. Вероятно, они молились, когда их настигла смерть. Перед ними лежали монахини, чуть же выше, лицом к ним, лежала одинокая женская фигура, вероятно настоятельница. В отличие от веселящейся компании в автомобиле, они, казалось, предвидели близкую смерть и собрались, чтобы достойно встретить её; наставницы и ученицы сошлись для последнего общего урока.

Мой ум терзался встречавшимися ужасами, и я тщусь подобрать слова, чтобы хоть приблизительно передать наши чувства. Наверное, лучше ограничиться одними фактами. Даже Саммерли и Челленджер были совершенно подавлены и молчали; слышался только тихий плач миссис Челленджер. Мы с лордом Джоном тоже не разговаривали, поскольку его внимание было поглощено дорогой, где то и дело встречались препятствия, которые было не так-то просто объехать. Лорд Джон как заведённый твердил одну и ту же фразу, которая в конце концов рассмешила меня — столь нелепо она звучала применительно к видению Страшного суда:

— Основательно сделано, ничего не скажешь!

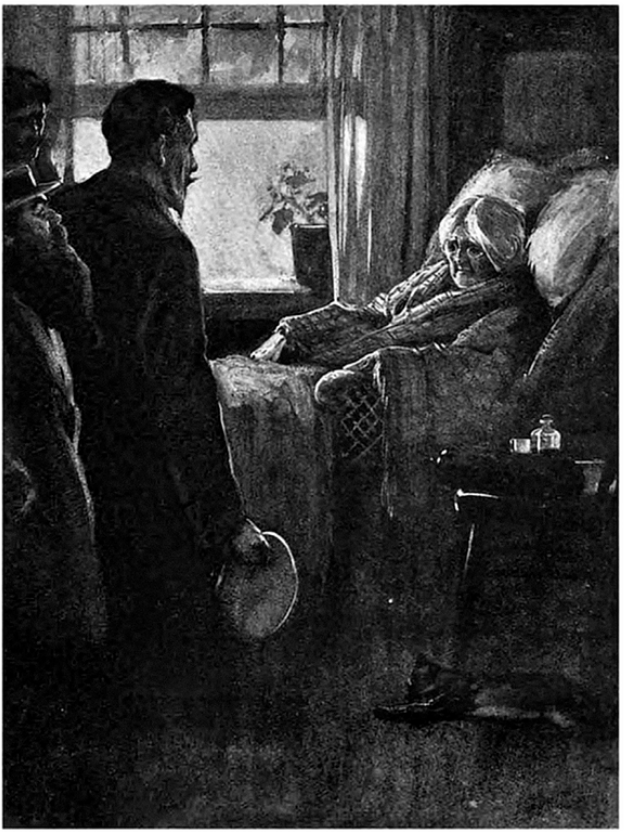
Этими словами он встречал каждую новую картину ужаса и смерти, открывавшуюся перед

нами.

— Основательно сделано, ничего не скажешь! — воскликнул он, когда мы уже спускались с Ротерсфильдской возвышенности, и приговаривал то же самое, когда мы проезжали через пустыню смерти по Хай-стрит в Льюишеме и по Старой Кентской дороге: — М-да, основательно сделано, ничего не скажешь!

Здесь мы испытали ещё большее нервное потрясение, хотя такое казалось уже невозможным: в окне углового дома мы увидели развевающийся белый платок, которым махала длинная, худая человеческая рука. Даже перед ужасами сегодняшнего дня наши сердца так не замирали, как при виде чудесного знамения жизни. Лорд Джон остановил машину, и мы бросились вверх по лестнице на второй этаж, в комнату, откуда нам махали платком.

Древняя старуха сидела в кресле перед открытым окном, и рядом с нею на другом кресле лежал баллон с кислородом, несколько меньший, чем те, которым мы были обязаны жизнью, но той же конструкции. Она повернула к нам худое, измождённое лицо в очках, когда мы толпой ввалились в дверь.



— Я уж боялась, что навсегда останусь одна, — сказала она. — Я больна и не могу пошевельнуться.

— К счастью, сударыня, мы случайно проезжали мимо, — сказал Челленджер.

— Я должна задать вам один очень важный вопрос, — прошамкала она. — Пожалуйста, скажите мне, джентльмены, совершенно честно: какое влияние окажут эти события на Лондон и на акции Северо-Западных железных дорог?

Если бы вопрос её не был так трагически серьёзен, мы бы, скорее всего, громко расхохотались. Миссис Барстон — так звали старуху — была вдовой и жила исключительно на небольшую ренту от этих акций. Уклад её жизни целиком зависел от подъёма или снижения дивидендов этого предприятия, и всё происходящее она воспринимала только в связи с тем, как оно отражалось на курсе её ценных бумаг. Тщетно старались мы ей растолковать, что теперь она может взять решительно все деньги на земном шаре и что эти деньги больше не имеют никакого смысла. Её угасавший ум не мог освоиться с новой мыслью, и она горько оплакивала своё погибшее состояние.

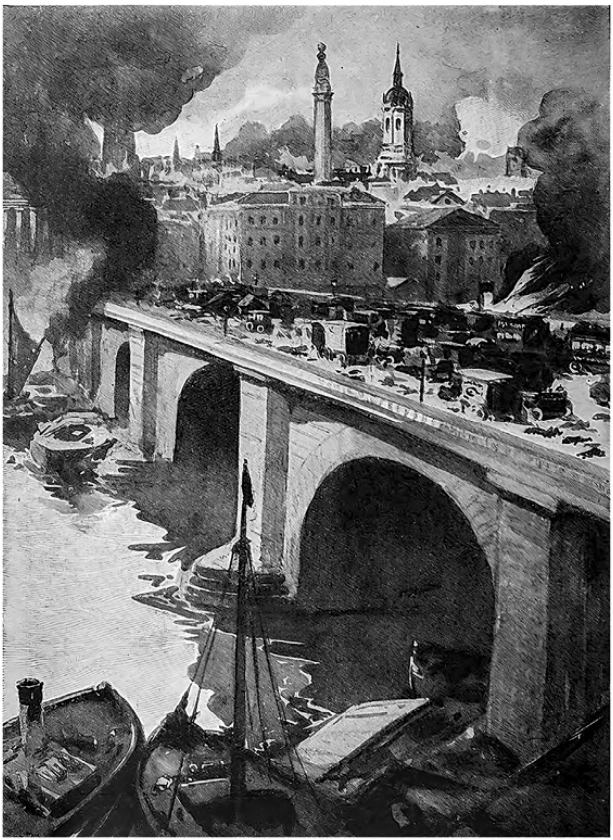
— У меня только и было что эти акции, — разохалась она. — Если они пропали, то и я пропаду.

Вперемежку с причитаниями она рассказала, каким образом ей посчастливилось выжить. Она страдала астмой, и врач предписал ей кислород; когда разразилась катастрофа, баллон с кислородом был у неё под рукой. Понятно, она начала вдыхать кислород, как делала обычно при затруднённом дыхании. Это принесло ей облегчение, и, постепенно расходуя свой запас, она ухитрилась пережить злополучную ночь. В конце концов она заснула беспокойным сном, и разбудил её только шум нашего автомобиля. Взять её с собою мы не могли, а потому снабдили её всем необходимым и пообещали проведать её через пару дней. Когда мы уходили, она по-прежнему горько оплакивала свои погибшие акции.

Подъезжая к Темзе, мы всё с бóльшим трудом продвигались вперёд, так как улицы становились у́же, а препятствий оказывалось всё больше. В конце концов нам удалось добраться до Лондонского моста. Въехать на него со стороны Мидлсекса было просто невозможно. В одном из доков ярким пламенем горел корабль, и в воздухе носился пепел вместе с едким дымом. Над парламентом был густой дым, но с того места, где мы находились, нельзя было установить, какое здание охвачено огнём.

— Не знаю, как вам, а мне город кажется ужаснее деревни! — сказал лорд Джон, остановив машину. — Мёртвый Лондон действует мне на нервы. Я предлагаю объехать его кругом и возвратиться в Ротерсфильд.

— Признаться, я не понимаю, что мы тут ищем, — сказал профессор Саммерли.



— И тем не менее, — сказал Челленджер, зычный голос которого звучал неестественно в гробовой тишине, — трудно допустить, чтобы из семи миллионов населения в живых осталась только одна старуха, да и то благодаря таким случайностям, как её болезнь и лекарство.

— Но даже если спасся кто-то ещё, Джордж, как мы разыщем их? — отозвалась его жена. — Впрочем, я согласна с тобой, что нельзя уезжать из Лондона, не выяснив всё до конца.

Мы вышли из автомобиля на обочину и двинулись по заваленному трупами тротуару вдоль Кинг-Уильям-стрит. Через открытые двери мы попали в здание солидного страхового общества, которое занимало угловой дом. Мы решили зайти именно сюда, чтобы сверху осмотреть близлежащие улицы. Поднявшись в верхний этаж, мы вошли в зал: за длинным столом сидело восемь пожилых мужчин, — очевидно, здесь проходило заседание. Мы вышли на балкон. Отсюда взорам нашим открылись многолюдные улицы Сити, расходившиеся во все стороны; улица прямо под нами была запружена замершими автомобилями. Большинство из них перед катастрофой ехали за город, из чего можно было заключить, что перепуганные дельцы Сити поспешили к своим

семьям в предместья. Там и сям среди скромных машин виднелись пышные, отделанные медью автомобили денежных тузов, беспомощно застрявшие в потоке парализованного уличного движения. Как раз под нашим балконом стоял такой, особенно большой и роскошно отделанный лимузин, владелец которого, толстый старик, выглядывал из окна, наполовину просунув сквозь него своё неуклюжее туловище и вытянув руку с короткими пальцами в бриллиантовых перстнях, словно понуждая шофёра во что бы то ни стало ехать вперёд.

Дюжины автобусов торчали в этом потоке, словно острова; пассажиры их лежали вповалку на империалах, как разбросанные игрушки. К фонарному столбу прислонился рослый полисмен в такой естественной позе, что чудилось, будто он жив. У ног его лежал оборванный мальчишка-газетчик, а рядом валялась кипа газет.

Тут же застрял фургон с газетами, и мы прочитали плакаты, напечатанные чёрными и красными буквами: «Скандал на футболе. Матч на первенство по графству прерван». Это был, по-видимому, утренний выпуск, потому что другие плакаты гласили: «Настал ли конец света? Предостережение знаменитого учёного» и «Прав

ли Челленджер? Тревожные вести».

Челленджер указал жене на этот плакат, поднимавшийся над толпой, словно знамя. Я видел, как Челленджер, читая его, напыжился и пригладил себе бороду. Видно, сложному уму учёного льстила мысль, что Лондон в час своей гибели ещё произносил его имя и думал о его пророчестве. Эти чувства так откровенно отразились на его лице, что Саммерли не удержался и съязвил:

— Что, Челленджер, в лучах славы до самого конца?

— Очевидно, так, — миролюбиво ответствовал тот. — Ну что же, — продолжал он, разглядывая улицы, — я не вижу больше причин, которые удерживали бы нас в Лондоне. Предлагаю как можно скорее возвратиться в Ротерсфильд и там обсудить, как с толком провести оставшиеся нам годы жизни.

Опишу ещё одну сценку, сохранившуюся в памяти. Покидая мёртвый город, мы решили заглянуть в старую церковь Богоматери, находившуюся неподалёку от места, где мы оставили машину. Проложив дорогу среди раскинувшихся на ступенях человеческих тел, мы открыли двери и вошли. Жуткое зрелище представилось нам.

IS IT THE END OF GREAT SCIENTISTS WARMING
IS CHALLENGER JUSTIFIED ?
IS CHALLENGER JUSTIFIED ?

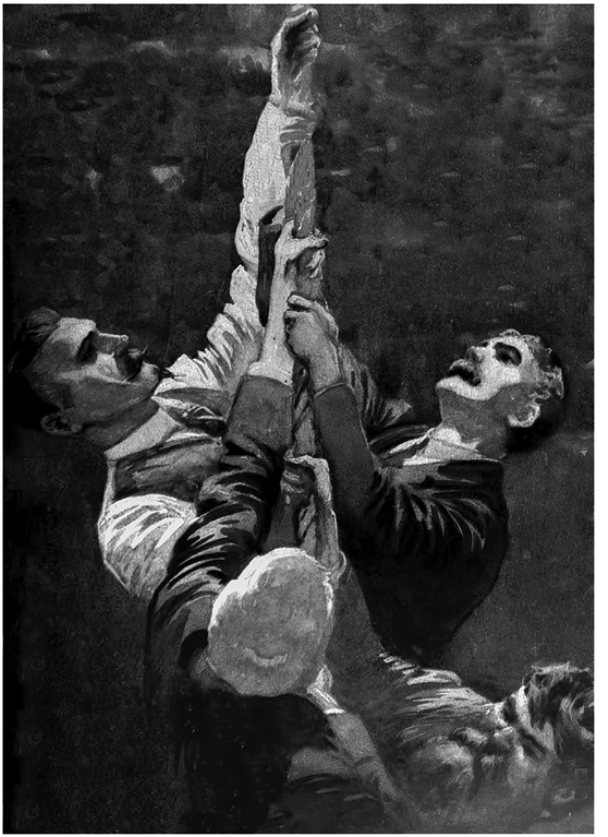
Церковь была переполнена молящимися, застывшими в самых разнообразных позах, выражающих мольбу и уничижение. Очевидно, столкнувшись внезапно в грозные последние минуты лицом к лицу со смертью, неотступно подстерегающей нас, пока мы гоняемся за иллюзиями и химерами, люди в панике кинулись в старенькие церковки Сити, где, верно, десятками лет служба не собирала паствы. В церкви было так тесно, что люди с трудом опускались на колени, забыв в переполохе обнажить голову, а с амвона к ним обратился какой-то молодой человек в одежде мирянина, но тут и его, и всех остальных, видимо, настигла смерть. Он лежал, как Петрушка в своём балаганчике, свесив через борт кафедры голову и бессильные руки. Это был кошмар: старенькая запылённая церковь, ряды фигур, застывших в предсмертной судороге, безмолвный сумрак. Мы ходили на цыпочках, шёпотом переговариваясь друг с другом.

И тут меня вдруг осенило. В углу церкви, недалеко от дверей, стояла купель, а за нею находилась глубокая ниша, где висели верёвки от колоколов. Надо зазвонить в колокола и известить всех оставшихся в живых, что живы и мы. Я поспешил в нишу, и когда попробовал потянуть за канат,

то, к своему изумлению, убедился, что звонить в колокол совсем не легко. Лорд Джон последовал за мною.

— Честное слово, мой мальчик, — воскликнул он, сбрасывая пальто, — вы чертовски здорово придумали! Дайте-ка и мне ухватиться, вдвоём мы живо раскачаем колокол.

Но колокол был невероятно тяжёл, и его помощи оказалось недостаточно. Лишь когда Челленджер и Саммерли повисли на канате вместе с нами, у нас над головой раздался металлический гул. Далеко над мёртвым Лондоном разносился призывный благовест ко всем оставшимся в живых. Мы чувствовали, как протяжный колокольный звон поднимает наше настроение, и с ещё большим воодушевлением раскачивали канат. Всякий раз, когда канат поднимался вверх, он увлекал нас за собою, подбрасывая на два фута, и мы соединёнными силами тянули его вниз. Челленджер был ниже всех по росту и затрачивал на эту работу все свои недюжинные силы. Причём он уморительно подпрыгивал, как огромная лягушка, и громко кряхтел при каждом усилии.



Мы работали в течение получаса, пока с лиц не заструился пот, а руки и плечи не заболели от непривычной нагрузки. Затем мы выбежали на церковную паперть и стали напряжённо вглядываться в тихие улицы. Ни один звук, ни одно движение не указывали на то, что наш колокольный призыв был кем-нибудь услышан.

— Без толку! Никого не осталось в живых! — вскричал я в отчаянии.

— Большего мы сделать не можем, — вздохнула миссис Челленджер. — Ради бога, Джордж, поедем обратно в Ротерсфильд! Ещё час в этом страшном вымершем городе — и я сойду с ума!

Мы молча уселись в машину, каждый на своё прежнее место. Лорд Джон развернулся и взял курс в южном направлении. Заключительная глава казалась нам дописанной. Могли ли мы тогда знать, что нас ожидает ещё одна — и столь невероятная!

Глава шестая
Вселенское воскресение

Итак, пора завершать мой рассказ. В мировой истории — я уже говорил об этом — данное событие возвышается надо всеми прочими, как

исполинская гора над скромными холмами у её подножия.

Нашему поколению, по-видимому, предназначена особенная судьба, коль мы смогли пережить столь невероятное событие. Научило ли оно людей смирению и надолго ли — покажет будущее. Излишне, думаю, говорить, что после этой катастрофы на земле не может сохраниться прежний порядок вещей. Человек не представлял себе, как он беспомощен и невежествен, пока незримая рука, державшая его на своей ладони, не сжалась и не сдавила его. Мы осознали, что можем погибнуть в любую минуту. Тень смерти нависла над людьми, и, как всегда в таких случаях, произошла переоценка ценностей, пересмотр жизненных целей: возобладали сознание долга, чувство глубокой ответственности, сокровенное стремление к совершенствованию. Перемена в мировоззрении каждого человека не связана ни с партийными, ни с религиозными влияниями. Изменился сам взгляд на будущее, пришло понимание ничтожности всего материального: мы лишь незначительные, эфемерные создания и существуем — пока нас терпят — до первого порыва ледяного ветра из Неведомого. Но едва ли Земля, умудрённая этим знанием, стала Планетой Пе-

чали. Нынешние удовольствия, воздержанные и трезвые, доставляют нам куда более глубокую и разумную радость, чем та шумная, бессмысленная суета, которая почиталась развлечением в минувшие дни — столь недавние, но безвозвратно ушедшие в прошлое! Пустая жизнь, которую мы расточали в бесцельном хождении по гостям или в приёме гостей, в хлопотах по слишком большому дому с целым штатом ненужной прислуги, в приготовлении изысканных блюд и отсиживании на скучных обедах, — всё это кануло в Лету, уступив место здоровому, спокойному досугу, посвящённому музыке, чтению, задушевной дружеской беседе в милом домашнем кругу. У людей стало больше здоровья, больше радости, и благодаря только этому они стали куда богаче, чем раньше, невзирая на выплату повышенных сборов в общественный фонд, ставший причиной подъёма общего уровня жизни людей.

Данные о точном часе великого пробуждения не совпадают. Учёные считают, что степень отравления зависела от местных условий. Разумеется, в каждой отдельной местности воскресение происходило одновременно. Многие свидетели удостоверяют, что Биг-Бен[28] показывал в тот миг 10 минут седьмого. Заведующий обсерваторией в Гринвиче указывает 12 минут седьмого, а лорд Джонсон, очень толковый астроном, утверждает, что момент пробуждения для Норфолка и Суффолка наступил в 20 минут седьмого. На Гебридах было, по слухам, 7 часов. Насчёт нашей местности сомнений быть не может, так как я в это время сидел в кабинете у Челленджера перед его испытанным хронометром. Было 6 часов 15 минут.

Я пребывал в глубоком унынии. Кошмары, виденные нами в пути, непомерной тяжестью легли на душу. Я от природы здоровый, крепкий человек, полный энергии и сил, и весьма не склонен поддаваться помрачению духа. Как истый ирландец, я оптимист и могу найти проблески надежды в самом мрачном положении. Но тогда мне всё казалось до отчаяния беспросветным. Друзья мои были в комнатах нижнего этажа и

[28] Notes: 28

Название больших часов на башне здания британского парламента в Лондоне.

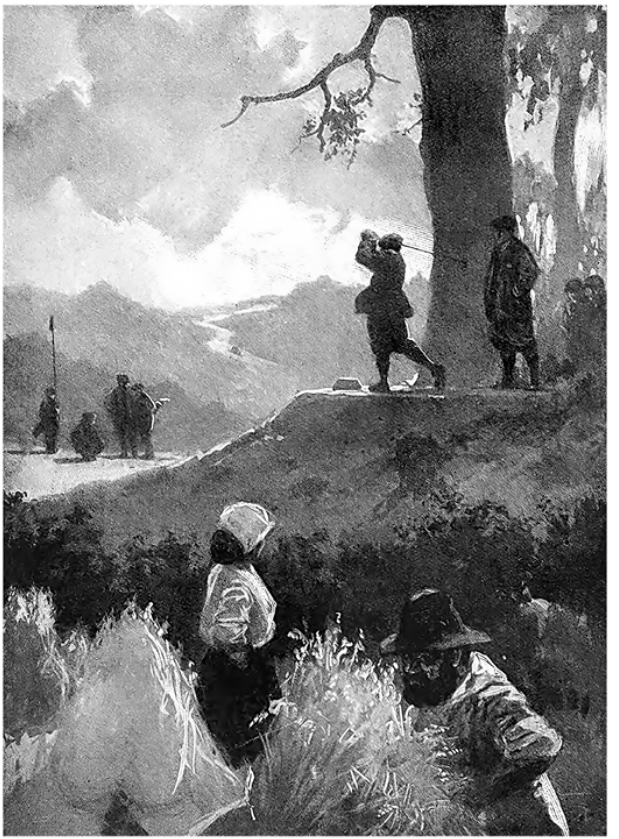
строили планы на будущее, а я сидел у открытого окна, опёршись на руку подбородком, и в одиночестве обдумывал нашу загадочную участь. Как сложится наша жизнь? Этот вопрос беспокоил меня в первую очередь. Возможно ли существование на мёртвой Земле? Каков будет наш конец? Захлестнёт ли нас снова ядовитой волной? Умрём ли мы, отравившись вследствие гигантского процесса разложения, который должен был начаться на планете? Или мы сойдём с ума от всемирного одиночества? Кучка сумасшедших на мёртвой Земле!

Эта мысль целиком завладела мной, и тут непонятный шум заставил меня взглянуть на дорогу…

Старая кляча тащила на гору знакомый кеб!

В тот же миг я услышал птичье щебетание, услышал, как во дворе кто-то кашляет. Я не сводил глаз с этой нелепой, заезженной, тощей клячи, которая медленно, с одышкой взбиралась на гору. Потом я взглянул на кучера, сгорбившегося на козлах, и, наконец, на молодого человека, который высунулся из дверцы и что-то возбуждённо толковал кучеру.

Они были бесспорно, ошеломляюще живы!



Ожили все — все и каждый! Неужели пережитое было только миражом? Можно ли допустить, что катастрофа мне приснилась? Мой потрясённый разум готов был этому поверить. Но тут я перевёл взгляд на свою руку с волдырями от канатов в церкви Богородицы. Стало быть, всё это было, было на самом деле. Человечество погибало, и вот мир воскресает, жизнь возвращается на нашу планету. Всё кругом задвигалось, и, к великому своему изумлению, я обнаружил, что каждый вновь принимался за то дело, за которым его застала катастрофа. Вон игроки в гольф. Кто бы подумал, что они спокойно продолжат игру?! Жнецы снова неторопливо принялись за работу. Няня наградила мальчугана шлепком и покатила коляску в гору. Всякий бессознательно продолжал дело там, где оно оборвалось.

Я помчался вниз по лестнице, но входная дверь была распахнута, и со двора доносились голоса моих товарищей, которые вне себя от радости и неожиданности жали друг другу руки и смеялись. Миссис Челленджер от восторга перецеловала нас и бросилась в медвежьи объятия супруга.

— Но ведь не могли же они спать?! — кричал лорд Джон. — Чёрт побери, Челленджер, не станете же вы доказывать, что люди могут спать вот

так — окоченелые, с закатившимися остекленелыми глазами и со страшным мёртвым оскалом на лице?!

— Полагаю, их состояние можно назвать столбняком или *каталепсией*, — сказал Челленджер. — В прежние времена тоже бывали подобные случаи, имевшие, правда, единичный, а не коллективный и всеобщий характер. Каталепсию очень часто принимали за смерть. При столбняке температура тела падает, дыхание прекращается, сердечная деятельность становится незаметной; это — смерть, с той лишь разницей, что такое состояние проходит. Даже самый глубокий ум, — тут он закрыл глаза и принуждённо усмехнулся, — едва ли мог предвидеть поголовную эпидемию каталепсии.

— Вы можете сколько угодно называть это состояние столбняком и каталепсией, — заметил Саммерли. — Вы всего лишь прицепили ярлык, но мы ничегошеньки не знаем ни об этом заболевании, ни о вызвавшем его яде. Самое большее, что мы можем утверждать: отравленный эфир явился причиною временной смерти.

Остин молча сидел на подножке автомобиля. Его-то кашель я и слышал раньше! Он о чём-то раздумывал, а потом забормотал, пристально

разглядывая кузов.

— Ах, пострел! — ворчал он. — Надо же ему было соваться!

— Что случилось, Остин?

— Натекло из маслёнок, сэр. Кто-то баловался с автомобилем. Должно быть, мальчишка садовника.

Вид у лорда Джона был виноватый.

— Не знаю, что со мною сделалось, — сказал Остин и, качаясь, встал. — Кажется, мне стало дурно, когда я мыл автомобиль; помню ещё, как свалился на подножку. Но ей-богу, сэр, никогда не бывало, чтоб у меня текло из маслёнки.

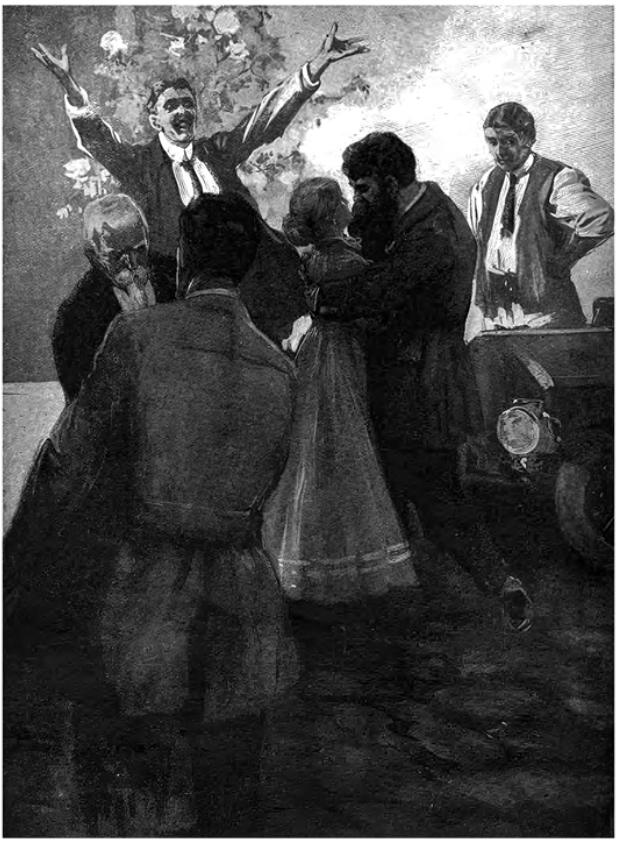
Изумлённому Остину рассказали вкратце о событиях последних суток. Тайна открытых маслёнок тоже была ему объяснена. Он слушал с явным недоверием, когда ему рассказывали, как любитель управился с его машиной, и глубоко заинтересовался всем, что ему говорили о нашей экскурсии в мёртвый город. Помню, когда мы закончили рассказ, он спросил:

— И вы были возле Банка Англии, сэр, и даже не зашли?

— Не зашли, Остин.

— Когда там у них денег миллионы, а люди все спали?

— Ну да.



— Эх, меня там не было! — простонал он и разочарованно принялся за мытьё кузова.

Вдруг со стороны дороги до нас донёсся звук приближающегося экипажа. Действительно, перед домом Челленджера остановился старый кеб. Я видел, как выскочил из него молодой человек, а немного спустя горничная, оторопелая и растерянная, словно её только что разбудили от глубокого сна, принесла на подносе визитную карточку.

Прочитав её, Челленджер яростно засопел, и казалось, каждый чёрный волос его гривы встал дыбом.

— Журналист! — прохрипел он, а затем сказал с презрительной улыбкой: — Впрочем, это естественно. Весь свет торопится теперь узнать моё мнение.

— Едва ли такова его цель, — заметил Саммерли. — Ведь он ехал сюда ещё до катастрофы.

Я прочитал карточку: «Джеймс Бакстер, лондонский корреспондент „Нью-Йоркского вестника“».

— Вы его примете? — спросил я.

— Конечно не приму.

— О Джордж! Тебе бы следовало теперь стать добрей и внимательнее к людям! Разве то, что мы пережили, тебя ничему не научило?

Челленджер успокоил жену, упрямо покачал головой и принялся распекать работников прессы:

— Зловредное племя! Не так ли, Мелоун? Худшие паразиты современной цивилизации, добровольное орудие в руках шарлатанов и помеха для всякого уважающего себя человека. Обмолвились ли они обо мне хотя б одним добрым словом?

— А от вас-то когда они слышали доброе слово? — возразил я. — Пойдёмте, сэр! Человек — иностранец, значит проделал большой путь, чтобы переговорить с вами. Уверен, вы не будете с ним излишне суровы!

— Ну ладно, ладно! — проворчал он. — Пойдёмте со мной, Мелоун, вы будете говорить вместо меня. Но знайте: я протестую против подобного насильственного вторжения в мою частную жизнь!

Ворча и бранясь, он поплёлся за мной, как сердитая цепная собака.

Расторопный молодой американец достал записную книжку и сразу приступил к делу.

— Я побеспокоил вас, сэр, — сказал он, — потому что моим американским соотечественникам было бы интересно побольше узнать о той опасности, которая, по вашему мнению, угрожает всему миру.

— Я ничего не знаю ни о какой опасности, которая в настоящее время угрожала бы миру, — проворчал Челленджер.

Журналист посмотрел на него с некоторым удивлением:

— Я имею в виду, сэр, ту возможность, что мир может попасть в зону ядовитого эфира.

— В настоящее время я не предвижу такой опасности, — ответил Челленджер.

Удивление журналиста возросло.

— Ведь вы профессор Челленджер? — спросил он.

— Да, именно так меня зовут.

— В таком случае я не понимаю, почему вы отрицаете эту опасность? Я ссылаюсь на ваше собственное письмо, напечатанное сегодня утром в лондонской «Таймс» за вашей подписью.

Настал черёд удивиться Челленджеру.

— Сегодня утром? Сегодня утром «Таймс» в Лондоне не выходила.

— Помилуйте, сэр! — сказал американец с мягким упрёком. — «Таймс» — ежедневная газета. — Он достал из кармана газету. — Вот письмо, на которое я ссылаюсь.

Челленджер потёр руки и улыбнулся.

— Я начинаю понимать, — сказал он. — Итак,

вы читали это письмо сегодня утром?

— Да, сэр.

— И сейчас же отправились брать у меня интервью?

— Совершенно верно, сэр.

— Не наблюдали ли вы по пути сюда чего-либо необычайного?

— Честно говоря, сэр, ваши соотечественники показались мне оживлённее и общительнее обыкновенного. Например, носильщик принялся рассказывать мне забавную историю. В ваших краях такого со мной ещё не случалось.

— И это всё?

— Да, сэр, больше ничего не припомню.

— Ну хорошо! Во сколько вы отбыли с вокзала Виктория?

Американец улыбнулся:

— Я приехал сюда интервьюировать вас, господин профессор, а вы, похоже, собираетесь подвергнуть допросу меня.

— Случилось так, что мне хотелось бы это знать. Так вы помните, в каком часу отправился поезд?

— Конечно: в половине первого.

— А когда вы приехали сюда?

— В четверть третьего.

— И вы наняли кеб?

— Совершенно верно.

— Как вы полагаете, сколько отсюда миль до станции?

— Думаю, не больше двух.

— А сколько времени, полагаете вы, отнял у вас этот путь?

— Эта кляча тащила меня с добрых полчаса.

— Стало быть, сейчас три часа дня?

— Да, часа три или начало четвёртого.

— Поглядите-ка на свои часы!

Американец последовал совету и озадаченно вытаращил на нас глаза.

— Послушайте! — воскликнул он. — Часы ушли вперёд. Лошадь, по-видимому, побила все рекорды. Да и солнце, как я вижу, стоит совсем низко. Что-то тут не так, но не понимаю что…

— Всё-таки не вспоминается вам что-либо необычайное, случившееся по дороге ко мне?

— Помню только, что я почувствовал сильную сонливость. Я как будто хотел что-то сказать кучеру, но он не стал меня слушать. Ещё у меня закружилась голова. Думаю, в этом виновата жара. Вот и всё!

— То же произошло и со всем человечеством, — сказал Челленджер, обращаясь ко мне. — Все почувствовали минутное головокружение, но

никто ещё не догадывается о том, что с ним произошло. Каждый будет продолжать прерванную работу, как Остин снова взялся за свой шланг или игроки в гольф вернулись к игре. Ваш редактор, Мелоун, снова примется за выпуск своей газеты и будет очень удивлён, что не хватает дневного выпуска.

— Да, молодой человек, — обратился он к американскому репортёру; на него вдруг снизошло благодушие, — вам, пожалуй, любопытно будет узнать, что мир невредимо прошёл через ядовитый пояс, который, подобно Гольфстриму, пронизывает эфирный океан. Вам следует ещё освоиться с мыслью, что у вас сегодня не пятница, двадцать седьмого августа, а суббота, двадцать восьмого и что вы ровно двадцать восемь часов провели в бессознательном состоянии в вашем кебе на Ротерсфильдском холме.

На этом, пожалуй, я и закончу свой рассказ, который, как вы, вероятно, заметили, представляет собой всего лишь более подробное и обстоятельное повторение отчёта, появившегося в понедельник в утреннем выпуске «Дейли газетт», — отчёта, который единогласно признан величайшей сенсацией за всё время существования прессы. Благодаря ему номер разошёлся

более чем в трёх с половиной миллионах экземпляров! Я вырезал великолепный анонс и повесил его в рамке у себя в редакционном кабинете. Он гласит:

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЧАСОВ МИР В СТОЛБНЯКЕ. НЕБЫВАЛОЕ ИСПЫТАНИЕ.

ЧЕЛЛЕНДЖЕР ОКАЗАЛСЯ ПРАВ. КАК СПАССЯ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА.

КИСЛОРОДНАЯ КОМНАТА. СЕМЬ КРУГОВ АДА НА АВТОМОБИЛЕ.

МЁРТВЫЙ ЛОНДОН. ДЕНЬ, ВЫПАВШИЙ ИЗ КАЛЕНДАРЯ.

ОГРОМНЫЕ ПОЖАРЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ. ВОЗМОЖНО ЛИ ПОВТОРЕНИЕ?

Под этими многообещающими заголовками следует отчёт на девяти с половиной столбцах, представляющий собой уникальное описание

постигшей планету катастрофы, насколько был в силах охватить её отдельный наблюдатель в течение одного долгого дня. Челленджер и Саммерли описали это событие в чисто научном журнале, а мне выпало на долю составление популярного очерка. После такого успеха чего ещё может ждать от жизни журналист?

Однако совесть не позволяет мне закончить книгу этим сенсационным анонсом и моим личным триумфом. Лучше я приведу ту выразительную страницу, которой наша крупнейшая газета заключает свою превосходную передовицу, — эта статья вполне заслуживает того, чтобы на ней остановил своё внимание каждый мыслящий человек.

«Общеизвестно, — пишется в „Таймс“, — что человечество — всего лишь жалкое племя пигмеев в сравнении с окружающими нас бесконечными таинственными силами. Данное предостережение идёт из глубины веков от древних пророков и равным образом звучит в устах современных мыслителей. Но, как и все часто повторяемые истины, оно с течением времени утратило свою убедительность.

Чтобы истина получила признание, требуется суровый урок, проверка на собственном опыте.

Таким уроком послужило нам то благотворное, хотя и мучительное испытание, через которое мы только что прошли. Мы ещё не оправились от потрясения, и наши души переполняет страх собственной незащищённости и бессилия.

За свой урок человечество заплатило страшную цену. Едва ли нам сейчас по силам осознать всю полноту постигшего нас бедствия. Но разве мало того, что нам уже известно? Если уничтожены пожарами Нью-Йорк, Орлеан, Брайтон, то разве мы не вправе говорить об одной из величайших трагедий в истории человечества?

Когда будет подведён итог катастрофам на железных дорогах и на море, он вызовет ужас, хотя из поступающих к нам сведений выясняется, что в большинстве случаев машинисты на поездах и пароходах, прежде чем поддаться воздействию яда, успевали застопорить машины.

Однако, как ни огромны человеческие жертвы и как ни велик материальный ущерб, нельзя сегодня думать только об этом. Со временем люди забудут точное число погибших. Но что никогда не забудется, что и впредь постоянно и по праву будет занимать наше воображение — это непостижимые возможности Вселенной, столь назидательно раскрывшиеся перед нами, равно как и крушение нашей невежественной самонадеянности. Да, мы получили наконец убедительные доказательства тому, как, оказывается, узка тропа нашего материального существования и какие бездны зияют по обе её стороны! Чувства наши сегодня проникнуты глубоким смирением и небывалой торжественностью. Так пусть же человечество, став теперь мудрей и скромнее, сумеет воздвигнуть на этой основе новый и более достойный храм».

1913 г.

Когда земля вскрикнула

Если мне не изменяет память, мой друг Эдвард Мелоун, журналист из «Газетт», как-то упоминал о профессоре Челленджере, — кажется, ему довелось участвовать вместе с ним в каких-то удивительных приключениях. Однако обычно я так поглощён работой и моя фирма настолько завалена заказами, что в голове у меня удерживаются лишь факты, не выходящие за рамки моих профессиональных интересов. Вот и о Челленджере я имел самое смутное представление — помнится, слышал о нём как о гениальном сумасброде, нрава вспыльчивого и необузданного. Поэтому я был крайне удивлён, получив однажды от него деловое письмо следующего содержания:

14-бис, Энмор-Гарденс,
Кенсингтон.
Сэр!

Мне необходимо воспользоваться услугами специалиста по артезианскому бурению. Не скрою, сам я невысокого мнения о специалистах узкого профиля и предпочитаю людей, обладающих, подобно мне,

универсальным интеллектом, – у них более разумный и широкий взгляд на вещи, нежели у тех, кто специализируется в какой-то отдельной области (что, увы, часто является не более чем ремеслом) и потому наделён весьма ограниченным кругозором. Тем не менее я намерен Вас испытать. Мне довелось просматривать список авторитетных специалистов по артезианскому бурению, и моё внимание привлекло Ваше имя – несколько странное, чуть было не сказал «нелепое»; наведя справки, я выяснил, что мой юный друг, м-р Эдвард Мелоун, знаком с Вами. Ввиду этого имею честь сообщить, что буду рад побеседовать с Вами, и если Вы мне подойдёте – а мои требования довольно высоки, – я, вероятно, сочту возможным доверить Вам одно весьма важное дело. Большего пока сказать не могу, поскольку дело это сугубо конфиденциальное и обсудить его можно только в приватной беседе. В связи с этим прошу Вас отменить все другие дела и прибыть по вышеуказанному адресу в следующую пятницу в 10:30 утра. Перед дверью име-

ется скребок для обуви и коврик – миссис Челленджер крайне щепетильна в этом отношении.

Остаюсь, сэр, как всегда,

Джордж Эдвард Челленджер.

Я отдал письмо своему старшему клерку, и тот от моего имени сообщил профессору, что, мол, мистер Пэрлисс Джонс рад принять приглашение. Это было вполне корректное деловое письмо, и начиналось оно с обычной фразы: «Ваше письмо от (без даты) получено». Это вызвало новое послание профессора:

Сэр, – писал он, и почерк его напоминал забор из колючей проволоки, – *я вижу, Вы выражаете неудовольствие в связи с тем, что моё письмо не датировано. Позвольте обратить Ваше внимание на тот факт, что в качестве некоторой компенсации за чудовищные налоги наше правительство имеет обыкновение ставить маленькую круглую печать, или штамп, на внешней стороне конверта, где и указана дата отправления. Если этот штамп отсутствует или же неразборчив, то Вам следует адре-*

совать свой упрёк соответствующей почтовой конторе. А Вас я попросил бы сосредоточиться на вопросах, имеющих непосредственное отношение к делу, ради которого я обратился к Вам, и не заниматься комментариями по поводу формы, в которой написаны мои письма.

Я понял, что имею дело с сумасшедшим, поэтому счёл благоразумным, прежде чем дать согласие или отказаться, навестить моего друга Мелоуна; мы знакомы ещё с тех давних пор, когда оба играли в раггер[29] за Ричмонд. Я нашёл его всё тем же весельчаком-ирландцем; его очень позабавила моя первая стычка с Челленджером.

---

[29] Notes: 29
Раггер — разговорное название регби.

— Это пустяки, старина, — сказал он. — Сто́ит провести в его обществе хотя бы пять минут — и покажется, что с тебя заживо содрали кожу. Уж по части оскорблений ему нет равных!

— Так почему же все это терпят?

— Вовсе нет. Если сосчитать все судебные процессы по обвинению в клевете, все скандалы и оскорбления действием полицейского суда...

— Оскорбления действием?!

— Да, бог ты мой, ему ничего не стоит спустить человека с лестницы, если тот хоть в чём-то с ним не согласен. Это примитивный пещерный человек в пиджачной паре. Я представляю его себе с дубиной в одной руке и кремнёвым топором в другой. Если некоторые рождаются не в своё столетие, то он появился на свет не в своё тысячелетие. Ему бы жить в раннем неолите или около того.

— И при всём при том он профессор!

— В том-то и чудо! Это самый могучий интеллект в Европе, к тому же подкреплённый такой активностью, которая позволяет ему воплотить все замыслы. Коллеги постоянно вставляют ему палки в колёса, поскольку люто ненавидят его, но это всё равно что сотне траулеров пытаться удержать на месте трансатлантический гигант. Он просто не обращает на них внимания и спокойно идёт своим курсом.

— Ясно одно, — сказал я, — я не желаю иметь с ним ничего общего и, пожалуй, отменю встречу.

— Ни в коем случае! Ты будешь точен до минуты, да-да, именно до минуты, иначе тебе здорово достанется.

— Это с какой же стати?

— Изволь, объясню. Прежде всего, не принимай

близко к сердцу то, что я наговорил тебе о старике. Всякий, кому удаётся сойтись с ним поближе, привязывается к нему всей душой. У старого медведя, в сущности, доброе сердце. Помню, как он сотни миль нёс на руках заболевшего оспой индейского младенца — из глухих дебрей до самой Мадейры[30]. Он велик во всём. И всё будет в порядке, если вы с ним сработаетесь.

— Надеюсь, что не предоставлю ему такой возможности.

— Смотри, прогадаешь. Ты слышал что-нибудь о таинственных раскопках в районе Хенгист-Даун на южном побережье?

— Думаю, это какие-то секретные изыскания, связанные с угледобычей.

Мелоун подмигнул:

— Можешь называть это как хочешь. Видишь ли, я пользуюсь полным доверием старика и не могу сказать ничего определённого, покуда он сам не разрешит. Но кое-что всё же могу тебе сообщить, поскольку это было в газетах. Некто Беттертон, разбогатевший на каучуке, несколько лет назад оставил всё своё состояние Челленджеру с условием, что эти средства будут

---

[30] Notes: 30

Мадейра — река в Южной Америке, самый большой приток Амазонки.

использованы в интересах науки. Оказалось, что это колоссальная сумма — несколько миллионов. Тогда Челленджер приобрёл земельный участок в районе Хенгист-Дауна в Суссексе. Это была бросовая земля на северной оконечности мелового края, значительную часть которой он обнёс колючей проволокой. Посередине участка была глубокая лощина. Здесь он и начал раскопки. Заявил, — тут Мелоун снова подмигнул, — что в Англии есть нефть и он намерен это доказать. Построил небольшой комфортабельный посёлок, заселил рабочими, положив им хорошее жалованье, и те поклялись держать язык за зубами. Как и весь участок, лощина тоже обнесена колючей проволокой и охраняется сторожевыми собаками. Из-за этих зверюг несколько репортёров чуть было не лишились жизни, не говоря уж о штанах. Дело это, небывалое по размаху, ведёт фирма сэра Томаса Мордена, но и её сотрудники поклялись молчать. А сейчас, видно, наступило время, когда потребовалась помощь специалиста по артезианскому бурению. Надеюсь, теперь-то ты не откажешься от этого предложения? Не глупи, дело сулит массу новых впечатлений, а вдобавок и чек на кругленькую сумму, не говоря уж о перспективе поработать бок о бок с самым уди-

вительным человеком из тех, кого ты когда-либо встречал или сможешь повстречать в будущем.

Доводы Мелоуна подействовали, и в пятницу утром я отправился в Энмор-Гарденс. Я так боялся опоздать, что оказался у двери на двадцать минут раньше назначенного. Я томился в ожидании у дома, и вдруг взгляд мой упал на «роллс-ройс», который показался мне знакомым — у него была характерная серебристая стрелка на дверце. Ну конечно же, это автомобиль Джека Девоншира, младшего компаньона знаменитой фирмы Мордена. Я знал его как учтивейшего из смертных и поэтому был весьма шокирован, когда он, внезапно появившись в дверях, воздел руки к небесам и с чувством воскликнул:

— О, будь он проклят! Чёрт бы его побрал!

— Что случилось, Джек? Вы, кажется, чем-то огорчены?

— Привет, Пэрлисс! Вы что, тоже ввязались в это дело?

— Пока нет, но, похоже, у меня есть шанс.

— Ну, тогда вам не позавидуешь!

— Да что с вами такое случилось? Вы, кажется, на грани срыва.

— Пожалуй что так. Судите сами: выходит дворецкий: «Профессор просил меня сообщить

вам, сэр, что он в настоящее время крайне занят — кушает яйцо, — но если вы посетите его в более удобное время, весьма вероятно, что он примет вас». Так он и велел мне передать. Могу добавить, что я приходил получить сорок две тысячи фунтов, которые он нам задолжал.

Я присвистнул:

— Вы не можете получить с него долг?!

— О нет, платить он не отказывается. Надо отдать должное этой старой горилле: он не скряга. Но платит когда хочет и как хочет, ему никто не указ. Ну что ж, теперь вы попытайте счастья, посмотрим, как он вам понравится.

С этими словами Джек вскочил в свой лимузин и был таков.

Время от времени поглядывая на часы, я ждал, когда наступит час испытания. Должен сказать, что я не из робкого десятка и в своём «Белсайз-боксинг-клубе» устойчиво держу второе место в среднем весе, но никогда я так не волновался перед деловым визитом. Физической расправы я не боялся: даже если этот безумец войдёт в раж и набросится на меня, я, конечно же, смогу за себя постоять; скорее, это было сложное чувство, в котором страх перед публичным скандалом перемешивался с опасением потерять выгодный

контракт. Однако не так страшен чёрт, как его малюют. Я захлопнул часы и направился к двери.

Мне открыл пожилой дворецкий с каменным лицом, выражение которого (или, вернее, отсутствие такового) явственно говорило, что его обладатель привык к любым потрясениям и ничто на свете уже не может его удивить.

— Вам назначено, сэр?

— Конечно.

Он заглянул в список, который держал в руке:

— Ваше имя, сэр?.. Всё точно, мистер Пэрлисс Джонс. Десять тридцать. Всё в порядке. Мы должны соблюдать осторожность, мистер Джонс, поскольку нас одолевают журналисты. Профессор, как вы, возможно, осведомлены, недолюбливает прессу. Пожалуйте сюда, сэр. Профессор Челленджер сейчас примет вас.

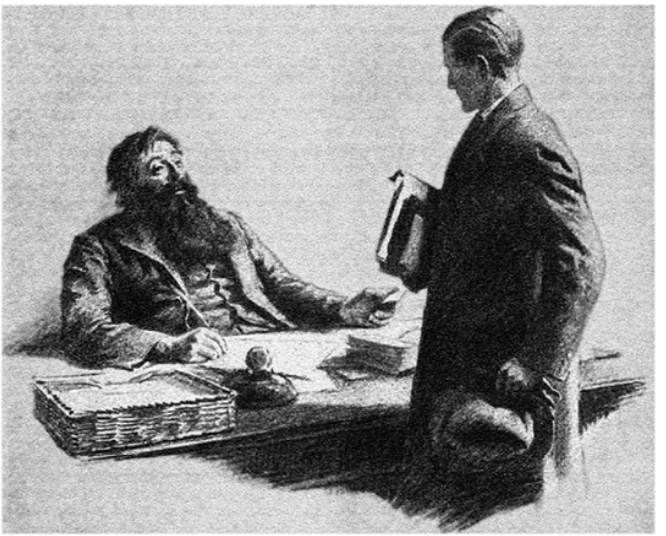
В следующее мгновение я уже был в обществе профессора. Мой друг Тед Мелоун в своём рассказе «Затерянный мир» обрисовал этого человека гораздо лучше, чем это мог бы сделать я, и потому не стану затруднять себя описанием. Единственное, что бросилось мне в глаза, — это исполинских размеров туша за письменным столом красного дерева, длинная чёрная борода лопатой и два громадных серых глаза, вызывающе глядящие из-

под полуприкрытых век. Огромная голова была откинута назад, борода выдвинута вперёд, и всем своим видом, выражавшим высокомерное нетерпение, он словно говорил: «Ну, какого чёрта тебе здесь надо?» Я положил на стол свою карточку.

— Ага, — сказал он, взяв карточку так, будто она скверно пахла. — Ну да, конечно. Вы и есть так называемый эксперт мистер Джонс. Мистер Пэрлисс Джонс. Скажите спасибо вашему крёстному отцу, мистер Джонс, поскольку именно это нелепое имя[31] и привлекло поначалу моё внимание.

[31] Notes: 31

Игра слов: peerless *(англ.)* — бесподобный, несравненный. В данном случае — имя героя.



— Профессор Челленджер, я пришёл сюда для деловой беседы, а не для того, чтобы обсуждать с вами моё имя, — сказал я с достоинством.

— Вы, милый мой, похоже, очень обидчивы. У вас нервы не в порядке. С вами надо быть начеку,

мистер Джонс. Прошу вас, садитесь и успокойтесь. Я читал вашу брошюрку о мелиорации Синайского полуострова. Вы её сами написали?

— Конечно, сэр. Кажется, на обложке проставлено моё имя.

— Вот именно! Вот именно! Но это не всегда одно и то же, не так ли? Тем не менее я готов принять на веру ваше утверждение. Книга эта не лишена определённых достоинств. За скучным, тяжеловесным слогом обнаруживаются неожиданные проблески мысли. Тут и там мелькают крупицы здравого смысла. Вы женаты?

— Нет, сэр. Не женат.

— Ну, в таком случае есть надежда, что вы сумеете хранить тайну.

— Если уж я дам слово, то непременно его сдержу.

— Ну хорошо. Мой юный друг Мелоун, — (он говорил так, словно Теду было не больше десяти лет от роду), — хорошо отзывается о вас. Он считает, что вам можно доверять. Это очень важно, поскольку я в настоящее время провожу один из величайших экспериментов — можно даже сказать, величайший эксперимент — в мировой истории. И предлагаю вам участвовать в нём.

— Почту за честь.

— Это действительно большая честь. Признаюсь, я не привлёк бы никого к этому делу, если бы гигантский размах предприятия не требовал специалистов высочайшего класса. Теперь, мистер Джонс, заручившись вашим словом, перехожу к существу вопроса. Так вот, я считаю, что Земля, на которой мы живём, сама является живым организмом, со своим кровообращением, органами дыхания, а также нервной системой.

Передо мной, несомненно, сидел сумасшедший.

— Ваш мозг, насколько я могу судить, — продолжал он, — не в состоянии воспринять мою идею. Но постепенно он свыкнется с ней. Вспомните хотя бы, насколько болотистая местность, поросшая вереском, напоминает волосяной покров гигантского животного. И такие параллели можно провести везде и во всём. Подумайте о периодических подъёмах и опусканиях суши, которые можно сравнить с медленным дыханием животного. Наконец, обратите внимание на бесконечное ёрзанье и почёсывание, которые наш лилипутский разум воспринимает как землетрясения и бури.

— А как насчёт вулканов?

— Да-да-да. Они соответствуют тепловым точ-

кам нашего тела.

Мысли путались у меня в голове — я судорожно пытался найти аргументы против этих чудовищных фантазий.

— А температура?! — вскричал я. — Ведь неопровержимо доказано, что она стремительно повышается по мере продвижения вглубь земли, а центр земли — это расплавленная субстанция!

Он отмёл мои доводы:

— Возможно, вы знаете, сэр, — ведь среднее образование теперь доступно каждому, — что Земля несколько сплющена у полюсов. Это означает, что полюс ближе к центру, чем любая другая точка земной поверхности, и, таким образом, в гораздо большей степени подвержен воздействию тепла, о котором вы говорите. Если следовать вашей логике, то на полюсах должен быть тропический климат!

— Эта идея совершенно нова для меня.

— Ещё бы! Выдвигать новые идеи, которые поначалу удивляют простых смертных, — это привилегия оригинально мыслящей личности. А теперь, сэр, взгляните: что это такое? — Он поднял со стола небольшой предмет.

— Полагаю, морской ёж.

— Именно! — воскликнул он с несколько пре-

увеличенным восторгом, как если бы услышал разумные слова из уст ребёнка. — Это морской ёж, обыкновенный Echinus. Природа воспроизводит себя в разных видах, размер здесь не так важен. Этот ёж — модель, прототип Земли. Вы видите, у него не идеально круглая форма, он слегка приплюснут у полюсов. Давайте представим себе Землю в виде огромного морского ежа. Что вы на это скажете?

Я мог бы сказать, что всё это чушь, но постеснялся и стал подбирать довод, опровергающий его конкретные положения.

— Живое существо нуждается в пище, — сказал я, — а чем питается гигантский организм Земли?

— Замечательный вопрос! Замечательный! — заявил профессор с изрядной долей снисходительности. — Вы быстро схватываете очевидное, но более сложные вещи доходят до вас с трудом. Чем питается земной организм? Обратимся к

нашему маленькому другу — ежу. Вода, в которой он обитает, проходит через поры его крохотного тельца и обеспечивает питание.

— Так вы полагаете, что вода…

— Нет, сэр, не вода. Эфир. Земля пасётся на орбитальных полях в космическом пространстве, и по мере её вращения эфир проникает внутрь её организма, обеспечивая тем самым его жизнедеятельность. Целая стайка других планет-ежей делает то же самое: Венера, Марс и остальные, — и у каждой своё пастбище.

Этот человек был совершенно безумен, но спорить с ним не следовало. Он принял моё молчание как знак согласия и улыбнулся с самым добродушным видом.

— Похоже, мы делаем успехи, — заметил он. — Впереди уже виден свет. Поначалу он, конечно, несколько ослепляет, но скоро мы к нему привыкнем. Прошу вас уделить мне ещё несколько минут, и мы покончим с этим существом у меня в руке. Допустим, что по твёрдой оболочке его тела ползают некие крохотные насекомые. Как вы думаете, будет ли ёж знать об их существовании?

— Думаю, что нет.

— Теперь вам, надеюсь, ясно, что Земля не имеет ни малейшего представления о том, как че-

ловечество эксплуатирует её. Она не подозревает ни о развитии растительного мира, ни об эволюции живых существ, которые расплодились на ней за время её путешествий вокруг Солнца, словно ракушки на днище старого корабля. Таково нынешнее положение вещей, которое я и предлагаю изменить.

Я остолбенел:
— Как это — изменить?!
— Я хочу, чтобы Земля узнала, что существует

по меньшей мере один человек — Джордж Эдвард Челленджер, — который просит внимания — нет, который требует к себе внимания. Для неё это наверняка будет первый опыт такого рода.

— А как, интересно, вам это удастся?

— Ага, вот тут-то мы и подошли к самому главному. Давайте вновь обратимся к интересному маленькому созданию, которое я держу в руке. Под этой защитной коркой всё сплошь нервы и чувствительные центры. Вполне очевидно, что если паразитирующее на нём существо пожелает привлечь к себе внимание, то ему достаточно будет проделать отверстие в этом панцире и таким образом возбудить сенсорный аппарат.

— Безусловно.

— Возьмём другой пример: допустим, блоха или комар ползает по нашему телу, но мы не замечаем этого до тех пор, пока насекомое не вонзит свой хоботок в кожу, которая и есть наша защитная оболочка. Это, кстати, служит нам неприятным напоминанием о том, что мы не одни. Теперь, надеюсь, вам ясна моя мысль. Опять во тьме забрезжил свет.

— О боже! Так вы предлагаете вонзить жало в земную кору?

С удовлетворённым видом он закрыл глаза.

— Перед вами, — сказал он, — первый человек, который пробуравит эту огрубевшую шкуру. Можно даже сказать об этом как о свершившемся факте: который пробуравил её.

— Вы… сделали это?

— При весьма эффективном содействии Мордена и К°; думаю, можно сказать: да, я сделал это. Несколько лет неустанной работы, которая, не прекращаясь ни днём ни ночью, велась при помощи всевозможных буров, свёрл, землечерпалок и взрывов и в конце концов привела нас к цели.

— Вы хотите сказать, что пробили кору?

— Если ваше замечание означает удивление, то это ещё ничего. Но если оно означает недоверие…

— Что вы! Избави бог, сэр!

— Вам придётся принять мои слова на веру. Мы пробили кору. Если быть точным, то её толщина составила четырнадцать тысяч четыреста сорок два ярда, или, грубо говоря, восемь миль. Возможно, вам будет интересно узнать, что в ходе работ мы наткнулись на угольные пласты, которые в конечном итоге возместят нам расходы. Нашей главной трудностью были подземные источники в нижнемеловых слоях и гастингские песчаники, но мы их преодолели. Теперь нам предстоит

заключительный этап, и он пройдёт у нас под знаком мистера Пэрлисса Джонса. Вы, сэр, — в роли комара, ваш артезианский бур — как жалящий хоботок. Интеллект сделал своё дело: мыслитель уходит со сцены. Теперь выход инженера, несравненного[32], — со своим металлическим жалом. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Но вы сказали — восемь миль! — вскричал я. — Сэр, отдаёте ли вы себе отчёт, что пять тысяч футов — это почти предел для артезианского бурения? Правда, мне известна одна скважина глубиной шесть тысяч двести футов — в Верхней Силезии, но она считается чудом техники!

— Вы меня не поняли, мистер Пэрлисс. То ли я неясно выражаюсь, то ли у вас голова дырявая — трудно сказать. Я вполне представляю себе возможности артезианского бурения и вряд ли стал бы тратить миллионы на мой исполинский туннель, если мне нужно было бы пробурить шестидюймовую скважину. Единственное, что потребуется от вас, — это иметь наготове острый бур длиной не более ста футов, приводимый в действие электромотором. Вполне подойдёт обыкновенный ударно-канатный бур, поднимае-

---

[32] Notes: 32
См. примеч. на с. 338.

мый вверх с помощью противовеса.

— Но почему электромотором?

— Я, мистер Джонс, даю распоряжения, а не объясняю. Прежде чем мы закончим эксперимент, может случиться, — подчёркиваю, может случиться, — что ваша жизнь будет зависеть от того, насколько надёжно налажено управление буром на расстоянии при помощи электричества. Надеюсь, это несложно сделать?

— Конечно нет.

— Тогда готовьтесь. Дело пока не требует вашего присутствия, но необходимые приготовления можно сделать уже сейчас. Мне больше нечего добавить.

— Но мне необходимо знать, — возразил я, — какую почву предстоит бурить. Песок, глина, известняк — каждая порода требует особого обращения.

— Ну, скажем, желе, — ответил Челленджер. — Да, давайте пока считать, что придётся бурить желе. А теперь, мистер Джонс, у меня есть другие дела, поэтому желаю вам всего хорошего. Можете набросать проект контракта с расчётом ваших расходов и представить управляющему работами.

Я поклонился и повернулся, чтобы уйти, но, не

дойдя до двери, остановился: одолело любопытство. Профессор уже яростно писал что-то, скрипя по бумаге гусиным пером, и недовольно поднял на меня глаза.

— Ну, сэр, что вам ещё? Я думал, вы уже ушли.

— Позвольте всё-таки спросить, сэр, каково практическое значение столь необычного эксперимента?

— Довольно, сэр, убирайтесь! — раздражённо закричал он. — Будьте выше низменной меркантильности и примитивного торгашества. Избавляйтесь от ваших убогих представлений о бизнесе. Науке нужны знания. Даже если путь познания сам ведёт нас к цели, мы всё равно должны прилагать усилия к её достижению. Понять раз и навсегда, кто мы, где мы, почему живём, — разве это само по себе не величайшее стремление человечества? Всё, сэр, проваливайте!

Его массивная чёрная голова вновь склонилась над бумагами и слилась с бородой. Гусиное перо заскрипело ещё пронзительнее. Я оставил его, этого удивительного человека, ломая голову над странным делом, в которое оказался вовлечён с его лёгкой руки.

Вернувшись в контору, я застал там Теда Ме-

лоуна; широко ухмыляясь, он поджидал меня, чтобы узнать о результатах визита.

— Ну как, — воскликнул он, — ты не пострадал? Не было попытки нападения или оскорбления действием? Должно быть, ты вёл себя с ним чрезвычайно тактично. Так что ты думаешь о старике?

— Это самый раздражительный, высокомерный, нетерпимый, самонадеянный человек из всех, кого я знал, но…

— Вот именно! — вскричал Мелоун. — Все мы спотыкаемся на этом «но». Конечно, он именно таков, как ты говоришь, и даже хуже, но согласись, что к столь великому человеку неприложимы наши мерки и от него можно вытерпеть больше, чем от простого смертного. Не так ли?

— Ну, я не настолько близко с ним знаком, чтобы судить наверняка. Однако признаю, что если все его слова — правда, а не бред сумасшедшего, страдающего манией величия, тогда он, безусловно, выдающаяся личность. Но неужели это правда?

— Конечно же правда. Челленджер не станет зря говорить. Но насколько ты в курсе дела? Он уже рассказал тебе о Хенгист-Дауне?

— Да, но не вполне внятно.

— Можешь мне поверить, дело это грандиозное и по замыслу, и по исполнению. Он ненавидит газетчиков, но мне доверяет — знает, что лишнего не скажу. Оттого-то я и допущен к его секретам, или, точнее, посвящён в некоторые из них. Он стреляный воробей, поэтому никогда не знаешь, насколько он откровенен. Но как бы то ни было, я достаточно осведомлён, чтобы заверить тебя, что Хенгист-Даун — это реальное дело, причём находящееся на стадии завершения. Мой тебе совет: не торопи события, просто держи свою технику наготове. Очень скоро тебе придёт уведомление — или от него, или от меня.

Получилось так, что с известием явился сам Мелоун. Несколько недель спустя он ни свет ни заря пришёл ко мне в контору с важным сооб-

щением.

— Я только что от Челленджера, — сказал он.

— Ты совсем как рыба-лоцман у акулы.

— Я гордился бы любым положением при нём. Это воистину удивительный человек. Он блестяще осуществил свой проект. Теперь дело за тобой, и только потом он даст сигнал к поднятию занавеса.

— Не поверю, пока не увижу собственными глазами. Тем не менее у меня всё готово и даже погружено в машину. Грузовик может отправиться в любую минуту.

— Тогда не стоит терять времени. Я рекомендовал тебя как сгусток энергии и олицетворение пунктуальности, так что уж не подводи меня. А мы тем временем вместе поедем на поезде, и по дороге я расскажу тебе, что предстоит сделать.

Было чудесное весеннее утро — 22 мая, чтобы быть до конца точным, — когда мы отправились в путешествие, которое положило начало моему участию в событиях, ставших впоследствии историческими. По дороге Мелоун вручил мне письмо от Челленджера, которое должно было стать для меня руководством к действию. В нём говорилось следующее:

Сэр!

По прибытии в Хенгист-Даун вы поступаете в распоряжение м-ра Барфорта, главного инженера, который полностью в курсе моих планов. Мой юный друг Мелоун, податель сего, также поддерживает со мной связь и таким образом избавляет меня от необходимости лично присутствовать на объекте. В стволе шахты, на глубине четырнадцати тысяч футов и ниже, мы зафиксировали некоторые явления, которые полностью подтверждают мои догадки относительно природы земного организма, однако требуются дополнительные – сенсационные – доказательства, прежде чем я смогу быть уверенным, что произведу достаточное впечатление на инертное сознание современного научного мира. Вам выпала честь добыть необходимые доказательства, а этим горе-учёным останется только их засвидетельствовать. Спускаясь в лифте под землю, вы заметите (конечно, при условии, если обладаете столь редким качеством, как наблюдательность), что последовательно

проходите мезозойские слои известняковых пород, угольные пласты, девонские и кембрийские отложения и, наконец, гранит, сквозь который пробита бóльшая часть нашего туннеля. В настоящее время дно покрыто брезентом, и я запрещаю вам трогать его, ибо любое грубое прикосновение к внутренней чувствительной плёнке земной плоти может вызвать непредсказуемые последствия. Двадцатью футами выше поперёк шахты закреплены по моему распоряжению два бревна. Между ними есть небольшой зазор, его можно использовать для зажима вашей артезианской трубы. Установите бур длиной пятьдесят футов так, чтобы его остриё почти упиралось в брезент. Если вам дорога жизнь, не опускайте бур ниже. Тридцатифутовая часть бура останется над брёвнами, и, когда мы начнём эксперимент, бур, надо полагать, не меньше чем футов на сорок сможет погрузиться в земное вещество. Поскольку это субстанция чрезвычайно мягкая, вам, я думаю, не придётся силой приводить установку в движение, а достаточно бу-

дет отпустить бур, и он войдёт в слой, который мы обнажили, под собственной тяжестью. Этих рекомендаций, на мой взгляд, вполне достаточно для любого среднего интеллекта, но я не сомневаюсь, что вам потребуются дополнительные указания; свои вопросы можете задавать через нашего юного друга Мелоуна.

Джордж Эдвард Челленджер

Вполне понятно, что по прибытии на станцию Сторрингтон, к северному подножию Южного Даунса, я был крайне взволнован. Нас ожидал видавший виды «Воксхолл–30»; на нём мы проехали шесть-семь миль, трясясь по каким-то просёлкам и тайным тропам. Несмотря на свою кажущуюся заброшенность, они были глубоко изборождены колеями и носили следы оживлённого движения. Лежавший в траве сломанный грузовик, попавшийся нам по пути, свидетельствовал о том, что дорога эта стала тяжёлым испытанием не только для нас. Однажды из-за куста утёсника показались части какого-то заржавевшего механизма, похожие на клапаны и поршень гидравлического насоса.

— Это всё Челленджер, — ухмыльнулся Мело-

ун. — Говорят, машина на одну десятую дюйма оказалась больше необходимого размера, и он просто выкинул её на обочину.

— И ему, конечно же, был предъявлен иск.

— Иск? Милый мой, да нам можно держать здесь собственный суд. Дел наберётся столько, что судья целый год будет над ними корпеть. И правительство, кстати, тоже. Старому чёрту на всех наплевать. Король против Джорджа Челленджера и Джордж Челленджер против короля — ну и насутяжничаются же они. Вот мы и приехали. Всё в порядке, Дженкинс, можете нас впустить.

В автомобиль заглядывал здоровенный детина с заметно изуродованным ухом; лицо его выражало подозрительность. Узнав моего спутника, он успокоился и отдал честь:

— Порядок, мистер Мелоун. А я было подумал, что это Ассошиэйтед Пресс из Америки.

— Так это они сейчас у нас на хвосте?

— Сегодня они, а вчера — «Таймс». Околачиваются тут! Вот, полюбуйтесь. — Он указал на крошечную точку где-то на горизонте. — Видите отблеск? Это телескоп чикагской «Дейли ньюс». Да они теперь буквально охотятся за нами. Однажды я видел, как они сгрудились, словно стая ворон, там у Бикона.

— Бедная пресс-команда! — сказал Мелоун, когда мы проходили через калитку в ощетинившейся колючей проволокой неприступной ограде. — Я сам из их числа, поэтому представляю, каково им сейчас.

Тут мы услышали позади жалобное блеяние:
— Мелоун! Тед Мелоун!

Блеяние исходило от маленького толстячка, который только что подъехал на велосипеде и теперь тщетно пытался вырваться из мощных объятий привратника.

— Отпустите меня! — шипел он. — Уберите руки! Мелоун, ну скажи ты этой проклятой горилле!

— Отпустите его, Дженкинс! Это мой друг! — крикнул Мелоун. — Ну, старина, в чём дело? Чего ты здесь потерял? Твоё место на Флит-стрит, а не в этом медвежьем углу.

— Сам знаешь чего, — сказал наш газетчик. — У меня задание написать репортаж о Хенгист-Дауне, без него мне лучше не возвращаться.

— Очень сожалею, Рой, но тебе здесь ничего не светит. Придётся остаться по ту сторону забора. Если тебя это не устраивает, обратись к профессору и попроси разрешения на осмотр объекта.

— Я уже просил, — сказал журналист уныло. — Сегодня утром.

— Ну и что он сказал?

— Сказал, что выбросит меня в окно.

Мелоун засмеялся:

— А ты что?

— А я ему: «У вас что, дверь сломана?» — и шасть в неё, чтобы показать, что с ней всё в порядке. Не было времени спорить. Я просто взял и ушёл. Ну и дружки у тебя, Мелоун: тот бородатый ассирийский бык в Лондоне, здесь — этот головорез, который только что испортил мой новый целлулоидный воротничок…

— Боюсь всё-таки, что ничем не смогу помочь, Рой, тут я бессилен. На Флит-стрит говорят, что тебя ещё никогда не били, но сейчас ты очень рискуешь. Возвращайся в редакцию и подожди пару дней, а я, как только старик позволит, дам тебе всю информацию.

— Так что, нет никакого шанса войти?

— Ни малейшего.

— А если — «плата по договорённости»?

— Ты бы лучше думал, что говоришь.

— Я слышал, это будет кратчайший путь в Новую Зеландию.

— Это будет кратчайший путь в больницу, если ты ещё станешь здесь ошиваться, Рой. А теперь прощай, у нас дела.

— Это Рой Перкинс, военный корреспондент, — объяснил Мелоун, когда мы шли по двору. — Теперь репутация у него испорчена, ведь он всегда считался непревзойдённым. Ему помогает пухленькое наивное личико. Когда-то мы работали вместе. А вот там, — он указал на группу деревенского вида построек с красными крышами, — живут рабочие — отличные, специально отобранные мастера; они получают здесь гораздо больше среднего заработка. Для этого им приходится быть холостяками, трезвенниками

и притом уметь хранить тайну. Не думаю, что до сих пор через них просочилась хоть какая-нибудь информация. Вот их футбольное поле, а домик неподалёку — библиотека и клуб. Старик — прекрасный организатор, уж поверь мне. А вот и мистер Барфорт, главный инженер.

Перед нами стоял высокий худой человек с грустными глазами, лицо его выражало крайнее беспокойство.

— Очевидно, вы и есть инженер по артезианским скважинам? — мрачно спросил он. — Я ждал вас. Рад, что вы уже здесь, потому что, скажу откровенно, высочайшая ответственность порученного дела действует мне на нервы. Мы работаем не покладая рук, и никогда не угадаешь заранее, что нас ждёт дальше: внезапно хлынувший меловой поток, пласт угля, струя нефти или языки адского пламени. Мы своё дело сделали, теперь ваша очередь — свести воедино все накопленные факты.

— Там внизу очень жарко?

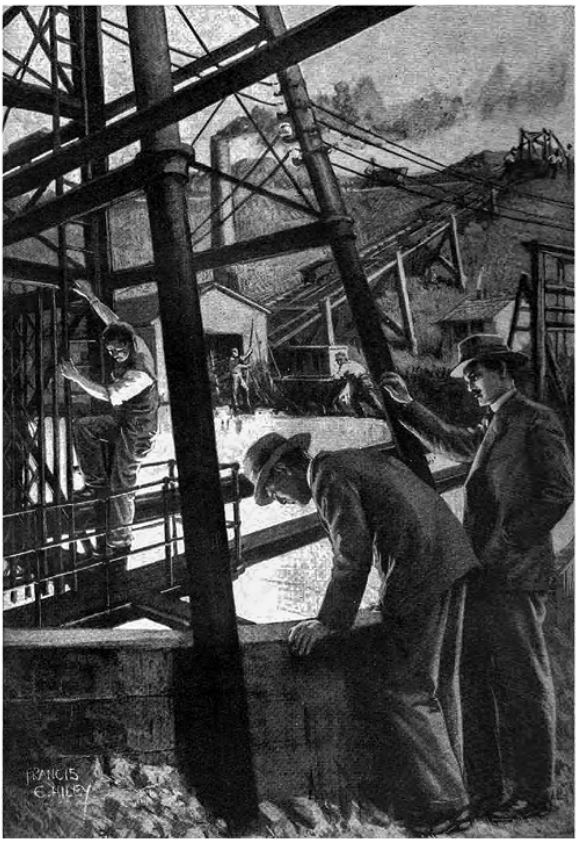
— Жарко, это уж точно. Но при таком атмосферном давлении и ограниченном пространстве иначе и быть не может. Конечно, вентиляция отвратительная. Мы накачиваем воздух вниз, но два часа — это предел человеческих возможно-

стей, хотя там и работают только добровольцы. Вчера сам профессор спускался вниз и остался весьма доволен. Но давайте сначала вместе пообедаем, а потом уж вы сами всё увидите.

После поспешной и скудной трапезы главный инженер с трогательным усердием показал нам оборудование машинного отделения и отработавшие агрегаты всевозможного назначения, грудой валявшиеся прямо на траве. С одной стороны стояла огромная гидравлическая черпалка Эррола, теперь демонтированная, первой начинавшая землеройные работы. Рядом виднелась машина, от которой тянулся длинный стальной трос; на нём были закреплены скипы, поднимавшие на поверхность породу со дна шахты. В машинном отделении работало несколько мощных турбин Эшера-Висса, вращавшихся со скоростью сто сорок оборотов в минуту и управлявших гидравлическими аккумуляторами, которые создавали давление в тысячу четыреста фунтов на квадратный дюйм. По трёхдюймовым трубам оно передавалось в шахту и приводило в движение четыре перфоратора с полыми насадками брандтовского типа. К зданию машинного отделения примыкала электростанция, снабжавшая энергией огромную осветительную установку. Рядом

была установлена ещё одна турбина, мощностью двести лошадиных сил, которая вращала десятифутовый вентилятор, через двенадцатидюймовую трубу нагнетавший воздух на самое дно шахты. Демонстрация всех этих новшеств сопровождалась пространными комментариями главного инженера, который был весьма горд своими познаниями в технике и до смерти утомил меня разного рода техническими подробностями, что и побуждает меня, в свою очередь, отыграться на читателе. Тут, к счастью, нас перебил шум мотора, и я увидел свой трёхтонный «лейланд», который, покачиваясь, полз по траве, до отказа набитый трубами и инструментом. В кабине ехали мой десятник Питерс и его помощник с чумазой физиономией. Оба они сразу же принялись разгружать машину, а мы с главным инженером и Мелоуном направились к шахте.

Объект поразил меня масштабами строительства, гораздо большими, чем я ожидал. Тысячи тонн вынутого грунта были уложены вокруг устья шахты в виде гигантской подковы, образовавшей довольно высокий холм. У подножия подковы, состоявшей из мела, глины, угля и гранита, высился частокол железных стоек и дисков, к которым тянулись щупальца насосов и тросы подъёмников. Все эти стойки и опоры соединялись с кирпичным зданием машинного отделения, замыкавшим концы подковы. Внизу лежало устье шахты — огромное зияющее отверстие тридцати-сорока футов в диаметре, выложенное кирпичом и местами забетонированное. Вытянув шею, я заглянул в эту пугающую бездну, которая, как меня уверяли, имела около восьми миль в глубину, и у меня закружилась голова, когда я представил, что́ она в себе таит. Солнечный луч по диагонали проникал в жерло, но я видел лишь несколько сот ярдов стены из грязно-белого мела, укреплённой в слабых местах кирпичной кладкой. Глядя вниз, я заметил где-то далеко-далеко в темноте крошечный лучик света, еле различимую точку, ярко выделявшуюся на чёрном фоне.


FRANCIS
C. HILEY

— Что это за свет? — спросил я.

Мелоун перегнулся через парапет рядом со мной.

— Это поднимается одна из клетей, — ответил он — Не правда ли, любопытно? Она сейчас в миле от нас, а может, и дальше, а едва уловимый свет исходит от мощной дуговой лампы. Клеть движется быстро и будет здесь через несколько минут.

Крошечный огонёк рос на глазах, пока не залил серебристым сиянием весь видимый участок шахты, так что мне пришлось отвести глаза от его слепящего блеска. Мгновение спустя железная клеть остановилась на специальной площадке, из неё буквально выползли четыре человека и побрели к выходу.

— Почти вся смена, — сказал Мелоун. — Шутка ли — проработать два часа на такой глубине. Ну, кое-что из твоего оборудования уже можно монтировать. Думаю, сейчас стоит спуститься вниз. Тогда ты сам сможешь оценить обстановку.

У машинного отделения была небольшая пристройка, куда он и провёл меня. На стене висело несколько довольно просторных костюмов, сшитых из тончайшей шёлковой материи. По примеру Мелоуна я разделся и облачился в один

из них; на ноги надел лёгкие туфли на резиновой подошве. Мелоун, который переоделся быстрее, первым вышел из раздевалки. Через секунду послышался такой шум, словно сцепилась целая свора собак, и, выскочив на улицу, я увидел, как мой друг катается по земле в обнимку с чумазым рабочим, который сопровождал моё оборудование. Мелоун явно пытался вырвать у него из рук какой-то предмет, но тот судорожно вцепился в него. Мелоун, который оказался намного сильнее, в конце концов всё же завладел предметом и, бросив его на землю, топтал ногами до тех пор, пока он не разлетелся на куски. Только тогда я понял, что это был фотоаппарат. Мой работник уныло поднялся с земли.

— Чтоб ты сдох, Мелоун! — сказал он. — Совсем новый аппарат, и стоит десять гиней!

— Ничем не могу помочь, Рой. Вижу — ты собираешься фотографировать, что мне ещё оставалось делать?

— Как, чёрт побери, вам удалось заделаться ко мне в помощники? — закричал я, горя праведным гневом.

Ловкач ухмыльнулся и подмигнул:

— Есть способы. Но ваш десятник ни при чём. Я просто поменялся одеждой с его напарником, вот так и пробрался внутрь.

— А теперь постарайся точно так же выбраться наружу, — сказал Мелоун. — Нет смысла препираться, Рой. Твоё счастье, что здесь нет Челленджера, а то он спустил бы на тебя собак. Я

и сам бывал в переделках, поэтому не буду к тебе слишком суров, но на будущее учти: лучше тебе сюда не соваться! А ну, проваливай отсюда!

Наш предприимчивый посетитель был с позором изгнан с территории лагеря двумя ухмыляющимися парнями. Теперь-то наконец читающая публика поймёт подоплёку той нашумевшей статьи на четыре колонки, озаглавленной «Безумная мечта учёного», с подзаголовком «Кратчайший путь в Австралию», которая появилась в «Эдвайзере»; с Челленджером чуть не случился удар, а главный редактор «Эдвайзера» пережил несколько неприятных минут, едва не ставших для него последними, когда оказался вынужден с ним объясняться. Статья, изобиловавшая яркими, хотя и не во всём правдивыми подробностями, явилась отчётом Роя Перкинса, «нашего опытного военного корреспондента», о пережитых им приключениях и содержала, в частности, такие пикантные пассажи: «этот косматый буйвол с Энмор-Гарденс», «территория за колючей проволокой, охраняемая бандитами и кровожадными псами». Заключительный аккорд звучал так: «От входа в англо-австралийский туннель меня оттащили два головореза, один из которых по профессии журналист, а на деле грубый мужлан,

жалкий прихлебатель, второй же — мрачная фигура в дурацком тропическом костюме, выдающий себя за специалиста по артезианским скважинам, хотя внешность его больше напоминает грабителя с большой дороги». Разделавшись с нами, мошенник подробно описал уходящие вглубь рельсы и петляющий туннель, по которому поползут вагончики подвесной канатной дороги. Единственной реальной неприятностью, которую доставила нам статья, было настоящее нашествие зевак, день и ночь торчавших в районе Южного Даунса в ожидании сенсации. Однако, когда день, богатый событиями, наступил, они горько пожалели о том, что не остались дома.

Мой десятник со своим мнимым помощником навалили оборудование как попало, но Мелоун уговорил меня не обращать на это внимания, а как можно скорее спуститься вниз. Мы вошли в подъёмник, представлявший собой клеть из стальных решёток, и в сопровождении главного инженера отправились в самые недра земли. Здесь действовала целая система автоматических подъёмников, каждый из которых управлялся со своей площадки, выбитой в стене шахты. Подъёмники двигались с большой скоростью; их плавное скольжение больше напоминало ход по-

езда, нежели безудержное падение вниз, которое в нашем сознании ассоциируется с британскими лифтами.

Как я уже сказал, вместо стен в подъёмнике были стальные прутья, горел яркий свет, поэтому можно было вполне отчётливо разглядеть те породы, мимо которых мы двигались. Я машинально отмечал их про себя: вот желтоватый известняк, вот кофейного цвета гастингские залегания, вот — более светлый тон ашбэрнхемских пород, затем — тёмные карбоновые глины и, наконец, сверкающий и искрящийся в лучах электрического света агатово-чёрный уголь, прослоённый глиняными пластами. Тут и там виднелись кирпичные крепления, хотя по большей части стены держались сами по себе, и, глядя на них, нельзя было не подивиться огромному труду и инженерному мастерству, вложенным в строительство. Вслед за угольными пластами начинался какой-то смешанный слой, по виду напоминавший бетон, а дальше шёл обыкновенный гранит, кварцевые кристаллики которого мерцали и вспыхивали так, словно тёмные стены шахты были покрыты алмазной крошкой. Мы забирались всё глубже и наконец достигли такой глубины, на какую прежде не спускался ещё ни

один смертный. Удивительно разными по цвету были эти доисторические напластования, и мне никогда не забыть широкий розовый пояс полевого шпата, который засиял неземной красотой в лучах наших мощных ламп.

Мы ехали вниз, сменяя лифты, а воздух становился всё более плотным и жарким, так что в конце концов даже лёгкие шёлковые одежды стали казаться невыносимыми, а пот стекал струйками прямо в туфли на резиновой подошве. Наконец, когда я решил, что больше не выдержу, наш последний лифт остановился, и мы ступили на круглую платформу, устроенную в нише шахты. Мелоун окинул стены каким-то подозрительным взглядом, и если бы я не знал, что он не робкого десятка, то подумал бы, что он сильно нервничает.

— Интересно, — сказал главный инженер, проводя рукой по стене. Затем он поднёс руку к свету, и мы увидели, что на ней блестит какой-то странный липкий налёт. — Здесь постоянно что-то движется, колеблется, меняется. Ума не приложу, в чём тут дело. Профессор, похоже, доволен, но для меня всё это крайне непривычно.

— Должен признаться, что я своими глазами видел, как эта стена буквально-таки вздрогну-

ла, — сказал Мелоун. — В прошлый раз, когда мы устанавливали эти брусы для твоих буров — для большей прочности их вбивали в стену, — так она вздрагивала при каждом ударе. Идеи нашего старика кажутся дикими в Лондоне, когда стоишь на твёрдой почве, а здесь, на глубине восьми миль, я уже не так уверен в их абсурдности.

— Если бы вы видели, что творится под этим брезентом, вашей уверенности ещё поубавилось бы, — буркнул инженер. — Мы прошли нижние слои как по маслу и упёрлись в какую-то небывалую породу. «Закройте и не прикасайтесь к ней», — приказал профессор. Вот тогда мы, выполняя его указания, и накрыли её брезентом.

— Нельзя ли нам взглянуть?

На скорбном лице главного инженера отразился испуг.

— Нешуточное это дело — нарушить приказ профессора. До того хитёр, что от него ничего не укроется. Ну да ладно, была не была, заглянем внутрь, авось обойдётся.

Он повернул лампу, и свет её упал на тёмный брезент. Потом нагнулся и, взявшись за верёвку, привязанную к краю, обнажил небольшой участок поверхности.

Нам открылся вид необычайный и пугающий.

Поверхность представляла собой какую-то сероватую субстанцию, лоснящуюся и блестящую, которая вздымалась и опускалась так, словно внутри билось сердце. Это были неотчётливые, хотя и ритмичные колебания, они скорее походили на чуть заметное волнение, лёгкую рябь, едва пробегавшую по поверхности. Да и сама поверхность не была однородной; внутри, просвечивая сквозь тонкую плёнку, виднелись мутные беловатые пятна; напоминая собой вакуоли, они постоянно меняли форму и размер. Мы стояли, ошеломлённые этим невиданным зрелищем.

— Очень похоже на зверя, с которого заживо содрали шкуру, — сказал Мелоун благоговейным шёпотом. — Старик недалёк от истины с этим своим несчастным ежом.

— Боже мой! — воскликнул я. — И я должен вонзить гарпун в это чудовище!

— Да, тебе выпала такая честь, сын мой, — покровительственно изрёк Мелоун, — и, к сожалению, вынужден констатировать, что, если не возникнет непредвиденных обстоятельств, мне придётся быть в этот момент рядом с тобой.

— А мне — нет, — решительно заявил главный инженер. — Ни за что! Если же старик станет настаивать, я просто откажусь от должности. Бог

мой, да вы только посмотрите!

Серая масса неожиданно вздыбилась, надвигаясь на нас, словно морская волна на стену волнореза. Затем волна спала, и возобновилась слабая пульсация. Барфорт отпустил верёвку, и брезент лёг на прежнее место.

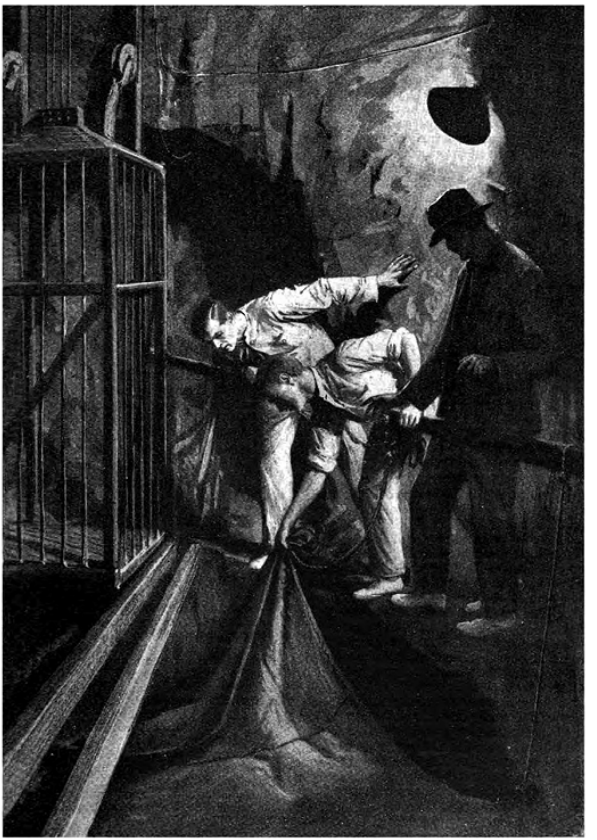
— Такое впечатление, будто оно знает о нашем присутствии, — сказал он. — Иначе зачем бы ему так наступать на нас? По-моему, это свет оказывает на него такое воздействие.

— Какова же теперь моя задача? — спросил я.

Мистер Барфорт указал на брусья, укреплённые на дне шахты как раз под площадкой для лифта. Расстояние между ними составляло около девяти дюймов.

— Это идея нашего старика, — сказал Барфорт. — Можно было бы и получше закрепить их, но спорить с ним — всё равно что противиться бешеному буйволу. Легче и безопаснее просто выполнять его приказания. Он считает, что вам следует установить здесь шестидюймовый бур, закрепив его на брусьях.

— Думаю, это не составит труда. Сегодня же и приступлю.



Можно себе представить, насколько необычной была для меня эта работа, а ведь мне доводилось бурить скважины на всех шести континентах. Профессор Челленджер настаивал, чтобы управление буром производилось на расстоянии, и я находил, что это вполне разумно, поэтому мне предстояло подключить мою установку к электромотору, что, впрочем, было нетрудно, так как шахта была буквально напичкана проводами.

С крайней осторожностью мы с Питерсом спустили вниз все наши трубы и сложили их на каменистой платформе. Потом приподняли клеть нижнего лифта, чтобы освободить достаточно места для работы. Мы всё же собирались использовать ударно-канатный метод, поскольку нельзя было полностью рассчитывать на силу тяжести. Для этого под площадкой лифта мы установили блок, через который с одной стороны был перекинут стофунтовый груз, а с другой — наши трубы с V-образным наконечником. В завершение трос, державший груз, закрепили так, чтобы им можно было легко управлять при помощи электромотора. Это была в высшей степени тонкая и сложная работа, и выполнялась она в условиях более чем тропической жары; к тому же нас не оставляло сознание, что одно неосторожное движение или

случайное падение инструмента на дно может привести к немыслимой катастрофе. Да и вся окружающая обстановка внушала нам благоговейный трепет. Вновь и вновь наблюдал я дрожь, проходящую по стенам, и даже ощущал слабую пульсацию, стоило мне дотронуться до них. Понятно, что мы с Питерсом не очень огорчились, когда в последний раз подали сигнал к подъёму. Наверху мы сообщили мистеру Барфорту, что профессор Челленджер может приступать к эксперименту как только пожелает.

Нам не пришлось долго ждать. Спустя три дня по завершении работ я получил приглашение.

Это был обычный пригласительный билет, из тех, какие используются для семейных торжеств; текст на нём гласил:

> Профессор ДЖ. Э. ЧЕЛЛЕНДЖЕР,
> Ч. К. О., Д. М., Д. Н. и проч. и проч.[33],
> (бывший президент Зоологического института, удостоенный такого количества почётных званий и степеней, что все они не уместились бы на этом билете)
> приглашает

---

[33] Notes: 33

Ч. К. О., Д. М., Д. Н. — член Королевского общества, доктор медицины, доктор наук.

мистера ДЖОНСА (без дамы)
прибыть в 11:30 утра, во вторник, 21 июня,
в ХЕНГИСТ-ДАУН, СУССЕКС,
чтобы стать свидетелем небывалого торжества разума над материей.

Специальный поезд отправится с вокзала Виктория в 10:05.
Проезд за счёт пассажиров.
По завершении эксперимента состоится обед
(или не состоится, смотря по обстоятельствам).
Станция назначения – Сторрингтон.
Просьба ответить на приглашение
(далее вновь следовало имя печатными буквами),
14-бис, Энмор-Гарденс, Кенсингтон.

Оказалось, что Мелоун получил аналогичное послание, и я застал его в тот момент, когда он весело гоготал над ним.

— Просто нахальство — посылать это нам, — заявил он. — Мы там будем при всех условиях, как сказал палач убийце. Ну, доложу я вам, в Лондоне только и разговоров что об этом деле. Старик на

верху блаженства: наконец-то к его косматой голове привлечено всеобщее внимание.

И вот наступил великий день. Сам-то я отправился на место днём раньше, чтобы проверить, всё ли в порядке. Бур пребывал в заданном положении, груз был надёжно закреплён, электрическое оборудование исправно, и я был доволен: с моей стороны сделано всё, чтобы эксперимент прошёл без сучка и задоринки. Пульт управления установили примерно в пятистах ярдах от устья шахты, чтобы свести до минимума опасность непредвиденных последствий. Так что, когда я в то роковое утро прекрасного летнего дня поднялся на поверхность, душа моя была спокойна, и я взобрался на холм, чтобы окинуть взором площадку, которой предстояло стать главным местом действия.

Казалось, весь мир устремился в Хенгист-Даун. Насколько хватало глаз, дороги были запружены народом. По просёлкам тряслись и подпрыгивали автомобили, иные уже высаживали своих пассажиров у наших ворот. Для большинства прибывших здесь и был конечный пункт следования. У входа их встречал целый отряд привратников, на которых не действовали ни уговоры, ни взятки, так что за ограду мог попасть лишь счастливый

обладатель приглашения. Менее удачливые присоединялись к огромной толпе, постепенно образовавшей на склоне и гребне холма плотный слой зрителей. Всё это напоминало Эпсом-Даунс в день дерби.

Наш лагерь был разбит на несколько участков со специально подготовленными местами, предназначенными для привилегированной публики. Один участок был отведён для пэров, другой — для палаты общин, третий — для руководителей научных обществ и светил науки, среди которых находились, в частности, Лепелье из Сорбонны и доктор Дризингер из Берлинской академии. Немного поодаль располагалось специально оборудованное укрытие, обложенное мешками с песком и крытое рифлёным железом, — для членов королевской семьи.

В четверть двенадцатого вереница экипажей доставила со станции приглашённых гостей, и я спустился в лагерь, чтобы помочь в их размещении. Профессор Челленджер стоял возле особого ограждения и был неотразим в своём сюртуке, белом жилете и блестящем цилиндре; лицо его носило приторно-сладкое выражение благодушия, смешанного с необычайным самодовольством. «Типичная жертва мании величия»,

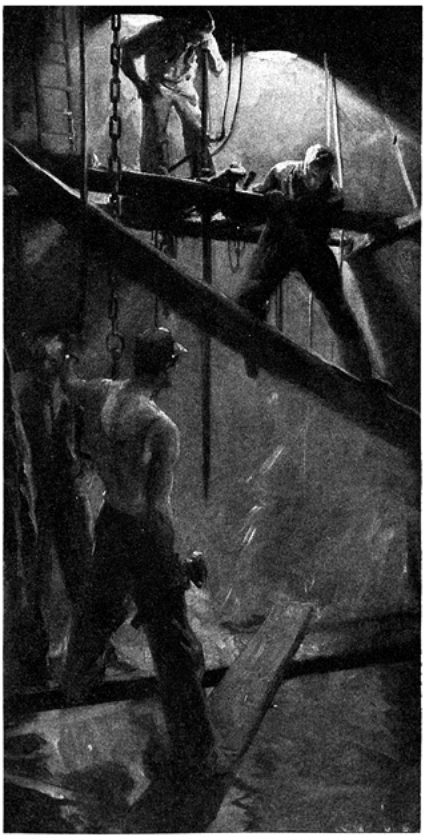
как писал о нём один из его недоброжелателей. Он провожал, а иногда просто подталкивал гостей к приготовленным для них местам, а затем, собрав вокруг себя горстку избранных, взобрался на вершину небольшого холмика и оглядел всех с видом председателя, ожидающего приветственных аплодисментов. Поскольку таковых не последовало, он сразу приступил к делу, и его голос загремел, достигая самых отдалённых уголков нашего лагеря.

— Господа, — прогрохотал он, — слава богу, нет нужды обращаться к дамам. Если я и не пригласил их быть с нами в этот день, то уж, уверяю вас, вовсе не из желания набить себе цену таинственностью, поскольку, смею вас заверить, — (эти слова, сказанные с притворной скромностью, прозвучали довольно тяжеловесно), — у меня с прекрасным полом (причём взаимно) отношения всегда были открытые и, конечно же, вполне доверительные. Истинная причина состоит в том, что наш эксперимент таит в себе некоторую, крайне незначительную, долю опасности, впрочем недостаточную для того, чтобы оправдать беспокойство, которое я замечаю на многих лицах. Надеюсь порадовать представителей прессы тем, что я отвёл им особые места — на

отвалах у входа в шахту, — места, позволяющие им стать непосредственными свидетелями происходящего. Они проявили к моим делам такой интерес, который порой было трудно отличить от беспардонного вмешательства, но уж на этот раз они не смогут упрекнуть меня в том, что я без внимания отнёсся к их проблемам. Если эксперимент не удастся и ничего не произойдёт — нельзя исключать и такой возможности, — я, по крайней мере, сделал для них всё, что мог. Если же, напротив, что-то произойдёт, они окажутся в самом выгодном положении и смогут в полной мере насладиться увиденным, а затем всё подробно описать, конечно, если в конце концов окажутся в состоянии это сделать. Надеюсь, вы поймёте, как трудно человеку науки объяснить невежественной, прошу прощения, толпе те разнообразные причины, которые приводят его к определённым выводам или поступкам. Я слышу какие-то выкрики с места. Попросил бы джентльмена в роговых очках не размахивать зонтиком! — (Голос: «Определение, данное вами гостям, в высшей степени оскорбительно!») — Возможно, джентльмена возмутили мои слова относительно «толпы». Но не будем спорить о словах. Так вот, в тот момент, когда меня пере-

били этой неуместной репликой, я собирался сообщить, что всё относящееся к эксперименту весьма полно и вполне доступно изложено в моём сборнике, скоро выходящем из печати, куда вошли статьи о Земле и который я без ложной скромности определил бы как одну из книг, открывающих новую эру в истории человечества. — (Общий шум и возгласы: «Давайте по существу! Зачем мы здесь собрались? Это что — розыгрыш?») — Я как раз собирался всё объяснить, но, если шум будет продолжаться, мне придётся принять меры к наведению порядка. Суть дела в том, что я пробил шахту сквозь земную кору и сейчас собираюсь сильнейшим образом воздействовать на чувствительные центры Земли. Эту тонкую операцию мне помогут осуществить мои подчинённые: мистер Пэрлисс Джонс, так называемый специалист по артезианскому бурению, и мистер Эдвард Мелоун, в данном случае мой полномочный представитель. Обнажённая чувствительная субстанция подвергнется внешнему воздействию, а как уж она станет реагировать на это, покажет эксперимент. Будьте любезны, займите свои места, а эти два джентльмена спустятся в шахту и сделают последние приготовления. Тогда я нажму кнопку

на этом столе, и эксперимент состоится.



Обычно после подобных обращений Челленджера публика чувствовала себя так же, как сейчас Земля — словно ей проткнули кожу и обнажили нервы. Наше собрание не было исключением, и, конечно же, все рассаживались по местам с ропотом неодобрения и даже возмущения. Челленджер остался один на своём возвышении; его чёрная грива и борода тряслись от волнения. Однако ни я, ни Мелоун не могли в полной мере насладиться этим зрелищем, поскольку спешили исполнить свою невиданную доселе миссию. Двадцать минут спустя мы были уже на дне шахты и убирали брезент с обнажённой поверхности.

Нам открылось удивительное зрелище. Благодаря какой-то странной космической телепатии наша старушка-планета словно поняла, что по отношению к ней готовится неслыханная дерзость. Обнажённая поверхность походила на кипящий котёл. На ней вздувались огромные серые пузыри, которые тут же лопались с громким треском. Наполненные воздухом вакуоли делились и сливались вновь с повышенной активностью. Поперечное волнообразное движение стало отчётливее. В соустьях извилистых канальцев, проходящих под поверхностью, казалось, пульси-

рует какая-то тёмно-багровая жидкость. Во всём чувствовалось биение жизни. Тяжёлый запах затруднял дыхание.

Я зачарованно наблюдал это зрелище, как вдруг Мелоун, стоявший неподалёку от меня, сдавленно вскрикнул:

— Боже мой, Джонс! Ты только взгляни туда!

Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить обстановку, и в следующее мгновение я уже прыгнул в клеть подъёмника.

— Скорее! — закричал я. — Возможно, дело идёт о жизни и смерти!

То, что мы увидели, было поистине пугающим. Вся нижняя часть шахты, казалось, тоже участвовала в том неистовом движении, которое мы заметили на дне; стены вздымались и пульсировали в такт обнажённой поверхности. Наконец это движение достигло отверстий, в которых были закреплены наши брусья, и стало ясно, что брусья вот-вот рухнут. Если же это произойдёт, заострённый конец моего бура войдёт в тело Земли, не дожидаясь электрического сигнала. Но прежде нам с Мелоуном надо выбраться наружу. Находиться на глубине восьми миль под землёй, где в любой момент может произойти небывалый катаклизм, — это была жуткая перспектива. Мы

бешено понеслись вверх.

Забудем ли мы хоть когда-нибудь этот кошмарный подъём? Лифты мчались с визгом и скрежетом, и всё равно минуты казались часами. Добравшись до очередной пересадочной площадки, мы выскакивали, садились в новый подъёмник, нажимали кнопку «пуск» и летели

дальше. Через решётчатую кры-шу клетей далеко вверху виднелось маленькое пятнышко света — выход из шахты. Пятнышко росло, пока не превратилось в большой круг, и тогда мы с облегчением увидели кирпичную кладку устья. Мы поднимались всё выше и выше и наконец в безумном ликовании выпрыгнули из нашей тюрьмы, вновь ощутив под ногами мягкий зелёный покров. Но нужно было бежать. Не успели мы сделать и тридцати шагов, как где-то на огромной глубине мой железный дротик вонзился в нервный центр старушки Земли — и великое мгновение наступило.

Что же произошло? Ни я, ни Мелоун не успели ничего сообразить, поскольку небывалой силы вихрь сбил нас с ног и мы покатились по траве, словно камни для кёрлинга[34] по ледяному полю. Тогда же до нашего слуха донёсся самый страшный вопль, какой нам когда-либо доводилось слышать. Найдётся ли среди сотен очевидцев хоть один, кто сможет описать этот вопль? Это был рёв, в котором боль, гнев, угроза и оскорблённое величие Природы слились в ужасающий

[34] Notes: 34

Кёрлинг — шотландская игра; её участники соревнуются в катании по льду гладко отшлифованных, снабжённых ручками камней, которыми надо попасть в круглую мишень.

пронзительный звук. Он длился целую минуту и был подобен слившимся воедино голосам тысячи сирен; парализовав всех присутствующих своей неистовой мощью, он пронёсся по всему южному побережью, достиг берегов соседней Франции, перелетев через Ла-Манш, и в конце концов растаял в спокойном летнем воздухе. Ни один звук за всю историю человечества не мог бы сравниться с этим криком раненой Земли.

Потрясённые и оглушённые всем случившимся, мы с Мелоуном успели почувствовать удар и услышать звук, но об остальных событиях этого удивительного дня мы узнали лишь из рассказов очевидцев.

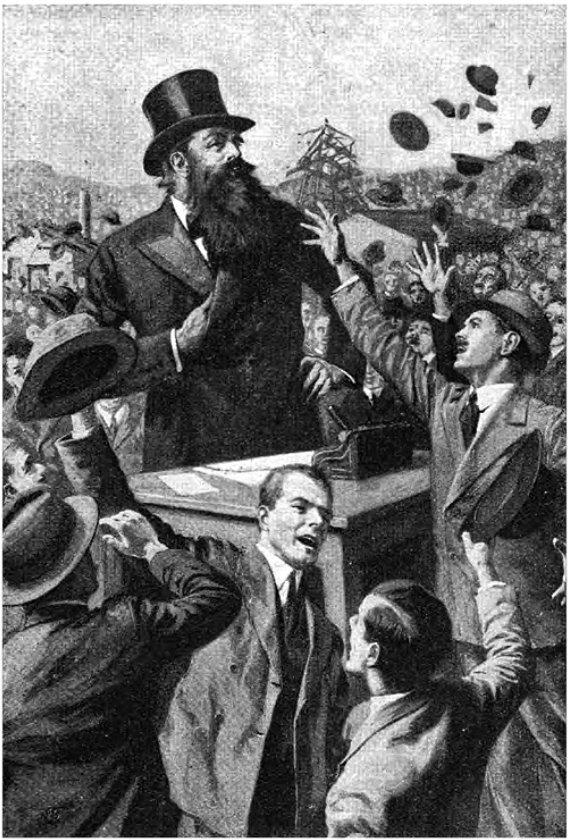
Первым делом на поверхность вылетели клети подъёмников. Остальные механизмы, размещённые в нишах, остались на месте, но твёрдый пол клетей принял на себя всю силу подземного удара. Подобно тому как ядра, заряженные в пушку, вылетают поочерёдно, одно за другим, все четырнадцать клетей чередой взмыли в воздух и, описав величественную параболу, попадали вниз, причём одна из них где-то в море возле Уортингской дамбы, а другая — в поле неподалёку от Чичестера. Очевидцы уверяли, что не видели ничего более удивительного, чем четырнадцать

клетей, безмятежно парящих в небесной сини.

Затем настала очередь гейзера. В небо на две тысячи футов взметнулась невероятных размеров струя какой-то безобразной густой жидкости, по консистенции напоминающей дёготь. Патрульный аэроплан, облетавший место действия,

был сметён, как артиллерийским обстрелом, и совершил вынужденную посадку, зарывшись в зловонную жижу. Возможно, эта немыслимая субстанция с едким, тошнотворным запахом была кровью планеты. Однако профессор Дризингер, которого поддерживает вся берлинская школа, полагает, что это защитная жидкость, подобная той, которую выбрасывает скунс, и служит она для того, чтобы оберегать матушку Землю от посяганий всяких там назойливых Челленджеров. Если это так, то главный виновник, восседавший на своём троне на холмике, остался безнаказанным, в то время как многострадальные представители прессы, оказавшиеся на самой линии огня, до нитки вымокли под струёй вонючего фонтана и потом в течение длительного времени стыдились показываться в приличном обществе. Зловонный дождь был отнесён ветром к югу и обрушился как раз на толпу горемык, столь долго и терпеливо ожидавших грандиозных событий на вершине холма. Несчастных случаев не было. Не было и разрушений, однако многие дома приобрели весьма устойчивый запах, и некоторые из них до сих пор хранят память об этом знаменательном событии.

В конце концов жерло потухло и закрылось. Так уж заведено природой, что рана затягивается постепенно, изнутри; вот и Земля с чудесной скоростью восстанавливает любую прореху в своём вечно живом организме. Долго слышался пронзительный треск — звук, родившийся в самых недрах и постепенно поднимавшийся к поверхности, — это сходились стены шахты, пока наконец с оглушительным грохотом не захлопнулось выложенное кирпичом устье; тогда словно небольшое землетрясение всколыхнуло вал, ограждавший вход в шахту, и на месте дыры образовалась пирамида из каких-то обломков и железяк. Эксперимент профессора Челленджера был не просто закончен — он был навсегда погребён и укрыт от постороннего глаза. Если бы не памятная плита, водружённая недавно Королевским обществом, вряд ли бы кто из потомков узнал, где именно состоялось это удивительное представление.



И наконец наступил финал-апофеоз. На некоторое время воцарилась тишина: люди пытались собраться с мыслями и понять, что же всё-таки произошло. И вдруг они осознали, что на их глазах свершилось величайшее открытие, только тогда оценив гениальность замысла и простоту исполнения. В этот миг все в едином порыве повернулись к Челленджеру. Отовсюду полетели к нему крики восторга, а он взирал вниз со своего возвышения на море поднятых кверху лиц и приветственные взмахи платков. И сейчас он стоит у меня перед глазами — даже отчётливее, чем тогда. Вот он поднялся со стула — глаза полузакрыты, на губах самодовольная улыбка, левая рука упёрта в бок, правая засунута за борт сюртука. Эта сцена останется в веках: я слышал, как застрекотали фотокамеры, словно кузнечики в зелёной траве. Вот, освещённый лучами июньского солнца, он сдержанно поклонился на все четыре стороны — Челленджер-суперучёный, Челленджер-первопроходец, Челленджер — единственный представитель рода человеческого, которого вынуждена была признать сама матушка Земля.

Несколько слов вместо эпилога. Всем известно, что эксперимент потряс мир. Конечно, нигде

больше планета не издала такого рыка, как на месте непосредственного вмешательства, но своим поведением в других частях света она продемонстрировала, что действительно составляет единый организм. Через всевозможные отверстия, клапаны и вулканы выразила она своё возмущение. Страшно бушевала Гекла, и исландцы боялись мировой катастрофы. Везувий фонтанировал так, что его верхушка чуть не обрушилась на землю. Этна извергла столько лавы, что Челленджеру в итальянских судах был предъявлен иск на общую сумму в полмиллиона лир за причинённый виноградникам ущерб. Даже в Мексике и Центральной Америке наблюдались признаки мощного глубинного возмущения, а вопли Стромболи разнеслись по всему Восточному Средиземноморью. Каждый человек испытывает желание заставить мир заговорить. Но заставить мир кричать — это стало исключительной привилегией Челленджера.

1928 г.

Дезинтеграционная машина

Профессор Челленджер пребывал в прескверном расположении духа. Взявшись за ручку двери, я замер в нерешительности перед его кабинетом и услышал нижеследующий монолог; слова гремели и отдавались по всему дому:

— Да, я говорю, что вы второй раз ошиблись номером! *Второй* за одно утро! Вы что, воображаете, будто какой-то идиот на другом конце провода может отвлекать учёного от серьёзной работы своими назойливыми звонками? Я не потерплю этого!.. Алло, сию же минуту пошлите за управляющим вашей бездарной телефонной лавочкой! А, вы и есть управляющий?! Так почему же в таком случае вы не *управляетесь*? Да, разумеется, вы управились с тем, что позволили отвлечь меня от дела — дела, важность которого вашему уму не дано понять! Я желаю связаться с главным распорядителем. Что, его нет? Этого и следовало ожидать! Я отдам вас под суд, сэр, если подобное повторится! Ведь наказали же горластых петухов. Да, это я добился их осуждения. Наказали петухов, а с какой стати терпеть дребезжание телефона? Всё ясно. Извинение в письменном виде? Очень

хорошо. Я рассмотрю его. *Доброго* утра!

Именно после этих слов я отважился переступить порог. Безусловно, время я выбрал не самое удачное. Когда Челленджер положил телефонную трубку, я очутился не перед профессором — передо мной был разъярённый лев! Его огромная чёрная борода топорщилась, могучая грудь негодующе вздымалась. Он окинул меня с головы до пят взглядом надменных серых глаз, и на меня обрушились последствия его гнева.

— Проклятые лентяи! За что только этим негодяям деньги платят! — загремел он. — Мне было слышно — они смеялись, когда я излагал им свою вполне справедливую жалобу. Это заговор, дабы докучать мне! А теперь, юный друг, ещё и вы явились сюда, чтобы довершить бедствия злополучного утра. Вы здесь, позвольте узнать, по собственной воле или же ваша газетёнка отправила вас заполучить у меня некое интервью? Как у друга у вас, разумеется, есть привилегии, но как журналист — можете убираться!

Я лихорадочно шарил в кармане в поисках письма от Макардла, но тут профессору на память пришёл ещё новый повод для недовольства. Огромные волосатые руки его рылись в бумагах на столе и наконец извлекли оттуда газетную

вырезку.

— Весьма мило с вашей стороны упомянуть обо мне в одном из ваших последних литературных опусов, — сказал он, негодующе потрясая передо мной листом. — Это было в каких-то дурацких замечаниях касательно останков ископаемого ящера, недавно обнаруженных в соленгофских сланцах. Вы начинаете абзац со слов: «Профессор Дж. Э. Челленджер, принадлежащий к величайшим умам современности…»

— И что же, сэр? — осведомился я.

— К чему подобные возмутительно несправедливые определения и ограничения? Можно подумать, будто вы в состоянии сказать, кто они, эти другие выдающиеся мужи, которым вы приписываете равенство, а то, чего доброго, ещё и превосходство надо мною?

— Я неудачно выразился, сэр. Разумеется, мне следовало бы сказать: «профессор Челленджер, величайший ум современности», — согласился я, и сам совершенно убеждённый в правоте этих слов. Моё признание сразу же обратило зиму в лето.

— Мой дорогой юный друг, не думайте, что я придираюсь, отнюдь. Но, будучи окружён задиристыми и безмозглыми коллегами, человек

оказывается вынужден защищаться. Вы знаете, мой друг, самоутверждение чуждо моей натуре, но мне приходится отстаивать свои принципы перед бездарными оппонентами. А теперь проходите! Садитесь! Что же привело вас ко мне в этот час?

Мне следовало приступать к делу крайне осмотрительно, поскольку я знал, что малейшая неосторожность — и лев снова зарычит. Я развернул письмо Макардла:

— Могу ли я зачитать вам это, сэр? Письмо от Макардла, моего редактора.

— Как же, помню его: не самый гнусный представитель журналистского племени.

— По крайней мере, сэр, он исключительно высоко ценит вас и искренне вами восхищается. И когда требуется, я бы сказал, высочайшее качество экспертизы, он всегда обращается именно к вам. Вот и сейчас я здесь по этой самой причине.

— Что же ему угодно?

Под влиянием лести Челленджер охорашивался, подобно индюку. Он уселся, положа локти на стол, сцепив свои огромные, как у гориллы, руки; борода его топорщилась, а большие серые полуприкрытые глаза милостиво остановились на мне. Он был велик во всём, что бы ни делал,

и его благожелательность подавляла сильнее, нежели гнев.

— Я прочту вам его записку ко мне, сэр. Вот что он пишет:

Дорогой Мелоун, пожалуйста, как можно скорее повидайте нашего высокоуважаемого друга, профессора Челленджера и попросите его о содействии в следующем деле. Некий латвийский джентльмен по имени Теодор Немор, проживающий в Уайт-Фрайер-Меншэнс, в Хэмпстеде, утверждает, что он будто бы изобрёл машину самого необычайного свойства, способную дезинтегрировать любой материальный объект, расположенный в пределах её влияния. Под её действием материя, составляющая тела живой и неживой природы, якобы разлагается и возвращается в своё молекулярное или атомическое состояние. При этом, направив процесс в обратную сторону, объект можно восстановить в первоначальном виде. Заявление представляется несколько нелепым, и всё же существуют неоспоримые доказательства, что для

него имеются определённые основания и что этот человек действительно натолкнулся на какое-то замечательное открытие.

Нет нужды распространяться ни о том, какую революцию подобное открытие произведёт в жизни человечества, ни о чрезвычайной важности этого изобретения в случае применения его в качестве оружия нового типа. Держава, которая, хоть единожды, смогла бы дезинтегрировать таким образом военный корабль или превратить батальон противника в кучку атомов, стала бы властительницей мира. По соображениям социального и политического свойства нельзя терять ни минуты, чтобы разобраться в сути изобретения. Намереваясь подороже продать его, автор рвётся к известности, поэтому встретиться с ним не составит труда.

Прилагаемая визитная карточка откроет перед вами двери его дома. Я бы очень желал, чтобы вы и профессор Челленджер встретились с этим инженером, изучили его изобретение и написали для «Газетт» взвешенный отчёт о ценности данного открытия. Надеюсь сегодня вечером услышать о результате вашей поездки.

Р. Макардл

— Таковы полученные мною указания, профессор, — добавил я, складывая письмо. — Я горячо надеюсь, что вы не оставите меня одного и поедете со мною, ведь где же мне самому, сэр, с моими-то ограниченными способностями, разобраться в подобном деле?

— Верно, Мелоун! Верно! — умиротворённо замурлыкал великий человек. — Хотя вы никоим образом и не лишены природного ума, но я согласен, что проблема, которую вы изложили, вам не по плечу. Этот бесцеремонный телефон уже расстроил мне утреннюю работу, и тут уж ничего не поделаешь. Между прочим, я тружусь сейчас над ответом этому итальянскому шуту Мазотти. Его взгляды на развитие личинок тропического

термита достойны лишь насмешки и всяческого презрения. Но с окончательным разоблачением мошенника можно подождать и до вечера. Так что, мой юный друг, я к вашим услугам.

Вот как вышло, что в то октябрьское утро я оказался вместе с профессором в вагоне подземной дороги, мчавшем нас по туннелю на север Лондона. Я и не подозревал тогда, что стою на пороге одного из самых удивительных приключений в моей богатой событиями жизни.

Уезжая с Энмор-Гарденс, я по телефону (которому только что так досталось) заранее удостоверился, что изобретатель дома, и предупредил его о нашем визите. Жил он в комфортабельной квартире в Хэмпстеде. Когда мы приехали, хозяин добрых полчаса продержал нас в приёмной. Всё это время он оживлённо беседовал с группой посетителей. По их голосам можно было понять, что это русские.

Я мельком глянул на них через полуоткрытую дверь, когда они наконец стали прощаться с хозяином в холле, и у меня сразу же сложилось о них впечатление как о состоятельных и интеллигентных людях; в блестящих цилиндрах, в пальто с астраханским воротом, у них был вид процветающих буржуа, который так любят напускать на

себя преуспевающие коммунисты.

Входная дверь затворилась за ними, и в следующую минуту Теодор Немор вошёл в комнату. Я и сейчас вижу, как он стоит в солнечном свете, потирая длинные тонкие руки, с широкой улыбкой, застывшей на неприятном лице, и рассматривает нас хитрыми жёлтыми глазками.

Это был низенький толстяк. В теле его ощущалось какое-то неуловимое уродство, хотя и трудно было определить, в чём именно оно заключается. Вполне можно было назвать его горбуном без горба. Большое, дряблое лицо походило на недоделанную клёцку, точно такого же цвета и консистенции, а украшавшие лицо прыщи и бородавки угрожающе выступали на его мертвенно-бледной коже. Глаза были как у кота, и по-кошачьи топорщились редкие и длинные колючие усы над неопрятным и слюнявым ртом. Всё в его лице казалось гадким и омерзительным, пока дело не доходило до рыжеватых бровей. Над ними располагался великолепный черепной свод, какой мне редко прежде доводилось видеть. Даже шляпа Челленджера, я думаю, могла бы прийтись этой величественной голове впору. Если судить по нижней части лица Теодора Немора, он мог принадлежать к подлым, коварным заговорщикам, а верхняя указывала, что его должно

причислить к великим мыслителям и философам мира сего.

— Ну-с, джентльмены, — заговорил он бархатным голосом, в котором чувствовался лёгкий иностранный акцент, — вы приехали, насколько я понял из нашего краткого разговора по телефону, чтобы поближе познакомиться с дез-

интегратором Немора? Не так ли?

— Совершенно верно.

— Могу я поинтересоваться: вы представляете британское правительство?

— Вовсе нет. Я — корреспондент «Дейли газетт», а это — профессор Челленджер.

— О, знаменитое имя, я бы сказал — имя европейской известности. — Улыбка подобострастной любезности обнажила жёлтые клыки. — Да, так вот... Я хотел сказать, что британское правительство уже упустило свой шанс. Что ещё оно упустило, возможно, выяснится позднее. Вполне вероятно, что оно упустило свою империю. Да, джентльмены, я готов был продать своё изобретение первому правительству, которое предложило бы мне за него соответствующую цену. И если сейчас дезинтегратор попал в руки тех, кого вы, скорее всего, не одобряете, то винить вам остаётся только самих себя.

— Так, стало быть, вы уже продали своё изобретение?

— Да, за цену, назначенную мною самим.

— Вы полагаете, что приобретший его станет монополистом?

— Несомненно.

— Но его секрет известен другим так же хоро-

шо, как и вам.

— Ничего подобного, сэр, — тут он коснулся своего огромного лба, — вот сейф, где надёжно заперт мой секрет. Сейф этот куда прочнее стального и защищён кое-чем посерьёзнее, нежели замок с шифром. Кому-то может быть известна одна сторона моего открытия, другим — другая. Но никто на свете, кроме меня, не знает всего целиком.

— Вы, по-моему, забываете тех джентльменов, которым уже продали его.

— Нет, сэр; я не настолько безрассуден, чтобы передать своё знание кому бы то ни было, пока мне не выплачены деньги. Поскольку они покупают его у меня, то пусть и перемещают этот сейф, — он снова дотронулся до своего лба, — со всем его содержимым куда пожелают. Мои обязательства в этой сделке, таким образом, будут выполнены — добросовестно, неукоснительно выполнены. И после этого начнётся новая история человечества.

Он потёр руки, и неподвижная улыбка на его лице исказилась, перейдя в хищный оскал.

— Вы, конечно же, извините меня, сэр, — зарокотал Челленджер, до сей поры сидевший в полном молчании, но его выразительное лицо

выказывало при том крайнее неодобрение словам и поведению Теодора Немора. — Однако, прежде чем обсуждать саму проблему, нам бы хотелось убедиться, что предмет для обсуждения вообще существует, так как у нас есть веские основания в этом сомневаться. У нас ещё в памяти недавний случай, когда один итальянец претендовал на создание мины с дистанционным управлением, но предварительное ознакомление с сутью работы показало, что он просто-напросто отъявленный мошенник. И эта история может повториться. Вы понимаете, сэр, что я весьма дорожу своей репутацией учёного — репутацией, которую вы любезно назвали европейской, хотя, смею думать, она не менее известна и в Америке. Осторожность — необходимый атрибут науки, и вам придётся представить нам доказательства, дабы мы могли отнестись к вашим притязаниям серьёзно.

Жёлтые глаза Немора как-то особенно зло посмотрели на моего спутника, но лицо его при этом расплылось в улыбке притворного добродушия.

— Вы достойны своей репутации, профессор. Я часто слышал, что вы как раз тот человек, обманывать которого едва ли и стоит пытаться. И я готов провести перед вами наглядный опыт,

каковой непременно убедит вас в реальности моих достижений. Но прежде чем перейти к нему, я должен сказать несколько слов касательно главного принципа, лежащего в основе работы моей машины.

Вы понимаете, что опытная установка, которую я собрал здесь, в своей лаборатории, — всего лишь модель, хотя в отпущенных ей пределах она и работает превосходно. Было бы совсем не сложно с её помощью дезинтегрировать, например, вас, уважаемый, а затем воссоздать вновь. Но не ради таких занятий одно из самых могущественных государств готово заплатить мне цену, выражающуюся в миллионах. Моя модель просто научная игрушка. Приложите эту силу в большем масштабе — и вы достигнете невероятных практических результатов.

— Можно ли нам увидеть эту модель?

— Вы не только увидите её, профессор Челленджер, но и испытаете её работу на себе самом, если, конечно, у вас хватит мужества решиться на это.

— Если хватит мужества!.. — зарычал лев. — Ваше «если», сэр, в высшей степени оскорбительно.

— Ну-ну-ну… Я вовсе не собираюсь оспаривать ваше мужество. Я хочу только заметить, что

предоставлю вам полную возможность проявить его. Но сперва несколько слов о законах, лежащих в основе дезинтеграции и управляющих ею.

Когда известные кристаллы, соль, к примеру, или сахар, помещают в воду, они растворяются в ней и исчезают. И не узнаешь, что они когда-то в ней находились. Затем, если путём выпаривания или как-то иначе уменьшить количество воды, то наши кристаллы опять окажутся перед нами, мы снова их видим, и они точно такие же, как и раньше. В состоянии ли вы представить себе процесс, посредством которого вы, органическое существо, точно так же постепенно растворяетесь в пространстве, а затем, благодаря обратному изменению условий, появляетесь вновь?

— Это ложная аналогия! — вскричал Челленджер. — Даже если я сделаю столь чудовищное допущение, будто молекулы нашего тела может рассеять некая разрывающая сила, то с какой стати они вновь составятся точно в том же порядке, как раньше?

— Такое возражение не отличается глубиной и не касается сути дела. Я могу сказать вам на это только то, что молекулы вплоть до последнего атома вновь воссоздают структуру, которую они ранее составляли. Существует незримая матрица,

и благодаря ей каждый кирпичик структуры попадает на своё настоящее место. Можете улыбаться, профессор, но ваш скептицизм и улыбка вскоре сменятся совсем иными чувствами.

Челленджер пожал плечами:

— Я вполне готов перейти к испытаниям.

— Есть и ещё кое-что, что мне хотелось бы довести до вашего сведения, джентльмены, так как это поможет вам уразуметь мою идею. Из восточ-

ной магии и западного оккультизма вам должно быть известно о феномене *аппорта*, когда некий предмет внезапно переносится со значительного расстояния и появляется на новом месте. Как же это возможно сделать, если не освобождением молекул, их перемещением по эфирной волне и последующим их воссоединением, когда каждая из них встаёт в точности на своё место, будучи направлена туда действием непреодолимого закона? Вот, как мне кажется, настоящая аналогия с тем, что совершает моя машина.

— Нельзя объяснить что-либо невероятное при помощи другого невероятного, — изрёк Челленджер. — Я не верю в ваши аппорты, мистер Немор, и не верю в вашу машину. Моё время дорого, и если нам предстоит увидеть демонстрацию вашего дезинтегратора — или как там его ещё, — то я бы попросил вас перейти к делу без дальнейших церемоний.

— Тогда благоволите следовать за мной, — проговорил изобретатель.

Он повёл нас из квартиры по лестнице вниз и далее через маленький садик. Там помещался просторный флигель. Хозяин отпер дверь, и мы вошли внутрь.

В нём оказалась большая выбеленная комната,

с бесчисленными медными проводами, свисавшими с потолка в виде гирлянд, и огромный магнит, установленный на возвышении. Перед ним было нечто похожее на призму из стекла фута три длиною и около фута в диаметре. Справа от неё был стул, установленный на цинковой платформе, а над ним висел полированный медный колпак. Как к стулу, так и к колпаку протянулись тяжёлые провода, а сбоку находился своего рода храповик с пронумерованными прорезями и покрытой резиною ручкой, которая сейчас стояла на нулевой отметке.

— Дезинтегратор Немора, — сказал этот непостижимый человек, махнув рукой в сторону машины. — Перед вами модель аппарата, которому суждено прославиться, изменив соотношение сил между нациями. Кто владеет этой машиной, владеет и всем миром. Вы же, профессор Челленджер, тем не менее отнеслись ко мне, позволю себе заметить, без должной учтивости и уважения. Осмелитесь ли вы теперь сесть на этот стул, дабы позволить мне на вашей собственной особе продемонстрировать возможности новой, неведомой силы?

Челленджер обладал мужеством льва, и всякий вызов, брошенный его достоинству, был способен

довести его до неистовства. Он было решительно направился к машине, но я успел схватить его за руку и попытался остановить.

— Вы не можете пойти на это, — сказал я. — Ваша жизнь слишком драгоценна. Это ведь, в конце концов, просто чудовищно. Что может гарантировать вашу безопасность? Ближайшим подобием этого аппарата, которое я когда-либо видел, был электрический стул в американской тюрьме.

— Мою безопасность гарантирует то, что свидетель — вы, и если со мной что-нибудь случится, то этого субъекта привлекут к ответственности за убийство.

— Это слабое утешение для мировой науки, сэр, ведь вы оставите незавершённой работу, которую, кроме вас, никто сделать не сможет. По крайней мере, позвольте пойти первым мне, и тогда, если опыт окажется совершенно безвредным, можете последовать и вы.

Сама по себе опасность, разумеется, никогда бы не остановила Челленджера, но мысль о том, что его научная работа может остаться незавершённой, сильно его озадачила. Он заколебался, и прежде, чем он успел принять решение, я ринулся вперёд и шлёпнулся на стул. Я видел, как изобретатель взялся за ручку. И услышал какой-

то щелчок. Затем на долю секунды появилось странное ощущение путаницы и смятения, перед глазами поплыл туман. Когда он развеялся, передо мной всё ещё стоял изобретатель со своей гнусной улыбкой, а побледневший Челленджер пристально всматривался в меня из-за его плеча. Щёки профессора, обычно румяные как яблоко, утратили свой цвет.

— Ну давайте же! — сказал я.

— Уже всё позади. Вы реагировали восхитительно, — ответил Немор. — Вставайте, пожалуйста, и теперь профессор Челленджер, надо надеяться, готов в свою очередь приступить к эксперименту.

Мне никогда не доводилось видеть моего старого друга в такой растерянности. Казалось, его железные нервы на какое-то мгновение совершенно сдали. Он схватил меня под локоть дрожащей рукой.

— Боже мой, Мелоун, это правда, — сказал он. — Вы исчезли. В этом нет никакого сомнения. Сначала был туман, а потом пустота.

— Сколько же я отсутствовал?

— Минуты две или три. Признаюсь, я был в ужасе. Я уже не мог вообразить, что вы вернётесь. Затем он щёлкнул этим тумблером, если

это тумблер, переведя его на другое деление, и вот вы снова на стуле, правда слегка сбитый с толку, но тем не менее живой и невредимый. Я возблагодарил Бога, увидев вас!

Большим красным платком он вытер пот с влажного лба.

— Итак, сэр? — спросил изобретатель. — Или, быть может, вам изменило мужество?

Челленджер явно сделал над собой усилие. Затем, оттолкнув мою протестующую руку, он уселся на стул. Ручка управления щёлкнула и застыла на третьем делении. Челленджера не стало.

Я, несомненно, пришёл бы в ужас, если бы не совершенное хладнокровие оператора.

— Прелюбопытный процесс, не правда ли? — заметил он. — Принимая во внимание, сколь поразительна личность профессора, странно подумать, что сейчас он — всего лишь молекулярное облако, висящее где-то в этой комнате. Разумеется, он теперь всецело находится в моей власти. Пожелай я оставить его в таком подвешенном состоянии, ничто на свете не помешает мне.

— Я быстро найду способ, как помешать вам.

И вновь его улыбка превратилась в хищный оскал.

— Не воображаете ли вы, что подобная мысль в самом деле была у меня на уме? Боже упаси! Ведь только представить себе: окончательный распад профессора Челленджера! Исчез, растворился в пространстве, не оставив никаких следов. Ужасно! Просто ужасно! В то же время он не был со мной настолько учтив, как следовало бы. Не кажется ли вам, что небольшой урок…

— Нет, не кажется.

— Хорошо, назовём это назидательной демонстрацией. Это будет, скажем, нечто такое, что даст материал для курьёзной заметки в вашу газету. К примеру, я открыл, что волосы на теле, поскольку они находятся на совершенно особой вибрационной частоте по отношению ко всей остальной живой органической ткани, могут по желанию быть включены в воссоздающуюся структуру или же удалены из неё. Мне было бы интересно взглянуть на медведя без его щетины. Получайте!

Щелчок тумблера, и секундой позже Челленджер вновь восседал на стуле. Но что за Челленджер! Какой-то остриженный лев! Хотя я изрядно рассердился дурной шутке, каковую позволил себе в отношении профессора изобретатель, всё же я едва удержался от хохота.

Его огромная голова была лысой, как у младенца, а подбородок гладким, как у девушки. Лишённая своей великолепной бороды, нижняя часть лица сильно смахивала на окорок, и профессор был похож теперь на старого гладиатора, поколоченного и обрюзгшего, массивная бульдожья челюсть которого нависала над двойным подбородком.

Вероятно, на наших лицах было какое-то особое выражение — не сомневаюсь, во всяком случае, что дьявольская ухмылка мистера Немора стала при этом зрелище ещё шире, — но, как бы то ни было, рука Челленджера устремилась к лицу и голове, и он осознал произошедшую перемену. В ту же минуту он вскочил со стула, схватил изобретателя за горло и швырнул на пол. Зная невероятную силу Челленджера, я подумал, что час Немора пробил.

— Ради бога, осторожнее! Ведь если вы убьёте его, мы никогда не сможем поправить дело! — вскричал я.

FRANCIS
SCHLEY

Мои слова возымели действие. Даже в минуты безумного гнева Челленджер всегда был открыт доводам разума. Он вскочил на ноги, потащив за собой дрожащего изобретателя.

— Даю пять минут, — задыхаясь от ярости, выговорил он. — Если через пять минут я не стану таким, как прежде, то вытрясу душу из вашей пакостной оболочки!

С Челленджером, когда он впадал в ярость, спорить было отнюдь не безопасно. Самый храбрый человек и тот дрогнул бы; что уж там говорить о мистере Неморе, который явно не отличался особой смелостью. Напротив, прыщи и бородавки на его лице неожиданно стали виднее прежнего, потому как оно переменило обычный для себя цвет замазки на белый цвет рыбьего брюха. Руки и ноги у него дрожали, он еле-еле мог ворочать языком.

— И правда, профессор, — залепетал он, держась рукой за горло, — такое насилие совсем ни к чему. Безобидная шутка, мне подумалось, вполне может быть уместна в кругу друзей. Моим желанием было только продемонстрировать вам возможности своей машины. Мне показалось, что вам хочется увидеть полную демонстрацию. Ни о каком оскорблении достоинства, уверяю

вас, профессор, не могло быть речи!

Вместо ответа Челленджер забрался обратно на стул:

— Не спускайте с него глаз, Мелоун. Не разрешайте ему никаких вольностей!

— Я прослежу за этим, сэр.

— А теперь, милейший, уладьте дело, не то вам придётся ответить за содеянное.

Напуганный изобретатель приблизился к машине. Восстановительная сила её была пущена на полную мощность, и через минуту старый лев вновь предстал перед нами, украшенный своей спутанной гривой. Обеими руками он любовно разгладил бороду, затем провёл по макушке, как бы желая убедиться в своей полной реставрации. После чего он торжественно сошёл со своего насеста.

— Вы позволили себе бесцеремонность, сэр, которая едва не возымела для вас весьма серьёзных последствий. Однако я принимаю ваше объяснение, что вы сделали это исключительно в целях демонстрации. А теперь я намерен задать вам несколько конкретных вопросов по поводу свойств этой удивительной энергии, об открытии которой вы заявили.

— Я готов ответить на любой из ваших во-

просов, кроме того, какова природа и источник данной энергии. Это моя тайна.

— Так вы действительно утверждаете, что никому в мире, кроме вас, она не известна?

— Ни у кого нет о ней ни малейшего понятия.

— А у вас не было помощников?

— Нет, сэр. Я работаю один.

— Вот как! Невероятно интересно. Вы рассеяли мои сомнения относительно факта существования этой энергии, но я ещё не постиг, в чём, собственно, её практическое значение.

— Как я уже объяснял, это только модель. Но разумеется, очень легко построить установку большего размаха. Как вы понимаете, в данном случае дезинтегратор действовал лишь по вертикали. Определённые токи над объектом и определённые — под ним создают некоторые вибрации, которые либо дезинтегрируют, либо восстанавливают материальные объекты. Но процесс может идти и по горизонтали. В этом случае эффект действия его был бы аналогичен, но он покрыл бы земное пространство пропорционально силе своего тока.

— Приведите пример.

— Предположим, что один полюс находится на одном катере, а другой — на другом. Тогда

военный корабль, попавший в поле между ними, просто-напросто исчезнет, распавшись на молекулы. Точно та же участь постигнет и любое войсковое соединение.

— И вы уже продали этот секрет с монопольным правом собственности одной из европейских держав?

— Да, сэр, продал. И как только они заплатят мне деньги, они получат в своё распоряжение такую силу, которой ни одна нация до сего времени не обладала. Даже сейчас вы не в состоянии представить всех возможностей моего изобретения, если оно попадёт в умелые руки, то есть в руки, не боящиеся пользоваться оружием, которое они держат. Эти возможности неизмеримы и беспредельны. — Злорадная улыбка пробежала по дьявольскому лицу этого человека. — Представьте себе какой-нибудь квартал, например в Лондоне, где установлены подобные машины. Вообразите эффект такого потока энергии в пределах, легко определяемых по воле оператора. Что ж… — он разразился отвратительным хохотом, — я уже вижу целую долину Темзы начисто выметенной. И ни единого мужчины, ребёнка или женщины не осталось бы ото всех кишащих здесь миллионов человеческих существ!

Ужас объял меня при этих словах, но ещё более ужаснуло меня воодушевление, с которым они были сказаны. Однако на моего спутника они, по-видимому, оказали совсем иное действие. К моему изумлению, Челленджер расплылся в добродушной улыбке и дружески протянул изобретателю руку.

— Итак, мистер Немор, следует вас поздравить, — заявил он. — Нет сомнения, что вы завладели замечательной собственностью — могучей силой природы — и обуздали её, и теперь человек может использовать её в своих целях. Весьма, конечно, прискорбно, что применение это неизбежно должно быть разрушительным, но наука не знает различий подобного рода, а лишь следует знанию, куда бы оно ни вело. Помимо принципа, лежащего в основе действия машины, у вас, я полагаю, нет возражений относительно того, чтобы я ознакомился с её конструкцией?

— Ни в коей мере. Машина всего лишь тело. А вот душой её, оживляющим её принципом вы, профессор, разглядывая это тело, завладеть никак не сможете.

— Безусловно. Но даже и её механизм представляется творением великого мастера, большого, я бы позволил себе заметить, знатока своего дела.

Некоторое время Челленджер расхаживал вокруг машины, трогал и щупал руками отдельные её части. После чего он вновь поместил своё громоздкое туловище на стул с электроизоляцией.

— Не угодно ли вам совершить ещё одну экскурсию в пространство? — удивился изобретатель.

— Позже, пожалуй, позже. Между прочим, тут у вас, вы, наверное, знаете об этом, имеется небольшая утечка электричества. Я, сидя здесь, отчётливо ощущаю, как через меня проходит слабый ток.

— Не может быть. Стул тщательно изолирован.

— Но уверяю вас, я чувствую контакт с электричеством. — Челленджер спустился с насеста наземь.

Изобретатель поспешил занять его место.

— Я ничего не чувствую, — заявил он.

— А разве нет дрожи внизу позвоночника?

— Нет, сэр, я ничего не чувствую.

Тут последовал резкий щелчок, и Немор исчез. В изумлении я воззрился на Челленджера:

— Силы небесные! Вы трогали машину, профессор!

Он милостиво улыбнулся мне с видом лёгкого недоумения.

— Вот так да! Вероятно, я нечаянно дотронул-

ся до ручки управления, — сказал он. — Да, вот именно так и происходят несчастные случаи, а всё из-за того, что эта модель слишком грубо сделана. Такой рычаг следовало бы снабдить предохранителем.

— Он стоит на цифре три. Эта отметка указывает на дезинтеграцию.

— Да, я это видел, когда опыт проводили над вами.

— Но я был так взволнован, когда он вернул вас назад, что даже не посмотрел, на какой отметке стоит возвращение. А вы заметили?

— Я бы мог заметить, мой юный друг, но я не обременяю свой ум мелкими деталями. Здесь много делений, и мы не знаем их назначения. Мы можем только ухудшить дело, если станем экспериментировать с неведомым. Наверное, лучше оставить всё как есть.

— И вы намерены…

— Безусловно. Так оно лучше. Небезынтересная личность мистера Теодора Немора растворилась в пространстве, его машина теперь бесполезна, а некое иностранное правительство осталось без знания, посредством коего оно могло бы причинить много вреда. Мы с вами неплохо поработали нынешним утром, мой юный друг.

Ваша газетёнка, несомненно, напечатает теперь занимательный репортаж о необъяснимом и таинственном исчезновении одного латвийского изобретателя как раз во время визита её собственного специального корреспондента к нему на квартиру. Не скрою, я получил истинное удовольствие от проделанного эксперимента. Такие светлые минуты приходят, чтобы озарить скучную рутину повседневной деятельности необычным светом. Но в жизни, мой юный друг, есть не только удовольствия, но также и обязанности. И сейчас я возвращаюсь к своему итальянцу Мазотти и его нелепым взглядам на развитие личинок тропического термита.

Я оглянулся. Мне почудилось, что лёгкий маслянистый туман всё ещё окутывает стул.

— Но всё-таки… — начал было я.

— Первой обязанностью законопослушного гражданина является предотвращение убийства, — изрёк профессор Челленджер. — Я так и поступил. Довольно, Мелоун, довольно! Тема исчерпана и не стоит обсуждений. Она и так уже слишком надолго отвлекла мои мысли от дел более важных.

1928 г.

Земля туманная
Роман о спиритизме

Преподобному Джорджу Вэйл-Оуэнув
знак симпатии, восхищения и дружбы

Глава первая, в которой специальные корреспонденты приступают к работе

Общеизвестно, что имя профессора Челленджера неоднократно использовалось в новейшей беллетристике самым бестактным образом. Дерзкий автор помещал его в немыслимые романтические ситуации, чтобы поглядеть, как тот к этому отнесётся. Реакция последовала незамедлительно. Учёный привлёк писателя за клевету, предпринял неудачную попытку конфисковать злополучную книгу, устроил погром на Слоун-стрит, дважды лично угрожал автору и в результате потерял место лектора в Лондонской школе субтропической гигиены. И, однако, можно сказать, что всё обошлось ещё достаточно мирно.

Дело в том, что за последнее время профессор как-то сник. Огромные плечи его ссутулились. В ассирийской окладистой бороде блеснула седина, взгляд утратил былую агрессивность, а голос хоть и раскатисто гремел по-прежнему, но теперь его хозяин не стремился уже заглушить всех вокруг. И всё же профессор оставался опасным, и окружающие с тревогой понимали это. Вулкан не потух, а лишь затаился, о чём говорило постоянное угрюмое ворчание, грозившее новым извержением. Жизнь научила профессора многому, но он продолжал сопротивляться её урокам.

Перемена произошла в нём после определённого события, а именно после смерти любимой жены. Маленькая женщина, словно птичка, свила гнёздышко в сердце этого великана. Он же, как это часто бывает с сильными людьми, относился с особенной нежностью и заботливостью к этому слабому созданию. Отдавая, она, как все кроткие и тактичные женщины, получала всё. И потому, когда жена неожиданно умерла от осложнившегося пневмонией гриппа, учёный, казалось, был сражён навсегда. Но он всё же поднялся, печально усмехаясь, как нокаутированный боксёр, готовый к новым раундам с Судьбой. Однако это был уже другой человек, и, если бы не помощь и

забота его дочери Энид, учёный, возможно, никогда не оправился бы от удара. Именно она, зная, чем можно заинтересовать страстную, склонную к соперничеству натуру отца, подсовывала ему разные факты и информацию и добилась наконец того, что он вновь включился в жизнь. Только когда отец опять почувствовал интерес к спорам, воспылал былой ненавистью к журналистам и начал ворчать почём зря на окружающих, она успокоилась, поняв, что он на пути к выздоровлению.

Энид Челленджер была необыкновенной девушкой и, несомненно, заслужила того, чтобы ей посвятили несколько строк. От отца она унаследовала волосы цвета воронова крыла, а от матери — голубые глаза и белоснежную кожу. Она, пожалуй, не была красавицей, но где бы она ни появлялась, все взгляды устремлялись к ней. Она казалась тише воды ниже травы, но дух её был силён. С детства у неё был выбор: либо противопоставить себя отцу и стать личностью, либо уступить его напору и превратиться в марионетку. У неё хватило умения остаться собой, уступая отцу, когда на того «накатывало», и проявляя твёрдость в более благополучные времена. В последние годы, чувствуя, что ей становится

всё труднее сохранять независимость, она начала работать. Пописывая в лондонские газеты, девушка настолько преуспела в журналистике, что её имя стало известным на Флит-стрит. В этом предприятии ей очень помог давний друг отца, мистер Эдвард Мелоун из «Дейли газетт», имя которого, возможно, уже знакомо читателю.

В Мелоуне ещё можно было узнать того атлета-ирландца, который в своё время успешно выступал в международном матче регбистов, хотя жизнь изрядно потрепала его. Он изменился с тех пор, как убрал с глаз долой бутсы. Но хотя мускулатура его заметно сдала, а суставы окостенели, мозг по-прежнему работал преотлично. Юноша превратился в мужчину. Внешне он мало переменился, разве что усы стали погуще, округлилась талия, а лоб прорезали морщины — следы новых условий жизни в послевоенном мире. Он слыл уже известным журналистом и подающим надежды молодым писателем. Многим казалось странным, что Мелоун всё ещё оставался холостяком, но в последнее время появилась надежда, что Энид Челленджер исправит это упущение. Стоит ли добавлять, что они были большими друзьями?

Был воскресный октябрьский вечер; в нависшем ещё с утра над Лондоном тумане поблёскивали первые огоньки. Окна четвёртого этажа квартиры профессора Челленджера на Виктория-Уэст-Гарденс плотно окутывала туманная мгла. Снизу доносился слабый шум проезжавшего транспорта, но сама улица оставалась

невидимой — лишь неясный отблеск говорил о её существовании. Профессор Челленджер сидел у камина, засунув руки в карманы и вытянув к огню крупные кривоватые ноги. Одет он был с небрежностью истинного гения: рубашка со свободным воротничком, тёмно-бордовый, завязанный большим узлом галстук и вельветовый пиджак чёрного цвета. Всё вместе, включая окладистую бороду, создавало облик стареющего представителя богемы. Рядом, уже готовая к выходу, сидела его дочь, на ней было чёрное платье с укороченной юбкой, круглая шляпка и прочие модные штучки, под которыми женщины умудряются скрывать ту красоту, которой их щедро одарила природа. У окна, держа в руках шляпу, стоял, поджидая её, Мелоун.

— Энид, мне кажется, нам пора идти. Уже почти семь, — сказал он.

Они писали совместно серию статей о лондонских церквях и религиозных сектах и потому каждое воскресенье отправлялись в новое место, готовя очередной материал для газеты.

— До восьми ещё уйма времени, Тэд.

— Присаживайтесь, сэр! Присаживайтесь! — загудел Челленджер, пощипывая бороду — явный признак того, что у него портится настроение. —

Ничто так не выводит меня из себя, как человек, стоящий у меня за спиной. Несомненный атавизм, страх, что тебя стукнут по голове дубиной или всадят кинжал в спину, но с этим чувством не справиться. Вот так. И ради всего святого, положите шляпу! А то у вас такой вид, будто вы опаздываете на поезд.

— Обычное состояние журналиста. Если мы не будем спешить, поезд уйдёт без нас. Энид начала это понимать. Впрочем, в одном вы правы: времени у нас ещё много.

— Вам далеко ехать? — спросил Челленджер.

Энид сверилась с записной книжкой.

— Мы уже побывали в семи местах. Прежде всего в Вестминстерском аббатстве, на самой пышной службе; были также у Святой Агаты, в так называемой «высокой» церкви, и в Тюдоровской — «низкой»[35]. Посетили католиков в Вестминстерском соборе, пресвитериан — на Энделл-стрит и унитариев — на Глостер-сквер. Но сегодня нам захотелось чего-то необычного, и мы решили отправиться к спиритуалистам.

Челленджер свирепо фыркнул, как разъярён-

---

[35] Notes: 35

«Высокая» церковь — разновидность Англиканской церкви; богослужение в ней наиболее близко к католицизму; «низкая» — склоняется к пуританизму и пиетизму.

ный бык.

— На следующей неделе вас, пожалуй, потянет в сумасшедший дом, — сказал он. — Не хотите ли вы сказать, Мелоун, что у этих безумцев есть своя церковь?

— Я специально занимался этим вопросом, — ответствовал Мелоун. — Моя обычная тактика — сначала изучить голые факты и цифры. В Великобритании у нас свыше четырёхсот зарегистрированных церквей.

Челленджер расфыркался так, что казалось, поблизости пасётся целое стадо свирепых быков.

— Глупость людская поистине беспредельна! Homo sapiens! Homo idioticus! Кому они там молятся? Ду'хам?

— Вот это нам и предстоит выяснить. Собственно, об этом и будет сама статья. Я разделяю ваше к ним отношение, а вот Аткинсон из больницы Святой Марии, с которым я недавно беседовал, думает иначе. А ведь он восходящая звезда хирургии.

— Слышал о нём. Кажется, специалист по цереброспинальной хирургии?

— Совершенно точно. Очень уравновешенный и компетентный. Считается большим специалистом в психических исследованиях — к этой

области знания относится и спиритуализм.

— Тоже мне область знания!

— Во всяком случае, так принято считать. Сам он относится к подобным вещам весьма серьёзно. Я консультировался с ним, когда мне потребовалась нужная информация. Он знаком с их литературой. И знаете, что он мне сказал? «Эти люди — пионеры человечества!»

— В Бедламе[36] им место, — прорычал Челленджер. — И при чём здесь литература? Какая ещё там у них литература?

— Это особая статья. У Аткинсона по этому вопросу пятьсот томов, и он всё же жаловался, что в его библиотеке многое отсутствует. Существует обширная спиритуалистическая литература на французском, немецком, итальянском языках, не считая нашего.

— Слава богу, что психи водятся не только у нас. Ну и галиматья!

— А ты читал что-нибудь, отец? — спросила Энид.

— Вот ещё! У меня нет времени, чтобы удовлетворить хотя бы половину моих истинно научных интересов. Какой вздор ты несёшь, Энид!

---

[36] Notes: 36
Название знаменитого дома для умалишённых в Лондоне.

— Прости, отец. Но ты был так категоричен… Я подумала, ты что-то знаешь.

Челленджер крутанул своей массивной головой и бросил на дочь испепеляющий взгляд:

— Человек, наделённый логическим умом и первоклассным интеллектом, сразу понимает, где истина, а где — вздор; ему не обязательно углубляться в существо вопроса. По-твоему, я должен досконально изучить математику, чтобы заявить об ошибке человека, доказывающего, что два и два — пять? Может, мне снова засесть за физику и уничтожить набор своих «Principia» из-за того, что какой-то мошенник или дурак утверждает, будто стол может подниматься в воздух, несмотря на существование закона тяготения? Неужели нужно изучить пятьсот томов, чтобы дорасти до уровня полицейского, который всегда разберётся, кто перед ним — мошенник или честный человек? Энид, мне стыдно за тебя!

Дочь весело засмеялась:

— Папа, прекрати рычать на меня. Сдаюсь. По правде говоря, я тоже так думаю.

— И всё же их поддерживают весьма достойные люди, — произнёс Мелоун. — Что вы скажете о Лодже, Круксе и прочих уважаемых гражданах?

— Не стройте из себя дурака, Мелоун. И у вели-

ких есть слабые стороны. Своего рода оскомина на здравый смысл. Неожиданно впадаешь в идиотизм. Что и произошло с этими людьми. Нет, Энид, я не знаком с их доказательствами, да и не собираюсь знакомиться: существуют очевидные вещи. Если постоянно пересматривать всякое старьё, когда же заниматься новыми проблемами? Всё давно ясно, доказательствами здесь служат здравый смысл, английский закон и поддержка всех здравомыслящих европейцев.

— Понятно, — отозвалась Энид.

— Однако, — продолжал профессор, — готов признать, что иногда мы имеем дело с простительными заблуждениями.

Голос его зазвучал тише, а выразительные серые глаза печально уставились в пространство.

— Я знаю случаи, когда мощнейший интеллект — мой собственный, например, — на какое-то мгновение сдавал.

Мелоун почувствовал, что в словах профессора кроется нечто интересное:

— И что же, сэр?

Челленджер колебался. Он, казалось, боролся с собой. Ему было трудно говорить. Но, набравшись мужества, он, как бы откинув от себя сомнения, приступил к рассказу:

— Ты ничего не знаешь об этом, Энид. Это… очень личное переживание. Впрочем, наверняка чепуха. Потом я всякий раз заливался краской стыда, стоило мне только вспомнить, как я чуть было не поверил в этот бред. Даже самых закалённых людей можно застать врасплох.

— Да, и что же, сэр?

— Всё произошло после смерти моей жены. Вы ведь знали её, Мелоун? И можете понять, каково мне пришлось тогда. Это случилось в ночь после кремации… Не могу вспоминать об этом без ужаса. Бесконечно дорогое крошечное тельце опускалось всё ниже, потом его лизнули языки пламени, и дверца захлопнулась.

Беззвучные рыдания сотрясали крупное тело профессора; он прикрыл глаза большими волосатыми руками:

— Зачем я только рассказываю об этом? Ладно, так уж вышло. Пусть это послужит вам уроком. Так вот… Той ночью — после кремации — я сидел в холле. А она, — он указал на Энид, — спала рядышком. Прямо в кресле, бедная малышка. Вы ведь бывали в нашем доме на Ротерсфилд, Мелоун. Там был огромнейший холл. Я сидел у камина, комната утопала в полутьме, и мой разум тоже погрузился во тьму. Нужно было разбудить

дочь и отправить её в постель, но она так сладко спала, откинувшись в кресле, что я не решился её беспокоить. Было, наверное, около часу ночи; помнится, луна светила сквозь мутное стекло. Я сидел и думал. А потом услышал…

— Что, сэр?

— Звуки. Сначала тихие, вроде тиканья часов. Потом громче и отчётливее: тук-тук-тук. И тут случилась странная вещь — то, из чего доверчивые люди впоследствии создают легенды. Надо сказать, что у моей жены была особенная манера стучать в дверь. Своими маленькими пальчиками она как бы отбивала незатейливую мелодию. Она и меня приучила, и потому мы всегда знали о приходе друг друга. Так вот, мне почудилось — ведь я был тогда как помешанный, — что стуки обрели знакомый ритм. Я пытался выяснить, откуда они доносятся, но так и не сумел. Вы, конечно, можете себе представить, как я старался установить их источник. По моим догадкам, он находился где-то наверху. Я потерял представление о времени. Стук повторился не менее десятка раз.

— Отец, ты никогда не рассказывал об этом!

— Нет. Но я разбудил тебя. И попросил посидеть со мной тихо.

— Вот это я помню.

— Мы сидели затаившись, как мышки, но больше ничего не повторилось. Всё кончилось. Обычный обман чувств. Может, в дереве завёлся жучок или плющ шелестел снаружи… Ритм мог возникнуть и в моём воспалённом мозгу. Вот так человек впадает в детство и начинает валять дурака. Этот случай стал для меня уроком. Я понял, что чувства могут обмануть даже умнейшего из умнейших.

— Но как вы можете знать, сэр, с точностью, что это не была ваша жена?

— Чушь, Мелоун! Чушь! Я видел, как пламя охватило её. Ну что там могло остаться?

— Её душа. Дух.

Челленджер тоскливо покачал головой:

— Дорогое мне тело распалось на составные элементы: газообразная его часть улетучилась, а твёрдые частицы выгорели и превратились в прах. Это был конец. Ничего не осталось. Со смертью всё кончается, Мелоун. Разговоры о душе — это пережиток анимизма древних. Предрассудок. Миф. Скажу как физиолог: человека можно заставить совершать злодеяния или достичь высот добродетели путём манипуляций с сосудами мозга. Гарантирую, что в результате операции я

превращу Джекилла в Хайда. Другой добьётся того же путём гипноза. Алкоголь тоже сойдёт. Или сильнодействующие лекарственные препараты. Так что всё это заблуждения, Мелоун! Выдумки! Другой жизни нет… Ночь — вечная ночь… долгий отдых для усталого труженика.

— Печальная философия.

— Лучше печальная, чем лживая.

— Возможно, вы правы. В такой позиции, во всяком случае, есть мужество. У меня нет возражений. Мой разум на вашей стороне.

— А вот я инстинктивно против! — вскричала Энид. — Как хотите, а я не могу в это поверить. — Она обвила руками могучую шею отца. — Вы никогда не убедите меня, что тебя, папочка, с твоим исключительным умом и величием духа, после смерти ждёт судьба каких-нибудь сломанных часов.

— Четыре ведра воды и мешок минеральных солей, — проговорил Челленджер, с улыбкой высвобождаясь из объятий дочери. — Вот из чего состоит твой папочка, дорогая, и тебе придётся примириться с этим. Однако уже без двадцати восемь. Я жду вас на обратном пути, Мелоун. С удовольствием выслушаю рассказ о ваших приключениях в стане этих безумцев.

Глава вторая, в которой описывается вечер в странной компании

Любовные дела Энид Челленджер и Эдварда Мелоуна не должны волновать читателя, хотя бы по той причине, что до них нет дела самому автору. Всем молодым людям свойствен инстинкт продолжения человеческого рода. Мы же в своём сочинении пытаемся рассказать о делах не столь банальных и представляющих больший интерес. Об их взаимной склонности мы упомянули лишь для того, чтобы была понятнее их доверительная близость и нежное товарищество. Если англо-кельтский мир и стал в чём-то лучше, так это прежде всего связано с тем, что отошли в прошлое хитрые уловки и ханжество, и теперь юноши и девушки могут беспрепятственно встречаться друг с другом и быть просто друзьями.

Проехав по Эдгвер-роуд, такси с нашими искателями приключений свернуло на боковую улочку под названием Хелбек-Террас. Там, в унылой веренице кирпичных домов, ярко светилась одна арка. Такси подкатило прямо к ней, и води-

тель распахнул дверь.

— Это и есть церковь спиритуалистов, — сказал он. Кивком поблагодарив клиентов за щедрые чаевые, он прибавил простуженным голосом человека, добывающего себе пропитание в любую погоду: — Сплошное надувательство, сэр.

Успокоив таким образом свою совесть, он вновь уселся на водительское сиденье, и минуту спустя красные огоньки фар уже растаяли в темноте.

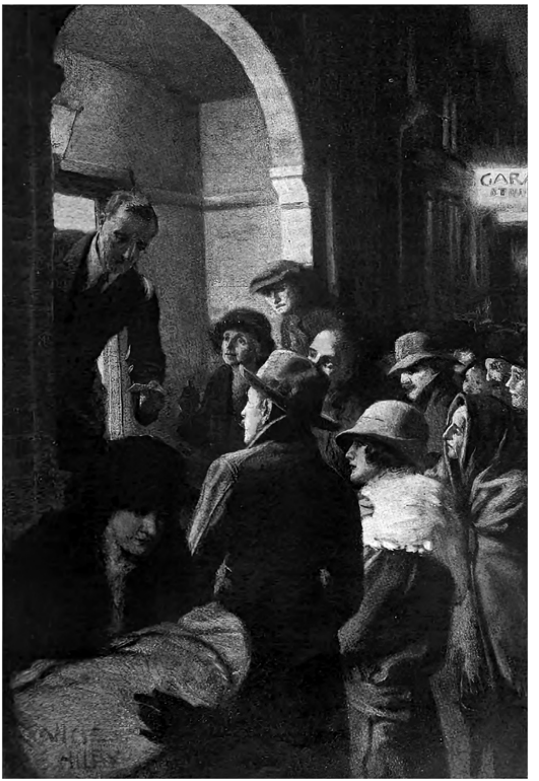
Мелоун от души рассмеялся:

— Vox populi[37], Энид. Вот вам отношение народа.

— Между прочим, и наше тоже.

---

[37] Notes: 37
Глас народа *(лат.)*.



— Но мы своей статьёй поневоле сделаем им рекламу. Не думаю, чтобы наш водитель одобрил это. Клянусь Юпитером, мы можем не протолкнуться внутрь.

У входа в церковь теснилось множество людей, а человек, стоящий на верхних ступенях, убедительно просил собравшихся разойтись.

— Ничего не выйдет, друзья. Сожалею, но ничем не могу помочь. Полиция и так уже грозилась привлечь нас к ответственности за скученность в помещении. — Он позволил себе пошутить: — Никогда не слышал, чтобы у ортодоксальной церкви были такие проблемы. Вот уж нет.

— Я приехала из самого Хаммерсмита, — раздался чей-то плачущий голос.

Свет упал на измученное, полное страдания лицо невысокой женщины в чёрном, с ребёнком на руках. Она-то и произнесла эти слова.

— Вы к ясновидице? — отозвался привратник с пониманием. — Советую оставить свой адрес, и я сообщу, когда миссис Деббс сможет вас принять. Всё лучше, чем мучиться в сутолоке, не зная, дойдёт ли до вас очередь. А так она займётся лично вами. Не толкайтесь, сэр, это не поможет… А вы кто такие? Журналисты?.. — Он схватил Мелоуна за локоть. — Вы сказали «журналисты»? Но ведь

пресса нас бойкотирует? Если не верите, раскройте субботний номер «Таймс» на той странице, где публикуются расписания церковных служб. О нас ни словечка. А из какой вы газеты?.. «Дейли газетт»? Ого, наши акции растут. А ваша дама тоже оттуда?.. Специальная статья? Вот это да! Идите за мной, сэр, и держитесь поближе. Постараюсь что-нибудь для вас сделать. Запирай, Джо! Успокойтесь, друзья, и расходитесь. Ничего не поделаешь! Вот, глядишь, выстроим помещение побольше, тогда милости просим… Сюда, мисс.

Они опять спустились на улицу, обошли здание и приблизились к маленькой дверце, над которой горел красный фонарь.

— Я хочу вывести вас сразу на помост — в зале совсем нет места.

— Силы небесные! — воскликнула Энид.

— Там вам будет лучше видно, мисс, а если повезёт, медиум скажет вам несколько слов. У тех, кто сидит ближе, всегда больше шансов. Входите, сэр!

Они оказались в небольшой неопрятной комнате с грязно-белыми стенами, сплошь увешанными шляпами и накидками. Сухощавая, сурового вида женщина в очках, из-под которых поблёскивали живые глаза, грела над огнём худые руки. Рядом в традиционной английской позе — спиной к огню — стоял грузный человек с бледным лицом, рыжими усами и пытливыми светло-голубыми глазами. Здесь же находились маленький лысоватый мужчина в огромных роговых очках и очень красивый, атлетического сложения молодой человек в синем костюме.

— Все уже расселись на помосте, мистер Пибл. Осталось только пять мест для нас. — Эти слова произнёс толстяк.

— Знаю, знаю, — отозвался привратник. Он вы-

ступил из темноты, и тогда стало видно, какой он нервный и высохший, весь, казалось, состоит из одних жил. — Это журналисты из «Дейли газетт», мистер Болсоувер. Они пишут о нас статью. Их имена — Мелоун и Челленджер. Познакомьтесь — мистер Болсоувер, наш председатель. А это знаменитая ясновидица, миссис Деббс из Ливерпуля. Рядом с ней мистер Джеймс, а высокий молодой джентльмен — мистер Гарди Уильямс, наш энергичный секретарь. Мистер Уильямс собирает деньги для нашего строительного фонда. Если мистер Уильямс рядом, не спускайте глаз с карманов.

Все рассмеялись.

— Сбор денег проходит в конце службы, — произнёс мистер Уильямс, улыбаясь.

— Лучшим вкладом будет доброжелательная статья, — сказал тучный председатель. — Вы бывали у нас прежде?

— Нет, — ответил Мелоун.

— Выходит, практически ничего о нас не знаете?

— Можно сказать и так.

— Значит, зададите нам перцу. Все видят сначала комическую сторону. Думаю, и вы состряпаете что-нибудь презабавное. Я, правда, не понимаю,

что такого смешного в общении, скажем, с духом покойной жены, но это уж вопрос вкуса и знаний. Если предмет тебе неизвестен, то о какой серьёзности может идти речь? Я не виню этих людей. Мы сами когда-то были такими. Я, например, работал у Бредлоу, и моим непосредственным руководителем был Джозеф Маккейб, и так продолжалось до тех пор, пока мой покойный старик-отец не вытащил меня оттуда.

— И правильно сделал, — отозвалась ясновидица из Ливерпуля.

— Тогда я впервые почувствовал свои силы. Видел отца, как вас сейчас.

— Он был во плоти?

— Точно ничего сказать не могу. Но когда работает сильный медиум, результаты бывают очень впечатляющими.

— Пора! — объявил мистер Пибл, захлопывая крышку часов. — Вы сядете на правый стул, миссис Деббс. Проходите, пожалуйста, первой. За ней вы, господин председатель. Потом вы двое и я. Вы, мистер Уильямс, сядете слева и будете запевать. Зал надо подогреть, а вы это умеете. Итак, прошу!

Помост был тоже переполнен, но им удалось пробиться вперёд под приветственный друже-

любный рокот. Мистер Пибл протиснулся вбок, кому-то что-то шепнул, и для Энид с Мелоуном нашлись два стула у стены. Укромный уголок вполне устраивал молодых людей: здесь они могли незаметно для окружающих делать записи.

— Что ты думаешь обо всём этом? — прошептала Энид.

— Пока не вдохновляет.

— Меня тоже, — заметила Энид. — Но всё равно любопытно.

Когда люди относятся к чему-то с увлечением, они всегда интересны, согласны вы с ними или нет, а увлечённость этих людей сразу бросалась в глаза. Зал был набит до отказа, лица присутствующих обратились к помосту, большинство — женских, но мужских тоже достаточно. Все они имели между собой какое-то неуловимое сходство; оно крылось не в особом отпечатке изысканности или интеллекта, а в безусловной открытости, честности и здравом смысле. Тренированный глаз Мелоуна сразу выделил из толпы мелких торговцев, администраторов магазинов, крепких ремесленников, женщин, измученных повседневными заботами, и немногочисленных молодых людей, пришедших сюда любопытства ради.

Тучный председатель встал и поднял руку.

— Друзья мои, — начал он, — сегодня в который раз не все желающие смогли попасть в этот зал. Нам нужно новое помещение, большее. Вопросами строительства у нас ведает мистер Уильямс, он же и собирает деньги на эту благородную цель. На прошлой неделе я был в одной гостинице и увидел у конторки объявление: «Чеки не принимаются». Этих слов наш мистер Уильямс никогда не произнесёт. Попробуйте — и сами убедитесь.

В публике раздался дружный смех.

Да, обстановка здесь совсем не напоминала церковную и была ближе скорее к атмосфере лекционного зала.

— В заключение хочу сказать вам ещё одну вещь. Я не собираюсь сегодня выступать и просижу весь вечер слушателем вот на этом стуле. Только попрошу об одном одолжении. Убедительная просьба ко всем спиритуалистам не приходить на воскресные вечерние бдения. Мы ждём вас утром, а вечером пусть уж приходят обычные люди со своими вопросами. Пусть вливаются новые силы. Вам истина уже открылась. Возблагодарите за это Господа. И дайте шанс другим. — Председатель опустился на своё место.

Тут на ноги вскочил мистер Пибл. Он, очевидно,

был здесь главным распорядителем — такой стихийно возникает в каждом кружке и потихоньку всё прибирает к рукам. Худое лицо его восторженно светилось, будто через него пропустили проводок накаливания или, скорее, целый пучок проводов. Меж его пальцев, казалось, пробегали электрические разряды.

— Гимн первый! — взвизгнул он.

Тут вступила фисгармония, и зал поднялся. Мелодичный гимн звучал мощно и стройно:

Мир почувствовал дыханье,
Что доносится с небес,
И восстали души разом,
И надежды луч воскрес!

Особенно проникновенно звучал рефрен:

Мы славим Тебя, Всевышний,
Пустой оказалась могила,
Радости нашей нет границ,
О смерть, ты отступила!

Да, эти люди были искренними. И не походили на умственно отсталых. И всё же, глядя на них, Энид и Мелоун испытывали жалость. Грустно, когда тебя обманывают в деле столь личном, ко-

гда мошенники играют на самых святых струнах твоей души, используя в нечистых целях любовь к почившим дорогим тебе людям. Что знали эти несчастные о доказательственном праве, о холодной непогрешимости научных законов? Бедные, честные, обманутые люди!

— Внимание! — вновь взвизгнул мистер Пибл. — Попросим мистера Манро из Австралии прочитать молитву.

С места поднялся безумного вида старик с взлохмаченной бородёнкой и огненным взором. Некоторое время он стоял потупившись, а затем приступил к молитве — незамысловатой импровизации. Мелоуну удалось записать начало:

— Отче, прости невежество наше, не ведаем, как надо обращаться к Тебе, но, поверь, делаем это от чистого сердца.

Дальнейшие слова вполне соответствовали зачину. Энид и Мелоун обменялись одобрительными взглядами.

Аудитория исполнила ещё один гимн, менее удачный, чем предыдущий, а затем председатель объявил, что сейчас мистер Джеймс Джонс из Северного Уэльса впадёт перед ними в транс и передаст послание от своего духа-покровителя Алаша из Атлантиды.

Мистер Джеймс Джонс — проворный, решительного вида коротышка — выступил вперёд и, постояв несколько минут в глубокой задумчивости, вдруг задрожал всем телом и начал вещать. Ничто не говорило о том, что оратором был кто-то, помимо мистера Джонса из Северного Уэльса, разве что его остановившийся, бессмысленный взгляд. Надо сказать, что если поначалу дрожал только мистер Джонс, то пришёл черёд содрогнуться и всем остальным. Дух из Атлантиды оказался непроходимым тупицей. Он изрекал такие явные глупости, нёс такой откровенный вздор, что Мелоун, не удержавшись, прошептал Энид, что если умственное развитие Алаша соответствовало стандарту того времени, то можно только приветствовать гибель Атлантиды. Наконец, ещё раз впечатляюще задрожав всем телом, Джонс закончил вещание, и тогда со своего места, не скрывая нетерпения, поднялся председатель.

— Сегодня среди нас находится известная ясновидица из Ливерпуля миссис Деббс. Как многие из вас знают, она щедро наделена экстрасенсорными свойствами, о которых говорил ещё святой Павел, в том числе способностью видеть духов. И хотя в этой области действуют законы, над которыми мы не властны, дружественная атмосфера

очень важна, и потому миссис Деббс надеется на ваше доброе отношение и молитвы, которые помогут ей вступить в контакт с потусторонними астральными существами. Возможно, и мы сможем поприветствовать их в этом зале.

Председатель сел, и тут же под сдержанные аплодисменты поднялась миссис Деббс. Она стояла перед замершим в ожидании залом — высокая, бледная, с тонким хищным лицом; глаза её остро поблёскивали из-под очков в золотой оправе. Затем миссис Деббс склонила голову, как бы к чему-то прислушиваясь.

— Вибрация! — воскликнула она наконец. — Мне нужна подходящая вибрация. Исполните гимн на фисгармонии, пожалуйста.

Раздались звуки гимна «О Иисус, возлюбленный души моей!».

Аудитория замерла в благоговейном восторге. Зал был плохо освещён, темнота скрадывала углы. Ясновидица стояла, по-прежнему наклонившись вперёд и продолжая прислушиваться. Но вот она вскинула голову, и музыка оборвалась.

— Сейчас! Сейчас! Всему своё время, — проговорила она, обращаясь к невидимому собеседнику. Собравшимся же сказала: — Сегодня не очень

подходящие условия для сеанса. Но я постараюсь, и они тоже. А вначале я скажу вам несколько слов.

Она заговорила. Всё сказанное ею произвело на двух новичков впечатление полной бессмыслицы. Это была абсолютно бессодержательная болтовня, хотя отдельные фразы поражали своей оригинальностью. Мелоун положил ручку в карман. Зачем записывать слова безумной женщины? Сидящий рядом спиритуалист, заметив такое презрительное отношение, наклонился к нему.

— Она настраивается. Ищет волну, — шепнул он. — Здесь многое зависит от нужной вибрации. Вот, кажется, нашла.

Женщина замолчала посредине фразы и, выбросив вперёд длинную руку, указала дрожащим пальцем на полную женщину во втором ряду:

— Вы! Дама с красным пером! Нет, не вы! Полная женщина впереди вас. Да, вы! За вашей спиной вырос дух. Это мужчина. Довольно рослый, около шести футов. Высокий лоб, серые, а может, голубые глаза, удлинённый подбородок, каштановые усы, лицо в морщинах. Вы узнаёте его?

Полная женщина выглядела очень взволнованной, но отрицательно покачала головой.

— Постараюсь вам помочь. У него в руках книга в коричневом переплёте с застёжкой. Похожа на гроссбух. Я вижу надпись «Каледонская страховая компания». Это вам о чём-нибудь говорит?

Полная женщина плотно сжала губы и вновь покачала головой.

— Могу ещё кое-что добавить. Перед смертью он долго болел, у него была астма.

Дородная женщина оставалась непреклонной, но тут на ноги вскочила небольшого роста, раскрасневшаяся от гнева особа, сидевшая через два стула.

— Это мой муж, мэм. Скажите ему, что я не хочу иметь с ним никакого дела. — После столь решительного высказывания она вновь села на своё место.

— Вы правы. Он движется в вашу сторону. Хотя раньше был ближе к той даме. Он просит простить его. Нехорошо испытывать недобрые чувства к покойнику. Забудьте и простите. Всё прошло. Он просит передать вам следующее: «Сделай, о чём я тебя просил, и я буду вечно благословлять тебя». Вам это о чём-нибудь говорит?

Сердитая женщина удовлетворённо кивнула.

— Хорошо. — Неожиданно ясновидица метнула пальцем в толпу, сгрудившуюся у дверей. — Те-

перь послание солдату.

Стоявший в первых рядах солдат в форме цвета хаки изумлённо таращил глаза:

— Какое ещё послание?

— От военного. На нём нашивки капрала. Грузный седой мужчина. На воротнике жёлтые петлицы. Различаю инициалы — Д. Х. Вы его знаете?

— Знаю. Но он умер, — ответил солдат.

Он не понимал, куда попал, и значение происходящего было от него полностью скрыто. Соседи торопливо объяснили ему, что могли.

— Бог мой! — вскричал солдат и поспешил скрыться под дружный смех.

В наступившей паузе Мелоун услышал, как медиум тихо бормочет, обращаясь к невидимым собеседникам.

— Не торопитесь! Дождитесь своей очереди! Говорите вы, женщина! Встаньте рядом с ним. Ну как я могу его иначе узнать? Если бы я могла…

Миссис Деббс в эту минуту напоминала билетёра в театре, указывающего, кому куда идти.

Её следующая попытка потерпела неудачу. Солидный мужчина с густыми бакенбардами наотрез отказался от родства с неким пожилым джентльменом. Медиум с удивительным тер-

пением сообщала всё новые дополнительные сведения, но так ничего и не добилась.

— Вы спиритуалист?

— Да, уже десять лет.

— Значит, вы знаете, что иногда возникают трудности.

— Знаю.

— Напрягитесь. Может, вспомните. А пока оставим всё как есть. Мне жаль вашего друга.

Наступила пауза, во время которой Энид и Мелоун успели обменяться впечатлениями:

— Что ты об этом думаешь, Энид?

— Даже не знаю. Совершенно растерялась.

— Думаю, здесь присутствует элемент интуиции в сочетании с полученной на стороне информацией. Не забывай, все эти люди ходят в одну церковь и многое знают друг о друге. А чего не знают, то с лёгкостью разведают.

— Но по их словам, миссис Деббс здесь впервые.

— Её могли проинструктировать. Отлично инсценированный спектакль. А что ещё? Только подумай!

— Может, телепатия?

— Частично, может, и так. Послушай! Она опять заговорила.

Новая попытка оказалась более успешной. Сидящий в глубине зала мужчина в трауре моментально узнал по описанию и манере выражаться свою жену.

— Она зовёт какого-то Уолтера.

— Это я.

— Она называла вас Уот?

— Никогда.

— Теперь называет. «Шлю свою любовь Уоту и детям». Я слышу именно эти слова. Она очень беспокоится о детях.

— Она всегда была такой.

— Они там не меняются. Говорит что-то о мебели. Вы её продали. Это правда?

— Пришлось.

В зале захихикали. Всегда и везде комическое соседствует с трагическим. Как это странно и вместе с тем естественно и трогательно!

— Она передаёт вам следующее: «Тот человек расплатится с тобой, и всё будет хорошо. Оставайся таким же добрым, Уот, и мы будем здесь ещё счастливее, чем на земле».

Мужчина закрыл лицо руками. Видя, что медиум замерла в нерешительности, не зная, кем теперь заняться, рослый молодой секретарь, слегка приподнявшись со своего места, прошептал

ей несколько слов. Она искоса, через левое плечо, посмотрела на журналистов и ответила:

— Подумаю.

Она несколько туманно описала облик ещё двух посланцев иного мира, узнанных родственниками с некоторым сомнением. Странно, что медиум упоминала такие приметы их внешности, которые явно нельзя было разглядеть на столь большом расстоянии. Так, говоря о существе, возникшем в дальнем углу зала, она могла назвать цвет глаз или незначительные особенности наружности. Посчитав это самым уязвимым местом сеанса, Мелоун решил использовать досадный недочёт в своих целях. Журналист как раз набрасывал в блокноте свои впечатления, когда голос женщины зазвучал громче, и он, подняв голову, увидел, что сверкавшие из-под очков глаза обратились в его сторону.

— Я обычно работаю только с залом и редко заглядываю на помост, — сказала миссис Деббс, и голос её гулко отозвался в помещении, — но сегодня к нам пришли новые люди, которым наверняка будет интересно вступить в контакт с духами. Я вижу одного из них за креслом усатого джентльмена, того, что сидит рядом с молодой леди. Да, сэр, именно за вами. Это мужчина, ни-

же среднего роста, довольно пожилой, думаю, за шестьдесят. Седая шевелюра, нос горбинкой, небольшая козлиная бородка. Как я догадываюсь, он вам не родственник, а скорее друг. Это вам о чём-нибудь говорит?

Мелоун презрительно покачал головой.

— Чушь! Полная чушь! — пробормотал он.

— Он очень взволнован, ему нужно помочь. Держит в руках книгу, это научная книга. Раскрывает её, там какие-то чертежи. Возможно, он сам написал её или учил по ней. Кивает. Значит, учил. Он был преподавателем.

Мелоун сидел невозмутимо, всем своим видом показывая, что этот человек ему неизвестен.

— Не знаю, чем могу ещё помочь? Может, вот это? У него родинка над правой бровью.

Мелоун вздрогнул как ужаленный.

— Одна родинка? — воскликнул он.

Очки вновь сверкнули:

— Две. Одна большая, другая поменьше.

— Боже! — проговорил, задыхаясь, Мелоун. — Это профессор Саммерли.

— Правильно. Он просит передать привет старому… Длинное имя, начинается с буквы «Ч». Трудно разобрать. Вам что-нибудь ясно?

— Да.

Через минуту миссис Деббс, повернувшись в другую сторону, уже описывала нового пришельца. Но на помосте позади себя она оставила потрясённого услышанным человека.

В это время сеанс неожиданно для всех, в том числе и для обоих гостей, был прерван. На помост поднялся и встал рядом с председателем высокий бледный бородач, одетый как преуспевающий ремесленник. Призывая к тишине, он уверенно поднял руку жестом человека, привыкшего владеть вниманием аудитории. Обернувшись, он что-то тихо сказал Болсоуверу.

— Перед вами мистер Миромар из Дэлстона, — объявил председатель. — У него для вас сообщение. Мы всегда рады мистеру Миромару.

Журналисты могли видеть оратора только в профиль, и всё же обоих поразило достоинство, с которым он держался, они залюбовались крупной, благородной формы головой, говорившей о необычайно развитом интеллекте. Когда мужчина заговорил, его голос приятно зазвучал под сводами зала.

— Я должен передать вам послание из другого мира. Мне поручено произносить его всюду, где найдутся уши, которые слышат. Сюда я пришёл, зная, что встречу здесь понимающих людей.

Пославшие меня хотят, чтобы человечество осознало своё истинное положение: тогда его не ждут шок и паника. Я один из тех, кто должен донести это послание до людей.

— Боюсь, он псих, — прошептал Мелоун, быстро строча в лежащем на коленях блокноте.

Публика в зале, похоже, тоже отнеслась к словам нового оратора несерьёзно, некоторые улыбались.

И всё же в голосе и манерах мужчины было нечто такое, что заставляло к нему прислушиваться.

— Мы приближаемся к драматической развязке. Идея прогресса была с самого начала материалистической. Всё сводилось к тому, чтобы быстрее ездить, быстрее связываться друг с другом, создавать всё новые машины. Истинная цель отошла в тень. Однако существует только один подлинный прогресс — духовный. Человечество на словах — за него, а на деле идёт совсем другой, ложной дорогой материального успеха.

Верховный Разум осознал, что, наряду с повальным равнодушием, есть некоторые, кто искренне заблуждается; веру таких людей следовало оживить, подкрепив новыми свидетельствами. Эти свидетельства не замедлили последовать, и тогда стало очевидным, что жизнь после смерти столь же непреложна, как движение солнца по небу. Однако эти доказательства Божьего промысла были высмеяны учёными, осуждены церковниками, оклеветаны газетчиками и благополучно забыты. Это стало последней и величайшей ошибкой человечества.

Зал заинтересованно слушал. Глубокомысленные измышления утомили бы людей, но здесь всё было на редкость доходчиво. По залу прокатился одобрительный гул, послышались аплодисменты.

— Положение казалось безнадёжным. Ситуация полностью вышла из-под контроля. Человечество с презрением отбросило помощь Небес, и теперь нельзя было избежать страшного урока. И беда разразилась. Десять миллионов молодых людей полегли на поле брани. Вдвое больше осталось изувеченными. Таково было первое Божье предупреждение заблудшим людям. Но и его не услышали. В обществе по-прежнему

царил жалкий материализм. Теперь отсрочка, данная человечеству, близится к концу, а перемен нигде не видно, за исключением таких мест, как эта церковь. Народы погрязли в грехе, а грех всегда приходится рано или поздно искупать. Россия стала выгребной ямой. Германия так и не раскаялась в страшном грехе материализма, который стал главной причиной войны. Испания и Италия скатились — одна в пучину атеизма, другая — предрассудков. У Франции нет религиозного идеала. Англия потеряла ориентацию и погрузилась в хаос, в ней расплодились нелепые, оторванные от жизни секты. Америка не сумела реализовать свои превосходные возможности и, вместо того чтобы стать любящей сестрой сокрушённой и израненной Европе, занялась собственным экономическим благоустройством; она отреклась от подписи своего президента и отказалась присоединиться к Лиге Наций — единственной надежде человечества. Все погрязли в грехе, некоторые больше других, и всем без исключения воздастся по делам их.

Кара настигнет грешников скоро. Меня просили передать вам слово в слово следующее послание. Я зачитаю его, так как боюсь упустить что-нибудь важное.

Он вынул из кармана лист бумаги и прочел:

— «Наша цель не в запугивании людей, мы только хотим, чтобы они одумались и обратились к духовным ценностям. Не страх стремимся мы пробудить в вас, а желание действовать, пока ещё есть время. Так дальше продолжаться не может. Если всё останется как есть — мир погибнет. Надо разогнать тёмное облако теологии, заслонившее от человечества Бога». — Он сложил бумагу и убрал в карман: — Вот что я должен был передать вам. А вы расскажите об этом всем, у кого ещё не омертвела душа. Взывайте к ним: «Покайтесь! Исправьтесь! Время не ждёт!»

Он умолк и собрался было уходить. Чары разрушились. Слушатели заёрзали на своих местах. Из глубины зала послышался голос:

— Это конец света, мистер?

— Нет! — резко ответил незнакомец.

— Второе пришествие? — спросил другой.

— Да.

Легко и быстро пройдя меж креслами на помосте, он остановился у двери. Когда Мелоун взглянул попозже в ту сторону, незнакомца уже не было.

— Это, видимо, один из фанатиков второго пришествия, — прошептал он Энид. — Таких

сект много — христадельфианцы, расселиты, «Библейские ученики» и прочие. Но он выглядит внушительно.

— Очень, — отозвалась Энид.

— Полагаю, что выражу общее мнение, если скажу, что выступление нашего друга было очень интересным, — сказал председатель. — Мистер Миромар сочувствует нашему делу, хотя нельзя сказать, что разделяет наши взгляды полностью. Мы всегда рады видеть и слышать его здесь. Что касается его пророчеств, то, на мой взгляд, человечество уже и так хлебнуло достаточно горя. Да и что можем мы сделать в том случае, если наш друг окажется прав и нас ждут большие испытания? Только стараться выполнять как можно лучше наши повседневные обязанности и жить, твёрдо надеясь на помощь свыше. Пусть Судный день наступит хоть завтра, — прибавил он, улыбаясь, — сегодня я всё равно должен торговать в своём магазинчике в Хаммерсмите. А теперь продолжим наше собрание.

Выступил молодой секретарь, он рассказал о создании строительного фонда и призывал вносить деньги:

— Позор, что так много людей остались сегодня на улице. Мы все здесь исполняем свои обязан-

ности бескорыстно и не берём за это ни пенни. Миссис Деббс тоже приехала сюда за свои деньги. Мы не можем начать строительные работы до тех пор, пока у нас не будет ещё одной тысячи фунтов. Среди нас нашёлся один, кто заложил свой дом, чтобы помочь нашему делу. Вот это сила духа! А теперь прошу, кто сколько может…

По залу пустили с дюжину тарелок, звон монет сопровождался пением гимна. Энид и Мелоун тем временем тихо беседовали.

— Ты ведь знаешь, что профессор Саммерли умер в прошлом году в Неаполе.

— Да. Я очень хорошо помню.

— А «старый Ч» — это, конечно, твой отец.

— Поразительно!

— Бедняга Саммерли… Он не верил в загробную жизнь, а тут объявился сам… во всяком случае, похоже на то.

Тарелки вернулись — по большей части с мелочью. Их водрузили на стол, где опытный глаз секретаря пытался определить, сколько денег всё-таки собрали. Затем взлохмаченный старик из Австралии прочитал благодарственную молитву в той же простой, бесхитростной манере, что и прежде. И не требовались ни передача апостольской благодати, ни возложение рук,

чтобы понять, что слова этого человека идут прямо из сердца и угодны Богу. Затем зал поднялся и стоя исполнил заключительный гимн — с западающей в память мелодией и печальным нежным рефреном: «Храни нас, Боже, до следующей встречи». Энид с удивлением заметила, что у неё по щекам заструились слёзы. Эта простая церемония, на которой присутствовали душевно здоровые и серьёзные люди, произвела на неё большее впечатление, чем пышные богослужения и однообразная музыка в величественных соборах.

Толстяка Болсоувера они нашли в холле, там же была и миссис Деббс.

— Думаю, вы нас разделаете под орех, — смеялся председатель. — Но мы к этому привыкли, мистер Мелоун. И не в обиде. Но увидите, всё изменится. Нас ещё оценят.

— Обещаю, что напишу честно.

— Большего и не требуется.

Ясновидица стояла, привалившись к камину, отрешённая и суровая.

— Вы, наверное, очень устали, — пожалела её Энид.

— Совсем нет, юная леди. Никогда не устаю, когда работаю с духами. Они поддерживают меня.

— Разрешите поинтересоваться, — вступил в разговор Мелоун, — знали ли вы профессора Саммерли?

Медиум покачала головой:

— Нет, сэр. Все думают, что я их знаю. Но я никого не знаю. Они просто приходят, и я их описываю.

— А послания, которые они просят передать?

— Я слышу их. Всё время слышу. Бедняги хотят, чтобы о них рассказывали, чтобы их заметили. Сами лезут ко мне на помост, дергают за рукава, тянут в разные стороны. Они терзают меня. «Я следующий… нет, я… я!» Вот что я постоянно слышу. Стараюсь изо всех сил, но всё равно не успеваю представить каждого.

— А что вы скажете о пророке? — поинтересовался Мелоун у председателя.

Мистер Болсоувер неодобрительно пожал плечами:

— Он конгрегационалист. Носится по стране, иногда заглядывает к нам. Помнится, именно он предсказал начало войны. Что касается меня, то я человек практический. Зла и сейчас хватает. Нам его отмерили полной мерой, не знаю, осталось ли про запас? Ну, пора расходиться. Спокойной ночи! Постарайтесь написать о нас получше.

— Спокойной ночи, — отозвалась миссис Деббс. — Кстати, девушка, вы сама медиум. Спокойной ночи!

Они вышли на улицу и с удовольствием вдохнули свежий вечерний воздух. После духоты переполненного зала он казался особенно бодрящим. Вскоре они уже были на шумной Эдгвар-роуд, где Мелоун остановил кеб и попросил отвезти их на Виктория-Гарденс.

Глава третья, в которой профессор Челленджер высказывает своё мнение

Мелоун уже садился вслед за Энид в кеб, когда его окликнули. По улице бежал высокий мужчина средних лет. Он был хорошо одет, тщательно выбрит и держался достаточно самоуверенно, как и подобает преуспевающему хирургу.

— Привет, Мелоун! Подожди!

— Аткинсон! Энид, позволь представить тебе профессора Аткинсона из больницы Святой Марии, о котором я рассказывал твоему отцу. Подбросить вас? Мы едем на Виктория-Гарденс.

— Отлично! — Хирург последовал за ними в кеб. — Очень удивился, увидев вас на собрании

спиритуалистов.

— Мы были там по делу. Ведь мы с мисс Челленджер — журналисты.

— Как же, помню. Всё в «Дейли газетт»? Считайте, что получили ещё одного подписчика, — интересно будет узнать, что вы насочиняете о сегодняшнем вечере.

— Придётся подождать следующего воскресенья. Материал идёт в определённую рубрику.

— Нет, столько ждать не могу. Хочу знать сейчас же.

— Всё не так просто. Завтра я внимательно перечитаю свои записи, обдумаю их, сопоставлю с наблюдениями коллеги. У неё очень развитая интуиция — важнейшая вещь, когда дело касается религии.

— Ну и что же говорит вам интуиция, мисс Челленджер?

— Больше положительного. И всё же — что за причудливая смесь!

— Вы попали в самую точку. Был там несколько раз и всегда уходил полный противоречивых чувств. Не обходится без разных нелепостей, допускаю, что возможен и просто обман, но есть там и нечто поистине чудесное.

— Но вы-то не журналист? Зачем вам туда

ходить?

— Интересно. Видите ли, я уже несколько лет изучаю спиритизм. Не могу считать себя его убеждённым сторонником, но к числу сочувствующих принадлежу, и у меня хватает ума задавать себе вопрос: может, не только я изучаю это явление, но и его субъекты, существа с той стороны, тоже изучают меня?

Мелоун понимающе кивнул:

— Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. И всем занимаются только вот эти честные, нищие духом люди, которые, несмотря на все преследования и потери, несут этот груз уже более семидесяти лет. Они напоминают первохристиан. Ведь христианство вначале распространялось среди рабов и низших слоёв населения. К господину свет пришёл на триста лет позже, чем к его рабу.

— А тот проповедник? — запротестовала Энид.

— Вы говорите о нашем друге из Атлантиды? Жуткий зануда! Не знаю, что и думать об этом. Полагаю, самообман или временное высвобождение дремавшей ранее части личности. Единственное, в чём я убеждён: все эти банальности не имеют ни малейшего отношения к жителю Атлантиды. Не

стоило отправляться в столь долгое путешествие, чтобы нести такой вздор. А вот мы и приехали!

— Я дал обещание отцу этой девушки доставить ее домой в полной сохранности, — сказал Мелоун. — А почему бы вам, Аткинсон, не подняться с нами? Профессор будет рад с вами познакомиться.

— Уже поздно. Он спустит меня с лестницы.

— Вижу, вам наболтали об отце всякой чепухи. На самом деле всё не так. Некоторые люди его действительно раздражают, но вы к их числу не относитесь. Может, рискнёте?

— После ваших слов — конечно.

И все трое направились по ярко освещённому коридору к лифту.

Челленджер, в роскошном голубом халате, с нетерпением ожидал их. Он смерил Аткинсона взглядом боевого бульдога, увидевшего другую собаку. Однако беглый осмотр, видимо, умиротворил его, и профессор прорычал, что рад знакомству.

— Слышал ваше имя, сэр, и знаю о вашей блестящей карьере. Ваша резекция позвоночника в прошлом году заставила меня поволноваться. Неужели вы тоже ходили к этим лунатикам?

— Если вам угодно так их называть... — засме-

ялся Аткинсон.

— А как ещё прикажете? Помнится, мой молодой друг, — (Челленджер иногда величал Мелоуна так, словно тот был подающим надежды школяром), — говорил, что вы изучаете этот феномен. — Он оглушительно расхохотался, не скрывая своего презрения. — «Изучая человечество, начнём с духов», так, что ли, мистер Аткинсон?

— Не обижайтесь на отца, он ничего в этом не понимает, — вмешалась Энид. — Уверяю, папочка, тебе было бы интересно.

И она представила ему подробный отчёт об их приключениях, который профессор то и дело прерывал недовольным ворчанием, хмыканьем и язвительными замечаниями. Когда же Энид дошла до эпизода с профессором Саммерли, Челленджер взорвался, не скрывая больше своего возмущения. Старый вулкан заклокотал, и слушателей оглушил огненный поток отборной брани.

— Гнусные негодяи! — рычал он. — Даже в могиле нет покоя бедняге Саммерли. У нас с ним возникали расхождения, я был, сознаюсь, не очень высокого мнения о его интеллекте, но, поверьте, если бы он действительно восстал из мёртвых, то сказал бы что-нибудь повразуми-

тельнее. Всё это галиматья, неприличная и злая выходка! Это возмутительно — моего друга выставляют на посмешище перед кучкой невежд! Ах, никто не смеялся? Как можно не смеяться, слыша, что образованный человек, с которым даже я общался на равных, несёт такую чушь? Нет, чушь! Не спорьте, Мелоун! Я этого не потерплю. Его слова напоминают приписку в письме школьницы-малолетки. Ну разве можно нести такой бред, находясь в другом измерении? Вы со мной согласны, мистер Аткинсон? Нет? Я думал о вас лучше.

— А подробное описание его внешности?

— Боже праведный, что у вас с головой? Разве вы не помните, что наши с профессором имена соседствовали в одной слабенькой беллетристической книжонке, которая почему-то понравилась публике? И думаете, никто не знает, что два молодых идиота болтаются по разным церквям уже несколько недель подряд? Совершенно ясно, что раньше или позже вы должны были забрести и к спиритуалистам. Прекрасный шанс заполучить себе сторонничков. Приманка заброшена, и простодушный Мелоун клюнул на неё! Крючок и сейчас торчит в его глупом языке. Что, Мелоун, правда глаза колет? Но всё равно

её надо говорить. — Чёрные как смоль волосы профессора встали дыбом, глаза метали искры, перебегая с одного участника беседы на другого.

— Но нужно выслушать и другую сторону, — сказал Аткинсон. — Свою точку зрения, сэр, вы выразили блестяще. Позволю себе процитировать Теккерея, сказавшего своему оппоненту: «Я понимаю вас. Но если бы вы знали то, что знаю я, вы изменили бы своё мнение». Может, и вы, профессор, найдёте время получше ознакомиться с предметом; это было бы замечательно: ваше мнение необычайно ценится в научном мире.

— Потому что я занимаюсь полезными делами, а не всякой чепухой. Мой разум, сэр, не виляет и не петляет, он идёт прямым путём. Здесь же очевидный обман и мошенничество.

— Думаю, не без этого, — сказал Аткинсон. — Но всё же… всё же… Послушайте, Мелоун, уже поздно, а ехать далеко. Простите, профессор. Для меня было большой честью познакомиться с вами.

Мелоун тоже откланялся. На улице друзья остановились немного поболтать, прежде чем разойтись в разные стороны: Аткинсон жил на Уимпл-стрит, а Мелоун — в Саут-Норвуд.

— Великолепный старик! — одобрительно сказал Мелоун. — На него нельзя обижаться. В сущности, он никому не желает зла. Потрясающий человек!

— Согласен. Но именно такая нетерпимость может заставить меня стать убеждённым спиритуалистом. Обычно она принимает форму издёвки, реже — громоподобного разноса. Мне больше импонирует последнее. Кстати, Мелоун, хотите, помогу вам получше разобраться во всём этом? Вы слышали о Линдене?

— Профессиональный медиум? Говорят, величайший мошенник в мире.

— Слышал такие отзывы. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Прошлой зимой я вправил ему коленную чашечку, и у нас завязались дружеские отношения. Его трудно заполучить, и билет будет стоить не меньше ги-

неи, но, если хотите, я постараюсь организовать сеанс.

— Лично вы ему верите?

Аткинсон пожал плечами:

— Ну что тут скажешь! Во всяком случае, за руку я его не поймал. Разбирайтесь сами.

— Я готов, — сказал Мелоун. — Меня это зацепило. Да и материал может получиться отличный. Решено: немного разберусь с делами и дам вам знать, Аткинсон. Надо ковать железо, пока горячо.

Глава четвёртая, в которой описываются странные занятия в Хаммерсмите

Появившаяся в печати статья за подписью «Соавторы» вызвала всеобщий интерес и споры. Её сопровождало краткое редакционное примечание, которое вполне отражало сомнения рядового читателя и как бы говорило: «О таких явлениях следует писать, и они могут кому-то показаться правдоподобными, но мы-то знаем, что это ерунда».

Мелоун получил множество писем, как за, так и против: факт, говоривший, что этот вопрос

занимал многих. Предыдущие публикации не вызвали такого всплеска эмоций: ну рявкнула парочка узколобых католиков или непримиримых евангелистов — теперь же его почтовый ящик ломился от писем. Большинство авторов высмеивали саму мысль о существовании духов, часть из них была от «писателей», которые не то что о спиритизме, а даже о правильной орфографии имели весьма смутные понятия. Самим спиритуалистам тоже не всё в статье понравилось: Мелоун, как журналист, не смог отказать себе в удовольствии посмаковать смешные стороны собрания, хотя ничего и не приврал.

Однажды утром на неделе, последовавшей за публикацией, в крошечном рабочем кабинете Мелоуна появился внушительных объёмов человек. О его приходе Мелоуна известил курьер редакции, положив на край стола визитную карточку, гласившую: «Джеймс Болсоувер, торговец, Хай-стрит, Хаммерсмит». Это был не кто иной, как радушный председатель последнего воскресного собрания. Он укоризненно грозил пальцем, глядя на Мелоуна, но его добродушное лицо расплывалось в улыбке.

— Вот видите, — сказал он, — всё вышло так, как я предупреждал: вас тоже потянуло на фарс.

— Вы полагаете, что я исказил картину?

— Нет. На мой взгляд, вы с молодой леди сделали всё, что смогли. Просто как новичков вас многое озадачивает. Но если подумать, разве удивительно, что умные люди, покинувшие этот мир, изыскивают способы установить с нами контакт?

— Они иногда говорят такие глупости!

— Умирают всякие, а не только те, что семи пядей во лбу. На том свете не умнеют. Кроме того, как знать, какие слова нужнее всего? Вчера миссис Деббс принимала одного священника. У него умерла дочь, и отец прямо помешался от горя. Миссис Деббс передала ему, что дочь счастлива и была бы ещё счастливей, если бы не его страдания. «Меня это не убеждает, — покачал головой священник. — Такое всякий скажет. Нет, это не моя дочь». И вдруг та попросила его: «Умоляю, не надевай воротничок католического священника вместе с цветной рубашкой». — «Это она, — сказал он и расплакался. — Дочь всегда отчитывала меня за эти воротнички». Жизнь состоит из мелочей, мистер Мелоун, обычных, незначительных, но дорогих нам мелочей.

Мелоун недоверчиво покачал головой:

— Каждый может заметить несоответствие

между обычной рубашкой и деталью одежды священника.

Мистер Болсоувер рассмеялся:

— Вы крепкий орешек. Говорю не в осуждение — сам таким был. Однако я по делу. Вы человек занятой, я тоже, поэтому перейдём сразу к главному. Во-первых, всем разумным спиритуалистам понравилась ваша статья. Мистер Альджернон Мейли написал мне, что она принесёт несомненную пользу. А если уж он так думает, то нам сам Бог велел.

— Мейли? Тот, что адвокат?

— Я бы, скорее, назвал его религиозным реформатором. Таким он останется в истории.

— А во-вторых?

— Если хотите, мы могли бы познакомить вас с нашим делом подробнее. Вас и молодую леди. Не для рекламы, упаси бог, а для вашей же пользы, хотя и реклама не помешает. Мы проводим сеансы телекинеза у меня дома без профессионального медиума, и если хотите…

— Очень хочу.

— Тогда приходите оба. У нас практически не бывает людей со стороны. Никаких наблюдателей. Не хотим, чтобы нас сбивали с толку, оскорбляли подозрениями и расставляли ло-

вушки. Всем этим злопыхателям кажется, что у других людей нет нервов. Но вам в здравом смысле не откажешь. А ничего другого и не требуется.

— А то, что я не разделяю вашей веры? Это не помешает?

— Ни в малейшей степени. Будьте только доброжелательны и ни во что не вмешивайтесь. Духи не любят агрессивных людей — так же как и мы, грешные. С ними надо держаться ровно и дружелюбно, как в хорошем обществе.

— Обещаю.

— Они, бывает, ведут себя весьма странно, —

сказал мистер Болсоувер, — и шутки с ними могут закончиться очень плохо. Духам не дозволено вредить людям, но не забывайте, что нам, людям, свойственно делать как раз недозволенное, и духи в этом отношении весьма походят на людей. Вы, может быть, ещё не забыли, как на одном из сеансов у братьев Давенпорт корреспонденту из «Таймс» бубном отрезало голову. Всё это, разумеется, прискорбно, но это было, и тут уж ничего не поделаешь. Однако ничего подобного духи не позволяли себе в отношении друзей. Известен и другой назидательный случай. На спиритический сеанс явился ростовщик. Одна из его жертв, доведённых им когда-то до самоубийства, вселилась в медиума, и тот схватил ростовщика за горло, так что он едва не расстался с жизнью. Но мне пора, мистер Мелоун. Сеансы у нас проводятся раз в неделю — уже четыре года как и без единого перерыва. По вторникам, в восемь вечера. Заранее дайте нам знать о своём приходе, и я пришлю мистера Мейли проводить вас. Он может лучше, чем я, ответить на все ваши вопросы. Итак, до вторника! Всего доброго.

И мистер Болсоувер, ступая как слон, вышел из комнаты.

Пережитой опыт произвёл на Мелоуна и Энид

гораздо большее впечатление, чем они в этом признавались, но, будучи разумными людьми, они сошлись на том, что надо сначала попытаться объяснить феномен с научной точки зрения, а уж потом допускать вмешательство сверхъестественных сил. Оба преклонялись перед могучим интеллектом Челленджера и испытали на себе сильное влияние его идей. Однако Мелоун в одном из споров всё же сказал, что мнение умного человека, ничего не знающего о спиритизме, значит для него меньше, чем мнение рядового человека средних способностей, присутствовавшего на сеансе.

Обычно споры разгорались между Мелоуном и Мервином, редактором газеты «Доун», публиковавшей материалы об оккультизме — от тайных знаний розенкрейцеров до удивительных открытий учёных, изучавших пирамиды, или тех, кто доказывал семитское происхождение светловолосых англосаксов. Энергичный коротышка Мервин обладал необычайно острым умом и мог бы достичь на своём поприще головокружительных успехов, не сделай он своим кумиром истину. Мервин с удовольствием делился с Мелоуном обширными познаниями, найдя в последнем благодатного слушателя, и потому официантам

из Литературного клуба стоило немалого труда заставить их покинуть угловой столик, за которым они обычно обедали. Поглядывая из окна на длинную изогнутую линию набережной и на величественную реку со множеством мостов, эти двое неспешно пили кофе и покуривали, обсуждая со всех сторон удивительное явление, открывшее Мелоуну глаза на многое, о чём он ранее не задумывался.

На этот раз слова Мервина вызвали у журналиста сильное раздражение, можно сказать, даже приступ гнева, ибо приятель вздумал давать ему советы. Мелоун отличался ирландским упрямством, и предостережения Мервина показались ему оскорбительным посягательством на его свободу.

— Итак, вы собираетесь присутствовать на домашних сеансах Болсоувера? О них много говорят, хотя мало кому удалось их посетить. Вы, надо признать, удостоились особой чести. Явный знак расположения.

— Болсоувер считает, что я объективно описал собрание.

— Ваша статья — не блеск, но на фоне той скучищи и бессмыслицы, которыми пестрят газеты, она выделяется: в ней есть такт и чувство меры.

Мелоун пренебрежительно отмахнулся:

— Сеансы, подобные тем, что проводит Болсоувер, нельзя отнести к «высокому» спиритизму. Я бы сравнил их с грубым фундаментом, несомненно необходимым — на нём зиждется здание, но, поселившись в доме, о нём тут же забывают. Интереснее иметь дело с более тонкими надстройками. Конечно, если доверять жаждущей сенсации жёлтой прессе, то вершиной сверхъестественного будут именно физические проявления, вроде призраков или домов с привидениями. Физические проявления, ясно, нельзя игнорировать; они даже приносят пользу, привлекая внимание исследователей и побуждая идти в познании дальше. Но лично я, увидев их однажды, не сдвинусь с места, чтобы взглянуть ещё раз. А вот чтобы вступить в контакт с более высокими сферами, обойду полсвета.

— Понимаю вас и тоже вижу разницу. Но я-то не верю ни в физические, ни в психические проявления так называемых сверхъестественных сил.

— Знаю. Кстати, святой Павел был величайшим медиумом и экстрасенсом. Он говорит об этом настолько откровенно, что даже безграмотные переводчики не сумели скрыть истинного значения его слов, хотя весьма преуспели в ино-

сказаниях.

— Вы не могли бы процитировать его слова?

— Я неплохо знаю Новый Завет, но не наизусть. Это там, где он говорит, что дар человеческого языка присущ всем непосвящённым, но дар ангельского, духовного языка даётся лишь избранным. Говоря другими словами, опытный спиритуалист не станет интересоваться объектами чувственного восприятия.

— Посмотрю это место.

— Найдёте его в Послании к коринфянам. У религиозного братства того времени был, видимо, высокий уровень интеллекта, если послания Павла зачитывались на службах и должным образом воспринимались.

— Разве это не общепризнанно?

— И послания Павла — один из конкретных примеров. Однако я уклонился в сторону. Мой совет — не относитесь к кружку Болсоувера слишком серьёзно. Это честные люди, но мелко плавают. Постоянные поиски физических подтверждений существования сверхъестественных сил похожи на болезнь. Мне знакомы такие люди, в большинстве своём женщины, которые бегают с сеанса на сеанс и всюду видят одно и то же — иногда это подлинное чудо, а иногда и обман.

Разве станешь после таких сеансов лучше? Они ничего не дают душе. Нет, если уж стоишь на первой ступеньке, не теряй времени зря, сделай усилие и поднимайся выше.

— Понимаю вас. Но я-то стою на твёрдой почве.

— Твёрдой! — вскричал Мервин. — Боже, какая наивность! Однако мне пора ехать в типографию: сегодня вечером выходит моя газета. У нас небольшой тираж — всего десять тысяч, не то что у вас, плутократов утренней прессы, и я практически один делаю номер.

— Но вы хотели меня от чего-то предостеречь?

— Да, действительно. — Худое, энергичное лицо Мервина посерьёзнело. — Если у вас есть твёрдые религиозные убеждения или укоренившиеся предрассудки, из-за которых вы можете, изучив феномен, разнести его в пух и прах, не лезьте в это дело вовсе — опасно.

— Что вы имеете в виду?

— Они терпимы к честным сомнениям, непредвзятой критике, но, если им вредят, они становятся опасны.

— Кто это «они»?

— Кто? Не знаю, как их назвать: духи, психические сущности или астральные существа… Как

хотите. Не важно, кто они — великодушные или злые; они несут возмездие или воздают за добро. Главное — они существуют.

— Что за чушь, Мервин!

— Не будьте так самоуверенны, Мелоун.

— Ерунда! Вновь оживилась средневековая чертовщина. Как может такой разумный человек, как вы, верить в эту галиматью!

Мервин улыбнулся своей неподражаемой улыбкой, но глаза его, пытливо смотревшие из-под густых светлых бровей, оставались серьёзными.

— Не исключено, что вы измените своё мнение. Этот феномен обладает весьма странными свойствами. Хочу как друг предостеречь вас.

— Я весь внимание.

Ободрённый словами журналиста, Мервин приступил к рассказу. Он знал нескольких людей, которые легкомысленно отнеслись к потусторонним силам, вели двойную игру и серьёзно поплатились за это. Среди них были судьи, которые выносили несправедливые приговоры, основываясь на предвзятом мнении; журналисты, писавшие сенсации ради лживые материалы, бросавшие тень на спиритическое движение; или их коллеги, бравшие интервью у медиумов с заведомой целью их высмеять; просто любо-

пытствующие, которые при первом знакомстве с явлением пугались и отшатывались, осудив его, хотя в глубине души понимали, что столкнулись с чем-то серьёзным.

— Уверяю вас, — ответствовал Мелоун, — подобным образом можно объяснить любой трагический случай. Предположим, мистер Джонс назвал Рафаэля мазилой и вскоре после этого умер от грудной жабы. Следовательно, критиковать Рафаэля опасно? Если следовать вашей логике…

— Думайте как хотите.

— А вот другой пример. Возьмём Моргейта. Он материалист и, значит, убеждённый противник спиритизма. Но он преуспевает, вот и профессорское звание недавно получил.

— Честный враг — совсем другое дело. Никому не запрещается иметь другие убеждения.

— А что вы скажете о Моргане, который разоблачил нескольких медиумов?

— Они были мошенниками, и он только сослужил добрую службу движению.

— А Фальконер? Он смешал спиритизм с грязью.

— Ах, Фальконер! А знаете ли вы что-нибудь о его частной жизни? Нет? Уверяю вас — он

получил по заслугам. И не знает за что. Но когда-нибудь эти джентльмены, сопоставив факты, возможно, что-то поймут. Правда, будет уже поздно.

И Мервин рассказал страшную историю о человеке, употребившем свой незаурядный талант на то, чтобы пригвоздить спиритизм к позорному столбу, хотя и не сомневался в честности исповедующих его людей. Он поступил так из корыстных соображений. Конец этой истории был настолько страшен, что Мелоун взорвался.

— Прекратите, Мервин! — выкрикнул он с негодованием. — Я напишу то, что думаю, — меня ничем не собьёшь. И не пытайтесь запугать: ни вы, ни ваши духи — никто не заставит меня изменить своё мнение.

— Никто вас и не застав…

— А как прикажете вас понимать? То, что вы говорите, — суеверие чистой воды. Будь это правдой, вас всех надо было бы привлечь к суду.

— Привлекали, и не раз. Но мы здесь ни при чём. Однако, Мелоун, я только предупредил, а там — дело ваше. Поступайте, как считаете нужным. Всего доброго! Всегда можете застать меня в «Доуне». Звоните.

Существует один безошибочный приём, позво-

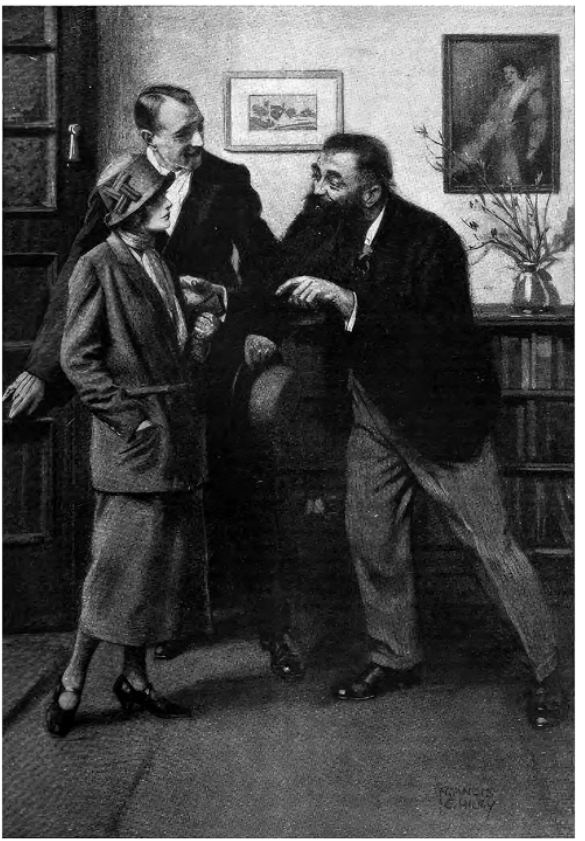
ляющий со стопроцентной точностью выяснить, есть ли в интересующем вас человеке ирландская кровь. Поставьте его перед вращающейся дверью, с одной стороны которой написано «к себе», а с другой — «от себя». Англичанин — существо разумное — поступит, как ему подсказывают. Ирландец же, в котором чувство независимости всегда берёт верх над здравым смыслом, обязательно сделает наоборот. То же самое случилось и с Мелоуном. Предостережение, сделанное Мервином из самых лучших побуждений, пробудило в журналисте дух противоречия. Поэтому, когда он заехал за Энид, чтобы вместе с ней отправиться на сеанс к Болсоуверу, зародившаяся было в нём симпатия к спиритуалистам заметно поубавилась. Провожая молодых людей, Челленджер весь изошёл насмешками, его лицо приняло выражение, появлявшееся у него в особенно озорном настроении, — борода торчала вперёд, глаза были полузакрыты, а брови топорщились.

— Дорогая Энид, обязательно прихвати с собой сумочку: попадётся приличный экземпляр эктоплазмы, не забудь про отца. У меня всегда наготове микроскоп, химические реактивы и всё остальное. А вдруг повезёт и ты сумеешь прихватить с собой небольшое привидение. Буду рад

любому пустячку.

Громовой хохот профессора сопровождал парочку до самого лифта.

То, что мистер Болсоувер называл «магазинчиком», оказалось старомодной бакалейной лавкой, расположенной в многолюдном районе Хаммерсмита. Башенные часы ближайшей церквушки как раз пробили три четверти, когда такси подъехало к лавке. В ней ещё толпился народ, и потому Энид и Мелоун не вошли внутрь, а стали прогуливаться взад-вперёд по улице. Тут подкатило другое такси, из которого выбрался крупный мужчина в твидовом костюме, с неровно подстриженной бородой. Взглянув на часы, он тоже стал мерить шагами тротуар. Заметив молодых людей, подошёл к ним:


FRANCES
E. HILEY

— Позвольте узнать, не вы ли тот журналист, что собрался посетить наш сеанс… Ага, я так и подумал. Вы мудро поступили, не войдя в лавку: похоже, у старины Болсоувера выдался тяжёлый денёк. Пошли ему сил Господь, он стоит того.

— А вы, полагаю, мистер Альджернон Мейли?

— Да. Я тот джентльмен, чья доверчивость вызывает сильное беспокойство у некоторых моих друзей, о чём они частенько мне говорят. — После этих слов он оглушительно расхохотался, и смех его был так заразителен, что молодые люди присоединились к нему. Беспокойство за мистера Мейли действительно казалось смешным, учитывая его атлетическое, несмотря на некоторую рыхлость, сложение, а также могучий бас и мужественное, хотя и несколько простоватое лицо. — Наши противники клеймят нас как могут, — сказал он. — Интересно, как поступите вы.

— Не станем притворяться, — произнесла Энид. — Пока мы не ваши единомышленники.

— Ничего. Здесь требуется время. Но дело стоит того. Я и сам не сразу уверовал. Нельзя осуждать людей за их сомнения, зато за огульное отрицание — можно. Теперь я, как видите, стою горой за спиритизм, потому что знаю — в нём истина. Между верой и знанием — большая разница.

Читая лекции, я никогда не стремлюсь сразу убедить слушателей. Не верю в стремительные обращения: они поверхностны и неубедительны. Я пытаюсь только предельно ясно рассказать о сути дела. При этом говорю обо всём правдиво, особо останавливаясь на том, почему мы считаем, что тут кроется истина. На этом моя миссия заканчивается, Люди могут принять моё сообщение к сведению или сразу отвергнуть. Мудрее всего поступит тот, кто будет сам исследовать указанные мною тропы. Никогда не давлю на слушателей и не вербую сторонников. В конце концов, это их дело, а не моё.

— Разумно, — отозвалась Энид, которую подкупила искренность нового знакомого. Теперь они стояли у ярко освещённой витрины лавки Болсоувера и могли хорошо рассмотреть друг друга. У мистера Мейли оказался высокий лоб, внимательные серые глаза, взгляд задумчивый и пытливый, за рыжеватой бородкой угадывался волевой подбородок. Основательный человек, ничего не скажешь, и совсем не похож на фанатика. Не таким представляла его себе девушка. В последнее время имя Мейли, упорно отстаивавшего свои убеждения, частенько мелькало в газетах, и, услышав его, отец всякий раз презри-

тельно фыркал.

— Интересно, — обратилась Энид к Мелоуну, — что случилось бы, окажись мистер Мейли в запертой комнате один на один с отцом?

Мелоун засмеялся:

— Похоже на школьный вопрос: что будет, если всесокрушающая сила натолкнётся на неодолимое препятствие?

— Вы дочь профессора Челленджера? — полюбопытствовал Мейли. — Он знаменитость в научном мире. Как далеко могла бы шагнуть наука, осознай она свою ограниченность!

— Не понимаю вас.

— Наш материализм питается научными достижениями. Наука создаёт нам комфортабельное существование — то, что нам, в сущности, не очень-то и нужно. В остальных отношениях она вообще стала сущим проклятием, создавая ложное впечатление, что способствует прогрессу. На самом же деле мы непрерывно откатываемся назад.

— Позволю себе не согласиться, мистер Мейли, — вступил в разговор Мелоун, не в силах более терпеть категоричность его суждений. — А телеграф? Радиосигналы SOS, спасшие множество жизней? Разве они не благодеяние для челове-

чества?

— Не спорю, случаются и удачи. Сам не могу обойтись без настольной лампы, а ведь она тоже продукт научного прогресса. Как я уже говорил, наука принесла нам комфорт и относительную безопасность.

— В таком случае зачем заниматься её уничижением?

— Комфорт скрывает от нас истинные ценности и саму цель жизни. Ведь не для того же нас поместили на эту планету, чтобы мы мчались на машинах со скоростью пятьдесят миль в час, перелетали через Атлантический океан и переговаривались между собой по телеграфу или радио? Всё это не главное в жизни и место ему — на периферии нашего сознания. Учёные же нарочито концентрируют внимание людей на этих материальных победах, заставляя нас забыть нашу основную задачу.

— Не совсем понимаю вас.

— Согласитесь, что цель путешествия важнее скорости. Точно так же важен не способ, каким вы передаёте сообщение, а его содержание. Так называемый прогресс может в любой момент обернуться страшным бедствием, ибо мы забыли, что единственно возможный прогресс — преуспе-

вать в том, для чего Бог послал нас в этот мир.

— А для чего?

— Подготовиться к будущей жизни. Нужно постоянно тренировать разум и дух, ведь то и другое находится у нас в полном запустении. С годами мы должны становиться лучше, добрее, великодушнее, отзывчивее, терпимее. Земля — это своеобразная фабрика душ, но сейчас она выпускает брак. Однако что это я? — Он снова залился своим заразительным смехом. — Кажется, начинаю читать лекции прямо на улице. Вот она, привычка. Как утверждает мой сын, нужно только нажать третью пуговицу на моём жилете и я тут же начинаю вещать. Но вот идёт ваш избавитель старина Болсоувер.

Почтенный лавочник, заметив их через окно, поторопился выйти навстречу, на ходу развязывая фартук.

— Добрый вечер! Прошу заходить — нечего стоять на холоде. Да и время подошло. Не стоит заставлять ждать. Мой девиз, да и наших гостей тоже, — точность во всём. Мои помощники закроют лавку. Пожалуйте сюда, только не споткнитесь о мешки с сахаром.

Они пробрались между ящиками с сухофруктами, головками сыров и, протиснувшись наконец

между двумя огромными бочками — причём особенно трудно пришлось тучному бакалейщику, — оказались перед дверью, ведущей в жилую часть дома. Поднявшись по узкой лестнице, Болсоувер отворил ещё одну дверь, и они вошли в просторную комнату, где уже собралось несколько человек, сидевших вокруг стола.

Среди них была и миссис Болсоувер — такая же дородная, жизнерадостная и добродушная, как и её муж. Три их дочери были очень похожи на своих симпатичных родителей. Там же сидела пожилая дама, видимо родственница хозяев, и ещё две довольно невзрачные женщины, которых представили как спиритуалисток и добрых соседей. Единственный мужчина — седовласый крепыш приятной наружности, с насмешливыми, живыми глазами — сидел в углу за фисгармонией.

— Мистер Смайли, наш музыкант, — представил его Болсоувер. — Не знаю, что бы мы без него делали. Вы ведь слышали про необходимость предварительного настроя? Мистер Мейли может многое об этом рассказать. Дорогие дамы, нет нужды представлять вам мистера Мейли, нашего доброго друга. А это мисс Челленджер и мистер Мелоун, журналисты.

Семейство Болсоувер просияло навстречу вошедшим радостными улыбками. Но тут, окинув их суровым взглядом, поднялась пожилая дама.

— Добро пожаловать, молодые люди, — отчеканила она. — Вам здесь рады и рассчитывают на ответное уважение. Но знайте — мы глубоко чтим тех, кто снисходит к нам с сияющих высот, и не хотим, чтобы над ними глумились.

— Уверяю вас, мы здесь с самыми честными намерениями.

— Мы уже научены горьким опытом. Этот случай с Мэдоу — вы помните, мистер Болсоувер? — никак не забудется.

— Успокойтесь, миссис Сэлдон. Больше такого не повторится. Нас всех потрясла эта история, — обратился мистер Болсоувер к гостям. — Мэдоу пришёл сюда как гость и, когда выключили свет, стал тыкать пальцем в соседей. Те же, ничего не подозревая, решили, что это действия потусторонних сил. Позже он издевался над ними в газете, хотя единственным мошенником был он сам.

Мелоуна шокировал этот рассказ.

— Уверяю вас, мы на такое не способны.

Пожилая дама опустилась на стул, продолжая бросать подозрительные взгляды на нашу па-

рочку. Болсоувер засуетился, подготавливая всё необходимое.

— Проходите сюда, мистер Мейли. Вы, мистер Мелоун, садитесь между моей женой и дочерью. А вам куда угодно, молодая леди?

Энид вся напряглась от волнения:

— Я хотела бы сесть рядом с мистером Мелоуном.

Болсоувер хмыкнул и подмигнул жене:

— Конечно, мы понимаем.

Все расселись по местам. Мистер Болсоувер выключил электрический свет, оставив гореть одну свечу в центре стола. Вот сцена, достойная кисти Рембрандта, отметил про себя Мелоун. Всё утопало во мраке; жёлтый мерцающий свет тускло освещал только лица сидевших у стола — мужественную, грубоватую физиономию Болсоувера и всего его добропорядочного семейства; умное лицо миссис Сэлдон; внимательные глаза и рыжую бородку Мейли; усталые, потёртые лица женщин из Спиритуалистического общества и, наконец, тонкий благородный профиль сидевшей рядом девушки. Казалось, весь необъятный мир вдруг сузился до размеров этого кружка, всецело сосредоточенного на одной цели.

На столе лежали разные предметы, изно-

шенность которых говорила о долгой и верной службе. Среди них были видавшие виды рупор, бубен, музыкальная шкатулка и всякие прочие мелочи.

— Никогда не знаешь, что понадобится, — сказал Болсоувер, указывая на них. — Если нужная вещь будет отсутствовать, Уи Ван просто с ума сойдёт… Здесь такое может начаться!

— Она с характером, — подтвердила миссис Болсоувер.

— А что ты хочешь, дорогая? — сказала суровая дама. — К скольким ей вот так приходится приходить! Я частенько задаю себе вопрос: почему она вообще к нам является?

— Уи Ван — наш гид, маленькая девочка, — объяснил Болсоувер. — Вы услышите её голос.

— Надеюсь, она сумеет прийти, — сказала Энид.

— Она ни разу не подводила, кроме того случая, когда этот негодяй Мэдоу отодвинул рупор и тот оказался вне круга.

— А кто у вас медиум? — спросил Мелоун.

— Сами не знаем. Все стараются понемногу. Думаю, и я помогаю. И конечно, жёнушка.

— Мы работаем на семейном подряде, — вступила та в разговор, и все рассмеялись.

— Разве не всегда бывает один, главный, медиум?

— Обычно, но не всегда, — раздался уверенный бас мистера Мейли. — Это доказал Кроуфорд на сеансах у Голлера, когда, взвесив участников до и после сеанса, установил, что каждый потерял за это время от полуфунта до двух, а медиум, мисс Кэтлин, примерно десять или двенадцать. Здесь же мы имеем дело с регулярными сеансами… Сколько вы уже этим занимаетесь, мистер Болсоувер?

— Полных четыре года.

— За это время каждый участник успевает развить в себе достаточную медиумическую силу, и поэтому все выкладываются равномерно, а не черпают силу только из одного источника.

— Простите, что черпают?

— Животный магнетизм, эктоплазму — словом, энергию. Это, пожалуй, самое подходящее слово. Христос тоже употреблял его. «Много энергии потерял я». По-гречески это звучит «динамис», что переводчики неправильно переводят как «сила». Мы узнали бы много интересного, если бы Новый Завет перевёл человек, не только хорошо знающий греческий, но и преуспевающий в изучении оккультных наук. Кое-что в этом направлении

сделал добрейший Эллис Пауэлл. Его смерть была большой потерей для человечества.

— Да уж, — почтительно поддакнул Болсоувер. — И ещё, мистер Мелоун, хочу обратить ваше внимание на следующие вещи. Видите белые пятна на рупоре и бубне? Это фосфоресцирующая краска, она наносится на предметы, чтобы было легче следить в темноте за их передвижениями. А это наш обеденный стол из прочного английского дуба. Можете осмотреть его. Хотя то, что вы увидите, никак от стола не зависит. А теперь, мистер Смайли, тушим свет, а вас попросим сыграть «Утёс вечности».

В темноте раздалась музыка, и собравшиеся запели. Их пение отличалось мелодичностью, у девушек был отменный слух и приятные голоса. Гимн звучал торжественно и величаво, трогая до глубины души, и вскоре смысл слов как бы отступил, оставив одну только музыку.

Руки певцов, согласно правилам, лежали на столе, запрещалось также скрещивать ноги. Мелоун, слегка касаясь руки Энид, ощущал, как она дрожит, — нервы девушки напряглись до предела. Болсоувер своим добродушным голосом разрядил обстановку.

— Всё в порядке, — сказал он. — Сегодня отлич-

ные условия. В воздухе уже ощущается холодок. Призываю вас помолиться вместе со мной.

Простая, идущая от сердца молитва торжественно зазвучала в темноте — почти полной, если не считать слабого блеска догорающей свечи.

— Отец наш небесный, — раздалось во тьме, — Непостижимый для нас и Вездесущий, сделай так, чтобы Зло не коснулось нас сегодня вечером и мы вступили в связь, пусть только на время, с теми, кто пребывает на более высокой ступени бытия. Ведь Ты — Отец всем нам. Позволь на краткий миг пережить радость братского общения и узнать больше о вечной жизни, ожидающей нас. Это поможет Твоим детям прожить достойно отпущенное им время в этом бренном мире.

В заключение Болсоувер вместе с остальными членами кружка прочитал «Отче наш». Затем воцарилось выжидательное молчание. Снаружи доносился уличный шум, иногда скрип автомобильных тормозов.

В комнате же никто не нарушал тишины. Энид и Мелоун, держась настороже, напряжённо вглядывались в темноту.

— Ничего не поделаешь, — произнёс наконец Болсоувер. — Это требовательная публика. Нуж-

но ещё музыки. С её помощью они настраиваются на нужную волну. Сыграйте нам ещё, мистер Смайли.

Фисгармония вступила вновь. Музыка ещё не смолкла, когда одна из женщин вскрикнула:

— Довольно! Тише! Они здесь!

Все замерли, но ничего не произошло.

— Вот! Вот! Я ощущаю присутствие Уи Ван. Она в комнате. Поверьте мне.

Вновь тишина, и наконец вот оно, чудо, — впрочем, чудо только для гостей, для постоянных членов кружка — вполне рядовое событие.

— Добрый вечер! — зазвенел нежный голосок. Раздались ответные приветствия, дружелюбный смех. Все заговорили разом: «Добрый вечер, Уи Ван! — Вот и ты! — Я знала, что ты придёшь! — Умница, девочка!» — Желаю всем доброго вечера! — повторил голосок. — Уи Ван рада видеть Папочку, и Мамочку, и всех остальных. О, какой великан с бородой! Мейли! Мистер Мейли, я ведь уже видела вас. Мейли — великан, а я малышка. Рада вас видеть, мистер Великан!

Энид и Мелоун сидели как громом поражённые. Но общение между невидимым существом и остальными членами кружка проходило так непринуждённо, что напряжение быстро спало.

Голосок был очень высокий и тонкий — такой фальцет взрослому недоступен. Нежный голос девочки. Да, именно так. Но среди присутствующих не было никакой девочки, разве только она пробралась в комнату, когда потушили свет? Что ж, возможно. Однако голос шёл из центра стола. Как ребёнок попал туда?

— Успокойтесь, мистер, — проговорил голосок, как бы отвечая на мысли Мелоуна. — Папочка сильный. Он поднял Уи Ван и поставил на стол. А вот сейчас я покажу вам такое, чего Папочке не сделать.

— Смотрите, рупор поднялся в воздух! — вскричал Болсоувер.

Фосфоресцирующее пятно бесшумно взмыло вверх. Теперь оно покачивалось над головой людей.

— Поднимись выше и постучи по потолку, — попросил Болсоувер.

Пятно послушно поплыло выше, и все услышали металлическое постукивание. Затем снова послышался голосок:

— Какой умный Папочка! Взял удочку и забросил рупор к потолку. Но как ему удаётся говорить таким голосом? Что вы думаете, молодая леди? А это вам подарок от Уи Ван.

Что-то мягкое упало на колени Энид. Девушка ощупала «подарок»:

— Это цветок — хризантема. Спасибо, Уи Ван.

— Дар Небес? — спросил Мейли.

— Нет, мистер Мейли. Она стояла в вазе на фисгармонии. Поговорите с нашей девочкой, мисс Челленджер. Связь не должна прерваться.

— Кто ты, Уи Ван? — спросила Энид, не сводя глаз со светящегося пятна над своей головой.

— Маленькая темнокожая девочка. Мне восемь лет.

— Что ты говоришь, милочка? — вмешалась мать семейства, урезонивая девочку своим глубоким контральто. — Тебе было восемь, когда мы познакомились, а ведь с тех пор прошло много лет.

— Это для вас много. Для меня — миг. Пока я работаю на вас, мне всегда будет восемь лет. Когда же кончу, сразу вырасту. У нас здесь другое время. Мне всё время восемь лет.

— Обычно они взрослеют точно так же, как мы на земле, — сказал Мейли. — Но если им поручают работу, которую должен исполнять непременно ребёнок, они не взрослеют до её завершения. Что-то вроде задержанного развития.

— Вот-вот. Именно «задержанного развития», —

гордо подтвердил голосок. — Этот Великан всегда учит маленькую девочку изысканным английским выражениям.

Все засмеялись. Общение было удивительно лёгким и искренним. Мелоун расслышал шёпот Энид:

— Ущипните меня, Эдвард, а то мне кажется, что я сплю.

— Меня тоже нужно ущипнуть.

— А песенку ты споёшь, Уи Ван? — спросил Болсоувер.

— А то как же! Уи Ван споёт для вас. — Она начала петь какую-то простенькую песенку, но вдруг, слабо пискнув, замолкла, тут же раздался стук упавшего на стол рупора.

— Ушла энергия, — констатировал Мейли. — Думаю, пение поможет. Смайли, сыграйте «Веди нас, Чудный свет!».

Вновь зазвучало чарующее пение. Оно ещё не прекратилось, как чудеса возобновились, но опять только для гостей, для всех остальных это было, видимо, делом привычным.

Хотя светящееся пятно свидетельствовало, что рупор по-прежнему лежит на столе, два голоса, мужской и женский, подхватили мелодию. Последние звуки смолкли, и в комнате вновь во-

царилось напряжённое, молчаливое ожидание.

Его прервал низкий мужской голос. Говорил образованный англичанин: ни его интонацию, ни саму манеру выражаться Болсоувер никогда бы не смог воспроизвести.

— Добрый вечер, друзья. Сегодня неплохая энергия.

— Добрый вечер, Люк! Добрый вечер! — послышалось со всех сторон.

— Это наш покровитель, — объяснил Болсоувер. — Высокий дух из шестой сферы. Советы его всегда поучительны.

— Вам я, может быть, и кажусь высоким, но бесконечно мал для направляющих меня! Не своей мудростью делюсь я с вами. Не заблуждайтесь. Я только передатчик.

— Он всегда держится скромно, — сказал Болсоувер. — Никакого хвастовства. Это только подчёркивает его величие.

— Вижу среди вас двух новых людей. Добрый вечер, мисс. Вы, полагаю, ничего не знаете о собственной энергии и вашем предназначении. Ничего, скоро узнаете. Добрый вечер, сэр. Вы находитесь в преддверии величайшего открытия. Может быть, хотите задать мне вопрос? Я вижу, вы делаете записи.

Мелоун действительно пытался как мог стенографировать в темноте происходящее.

— Так о чём же мне рассказать вам?

— О любви и браке, — предложила миссис Болсоувер, кокетливо подталкивая локтем мужа.

— Хорошо, постараюсь кое-что объяснить. Но долго говорить не смогу: к вам здесь установилась целая очередь. Комната кишит духами, жаждущими пообщаться с вами. Прежде всего хочу, чтобы вы поняли: для каждого мужчины есть только одна женщина, а для каждой женщины — только один мужчина. Встретившись, они больше не расстаются и, став одним целым, парят в вечности. Все предыдущие союзы случайны и бессмысленны. Раньше или позже каждый находит свою половину. Не обязательно на земле, возможно, в следующей сфере, где мужчины и женщины общаются между собой точно так же, как и на земле. Главное — у каждого мужчины и каждой женщины есть тот родной человек, с которым они обязательно воссоединятся. В будущей жизни сохраняется лишь пятая часть земных браков. Все остальные — случайны. Настоящий брак — союз душ. Секс — всего лишь материальный символ любви, ровным счётом ничего не значащий, смешной и даже вредный, если

отсутствует то главное, что он символизирует. Моя мысль ясна?

— Предельно ясна, — отозвался Мейли.

— У многих на земле не те спутники жизни. У некоторых их нет вообще, и это даже лучше. Но со временем каждый обретёт супруга. Будьте в этом уверены. А возможно, с вами останется и ваш прежний спутник.

— Хвала Богу! Слава Всевышнему! — прокричал другой голос.

— Вы ошибаетесь, миссис Мелдер. К этому Он не имеет ни малейшего отношения. Всё решает любовь, истинная любовь, только она соединяет. Ваш супруг живёт своей жизнью. Вы — своей. Может, даже на разных планетах. Но однажды вы встретитесь, и к вам вернётся ваша юность.

— Когда вы употребляете слово «любовь», подразумеваете ли вы сексуальный союз?

— Вот куда нас занесло, — пробормотала миссис Болсоувер.

— Дети здесь не родятся. Такое бывает только на земле. Об этом говорил и великий Учитель: «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж…» Конечно нет! У нас вершатся союзы душ — чистые, глубокие, блаженные, когда сливаются полностью помыслы и чувства, но сохраняется

индивидуальность. На земле с этим высоким супружеством может сравниться разве что первая пылкая страсть, когда влюблённые даже не помышляют о физической близости, настолько возвышенно их чувство. Позже они приходят к плотскому выражению любви, но сердца их знают, что тот нежный союз душ был во сто крат прекраснее. Итак, я ответил вам. Какие будут ещё вопросы?

— А если женщина любит одновременно двоих мужчин? — спросил Мелоун.

— Такое редко встречается. Обычно она сердцем чувствует, кого на самом деле предпочитает. В противном случае эта двойственность означает, что женщина ещё не встретила свою настоящую любовь, её будущий возлюбленный обитает в высшей сфере. Конечно, если она…

Голос оборвался, и рупор упал на стол.

— Поём «Ангелы витают над нами»! — выкрикнул Болсоувер. — А ну-ка, Смайли, вдарьте по этой старой фисгармонии. Энергия почти на нуле.

Музыка отгремела, и в глубокой тишине раздался полный отчаяния голос. Никогда Энид не слышала ничего более печального. Разве что стук падающих на крышку гроба комьев земли. Вначале послышалось несвязное бормотание. Потом

слова молитвы, видимо на латыни, потому что два раза говорящий употребил слово «Domine»[38] и один раз «peccavimus»[39]. Чувство бесконечной тоски и одиночества разлилось в комнате.

— Господи, что же это такое? — воскликнул Мелоун.

Все озадаченно молчали.

— Какой-нибудь горемыка из низших сфер, — предположил Болсоувер. — Обычно советуют не иметь с ними дела. А мне бы так хотелось помочь ему.

— Правильно, Болсоувер, — одобрил Мейли. — Действуйте не мешкая.

— Чем мы можем помочь тебе, друг?

Молчание.

— Он сам не знает. Наверное, не понимает, что с ним происходит. Где Люк? Он скажет, что делать.

— Что случилось, друзья? — послышался приятный голос наставника.

— Здесь какой-то бедняга. Хотелось бы помочь ему.

— Ах да. Он недавно пришёл из вашего мира, —

---

[38] Notes: 38
Господи *(лат.)*.

[39] Notes: 39
Грешные *(лат.)*.

сказал Люк сочувственно. — И конечно, растерян. Ничего не понимает. Он из тех, что попадают к нам с полученным в церкви твёрдым представлением о том, что должны здесь увидеть. Но у нас всё иначе, и новички теряют голову. Первое время они совершенно беспомощны, потом некоторые привыкают, приспосабливаются и начинают жить как все. Другие же упорствуют в своих заблуждениях, не могут свыкнуться и продолжают блуждать неприкаянными, как этот человек. В прошлой жизни он был религиозным фанатиком — ограниченным и упрямым. Зерно невежества, посеянное на земле, взошло здесь скорбью.

— Что его так тяготит?

— Он не знает, что мёртв. Блуждает как в тумане. Всё кажется ему страшным сном. После его смерти прошли годы, ему же они кажутся вечностью.

— Почему вы не объясните ему ситуацию, не подскажете, что делать?

— Мы не можем. Мы…

Рупор упал.

— Смайли, скорее музыку. Нужно прибавить энергии.

— Высшим духам нельзя общаться с теми, кто

привязан к земле, — объяснил Мейли. — У них разные энергетические зоны. Мы ближе к этим несчастным и скорее можем им помочь.

— Правильно! Именно вы! — почти выкрикнул Люк. — Поговорите с ним, мистер Мейли. Вам знакомы такие, как он.

— Друг, позволь сказать тебе несколько слов, — громко и отчётливо произнёс Мейли. Бормотание прекратилось, и у всех появилось ощущение, что несчастный замер, прислушиваясь. — Нам очень жаль тебя. Знай, ты умер. Ты видишь нас и не можешь уразуметь, почему мы не видим тебя. Но ты на том свете, в потустороннем мире. Ты ожидал другого, потому и не догадался, где находишься. Ты думал, что тебя встретят иначе. Но там всё оказалось не так. Ты должен понять, что всё — благо, что Бог — добро и что тебя ожидает блаженство в том случае, если ты возвысишься духом, будешь молиться о помощи и думать не только о своём печальном положении, но и о тех страдальцах, которые так же скитаются, объятые мраком.

Несколько минут тишины, и вновь голос Люка:

— Он услышал вас и благодарит. Прозрение постепенно приходит к нему. Со временем он обретёт и большее знание. Он спрашивает, может

ли прийти ещё.

— Конечно! Конечно! — возопил Болсоувер. — У нас уже есть несколько подопечных, которые раз от разу становятся всё более сведущими. Да благословит тебя Бог, дружище! Приходи когда хочешь.

Лепет прекратился, а к присутствующим пришло сладостное чувство покоя и умиротворения. Тут раздался тоненький голосок Уи Ван:

— Осталось ещё много энергии. Тут Красное Облако. Если Папочка пожелает, он может что-нибудь показать.

— Красное Облако — индеец и тоже наш гид. Незаменим, когда нужно продемонстрировать какое-нибудь физическое действие. Ты здесь, Красное Облако?

Три громких стука, словно били молотком по дереву, раздались в тишине.

— Добрый вечер, Красное Облако!

Новый гость заговорил отрывистыми фразами, медленно и с трудом выговаривая слова:

— Здравствуй, вождь! Как здоровье скво? Детишек? Никак в вигваме новые лица?

— Они здесь в поисках истины, Красное Облако. Покажи им, что ты умеешь делать.

— Попробую. Подождите минутку. Буду ста-

раться.

Вновь тягостное ожидание, а затем новые чудеса.

Во мраке появилось смутное мерцание, что-то вроде струйки светящегося дыма. Сначала она вилась от одной стены к другой, а затем закрутилась в центре комнаты. Постепенно струйка как бы сгущалась, превратившись наконец в яркий кружок размером с сигнальный фонарь. Он не отбрасывал света и потому особенно резко выделялся в темноте. Кружок подплыл к самому лицу Энид, и Мелоун мог его хорошо рассмотреть.

— Но его держит чья-то рука! — воскликнул он с вновь вспыхнувшим подозрением.

— Конечно. Это материализованная рука, — сказал Мейли. — Я тоже ясно вижу её.

— Хотите, чтобы она коснулась вас, мистер Мелоун?

— Да, если можно.

Свет погас, и почти тут же Мелоун ощутил чьё-то прикосновение. Он подставил свою ладонь и отчётливо почувствовал, как на неё легло три пальца — тёплые, гладкие, средней величины. Мелоун сжал руку, и пальцы как бы растаяли в ней.

— Она исчезла, — задыхаясь от волнения, про-

говорил журналист.

— Что поделаешь! У Красного Облака бывают такие промашки. Но его световые эффекты великолепны.

Тут же, как бы в подтверждение этих слов, началась ещё более поразительная игра света. По комнате медленно поползли разной величины облачка и заплясали крошечные искорки, похожие на светлячков. Тогда же молодых людей обдал ледяной порыв ветра. Нельзя было приписать его обману чувств: у Энид даже сдуло на лоб прядь волос.

— Вы, наверное, ощутили порыв ветра? — спросил Мейли. — Некоторые из огоньков могут сойти за языки пламени. После этого Троица уже не покажется вам таким уж невозможным феноменом.

Бубен взмыл вверх; по светящемуся пятну было видно, как он описывал круги под потолком. Затем бубен опустился ниже и поочерёдно коснулся головы всех присутствующих. И, как бы успокоившись, с певучим звоном водворился на место.

— Почему бубен? Почему используется один только бубен? — спросил Мелоун.

— Удобен и компактен, — объяснил Мейли. — И всегда укажет звоном, где находится. А что вы ещё

можете предложить? Разве только музыкальную шкатулку.

— Наша шкатулка проделывает иногда удивительные вещи, — похвасталась миссис Болсоувер. — Ей ничего не стоит взмыть под самый потолок. А ведь она тяжеловата.

— Девять фунтов, — уточнил Болсоувер. — Однако, судя по всему, наше время подошло к концу. Не думаю, что мы сегодня ещё что-нибудь высидим. Сеанс прошёл неплохо, можно сказать, на хорошем среднем уровне. Перед тем как включить свет, надо немного обождать. Ну, что скажете, мистер Мелоун? Если вас обуревают сомнения, выкладывайте сразу. А то есть у вас, журналистов, одна неприятная черта: сначала ни гугу, только улыбки и рукопожатия, а потом дома вы расслабляетесь, ещё раз прокручиваете всё в голове и пишете, что мы жулики.

Кровь застучала в висках у Мелоуна, он провёл рукой по пылающему лбу.

— Не знаю, что и думать, — признался журналист, — но вечер произвёл на меня сильное впечатление. Можно сказать, потряс. Кое-что я читал, но увидеть самому — совсем другое дело. Однако больше всего меня убеждает ваша искренность и душевное здоровье. В этом невозможно

усомниться.

— Неплохо. Вы делаете успехи, — сказал Болсоувер.

— Я пытаюсь понять, какие вопросы могут возникнуть у моих читателей, не присутствовавших на сеансе. Нужно постараться заранее ответить на них. Во-первых, всё происходило както необычно — по-домашнему, что ли. О духах принято думать несколько иначе.

— Теории следует основывать на фактах, — сказал Мейли. — До сих пор человечество подгоняло факты к уже готовым теориям. Надо учитывать, что сегодня мы имели дело — это ни в коем случае не бросает тень на наших добрых хозяев — с невысокими духами, имеющими вполне определённые функции. Их нельзя назвать типичными обитателями потустороннего мира, как нельзя назвать портового грузчика типичным англичанином.

— А Люк? — возразил Болсоувер.

— Он, конечно, находится на более высокой ступени. Вы его слышали и можете сами судить. Ещё вопросы, мистер Мелоун?

— Если можно. Почему всё вершится в темноте? Это может вызвать определённые подозрения. Почему спиритизм так тяготеет к мраку?

— Не всегда, а только в случае работы с предметами. Тогда полная темнота действительно необходима. Это связано с причинами химического порядка. Фотограф ведь тоже проявляет плёнку в тёмной комнате. В основе фотографирования лежит перенос на светочувствительную плёнку тончайшей материальной субстанции с человеческого тела; затем в тёмной комнате она проявляется и закрепляется. Нечто подобное происходит и здесь. Теперь понятнее?

— Пожалуй, да. Но всё равно жаль. Здесь самое уязвимое место.

— Иногда кое-что получается и на свету, — сказал Болсоувер. — Может, Уи Ван ещё не ушла? Обождите минутку. Где у нас спички? — Он зажёг свечу, после долгого сидения в темноте все отчаянно заморгали. — Сейчас посмотрим.

Среди прочих предметов, которыми забавлялись неведомые силы, было деревянное блюдо. Болсоувер пристально смотрел на него; остальные стали глядеть туда же. Все уже поднялись, но с места не двигались. До блюда было около трёх футов.

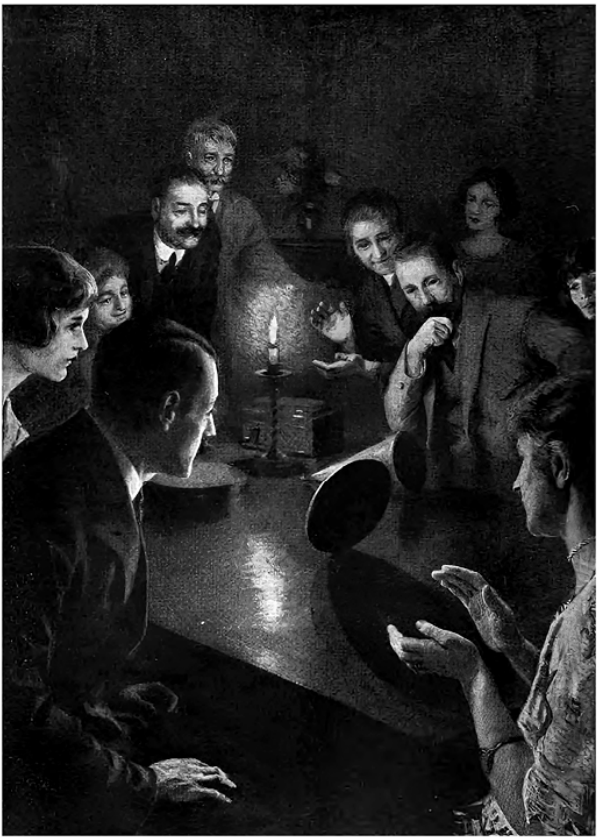
— Уи Ван, ну пожалуйста, — попросила миссис Болсоувер.

Мелоун не верил своим глазам. Блюдо зашеве-

лилось. Оно дрожало, затем мелко застучало по столу, как крышка на кипящем чайнике.

— Подними его, Уи Ван! — просили все, радостно аплодируя.

При свете ярко горевшей свечи было отчётливо видно, как блюдо поднялось и стояло, пошатываясь, на ребре, как бы пытаясь удержать равновесие.



— Наклони его три раза, Уи Ван.

Блюдо три раза наклонилось, потом упало и больше не двигалось.

— Рад, что вы видели это своими глазами. Самая простая и убедительная форма телекинеза.

— В это невозможно поверить! — воскликнула Энид.

— Совершенно согласен, — отозвался Мелоун. — Мои представления о возможном значительно расширились, и вы, мистер Болсоувер, способствовали этому.

— Рад слышать, мистер Мелоун.

— Но мне всё-таки непонятно, что за силы стоят за увиденным нами. Что же касается самого явления, то теперь у меня нет ни малейшего сомнения в его существовании. Я знаю, что оно есть. Желаю вам всем спокойной ночи. Ни мисс Челленджер, ни я никогда на забудем этот вечер, проведённый под крышей вашего дома.

Когда молодые люди вышли на улицу и вдохнули свежий морозный воздух, им показалось, что они попали в другой мир. Здесь сновали такси, отвозившие праздных людей в места развлечений, в театры и кино. К ним подошёл Мейли, как и они, поджидавший кеб.

— Могу представить себе ваши чувства. Глядя

на этих суетливых самодовольных людей, вы поражаетесь, как мало знают они об истинном многообразии жизни. Вам хочется остановить их, рассказать, образумить. Однако в ответ они назовут вас обманщиками или безумцами. Смешно, не правда ли?

— Мои мысли в полном смятении.

— Завтра всё придёт в норму. Любопытно, как мимолётны такие впечатления. Ещё станете убеждать себя, что вам всё приснилось. Ну что ж, прощайте. Если я вам понадоблюсь, всегда к вашим услугам.

Всю дорогу домой друзья — язык не поворачивается назвать их влюблёнными — промолчали. Выйдя из кеба, Мелоун проводил девушку до дверей квартиры, но войти не посмел. Он чувствовал, что сейчас не смог бы вынести насмешек Челленджера, обычно только забавлявших его. Вроде тех, что услышал краем уха:

— А, Энид… Так где ж привиденьице? Вытряхивай его прямо на пол, дай-ка взглянуть.

Вечерние приключения завершились, как и начались, громовым хохотом профессора, который сопровождал Мелоуна до самого лифта.

Глава пятая, в которой наши деловые партнёры переживают ещё одно удивительное событие

Мелоун сидел за боковым столиком в курительной комнате Литературного клуба. Перед ним лежали записи Энид, сделанные ею после сеанса; в них было много тонких наблюдений, и Мелоун занимался тем, что сводил их впечатления воедино. У камина несколько мужчин курили и болтали. Они нисколько не мешали журналисту — у того, как и у многих его коллег, работа особо спорилась на людях, в живой обстановке. Но тут кто-то, заметив его присутствие, перевёл разговор на спиритизм, и тогда заинтересованный Мелоун, откинувшись в кресле, прислушался.

Говорил известный романист Полтер. За этим неглупым человеком водилась одна странность: его абсолютно не волновало, на чьей стороне истина, и он всегда был готов употребить всю мощь своего интеллекта, чтобы отстаивать, забавы ради, заведомо ложные взгляды. Сейчас он разглагольствовал пред благоговейно вни-

мавшей ему, хотя и не во всём с ним согласной, аудиторией.

— Наука, — говорил он, — постепенно выметает из нашей жизни паутину заблуждений и предрассудков. Мир похож на старый захламлённый чердак, который наконец-то осветило солнце науки, и пыль послушно стала оседать на пол.

— Говоря о солнце науки, — задал кто-то коварный вопрос, — вы, наверное, подразумеваете учёных вроде сэра Уильяма Крукса, сэра Оливера Лоджа, сэра Уильяма Баррета, Ломброзо, Рише и тому подобных?

Полтер не привык к такого рода выпадам и потому разозлился.

— Вовсе нет, сэр, об этих субъектах я и не помышлял, — отрезал он. — Ни одного из них нельзя назвать настоящим учёным, потому что, несмотря на всю известность, у каждого очень мало последователей.

— Они не учёные, а маньяки, — вставил своё слово художник Поллифакс, раболепно преданный Полтеру.

Однако сбить с толку независимого журналиста Миллуорти — а именно он вступил в спор с писателем — было не так-то просто.

— Галилей слыл безумцем в своё время, —

возразил он. — А как издевались над Гарвеем, впервые заговорившим о циркуляции крови!

— Сейчас для нас важнее циркуляция «Дейли газетт», — заметил остряк Меррибл, — она явно под угрозой. Если в ней печатают такую ерунду, значит издателям абсолютно наплевать, где правда, а где ложь.

— Этими спиритуалистами должна заниматься только полиция, — сказал Полтер. — Зачем зря тратить силы и направлять человеческую мысль по ложному следу? Вокруг столько требующих скорейшего разрешения проблем. Надо заниматься делом, а не пустяками.

Сидевший тут же и всё это время молчавший Аткинсон вдруг заговорил:

— А мне кажется, нашим учёным мужам следовало бы уделить больше внимания парапсихологии.

— Напротив, гораздо меньше.

— Меньше уж некуда. Они полностью игнорируют проблему. Не так давно я наблюдал несколько случаев телепатической связи, о чём собирался доложить членам Королевского научного общества. Мой коллега Уильсон, зоолог, тогда же написал статью по своей теме. Обе работы были посланы одновременно; его доклад

утвердили, а мой нет. А знаете, как называлась его статья? «Репродуктивная система навозного жука».

Раздался дружный смех.

— Правильный выбор, — сказал Полтер. — Существование навозного жука, по крайней мере, не вызывает сомнений. Чего нельзя сказать обо всех этих духах.

— Думаю, вы основательно знакомы с предметом, раз ваши утверждения столь категоричны, — озорно заметил Миллуорти, тихий молодой человек с приятными манерами. — А вот у меня всё не хватает времени. Не скажете ли, какую из трёх книг профессора Кроуфорда вы считаете самой удачной?

— Никогда не слыхал о таком учёном.

Миллуорти изобразил на своём лице сильнейшее удивление:

— Как же! Он признанный авторитет в этой области. Его книги знакомят читателя с данными лабораторных исследований. Не знать его работ и обсуждать спиритизм — всё равно что беседовать о зоологии, не читая Дарвина.

— Нельзя сравнивать науку и шарлатанство.

— Судить о вещах, которые специально не изучал, — какая уж тут наука? — возмутился

Аткинсон. — Именно такие пустые разговоры натолкнули меня на мысль познакомиться со спиритизмом поближе: ведь известные учёные-спиритуалисты терпеливо и серьёзно доискивались истины. Многим потребовалось около двадцати лет, чтобы прийти к определённому выводу.

— Чего стоят все их умозаключения, если сделанный вывод абсурден!

— Каждый из них выдержал долгую внутреннюю борьбу, прежде чем уверовал в истинность спиритизма. Я знаю нескольких таких людей — у них за плечами долгий путь познания.

Полтер всплеснул руками:

— Если так им удобнее, пусть верят в свои привидения, но только не пытаются сбить с толку меня — я хочу твёрдо стоять на земле.

— Скорее, увязать в грязи, — возразил Аткинсон.

— Лучше увязать в грязи со здравомыслящими людьми, чем витать в облаках с психами, — сказал Полтер. — Я знаком с несколькими спиритуалистами и убеждён, что половина из них дураки, а другая — плуты.

Сначала Мелоун прислушивался к разговору с интересом, но потом в нём стало нарастать

раздражение. И вдруг он взорвался.

— Послушайте, Полтер, — сказал он, разворачивая стул в сторону спорщиков. — Именно такие, как вы, тупицы и олухи, тормозят прогресс. По вашим собственным словам, вы ничего об этом не читали и, могу поклясться, ничего не видели. Тем не менее вы, пользуясь своим положением и именем, заслуженным на совсем другом поприще, изо всех сил стараетесь дискредитировать людей, которые, как бы к ним ни относиться, серьёзно и обстоятельно исследуют эту проблему.

— Вот как? — ответствовал Полтер. — Не знал, что вы принимаете этот вздор так близко к сердцу. В своих статьях вы не осмеливаетесь этого признать. Значит, вы сами спиритуалист. Но это перечёркивает ценность статей.

— Я не спиритуалист, но подхожу к проблеме непредвзято. Этим и отличается моя позиция от вашей. Вы называете этих людей обманщиками и дураками, но я-то знаю, что среди них есть такие, которым вы и в подмётки не годитесь.

— Успокойтесь, Мелоун! — вмешалось сразу несколько человек, но разъярённый Полтер уже вскочил со стула.

— Из-за таких, как вы, клуб скоро опустеет! — воскликнул он, выходя из комнаты. — Во всяком

случае, моей ноги здесь больше не будет! Зачем мне выслушивать оскорбления!

— Что вы натворили, Мелоун!

— Еле удержался, чтобы не вышвырнуть его за дверь. Таким, как он, плевать на человеческие чувства и убеждения. Этот преуспевающий выскочка думает, что для нас его присутствие большая честь.

— Узнаю ирландский темперамент! — сказал Аткинсон, похлопывая журналиста по плечу. — Придите в себя, неугомонный дух, и успокойтесь! Кстати, я хотел поговорить с вами. Даже немного задержался, ожидая, когда вы покончите с делами.

— Разве здесь можно работать? — кипятился Мелоун. — Особенно когда этот осёл бубнит за спиной.

— Я не задержу вас долго. Известный медиум Линден, тот, о котором я вам уже говорил, проводит сегодня сеанс в Психотерапевтическом колледже. У меня есть лишний билет, пойдёте?

— Ещё бы!

— Могу поделиться ещё одним. Оставил его для Полтера, но он сегодня невыносим. Линден ничего не имеет против скептиков, но не терпит агрессивных людей. Кому бы отдать билет?

— Мисс Челленджер пошла бы с удовольствием. Вы её знаете, мы вместе работаем.

— Прекрасно. Вы ей сообщите?

— Конечно.

— Сеанс начнётся в семь часов. Психотерапевтический колледж, не забудьте. Тот, что находится в районе Голландского парка.

— Я знаю, где это. Спасибо. Мисс Челленджер и я придём вовремя.

Итак, наша парочка вновь отправилась на поиски новых спиритуалистических приключений. Они подобрали на Уимпл-стрит Аткинсона и поехали дальше через шумный, с оживлённым автомобильным движением центральный район, вытянувшийся от Оксфорд-стрит и Бейсуотера до Ноттинг-Хилла и величественных зданий Голландского парка. Такси остановилось у одного из особняков — большого красивого дома, стоявшего несколько в стороне от дороги. Им открыла дверь вышколенная горничная. В холле мягкий матовый свет падал на блестящую гладь линолеума, освещая в углах статуи из белого мрамора и безукоризненно отполированные предметы из дерева. Женское чутьё подсказало Энид, что она оказалась в хорошо оборудованном солидном учреждении с талантливым руководством. Это

«руководство» в лице приятной дамы, по-видимому шотландки, встретило их в холле. Дама приветствовала Аткинсона как старого друга, а тот представил её журналистам как миссис Огилви. Мелоун знал и раньше, что она вместе с мужем создала это уникальное заведение, ставшее центром психических исследований и весьма дорого им вставшее в плане не только материальных, но и физических и душевных затрат.

— Линден с женой уже пришли, ждут наверху, — сказала миссис Огилви. — По его словам, условия для сеанса подходящие. Остальные — в гостиной. Не хотите ли к ним присоединиться?

На сеанс собралось довольно много народа, среди них были как известные специалисты в области парапсихологии, так и новички, заинтригованно глазевшие по сторонам. Стоявший у двери высокий мужчина повернулся, и молодые люди увидели открытое рыжебородое лицо Альджернона Мейли. Они обменялись рукопожатиями.

— Углубляете познания, мистер Мелоун? О предыдущем сеансе вы написали весьма объективно. Хотя вы и неофит, но, попав в святилище, ведёте себя достойно. Вы чем-то напуганы, мисс Челленджер?

— Думаю, мне не о чем беспокоиться, если вы рядом, — ответила девушка.

Мейли засмеялся:

— То, что вы увидите сейчас, — материализация духа — довольно впечатляющее зрелище. Для вас, Мелоун, оно будет весьма поучительным, так как подкрепляется фотографиями и прочим. Кстати, закажите себе снимок. Знаменитый Хоуп работает наверху.

— А вот фотографии я всегда считал фальшивками.

— Напротив, здесь как раз трудно придраться — доказательство налицо. Я присутствовал при дюжине разбирательств, и каждый раз правда оказывалась на нашей стороне. Опасно другое — жаждущие сенсации пройдохи-журналисты, которые публикуют фотографии, сопровождая их безграмотными пояснениями. Вы здесь кого-нибудь знаете?

— Никого.

— Высокая красивая дама — герцогиня Россландская. Вон те пожилые супруги у камина — лорд и леди Монтнуар. Искренние, доброжелательные люди. Не многие аристократы позволяют себе так серьёзно и непредвзято относиться к спиритизму. А вот эта разговорчивая

женщина — мисс Бэдли, светская дама; она посещает все сеансы — типичная любительница острых ощущений. Всегда ярче всех, громче всех, но за этим — пустота. Тех двоих мужчин не знаю. Кажется, научные сотрудники из университета. Тучный мужчина, что стоит рядом с дамой в черном, — сэр Джеймс Смит; в последней войне они потеряли двух сыновей. А высокий, смуглый, загадочного вида человек — отшельник Барклей, он выходит из своей комнаты только для того, чтобы поучаствовать в сеансах.

— А мужчина в роговых очках?

— Высокомерный осёл по фамилии Уитерби, заблудившийся в тёмных лабиринтах масонства и теософии. Один из тех, что разглагольствуют, благоговейно понизив голос, о неких тайнах, которые на самом деле таковыми не являются. Такие, как он, считают спиритизм с его действительно глубокими и неразгаданными тайнами явлением вульгарным, ибо он приносит утешение простым людям. Любит читать книги, посвящённые культу Афины Паллады, древним и существующим поныне шотландским ритуальным обрядам и фигуркам Бафомета. Элифас Леви

— его пророк[40].

— Звучит весьма научно.

— Полный бред… А, здравствуйте. Вот и наши общие друзья.

Пришли Болсоуверы, оба разгорячённые, румяные и добродушные. В спиритизме нет деления на классы, в нём уравнены все, и уборщица с даром медиума почитаема больше миллионерши. Герцогиня как раз обратилась к ним с просьбой разрешить ей как-нибудь присутствовать у них на сеансе, когда в комнату торопливо вошла миссис Огилви.

— Кажется, теперь все в сборе, — сказала она. — Пора подниматься наверх.

Медиум и его жена ожидали их на втором этаже, в просторной уютной комнате, с рас-

---

[40] Notes: 40

Элифас Леви — весьма известный французский писатель-оккультист. Среди многого прочего — автор прекрасных оккультно-символических басен, написанных им в манере Лафонтена; при этом сам Леви не раз указывает, что его басни — басни посвящённого, имеющие мистический смысл, тогда как басни Лафонтена — профанские, т. е. толкующие сугубо о житейском опыте. Элифас Леви претендовал на то, что он — продолжатель античных и средневековых мистических традиций. Такого рода иррациональный оккультизм находится в непримиримом антагонизме с оккультизмом рациональным, главою которого был французский философ Аллан Кардек, основатель спиритизма. Возникшая впоследствии теософия пыталась примирить это противоречие, но в конце концов пошла по линии Элифаса Леви, а не Аллана Кардека. В дальнейшем Леону Дени, последователю Аллана Кардека, удалось частично сгладить эти противоречия, и подновлённый им спиритизм (мы называем его *карденизмом*) оказался наиболее совершенным

мистическим учением, в котором рациональное и иррациональное стали дополнять друг друга, а не противоборствовать.

ставленными вкруговую стульями. Небольшой пятачок комнаты был отгорожен портьерами, образуя кабинку. Мистер Линден оказался весьма учтивым полноватым человеком с крупным, тщательно выбритым лицом.

Его голубые глаза задумчиво взирали на мир, а светлая кудрявая копна волос дыбом стояла на макушке. Медиум был человеком средних лет. Жена выглядела моложе, на её лице застыло выражение недовольства, обычное для измученных бытом домашних хозяек, но взгляд проницательных глаз мгновенно теплел и преображался, стоило ей только посмотреть на обожаемого супруга. Она должна была по ходу дела вносить нужные пояснения и следить за состоянием мужа, когда он впадал в транс.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил медиум. — Хорошо, если мужчины и женщины будут сидеть вместе. Не кладите ногу на ногу — это мешает циркуляции. Если материализация удастся, прошу не прикасаться к оболочке: вы можете навредить мне.

«Ищейки» из университета переглянулись. Их недоверчивые взгляды не ускользнули от Мейли.

— Такое бывает, — пояснил он. — Я сам присут-

ствовал при двух случаях сильных кровотечений у медиумов.

— А что является причиной? — поинтересовался Мелоун.

— При материализации используется эктоплазма медиума. Поэтому неосторожное обращение бьёт по нему. Если повреждается кожа, у медиума будет синяк. Если слизистая — кровотечение.

— А если ничего нет, то ничего и не будет, — сказал, усмехнувшись, университетский соглядатай.

— Постараюсь вкратце объяснить вам, что здесь произойдёт, — сказала миссис Огилви, когда все расселись. — Мистер Линден не будет уединяться в кабинке, а останется снаружи, благо хорошо переносит красный свет, так что вы сможете воочию удостовериться, что во время сеанса он не поднимется со своего стула. Миссис Линден, находясь по другую сторону кабинки, будет следить за течением событий. А теперь можете осмотреть кабинку. Кроме того, попрошу кого-нибудь из присутствующих запереть дверь, а ключ оставить у себя.

Кабинка представляла собой что-то вроде сооружённой из портьер палатки; стояла она на плотном деревянном настиле. Университетские

сотрудники обшарили всё вокруг, всюду совали свой нос и даже попрыгали на досках. Однако ничего подозрительного не обнаружили.

— А зачем нужна кабинка? — шёпотом спросил Мелоун у Мейли.

— Служит резервуаром для эктоплазмы — испаряясь с тела медиума, она конденсируется в ней. Иначе рассеялась бы по всей комнате.

— А может, и не только для этого, — ехидно заметил один из университетских, услышав их краем уха.

— И такое мнение есть, — философски отозвался Мейли. — Поэтому я всегда одобряю проверки и наблюдения. Но сейчас, когда медиум находится снаружи, это обвинение бездоказательно.

На том и сошлись.

Медиум сидел по одну сторону «палатки», его жена — по другую. Свет выключили, оставив только одну крошечную лампочку красного цвета, позволявшую различать лишь контуры предметов. По мере того как глаза привыкали к темноте, стали проступать и детали.

— Вначале немного ясновидения, — объявила миссис Линден.

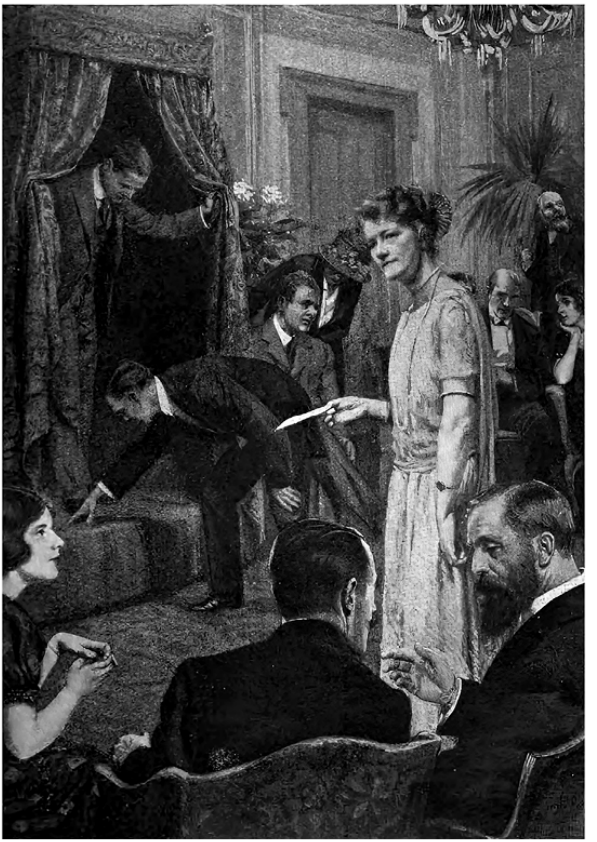
Её поза — руки на коленях и уверенная осанка посвящённой — заставила Энид улыбнуться и

вспомнить миссис Джарли с её восковыми фигурками.

Линден, пока ещё не входя в транс, начал вещать. Получалось это у него не очень хорошо. Возможно, мешала разношёрстность собрания — слишком много разнонаправленных волевых импульсов сконцентрировалось в относительно небольшом пространстве. Именно так объяснил это сам Линден, давший несколько никем не узнанных «портретов». Но Мелоуна больше шокировало другое. Он видел, как активно подсказывали медиуму гости. Конечно, вины Линдена здесь не было, но подсказки портили впечатление.

— Вижу кареглазого молодого человека с длинными усами.

— Это снова ты, дорогой? — вскричала мисс Бэдли. — Он хочет что-нибудь передать?



— Шлёт вам привет и просит сказать, что никогда не забудет.

— Узнаю́ его. Он весь в этих словах! Моя первая любовь, — оповестила она громким шёпотом собравшихся. — Он приходит всегда, не пропуская ни одного сеанса. Мистер Линден каждый раз вызывает его из мрака.

— Слева возник юноша в военной форме. Над его головой вижу символ, похожий на православный крест.

— Джим! Это же Джим! — выкрикнула леди Смит.

— Да. Он кивнул.

— Это, наверное, пропеллер, а не крест. Он ведь служил в военно-воздушных силах, — сказал сэр Джеймс.

Мелоун и Энид не могли скрыть своё разочарование. Мейли чувствовал себя неловко.

— Пока всё идёт неважно, — шепнул он Энид. — Но подождите немного. Увидите, дело поправится.

Дальше действительно положение несколько выправилось, и в одном из описаний Мелоун почти узнал профессора Саммерли. Но мысль о том, что Линден мог присутствовать на предыдущем сеансе, заставила журналиста отнестись

к его словам скептически. Работа миссис Деббс казалась Мелоуну более убедительной.

— Подождите, — повторил Мейли.

— Медиум переходит к материализации, — объявила миссис Линден. — Просьба при появлении фигур ни в коем случае не прикасаться к ним руками. Только если разрешит Виктор — наставник медиума.

Тем временем сам медиум, усевшись поглубже в кресло, глубоко задышал, выдыхая воздух через рот. Наконец он затих, челюсть отвисла — по-видимому, впал в бессознательное состояние. Вдруг он заговорил, но его голос принадлежал теперь, казалось, человеку более утончённому и образованному.

— Добрый вечер! — сказал он.

По комнате прошелестело:

— Добрый вечер, Виктор!

— Сегодня не очень хорошая вибрация. Мешает некоторый скептический настрой, но он, к счастью, не доминирует, и потому постараемся добиться результатов. Мартин Лайтфут делает всё, что может.

— Это его помощник, индеец.

— Думаю, стоит завести граммофон — музыка всегда помогает.

— Лучше всего духовный гимн, но можно и светскую музыку. Поставьте что-нибудь на ваше усмотрение, миссис Огилви.

Раздался скрежет: иголка не сразу встала на место. Но вот зазвучал гимн «Веди нас, Чудный свет». Присутствующие стали тихо подпевать. Затем миссис Огилви сменила пластинку, поставив «Боже, мы находим поддержку в прошлых веках».

— Они часто сами меняют пластинки, — сказала миссис Огилви, — но сегодня слабая энергия.

— Всё в порядке, — произнёс тот же голос. — Энергии хватило бы и сегодня, миссис Огилви, но мы бережём её для материализации. Мартин говорит, что всё идёт успешно.

Портьера у входа в кабинет заколыхалась, раздуваясь как от ветра. И действительно, почти сразу же все присутствующие почувствовали его ледяной порыв.

— Как холодно, — прошептала Энид, дрожа всем телом.

— На самом деле «холодно» — это не субъективная реакция, — пояснил Мейли. — Что и доказал в своё время мистер Гарри Прайс, замерив температуру. То же проделал и профессор Кроуфорд.

— Боже! — послышался сдавленный голос.

Он принадлежал поклоннику масонства, любителю всего таинственного, который, наверное, впервые встретился с подлинной тайной. Портьеры раздвинулись, и из кабинета бесшумно выскользнула человеческая фигурка в чёрном одеянии. Дрожа и как бы страшась происшедшей с ней метаморфозы, она замерла как раз между хорошо видным в кресле медиумом и вскочившей со своего места миссис Линден. Последняя как могла старалась успокоить и ободрить видение:

— Не волнуйтесь так, дорогая. Всё в порядке. Вас никто не обидит… Она из тех, кто здесь впервые, — объяснила миссис Линден гостям. — Многое пугает её. И это естественно. Мы бы тоже испугались, перенесись мы мгновенно в их мир… Всё хорошо, дорогая. К вам постоянно прибывают силы. Всё идёт нормально.

Видение приблизилось к людям. Все замерли, не сводя глаз с одинокой фигурки. Мисс Бэдли нервно захихикала. Охваченный ужасом, Уитерби откинулся назад и тяжело задышал. Мелоун и Энид не испытывали страха, а, напротив, сгорали от любопытства. С улицы доносился однообразный шум. Там шла обычная жизнь, здесь же они находились с глазу на глаз с таинственным призраком. Поразительно!

Видение медленно двигалось по кругу. Вот оно поравнялось с Энид, оказавшись как раз напротив источника света. Наклонившись вперёд, девушка могла отчётливо разглядеть женский силуэт. Это была пожилая женщина, черты её лица становились видны всё отчётливее.

— Это Сьюзен! — воскликнула миссис Болсоувер. — О Сьюзен, узнаёшь ли ты меня?

Фигурка повернулась к ней и утвердительно кивнула.

— Конечно же, дорогая, это твоя сестра Сьюзен! — вскричал и её муж. — Она всегда ходила в чёрном. Поговори с нами, Сьюзен!

Видение покачало головой.

— В первый раз они никогда не говорят, — объяснила миссис Линден. Её спокойствие и даже несколько деловитое отношение к происходящему контрастировало с нервической реакцией остальных. — Боюсь, она долго не продержится. Вот… уже исчезла.

Фигурка, сделав несколько неловких шагов в направлении кабинки, как бы провалилась под землю, — во всяком случае, так показалось гостям. Больше они её не видели.

— Нужна музыка! — решила миссис Линден.

Все облегчённо вздохнули и зашевелились.

Зазвучала приятная мелодия. Неожиданно портьеры вновь раздвинулись, и показалось ещё одно видение.

Это была совсем юная девушка с длинными распущенными волосами. Она быстро и решительно направилась в середину круга.

Миссис Линден удовлетворённо засмеялась.

— Вот теперь будет интереснее, — сказала она. — К нам пришла Люсиль.

— Добрый вечер, Люсиль, — приветствовала девушку герцогиня. — Мы виделись месяц назад, когда медиум проводил сеанс на Малтревер-Тауэрс.

— Конечно я помню вас. К вам ещё приходил маленький мальчик Томми. Нет, не называйте его мёртвым. В нас больше жизни, чем в людях. Мы и живём веселее, резвимся, шалим. — Люсиль говорила звонким голосом, её английский язык был безупречен. — Сейчас я вам покажу, что мы здесь можем делать, — сказала она и заскользила по полу в грациозном танце, весело насвистывая мелодию. — Бедная Сьюзен ещё не может так танцевать. У неё нет практики. А Люсиль научилась владеть новым телом.

— Ты помнишь меня, Люсиль? — спросил Мейли.

— Конечно, мистер Мейли. Вас нельзя забыть: вы такой большой, да ещё с рыжей бородой.

Тут Энид второй раз в жизни пришлось ущипнуть себя, чтобы увериться, что она не спит. Откуда взялось это изящное создание, усевшееся теперь на стул в центре круга? Что это? Действительно ли материализованная эктоплазма, служащая временным пристанищем духа умерших людей? Обман чувств? Жульничество? Нужно было выбирать что-то одно из трёх. Обман чувств отпадал сразу: не могло же всем померещиться одно и то же? Жульничество? Но видения разительно отличались друг от друга. Девушка была значительно выше пожилой женщины и в отличие от той обладала белокурыми волосами. Кроме того, перед сеансом кабинку тщательно обследовали и тогда же убедились, что её устройство исключает возможность обмана. Оставалось только признать, что всё происходит на самом деле. А если так, какие увлекательные перспективы сулит подобное открытие! Человечеству поистине следовало бы бросить всё и заняться этим феноменом.

Между тем естественность Люсиль успокоила даже самых впечатлительных и нервных людей, все постепенно освоились и почувствовали себя

свободно. Девушка с готовностью отвечала на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

— Где ты жила, Люсиль?

— На этот вопрос лучше отвечу я, — вмешалась миссис Линден. — Нужно экономить энергию. Люсиль жила в Америке, её родной штат — Южная Дакота, она умерла в возрасте четырнадцати лет. Кое-что из приведённых ею данных мы перепроверяли.

— Ты рада, что умерла, Люсиль?

— Мне здесь лучше. Но жаль мамочку.

— Она ничего не знает о тебе?

— От бедной мамочки меня отделяет стена из предрассудков. Мне трудно пробиться к ней.

— Ты счастлива?

— Очень.

— А это не грех, что ты приходишь к нам?

— Раз Бог позволяет, значит не грех. А вот вам грешно сомневаться в Нём.

— Какую ты исповедовала религию?

— Католичество.

— Это правильная религия?

— Все религии правильные, если помогают человеку стать лучше.

— Значит, безразлично, к какой Церкви принадлежать?

— Важно, что́ люди делают, а не во что верят.

— Расскажи ещё что-нибудь, Люсиль.

— У меня мало времени. К вам хотят прийти многие. Если я истрачу всю энергию, не останется другим. Знайте только — Бог очень добр. Вы, несчастные люди, даже не представляете, как Он благостен и великодушен: у вас на земле так сумрачно и неприветливо. Но это для вашей же пользы. Вам даётся шанс заслужить небесное блаженство. А попав сюда, вы поймёте, как Он велик и прекрасен.

— Ты видела Его?

— Что вы! Как можно видеть Бога? Он снаружи нас и внутри, Он всюду — Его невозможно лицезреть. Но я видела Христа. Он был в сиянии. А теперь прощайте…

Девушка шагнула в сторону кабинки и растворилась в темноте.

Мелоун не знал, какое потрясение приготовила ему судьба на сегодняшний вечер. Из кабинки медленно вышла женщина. Невысокого роста, смуглая, довольно плотная. Миссис Линден сказала ей несколько ободряющих слов, а затем подошла к журналисту:

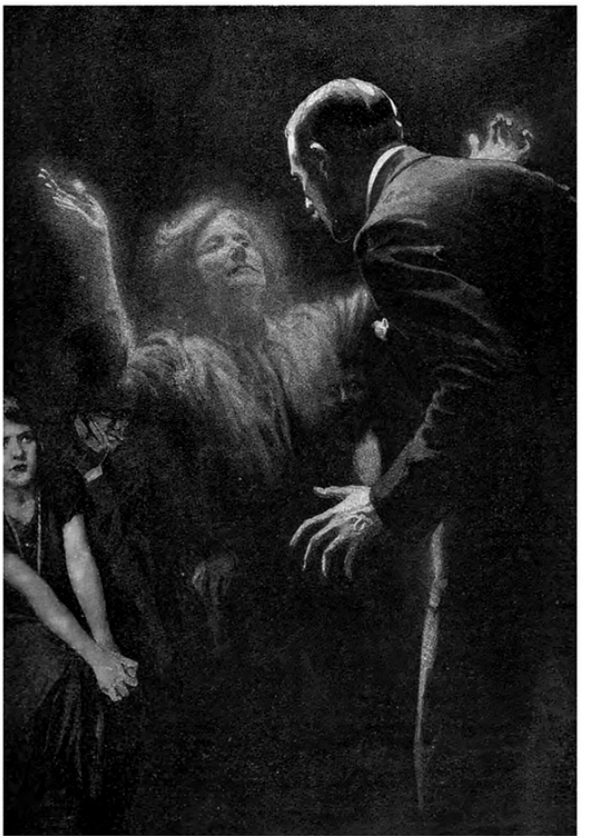
— Она пришла к вам. Войдите в круг и приблизьтесь к ней.

Мелоун сделал несколько шагов вперёд, всматриваясь со страхом в лицо призрака. Расстояние между ними было не более фута. Что-то знакомое угадывалось в очертаниях крупной головы, тяжёлой, осанистой фигуры. Он приблизился почти вплотную к видению, напрягая зрение изо всех сил. Ему показалось, что черты лица призрака постоянно изменяются, как будто кто-то невидимый продолжает лепить его.

— Мама! — вскричал он. — Мама!

В ту же секунду женщина в радостном порыве простёрла к нему руки. Движение было столь резким, что она потеряла равновесие и растаяла.

— Она первый раз появилась перед людьми, поэтому и не могла говорить, — деловито пояснила миссис Линден. — Это была ваша мать.



Мелоун вернулся на своё место совершенно ошеломлённый. Всю силу таких явлений понимаешь, когда дело касается лично тебя. Его мать! Спустя десять лет после смерти она снова стояла перед ним. Мог бы он поклясться, что это действительно была его мать? Нет, не мог бы. Но сердце говорило: да, это она. Мелоун был потрясён до глубины души.

Но вскоре новые чудеса захватили его. Из кабинки быстрым шагом вышел молодой человек и прямиком направился к Мейли.

— Привет, Джок! Привет, старина! — радостно встретил его Мейли. — Мой племянник, — представил он собравшимся юношу. — Всегда приходит, когда Линден проводит сеанс.

— Энергия убывает, — прозвучал чистый юношеский голос. — Мне придётся скоро уйти. Я так рад нашей встрече, дядя. Отлично вижу тебя при этом свете, лучше, чем ты меня.

— Знаю, Джок. Вы можете видеть и в полной темноте. Я беседовал с твоей матерью, говорил, что видел тебя. Она страшится таких встреч, твердит, что это большой грех.

— Я так и предполагал. Она думает, что здесь не обошлось без дьявола. О, как жалки и убоги такие представления! В конце концов люди пой-

мут… — Юноша не выдержал и разрыдался.

— Не осуждай свою мать, Джок, она ведь искренне верит в это.

— Я и не осуждаю. Со временем она узнает правду. Близится день, когда истина откроется всем, и тогда рухнут прогнившие Церкви, никто не будет рабски исповедовать их жестокие учения, в которых Бог выглядит карикатурой на себя.

— Джок, ты стал еретиком!

— Любовь, дядя, любовь! Только она принимается в расчёт. Верь во что хочешь, но только будь добр и милосерден, как заповедал Христос.

— Вы видели Христа? — спросил кто-то из присутствующих.

— Ещё нет. Но надеюсь, такое время придёт.

— Он разве не на небе?

— Небесных сфер много. Я поднялся невысоко. Но здесь всё равно чудесно.

Во время этой беседы Энид подалась немного вперёд. Глаза её привыкли к темноте, и теперь она видела гораздо лучше. Девушка могла поклясться, что стоящий в нескольких футах от неё мужчина не был человеком, но в чём заключалась разница, ответить не смогла бы. Странным, бледно-жёлтым оттенком лица он резко отличался от сидевших в комнате мужчин и женщин.

Держался этот юноша тоже как-то неестественно, напоминая походкой движения больных людей, затянутых в корсет.

— А теперь, Джок, — попросил Мейли, — расскажи что-нибудь нам всем. Ну хотя бы о своей жизни там.

— Нет, дядя, не могу.

— Ну пожалуйста, Джок, нам так хочется послушать тебя!

— Просвещайте людей. Говорите им, чем является смерть на самом деле, — заговорил призрак. — Бог хочет, чтобы люди узнали об этом. Потому Он и посылает нас. Смерти нет. Вы как бы переходите в другую комнату. Трудно поверить, что ты умер. Я сам долго не верил, пока не увидел старого Сэма — уж в его-то смерти сомневаться не приходилось. И тогда я явился своей матери. Но она… — голос юноши дрогнул, — не признала меня.

— Не расстраивайся так, дорогой Джок, — сказал Мейли. — Она ещё придёт к высшей мудрости.

— Просвещайте людей! Учите их! Это важнее всего на свете. Если бы газеты, оставив всего на неделю болтовню о футболе, уделили бы такое же внимание спиритизму, люди узнали бы наконец

истину. Всеобщее невежество…

Что-то яркое метнулось в направлении кабинки, мгновенная вспышка — и юноша исчез.

— Энергия кончилась, — сказал Мейли. — Бедный мальчик держался до конца. Похоже на него. Он и умирал так же.

Все молчали. Зазвучала музыка. Портьеры заколыхались — кто-то пытался выйти из кабинки, но миссис Линден, вскочив со стула, воспрепятствовала этому. Медиум впервые за весь сеанс зашевелился в кресле и застонал.

— Что случилось, миссис Линден?

— Неполная материализация — у этого призрака отсутствовала нижняя часть лица. Кто-нибудь мог испугаться. Думаю, на сегодня достаточно. Энергия почти на нуле.

Сказано — сделано. Понемногу комната осветилась. Медиум лежал, откинувшись в кресле, лицо его было бледным, на лбу выступил пот. Жена суетилась вокруг него, расстёгивая воротничок и смачивая водой лицо. Гости, разбившись на группы, обсуждали увиденное.

— Потрясающе! — восклицала миссис Бэдли. — Неповторимое зрелище! Жаль только, что мы не увидели частично материализованного духа.

— Нет уж, спасибо, — сказал мистик, потеряв-

ший бóльшую часть своего высокомерия. — Для моих нервов это слишком.

Аткинсон подошёл к учёным.

— Что вы об этом думаете? — спросил он.

— В Масклин-Холле сеанс прошёл удачнее, — ответил один.

— Помилуй, Скотт! — оборвал его другой. — Это несправедливо. Ты сам признал, что кабинка пуста.

— То же самое можно сказать и о сцене Масклин-Холла.

— Но у Линдена нет своей сцены. Он не может использовать театральную машинерию.

— Populus vult decipi[41], — ответил первый, пожав плечами. — Остаюсь при своём мнении.

И он направился к выходу с видом человека, которого не так просто обмануть, а его менее скептический друг поспешил за ним, продолжая спорить.

— Ну, что вы на это скажете? — сказал Аткинсон. — Есть такой тип учёных, которые невосприимчивы к новому знанию и закоснели в предрассудках. Они изо всех сил напрягают мозги, чтобы отыскать боковые пути, хотя перед

---

[41] Notes: 41
Народ хочет быть обманутым *(лат.)*.

ними — прямая дорога. Когда человечество вступит в царство разума, эти люди будут плестись в хвосте.

— Нет, — проговорил Мелоун, смеясь. — Замыкать шествие будут епископы. Так и вижу, как они, сбившись в кучу, идут, путаясь в сутанах, и последними входят в царство истины.

— Что-то уж больно сурово, — не одобрила Энид. — Среди них много хороших людей.

— Конечно много. Но здесь причины чисто психологического порядка. Все они пожилые люди, их мозг поражён склерозом и с трудом воспринимает новое. В этом нет их вины, но факт остаётся фактом. Что вы замолчали, Мелоун?

А тот вновь увидел пред собою маленькую, приземистую фигурку, вспомнив, как радостно, заслышав его голос, простёрла она к нему из темноты руки.

Глава шестая, где читатель знакомится с характером и привычками преступника

Оставим на время наших героев, с которыми мы совершили увлекательное путешествие в зыбкий и туманный, но бесконечно важный для

человечества мир иного опыта и иной мысли, и перейдём теперь от исследователей к исследуемым. Войдём в дом Линдена и всмотримся в жизнь профессионального медиума со всеми её светлыми и тёмными сторонами.

Чтобы попасть к нему, пройдём по шумной Тоттенгем-Корт-роуд, где разместились крупные мебельные магазины, и свернём на тихую, ведущую к Британскому музею улочку, сплошь застроенную однообразными, унылыми домами. Улица эта именуется Тулмис-стрит, а дом под номером сорок именно тот, который нам нужен. Он ничем не выделяется среди остальных — такой же серый и невыразительный. Поднимемся по ступеням к потемневшей от времени двери, откуда через окошечко робкий посетитель может увидеть лежащую в передней на маленьком круглом столике огромную Библию в позолоченном переплёте и взбодриться духом.

Откроем безотказным ключом воображения запертую дверь и, пройдя через сумрачный холл, поднимемся наверх по узкой лестнице. Хотя почти десять часов утра, мы найдём знаменитого чудесника ещё в спальне. Не надо забывать, что вчера вечером он провёл трудный сеанс — для восстановления сил требуется время.

Когда мы так бесцеремонно растворили дверь в спальню, медиум сидел в постели, облокотившись на подушки, на коленях — поднос с завтраком. Если бы сейчас его увидели те люди, что молились вместе с ним в спиритуалистических церквях или благоговейно внимали ему на сеансах, где он демонстрировал величайшие способности духа, то они, вероятно, не смогли бы сдержать улыбки. При тусклом утреннем свете лицо его казалось болезненно бледным, а кудрявые волосы нелепой копной вздымались над высоким, говорящим об остром уме лбом. Распахнутый ворот ночной рубашки открывал массивную бычью шею, а широкие грудь и плечи свидетельствовали о недюжинной силе. Он жадно поглощал завтрак, одновременно беседуя со своей черноглазой жёнушкой, присевшей на край постели.

— Так ты считаешь, Мэри, что всё прошло неплохо?

— Сносно, Том. Там были двое, они всюду совали нос, вынюхивали и выпытывали. Называют себя учёными. Боюсь, в присутствии таких пройдох даже у библейских патриархов опустились бы руки. Какой уж тут союз сердец, о котором говорится в Библии.

— Ты абсолютно права! — в сердцах воскликнул Линден. — Герцогиня была довольна?

— Думаю, очень. И Аткинсон, хирург, тоже. Был ещё новый гость, журналист Мелоун. Лорду и леди Монтнуар, а также сэру Джеймсу Смиту и мистеру Мейли явились их близкие.

— Не удалась часть вечера, посвящённая ясновидению. В голову всё время лезли их глупые мысли вроде: «Это наверняка мой дядя Сэм». Очень мешает.

— А они-то думали, что помогают. Таких людей много. Других сбивают с толку, а себя только обманывают.

— А вот в транс я вошёл легко и рад, что материализация удалась. Но сил потерял много. Сегодня утром я как выжатый лимон.

— Да, тебе прилично досталось. Пожалуй, надо поехать в Маргит отдохнуть.

— Может, на Пасху удастся выкроить недельку. Хотелось бы. Чтение мыслей и ясновидение ещё куда ни шло. А вот материализация меня очень изматывает. Но я ещё не так плох, как Хэллоуз. Тот, говорят, после сеансов не может перевести дух и валится замертво на пол.

— Говорят, — с горечью подтвердила жена. — Его каждый раз отпаивают виски. Он уже не

может обойтись без алкоголя, и скоро у нас будет ещё один медиум-пьяница. Всё наперёд известно. Остерегайся этого, Том!

— При нашей профессии нельзя употреблять крепкие напитки и лучше быть вегетарианцем. Но призывать к этому я не могу, потому что сам объедаюсь яйцами и беконом. Господи, Мэри! Уже больше десяти, а я жду утром нескольких клиентов. Надо немного подработать.

— Деньги прямо тают, Том.

— К чему нам лишние деньги? На жизнь есть — и хватит. Сядем на мель — о нас позаботятся.

— Потерявшие силу медиумы никому не нужны. О них быстро забывают.

— Забывают богачи, а не настоящие спиритуалисты, — пылко возразил Том Линден. — Стыдно вспомнить, как некая леди или некая графиня, изливавшиеся в благодарности медиуму, даровавшему покой их душам, затем преспокойно давали ему умирать в канаве или гнить заживо в доме престарелых. Взять хотя бы бедного старину Твиди или несчастного Сомса — жили на нищенскую пенсию, а газеты только и знают, что трезвонят на весь свет, что медиумы купаются в роскоши. Да любой фокусник со своими нелепыми трюками живёт лучше нас!

— Не волнуйся, дорогой! — умоляла жена, ласково гладя Линдена по взлохмаченной гриве. — Со временем каждому воздастся по заслугам.

Линден засмеялся.

— Это во мне бушует валлийская кровь. Бог с ними! Пусть богатые жадничают, а фокусники гребут свои грязные деньги. Они всё равно не умеют ими со вкусом распорядиться. Платят налог на наследство — вот и вся радость. Вот если бы у меня были их деньги…

В дверь постучали:

— Сэр, пришёл ваш брат Сайлас.

Супруги сокрушённо обменялись взглядами.

— Ещё и это, — грустно промолвила миссис Линден.

Линден пожал плечами:

— Успокойся, Мэри. Скажи, что я сейчас спущусь. Поди составь ему компанию, а я присоединюсь к вам через четверть часа.

Указанное время ещё не истекло, а он уже вышел в гостиную, где обычно принимал посетителей, и сразу заметил, что разговор у жены с гостем не клеится. Сайлас Линден был крупным человеком могучего телосложения и чем-то неуловимо напоминал старшего брата, хотя в нём отсутствовали приветливость и добросердечие

медиума, а в чертах лица читались жестокость и грубость. Голову украшала такая же копна густых волос, но тяжёлая нижняя челюсть говорила об упрямстве. Он сидел у окна, сложив на коленях веснушчатые руки. Эти руки составляли главное богатство Сайласа Линдена: он был профессиональным боксёром, грозой ринга, и одно время его называли одним из лучших в полусреднем весе. Но это осталось в прошлом, теперь он переживал тяжёлое время, о чём свидетельствовали потёртый твидовый пиджак и стоптанные ботинки. Впрочем он нашёл выход — тянул деньги с брата.

— Салют, Том, — хрипло приветствовал он Линдена и, дождавшись, когда Мэри вышла из комнаты, шепнул: — Не найдётся у тебя глотка виски? Голова раскалывается. Вчера встретил в «Адмирале Верноне» корешей по клубу. Не видел их сто лет. Здорово кутнули!

— Прости, Сайлас, — ответил медиум, усаживаясь за рабочий стол, — но мы не держим в доме спиртного.

— Какой же ты спиритуалист без спиртного? — топорно сострил Сайлас. — Ладно, давай деньгами. Фунта достаточно — я совсем на мели.

Том Линден достал из стола банкноту:

— На, возьми. Пока у меня есть деньги, я тебя не оставлю. Но на той неделе ты получил уже два фунта. Неужели всё потратил?

— До последнего пенса. Клянусь! — Сайлас положил деньги в карман. — Послушай, Том, хочу поговорить с тобой начистоту, как мужчина с мужчиной.

— Слушаю тебя, Сайлас.

— Вот, взгляни. — Боксёр показал бугорок на руке. — Сместилась кость. Видишь? Теперь ничего не исправишь. Это случилось, когда я в третьем раунде нокаутировал Керли Дженкинса. Хотя лучше сказать, что я нокаутировал себя. И на всю жизнь. Что я теперь могу? Провести показательный бой, и только. Для настоящего бокса уже не гожусь. Моя правая вышла из строя.

— Мне жаль, Сайлас.

— А мне как жаль! Но речь о другом. Мне нужно как-то зарабатывать на жизнь. А как? Что может делать бывший боксёр? Работать вышибалой в ресторане? Нет уж, дудки! Ты расскажи мне лучше, Том, как стать медиумом?

— Медиумом?

— Ну что ты уставился? Если ты с этим справляешься, то я и подавно.

— Но ты не медиум.

— Слушай, оставь… Побереги пыл для газет. Мы свои люди. Лучше скажи, как ты проделываешь свои штучки?

— Но я ничего не проделываю…

— За «ничего» не платят четыре или даже пять фунтов в неделю. Не валяй дурака, Том. Меня не проведёшь — не из тех я олухов, что платят денежки, чтобы посидеть часок в темноте. Здесь только ты и я. Ну, как ты это делаешь?

— Что «это»?

— Ну хоть постукивания. Раз я видел, как ты, сидя за столом, задавал вопросы, а ответы через стук приходили откуда-то сверху, со стороны книжной полки. Как у тебя получаются такие фокусы?

— Повторяю тебе: я ничего не делаю! Всё происходит само собой.

— Тысяча чертей! Уж мне-то можешь сказать, Том. Буду нем как рыба. Надо же мне зарабатывать себе на пропитание…

И тут, второй раз за утро, валлийский темперамент медиума дал о себе знать.

— Наглый, бесстыжий подонок! Вот такие, как ты, и позорят спиритизм! Неужели ты думал, что я обманываю людей? Вон из моего дома, неблагодарная свинья!

— Прошу без оскорблений! — прорычал вымогатель.

— Вон отсюда, а то не посмотрю, что ты мой брат, и спущу с лестницы!

Сайлас стиснул кулаки, глаза его налились кровью. Но мысль о предстоящей выпивке несколько успокоила его.

— Ладно, уйду, — проворчал боксёр и направился к двери. — И без твоей помощи обойдусь. — Но когда он стоял уже на пороге, обида вдруг перевесила в нём благоразумие. — Чёртов лицемер! Жалкий фокусник! Я ещё сравняюсь с тобой!

И он с силой захлопнул за собой дверь.

Миссис Линден вихрем ворвалась в комнату.

— Гнусный негодяй! — выкрикнула она. — Я слышала последние слова. Что ему от тебя надо?

— Просил сделать его медиумом. Думает, что это всё — фокусы, и хотел научиться им.

— Глупец, но нет худа без добра. Теперь он не осмелится здесь показаться.

— Ты так думаешь?

— Да я просто не впущу его в дом. Так взволновать тебя! Ты весь дрожишь.

— Иначе я не был бы медиумом. Тут всё дело в утончённости нервной системы. Кто-то сказал, что мы своего рода поэты. Но сейчас, перед рабо-

той, волнение некстати.

— Я успокою тебя.

Она положила натруженные руки на его лоб и немного подержала их там.

— Теперь лучше, — сказал Линден. — Отлично, Мэри. Выкурю на кухне сигарету, и всё будет в полном порядке.

— Кто-то идёт, — заметила Мэри, глядя в окно. — Это женщина, ты примешь её?

— Да, конечно. Мне уже хорошо. Проводи её сюда.

Вскоре в комнату вошла женщина. Её бледное как смерть лицо и траурная одежда говорили о постигшем её горе. Линден жестом пригласил женщину сесть, а сам быстро просмотрел записи.

— Вы миссис Блаунт? Записаны на приём?

— Да… Я хотела спросить…

— Пожалуйста, никаких вопросов. Вы мне мешаете.

Он вглядывался в женщину по-особому, как вглядываются медиумы, — казалось, взгляд его серых глаз устремлён мимо неё.

— Хорошо сделали, что пришли. Очень хорошо. Я вижу близкого вам человека, у него для вас срочное сообщение. Слышу… Фрэнсис… да, Фрэнсис.

Женщина заломила в отчаянии руки:

— Так его звали.

— Темноволосый мужчина, он печален и серьёзен. Собирается что-то сказать вам. Это важно. Вот его слова: «Мой колокольчик!» Как это понимать?

— Он так называл меня. О Фрэнк, поговори со мной! Скажи ещё что-нибудь!

— Он говорит, а его рука скользит по вашим волосам: «Мой колокольчик! Если ты совершишь задуманное, между нами разверзнется пропасть, преодолевать которую мы будем долгие годы». Это вам о чём-нибудь говорит?

Женщина вскочила на ноги:

— Всё на свете. Визит к вам, мистер Линден, был моим последним шансом. Если бы он не удался и я бы поняла, что навсегда потеряла мужа, то отправилась бы вслед за ним. Сегодня вечером я собиралась выпить яд.

— Слава Богу, что Он помог спасти вас. Лишить себя жизни — большой грех, сударыня. Поступая так, вы нарушаете закон природы, за этим обязательно следует возмездие. Какое счастье, что вашему мужу удалось успокоить вас! Он хочет ещё кое-что добавить: «Живи достойно, честно исполняй свой долг, а я всегда буду рядом, ближе,

чем когда-либо в жизни. Буду охранять твой покой и трёх наших детишек».

Перемена свершилась на глазах. Бледная, измученная женщина преобразилась — щёки зарделись, губы заулыбались. По её лицу струились слёзы, но это были слёзы радости. Она хлопала в ладоши от счастья, и казалось, вот-вот пустится в пляс.

— Он не умер! Не умер, иначе он не говорил бы со мной и не обещал быть ближе, чем при жизни. Чудесно! О мистер Линден, я обязана вам всем! Вы вернули мне мужа! Вы спасли меня от позорной смерти. Какой же божественной силой вы наделены!

У медиума с его тонкой нервной организацией глаза тоже были мокры от слёз.

— Моя дорогая, ни слова больше. Я здесь ни при чём. Возблагодарите Бога, который в своей бесконечной доброте позволил вашему мужу послать о себе весточку. А мой гонорар — всего лишь гинея, если для вас это не много. Приходите сюда в любой день, если будет нужда.

— Теперь я буду смиренно нести свой крест, — проговорила женщина, всхлипывая и утирая слёзы, — и честно исполнять свой долг, пока Бог не призовёт меня и мы не соединимся наконец

с мужем.

Вдова ушла, а Том Линден почувствовал, как неприятный осадок, оставшийся после визита брата, постепенно проходит, вытесняемый светлым, радостным чувством, ибо нет в жизни большего счастья, чем возможность помочь ближнему. Не успел он вновь усесться в кресло, как вошёл новый посетитель. Это был щегольски одетый светский человек, в белоснежной рубашке и сюртуке, с озабоченным видом человека, у которого расписана каждая минута.

— Вы, полагаю, мистер Линден? Много наслышан о ваших способностях. Говорят, вы можете по предмету составить представление о его владельце.

— Иногда удаётся. Но точно ручаться не могу.

— Давайте всё же попробуем. Сегодня утром я получил письмо и принёс его сюда. Хотелось бы попросить вас испытать на нём вашу силу.

Медиум взял сложенное письмо и, откинувшись в кресле, приложил его ко лбу. Минуту или две он держал глаза закрытыми. Затем вернул письмо владельцу.

— Мне оно не нравится, — сказал он. — Ощущаю скрытое зло. Вижу мужчину в белом костюме. Лицо загорелое. Что-то пишет на столе из паль-

мового дерева. Жарко. Письмо из тропиков.

— Да, из Центральной Америки.

— Больше ничего сказать не могу.

— Неужели духи так мало знают? Я полагал, им ведомо всё.

— Далеко не всё. Их знания и поле действия ограниченны так же, как и у людей. К тому же ваша просьба относится к области психометрии, не имеющей к духам прямого отношения.

— Но дело не исчерпывается этим. Мой корреспондент хочет видеть меня партнёром в буровых работах. Мне надо знать — соглашаться или нет?

Том Линден покачал головой:

— Сила даётся медиумам для утешения страждущих и для доказательства бессмертия человека. Она не может использоваться в корыстных целях. В противном случае несдобровать ни медиуму, ни клиенту. Поэтому позвольте мне не отвечать на ваш вопрос.

— Деньги для меня не имеют значения, — сказал мужчина, вытаскивая бумажник из бокового кармана.

— Не в этом дело, сэр. Я не богат, но поступать против совести не буду.

— Какой тогда прок от вашего дара? — спросил гость, поднимаясь. — Проповедь я могу выслу-

шать и в церкви от священника, который, в отличие от вас, имеет на это право. Вот ваша гинея, хоть вы её и не заслужили.

— Простите, сэр, я не могу нарушить правило… Постойте, я вижу рядом с вами даму, прямо за левым плечом… пожилую даму.

— Да хватит! — с досадой отмахнулся финансист, направляясь к двери.

— На груди у неё медальон с изумрудным крестом.

Мужчина остановился и с удивлением посмотрел на медиума:

— Откуда вы это узнали?

— Просто вижу.

— Послушайте, старина, точно такой медальон носила моя покойная мать. Вы хотите сказать, что видите её?

— Теперь уже нет. Она исчезла.

— Как она выглядела? Что делала?

— Она всё повторяла, что была вашей матерью. И горько плакала при этом.

— Плакала? Моя мать? Но если она где-то есть, то только на небе. Там не плачут.

— Это мы так думаем. На самом деле плачут. Но только из-за нас. Она просила вам кое-что передать.

— Валяйте.

— «О Джек! Милый Джек! Ты навсегда уходишь от меня!»

Мужчина презрительно отмахнулся:

— Жалею, что, записываясь на приём, сказал своё настоящее имя. Свалял дурака, каюсь. Вы, конечно, навели справки. Но вам меня не надуть. С меня хватит! Сыт по горло!

Второй раз за утро разгневанный гость хлопнул входной дверью.

— Ему не понравились слова матери, — объяснил Линден жене. — Бедняжка! Она так страдает из-за сына. Господи! Если бы только люди знали правду, это принесло бы больше пользы, чем все церковные службы и церемонии.

— Не твоя вина, Том, что грешники заблуждаются. Кстати, тебя ждут ещё две женщины. У них нет рекомендательного письма, но, может быть, ты примешь их — они выглядят такими убитыми.

— У меня разболелась голова. Никак не отойду после вчерашнего вечера. Здесь мы с Сайласом похожи, он тоже наутро после матча не в своей тарелке. Ладно, приму уж этих женщин — грех отсылать людей ни с чем, тем более в горе. Но больше не приму никого.

В комнату вошли две женщины в строгих чёрных платьях, старшей — с суровым лицом — было около пятидесяти, другой — вдвое меньше.

— Вы берёте гинею за визит? — спросила та, что постарше, кладя деньги на стол.

— Только с тех, кто может себе это позволить, — ответил Линден. Частенько он сам совал деньги бедным клиентам.

— Я могу, — сказала женщина. — У меня несчастье, и мне сказали, что только вы можете помочь моему горю.

— Сделаю всё, что смогу. Это мой долг.

— Я потеряла на войне мужа. Могу я вступить с ним в контакт?

— Его нет рядом с вами. Я его не вижу. Мне очень жаль, но не всё в моей власти… Вот мелькнуло имя. Эдвард. Его так звали?

— Нет.

— Альберт?

— Нет.

— Простите, ничего не выходит. Возможно, пересеклись поля, спуталась вибрация. Так иногда бывает.

— А имя Педро не поможет вам?

— Педро? Педро!.. Нет, не помогает. Он пожилой человек?

— Нет.

— Ничего не ощущаю.

— Я хотела получить совет по поводу дочери. Муж наверняка посоветовал бы мне что-нибудь путное. Она помолвлена с молодым человеком, механиком по профессии, но меня кое-что смущает. Не знаю, как и поступить.

— Посоветуйте, что нам делать, — попросила молодая женщина, пристально глядя на медиума.

— С радостью, дорогая. Не знаю только, смогу ли я… Вы любите этого человека?

— Он славный.

— И только? Больше вы ничего не можете сказать? Тогда советую не спешить с замужеством. Такой брак не принесёт счастья.

— Вы сомневаетесь в прочности этого союза?

— Всё может быть. Надо остерегаться.

— А у неё появится ещё кто-нибудь?

— Каждый когда-нибудь встречает своего супруга.

— Значит, она выйдет замуж?

— Обязательно.

— А настоящая семья у меня будет? — спросила девушка.

— Этого сказать не могу.

— А деньги… Будут у неё деньги? Мы совсем пали духом, нам много не надо…

То, что за этим последовало, было неожиданно для всех. Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась побелевшая от ярости миссис Линден:

— Они из полиции, Том! Меня только что предупредили. Убирайтесь прочь, жалкие лицемерки! Какая же я дура! Как я могла вам поверить!

Женщины встали.

— Вы опоздали, миссис Линден, — сказала старшая. — Мы уже отдали деньги.

— Заберите их! Заберите! Они ещё лежат на столе.

— Нет. Деньги вручены, судьба предсказана. Как вы понимаете, мистер Линден, дело этим не ограничится.

— Гнусные лгуньи! И вы ещё говорите об обмане, хотя сами лжёте всю жизнь. Он принял вас только из сострадания.

— Нечего нас оскорблять. Мы выполняем свой долг. Колдовство и предсказание судьбы карается по закону. Его ещё никто не отменял. О случившемся мы доложим в полиции.

Том Линден оцепенел, сражённый этим внезапным ударом из-за угла, но, когда женщины-полицейские покинули комнату, всё же нашёл в себе силы обнять и успокоить плачущую жену.

— Я только что получила записку от машинистки из полицейского участка, — всхлипывала она. — Ведь это уже во второй раз, Том. Они посадят тебя в тюрьму и заставят выполнять трудную и тяжёлую работу.

— Успокойся, дорогая. Мы-то с тобой знаем, что я не сделал ничего дурного, только следовал Божьей воле. Надо смиренно принимать удары судьбы.

— Но твои духи-покровители? Как могли они допустить? Где был твой наставник?

— Да, Виктор, где ты был? — Том Линден укоризненно покачал головой. — Я тобой недоволен. Ты ведь знаешь, дорогая, — прибавил он, — как трудно врачу лечить себя. Точно так же и медиум бессилен, когда дело касается лично его — так устроен мир. И тем не менее всё могло сложиться иначе. У меня было какое-то странное пред-

чувствие. Вдохновение отсутствовало. Я что-то вымучивал из себя, пытаясь помочь несчастным людям. Глупая жалость! Нужно было тут же расстаться с ними. Ничего, Мэри, надо смириться и терпеливо ждать. Может, не наскребут криминала, а может, судья окажется поумнее прочих. Будем надеяться на лучшее.

Как медиум ни крепился, он не смог скрыть от жены волнение и нервную дрожь. Прижав мужа к себе, она как могла успокаивала его, когда ничего не подозревающая служанка Сьюзен ввела в комнату нового посетителя.

— Медиум не может вас принять, — сказала миссис Линден. — Он болен. Приём окончен.

Но Линден узнал гостя:

— Это мистер Мелоун из «Дейли газетт», дорогая. Он присутствовал вчера на сеансе. Кажется, всё прошло неплохо?

— Великолепно! — ответил Мелоун. — Но я вижу, у вас что-то стряслось?

Супруги поведали журналисту о свалившемся на них несчастье.

— Грязная история, — произнёс с отвращением Мелоун. — Общественность не знает, к каким приёмам прибегает полиция, иначе разразится скандал. Агенты-провокаторы — это что-то но-

венькое в английском правосудии. Ясно одно: вы, Линден, — настоящий медиум. Закон же преследует только самозванцев.

— Согласно английскому законодательству, все медиумы — мошенники, — грустно промолвил Линден. — Те, у которых что-то получается, раздражают законников больше всего. Если ты медиум и берёшь за свои услуги деньги, значит ты преступник. Но скажите, на что жить медиуму, если он не будет брать денег? Ведь это его единственное дело, которому он отдаёт все свои силы. Нельзя весь день плотничать, а вечером, как по мановению волшебной палочки, становиться первоклассным медиумом.

— Порочный закон! Он как бы специально отметает всякую возможность доказать существование спиритических сил.

— Именно так! Сам дьявол не составил бы его лучше. Закон предназначается для защиты населения от вымогательств, но, насколько я знаю, никто и никогда в суд по этому поводу не обращался. Все дела сфабрикованы полицией. А ведь полиция так же хорошо, как вы или я, знает, что ни одно благотворительное мероприятие, проводимое Церковью, не обходится без ясновидца или предсказателя.

— Всё это чудовищно! Что теперь будет?

— Думаю, придёт повестка в суд. Потом — судебный процесс. Ну а в результате — штраф или тюремное заключение. Ведь меня привлекают уже во второй раз.

— Ваши друзья выступят на суде свидетелями, а мы постараемся найти вам хорошего защитника.

Линден пожал плечами:

— Никогда не знаешь, кто твой настоящий друг. Беда пришла — всех как ветром сдует.

— За себя ручаюсь, — пылко сказал Мелоун. — Держите меня постоянно в курсе событий. Но я пришёл по другому поводу. Мне хотелось задать вам один вопрос.

— Простите, но я правда не в форме. — Линден протянул вперёд и показал журналисту дрожащую руку.

— Вы меня не поняли. Ничего имеющего отношения к ясновидению. Меня интересует, помешает ли нормальному течению сеанса присутствие на нём убеждённого скептика?

— Не обязательно, но явно усложнит. Впрочем, если он будет себя вести разумно и спокойно, результата можно добиться. Однако обычно такие люди — круглые невежды в спиритизме, они не соблюдают необходимых условий и разрушают

контакты. Как-то к нам пришёл доктор Шербанк. Когда раздалось постукивание, он вскочил, приложил руку к стене и громко потребовал: «Ну а теперь постучите по моей руке». Так как за этим ничего не последовало, он объявил всё это чистой воды шарлатанством и гордо покинул комнату. Почему-то эти скептики не могут понять, что в спиритизме, как и везде, есть свои законы.

— Человек, которого я имел в виду, тоже может выкинуть что-нибудь подобное. Я говорю о профессоре Челленджере.

— Слышал о нём. Тяжёлый случай.

— Вы разрешите ему присутствовать на вашем сеансе?

— Если вы этого хотите.

— Но учтите, он не поедет ни к вам, ни в другое место по вашему выбору. Ему там будут мерещиться всякие проволочки, шарниры и тому подобные устройства. Вам придётся самому приехать в его загородный дом.

— Если это поможет его обращению, я согласен.

— Какой день вас устроит?

— Теперь только после окончания этой жуткой истории. Сколько она может продлиться? Месяц-два.

— Я буду держать с вами связь. Когда всё благополучно закончится, мы подумаем, как лучше всего убедить профессора в честности и реальности творимого вами. Смогли же вы обратить меня. И позвольте выразить своё искреннее сочувствие в связи с обрушившимся на вас несчастьем. Мы создадим комитет ваших сторонников и сделаем всё, что сможем.

Глава седьмая, в которой так называемый преступник наказывается по всей строгости английского закона

Прежде чем перейти к описанию дальнейших приключений наших героев на стезе спиритуализма, будет небезынтересно узнать, что уготовил английский закон таким злоумышленникам, как Том Линден.

Торжествующие полицейские леди вернулись в участок на Бредли-сквер, где их с нетерпением поджидал пославший женщин на задание инспектор Мерфи. Это был жизнерадостный, пышущий здоровьем мужчина, с румяным лицом и чёрными усами; с женщинами он держался

приветливо, но несколько по-отечески, что не соответствовало ни его возрасту, ни исходящей от него мужской силе. Он сидел за столом, заваленным деловыми бумагами.

— Ну как, девочки, можно поздравить? — поинтересовался он у вошедших женщин.

— Рыбка клюнула, мистер Мерфи, — ответила старшая. — Мы раздобыли нужные улики.

Инспектор взял со стола бумагу, где были перечислены вопросы, которые нужно было задать медиуму.

— Вы придерживались предложенной мной линии поведения?

— Да. Я сказала, что мой муж погиб.

— А он что?

— Посочувствовал.

— Так и было задумано. Скоро ему придётся сочувствовать самому себе. Он ведь не сказал, что вы одиноки и никогда не были замужем?

— Нет.

— Очко не в его пользу. Суд, несомненно, это учтёт. Что ещё?

— Путался в именах. Называл неведомо кого.

— Отлично.

— Поверил, что мисс Беллинджер — моя дочь.

— Превосходно. О Педро шла речь?

— Он подумал немного и сказал, что это имя ему ничего не говорит.

— Жаль. Но всё-таки он не догадался, что Педро — ваша овчарка. И то, что поразмышлял над именем — вернее, кличкой, — неплохо. Суд это рассмешит, и он вынесет обвинительный приговор. А как там насчёт предсказаний судьбы? Здесь вы тоже последовали моему совету?

— Да, я спросила про жениха Эми. Он не сказал ничего определённого.

— Хитрый чёрт! Знает своё дело.

— Но прибавил, что в этом браке она будет несчастлива.

— Вот это лучше! Из этого уже можно что-то извлечь. Садитесь-ка и пишите по свежим следам рапорт. А потом почитаем его вместе и поразмыслим, как всё представить в выгодном для нас свете.

— Хорошо, мистер Мерфи.

— Тогда мы сможем добиваться ордера на арест. Многое зависит от того, кто будет вести дело. Известно, например, что в прошлом месяце судья Даллерт оправдал одного медиума. Такой судья нам не нужен. Судья Лансинг сам спиритуалист. Зато мистер Мерлоуз — последовательный материалист. Нужно постараться, чтобы наше дело

рассматривал именно он. Подсудимого должны признать виновным.

— Думаю, публика, присутствующая на процессе, поддержит нас.

Инспектор рассмеялся:

— На самом деле всё происходит наоборот. Мы стремимся защитить население от этих мошенников, но сами-то люди никогда не просят нас об этом. Жалобы на медиумов не поступают. Только мы по мере своих сил стараемся соблюдать закон. Пока он существует, его надлежит исполнять. Ну, за работу, девочки! Мне нужен рапорт к четырём часам.

— А вознаграждение будет? — спросила старшая, улыбаясь.

— Всему своё время. Если штраф не превысит двадцати пяти фунтов, всё пойдёт в полицейский фонд, но, думаю, он будет побольше. Ладно, посмотрим, а сейчас идите.

На следующее утро перепуганная горничная пулей влетела в скромный кабинет Линдена:

— Сэр, там пришёл офицер.

За ней, тяжело ступая, вошёл мужчина в синей форме.

— Это вы Линден? — спросил он и, вручив сложенный вдвое листок, удалился.

Перепуганным супругам, которые всю свою жизнь только тем и занимались, что утешали страждущих, теперь было впору утешать друг друга. Мэри ласково обняла мужа, и они приступили к чтению безрадостного документа:

Томасу Линдену, Туллис-стрит, 40.

Согласно донесению инспектора полиции Патрика Мерфи, вы, Томас Линден, 10 ноября в своём доме предсказывали судьбу Генриетте Дрессер и Эми Беллинджер, тем самым обманывая подданных его величества и нанося им ощутимый вред. Вам надлежит явиться в полицейский участок Бардсли в следующую среду, 17-го числа, к одиннадцати часам утра и держать ответ за содеянное перед судом.

Документ датирован 10 ноября.

Подпись – Б. Дж. Уитерс

В этот же день Мейли и Мелоун, встретившись в редакции, тщательно изучили это послание, а затем отправились вместе к опытному адвокату Саммервею Джонсу, относящемуся серьёзно к спиритическим явлениям. Он слыл также большим любителем охоты верхом с собаками,

отлично боксировал, и когда появлялся в затхлых судебных помещениях, то казалось, с ним вместе врывался свежий воздух. Читая документ, он удивлённо поднял брови.

— Бедняга влип, — наконец произнёс он. — Хорошо ещё, что вначале прислали повестку. Могли бы сразу заявиться с ордером на арест. Обычно они так и поступают: уводят человека с собой, сажают на ночь в кутузку, а наутро судят. И никакого тебе защитника. Судью, конечно, выбирают из католиков или материалистов. Согласно же указу главного судьи Лоренса — первому указу, если я не ошибаюсь, который он подготовил, вступив в эту должность, — деятельность медиума или колдуна является противозаконной вне зависимости от результата. Защите просто не на что опереться. По сути, всё это — преследование по религиозным мотивам плюс полицейский шантаж. Простым людям от этого указа ни холодно ни жарко. А что он им даёт? Если они не хотят ничего знать о своём будущем, то просто не идут к медиуму. Подобные законы — абсолютный идиотизм и позор для нашего правосудия.

— Я напишу об этом, — сказал Мелоун, в котором снова взыграл кельтский темперамент. — Не расскажете ли вы подробнее о таких законах?

— Есть два закона, один хуже другого, и оба существовали задолго до того, как мир впервые услышал о спиритизме. Закон о колдунах был принят при Георге Втором; он настолько нелеп, что к нему прибегают только в крайних случаях. Есть ещё Закон о бродяжничестве от тысяча восемьсот двадцать четвёртого года, направленный против странствующих цыган и никогда не предназначавшийся для подобных дел. — Адвокат порылся в бумагах. — Самое неприятное то, что оба этих закона можно связать между собой. Вот послушайте: «Лица, занимающиеся предсказанием судьбы или прибегающие к другому способу или средству, вводящему в обман и наносящему ущерб подданным его величества, считаются мошенниками и бродягами…» и так далее. В соответствии с этими законами можно было бы задушить всё раннехристианское движение, к чему так стремились римляне.

— Хорошо ещё, что львов нет под рукой, — сказал Мелоун.

— Зато шакалов хватает, — отозвался Мейли. — Вполне в духе времени. Но что же нам всё-таки делать?

— Если бы я знал, — задумчиво протянул адвокат, почёсывая затылок. — Безнадёжное дело.

— Чёрт побери! — воскликнул Медоун. — Не можем же мы так просто сдаться. Ведь он же честный человек!

Мейли крепко пожал журналисту руку.

— Не знаю, считаете ли вы уже себя спиритуалистом, — сказал он, — но вы именно тот человек, который нам нужен. Среди нас много малодушных, которые чуть ли не молятся на медиума, когда дела идут хорошо, и покидают его при первых же признаках беды. Слава богу, среди нас есть и стойкие приверженцы, такие как Брукс, Родвин, сэр Джеймс Смит. Человек сто-двести наберётся.

— Вот как! — обрадовался адвокат. — В таком случае можно попытаться отделаться штрафом.

— А как насчёт королевского адвоката?[42]

— Он не станет выступать. Предоставьте защиту мне: полагаю, я это сделаю не хуже другого, а расходы снизятся.

— Мы согласны. И знайте, за нас многие.

— А мне ничего не остаётся, как поднять вокруг процесса шум, — заявил Мелоун. — Я верю в здравый смысл англичан. Среди них бывают и тугодумы, и просто недалёкие люди, но основа

---

[42] Notes: 42

Королевский адвокат — высшее адвокатское звание в Великобритании; такой адвокат выступает на процессе раньше прочих адвокатов.

у них крепкая. Если им открыть глаза, они не потерпят несправедливости.

— Что ж, попробуйте сделать слепых зрячими, — скептически отозвался адвокат. — Я, со своей стороны, тоже обещаю сделать всё возможное. Поживём — увидим.

И вот наступило то роковое утро, когда Линден оказался на скамье подсудимых, лицом к лицу с аккуратно и даже несколько щеголевато одетым мужчиной средних лет, мощные челюсти которого заставляли тут же подумать о несчастных зверьках, угодивших в мышеловку. Это был полицейский судья Мелроуз. Его приговоры в отношении гадалок и прочих предсказателей отличались особой суровостью, хотя во время перерывов он с особым интересом просматривал их спортивные прогнозы: судья обожал скачки, и на ипподроме уже примелькался его желтовато-коричневый пиджак и щегольская шляпа. По тому, как угрюмо посмотрел он на лежащие перед ним бумаги, а затем на обвиняемого, было ясно: судья не в духе. Миссис Линден сидела в непосредственной близости от мужа, стараясь, улучив минуту, погладить его по руке. Зал был переполнен: сюда пришли многие клиенты медиума, чтобы выразить ему сочувствие.

— Есть ли защитник у обвиняемого? — спросил мистер Мелроуз.

— Да, ваша честь, — ответил Саммервей Джонс. — Могу я до начала заседания сделать одно заявление?

— Если считаете нужным, мистер Джонс.

— Я убедительно прошу вас вынести одно постановление до рассмотрения дела. Мой клиент — не бродяга, а уважаемый член общества, имеющий свой дом и исправно платящий налоги и сборы. Его обвиняют по четвёртому пункту Закона о бродяжничестве от тысяча восемьсот двадцать четвёртого года, который так и называется: «Закон о наказании праздношатающихся лиц, нарушителей общественного покоя, мошенников и бродяг». Из текста видно, что закон направлен против расплодившихся тогда в великом множестве цыган и прочего сброда, не подчинявшихся общепринятым нормам поведения. Прошу вашу честь принять постановление о том, что мой клиент не относится к категории лиц, подлежащих наказанию по этому пункту.

Судья покачал головой:

— Боюсь, мистер Джонс, что судебная практика значительно расширила толкование этого закона. А теперь попрошу судебного поверенно-

го, выступающего от лица комиссара полиции, представить суду доказательства преступления обвиняемого.

Плотный человек с бакенбардами неуклюже вскочил со своего места и хрипло выкрикнул:

— Приглашается Генриетта Дрессер!

Пожилая чиновница выросла на свидетельском месте мгновенно, как из-под земли — рвения к службе ей было не занимать. В руках она держала раскрытую записную книжку.

— Вы служите в полиции?

— Да, ваша честь.

— Как мне известно, вы следили за домом обвиняемого ещё за сутки до вашего визита?

— Да, сэр.

— Сколько людей вошло в дом?

— Четырнадцать, ваша честь.

— Ага, четырнадцать. И с каждого обвиняемый берёт, если не ошибаюсь, гинею?

— Да.

— Семь фунтов в день! Неплохо, если учесть, что многие честные труженики довольствуются пятью шиллингами.

— Но это были торговцы! — выкрикнул Линден.

— Прошу не перебивать! Вы и так натворили

всего предостаточно, — строго оборвал судья.

— Итак, Генриетта Дрессер, — продолжал обвинитель, поправляя пенсне, — что же случилось с вами в доме обвиняемого?

Женщина зачитала свой отчёт, который в целом правильно отражал события. Она одинока, но медиум поверил, что у неё есть муж. Он путался в именах и был явно в замешательстве. Медиуму назвали имя Педро, но он не догадался, что это кличка собаки. Наконец, его спросили о будущем её так называемой дочери, и он предсказал, что её ждёт несчастливое замужество.

— У вас есть вопросы, мистер Джонс? — спросил судья.

— Вы пришли в дом подсудимого как страждущий человек, ищущий утешения? И он пытался помочь вам?

— Можно сказать и так.

— Вы выражали при этом глубокую скорбь?

— Пыталась.

— А вам не кажется, что вы лицемерили?

— Я исполняла свой долг.

— Не показалось ли вам, что обвиняемый излучал какую-то особую психическую энергию? — задал вопрос обвинитель.

— Нет, он производил впечатление вполне

обычного человека.

Следующей пригласили Эми Беллинджер. Она тоже держала в руке записную книжку.

— Ваша честь, позвольте поинтересоваться, допустимо ли, что свидетельницы зачитывают свои показания? — спросил у судьи Джонс.

— А что тут такого? — возразил судья. — Нам ведь нужны факты.

— Нам-то нужны. А вот мистеру Джонсу, по-видимому, нет, — вмешался обвинитель.

— Это сделано с явной целью, чтобы свидетельства обеих женщин совпадали, — сказал Джонс. — Я утверждаю, что их показания тщательно подготовлены и выверены.

— Естественно. Ведь полиция сама занималась этим делом, — сказал судья. — Не вижу повода для вашего недовольства, мистер Джонс. Слушаем вас, свидетель.

Молодая женщина повторила слово в слово показания старшей коллеги.

— Вы задавали вопросы, касающиеся вашего жениха, но ведь у вас его нет? — спросил Джонс.

— Нет.

— Значит, вы всё время лгали?

— С благой целью.

— Вы считаете, что цель оправдывает любые

средства?

— Я действовала согласно инструкции.

— Вы получили её заранее?

— Нам дали соответствующие указания.

— Мне кажется, — вмешался судья, — что служащие полиции предельно ясно представили дело. У вас есть свидетели со стороны защиты, мистер Джонс?

— В зале суда присутствуют многие из тех, ваша честь, кому помог дар подсудимого. Здесь находится женщина, которую, по её словам, он спас в то утро от самоубийства. Другой человек был убеждённым атеистом, не верящим в будущую жизнь. Но приобретённый с помощью подсудимого духовный опыт полностью изменил его представления о мире. Перед вами могут выступить известные учёные и писатели, которые подтвердят наличие у подсудимого экстрасенсорных способностей.

Судья покачал головой:

— Вам должно быть известно, мистер Джонс, что такого рода свидетельства не принимаются во внимание. Как гласит постановление лорда главного судьи, законодательство страны не признаёт существования спиритизма, ясновидения и прочих подобных вещей, а если с их помощью

у населения выманиваются деньги, то такой род деятельности считается преступным. Поэтому показания ваших свидетелей не будут учтены судом и приведут лишь к излишней трате времени. Но я готов выслушать все ваши соображения, которыми вы соблаговолите поделиться с нами теперь, когда обвинитель уже высказался.

— Хотелось бы обратить внимание вашей чести на то, что, согласно этому указу, можно осудить и святого, ведь и ему надо на что-то жить и, следовательно, откуда-то получать деньги.

— Хочу напомнить вам, мистер Джонс, — сурово ответствовал судья, — что апостольские времена миновали, а королевы Анны нет в живых. Такого рода аргумент не делает чести вашему уму. Если вам нечего прибавить, то продолжим заседание.

Ободрённый словами судьи прокурор произнёс небольшую энергичную речь, размахивая пенсне с таким пылом, что казалось, хотел сокрушить все претензии невидимых духов. Он красноречиво описал нищету рабочего класса, контрастирующую с роскошью бездельников, обманом вымогающих у трудящихся их жалкие гроши. Если бы эти лжепророки хоть обладали подлинным даром! Так ведь нет. Эти две женщины, безукоризненно выполнив свой профессиональный

долг, ничего не получили за свои деньги, кроме нелепой болтовни. А кто может поручиться, что так же не обошлись и с другими доверчивыми людьми? Этих паразитов становится всё больше, они извлекают выгоду даже из горя родителей, потерявших детей, — пора, давно пора устроить показательный процесс и примерно наказать одного, чтобы устрашить других. Пора этим мошенникам заняться честным трудом, пусть неповадно им будет обманывать простых людей!

Мистер Джонс тоже был на высоте. Начал он с того, что ещё раз подчеркнул, что оба закона совершенно не подходят к данному случаю. («Это мы уже слышали», — рявкнул судья.) Заслуживает осуждения и способ добывания информации. Её предоставили агенты-провокаторы, которые, коль скоро совершено преступление, должны считаться его подстрекателями и соучастниками. Денежные штрафы часто использовались в прямых интересах полиции.

— Надеюсь, мистер Джонс, вы не подвергаете сомнению честность работников полиции?!

Мистер Джонс заявил в ответ, что полицейские тоже люди, их стремление действовать себе во благо вполне естественно и что все эти дела высосаны из пальца. От самих граждан никогда

не поступали жалобы на медиумов и просьбы о защите. В каждой сфере деятельности есть нечестные люди, и если кто-то заплатил гинею медиуму, оказавшемуся жуликом, он находится в том же положении, что и человек, купивший на бирже акции липовой компании. В то время как полиция тратит время, посылая к медиумам своих агентов, проливающих крокодиловы слёзы по якобы почившим родственникам, повсюду безнаказанно вершатся жестокие злодеяния. А иной раз законники закрывают глаза на свои же правила. Насколько ему известно, ни один пикник, ни одно торжество работников полиции не обходится без гадалки или хироманта.

Адвокат напомнил суду, как несколько лет тому назад «Дейли мейл» объявила крестовый поход против разного рода предсказателей. На одном судебном разбирательстве защитник вызвал для дачи свидетельских показаний владельца газеты, ныне покойного лорда Нортклиффа, великого в своём роде человека, и доказал, что в другом печатном органе, принадлежавшем тому же хозяину, есть постоянная рубрика хироманта, причём гонорар за публикации делился поровну между предсказателем и редакцией. Мистер Джонс подчеркнул, что этими экскурсами в прошлое

он ни в коей мере не ставит целью опорочить память достойного человека, а только приводит пример абсурдности таких законов. К какому бы выводу ни пришёл сейчас суд, неоспоримо одно: многие разумные и уважаемые члены общества относятся к спиритизму как к замечательному проявлению духовной энергии, способной помочь людям. И разве не прискорбно, что в наш материалистический век закон с такой силой обрушивается на то, что могло бы способствовать возрождению человечества? Что же касается лживых заявлений свидетельниц и того, что медиум их не распознал, то следует знать, что для получения правильных результатов должны быть истинные предпосылки: обман же неизбежно создаёт путаницу. Это непреложный закон спиритизма. Если члены суда хоть на время попытаются встать на спиритуалистическую точку зрения, им самим покажется смешным ожидать, что высшие духовные силы снизойдут до того, чтобы отвечать на вопросы двух корыстных и лицемерных обманщиц.

Такими были основные позиции речи защитника, которая исторгла у миссис Линден слёзы, а судебного клерка погрузила в глубокий сон. Судья же ничтоже сумняшеся подвёл итог:

— Ваша речь, мистер Джонс, направлена против закона, отменить который я не в силах. Более того, я его представляю и, должен заметить, поддерживаю. Люди, подобные обвиняемому, всходят на теле больного общества как грибы-паразиты, и всякая попытка сравнивать этих вульгарных личностей со святыми людьми прошлого, находя у них те же достоинства, должна решительно пресекаться всеми здравомыслящими людьми.

— Что касается вас, Линден, — добавил он, сурово глядя на обвиняемого, — боюсь, что вы неисправимы: предыдущие взыскания никак на вас не подействовали. Поэтому и приговариваю вас к двум месяцам принудительных работ без права замены их штрафом.

Миссис Линден издала горестный вопль.

— Прощай, дорогая, не терзай себя, — проговорил медиум, не спуская с неё глаз.

Минуту спустя его уже увели в камеру.

Саммервей Джонс, Мейли и Мелоун встретились в холле, и Мейли вызвался проводить домой убитую горем женщину.

— Что он такого сделал? Ничего, кроме добра, — рыдала она. — Во всём Лондоне не найдёшь человека лучше!

— И пользы от него больше, чем от любого другого, — добавил Мейли. — Да всё церковное руководство во главе с архиепископами не сможет убедительнее доказать наличие Высшего Разума или быстрее привести к вере атеиста.

— Позор! Какой позор! — горячился Мелоун.

— А как вам понравилось определение «вульгарные личности»? Смешно, — сказал Джонс. — Неужели он думает, что первые апостолы отличались отменными манерами? Ладно, теперь уж ничего не поделаешь. Я сделал всё, что мог. Надежды почти не было — предчувствия меня не обманули. Только потеряли время.

— А вот и нет, — сказал Мелоун. — В зале суда были репортёры, и многие из них совсем не дураки. Они напишут о свершившейся несправедливости, и зло станет достоянием гласности.

— Вряд ли, — заметил Мейли. — Пресса безнадёжна. На ней лежит большая ответственность, но журналисты об этом как будто не догадываются. Уж я-то знаю. Не раз обжигался.

— Я, во всяком случае, напишу всё как есть, — сказал Мелоун. — И надеюсь, другие тоже. В прессе работают более независимые и умные люди, чем вы думаете.

Но прав оказался всё-таки Мейли. Проводив

домой миссис Линден и оказавшись снова на Флит-стрит, Мелоун купил «Плэнет». Раскрыв газету, он увидел набранный крупным шрифтом сенсационный заголовок:

ШАРЛАТАН В ЗАЛЕ СУДА
Собаку принимают за человека.
Кто такой Педро?
Заслуженное наказание.

Журналист скомкал газету.

«Неудивительно, что спиритуалисты обижаются, — подумал он. — У них есть все основания».

Да, пресса не поддержала бедного Тома Линдена. Он отправился за решётку под дружный ропот осуждения. Вечерняя газета «Плэнет», поддерживающая тираж на должном уровне регулярной публикацией спортивных прогнозов некоего Капитана Сорвиголова, разглагольствовала об абсурдности попыток предсказывать будущее. Еженедельник «Честный Джон», замешанный в нескольких крупнейших аферах столетия, утверждал, что мошенническая проделка Линдена — публичный скандал. «Таймс» опубликовала письмо священника из богатого прихода, который возмущался тем, что кто-то смеет торговать духовными дарами. «Чёрчмен» полагал, что по-

добные инциденты вызваны ростом неверия, а «Фрифинкер», напротив, был убеждён, что они тесно связаны с распространением разного рода суеверий. Наконец мистер Масклайн наглядно продемонстрировал публике, изрядно пополнив кассу театра, как именно свершилось это надувательство. Так что в течение некоторого времени Том Линден был, как говорят французы, «succès d'exécration»[43]. Потом общественность переключилась на другие события, и о Линдене забыли.

Глава восьмая, в которой трое смельчаков встречаются с тёмным духом

Сразу же по возвращении с охоты в джунглях Центральной Африки лорд Рокстон отправился в Альпы и совершил там несколько рискованных восхождений, изумивших всех, кроме него самого.

— Альпы теперь ничем не отличаются от светских салонов, — жаловался он. — Только на Эвересте ещё можно наслаждаться одиночеством.

---

[43] Notes: 43
«Одиозная личность» *(фр.)*.

Его появление в Лондоне было отмечено обедом, данным в его честь Обществом охоты на крупных диких зверей в ресторане «Тревеллер». Обед был неофициальным, и потому журналисты на нём не присутствовали, но речь лорда Рокстона и так навсегда запечатлелась в памяти присутствующих. Минут двадцать он терзался, мучимый стыдом, выслушивая высокопарную речь президента, и понемногу приходил в состояние, среднее между бешенством и крайним замешательством, — оно непременно овладевает британцем, когда его прилюдно хвалят. Его собственная речь состояла из восклицаний типа «Послушайте!», «Клянусь Юпитером!», «Вот так!», после чего он снова сел, совершенно мокрый от волнения.

О возвращении Рокстона Мелоун узнал от редактора отдела новостей Макардла, старого ворчуна, у которого — от многолетней работы на труднейшем посту — посреди рыжей гривы всё явственней проступала лысина. У него сохранился потрясающий нюх на сенсации, потому-то в одно прекрасное зимнее утро он и пригласил к себе в кабинет Мелоуна.

Вертя в руках длинную стеклянную трубку, служившую ему мундштуком, редактор подсле-

повато посматривал сквозь большие круглые очки на своего подчинённого.

— Вы знаете, что лорд Рокстон вернулся в Лондон?

— Нет.

— Так вот знайте. Вам, конечно, известно, что на последней войне он был ранен. Возглавлял небольшую колонну войск в Восточной Африке и успешно вёл свою маленькую войну, пока не получил ранение в грудь, которое свалило бы и слона. С тех пор он успел выздороветь, иначе не лазил бы так лихо по горам. Этот лорд — сам дьявол в человеческом обличье и всегда выкидывает что-нибудь новенькое.

— И что на этот раз? — поинтересовался Мелоун, поглядывая на листок бумаги в руках Макардла.

— Он вторгается в вашу область. Не поохотиться ли вам на этот раз вместе? Может получиться интересный материал. Вот взгляните на это сообщение в «Ивнинг стандард».

Редактор протянул журналисту газету. В заметке говорилось:

«Судя по оригинальному объявлению, помещённому в колонке текущих событий, наша знаменитость лорд Джон Рокстон, третий сын

герцога Помфрета, возжелал новых приключений. Ему наскучили спортивные подвиги на нашей грешной земле, и теперь он жаждет погрузиться в призрачный и тёмный мир духов. Лорд намерен приобрести дом с привидениями, а также заинтересован в информации о различных зловещих и опасных проявлениях тёмных сил. Напоминаем, что Джон Рокстон — человек весьма решительный и считается одним из лучших стрелков Англии, так что шутникам следует проявить осмотрительность и поискать себе жертву в другом месте. Пусть уж лорд выпускает обоймы в тех, кому пули не страшны, — так, по крайней мере, уверяют верящие в призраков люди — чудаки, не отличающиеся особым здравомыслием».

При этих заключительных словах Макардл хмыкнул:

— Конец заметки вам может не понравиться, Мелоун. Хотя вас ещё нельзя назвать законченным спиритуалистом, но вы к этому быстро подвигаетесь. Как вы думаете, не могли бы вы в компании с лордом выжать из привидения, если таковое отыщется, два крепких материала?

— Я могу встретиться с лордом Рокстоном, — сказал Мелоун. — Думаю, он, как всегда, остановился в «Олбени». Я и так навестил бы его, а

теперь будет лишний повод.

И вот ближе к вечеру, когда луна осветила тёмные закоулки Лондона, журналист стоял у старомодного отеля на Виго-стрит. Швейцар у тёмного подъезда подтвердил, что лорд Рокстон находится в своих комнатах, но у него гость. Впрочем, визитную карточку Мелоуна ему отнесут. Вернувшись, швейцар сообщил, что, несмотря на занятость, лорд хочет видеть журналиста немедленно. Мелоуна провели в роскошные старинные апартаменты, где все стены были увешаны охотничьими и военными трофеями. В дверях его уже поджидал сам хозяин — высокий, худой, сурового вида джентльмен с чудаковатым лицом Дон Кихота. Лорд Рокстон почти не изменился с их последней встречи, разве что резче обозначился его орлиный профиль да брови ещё больше нависли над беспокойными, живыми глазами, где никогда не вспыхивал страх.

— Привет, дружище! — радостно приветствовал он журналиста. — Надеялся, что вы заглянете в мою старую берлогу. Я и сам наведался в редакцию. Проходите! Проходите! Разрешите представить вам его преподобие Чарльза Мейсона.

Длинный и худой как жердь священник, сидевший скрючившись в плетёном кресле, медленно распрямился и протянул вошедшему журналисту костлявую руку. На Мелоуна взглянули серьёзные и добрые серые глаза, и тут же священник широко улыбнулся, обнажив крепкие зубы. Лицо его было усталым и измученным — типичное лицо духобора — и при этом доброжелательным и приветливым. Мелоун кое-что слышал об этом англиканском священнике, который оставил свой образцовый приход и построенную своими руками церковь, чтобы свободно исповедовать христианское учение в свете нового спиритуалистического знания.

— От спиритуалистов, как вижу, никуда не денешься! — воскликнул журналист.

— И не надо, мистер Мелоун, — усмехнулся худой священник. — Пока мир не усвоит новое знание, ниспосланное ему Богом, люди должны внимательно следить за ними. Стоит только собраться где-нибудь в нашем большом городе нескольким мужчинам или женщинам, как тут же завязывается разговор о спиритизме. А пресса обходит этот вопрос молчанием.

— Вы не можете адресовать свой упрёк «Дейли газетт», — сказал Мелоун. — Может быть, вы даже

читали мои статьи.

— Читал. Они, конечно, лучше обычного вздора, который лондонские газеты публикуют сенсации ради — когда наконец решаются нарушить молчаливое табу. Но если вы являетесь читателем «Таймс», у вас есть шанс никогда не узнать, что существует такое жизненно важное движение. Насколько я помню, эта газета лишь однажды удостоила нас вниманием, объявив в редакционной статье, что поверит в спиритизм при одном условии: мы должны указать наибольшее число призёров на скачках.

— Неплохо придумано, — одобрил лорд Рокстон. — Сам бы такое предложил. А что?

Лицо священника посерьёзнело, и он печально покачал головой.

— Ваша реплика возвращает меня к цели моего визита. Дело в том, — обратился он к Мелоуну, — что я осмелился нанести визит лорду Рокстону в связи с его объявлением. Если он полон добрых намерений, то честь ему и хвала, он принесёт много пользы, но если лорд Рокстон просто решил развлечься, выслеживая чью-нибудь неприкаянную душу, как охотник выслеживает белого носорога с острова Лидо, то он играет с огнём.

— Послушайте, святой отец, я играю с огнём

всю жизнь, мне это не в диковинку. И вот ещё что: я равнодушен к религиозной стороне спиритизма. Тут мои скромные претензии вполне удовлетворяет англиканская церковь, в которой я воспитан. Но если он может внести в мою жизнь риск и опасность, тут я весь ваш. Вот так!

Священник по-доброму улыбнулся своей белозубой улыбкой.

— Он неисправим, — сказал он, обращаясь к Мелоуну. — Всё же желаю вам, лорд Джон, получше разобраться в предмете. — И священник поднялся, собираясь уходить.

— Подождите немного, святой отец, — остановил его лорд Рокстон. — Исследуя впервые опасное место, я всегда беру с собой в подмогу надёжного человека из местных. Думаю, на этой новой для меня территории вы — самый надёжный. Пойдёте со мной?

— Куда?

— Садитесь, я сейчас всё объясню. — Лорд Рокстон порылся в груде писем на столе. — Отменнейшие привидения, — сказал он. — С первой же почтой более двадцати предложений. Но одно письмо побивает все остальные. Прочтите сами. Заброшенный дом, мужчина, доведённый до сумасшествия, жильцы, запирающиеся по ночам,

страшный призрак. Всё, что надо!

Священник читал письмо, насупившись.

— Дело плохо, — сказал он наконец.

— А с вашей помощью? Может, разберёмся с этим дельцем?

Мейсон извлёк свой ежедневник:

— В среду у меня богослужение для ветеранов войны, а вечером — лекция.

— Можно отправиться сегодня же.

— Путь долгий.

— До Драйфонта в Дорсетшире не более трёх часов езды.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Для начала провести ночь в этом доме.

— Что ж, я поеду с вами. Возможно, там мучится чья-то душа. Постараться помочь ей — мой долг.

— Надеюсь, для меня там тоже отыщется местечко? — спросил Мелоун.

— Конечно, юный друг! Уверен, что старый рыжеголовый дятел из редакции послал вас сюда именно за сенсацией? Угадал? Ну что ж, вам представляется возможность описать не какую-то дребедень, а настоящее приключение! Поезд отходит в восемь вечера от вокзала Виктория. Встретимся прямо там. У меня ещё будет время заскочить к старине Челленджеру и пожать ему

руку.

В поезде они пообедали, а потом направились из ресторана в свой вагон первого класса, путешествовать которым — одно удовольствие: удобства, каких мало. Дымя огромной чёрной сигарой, Рокстон мог говорить только о свидании с Челленджером.

— Старик всё тот же. Раза два чуть не разорвал меня в клочья. Нёс чистейший вздор. Говорил, что у меня началось размягчение мозгов: ну как можно иначе верить в существование привидений? «Если уж ты мёртв, то это навсегда». Вот такой весёленький тезис. Стоит взглянуть на наших современников, утверждал он, и смерти сразу возрадуешься. «Это единственная надежда человечества. Представьте себе, что все они живут вечно, — ужасный вариант!» Совал мне бутыль с хлором — швырнуть в призрака. Но я сказал, что уж если того не упокоит мой автоматический пистолет, ничто не поможет. А вы, святой отец, впервые отправляетесь в сафари за такого рода дичью?

— Вы слишком легкомысленно относитесь к делу, лорд Джон, — сурово осадил его священник. — Сразу видно новичка. Но, отвечая на ваш вопрос, скажу, что пытался помочь в таких слу-

чаях уже несколько раз.

— Так вы считаете этот случай серьёзным? — спросил Мелоун, делая записи для будущей статьи.

— Очень серьёзным.

— А что, на ваш взгляд, лежит в основе подобных явлений?

— Я не теоретик. Вы ведь знакомы с Альджерноном Мейли, адвокатом? Он мог бы представить вам факты и цифры. Помните, Мейли читал лекцию о книге профессора Боццано, посвящённой привидениям, где рассматривалось более пятисот достоверных случаев, каждый из которых неоспоримо свидетельствовал, что эти явления существуют. Об этом писал и Фламмарион. С их доводами надо считаться[44].

— Я читал Боццано и Фламмариона, — сказал Мелоун, — но сейчас меня больше интересует ваше мнение.

— Вижу, что вы записываете мои слова, и потому хочу, чтобы вы знали: я не считаю себя большим специалистом в этой области. Люди поумнее меня дадут, возможно, тем же явлениям другие объяснения. И всё же собственный опыт

---

[44] Notes: 44

Имеются в виду книги: Ernesto Bozzano, «Dei fenomeni d'infestazione» и Camille Flammarion, «L'Inconnu et les Problèmes psychiques».

привёл меня к некоторым выводам. Я склонен видеть определённый смысл в теософской идее «скорлуп».

— А что это такое?

— Считается, что духи, обитающие вблизи земли, являются чем-то вроде полых раковин, скорлуп, из которых изъята подлинная сущность. Теперь мы знаем, что в целом такое заключение неверно — иначе с ними не могло бы осуществляться полноценное общение: оно возможно только при наличии разумного начала. Но обобщения надо делать осторожно. Далеко не все духи обладают высоким интеллектом. Некоторые так примитивны, что, по-видимому, представляют собой действительно одну оболочку.

— Но как это возможно?

— В этом-то и вопрос. Принято считать, что существуют земные тела — так их называет святой Павел, — которые со смертью распадаются, и небесные, парящие в эфире. Коренное отличие именно в этом, но существуют ещё и промежуточные состояния. У нас много оболочек — почти как у лука. На том месте, где мы пережили сильное духовное потрясение, может остаться часть нашей ауры, автоматически повторяющая наш физический облик и психику.

— Это мне кое-что объясняет, — сказал Мелоун. — Вот почему призрак жертвы или преступника может столетиями слоняться на одном и том же месте. Иначе этого не понять.

— Точно, юноша, — отозвался лорд Рокстон. — У меня есть друг, Арчи Сомс, отличный наездник и владелец старого загородного дома в Беркшире. Там когда-то жила Нелл Гвинн, и он божился, что частенько встречал её в коридорах. Так вот, этот Арчи, который глазом не моргнув брал большой барьер на Национальных скачках, боялся после наступления темноты нос из комнаты высунуть. Хоть она и была женщиной хоть куда, но всё равно лучше бы её чёрт побрал! Всему должен быть предел!

— Вот именно! — отозвался священник. — Трудно представить, чтобы дух такой яркой личности, как Нелл, столетиями слонялся по одним и тем же коридорам. Но вот если она страдала в этом доме, сходила с ума, изводя себя тревожными мыслями, одна из оболочек могла отслоиться, сохранив навечно её облик.

— Вы говорили, что сами пережили нечто подобное.

— Тогда я ещё ничего не знал о спиритизме. В то, что со мной случилось, трудно поверить, и

тем не менее всё — чистейшая правда. В юности я служил викарием в сельской местности, на севере страны. В деревне был дом, где прочно обосновался полтергейст необычайной злобности и коварства. Я вызвался прогнать его. Как вам известно, у нас в Церкви существует по этому поводу специальный обряд, и я чувствовал себя во всеоружии. Служба началась в гостиной, где особенно буйствовал призрак; все домашние стояли на коленях, внимая мне. И как вы думаете, что произошло? — Суровое лицо Мейсона расплылось в добродушной улыбке. — В тот момент, когда я произнёс «Аминь», ожидая, что пристыженный злой дух не замедлит покинуть поле боя, медвежья шкура, лежавшая у камина, поднялась во весь рост и пошла на меня, пытаясь обхватить. Стыдно сказать, но я в два прыжка выскочил из дома. Тогда-то я и понял, что от чисто формальных религиозных обрядов проку мало.

— А что может помочь?

— Доброта в соединении с разумом. Видите ли, призраки очень отличаются друг от друга. Иногда эти столь привязанные к земле существа нейтральны — вроде тех оболочек, или скорлуп, о которых я говорил. Иногда несут в себе добро, как монахи из Гластонбери, проявившие себя

столь чудесным образом, что хорошо описано Блаем Бондом. Таких держит у земли благодарная память потомков. Некоторые шалят, как озорные дети. Но есть и другие — надеюсь, их немного, — которые очень опасны: это сильные, злобные создания, слишком тяжёлые, чтобы оторваться от земли, а идущие от них волны так слабы, что могут не улавливаться сетчаткой человеческого глаза. Если при жизни они были жестокими и коварными, то после смерти становятся опаснее стократ. Возникновению этих чудовищ способствует такая мера наказания, как смертная казнь, — преступники погибают, полные неизрасходованной энергии, которая уходит на месть.

— Этот тип из Драйфонта много дров наломал.

— Вот именно. Поэтому я и не одобряю легкомыслия в подобных делах. Привидение, о котором говорится в письме, может быть коварным монстром. Подобно осьминогу, выплывающему молчаливым символом ужаса из своей уединённой пещеры на дне океана, чтобы напасть на одинокого пловца, это чудовище, таясь во мраке дома и оскверняя его самим своим присутствием, готово причинить вред любому, кто окажется на его территории.

Мелоун смотрел на священника в глубоком изумлении.

— А как же мы? — воскликнул он. — Мы что же, беззащитны?

— Почему? Думаю, защита есть. Иначе эти монстры опустошили бы землю. Ведь существуют не только тёмные, адские силы, но и светлые. Католики называют их «ангелами-хранителями», можно назвать их «наставниками» или «проводниками», ну да как их ни именуй, главное — они существуют и хранят нас от зла.

— А как же тот несчастный, что сошёл с ума? И где был ваш наставник, когда вас чуть не задушили медвежьей шкурой? Что вы на это скажете?

— Сила наставников во многом зависит от состояния нашего духа. Зло может на время победить. Но в конце концов обязательно восторжествует добро. Это я понял из своего собственного опыта.

Лорд Рокстон покачал головой:

— Если добро и побеждает, то на такой длинной дистанции, что до финиша доживают немногие. Возьмите хоть этих охотников за каучуком, с которыми я сцепился на реке Путомайо. Где сейчас эти негодяи? То-то и оно. Веселятся в Париже. А негры, которых они поубивали? Как быть с

ними?

— Нужна вера. Нужно всё время помнить, что ещё не конец. «Продолжение следует» — этим журналистским штампом можно завершить любую человеческую жизнь. Вот здесь-то и могут оказать бесценную помощь свидетельства о другом мире. Они знакомят нас хотя бы со следующей главой.

— А как устроить это знакомство? — спросил Мелоун.

— Есть замечательные книги, ещё не оценённые по достоинству человечеством, — в них много говорится о будущей жизни. Мне вспоминается один эпизод, можете считать его притчей, хотя суть его гораздо шире. Умерший богач останавливается на том свете перед прекрасным дворцом. «Это не для тебя, а для твоего садовника», — печально говорит ему наставник и торопит дальше. Вскоре они подходят к жалкой хижине. «Нам не из чего было строить твоё жилище — так мало ты сделал добра. Вот всё, что получилось». Следующая глава в жизни каучуковых миллионеров может быть похожей на эту.

Рокстон мрачно засмеялся:

— Для некоторых из них я сам приготовил жилище. Шесть футов в длину и два в глубину;

и не качайте так укоризненно головой, святой отец. Не могу любить ближнего, как самого себя, и не буду. Некоторых «ближних» ненавижу до глубины души.

— Нам следует ненавидеть грех, но отделить грех от грешника трудно. Мне самому недостаёт для этого душевных сил. Поэтому не стану читать нравоучений — ведь сам я так же грешен и слаб, как большинство людей.

— Такая проповедь как раз по мне. То же, что произносится с кафедры, не доходит до сердца. Надо спуститься к людям, вот тогда будет толк, — сказал лорд Рокстон. — Но видимо, мы сегодня много не поспим. Через час будем в Драйфонте. Стоит немного вздремнуть.

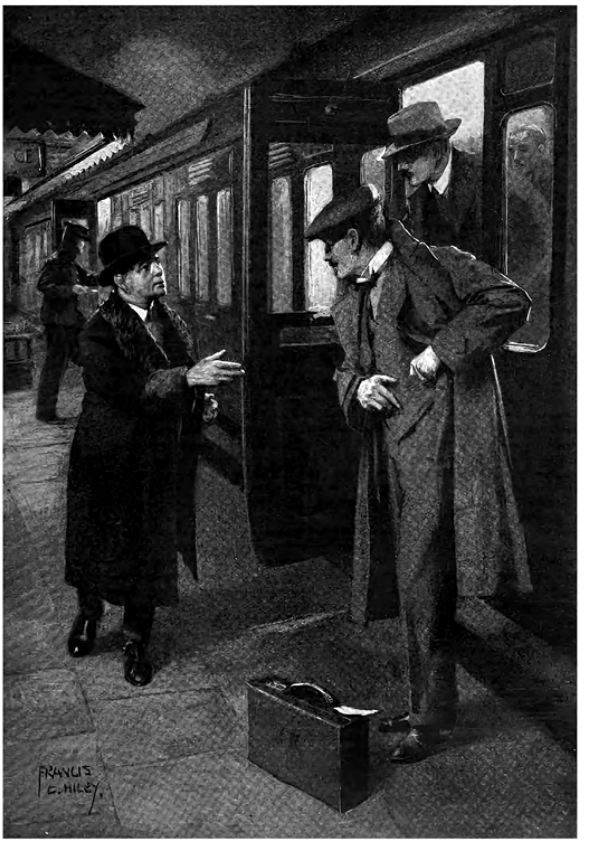
Шёл уже двенадцатый час, когда друзья сошли с поезда. В маленьком курортном местечке было очень холодно. Перрон почти пустовал, но к прибывшим тотчас же подбежал низенький толстяк в шубе и тепло приветствовал их.

— Разрешите представиться: моя фамилия Белчамбер, владелец дома. Здравствуйте, джентльмены. Получил вашу телеграмму, лорд Рокстон, и всё подготовил. Очень любезно с вашей стороны, что согласились приехать. Если сможете помочь, буду бесконечно признателен.

Мистер Белчамбер провёл их в привокзальный ресторанчик, где предусмотрительно заказал кофе с сэндвичами. Пока они ели, толстяк изливал перед ними душу:

— Я не очень богат, джентльмены. В прошлом занимался разведением скота, а уйдя от дел, приобрёл на скопленные деньги три дома. Среди них — «Вилла Маджоре». Не скрою, она мне досталась дёшево. Но разве я мог предположить, что в истории о свихнувшемся докторе есть хоть крупица правды?

— Расскажите всё по порядку, — предложил лорд Рокстон, с трудом разжёвывая чёрствый сэндвич.


FRANCIS
C. HILEY.

— Он жил здесь во времена королевы Виктории. Я сам его помню. Худой такой, жилистый, лицо смуглое, ходил ссутулившись, нелепой шаркающей походкой. Говорили, что бóльшую часть жизни он провёл в Индии, предполагали также, что там он совершил преступление и теперь скрывается: не зря целыми днями сидит дома и на улицу выходит только после наступления темноты. Однажды он перебил чьей-то собаке камнем лапу, в деревне начался ропот, хотели даже привлечь его к суду, но никто так и не возбудил дела — его побаивались. Мальчишки, не останавливаясь, проносились мимо его дома — так мрачно и злобно посматривал он на них, сидя у окна. Как-то он не взял оставленное ему молоко, не вышел и на следующий день; тогда крестьяне взломали дверь и нашли его мёртвым в ванне, полной крови — он вскрыл себе вены. Его звали Тремейн. Этот случай в деревне никак не могут забыть.

— И вы купили этот дом?

— Только после того, как был сделан полный ремонт: дом тщательно продезинфицировали изнутри, заново покрасили, поклеили новые обои. Это, можно сказать, был уже новый дом. Я сдал его мистеру Дженкинсу из Бруэри. Он выдержал

только три дня. Пришлось снизить плату, и тогда в доме поселился мистер Бийл, бывший бакалейщик. Через неделю это был совершеннейший псих. Человек полностью свихнулся. С тех пор дом камнем висит у меня на шее — шестьдесят фунтов из моего бюджета долой плюс налоги. Если можете, джентльмены, помогите, ради бога! В противном случае мне придётся его спалить.

«Вилла Маджоре» была расположена в полумиле от города, на пологом склоне холма. Мистер Белчамбер сам отвёз смельчаков туда, проводив до дверей. Дом выглядел довольно мрачно; огромная двускатная крыша тяжело нависала над окнами, почти закрывая их. Луна освещала запущенный сад, где беспорядочно рос, путаясь и переплетаясь, довольно чахлый кустарник, сделавший некоторые тропинки совершенно непроходимыми. Стояла мёртвая тишина, в ней было что-то зловещее.

— Дверь не заперта, — сказал хозяин. — Из холла поверните налево, и попадёте в гостиную, где есть стол и стулья. Я распорядился развести огонь, ведёрко с углём стоит рядом с камином. Надеюсь, вам будет удобно; не обессудьте, что не сопровождаю вас дальше, но за последнее время нервы у меня сильно расшатались.

Произнеся эти слова извинения, хозяин поспешил удалиться, оставив троих мужчин на пороге своего владения.

Лорд Рокстон захватил с собой мощный электрический фонарь. Открыв замшелую дверь, он осветил мрачный холл — неуютный, без ковра на полу. В глубине его начиналась массивная деревянная лестница, ведущая на второй этаж. По обеим сторонам холла были двери. Правая вела в большую унылую комнату, в одном углу которой стояла брошенная за ненадобностью газонокосилка, а в другом валялись старые книги и журналы. Левая комната выглядела приветливее. В камине весело полыхал огонь, на столе из сосновых досок стоял графин с водой. Рядом три удобных стула, ближе к камину — ведёрко с углём. Радовали глаз и прочие бытовые мелочи. Комнату освещала большая масляная лампа. Священник и Мелоун, изрядно промёрзшие, тут же поспешили к огню, а лорд Рокстон приступил к необходимым приготовлениям. Он вытащил из сумки автоматический пистолет и положил его на камин. Затем извлёк пачку свечей, две из которых установил в холле. И в довершение всего натянул в проходах шерстяные нити.

— Теперь можно и оглядеться, — сказал он,

завершив приготовления. — И будем ждать, что случится.

Верхние помещения располагались по обе стороны от лестницы. Справа находились две большие комнаты, пол покрывал толстый слой пыли, повсюду валялась облупившаяся штукатурка, со стен свисали обрывки обоев. Огромная комната слева была в таком же состоянии. Рядом помещалась ванная комната, та самая, где случилось несчастье; высокая цинковая ванна по-прежнему находилась на своём месте. Взгляд сразу же останавливался на крупных рыжих пятнах, и, хотя это была всего лишь ржавчина, неизбежно рождались неприятные ассоциации с трагическим событием. Мелоун с удивлением заметил, что священник пошатнулся и привалился к двери. Лицо его побелело, на лбу выступил пот. Его поспешили свести с лестницы, придерживая с двух сторон, и усадили на стул. Некоторое время спустя он пришёл в себя и заговорил.

— Неужели вы ничего не почувствовали? — спросил он. — Сам я очень чуток к психическим воздействиям. И то, что сейчас испытал, было ужасно.

— Расскажите, святой отец.

— Это трудно передать словами. Сердце куда-то

провалилось, чувство безысходного одиночества охватило меня. Всё как-то изменилось. Глаза затуманились. В нос ударил омерзительный запах тления. Силы медленно уходили. Поверьте, лорд Рокстон, сегодня мы встретимся с чем-то страшным!

Знаменитый спортсмен выглядел необычно серьёзно.

— Я тоже начинаю так думать, — сказал он. — Годитесь ли вы для этого дела, святой отец?

— Простите меня за слабость, — произнёс мистер Мейсон. — Я вас не оставлю. Чем хуже будут обстоять дела, тем больше вам понадобится моя помощь. Я уже чувствую себя лучше, — прибавил он, добродушно улыбаясь и вытаскивая из кармана видавшую виды вересковую трубку. — Вот это успокоит нервы. Буду сидеть здесь, покуривая, пока не призовёте меня.

— Интересно, в каком виде появится перед нами этот монстр? — спросил Мелоун лорда Рокстона.

— Убеждён, что в материальном.

— Вот этого я и не понимаю, хотя кое-что читал, — сказал Мелоун. — Все известные спиритуалисты сходятся на том, что существует некая материальная основа, которая берётся призраком

непосредственно с человеческого тела. Назовём её эктоплазмой или как-то иначе — не важно. Главное — она человеческого происхождения. Ведь так?

— Совершенно верно, — отозвался Мейсон.

— Тогда можно предположить, что доктор Тремейн для построения своего тела возьмёт всё необходимое у нас с вами.

— Во многих случаях, насколько мне известно, призраки так и поступают. Когда сторонний наблюдатель ощущает холод или у него волосы встают дыбом, это говорит о посягательстве на его жизненные силы. Всё это достаточно серьёзно и может кончиться для него обмороком или даже смертью. Полагаю, и на меня только что совершили подобное нападение.

— А если у человека не такая тонкая организация, как у медиума? Если он вполне зауряден и позаимствовать у него эктоплазму трудно, что тогда?

— Я недавно читал отчёт об одном редком случае, который описал профессор Нильсон из Исландии. Некий злой дух повадился летать из места своего заточения в ближайший город к одному несчастному фотографу, похищал у него плёнки, а потом использовал запечатлённую на

них эктоплазму в своих целях. Он как бы открыто заявлял: «Дайте мне только время, я достану то, что мне надо, и вот тогда уж покажу, на что способен!» Зловещее было чудовище, и жителям стоило большого труда отделаться от него.

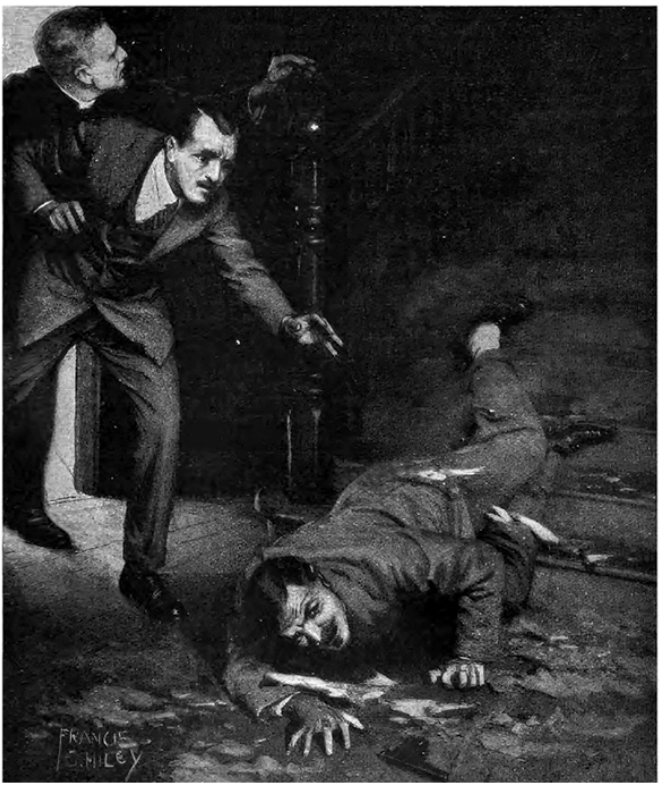
— Сдаётся мне, друзья, что мы выбрали себе работу не по силам, — сказал лорд Рокстон. — Но ничего не поделаешь — назад пути нет. Освещение сейчас неплохое. Незаметно подкрасться к нам нельзя — всюду натянуты нити. Что можно ещё сделать? Только ждать.

И они стали ждать. Время тянулось медленно. Казалось, что стрелки часов, поставленных гостями на выцветшую каминную решётку, застыли на месте. Кое-как дотащились они до двух часов, потом до трёх. Где-то вдали зловеще ухала сова. Вилла стояла в стороне от дороги, и вокруг не было ни души. Священник дремал. Мелоун курил одну сигарету за другой. Лорд Рокстон рассеянно листал журнал. Лишь изредка ночную тишину нарушали странные постукивания и скрипы. Всё было спокойно, пока…

Кто-то спускался по лестнице.

Не оставалось никаких сомнений — они слышали шаги, вкрадчивые, осторожные, но достаточно отчётливые. Крэк! Крэк! Крэк! Вот лестница прой-

дена. Кто-то подошёл к двери. Все трое замерли. Рокстон сжимал пистолет. Войдёт или не войдёт? Дверь была приоткрыта, и у друзей появилось ощущение, что они уже не одни — за ними наблюдают. Сразу похолодало; Мелоун дрожал всем телом. Но вот шаги послышались снова — теперь в обратном направлении. Удалялись тихо, но торопливо; можно было предположить, что слуга спешит доложить обстановку могущественному хозяину, притаившемуся во мраке наверху.


FRANCIS
C. HILEY

Все трое молча смотрели друг на друга.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул наконец лорд Рокстон. Его лицо побледнело, но выражение было по-прежнему решительным. Мелоун торопливо записывал что-то в блокнот. Священник молился. — Вот встреча и произошла, — сказал, помолчав, Рокстон. — Теперь надо сражаться. Отступать нельзя. Хочу вам признаться, святой отец, что я преследовал в джунглях раненого тигра и тем не менее не пережил того ужаса, что испытал сейчас. Я отправился сюда в поисках острых ощущений и получил их. Но останавливаться на этом не собираюсь и тотчас же отправляюсь наверх.

— Мы тоже! — вскричали его спутники, поднявшись со стульев.

— Оставайтесь здесь, мой юный друг! И вы, святой отец. От троих будет слишком много шума. В случае чего я вас позову. Я хочу прокрасться на лестницу и устроить там засаду. Если эта нечисть, кем бы она ни была, повторит своё путешествие, ей придётся идти мимо меня.

Все трое вышли в холл. Две свечи отбрасывали свет на лестницу, но наверху всё утопало в глубоком мраке. Рокстон уселся с пистолетом в руке прямо на ступенях. Приложив палец к

губам, он другой рукой сделал нетерпеливый жест друзьям, чтобы те удалились. Вернувшись в комнату, священник и журналист сели у огня и замерли в тягостном молчании.

Прошло полчаса, ещё пятнадцать минут — и тут всё началось. Раздался выстрел, что-то тяжёлое рухнуло на пол, и тут же раздался крик о помощи. Охваченные ужасом, они бросились в холл. Лорд Рокстон лежал лицом вниз, засыпанный штукатуркой. Когда его подняли, он был в полубессознательном состоянии, глубокие ссадины на лице и руках сильно кровоточили. Наверху лестницы тьма, казалось, сгустилась ещё больше.

— Со мной всё в порядке, — заявил Рокстон, когда его усадили на стул. — Немного передохну и начну новый раунд с этим дьяволом — иначе это чудовище не назовёшь.

— На этот раз мы вас одного не отпустим, — решительно сказал Мелоун.

— И в прошлый не стоило бы, — добавил священник. — Но расскажите нам, что же случилось.

— Сам точно не знаю. Я сидел, как вы сами видели, лицом к холлу. Внезапно услышал за спиной стремительный бросок. Что-то тёмное ринулось

на меня сверху. Повернувшись, я выстрелил и тут же был сброшен с лестницы, как малый ребёнок. А потом меня накрыло штукатуркой. Вот всё, что я знаю.

— А стоит ли нам здесь оставаться? — спросил Мелоун. — Вы удостоверились, что природа этого явления не человеческая?

— Абсолютно.

— Значит, вы испытали то, что хотели. Чего вам ещё надо?

— Мне, во всяком случае, надо большего. Здесь требуется наша помощь, — сказал Мейсон.

— Мне кажется, что если помощь кому-то нужна, то скорее нам, — возразил лорд Рокстон, потирая ушибленное колено. — Врач понадобится нам очень скоро. Но я с вами, святой отец. Надо идти до конца. Вы же, мой юный друг, можете…

Ирландская кровь ударила Мелоуну в голову при одном только предположении, что он струсил.

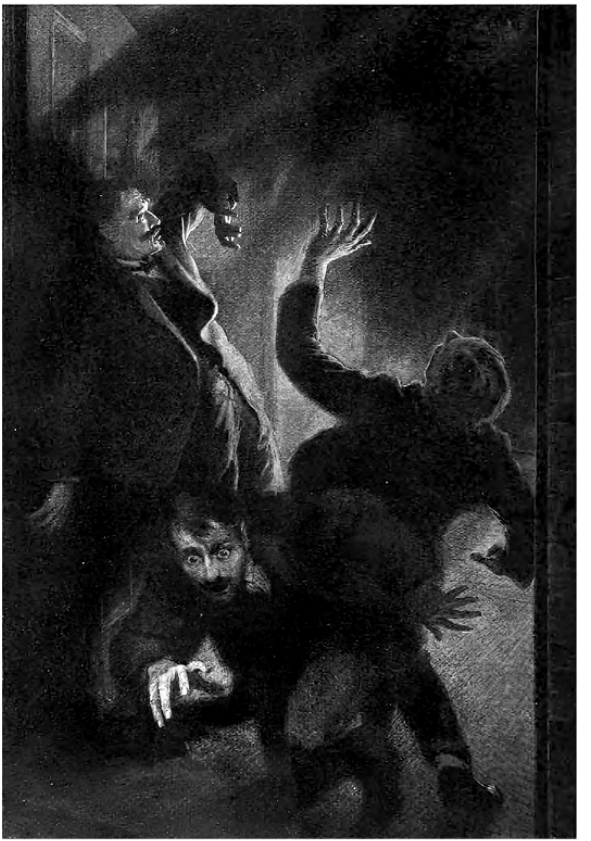
— Я пойду наверх один! — вскричал он, направляясь к двери.

— Ни в коем случае! Я с вами, — заторопился священник.

— И я тоже, — заявил лорд Рокстон и, прихрамывая, двинулся за ними.

В слабо освещённом холле они остановились, вглядываясь в темноту; Мелоун, положив руку на перила, уже ступил на первую ступеньку, когда произошло нечто невообразимое.

Что это было? Они не знали. Тёмные тени наверху как бы сгустились и распались на части, каждая из которых приняла форму, напоминающую очертания летучей мыши. Боже! Они устремились вниз, двигаясь быстро и бесшумно, огромные, как сама ночь. В их уродстве мерзко проступали отдельные человеческие черты, а главное — они несли в себе зло и проклятие! Все трое с криком бросились к выходу. Нащупав ручку, лорд Рокстон распахнул дверь. Но было поздно — мерзкие твари набросились на них. Тёплая, липкая масса окутала всех троих, в нос ударил гнилостный запах, перед глазами замелькали жуткие, деформированные морды и сплетённые конечности. Это продолжалось какое-то мгновение, затем страшная сила выбросила всех троих, почти потерявших сознание от ужаса, из дома прямо на посыпанную гравием дорожку. Дверь с шумом захлопнулась.



Мелоун стонал, Рокстон ругался, священник молчал — все приходили в чувство по-разному. У каждого на теле были раны и синяки, но физические страдания отступили на задний план, вытесненные пережитым кошмаром. Сбившись в кучку, стояли они, глядя на освещённый заходящей луной чёрный квадрат двери.

— С меня хватит, — сказал наконец Рокстон.

— Да уж, — согласился Мелоун. — Я в этот дом больше не войду, какие бы деньги мне ни сулили в газете.

— Вы ранены?

— Унижен, раздавлен… Это было просто ужасно!

— Омерзительно, — подтвердил Рокстон. — А зловоние вы ощутили? И липкую тёплую массу?

Мелоуна передёрнуло от отвращения.

— Бесформенные твари и жуткие глаза! Частично материализованные! Страшное зрелище!

— А как быть со свечами?

— Наплевать на них! Пусть себе горят. Я туда больше не войду.

— Ладно, пусть Белчамбер сам утром разбирается. Может, он ждёт нас в гостинице?

— Да, отправимся в гостиницу. Хочется быть поближе к людям.

Мелоун и Рокстон повернулись, чтобы идти, но священник не сдвинулся с места. Он извлёк из кармана распятие.

— Уходите, — произнёс он. — Я возвращаюсь.

— Как! Обратно в дом?

— Туда.

— Святой отец, это безумие! Гнусная тварь уничтожит вас. Вспомните, что было… Мы для неё вроде ничтожных букашек.

— Пусть уничтожит. Я иду.

— Мы вас не пустим. Мелоун, держите его!

Но было поздно. Мейсон быстрыми шагами направился к двери, открыл её и вошёл внутрь. Друзья поспешили было за ним, но услышали лязг и скрежет — священник задвинул засов, отрезав им путь в дом. Лорд Рокстон через широкую щель для почтового ящика умолял его вернуться.

— Оставайтесь там! — раздался суровый голос священника. — Я должен исполнить свой долг. После этого выйду к вам.

Почти тут же он начал говорить. Его приятный голос с мягкими дружелюбными интонациями эхом отозвался в холле. До друзей доносилось немногое — отдельные слова молитв, обрывки проповедей, сердечные, дружественные увещевания. Сквозь щель Мелоун видел при свете свечей

высокую тёмную фигуру: священник стоял спиной к жутким теням наверху лестницы.

Мейсон кончил говорить, и тут в этой полной невероятных событий ночи произошло ещё одно чудо. Ему ответил неизвестный голос. Этот голос обычному человеку невозможно было представить — жуткая смесь из гортанных, режущих слух звуков с примесью кваканья; он нёс в себе страшную, нечеловеческую угрозу. Неизвестный произнёс одну только фразу, на которую священник не замедлил ответить взволнованно и страстно. Судя по всему, он читал проповедь, на которую тут же злобно отреагировал таинственный голос. Диспут продолжался; говорил то один, то другой; реплики были то длиннее, то короче; сменялись и интонации — священник то умолял, то спорил, то молился, то утешал, но ни в коем случае не осуждал. Промёрзнув до костей, Рокстон и Мелоун жались у дверей, ловя обрывки невероятного, фантастического диалога. Казалось, прошла вечность, хотя на самом деле ещё не истёк час. И тут Мейсон начал громко и торжественно читать «Отче наш». Но что это? Эхо? Или — о чудо! — голос из темноты вторил священнику? Вскоре окно слева от входа осветилось, заскрежетал засов, и на пороге появился Мейсон,

держа в руках сумку лорда Рокстона. В призрачном лунном свете он выглядел ужасно, хотя на самом деле был оживлённым и радостным.

— Здесь всё собрано, — сказал он, вручая сумку владельцу.

Рокстон и Мелоун, взяв священника под руки, помогли ему сойти.

— Клянусь Юпитером! Теперь мы вас не отпустим! — вскричал аристократ. — Святой отец, вы заслуживаете Креста Виктории.

— Я всего лишь исполнил свой долг. Несчастный так нуждался в помощи. И такой же, как он, грешник помог ему.

— Вам удалось ему помочь?

— Надеюсь. Я всего лишь инструмент в руках Всевышнего. Отныне дом очищен от скверны. Он обещал мне. А теперь я замолкаю: должно пройти какое-то время, прежде чем я расскажу вам всё.

Владелец дома и горничные в изумлении взирали на трёх искателей приключений, когда они вновь появились в гостинице. Каждый из них, казалось, состарился за эту ночь лет на пять. Мейсон тут же рухнул на диванчик в скромно обставленной гостинице — сказалось невероятное напряжение последних часов — и погрузился в тяжёлый сон.

— Бедняга! Он ужасно выглядит! — сказал Мелоун.

И в самом деле, спящий священник напоминал мертвеца — бледное как смерть, измученное лицо, длинные безжизненные руки.

— Чашка горячего чая подкрепит его силы, — отозвался лорд Рокстон, греясь у огня, который поспешно развела горничная. — Клянусь Юпитером! Пережить такое! Любой на его месте выглядел бы не лучше! Ну что ж, молодой человек, мы получили что хотели: я — незабываемое приключение, а вы — сенсационный материал.

— А вот он спас заблудшую душу. Надо признать, что наши успехи ничтожны по сравнению с его победой.

Они отправились в Лондон утренним поездом в купейном вагоне. Мейсон почти всё время молчал, погружённый в собственные мысли. Неожиданно он повернулся к своим товарищам:

— Прошу вас, если не возражаете, помолиться со мной.

Лорд Рокстон поморщился:

— Предупреждаю, святой отец, я давно этим не занимался.

— Только станьте рядом со мной на колени. Мне нужна ваша помощь.

Все трое стали на колени, священник посередине. Мелоун старался запоминать слова молитвы.

— Отче, мы, чада Твои, бедные, слабые, беззащитные создания, целиком во власти судьбы и обстоятельств. Молю Тебя о сострадании к заблудшему рабу Твоему Руперу Треймену, находящемуся сейчас во тьме. Он пал низко, очень низко, ибо имел гордое, ожесточившееся сердце и жестокий, охваченный ненавистью ум. Но сейчас он обратился к свету, и я прошу Тебя, Господи, за него и за женщину по имени Эмма, которая из любви пошла за ним во тьму. Помоги ей воскресить его, как она того хотела. Помоги разорвать нити зла, привязывающие их к земле. Позволь им с сегодняшней ночи начать путь к свету, который рано или поздно узрит низший из низших.

Они поднялись с колен.

— Теперь получше, — со слезами на глазах произнёс священник, ударяя себя в грудь костистой рукой, и широко, по-доброму улыбнулся. — Какая ночь! Боже, какая ночь!

Глава девятая, в которой обнаруживаются вполне материальные явления

Видно, самой судьбе угодно было впутать Мелоуна в семейные дела Линденов, поскольку едва он расстался с несчастным Томом, как оказался вовлечённым в гораздо более неприятную историю, на сей раз с его беспутным братцем.

Всё началось рано утром — раздался телефонный звонок, и на том конце провода прозвучал голос Альджернона Мейли:

— Вы свободны сегодня днём?

— Да, я к вашим услугам.

— Послушайте, Мелоун, вы крепкий малый. Вы ведь играли в раггер за Ирландию, так? Вас не шокирует, если вам придётся ввязаться в драку?

Мелоун широко ухмыльнулся:

— Можете на меня рассчитывать.

— Неизвестно, какой оборот примут события. Возможно, нам придётся иметь дело с боксёром-профессионалом.

— Ого! — бодро воскликнул Мелоун.

— И нам нужен ещё один человек. Не знаете ли

вы кого-нибудь, кто согласился бы составить вам компанию просто из любви к приключениям? Ещё лучше, если человек этот будет смыслить что-нибудь в спиритизме.

На мгновение Мелоун задумался, но тотчас же вновь оживился.

— Рокстон, — сказал он. — Он, конечно, не молод, но уж точно не подведёт. Думаю, что смогу его уломать: после дорсетширских событий спиритуалисты его всерьёз заинтересовали.

— Отлично! Постарайтесь договориться с ним! Если же он не сможет, придётся обойтись своими силами. Теперь слушайте адрес: Бельшоу-Гарденс, сорок один. Это недалеко от Эрлс-Корт-стейшн. Ровно в три. До встречи.

Мелоун тут же позвонил лорду Рокстону, и вскоре в трубке раздался знакомый голос:

— Что случилось, мой юный друг?.. Драка, говорите? Тогда конечно. Что?.. Да я хотел сказать, что у меня партия в гольф в ричмондском Дир-парке, но ваше предложение гораздо заманчивее… Что?.. Прекрасно! Там и встретимся.

Вот так и вышло, что ровно в три Мейли, лорд Рокстон и Мелоун сидели возле камина в уютной комнате адвоката. Его милая симпатичная жёнушка, помощница и соратница не только в

духовных, но и в светских делах, также спустилась вниз поздороваться с гостями.

— Дорогая, тебе не стоит здесь оставаться, — сказал Мейли. — Посиди пока во флигеле — это будет с твоей стороны в высшей степени благоразумно. И не волнуйся, если вдруг услышишь шум.

— Но я так беспокоюсь, дорогой! Тебя могут ранить!

Мейли рассмеялся:

— Боюсь, скорее пострадает наша мебель, а больше не о чем беспокоиться. Это делается во имя великой цели, которая для нас превыше всего, — объяснил он собравшимся, когда его супруга с неохотой покинула гостиную. — Я уверен, что ради этого миссис Мейли готова страдать. Её отзывчивое женское сердце, полное любви, чувствует, как важно донести до обитателей сирой земли нашей знание о том, что за порогом смерти их ждёт великая радость. Клянусь Богом, она поистине моя путеводная звезда. Однако, — продолжал он со смехом, — я, наверное, излишне углубился в этот вопрос. У нас есть дела поважнее, причём в такой же степени неприятные, в какой прелестна и нежна моя возлюбленная супруга. Речь идёт о брате Тома Линдена.

— Слыхал-слыхал, — отозвался Мелоун. — Я сам когда-то увлекался боксом, да и по сей день состою в Национальном спортивном клубе. В те времена Сайлас Линден чуть не стал чемпионом во втором полусреднем весе.

— Да, всё правильно. Сейчас он остался без работы и решил испробовать себя в роли медиума. Разумеется, я и другие члены нашего кружка отнеслись к этому серьёзно и сочли его притязания вполне законными, поскольку все мы любим его брата, а способности такого рода — часто явление семейное. Но всё-таки следовало прежде его испытать, и вчера состоялся пробный сеанс.

— Ну и как он?

— Я начал подозревать его с первой минуты: вы не знаете, как трудно провести искушённого спиритуалиста. Обмануть можно только новичка. Так вот, я сразу же сел поближе к кабинке и стал внимательно наблюдать. Наконец появилась какая-то фигура, вся в белом. Когда фигура проходила мимо, я сумел дотронуться до неё. На всякий случай у меня были при себе ножницы, и в этот момент я отрезал кусочек подола.

С этими словами Мейли достал из кармана треугольный лоскуток холста:

— Вот смотрите: вполне обычный холст. Думаю,

он просто надел свою ночную рубашку.

— Почему же вы сразу его не разоблачили? — воскликнул лорд Рокстон.

— Видите ли, на сеансе присутствовало много дам. Я был, пожалуй, единственным мужчиной, который мог бы ему противостоять.

— Что же вы собираетесь делать теперь?

— Я пригласил его явиться сюда в половине четвёртого — он вот-вот должен прийти. Думаю, он вряд ли догадывается о причинах этого приглашения, если только он не заметил, что от его одеяния отрезан кусок.

— И как же вы собираетесь себя вести?

— Всё будет зависеть от него. Мы должны во что бы то ни стало его остановить: из-за таких, как он, наше дело подвергается нападкам. Ничего не смыслящие в спиритизме шарлатаны компрометируют честных медиумов — ведь публика не видит разницы между теми и другими. Мне хотелось потолковать с ним в вашем присутствии, один я не смог бы говорить с ним на равных. А вот и он!

За дверью раздались тяжёлые шаги, и в комнату вошёл Сайлас Линден, ныне лжемедиум, а в прошлом профессиональный боксёр. Его маленькие поросячьи глазки с подозрением

оглядели собравшихся. Потом он выдавил из себя улыбку и кивнул Мейли:

— Добрый день, мистер Мейли. Неплохо вчера вечерок провели, а?

— Присаживайтесь, Линден, — сказал Мейли, указывая на стул. — Как раз о вчерашнем вечере я и собрался с вами поговорить. Вы обманули нас.

Злобное лицо Сайласа Линдена побагровело от ярости.

— Что вы хотите этим сказать? — раздражённо вскричал он.

— Только то, что сказал. Вы вырядились в белое, желая предстать духом и ввести всех в заблуждение.

— Это ложь, чёрт побери! — рявкнул Линден. — Да как вы смеете!

Мейли вынул из кармана и разложил на колене припасённый лоскут:

— А что вы на это скажете?

— А что я должен сказать?

— Я отрезал это от балахона, который был на вас вчера, в тот момент, когда вы проходили мимо меня. Осмотрите его, и вы сразу найдёте это место. Отпираться бессмысленно, Линден, игра проиграна, и вы не можете этого отрицать.

На какое-то мгновение Линден потерял дар ре-

чи, а потом разразился потоком грязной брани.

— Куда вы клоните? — свирепо озираясь вокруг, орал он. — И за кого меня принимаете? Думаете, можно как угодно мною вертеть? Что это за спектакль вы устроили? Не на того напали!

— Не стоит так волноваться, Линден, — спокой-

но сказал Мейли. — Я завтра же могу предать вас в руки правосудия, и вас будут судить. Но ради вашего брата я желал бы избежать публичной огласки, однако вам не выйти отсюда до тех пор, пока вы не подпишете бумагу, лежащую у меня на столе.

— Да что вы говорите? И кто же мне сможет помешать?

— Мы.

С этими словами трое мужчин преградили ему путь.

— Вы?! Что ж, попробуйте! — Сайлас двинулся на них, яростно сверкая глазами и сжимая кулаки. — Не угодно ли вам посторониться?

Вместо ответа троица издала воинственный клич — пожалуй, первый звук, освоенный древним человеком. В следующее мгновение Линден набросился на них и принялся с неимоверной силой молотить кулаками направо и налево. Мейли, занимавшемуся в молодости боксом, удалось парировать один удар, но уже следующий сбил его с ног, и он с грохотом отлетел к двери. Лорд Рокстон отлетел в другую сторону, и только Мелоун со своей реакцией заядлого футболиста ловко увернулся и схватил чемпиона за колени. Если вам трудно одолеть противника,

когда он стоит на ногах, повалите его на спину, и тогда он вряд ли окажет вам серьёзное сопротивление. Линден полетел вверх тормашками, успев при падении задеть кресло, которое тут же рассыпалось в щепки. Пошатываясь, он приподнялся на одно колено и попытался нанести Мелоуну удар в челюсть, но тот снова его повалил, а жилистая рука Рокстона сжала ему горло. По натуре Сайлас Линден был трусом и тут же сдался.

— Отпустите! — прохрипел он. — Довольно!

Он лежал распростёртый на спине, над ним склонились Мелоун и Рокстон. В это время пришёл в себя Мейли, от удара лишившийся чувств.

— Со мной всё в порядке! — откликнулся он на женский голос, позвавший из-за двери. — Подожди, дорогая, ещё рано заходить, но скоро мы всё уладим. Что касается вас, Линден, то вам нет никакой необходимости вставать, ибо разговаривать вы можете и так. Но прежде чем уйти отсюда, вы подпишете бумагу.

— Какую ещё бумагу? — прохрипел Линден, когда Рокстон ослабил захват.

— Сейчас я вам прочту.

Мейли взял с бюро листок и зачитал вслух:

— «Я, Сайлас Линден, сим подтверждаю, что, притворившись духом, поступил как мошенник

и негодяй, и клянусь, что никогда впредь не посягну на роль медиума. Если же я нарушу данную мной клятву, то настоящее обязательство может быть использовано против меня в суде».

— Вы готовы подписать этот документ?

— Да никогда, чёрт меня подери!

— Что, если его ещё немного прижать? — спросил лорд Рокстон. — Может, тогда у него в башке просветлеет?

— Не стоит, — ответил Мейли. — Думаю, это дело хорошо прозвучит в суде, поскольку покажет всем, что мы твёрдо намерены бороться за чистоту наших рядов. Даю вам, Линден, минуту на размышление, а затем звоню в полицию.

Но наш самозванец принял решение быстрее.

— Ладно, — с мрачным видом пробурчал он. — Я подпишу.

Ему разрешили подняться, но предупредили, что, если он попытается их надуть, ему не удастся так легко отделаться во второй раз. У Линдена уже не было сил сопротивляться, и он, ни слова не говоря, размашисто и коряво нацарапал внизу: «Сайлас Линден»; трое мужчин подписались как свидетели.

— А теперь убирайтесь вон! — резко сказал Мейли. — Советую вам в дальнейшем зарабаты-

вать на жизнь честным трудом и не пытаться спекулировать на том, что свято для других.

— Оставьте ваши лицемерные проповеди при себе, — прошипел Линден и вышел.

Не успел он удалиться, как в комнату ворвалась миссис Мейли, желая воочию удостовериться, что её драгоценный супруг не пострадал. Успокоившись на сей счёт, она стала причитать над сломанным креслом, поскольку, как всякая хорошая хозяйка, дорожила каждой мелочью в своём доме.

— Не расстраивайся, дорогая, это не самая большая плата за то, чтобы очистить наши ряды от такого негодяя, как он. Не уходите, господа, нам ещё надо кое о чём поговорить.

— И, кроме того, сейчас подадут чай.

— Пожалуй, нам лучше выпить чего-нибудь покрепче, — заметил Мейли, и был, безусловно, прав, ибо все трое в результате жестокой схватки порядком выбились из сил.

Рокстон, правда, был в восторге от случившегося и находился в приподнятом настроении, но Мелоун явно устал, да и Мейли ещё не вполне оправился от полученного удара.

— Я слышал, — начал Мейли, когда они вновь устроились у огня, — что этот мерзавец на про-

тяжении многих лет тянул деньги с несчастного Тома. Это был настоящий шантаж, поскольку Сайлас в любую минуту мог донести на него. Бог мой! — вдруг вскричал он, потрясённый пришедшей ему в голову мыслью. — Так вот почему полиция выбрала именно его! А я всё удивлялся: разве мало в Лондоне других медиумов? Теперь-то я припоминаю, ведь Том как-то говорил мне, что этот тип хотел научиться его искусству, но Том отказался ему помогать.

— А как он мог помочь? Разве этому можно научиться? — спросил Мелоун.

Мейли задумался.

— Пожалуй, мог, — сказал он наконец. — Но всё же в роли *лжемедиума* Сайлас Линден менее опасен, чем в роли медиума настоящего.

— Я не вполне улавливаю вашу мысль.

— Способности медиума в человеке можно развить, — объяснила миссис Мейли. — Можно даже сказать, что они заразительны.

— Это сродни тому, что в раннем христианстве называлось наложением рук, — добавил Мейли. — Таким образом передавалась чудотворная сила. В наши дни этот способ безвозвратно утерян, но если кто-то из присутствующих на спиритическом сеансе страстно жаждет такую силу

обрести, она может снизойти на него, особенно если он присутствует при работе настоящего медиума.

— Но что означают ваши слова, будто такие способности опаснее шарлатанства?

— Дело в том, что они могут быть использованы во зло. Уверяю вас, Мелоун, все эти разговоры о чёрной магии и злых силах — не пустые слова. Такие вещи существуют, и их основной источник — это медиумы-злодеи. В спиритизме можно добраться до таких областей, которые заставляют вспомнить о распространённой в народе идее колдовства, и было бы глупо это отрицать.

— Подобное привлекает подобное, — пояснила миссис Мейли, которая разбиралась в этих делах не хуже, чем муж, — и каждый получает своё. Если во время сеанса вы находитесь в обществе дурных людей, то неудивительно, если вызванные вами духи окажутся недобрыми.

— Так в спиритизме есть и опасные стороны?

— Любое дело может обернуться своей противоположностью, будучи извращено и использовано дурными людьми. Конечно, к ортодоксальному спиритизму это не имеет ни малейшего отношения, но мы должны отдавать себе отчёт в том, что подобная опасность существует, — иначе

не удастся противостоять ей во всеоружии. Я ни капельки не сомневаюсь, что средневековое колдовство — это не сказки, а вполне реальная вещь, и лучший способ защиты от такого рода деятельности — развитие лучших душевных качеств в человеке. А не обращать на это внимания означало бы открыть силам зла путь в мир.

Но тут самым неожиданным образом в разговор вмешался лорд Рокстон:

— Вот-вот, в прошлом году в Париже, как раз когда я там был, гремело имя некоего Лапэ, который увлекался чёрной магией и даже организовал несколько кружков. Я хочу сказать, в этом не было особого вреда, хотя не думаю, что вы назвали бы его деятельность высокодуховной.

— Как раз об этой стороне проблемы я хотел бы поподробнее узнать, чтобы отразить всё как можно объективнее в своих статьях, — сказал Мелоун.

— Справедливое желание, — сказал Мейли, — и совпадает с нашим: мы хотим, чтобы в этом деле не было неясностей.

— Ну что ж, молодой человек, если у вас найдётся неделька времени на поездку в Париж, я представлю вас этому Лапэ, — предложил Рокстон.

— Поразительное совпадение, но я тоже собирался съездить в Париж, — сказал Мейли. — Мой коллега доктор Мопюи из Института метемпсихоза[45] пригласил меня понаблюдать за серией экспериментов, которые он проводит при содействии медиума-галицийца. Меня, конечно, больше всего интересует религиозная сторона, но ею-то как раз чаще всего пренебрегают эти учёные мужи с континента. Что же касается тщательного и вдумчивого исследования психических факторов, то в этом плане они явно впереди, если не считать изысканий бедняги Кроуфорда из Белфаста, который вообще стоял в науке особняком. Я обещал Мопюи заглянуть в его лабораторию, — по-моему, он добился поразительных, я бы даже сказал, ошеломляющих в некотором отношении результатов.

— В каком смысле ошеломляющих?

— В последнее время духи материализовывались у него не в человеческом облике — это подтверждается фотографиями. Больше я вам ничего не скажу, коль уж мы вместе туда по-

---

[45] Notes: 45

Метемпсихоз — греческое название учения о переселении души и множественности её воплощений и существований в разных физических телах. Подробнее см. об этом «Книгу духов» Аллана Кардека, кн. 2, гл. 11, § 86.

едем; будет лучше, если вы отнесётесь ко всему непредвзято.

— Я обязательно поеду! — воскликнул Мелоун. — Думаю, мой патрон не станет возражать.

Принесли чай, весьма некстати прервав разговор, — так наши физические потребности грубо вторгаются в сферу высших духовных устремлений. Но Мелоуна не так-то легко было сбить с мысли.

— Вот вы говорите о злых силах. А доводилось ли вам вступать с ними в контакт?

Мейли взглянул на жену и улыбнулся.

— Мы сталкиваемся с ними постоянно, — сказал он. — Это неотъемлемая часть нашей деятельности. Можно даже сказать, мы уделяем ей особое внимание.

— Следует ли понимать вас в том смысле, что вы препятствуете появлению во время сеансов подобных сил?

— Не обязательно. Если есть надежда хоть чем-то помочь заблудшей душе из низших сфер, мы стараемся сделать это. Необходимо вызвать её на разговор, заставить поведать нам о своих горестях и печалях. У большинства из них нет злых намерений. Это просто несчастные, невежественные и чахлые существа, страдающие из-за

тех примитивных или ложных представлений, которые сложились у них на земле. Мы пытаемся им помочь, и подчас нам это удаётся.

— А как вы об этом узнаёте?

— Потом они являются к нам и рассказывают, чего им удалось достичь. Это довольно распространённая практика, которая получила у нас название «кружков спасения».

— Я слышал о них. Хотелось бы посетить собрание одного из таких кружков: ваши слова меня здорово заинтересовали. Спиритизм так многогранен, и я был бы крайне признателен, если бы вы помогли мне открыть для себя и эту его сторону.

Мейли задумался.

— Мы предпочитаем лишний раз не выволакивать этих несчастных существ на свет божий. А с другой стороны, хотя в полной мере вас нельзя причислить к спиритам, вы тем не менее показали, что относитесь к данному предмету с достаточным пониманием и сочувствием. — С этими словами он взглянул на жену, которая улыбнулась и благосклонно кивнула. — Ну вот вы и получили разрешение. Могу вам сообщить, что мы сами руководим небольшим «кружком спасения» и как раз сегодня ровно в пять часов

состоится один из еженедельных сеансов. Наш медиум — мистер Тербейн. Обычно мы не приглашаем никого, кроме священника Чарльза Мейсона, но, если вы хотите приобщиться к нашей деятельности, будем рады вашему присутствию. Тербейн скоро придёт. Он служит носильщиком на вокзале, поэтому не может свободно распоряжаться своим временем. Да-да, медиумическая сила способна неожиданным образом обнаруживаться в самых скромных представителях рода людского. Так уж от века заведено: пророками древности чаще всего становились рыбаки, плотники, шатёрники или погонщики верблюдов. Да и в наши дни наивысшим медиумическим даром в Англии наделены шахтёр, ремесленник, носильщик, матрос с баржи да подёнщица. История повторяется, и жалкий судейский, приговоривший Тома Линдена, — воплощение Феликса[46], устроившего судилище апостолу Павлу. Всё возвращается на круги своя.

Глава десятая

---

[46] Notes: 46

Феликс (Деян. 22:24–26) — римский правитель Иудеи во времена апостола Павла, ок. 53 г. после Р. Х.

«De Profundis»[47]

Наши герои ещё не закончили чаепитие, когда доложили о прибытии преподобного Чарльза Мейсона. Ничто так не сближает людей, как духовные искания, поэтому неудивительно, что Рокстон и Мелоун, лишь однажды видевшие этого человека, мгновенно почувствовали к нему симпатию, какой не испытывали к людям, знакомым им на протяжении многих лет. Подобное родство душ — неотъемлемая часть таких сообществ. Когда в дверях показалась долговязая и неуклюжая фигура священника — лицо озарено доброй улыбкой, ясным светом лучатся глаза, — им показалось, что вошёл близкий друг. Мейсон сердечно приветствовал собравшихся.

— Всё в трудах да в заботах! — воскликнул он, пожимая каждому руку. — Надеюсь, новые впечатления не будут столь ужасны, как то, что нам пришлось испытать в прошлый раз.

— Клянусь Богом, — ответил Рокстон, — с тех пор я не устаю восхищаться вами, отец мой!

— Да что же такое он совершил? — с любопытством спросила миссис Мейли.

---

[47] Notes: 47
«Из бездны» *(лат.)* — начало молитвы.

— Нет-нет, ничего особенного! — воскликнул Мейсон. — Просто я в меру своих скромных сил попытался направить на путь истинный заблудшую душу. И хватит об этом! Хотя именно ради подобных дел мы еженедельно собираемся в доме наших милых хозяев. Ведь сам мистер Мейли научил меня этому мастерству.

— Что ж, у нас большой опыт по сей части, — отозвался Мейли. — И вы, Мейсон, играете здесь не последнюю роль.

— Но я никак не пойму главного! — прервал их Мелоун. — Прошу вас, просветите меня на этот счёт! Допустим, я соглашусь с вашей гипотезой о том, что мы окружены вполне материальными духами, привязанными к земле, которые не могут понять, куда они попали и что с ними происходит. Я правильно излагаю вашу теорию?

Супруги Мейли кивнули в знак согласия.

— Но у них есть умершие родственники или друзья, которые, возможно, иначе ощущают себя на том свете и осведомлены о печальной участи своих собратьев. Им открыта истина. Не кажется ли вам, что они могут помочь этим несчастным намного лучше, чем мы?

— Вполне уместный вопрос, — сказал Мейли. — Конечно же, мы задавали его духам и теперь

знаем ответ. Дело в том, что они *буквально* привязаны к земле, ибо слишком плотны и тяжелы для того, чтобы подняться вверх. Остальные же, вероятнее всего, находятся в духовной сфере очень далеко от них. Наши подопечные объясняют, что они намного ближе к нам. К тому же нас они хорошо знают, а тех, что наверху, — нет. Поэтому именно нам сподручнее установить с ними контакт.

— Как-то нам явилась такая милая и несчастная тёмная душа…

— Моя жена любит всех и вся, — пояснил Мейли. — Она готова беседовать даже с несчастным заблудшим дьяволом.

— Конечно же, они заслуживают жалости и любви! — воскликнула прелестная дама. — Неделя за неделей мы заботились о бедняжке — а его действительно вызвали из самого глухого уголка, — и однажды он в восторге вскричал: «Матушка явилась! Моя матушка здесь!» Мы, естественно, спросили его, почему она не приходила раньше. «Как же она могла прийти, — ответил он, — если я находился в такой тьме, что она не в состоянии была меня разглядеть!»

— Всё это хорошо, — сказал Мелоун, — но, насколько я понимаю вашу идею, за всем следит

некий высший дух, наставник или руководитель, который и приводит страдальца к вам. Если он осведомлён о существовании такового, то есть все основания полагать, что и в более высоких духовных сферах могут знать о нём.

— Нет, — ответил Мейли, — это миссия, выполнение которой доверено лишь ему. Приведу случай, иллюстрирующий, насколько одна сфера отделена от другой. Однажды нас посетила некая заблудшая душа. Наши привычные визитёры даже не подозревали, что она находится среди них, пока мы не привлекли к ней их внимание. А когда мы спросили у заблудшей души, не видит ли она, что окружена подобными ей, то услыхали в ответ: «Я вижу свет, и больше ничего».

Беседу прервал приход мистера Джона Тербейна, носильщика с вокзала Виктория, полноватого человека с бледным и печальным лицом. Он был чисто выбрит и одет в цивильное платье, так что, кроме мечтательных и задумчивых глаз, ничто не выдавало в нём необычайного предназначения.

— Ну что, готова запись? — первым делом осведомился он.

Миссис Мейли с улыбкой протянула ему конверт.

— Мы давно её подготовили, можете на досуге

прочесть. Видите ли, — объяснила она, — бедный мистер Тербейн впадает в транс и поэтому не имеет ни малейшего представления о том, какие с его помощью вершатся дела, поэтому после каждого сеанса мы с мужем составляем отчёт — специально для него.

— И каждый раз я не устаю удивляться, — сказал Тербейн.

— Я полагаю, и гордиться, — добавил Мейсон.

— Ну, на этот счёт ничего не могу сказать, — застенчиво проговорил Тербейн. — Не думаю, что инструменту следует гордиться тем, что он попал в руки опытного мастера. Это, скорее, большая честь для меня.

— Милый, добрый Тербейн, — сказал Мейли, с нежностью кладя ему руку на плечо. — Чем лучше медиум, тем он щедрее душой — так говорит мне опыт общения с людьми. Главное в медиуме — отдавать себя без остатка другим, а это несовместимо с эгоизмом. Но давайте начинать, иначе мистер Чанг на нас рассердится.

— Кто это? — спросил Мелоун.

— О, вы скоро с ним познакомитесь. Нам не обязательно оставаться за столом, вполне можно расположиться у камина. Давайте приглушим свет… вот так. Устраивайтесь поудобнее. Тербейн,

вы можете откинуться на подушки.

Медиум, сидевший в углу дивана, тут же впал в дрёму. Мейли и Мелоун держали наготове ручку и блокнот, ожидая дальнейших событий.

И они не заставили себя ждать. Неожиданно Тербейн сел, но это был уже не прежний Тербейн, а новая, властная личность, обладающая живым умом. Его лицо также преобразилось: на губах заиграла загадочная улыбка, глаза стали раскосыми и удлинёнными, все черты — более выразительными. Руки он втянул в рукава своего синего пиджака.

— Добрый вечер. — Теперь он говорил решительно, короткими, отрывистыми фразами. — Новые лица! Кто же они?

— Добрый вечер, Чанг, — ответил хозяин дома. — С мистером Мейсоном вы уже знакомы, это — мистер Мелоун, изучающий спиритизм. А вот — лорд Рокстон, который оказал мне сегодня неоценимую услугу.

Каждое новое имя Тербейн приветствовал плавным жестом, как это принято на Востоке, прикладывая руку ко лбу, а затем с поклоном опуская её вниз. Его манера держаться была исполнена достоинства и разительно отличалась от поведения незаметного маленького человечка,

который сидел в комнате минуту назад.

— Лорд Рокстон, — повторил он. — Английский милорд! Я знал один лорд… Лорд Маккарт… Нет, не могу выговаривать… Увы! Тогда я называл его «чужеземный дьявол». Чанг много видеть на своём веку.

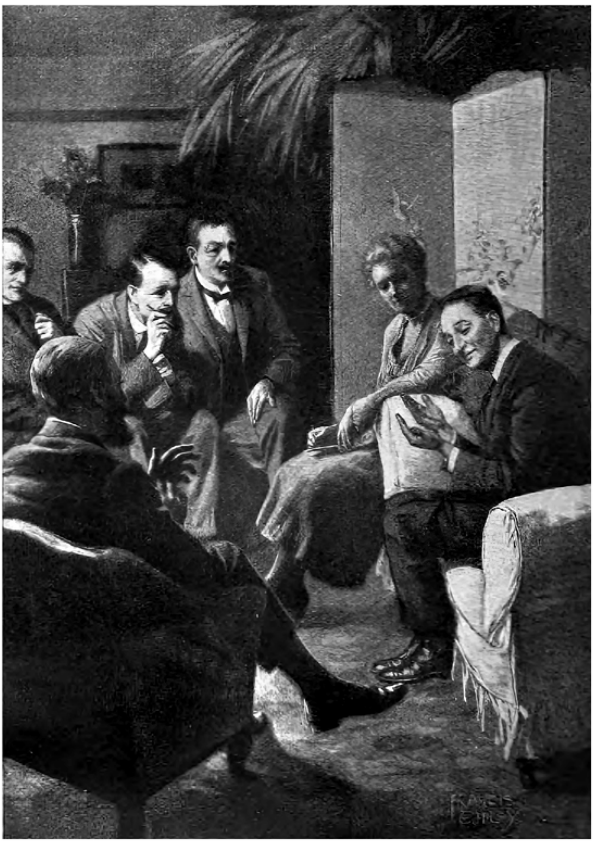
— Он имеет в виду лорда Макартни. Всё, о чём он говорит, происходило лет сто назад. Чанг жил как раз в те времена; тогда он был великим философом, — пояснил Мейли.

— Нет терять время! — воскликнул дух-поводырь. — Сегодня слишком много дел! Толпа ждёт. Кто-то новый, кто-то старый. Странный народ попадается в мою сеть. А теперь я ухожу. — И медиум вновь откинулся на подушки. Не прошло и минуты, как он снова вскочил. — Я хочу поблагодарить вас, — сказал он на безупречном английском. — Я уже был здесь две недели назад. Теперь я обдумал ваши слова, и путь мой стал яснее.

— Так вы тот дух, который не верил в Бога!

— Да, да! Но я говорил это в запальчивости. Я был тогда так несчастен, так несчастен! О, время, бесконечное время, серый туман, тяжкий груз раскаяния! Безнадёжность! Безнадёжность! А вы мне вернули покой — вы и этот дух великого

китайца. От вас я услышал первые после смерти слова утешения.



— Когда же вы умерли?

— О! Кажется, с тех пор прошла вечность: у нас время изменяется не так, как в мире живых. Это долгий и жуткий сон, без перерывов и перемен.

— А кто царствовал тогда в Англии?

— Королева Виктория. Я настроил свой дух на материализм, вот он и прирос к материи. Я не верил в загробную жизнь. Теперь-то я знаю, как глубоко заблуждался на этот счёт, но поначалу моему духу было трудно приспособиться к новым условиям.

— Вам плохо там, где вы сейчас пребываете?

— Там всё так… так однообразно, и это самое тяжкое. Всё, что меня окружает, поистине ужасно.

— Но там много душ, вы там не один.

— Это так, но остальные знают не больше, чем я. Они так же злобствуют и сомневаются и чувствуют себя при этом глубоко несчастными.

— Вы скоро покинете это место.

— Бога ради, скорее помогите мне!

— Несчастная душа, — проговорила миссис Мейли своим нежным, ласковым голоском, способным кого угодно к ней расположить, — вы так страдали. Но постарайтесь не думать о себе, подумайте о других. Помогите кому-нибудь из

них подняться, и тем самым вы поможете себе.

— Спасибо вам, милая леди, я так и поступлю. Кстати, я привёл с собой одного из них. Он слышал ваши слова. Теперь мы вместе, и, возможно, когда-нибудь нам откроется свет.

— Хотите ли вы, чтобы мы молились за вас?

— О да, конечно!

— Я помолюсь за вас, — сказал Мейсон. — Вы «Отче наш» помните?

Мейсон начал произносить слова старинной универсальной молитвы, но не успел он закончить, как Тербейн вновь рухнул на подушки. Поднялся он уже Чангом.

— С ним всё в порядке, — произнёс он. — Он уступает место другим страждущим. Это хорошо. Сейчас — сложный случай! О! — Он потешно вскрикнул в знак осуждения и повалился на диван. В следующее мгновение он поднялся — с торжественным выражением лица, сложив руки, словно для молитвы. — Что происходит? — надменно отчеканил он. — Я желаю знать, по какому праву этот китаец вызвал меня сюда. Возможно, вас не затруднит просветить меня на сей счёт.

— Да, скорее всего, мы сможем вам помочь.

— Когда мне нужна помощь, сэр, я имею обыкновение просить об этом сам. В настоящее время я

в ней не нуждаюсь. Всё ваше поведение указывает на то, что вы слишком много себе позволяете. Насколько я понял со слов китайца, я являюсь невольным свидетелем какого-то религиозного обряда.

— Мы представляем собой спиритический кружок.

— В высшей степени вредная секта. Крайне порочная практика. Как скромный приходский священник, я протестую против подобного богохульства!

— Ваши узколобые взгляды связывают вас по рукам и ногам, и от этого страдаете только вы сами. Мы хотим вас освободить.

— Я страдаю? Что вы имеете в виду, сэр?

— Сознаёте ли вы, что отправились на тот свет?

— Что за чушь!

— Разве вы не знаете, что вы мертвы?!

— Если бы я был мёртв, то как бы я смог с вами говорить?

— Ваш дух использует тело этого господина.

— Ну конечно, теперь всё ясно: я попал в сумасшедший дом.

— Да, это действительно сумасшедший дом — для таких случаев, как ваш. Вы счастливы там?

— Счастлив? Ну нет. Мне даже непонятно, где я нахожусь.

— Помните ли вы, что были больны?

— Да, я был серьёзно болен.

— Настолько серьёзно, что в конце концов умерли.

— Определённо, вы сошли с ума!

— Почему же вы так уверены, что живы?

— Сэр, я должен дать вам несколько религиозных наставлений. Если умирает человек, проживший праведную жизнь, то его душа обретает достойную оболочку и соединяется с ангелами. Я же пока нахожусь в своей земной оболочке, в месте крайне однообразном и скучном. Хотя существа, в компанию которых я попал, не имеют ничего общего с теми людьми, с которыми я привык иметь дело в жизни, но и ангелами их тоже не назовёшь. Так что ваше абсурдное предположение не имеет под собой никаких оснований.

— Перестаньте обманывать себя. Мы хотим вам помочь, но вам придётся маяться в том мире до тех пор, пока вы не осознаете своего положения.

— Вы испытываете моё терпение. Разве я не сказал вам, что…

С этими словами медиум повалился на диван, а через несколько мгновений возник в образе

китайца-поводыря — с загадочной улыбкой на устах и втянутыми в рукава руками:

— Хороший человек… Неумный человек… Скоро всё поймёт. Вызвать его ещё раз. А сейчас — не терять время. О боже мой! Помогите! На помощь! Спасите!

Он повалился навзничь на диван, его тело вытянулось, а крики были настолько ужасны, что все собравшиеся вскочили со своих мест.

— Пилу! Скорее несите пилу! — завопил медиум, но его крик перешёл в стон.

Даже Мейли был взволнован; остальные стояли, объятые ужасом.

— В него кто-то вселился, но я не могу понять кто. Наверно, какой-то дух, несущий мощный заряд зла.

— Может быть, мне с ним заговорить? — спросил Мейсон.

— Давайте немного подождём и посмотрим, что будет дальше. Скоро всё прояснится.

Медиум корчился в муках.

— Господи! Почему вы не несёте пилу? — кричал он. — Меня придавило! Вы слышите, как хрустнула кость? Хокин! Хокин! Вытащите меня! Уберите бревно! Нет, так ещё хуже! Во мне всё словно горит! О горе, горе мне!

От его криков кровь стыла в жилах. Все онемели от ужаса. А через секунду на них уже смотрели раскосые глаза Чанга.

— Что вы об этом думаете, мистер Мейли?

— Ужасное зрелище, Чанг. Что это было?

— Это для него. — Чанг кивнул в сторону Мелоуна. — Он хочет историю для газеты. Он поймёт. Время нет объяснять. Слишком много ждут. Следующий — моряк. Вот он!

Китаец исчез, а по лицу медиума скользнула живая, озадаченная улыбка. Он почесал голову.

— Ну и дела, чёрт меня дери, — сказал он. — Никогда не думал, что мною будет командовать какой-то китаёза, но он меня позвал, и вот приходится, чтоб ему пусто было, идти без разговоров. Так вот он я. Чего вы хотели?

— Да, собственно, ничего.

— Странно. А китаёза, наверно, подумал, что вам чего-то от меня нужно, вот и вытолкал меня сюда.

— Скорее вы нуждаетесь в нас. Вам необходимо знание.

— Это точно, я и впрямь чуток сбился с курса. Я знаю, что мёртв, потому что нашего артиллериста разорвало на части прямо у меня на глазах. А раз он мёртв, то и я мёртв — мы все как один до

последнего человека. А мы-то смеёмся над нашим священником, потому что он, как и все мы, не может ничего понять. Бедняга-поп, чёрт бы его подрал, — я так думаю о нём про себя. И вот мы все теперь бороздим дно.

— А как назывался ваш корабль?

— «Монмут».

— Это тот, что затонул, сражаясь с немецким кораблём?

— Так точно. В Южной Америке. Это был настоящий ад. Да, именно настоящий ад. — Чувства переполняли его. — Но, — уже бодрым тоном добавил он, — я слышал, они тоже полегли. Это так, сэр?

— Да, они все пошли ко дну.

— Мы не встречали их здесь. Может, так оно и лучше. А то ведь мы зла не забываем.

— И напрасно, — сказал Мейли. — В этом ваша беда. Именно поэтому наш китаец-поводырь вас сюда и привёл. Мы должны вас наставить на путь истинный. И передайте наши слова своим друзьям.

— Благослови вас Господь, сэр, все они здесь, у меня за спиной.

— Ну, тогда слушайте и внимайте: прошло время мыслей о мести и земных страстей. Ва-

ши помыслы должны быть устремлены вперёд. Оставьте землю, к которой вас всё ещё притягивают воспоминания, и думайте лишь о том, как бы сделать свои устремления бескорыстными и достойными более возвышенной, покойной и прекрасной жизни. Вы в состоянии это понять?

— Я постараюсь, сэр. И они тоже. Мы нуждаемся в рулевом, сэр, потому что не знаем, как себя вести, и мы никак не ожидали, что попадём в такую переделку. Мы слышали, что есть рай и ад, но место, где мы оказались, не похоже ни на то, ни на другое. Вот этот китайский джентльмен говорит, что наше время истекло, но мы сможем с вами повидаться на следующей неделе. Благодарю вас, сэр, от себя лично и от своих товарищей. Мы ещё придём.

Наступила тишина.

— Это просто невероятно, — задыхаясь, вымолвил Мелоун. — Интересно, что сказали бы читатели, если бы я описал этот моряцкий жаргон и его манеру говорить и в конце сообщил, что он явлен нам миром духов?

Мейли пожал плечами:

— Какая разница, что скажут читатели? Когда я только начинал заниматься спиритизмом, я был крайне впечатлителен и чувствителен ко всему,

но сейчас нападки газетчиков беспокоят меня меньше, чем выстрел из винтовки по танковой броне. Честно говоря, они мне глубоко безразличны. Наша задача — как можно ближе подойти к истине, а всё остальное предоставим другим.

— Признаться, я не больно-то разбираюсь в этих делах, — сказал Рокстон, — но больше всего меня поражает, что, оказывается, все они — простые скромные люди. Так почему же они вынуждены блуждать во тьме и являться сюда по желанию этого китайца, если при жизни не причинили никому вреда?

— Всё дело в мощных узах, связывающих их с землёй, и в отсутствии каких-либо духовных связей у каждого из них, — объяснил Мейли. — Например, священник — он зашорен догматами и канонами. Или материалист — он всю жизнь верил исключительно в торжество материи. Моряк вынашивает планы мести. Да здесь их мириады.

— Где это «здесь»? — не понял Мелоун.

— Здесь, — повторил Мейли, — на поверхности земли. Вы и сами могли в этом убедиться, когда ездили в Дорсетшир. Всё, что происходило там, происходило на земле. Это был вопиющий случай, что сделало его ещё более зримым и наглядным, но в целом он не является исключением

из общего правила. Мне кажется, что земля буквально наводнена привязанными к ней душами, и когда начнётся, как говорится в пророчествах, великое очищение, это будет не только во благо им, но и во благо живущим на земле.

Мелоун вспомнил странного провидца Миромара и его речь на собрании членов Спиритуалистической церкви в тот вечер, когда они с Энид впервые посетили её.

— Вы что же, полагаете, что грядёт какое-то бедствие?

Мейли улыбнулся.

— Это слишком долгий разговор, сейчас не до него, — сказал он. — Я полагаю… Но — вот опять появился Чанг!

Дух-проводник вступил в разговор.

— Я вас слышал. Я сижу и слушаю вас, — сказал он. — Вы говорите о том, что произойдёт. Пусть предначертанное свершится! Время ещё не пришло. Когда же настанет час узнать правду, вам сообщат. Запомните это. Всё к лучшему. Всё, что ни происходит, — всё к лучшему. Бог не совершает ошибок. Вокруг меня те, кто нуждается в вас, я ухожу.

Быстро сменяя друг друга, перед собравшимися прошли несколько духов. Один из них оказался

архитектором, который сообщил, что жил в Бристоле. Он не творил зла, он просто отметал от себя любые мысли о будущем, и вот теперь скитается во тьме, и ему нужно указать путь. Другой дух жил в Бирмингеме. Он был образованный человек, но материалист. Мейли никак не удавалось убедить его в том, что он действительно умер. Затем появился очень шумный и рьяный субъект, отличавшийся крайне примитивными религиозными взглядами, ограниченный и нетерпимый. Он постоянно повторял слово «кровь».

— Что это за непристойный балаган? — несколько раз спросил он.

— Это не балаган. Мы здесь для того, чтобы вам помочь, — ответил Мейли.

— Я не нуждаюсь в помощи дьявола!

— Неужели вы полагаете, что дьявол станет заниматься тем, чтобы спасать заблудшие души?

— Это одна из его уловок! Говорю вам, это от лукавого! Имейте в виду, я не желаю принимать в этом участие!

Тут же незамедлительно возник спокойный, загадочный китаец.

— Хороший человек. Глупый человек, — ещё раз повторил он. — Много время. Поймёт лучше когда-нибудь. Теперь — тяжёлый случай… Очень

плохой случай. Ох!

Он откинулся на подушки и не поднялся даже тогда, когда женский голос позвал:

— Джанет! Джанет!

После некоторой паузы голос раздался вновь:

— Джанет, ты слышишь?! Где утренний чай? Джанет! Нет, это невыносимо! Сколько можно тебя звать! Джанет! — Фигура на диване приподнялась, моргая и протирая глаза. — Что происходит? Кто вы? И по какому праву находитесь здесь? Известно ли вам, что это мой дом?!

— Простите, но это мой дом.

— Ваш?! Да как же это может быть, если я нахожусь у себя в спальне? Сейчас же убирайтесь отсюда вон!

— Сожалею, но вы не понимаете, где находитесь.

— Я сейчас же прикажу, чтобы вас выгнали взашей! Какая наглость! Джанет! Джанет! Похоже, сегодня утром никто не хочет позаботиться обо мне.

— Оглянитесь вокруг, мадам! Разве это ваша спальня?

Тербейн ошалело поглядел вокруг:

— Да я в жизни не видала этой комнаты! Где я? Что же всё это значит? Вы производите впечат-

ление приятной дамы. Ради бога, объясните мне, что происходит! Мне так страшно, так страшно! Где же Джон и Джанет?

— Вы ничего не припоминаете?

— Я помню, что строго отчитала Джанет. Это, видите ли, моя горничная, она в последнее время стала такой небрежной. Да, я сердилась на неё. Я настолько рассердилась, что даже слегла. Врачи рекомендовали мне не волноваться, но как можно заставить себя не волноваться? Ещё я помню, что начала задыхаться и тогда попыталась позвать Джанет… Но почему я оказалась в другой комнате?..

— Ночью вы переселились в мир иной.

— В мир иной? Вы хотите сказать, что я умерла?!

— Да, мадам, именно так.

Некоторое время длилось молчание, а затем раздался истошный вопль:

— Нет, этого не может быть! Это сон! Ночной кошмар! Разбудите меня! Слышите, разбудите! Я не могла умереть! Я ещё не готова умереть! Мне такое и в голову не могло прийти! Но если я умерла, то почему я не в аду, не на небесах? Что это за комната? Ведь это обычная комната.

— Да, мадам, вас привели сюда и позволили

воспользоваться телом этого господина.

— Господина?! — Она судорожно ощупала пиджак и провела рукой по лицу. — Да, это мужчина… Значит, я мертва! Я умерла! Что же мне теперь делать?

— Вы здесь для того и находитесь, чтобы мы могли вам всё объяснить. Вы, насколько я понимаю, были светской дамой, обеими ногами стоящей на земле. И вас в этой жизни интересовали только материальные блага.

— Я ходила в церковь. Каждое воскресенье, в церковь Спасителя.

— Это ещё ничего не значит. В расчёт принимается только ежедневная духовная жизнь, а вы жили лишь материальным. Потому-то вы и привязаны сейчас к земле. Когда вы покинете тело этого господина, вы вновь окажетесь в собственном теле, в знакомой обстановке, но никто вас не увидит. Вы останетесь невидимкой, сколь бы ни пытались привлечь к себе внимание. Вашу телесную оболочку похоронят, но вы по-прежнему будете существовать, такая же, как всегда.

— Но что же мне делать? Что я могу сделать, а?

— Вам следует принять всё происходящее с лёгким сердцем, понимая, что это необходимо для вашего очищения. Мы можем освободиться

от материальной оболочки, только пройдя через страдание. Всё будет хорошо. Мы станем молиться за вас.

— О, пожалуйста! Мне это сейчас необходимо! О господи!.. — Голос затих вдали.

— Нехороший случай, — сказал, поднимаясь с подушек, китаец. — Эгоистичная женщина, плохая женщина. Живёт для удовольствия. Плохо обращается с теми, кто вокруг. Ей придётся много страдать. Но вы направить её по верный путь. Мой медиум устал. Многие ждут, но сегодня мы больше не примем никого.

— Доброе ли дело мы делаем, Чанг?

— Много добра, много добра.

— А где все эти люди, Чанг?

— Я уже вам говорил.

— Это так, но я хочу, чтобы ваш рассказ услышали и эти джентльмены.

— Семь сфер окружают Землю, самые тяжёлые внизу, самые лёгкие — наверху. Первая сфера — на Земле. Эти люди находятся в ней. Каждая сфера отделена от другой, поэтому вам легче общаться с этими людьми, чем теми, кто находится в других сферах.

— А им, соответственно, легче общаться с нами?

— Да. Но надо быть осторожным, когда не знаешь, с кем говоришь. Надо прежде расспросить духа.

— А к какой сфере принадлежите вы, Чанг?

— Я из четвёртой сферы.

— А в какой по счёту сфере духи начинают чувствовать себя поистине счастливыми?

— В третьей. Страна вечного лета. В Библии она названа «третьим небом». Много мудрости в Библии, только людям не дано её постичь.

— А седьмое небо?

— О! Там пребывает Мессия. В конце концов все попадут туда — вы, я, все.

— А что за ним?

— Слишком много вопросов, мистер Мейли. Бедный старый Чанг не знать так много. А теперь прощайте! Да благословит вас Господь! Я ухожу.

Сеанс закончился, а через несколько мгновений Тербейн, бодрый и улыбающийся, уже сидел на диване, явно не помня ни о чём, что произошло. Он не располагал лишним временем, к тому же жил достаточно далеко, поэтому сразу же собрался уходить, унося с собой единственную награду за труды — благословение тех, кому он помог. Маленький, скромный, бескорыстный человек — где окажется он, когда все мы займём истинные

места, предназначенные для нас Творцом, по ту сторону добра и зла?

Но на этом собрание не закончилось: гостям хотелось поговорить, а чете Мейли — послушать.

— Я хочу сказать, — начал Рокстон, — что тут, конечно, крайне интересно, но в то же время налицо элемент спектакля, вам не кажется? Трудно поверить, что всё происходит на самом деле, — надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Мне тоже так показалось, — отозвался Мелоун. — Разумеется, на первый взгляд это просто невероятно. Это настолько необыкновенно, что на таком фоне все события реальной жизни, бесспорно, отходят на второй план. Но человеческий рассудок полон загадок. Я читал об экспериментах Мортона Принса, мисс Бошам и других, а также о результатах опытов Шарко и о школе гипноза под руководством Нанси. Так вот, они при помощи гипноза могут создать из человека абсолютно новую личность. Дело в том, что наш мозг напоминает верёвку, которую можно расщепить на множество нитей, и каждая нить — это как бы отдельный человек, особая сторона личности, которая, будучи вычленена во время гипнотического сеанса, может действовать и говорить от своего имени. Конечно, мистер Тер-

бейн производит впечатление честного человека, который вряд ли станет заниматься мистификацией, но можем ли мы быть уверены в том, что он не находится под воздействием самогипноза, в результате чего одна сторона его сознания приобретает черты мистера Чанга, другая превращается в моряка, а третья — в светскую даму и так далее?

Мейли рассмеялся.

— В каждом человеке живёт свой мистер Хайд[48], — сказал он, — но это справедливое возражение, поэтому его следует рассмотреть.

— Мы тщательно исследовали несколько случаев, — вступила в разговор миссис Мейли, — всё сходится — имена, адреса, словом, всё.

— А может быть, мистер Тербейн просто применяет на практике свои знания. Может быть, он заранее всё разузнал. Как носильщик, работающий на вокзале, он имеет доступ к самой разнообразной информации.

— Вы присутствовали только на одном сеансе, — заметил Мейли. — Но стоит вам повидать столько же, сколько видели мы, и вы сможете

---

[48] Notes: 48

Зловещий герой повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», бывший воплощением подсознательного «я» главного героя — д-ра Джекила.

оценить совокупное значение этих свидетельств, что значительно умалит ваш скепсис.

— Вполне возможно, — сказал Мелоун. — Понимаю, мои сомнения вам крайне неприятны, но берусь утверждать, что в таких делах необходима предельная честность. Как бы то ни было, мне редко доводилось испытать что-либо подобное. Боже милостивый! Если то, что я видел, правда и если бы у нас были тысячи таких кружков, то какое возрождение духа могло бы нас ожидать!

— Такое время обязательно наступит, — ответил Мейли своим спокойным и решительным голосом. — Надеюсь, мы до него доживём. Жаль, что наш сеанс не убедил вас окончательно, но смею надеяться, вы ещё не раз будете нашим гостем.

Однако случилось так, что дальнейшие опыты оказались излишними: в тот же вечер Мелоун получил в высшей степени убедительные доказательства, причём самого неожиданного свойства. Не успел он вернуться в редакцию и расположиться за письменным столом, чтобы набросать беглый отчёт об увиденном, как в комнату ворвался Мейли; его рыжая борода тряслась от возбуждения. Он размахивал номером «Ивнинг ньюс». Ни слова не говоря, он уселся возле

Мелоуна, развернул газету и начал читать:

ХРОНИКА ПРОИСШЕСТВИЙ

Сегодня около пяти часов вечера неожиданно рухнул старинный дом, который, как считалось, был построен ещё в пятнадцатом веке. Он стоял на углу Лессер-Кольман-стрит и Эллиот-сквер, рядом со штаб-квартирой Ветеринарного общества. Большинство жильцов, напуганных оглушительным треском, успели выскочить на улицу, однако три человека: Джеймс Билль, Уильям Мэрсон и какая-то женщина, имя которой установить не удалось, – были придавлены обрушившейся им на голову лавиной брёвен и камней. Двое сразу скончались, а третий, Джеймс Билль, оказался под огромным бревном и громко взывал о помощи. Принесли пилу, и один из жильцов, Самюэль Хокин, доблестно пытался освободить несчастного. Пока он пилил бревно, рядом с ним, среди обломков, начался пожар, и хотя он держался до последнего и продолжал работу, пока сам не оказался в огне, спасти Билля не удалось. Тот, вероятно, скончался от удушья. Хокин был доставлен в больницу, и сейчас его жизнь вне опасности.

— Вот так-то! — заключил Мейли, складывая газету. — А теперь, мистер Фома неверующий, я предоставляю вам самому делать выводы.

С этими словами ярый поборник спиритизма удалился — столь же стремительно, как и вошёл.

Глава одиннадцатая, в которой Сайлас Линден получает по заслугам

Сайлас Линден, лжемедиум и бывший чемпион, знавал в жизни и неплохие деньки — деньки, богатые событиями, к каким бы последствиям, плохим или хорошим, они ни вели. Был момент, когда он поставил сто против одного на кобылу по кличке Розалинда, а затем на выигрыш пил не просыхая сутки подряд[49]. Было и так, что его излюбленный правый апперкот в высшей степени точно и артистично совместился с выступающим подбородком Булла Уордела из Уайтчейпела, что в значительной степени приблизило его к получению «Пояса Лонсдейла» — высшей награды боксёров-профессионалов. Но во всей его разно-

[49] Notes: 49

Да, замечательный пример человеческого счастья, удачи и везения! Как тут не вспомнить смешной и горький рассказ М. Зощенко, так и озаглавленный: «Счастье»!

образной жизни не выдавалось ещё такого дня, как этот, поэтому нам имеет смысл пройти его с Сайласом до конца. Религиозные люди утверждают, что человеку с нечистыми помыслами опасно прикасаться к духовному. Жизнь Сайласа Линдена в полной мере могла стать подтверждением подобной точки зрения. Чаша его грехов была переполнена задолго до того, как пробил час расплаты.

Когда он покинул дом Альджернона Мейли, у него были все основания утверждать, что хватка у лорда Рокстона хоть куда. В пылу битвы он едва ли мог осознать понесённый им телесный ущерб, но теперь, за порогом дома, он стоял, держась рукой за изрядно помятое горло, не уставая извергать всё новые проклятия. Его грудь болела там, где Мелоун придавил её коленом, и даже единственный удачный удар, отбросивший Мейли к стене, не прошёл для него даром, ибо был нанесён той самой покалеченной рукой, на которую он жаловался брату. Словом, Сайлас Линден пребывал в безобразном настроении, и на то, как можно видеть, имелись существенные причины.

— Я ещё доберусь до вас, — злобно бормотал он, косясь своими поросячьими глазками на дверь, откуда его только что выставили. — Погодите, я

вам ещё покажу!

Затем, внезапно озарённый какой-то мыслью, он пошёл вниз по улице.

Направился он к полицейскому участку на Бардсли-сквер, где зашёл к инспектору Мерфи, румяному и жизнерадостному здоровяку с лихо закрученными усами.

— Ну, зачем пришёл? — не очень-то дружелюбно спросил инспектор.

— Я слыхал, вы взяли одного медиума за жабры.

— Да, есть такое дело. Оказывается, он твой брат.

— Ну и что? По мне, что брат, что сват. Главное, вы получили подсудимого и обвинительный приговор. А где моя доля?

— У меня для тебя ни шиллинга.

— Что?! Да разве не я вас навёл?! Что бы вы делали, если бы я не указал вам, где его логово?

— Если бы ему присудили штраф, может, я бы и выговорил тебе что-нибудь, да и нам бы перепало. Но мистер Мелроуз отправил его в тюрьму, так что никому ничего не обломилось.

— Врёте вы всё. Уж эти две бабы своё получили. И с какой стати мне сдавать полиции родного брата, чтобы с этого поживилась ваша братия? В

следующий раз сами ищите себе подсудимого.

Мерфи был человек вспыльчивый и к тому же с обострённым чувством своей большой значимости и вовсе не собирался сносить оскорбления в собственном кабинете. Он покраснел и поднялся из-за стола:

— Вот что я тебе скажу, Сайлас Линден. Я мог бы сам найти всё, что мне нужно, не выходя из этой комнаты. А ты лучше убирайся отсюда, да поскорей, иначе придётся задержаться здесь чуток подольше, чем тебе хотелось бы. У нас и на тебя есть жалобы: ты дурно обращаешься со своими детьми, и благотворительное общество уже начало проявлять к этому делу интерес. Смотри, как бы мы тоже тобой не заинтересовались.

Сайлас Линден вылетел из комнаты, вне себя от гнева, и даже пара стаканчиков рома, которые он перехватил по дороге домой, не привела его в чувство. Напротив, он принадлежал к породе людей, которые только распаляются от выпивки. Мало кто из его дружков соглашался пить с ним.

Сайлас жил в одном из небольших кирпичных домов, образующих улицу Болтонс-корт, что расположена на задворках Тоттенем-Корт-роуд. Дом стоял в конце улицы, в тупике, причём одна из стен была общей с пивоварней. Комнатушки в

домах были настолько малы, что обитатели квартала предпочитали проводить время на улице. Когда в свете единственного фонаря показалась коренастая фигура Сайласа, старики, вышедшие подышать свежим воздухом, проводили его неодобрительным взглядом: хотя моральные устои Болтонс-Корта были невысоки, некоторая социальная градация там всё-таки существовала, причём Сайлас занимал в ней последнее место.

У порога своего дома стояла Ребекка Леви, высокая худая еврейка с крючковатым носом, — она жила как раз по соседству с нашим чемпионом. К её ногам, держась за подол, жался ребёнок. Глаза её сверкали от гнева.

— Мистер Линден, — сказала она, когда Сайлас поравнялся с ней, — вам следует лучше присматривать за детьми. Сегодня ко мне приходила малышка Марджери. Девочка всегда голодна!

— Не суй свой нос в чужие дела, чёрт тебя подери! — прорычал в ответ Сайлас. — А я ведь уже тебя предупреждал. Будь ты мужчиной, мы бы иначе с тобой поговорили!

— Будь я мужчиной, ты бы вряд ли осмелился так со мной говорить. Стыдно, Сайлас Линден, так обращаться с этими несчастными крошками. Если дело дойдёт до суда, уж я найду что сказать.

— Пошла к чёрту! — ответил Линден, ногой открывая дверь своей халупы.

Из гостиной выглянула крупная, неряшливо одетая женщина, с копной крашеных волос и остатками былой красоты, некогда цветущей, а теперь несколько перезрелой.

— А, это ты, — сказала она.

— А ты думала кто? Герцог Веллингтонский?

— Я думала, это взбесившийся бык сорвался с цепи и впёрся рогами в нашу дверь.

— Шутишь, да?

— Считай, что так, хотя особого повода для шуток нет. В доме ни гроша, всё пиво выпили, да ещё от этих твоих паршивых детей одно расстройство.

— Что они ещё натворили? — хмуро спросил Сайлас.

Когда эта достойная чета не находила повода повздорить друг с другом, они объединялись против детей. Сайлас прошёл в гостиную и плюхнулся в кресло.

— Им опять являлось видение твоей первенькой.

— Ты-то откуда знаешь?

— А я слышала, как он что-то такое говорил девчонке. Мол, матушка была здесь. А потом с

ним случился один из его припадков.

— Это у него в крови.

— Ну конечно, — ответила женщина. — А работают за него пусть дураки.

— Заткнись, женщина! У моего братца Тома тоже случаются припадки, а этот парень — точная копия своего дядюшки. Так, говоришь, он впадал в транс? Ну а ты что?

Женщина злобно ухмыльнулась:

— Я поступила так же, как ты.

— Что, опять капала на него сургучом?

— Так, чуть-чуть. Только чтобы разбудить. Это единственный способ привести его в чувство.

Сайлас пожал плечами:

— Берегись, малышка. Что-то нас стали последнее время полицией пугать, а уж если там увидят ожоги, то мы оба рискуем оказаться за решёткой.

— Сайлас Линден, ты дурак! Разве мать не имеет права наказывать собственных детей?

— Конечно имеет, но это не твой ребёнок, а о мачехах всегда идёт дурная слава. Да ещё эта проклятая еврейка… Когда ты в прошлый раз стирала бельё, она видела, как ты била Марджери бельевой верёвкой. Она сама мне об этом сказала. А сегодня ещё привязалась, что, мол, девчонка голодна.

— Ишь ты, голодна! Прожорливые ублюдки! Я, когда обедала, по целой краюхе им дала! Да им бы не повредило немножко поголодать, по крайней мере грубить перестали бы.

— Что? Уилли тебе нагрубил?

— Да, когда очнулся.

— Это после того, как ты вылила на него горячий сургуч?

— Так для его же блага, чтобы отучить от дурных привычек.

— Что же он сказал?

— Обругал меня последними словами, вот что. Про мамочку свою говорил — уж она бы, говорит, мне бы показала. От этой его мамочки меня просто тошнит.

— Ты Эми лучше не трожь. Она была хорошей женщиной.

— Вон как ты запел. Однако, когда она была жива, ты как-то странно проявлял свою любовь.

— Заткни пасть! И так тошно, а тут ещё ты со своей болтовнёй! Нашла чего — к могиле ревновать!

— А её выродки могут меня оскорблять как угодно! Это меня-то, которая заботилась о тебе последние пять лет!

— Чего к словам цепляешься! Ладно, я с ним

сейчас поговорю. Где ремень? Тащи сюда мальчишку!

Женщина бросилась его целовать:

— Сайлас, единственный ты мой!

— Чёрт возьми, всего обслюнявила. Видишь, я не в духе. Живо тащи Уилли! И Марджери заодно. Пусть смотрит и набирается ума — сдаётся мне, до неё эта наука доходит лучше, чем до него.

Женщина вышла, но тут же вернулась.

— Он опять в отключке, — сказала она. — Меня от одного его вида тошнит. Иди-ка сюда, Сайлас, да сам посмотри!

Они прошли в кухню. В очаге потрескивал огонь. На стуле возле огня, съёжившись, сидел белокурый мальчик лет десяти. Его нежное личико было обращено к потолку, глаза полуприкрыты, из-под век виднелись только белки. На тонком, одухотворённом лице застыло выражение безмятежности и покоя. Из угла на брата смотрели печальные, испуганные глаза сестрёнки, бедной затравленной малышки, на год или два моложе его.

— Ну и видок — жуть! — сказала женщина. — Будто и не от мира сего. Лучше бы уж переселился на тот свет, а то здесь от него толку чуть.

— Эй, проснись! — гаркнул Сайлас. — Кончай

свои штучки! Просыпайся давай! Ты слышишь или нет?

Он грубо тряхнул мальчика за плечо, но тот не шелохнулся. Руки ребёнка были все в багровых ожогах.

— Ну, я тебе скажу, сургуча ты не пожалела. Неужто, Сара, иначе нельзя было его разбудить?

— Ну подумаешь, плеснула лишнего. Он так меня допёк, что я себя не помнила. Ты не поверишь, но он в таком состоянии почти и не чувствует ничего. Хоть в уши ему ори.

Она схватила мальчика за волосы и начала грубо трясти. Он было вздрогнул и застонал, но затем снова впал в транс.

— Ну и дела! — воскликнул Сайлас; потом, почесав подбородок, задумчиво посмотрел на сына и изрёк: — На нём можно хорошо заработать. Что, если устроить ему выступление? «Чудо-ребёнок, или Как это делается». Хорошее название — так и просится на афишу. Его дядюшка — фигура известная, думаю, и ему поверят.

— Ты ведь сам собирался заняться этим делом.

— У меня всё сорвалось, — пробурчал Сайлас. — И кончено об этом.

— Что, уже попался?

— Я же сказал — хватит! — заорал Сайлас. — У

меня руки так и чешутся задать тебе хорошую трёпку, так что лучше не выводи меня из себя! — Он изо всех сил ущипнул мальчика за руку. — Вот это да! Ну и чудеса! Неужто он правда ничего не чувствует?

С этими словами он повернулся к почти угасшему очагу, вытащил оттуда щипцами тлеющий уголёк и положил его на голову ребёнка. Запахло горелым волосом, затем поджаривающимся мясом, и лишь тогда мальчик, вскрикнув от боли, очнулся.

— Матушка! Матушка! — воскликнул он.

Девочка в углу принялась плакать: вдвоём они были похожи на испуганно блеющих ягнят.

— Чёрт бы побрал твою матушку! — заорала женщина, схватив Марджери за воротник. — Перестань скулить, ты, маленькая поганка! — И она со всего маху ударила девочку по лицу.

Уилли вскочил и вцепился ей в ноги, но тут удар Сайласа отбросил его в угол. Негодяй схватил палку и начал избивать съёжившихся детей; несчастные крошки плакали и просили пощады, тщетно пытаясь заслониться от жестоких ударов.

— А ну-ка, немедленно прекратите! — вдруг раздался решительный голос.

— Не хватало ещё этой проклятой жидовки! — сказала женщина и кинулась к двери. — Какого чёрта ты делаешь в моём доме? Убирайся отсюда, покуда цела!

— Ещё раз услышу, что дети плачут, — полицию позову!

— А ну, пошла вон! Не суйся, куда не просят, тебе говорю!

С угрожающим видом растрёпанная женщина стала наступать на Ребекку, но та оказалась не из пугливых. Ещё секунда — и они сцепились, но через мгновение раздался истошный крик, и миссис Сайлас Линден отпрянула назад — по её лицу четырьмя струйками текла кровь. Но тут Сайлас, грязно ругаясь, оттолкнул жену и, схватив незваную гостью поперёк туловища, вышвырнул за дверь. Она упала навзничь, прямо на мостовую, раскинув руки и всем своим видом напоминая полузадушенную птицу. Ребекка погрозила Сайласу кулаком и разразилась проклятиями. Со всех сторон уже бежали соседи, которым не терпелось узнать подробности ссоры.

Наблюдавшая из-за шторы миссис Линден с некоторым облегчением увидела, что её противница смогла подняться и без посторонней помощи доковылять до дверей своей развалюхи,

громко кляня обидчика. А евреи не так-то легко забывают обиды, ибо представители этой нации одинаково умеют и любить, и ненавидеть.

— С ней всё в порядке, Сайлас. А я уж было испугалась, что ты её убил.

— Она того заслуживает, жидовка проклятая. Надо поставить её на место, пусть не суётся в наши дела. А с этого ублюдка Уилли я шкуру спущу — это он во всём виноват. Ну-ка, где он?

— Они удрали к себе: я слышала, как они запирали дверь.

— Я им ещё покажу!

— Не стоит сейчас, Сайлас. Соседи вокруг, только неприятности себе наживёшь.

— Ты права, — пробурчал Линден. — Дело терпит. Подождут, пока я не вернусь.

— А ты куда?

— Пойду схожу в «Адмирал Вернон». Может, подвернётся работёнка, возьмут спарринг-партнёром к Длинному Дэвису. Он в понедельник начинает тренировки, и ему нужен боксёр моего веса.

— Посмотрим, в каком виде ты вернёшься. Мне уже порядком надоело, что ты всё шляешься по пивным. Знаем мы, что это за «Адмирал Вернон».

— Единственное место, где я могу отдохнуть, — ответил Сайлас.

— А я, по-твоему, только и делаю, что отдыхаю, — ни минуты покоя, по крайней мере с тех пор, как вышла за тебя.

— Это точно! Давай-давай, крой меня на чём свет стоит! — сквозь зубы прорычал он. — Если бы вечное брюзжание приносило счастье, ты была бы самым счастливым человеком на свете.

Он взял шляпу и ушёл; минуту спустя его тяжёлые шаги загрохотали по огромным деревянным люкам пивных погребов.

А в это время в полумраке чердака на ветхом соломенном тюфяке сидели две маленькие фигурки. Оне сидели обнявшись, тесно прижимаясь друг к другу, и слёзы их смешивались, катясь по щекам. Они и поплакать-то громко не смели, потому что любой неосторожный звук мог напомнить об их существовании чудовищу, рыскающему внизу. Время от времени один из них забывался и начинал громко всхлипывать, и тогда другой шептал: «Тише! Тише!»

Внезапно они услышали, как хлопнула дверь и по улице загремели тяжёлые шаги. Они радостно обнялись. Быть может, вернувшись, он их убьёт, но сейчас, пусть на короткое время, они в без-

опасности. Мачеха, конечно, тоже была злой и жестокой, но всё же не такой беспощадной, как отец. Какое-то смутное чувство подсказывало детям, что именно он свёл мать в могилу, и они понимали, что их может ожидать та же участь.

На чердаке было темно; лишь в единственное окно проникал слабый свет, прочертивший на полу узкую полоску, а вокруг, по углам, лежала густая тень. Внезапно мальчик напрягся и сильнее прижал к себе сестру — взгляд его был устремлён в темноту.

— Она идёт! — пробормотал он. — Это она!

Малышка Марджери прижалась к нему:

— Это матушка, Уилли?

— Я вижу свет — прекрасное золотое сияние! Неужели ты сама не видишь, Марджери?

Но девочка, как и большинство людей, была лишена подобного зрения. Она видела вокруг только сумрак.

— Уилли, говори, говори ещё! — благоговейным шёпотом попросила она. Ей совсем не было страшно — покойная мать часто являлась по ночам, чтобы утешить своих несчастных детей.

— Да, да, это она! О матушка, матушка!

— Уилли, что она говорит?

— О, она такая красивая! У неё в глазах нет слёз!

Она улыбается! Она похожа на того ангела, что мы видели в церкви, и кажется совсем счастливой! Милая, милая матушка! Тсс, она говорит… «С этим покончено… навсегда!» Вот она манит нас рукой. Мы должны идти — она уже в дверях!

— О Уилли, я боюсь!

— Смотри, она кивает нам, говорит, что не надо бояться. Вот вышла за дверь. Скорее, Марджери, не то мы потеряем её из виду!

Дети на цыпочках прокрались к выходу, и Уилли отпер дверь. Матушка стояла у лестницы, маня их за собой. Шаг за шагом они спустились вниз. Кухня была пуста: очевидно, мачеха куда-то ушла. В доме царила тишина. Призрак вновь поманил их рукой.

— Мы должны отсюда уйти, — сказал брат.

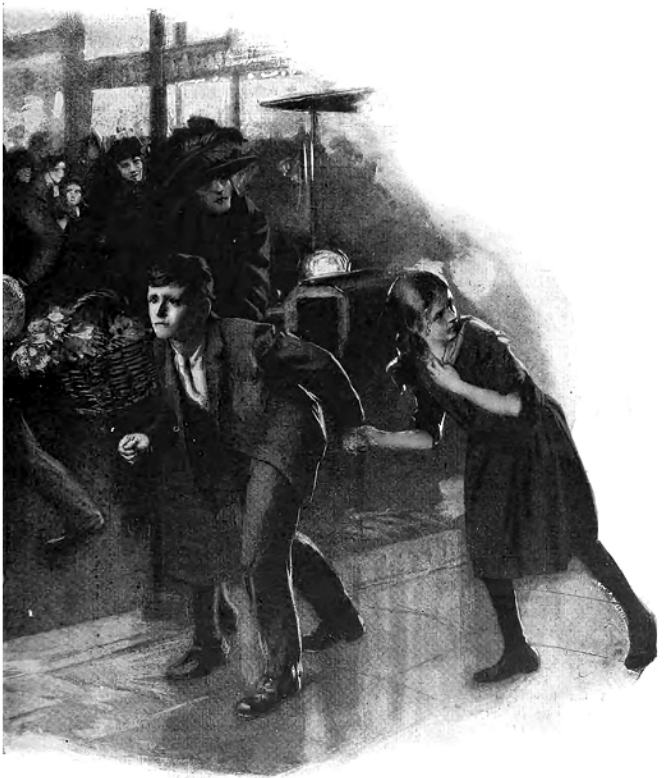
— Но, Уилли, мы даже шапочки не успели надеть.

— Пойдём, Мадж. Она улыбается и машет нам.

— Отец нас за это убьёт!

— Она качает головой! Говорит, чтобы мы ничего не боялись. Идём!

ROYALTY



Они распахнули дверь, пересекли двор и, следуя

за лёгкой лучистой тенью сквозь лабиринт узких улочек, вышли на шумную, людную Тоттенем-Корт-роуд. Редкий прохожий среди этой слепой толпы, словно по наитию, внезапно останавливался, учуяв ангела, провожал долгим взглядом двух бледных, измученных детей, следующих за неземным видением: мальчика с застывшим, отрешённым взором и девочку, то и дело в страхе оглядывающуюся назад. Они прошли большую оживлённую улицу, затем свернули в бедный квартал и оказались наконец перед целым рядом однотипных кирпичных домов. Видение застыло перед одним из них.

— Надо постучать, — объявил Уилли.

— Но что мы скажем? Ведь мы же их не знаем!

— Мы должны постучать, — настойчиво повторил брат, и девочка стукнула в дверь. — Вот видишь, Мадж, она хлопает в ладоши и улыбается.

Так уж оно получилось, что миссис Том Линден, как раз в эту пору в одиночестве и унынии предававшаяся мыслям о судьбе несчастного арестанта, под действием какой-то неведомой силы открыла дверь и обнаружила на пороге двух малюток, которые стояли потупившись, словно извиняясь за то, что осмелились нарушить её

покой. Несколько слов, неожиданный проблеск интуиции — и вот дети уже в её объятиях. Два маленьких челночка, столь рано искалеченные невзгодами, наконец-то обрели мирную пристань, где им уже не грозил никакой шторм.

А на Болтонс-корт этой ночью происходили странные события. Одни полагали, что между ними никакой связи не было, кое-кто подобную связь усмотрел, а закон Британской империи закрыл на всё глаза и посему ничего по этому поводу сказать не имел.

Из окна предпоследнего дома вглядывалось в ночную тьму чьё-то лицо с хищными заострёнными чертами. Сзади его освещал тусклый свет прикрытой чем-то свечи, и в этом неясном свете оно казалось мрачным как смерть и беспощадным, как могильная плита. За спиной у Ребекки Леви стоял молодой человек; его черты со всей очевидностью свидетельствовали, что он принадлежит к той же древней нации, что и она. Уже часа два женщина сидела так, ни слова не говоря, у окна. При входе во двор висел фонарь, отбрасывавший на землю жёлтый круг света. На этот светлый островок и был устремлён её задумчивый взор.

Наконец она увидела того, кого ждала. Она

вздрогнула и что-то прошептала. В то же мгновение молодой человек выскочил на улицу и исчез в боковой двери, ведущей в пивоварню.

Пьяный Сайлас Линден возвращался домой. Настроение у него было мрачное: его переполняло чувство обиды. Он не получил долгожданной работы — помешала искалеченная рука. Всё это время он проторчал в баре, ожидая бесплатного угощения, но оно его не удовлетворило. Теперь он исходил злобой, и горе было тому, кто в этот момент оказался бы у него на пути! Проходя мимо тёмного дома Ребекки, он подумал о ней с ненавистью. Сейчас он ненавидел всех соседей до одного. У них, видишь ли, хватает наглости становиться между ним и его собственными детьми! Но он ещё этим деткам покажет. Завтра же утром выведет их во двор и у всех на глазах выпорет до смерти! Пускай знают, что Сайласу Линдену на всех наплевать. А почему не сейчас? Если крики детей разбудят соседей среди ночи, то уж тогда они раз и навсегда запомнят, что нельзя его оскорблять безнаказанно. И, обрадованный этой мыслью, он ещё решительнее зашагал вперёд. Он был почти у цели, как вдруг…

Так и не удалось выяснить, почему этой ночью люк пивного погреба был неплотно прикрыт.

Присяжные были склонны обвинять пивоварню, но коронер заявил, что Линден был человек тучный и сам мог, свалившись, сорвать крышку, в то время как со стороны пивоварни все меры предосторожности были соблюдены. Упав с высоты восемнадцати футов на острые камни, он сломал себе спину. Труп обнаружили лишь на другое утро, и что самое удивительное — его соседка-еврейка не слышала ни звука. Доктор высказал мнение, что смерть наступила не сразу: некоторые признаки указывали на то, что Линден долго бился в агонии. Там, внизу, в темноте, извергая из себя потоки крови и пива, этот человек умер столь же нечестиво, как и жил.

Не стоит убиваться по женщине, которая осталась после его гибели одна. Освободившись от своего отвратительного муженька, она вернулась в мюзик-холл, который покинула, соблазнённая достоинствами и выдающимися бицепсами этого человека. Она попыталась вернуть былую популярность, вновь исполняя куплет, принёсший ей когда-то известность:

Хи! Хи! Хик!
Я – последний крик!
Посмотрите, моя шляпка —

Это просто шик!

Но, увы, слишком бросалось в глаза, что она сильно отстала от моды, поэтому путь на сцену был для неё закрыт. Она спускалась всё ниже, из больших залов переходя в более неказистые, пока не дошла до пабов, а потом и вовсе исчезла с горизонта, затянутая жизненной трясиной, и никто больше не видал её бессмысленное, размалёванное лицо и нечёсаную копну волос.

Глава двенадцатая, в которой происходят взлёты и падения

Институт метемпсихоза располагался во внушительных размеров здании на авеню Ваграм, с подъездом, скорее напоминающим ворота феодального замка. Сюда поздно вечером и явились трое наших друзей. Швейцар проводил их в приёмную, где их приветствовал лично доктор Мопюи. Выдающийся авторитет в области психологии, он оказался маленьким крепким человеком с большой головой; чисто выбритое лицо явно свидетельствовало, что в его обладателе чудесным образом сочетаются житейская

смётка и чистый альтруизм. С Мейли и Роксто-ном он говорил по-французски, но с Мелоуном переходил на ломаный английский, а тот пы-тался бормотать в ответ что-то по-французски. Доктор Мопюи выразил удовольствие от их ви-зита в выражениях, на которые способен лишь истинный француз, в двух словах остановился на выдающихся способностях Панбека, галицийско-го медиума, а затем повёл их в подвал, где должен был состояться эксперимент. Весь облик учёного свидетельствовал о глубоком уме и прониц-ательности, так что даже люди, мало знающие его, понимали, насколько абсурдна версия о том, будто своими знаменитыми результатами он обязан всякого рода шарлатанам.

Спустившись по винтовой лестнице, они оказа-лись в большом зале, напоминающем на первый взгляд химическую лабораторию: полки вдоль стен были уставлены колбами, ретортами, про-бирками, весами и другими приборами. Впрочем, помещение было обставлено элегантнее, нежели обычная лаборатория, а в центре располагался массивный дубовый стол, окружённый удобны-ми креслами. На одной из стен висел большой портрет профессора Крукса, рядом — портрет Ломброзо, а между ними — чудесная картина,

изображавшая один из сеансов Эвзапии Палладино. Возле стола стояла группа людей, которые тихо переговаривались. Они были так увлечены разговором, что не обратили на вошедших ни малейшего внимания.

— Трое из них — столь же почётные гости, как и вы, — сказал доктор Мопюи. — Двое других — мои ассистенты, доктор Соваж и доктор Бюиссон. Все остальные — известные в Париже лица. Прессу сегодня представляет господин Фор, заместитель главного редактора газеты «Матен». Вам, должно быть, известен вон тот высокий темноволосый человек, похожий на отставного генерала… Нет? Это профессор Шарль Рише, наш досточтимый старейшина, — он проявил большое мужество, занимаясь нашим делом, хотя пришёл к несколько иным выводам, нежели ваши, мсье Мейли. Впрочем, это не окончательный результат. Не забывайте, что нам приходится проявлять осторожность, иначе у нас могут возникнуть неприятности с Церковью, которая всё ещё очень влиятельна в нашей стране. Господин с аристократической внешностью и высоким лбом — граф де Граммон. Седобородый господин с головой Юпитера — Фламмарион, астроном. А теперь, господа, — сказал он, повысив голос, — если

вы соблаговолите занять свои места, мы можем приступать.

Все расселись вокруг стола, наши англичане — поближе друг к другу. В одном конце возвышался большой фотоаппарат, на столике рядом обращали на себя внимание два цинковых ведра. Заперли дверь и отдали ключ профессору Рише. Доктор Мопюи поместился с краю стола; возле сел невысокий лысый человек средних лет, с усами и необыкновенно умным лицом.

— Возможно, кто-то из вас не знаком с мсье Панбеком, — сказал доктор. — Позвольте мне его представить. Господа, мсье Панбек любезно разрешил нам воспользоваться его удивительными способностями для научных целей, за что все мы бесконечно ему благодарны. Ему сорок семь лет, у него хорошее здоровье, хотя имеется предрасположенность к нейроартритам. Нами отмечены несколько повышенная возбудимость нервной системы и усиленные рефлексы при нормальном кровяном давлении. Сейчас его пульс — семьдесят два удара в минуту, но в состоянии транса достигает ста. На руках и ногах у него обнаружены сверхчувствительные зоны. Поле зрения и зрачковая реакция нормальные. Вот, пожалуй, и всё, что я могу сообщить.

— Могу добавить, — подал голос профессор Рише, — что этот человек отличается как физической, так и духовной чувствительностью. Панбек — очень впечатлительный и эмоциональный человек; в душе он поэт и потому не лишён некоторых маленьких слабостей, если их можно так назвать, которыми в придачу к таланту наделён каждый поэт. Великий медиум — это то же, что и великий художник, и к нему следует относиться соответственно.

— Господа, мне сдаётся, он готовит вас к худшему, — с широкой улыбкой заметил медиум под одобрительный смех собравшихся.

— Мы собрались здесь в надежде, что замечательные материализации, которые мы могли наблюдать в прошлый раз, появятся вновь, причём в таком виде, что мы сумеем получить объективное их изображение на снимке. — Доктор Мопюи говорил своим суховатым, лишённым эмоций голосом. — В последнее время эти материализации принимали крайне необычные формы, поэтому прошу собравшихся подавить в себе чувство страха, сколь странными они бы ни показались, поскольку нам в высшей степени необходима спокойная обстановка и здравый смысл. А теперь выключим верхний свет и оста-

вим лишь очень слабую красную лампочку — до тех пор, пока обстоятельства не позволят нам усилить освещение.

Светом управлял со своего места сам доктор Мопюи. На мгновение всё погрузилось во тьму, а затем в углу зажёгся слабый красный огонёк, позволявший разглядеть лишь смутные очертания людей за столом. Музыки не было, как не было вообще религиозного настроя. Переговаривались все шёпотом.

— Разительно отличается от ваших английских сеансов, — сказал Мелоун.

— Да, весьма, — согласился Мейли. — У меня такое ощущение, что сейчас мы слишком беззащитны перед лицом того непознанного, что может явиться нам во время сеанса, а зря. Они не сознают опасности.

— Что же нас подстерегает?

— Видите ли, это всё равно что сидеть на берегу озера, не зная, что таится в нём — безобидные лягушки или кровожадные крокодилы. Нельзя предвидеть хода событий.

Эти слова услышал профессор Рише, который блестяще владел английским.

— Я знаком с вашей точкой зрения, мистер Мейли, — вмешался он, — и не подумайте, что

я не принимаю её в расчёт. Некоторые факты, свидетелем которых был я сам, заставляют меня оценить ваше сравнение относительно лягушек и крокодилов. В этой самой комнате я видел существ, которые, если привести их в ярость, сделали бы наши опыты крайне опасными. Я разделяю ваше мнение, что дурные люди, оказавшись среди нас, могут привлечь в наш кружок злых духов.

— Мне приятно слышать, сэр, что вы постепенно переходите на наши позиции, — сказал Мейли, поскольку он, как и другие, считал Рише одним из мировых авторитетов.

— Допустим, перехожу, но не беру на себя смелость сказать, что уже полностью их разделяю. Скрытые возможности воплощённого духа могут быть столь неожиданными, что бесполезно даже строить догадки относительно их пределов. Как старый материалист, я сражаюсь за каждую пядь земли, хотя должен признать, что уже оставил несколько рядов своих укреплений. Насколько я понимаю, мой выдающийся друг Челленджер всё ещё держит оборону на передовых рубежах.

— Да, сэр, — начал было Мелоун, — и всё же я не оставляю надежды…

— Тише! — нетерпеливо воскликнул Мопюи.

Воцарилась полная тишина. Затем словно что-то беспокойно заметалось и послышался странный хлопающий звук.

— Птица! — раздался благоговейный шёпот.

Снова наступила тишина, а затем вновь возникло некоторое движение и раздались нетерпеливые хлопки.

— У вас всё готово, Рене? — спросил доктор.

— Всё.

— Тогда снимайте!

Комнату озарила вспышка, и взорам присутствующих открылось удивительное зрелище: медиум склонился над столом, уронив голову на руки — он был явно погружён в транс, — а на его округлых плечах сидела огромная хищная птица, сокол или орёл. На какое-то мгновение картина, словно на фотографии, застыла у всех на сетчатке, а затем вновь наступила темнота, если не считать двух красных лампочек, поблёскивающих в углу, будто глаза какого-то злого демона.

— Ну и ну! — едва мог вымолвить Мелоун. — Вы видели?

— Крокодил из озера, — сказал Мейли.

— Но вполне безобидный, — добавил профес-

сор Рише. — Эта птица уже не раз прилетала к нам. Она лишь хлопает крыльями, в чём вы сами могли убедиться, а в остальном активности не проявляет. У нас может появиться куда более опасный гость.

Вспышка света, конечно же, разрушила эктоплазму, и пришлось всё начинать сначала. Прошло минут пятнадцать, как вдруг Рише тронул Мейли за руку:

— Не ощущаете ли вы какого-нибудь запаха, мсье Мейли?

Мейли принюхался:

— Да, конечно, — чем-то напоминает наш Лондонский зоопарк.

— Есть и другая, более простая аналогия. Приходилось ли вам находиться в натопленной комнате вместе с мокрой собакой?

— Верно! — ответил Мейли. — Очень точное сравнение. Но где же собака?

— Это не собака. Минуту терпения, и вы сами всё увидите.

Запах усилился; он уже наполнил всю комнату. Тут вдруг Мелоун ощутил возле стола какое-то движение и в тусклом свете красного фонаря разглядел очертания уродливой, полусогнутой и корявой фигуры, отдалённо напоминавшей

человеческую: её силуэт отчётливо выделялся на фоне светового пятна. Существо было большим, неуклюжим, с круглой головой, короткой шеей и здоровенными, мощными плечами. Не разгибаясь, оно медленно шло по кругу, затем остановилось, и тут кто-то вскрикнул — это был возглас удивления, к которому явно примешивался страх.

— Не бойтесь, — успокоил тихий голос доктора Мопюи. — Это питекантроп. Он совершенно безобиден. — Будь это кошка, случайно оказавшаяся в комнате, он и то вряд ли говорил бы более спокойно.

— Ну и когти у него, а между тем он трогает меня за шею! — послышался крик.

— Да это он так ласкается.

— Я готов уступить вам свою долю его ласки. — В голосе говорившего звучала дрожь.

— Только, ради бога, не отталкивайте его! Мало ли к чему это может привести. Сейчас у него хорошее настроение, но он, как и все мы, далеко не ангел.

Существо возобновило своё медленное движение. Теперь оно обогнуло стол и остановилось возле наших троих друзей. Затылком они чувствовали его порывистое дыхание. Внезапно лорд

Рокстон вскрикнул от отвращения.

— Спокойно, не волнуйтесь! — приказал Мопюи.

— Оно лижет мне руку! — не мог успокоиться Рокстон.

В следующее мгновение Мелоун почувствовал, как косматая голова вклинилась между ним и лордом Рокстоном, — левой рукой он мог дотронуться до длинных жёстких волос. Потом существо повернулось к нему, и ему стоило больших усилий сдержать себя, чтобы не отдёрнуть руку, когда длинный мягкий язык коснулся её. Затем существо исчезло.

— Ради бога, скажите, что это такое? — спросил Мелоун.

— Нас просили его не снимать — вспышка света могла бы вызвать у него ярость. Таково было указание, переданное нам через нашего медиума. Мы можем лишь предположить, что это был либо обезьяноподобный человек, либо человекообразная обезьяна. Однажды мы уже видели это существо, причём намного отчётливее, чем сегодня. Его морда напоминает человекообразную обезьяну, но лоб у него прямой; лапы длинные, ладони большие, тело покрыто волосами.

— То, что показывал нам Том Линден, было

гораздо интереснее! — шёпотом произнёс Мейли, но Рише услышал его слова.

— Мы должны изучать природу во всём её многообразии, мистер Мейли, — сказал он. — И не наше дело — выбирать. Что ж, по-вашему, мы должны описывать только цветковые растения и оставить в стороне грибы?

— Но вы, по крайней мере, признаёте, что это опасно?

— Рентгеновские лучи тоже опасны. Вспомните, сколько несчастных поплатились здоровьем, прежде чем человечество осознало эту опасность! И всё равно через это необходимо пройти. Так же и здесь — мы даже не знаем ещё, что совершаем, но если сумеем доказать, что этот питекантроп может являться к нам из мира невидимого и таким же образом исчезать, то мир науки настолько обогатится, что пусть даже это чудовище изорвёт нас на куски своими ужасными когтями, нам всё равно следует продолжать наш эксперимент!

— Порой наука перерастает в подвиг, — изрёк Мейли, — никто не станет этого отрицать. И всё же я слышал мнение ваших учёных мужей, которые опасаются, что мы рискуем рассудком, пытаясь вступить в контакт с миром духов. Что ж, ради человечества можно пожертвовать не толь-

ко рассудком, но и жизнью. Почему бы нам не внести такой же вклад в его духовный прогресс, какой они вносят в его материальное развитие?

Тут включили свет — перед центральным экспериментом этого вечера было решено устроить небольшой перерыв. Собравшиеся разбились на группы, вполголоса обсуждая недавние события. Сейчас, при взгляде на эту уютную комнату и её современное убранство, трудно было себе представить, что ещё минуту назад здесь были странная птица и крадущийся осторожной поступью монстр. Но они действительно им не пригрезились — это убедительно доказал фотограф, которому было позволено выйти из комнаты. Теперь он ворвался назад возбуждённый, оживлённо размахивая пластиной, которую уже успел проявить. Он поднёс её к свету, и на ней можно было вполне отчётливо различить и лысую голову медиума, упавшую на руки, и зловещий силуэт, нависший над ним. Доктор Мопюи в восторге потирал маленькие пухлые ручки: как и всем первопроходцам, ему здорово досталось от парижской прессы, поэтому каждое новое явление становилось ещё одним доводом в его защиту.

— Nous marchons! Hein! Nous marchons![50] — без конца повторял он, а Рише, погружённый в собственные мысли, механически отвечал:

— Oui, mon ami, vous marchez![51]

Маленький галициец угощался бисквитом, запивая его красным вином. Мелоун подошёл к нему, и тут выяснилось, что тот бывал в Америке и немного говорит по-английски.

— Вы не устали? Это вас не выматывает?

— Да нет, не очень. Всего два сеанса в неделю. Это моя норма, а больше доктор и не разрешит.

— Вы что-нибудь помните?

— Словно всё происходило во сне — какие-то обрывки.

— А вы всегда обладали такими способностями?

— Да, ещё с детства. И мой отец, и дядя — помню их разговоры о видениях. А я часто уходил в лес, и причудливые звери собирались вокруг. Я был просто поражён, когда узнал, что другие дети их не видят.

---

[50] Notes: 50

Какая удача, а? Какой успех! Мы продвигаемся! *(фр.)*

[51] Notes: 51

Да, мой друг, вы действительно продвигаетесь *(фр.)*.

— Est-ce que vous êtes prêts?[52] — спросил доктор Мопюи.

— Parfaitement[53], — ответил медиум, стряхивая крошки.

Доктор зажёг спиртовку, расположенную под одним из вёдер:

— Сейчас мы вместе проведём эксперимент, который раз и навсегда убедит мир в том, что подобные формы эктоплазмы существуют. Можно спорить об их происхождении, но отныне никто не будет ставить под сомнение сам факт их существования, если только мой план не сорвётся. Но прежде я расскажу, зачем мне вёдра. В этом, которое я сейчас разогреваю, плавится парафин, в другом находится вода. Должен пояснить для тех, кто впервые на нашем сеансе, что все образы, вызываемые Панбеком, появляются в определённой последовательности и сейчас настал час старика. Сегодня мы ждём его с особым нетерпением, — надеюсь, мы сможем обессмертить его в истории изучения метемпсихоза. А сейчас я возвращаюсь на место и включаю красный свет третьей степени, который позволяет лучше

---

[52] Notes: 52
Вы готовы? *(фр.)*

[53] Notes: 53
Вполне *(фр.)*.

видеть происходящее.

Теперь фигуры сидящих за столом вырисовывались более чётко. Голова медиума снова склонилась вниз, и по его громкому храпу можно было определить, что он впал в транс. Все повернулись к нему, поскольку в этот момент начался процесс материализации: сперва вокруг его головы появилась некая игра света, какая-то туманная дымка, затем, чуть поодаль, возникло волнение, словно колыхалась белая прозрачная ткань. Дымка стала плотнее, потом она словно слилась с колебанием ткани. Потом наметились контуры, и видение приобрело чёткие очертания. Появилась голова, плечи, из них выросли руки. Да, не было ни малейшего сомнения — за стулом медиума стоял человек, старик. Он медленно вертел головой из стороны в сторону. Казалось, он смотрит на собравшихся в растерянности, спрашивая себя: «Где я и зачем я здесь?»

— Он не говорит, но всё слышит и понимает, — пояснил доктор Мопюи, глядя на видение через плечо. — Мы собрались здесь, мсье, в надежде, что вы поможете нам в одном очень важном эксперименте. Можем ли мы рассчитывать на ваше сотрудничество?

В знак согласия фигура кивнула головой.

— Крайне вам признательны. Надеюсь, вы сможете обрести полную силу и оторваться от медиума.

Фигура вновь кивнула, но с места не сдвинулась. Мелоуну показалось, что с каждой минутой она становится всё плотнее. Журналист мельком взглянул на лицо: без сомнения, это был старик — с хмурым выражением, длинным носом и смешно выпяченной нижней губой. Внезапно резким движением старик отделился от Панбека и сделал шаг в сторону.

— Итак, мсье, — отчётливо, в присущей ему манере произнёс Мопюи, — надеюсь, вы видите цинковое ведро, стоящее слева. Не соблаговолите ли подойти и опустить в него правую руку?

Фигура приблизилась к столу. Вёдра, казалось, заинтересовали её, поскольку некоторое время она с интересом их рассматривала, затем опустила руку в то, на которое указал доктор.

— Великолепно! — воскликнул Мопюи, голос его дрожал от возбуждения. — А теперь, мсье, могу я попросить вас опустить ту же руку в ведро с холодной водой?

Фигура повиновалась.

— А теперь, мсье, наш эксперимент увенчается полным успехом, если вы положите руку на стол

и оставите её там, а сами дематериализуетесь и вернётесь в свою среду.

В знак согласия фигура кивнула, а затем прошла к столу, наклонилась, вытянула руку — и исчезла. Тяжёлое дыхание медиума начало выравниваться, и он зашевелился, словно просыпаясь. Мопюи включил верхний свет и от радости всплеснул руками, издав при этом громкий крик, в котором слились удивление и восторг.

На блестящей полированной поверхности стола лежала аккуратная желтовато-розоватая парафиновая перчатка, широкая в кисти, узкая в запястье, два пальца прижаты к ладони. Мопюи был вне себя от счастья. Он отломил от запястья маленький кусочек воска и протянул своему ассистенту, который пулей вылетел из комнаты.

— Это был заключительный аккорд! — вскричал он. — Ну, что они теперь скажут! Я обращаюсь к вам, господа. Все вы видели, что произошло. Может ли кто-либо из вас разумно объяснить происхождение этой парафиновой формы, если не отталкиваться от того, что она появилась в результате дематериализации находившейся в ней руки?

— Лично я иного объяснения не вижу, — ответил Рише, — но вам придётся иметь дело с

людьми косными и предубеждёнными. Даже не сумев это опровергнуть, они демонстративно проигнорируют сей факт.

— Здесь присутствует пресса, а она представляет общественность, — заметил Мопюи. — В частности, английская пресса — в лице мсье Мелоуна. — Он перешёл на ломаный английский. — Можете ли вы это каким-то образом объяснить?

— Нет, — признался Мелоун.

— А вы, мсье? — обратился Мопюи к представителю «Матен».

Французский журналист пожал плечами.

— Для нас, имевших честь здесь присутствовать, всё было в высшей степени убедительно, — сказал он, — и всё же, боюсь, вам придётся столкнуться с трудностями. Толпе невдомёк, с какой тонкой материей имеют дело спириты. Люди скажут, что медиум принёс форму с собой и положил на стол.

Мопюи торжествующе захлопал в ладоши: вошёл ассистент и передал ему какой-то листок.

— Ваши возражения уже устранены! — вскричал он, размахивая листком. — Я предвидел их, поэтому подмешал в парафин немного холестерина. Вы все, наверное, видели, что я отломил от слепка небольшой кусок. Это было необходимо для химического анализа. Теперь он произведён. Вот его результаты, из которых следует, что холестерин обнаружен.

— Великолепно! — воскликнул французский журналист. — Вы сделали невозможными последние сомнения! Но что же дальше?

— Мы можем сколько угодно раз повторить наш эксперимент, — ответил Мопюи. — Я приготовлю целую серию таких слепков, причём иногда это будут слепки кулаков, а иногда — кистей. Затем я закажу гипсовые оттиски — закачаю гипс внутрь слепка. Хотя он очень хрупок, но это

возможно. Когда у меня будут десятки таких оттисков, я разошлю их по городам и весям — пусть люди своими глазами увидят результаты наших экспериментов. Неужели после этого они смогут усомниться в их достоверности?

— Не стоит слишком надеяться, мой бедный друг, — сказал Рише, кладя руку на плечо энтузиаста. — Вы ещё не осознали до конца, насколько велика человеческая vis inertiae[54]. Но, как вы верно заметили, vous marchez — vous marchez toujours[55].

— И наше движение подчинено определённой логике, — подхватил Мейли. — Постоянно возрастают наши шансы помочь человечеству понять его и принять.

Рише улыбнулся и покачал головой:

— Как всегда, переходите на трансцендентальные материи, мсье Мейли. Как всегда — пытаетесь ухватить больше того, что видит глаз, и превращаете науку в философию! Боюсь, вы неисправимы. Полагаете, ваша позиция разумна?

— Профессор Рише, — ответил Мейли серьёзным тоном, — я бы хотел услышать ваш ответ на

---

[54] Notes: 54
Сила инерции *(лат.)*.

[55] Notes: 55
Вы продвигаетесь, вы по-прежнему продвигаетесь вперёд *(фр.)*.

тот же вопрос. Я глубоко почитаю ваш талант и ценю вашу осторожность, но разве вы не видите, что входите в противоречие с самим собой? Теперь вы признаёте — не можете не признать, — что наделённое разумом видение в человечьем обличье, состоящее из вещества, которое вы сами называете эктоплазмой, может передвигаться по комнате и исполнять просьбы, в то время как медиум находится без чувств у вас же на глазах, и в то же время не решаетесь согласиться с тем, что дух существует объективно, независимо от тела. Разве это разумно?

Рише вновь с улыбкой покачал головой. Проигнорировав вопрос Мейли, он повернулся к доктору Мопюи, поздравил его с успехом и откланялся. Через несколько минут все разошлись, а наши друзья взяли такси и отправились к себе в гостиницу.

Мелоуна всё увиденное просто потрясло, и он полночи провёл за письменным столом, составляя подробный отчёт для Центрального агентства новостей с упоминанием имён тех, кто стал свидетелем эксперимента, — имён, слишком почитаемых, чтобы их можно было заподозрить в невежестве или обмане.

«Это, безусловно, станет поворотным пунктом

в истории науки, который откроет новую эру», — возбуждённо думал он.

Однако, открыв двумя днями позже ведущие лондонские газеты, он обнаружил колонку о футболе, колонку о гольфе, целую страницу, посвящённую курсу акций, большую серьёзную статью в «Таймс» о повадках чибисов — и ни одного упоминания о тех чудесах, свидетелем которых он стал. Мейли рассмеялся, увидев его разочарованное лицо.

— Мир сошёл с ума, господа, — сказал Мелоун. — Мир обезумел! Но это ещё не конец.

Глава тринадцатая, в которой в бой вступает профессор Челленджер

Профессор Челленджер был не в духе, и, как всегда в таких случаях, все домочадцы были об этом осведомлены. Последствия его гнева сказывались не только на тех, кто его окружал, — в прессе время от времени появлялись грозные послания, на чём свет стоит поносившие какого-нибудь несчастного оппонента, которые оскорблённый громовержец рассылал, восседая в суровом величии в своём кабинете, с высот квартиры на

Виктория-Уэст-Гарденс. Слуги едва осмеливались входить в комнату, где за столом сидел мрачный и распалённый от злости человек, с нечёсаной гривой и косматой бородой, поднимавший лицо от бумаг, словно лев, которого заставили оторваться от кости. Одна лишь Энид могла нарушить его уединение в такие минуты, но даже у неё порой сердце замирало от страха — такое случается и с самым отважным укротителем, когда он открывает клетку. Конечно, и Энид доставалось от него, но ей, по крайней мере, не приходилось опасаться рукоприкладства, которое он частенько допускал по отношению к другим.

Порой приступы гнева у знаменитого профессора имели под собой вполне материальные причины.

— Печень расшалилась, — частенько говаривал он, оправдываясь после очередной вспышки.

Но на сей раз у него были все основания сердиться — опять этот спиритизм!

Буквально на каждом шагу ему приходилось сталкиваться с ненавистным предрассудком, который шёл вразрез с его работой и жизненным кредо. Профессор пытался не обращать на него внимания, насмехался над ним, относился к нему с презрением — но он, треклятый, так и норовил вторгнуться в его жизнь и в очередной раз напомнить о себе. В понедельник профессор, казалось бы, окончательно расправился с ним в своих статьях, а в субботу его призрак вновь маячил перед ним. Какая, в сущности, чушь! Профессору казалось, что его отвлекают от важных, животрепещущих проблем Вселенной и заставляют тратить время на сказки братьев Гримм или на призраков, созданных воображением какого-нибудь падкого на сенсации беллетриста.

И с каждым днём становилось всё хуже. Сначала эти люди сбили с пути верного Мелоуна, который, при всей своей простоте, был вполне нормальным, здравомыслящим человеком, — теперь он поддался искушению и стал исповедовать порочные идеи спиритов. Затем они совратили и

Энид, его малышку, единственного человека, связывающего его с миром всех остальных людей: она согласилась с доводами Мелоуна. Более того, сама искала им подтверждения. И он напрасно убил время, выводя на чистую воду медиума, мошенника и интригана, который передавал вдове послания покойного мужа в расчёте подчинить бедную женщину себе. В данном случае всё было очевидно, Энид этого и не отрицала, но ни она, ни Мелоун не допускали широких обобщений.

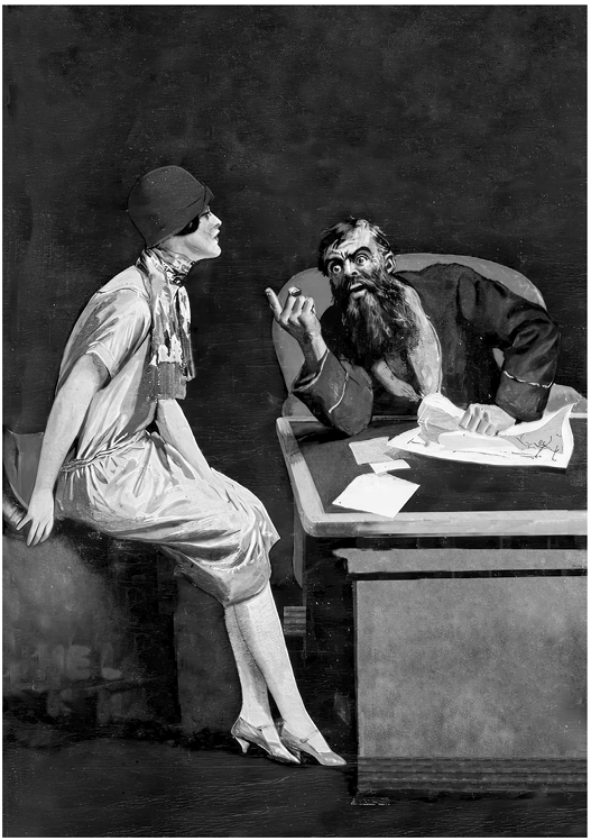
— Жулики есть везде, — говорили они. — Но мы должны исходить из презумпции невиновности.

Всё это было нехорошо, но худшее ещё только предстояло. Дело в том, что один из спиритуалистов публично посрамил профессора — и кто? Человек, который сам признался, что не имеет образования, и который профессору даже в подмётки бы не годился, коснись дело любой другой области человеческого знания! И вот во время публичного диспута… Впрочем, всё по порядку.

Так вот, Челленджер, глубоко презиравший всех, кто не разделял его взглядов, и не имевший должного представления о предмете, о котором идёт речь, в роковой для себя момент заявил, что готов спуститься со своего олимпа и сразиться в споре с любым представителем противопо-

ложной партии, какого та только соизволит предложить.

«Я вполне отдаю себе отчёт в том, — писал Челленджер, — что, опустившись до этого, я, как и любой другой представитель науки с моей репутацией, рискую оказать слишком много чести абсурдным и фантастическим заблуждениям, на что при других обстоятельствах их апологеты не могли бы и рассчитывать, но мы должны исполнить свой долг перед обществом и, изредка отвлекаясь от серьёзных дел, тратить время на то, чтобы поганой метлой выметать паутину предрассудков, которая, разрастаясь, способна нанести серьёзный ущерб, если только её вовремя не разрушать жрецам Науки».



Вот так, со свойственной ему самоуверенностью, шёл наш Голиаф на битву со своим скромным противником, в прошлом помощником печатника, а ныне редактором издания, посвящённого проблемам спиритизма, которое Челленджер называл не иначе как «жалкая газетёнка».

Обстоятельства диспута стали достоянием широкой общественности, поэтому нет необходимости пересказывать в подробностях это печальное событие. Анналы донесут до будущих поколений тот исторический момент, когда славный учёный муж вошёл в Куинс-холл, сопровождаемый своими сторонниками-рационалистами, которые желали стать свидетелями полного и окончательного посрамления мистиков. Присутствовало также большое число этих несчастных, обманутых душ, которые всё же надеялись, что их избранник не будет безжалостно брошен на алтарь оскорблённой Науки. Представители двух фракций до отказа заполнили зал, взирая друг на друга с нескрываемой враждебностью; такие же чувства, должно быть, за тысячу лет до этого

испытывали «голубые» и «зелёные»[56], сошедшиеся на константинопольском ипподроме. Слева от сцены дружными рядами расположились несгибаемые рационалисты, считавшие викторианцев-агностиков доверчивыми простаками и укреплявшие свою веру регулярным чтением «Литерари газетт» и «Фрифинкера».

Среди собравшихся были доктор Джозеф Баумер, известный своими лекциями о несостоятельности религиозных представлений, и мистер Эдвард Моулд, который весьма красноречиво разглагольствовал о праве человека на бренное тело и душу, способную умереть. Напротив них, словно размахивая орифламмой, сверкал своей рыжей бородой Мейли. По одну сторону от него сидела жена, по другую — Мервин, журналист; их плотным кольцом окружали убеждённые сторонники, представители духовного союза «Куин-сквер», «Духовного колледжа», а также других церквей и религиозных общин, собравшиеся, чтобы поддержать своего избранника в его безнадёжной затее. В толпе можно было разли-

[56] Notes: 56

«Голубые» и *«зелёные»* (венеты и прасины) — цирковые партии (димы) в городах Византии, первоначально только спортивные, а в V–VII вв. приобретшие и политическую значимость. Своё название получили по цвету одежды цирковых возничих.

чить милые лица бакалейщика Болсоувера и его друга Тербейна, медиума-носильщика, аскетическую фигуру преподобного Чарльза Мейсона, Тома Линдена, в конце концов выпущенного из тюрьмы, миссис Линден, «кружок спасения» — в полном составе, доктора Аткинсона, лорда Рокстона, Мелоуна и многих других. Посередине, словно разделяя две партии, величественный, толстый и флегматичный, восседал судья Гейверсон из Отделения королевской скамьи[57], который согласился председательствовать. Обращал на себя внимание тот факт, что официальная Церковь осталась в стороне, не проявив интереса к этому животрепещущему спору, который затрагивал сами основы, можно даже сказать, жизненные центры истинной религии. Впавшие в спячку либо пребывающие в благодушном состоянии Святые Отцы не могли осознать, что живой интеллект нации пристально изучает их организм, пытаясь понять, обречена ли Церковь на полное вымирание или же способна в будущем возродиться в новом обличье.

На сцене в одном углу, окружённый своими

[57] Notes: 57

Отделение королевской скамьи — отделение Высокого суда правосудия; осуществляет надзор за низшими судами, рассматривает важнейшие уголовные дела. Название употребляется при правлении короля.

многоумными последователями, восседал профессор Челленджер, торжественный и грозный, с агрессивно выпяченной бородой и неким подобием улыбки на устах; его живые серые глаза были полуприкрыты, что придавало всему его облику ещё более высокомерный вид. В другом углу сцены примостился скромный, невзрачный человек, с такой маленькой головой, что в шляпе Челленджера он бы просто утонул. Этот господин выглядел очень бледным и то и дело с робким, извиняющимся видом кидал умоляющий взгляд на своего осанистого противника. Но те, кто поближе был знаком с Джеймсом Смитом, не очень беспокоились за него, так как знали, что за кроткой и непритязательной наружностью скрывается столь блестящее владение предметом — как его практической, так и теоретической стороной, — каким редко кто может похвастаться. Учёные мужи из Общества психических исследований — сущие дети в сравнении с ним, если говорить о знании духовных проблем, ибо вся жизнь таких, как он, посвящена различным формам общения с невидимым миром. Правда, при этом подобные люди подчас утрачивают связь с миром, в котором живут, и от них нет пользы в повседневных делах, но что касается Смита, то

издание газеты и руководство большой, разбросанной по всей стране общиной заставляло его крепко стоять на ногах, а выдающиеся природные способности, не испорченные бесполезными сведениями, позволили ему всего себя посвятить той единственной области знания, которая открывает широкие горизонты для самого яркого ума. И вряд ли Челленджер отдавал себе отчёт в том, что предстоящая дискуссия должна была развернуться между дилетантом, блестяще эрудированным, но скользящим по поверхности предмета, и сосредоточенным, углублённо изучившим вопрос профессионалом, каким был его оппонент.

Собравшиеся были едины во мнении, что первые полчаса речи Челленджера были образцом ораторского мастерства и продуманной аргументации. Его мощный трубный голос, который мог принадлежать лишь человеку с грудной клеткой объёмом в пятьдесят кубических дюймов, взлетал и замирал в точно найденном ритме, который завораживал слушателей. Он был рождён для того, чтобы покорять аудиторию, — истинный лидер, способный повести человечество за собой. Многословный, остроумный и убедительный, профессор подробно остановился на возникно-

вении анимизма среди дикарей, открытых всем стихиям, неспособных объяснить, почему идёт дождь или гремит гром, и видящих лишь добрый или дурной знак в тех природных явлениях, которые ныне наука сумела описать и объяснить.

Следовательно, вера в то, что вне нас существуют духи или какие-то невидимые существа, основывалась на ложных посылках, и среди наименее образованной части общества вера эта странным атавизмом возрождается в наши дни. Долг науки — противостоять подобным тенденциям к регрессу, и лишь осознание своего долга заставило профессора покинуть тишь кабинета и появиться на сцене при большом скоплении людей. Затем он вкратце охарактеризовал спиритизм, причём в тех выражениях, которые приняты среди противников этого движения. Со слов Челленджера возникла весьма неприглядная картина, состоящая из щёлканья суставами, фосфоресцирующей краски, наскоро сшитых из холста привидений, отвратительной и грязной сделки между останками покойного мужчины, с одной стороны, и вдовьими слезами — с другой. Люди, повинные в этом, — гиены в человечьем обличье, способные наживаться за счёт чужих могил. (Восторженные возгласы рационали-

стов, иронические смешки спиритуалистов.) Однако не стоит подозревать в мошенничестве всех подряд. («Спасибо, профессор!» — громко выкрикнул кто-то из рядов оппонентов.) Ведь остальные — попросту идиоты. (Смех.) Ну разве может считаться преувеличением, если мы назовём идиотом человека, готового поверить, что его покойная бабушка станет посылать ему весточки через ножку обеденного стола? И разве хоть кто-нибудь из дикарей опускался до столь чудовищных предрассудков? Эти люди отняли у смерти её величие и своим грубым вторжением нарушили безмятежный покой могильной плиты — отвратительный, богомерзкий поступок. Ему неловко, что приходится прибегать к столь сильным словам, но только скальпелем или прижиганием можно уничтожить злокачественную опухоль. И не пристало человеку углубляться в теоретизирование о природе жизни за могильной чертой — у него и в этом мире достаточно дел. Жизнь прекрасна, и человек, способный оценить её радости и налагаемые ею обязанности, не станет тратить время на лженауку, в основе которой лежит обман, неоднократно разоблачённый и всё же привлекающий всё новые и новые толпы полоумных фанатиков, чья патологиче-

ская доверчивость и противоречащая здравому смыслу предубеждённость делает их глухими к голосу рассудка.

Таковы были в общих чертах основные положения его блестящей речи, открывшей диспут. Материалисты разразились бурной овацией, спиритуалисты чувствовали себя не в своей тарелке. И тогда поднялся их оратор, бледный, но исполненный решимости противостоять этому сокрушительному натиску.

В его голосе, да и во всём облике не было ничего от того, что делало Челленджера столь привлекательным, но говорил он внятно и аргументы подбирал с той безошибочностью, которая отличает мастерового, досконально изучившего свой инструмент. Поначалу он держался в высшей степени деликатно и даже примирительно, так что можно было подумать, будто он робеет. Казалось, он сознавал, насколько самонадеянно со стороны такого малообразованного человека, как он, сойтись в споре с прославленным оппонентом. И в то же время полагал, что среди многочисленных достижений профессора — достижений, заставивших весь мир заговорить о нём, — есть одно упущение, о котором нельзя не упомянуть. Красноречие профессора привело его в восторг, но что

касается содержащихся в речи постулатов, то при ближайшем рассмотрении они удивляют, если не сказать больше — вызывают презрение. Похоже на то, что при подготовке своей речи профессор обложился всей антиспиритуалистической литературой, какую только мог сыскать, — весьма сомнительный источник информации по этому вопросу — и совершенно упустил из виду работы, авторы которых опираются исключительно на практику и собственную убеждённость.

Все эти разговоры о щёлканье суставами и прочих штучках по своему невежеству лучше бы подошли Викторианской эпохе, что же касается эпизода, в котором бабушка якобы разговаривала через ножку стола, то он, оратор, сомневается в объективности такого описания спиритического феномена. Подобные примеры напоминают шутки о пляшущих лягушках, которые в значительной степени мешали признанию результатов первых опытов Вольта, и не делают чести профессору Челленджеру. Уважаемый оппонент наверняка должен быть осведомлён о том, что медиум-обманщик — злейший враг спиритуализма; его имя немедленно предаётся анафеме в специальных изданиях, как только становится известно о любом случае мошенничества, и де-

лают это сами спириты, которые осуждают «гиен в человечьем обличье» с тем же негодованием, что и досточтимый профессор. Ведь никому не приходит в голову обвинить банки в том, что фальшивомонетчики используют их в своих грязных целях. Более того, опускаться до такого уровня аргументации перед просвещённой аудиторией — просто даром время терять. Если бы профессор Челленджер подверг сомнению религиозную сторону спиритизма, одновременно признавая связанные со спиритизмом явления, спорить с ним было бы гораздо труднее, но, отрицая решительно всё, он поставил себя в весьма уязвимую позицию. Несомненно, профессор знаком с последними работами профессора Рише, известного физиолога, — за ними стоит труд тридцати лет, — так вот, Рише убедительно доказал достоверность этих явлений.

Может быть, профессор Челленджер соблаговолит сообщить собравшимся, какие именно опыты и личные наблюдения дают ему основание говорить о Рише, Ломброзо и Круксе как о невежественных дикарях. Должно быть, уважаемый оппонент самостоятельно проводил эксперименты, с которыми он не соизволил познакомить мир, — в таком случае хорошо бы

обнародовать их результаты. Пока же этого не произошло, его заявления являются ненаучными и весьма сомнительными с этической точки зрения, поскольку не очень порядочно прилюдно высмеивать людей, ничем не уступающих ему по своей научной репутации, которые подобные опыты произвели и доложили об их результатах широкой общественности.

Что же касается постулата о независимости и самостоятельном существовании этого лучшего из миров, то, конечно, столь удачливый человек, как профессор, обладающий хорошим пищеварением, может позволить себе придерживаться подобных взглядов на данный вопрос, но человек, умирающий от рака желудка где-нибудь в лондонской трущобе, скорее всего, усомнится в доктрине, предлагающей ему отказаться от стремления к лучшей доле, нежели та, которую судьба уготовила ему на земле.

Это была достойнейшая речь, подкреплённая фактами, цифрами и датами. Хотя она и не отличалась красноречием, в ней содержались вопросы, на которые, как это ни прискорбно, Челленджер ответить не смог. Он зачитал собственную речь, но не придал значения выступлению противника, уподобившись тем легковерным

писателям, которые пишут о предмете, как следует его не изучив. Вместо ответа по существу Челленджер вышел из себя. Лев начал рычать. Его чёрная грива встала дыбом, глаза сверкали, а голос грохотал под сводами зала. Кто все эти люди, прикрывающиеся несколькими известными именами учёных, пошедших по ложному пути? И по какому праву требуют они от серьёзного исследователя, чтобы тот приостановил свои собственные изыскания и стал тратить драгоценное время на исследование их безумных фантазий? Есть вещи настолько очевидные, что они не нуждаются в доказательствах! Бремя доказательства лежит на том, кто выдвигает гипотезу. Если же этот джентльмен, чьё имя мало кому что говорит, утверждает, будто может вызывать духов, то пусть вызовет хоть одного — прямо сейчас, здесь, перед здравомыслящей и непредубеждённой аудиторией. Он заявляет, что получает послания, — так пусть тогда познакомит нас с последними событиями, о которых ещё не сообщил телеграф. *(Выкрики спиритуалистов: «Это уже делалось, и не раз!»)* А я не верю! Слишком много я слышал ваших диких утверждений, чтобы принимать их всерьёз. *(Шум в зале, и судья Гейверсон вскакивает со своего места.)* В конце

концов, если его посещают откровения свыше, пусть раскроет тайну убийства Пекема Рая. Если он входит в контакт с высшими силами, пусть подарит миру философию, которая была бы выше той, что может создать человеческий разум. Все эти лженаучные опыты: скрывающий простое невежество антураж, болтовня об эктоплазме и подобной мифической чепухе — не что иное, как обскурантизм, ублюдочное порождение дикости и предрассудков. И всегда, лишь только дело доходит до тщательного расследования, сталкиваешься с научной нечистоплотностью и интеллектуальной распущенностью. Любой медиум на поверку оказывается злостным шарлатаном. *(«Вы лжёте!» — послышался женский голос из того угла, где сидели Линдены.)* Голоса покойников вечно несут какой-то вздор. Психиатрические клиники переполнены теми, кто исповедует этот культ, и могли бы стать ещё полнее, если бы каждый из последователей спиритизма получил по заслугам.

Речь вышла страстная, но малоубедительная. Было ясно, что великий учёный сбит с толку и выведен из себя. Он наконец осознал, что к разговору на таком уровне не готов, поэтому в качестве единственного средства защиты избрал брань и

огульные утверждения, которые можно было бы себе позволить в кругу единомышленников, но ни в коем случае не противников, только и ищущих повода за что-нибудь зацепиться. Казалось, его гневная отповедь только позабавила спиритуалистов, а материалисты между тем беспокойно заёрзали на своих местах. Затем поднялся Джеймс Смит, чтобы нанести оппоненту решающий удар. На устах его играла озорная улыбка, но во всём облике чувствовалась скрытая угроза.

Он попросил бы своего прославленного соперника проявить более научный подход. Поразительно, но факт: многие учёные мужи, если вдруг затронуты их пристрастия и предвзятые суждения, начинают проявлять просто-таки смехотворное неуважение к собственным принципам, самый главный из которых требует прежде изучить предмет и уж потом его клеймить. В последние годы на примере беспроволочного телеграфа и летательных аппаратов тяжелее воздуха мы убедились, какие на свете встречаются чудеса, поэтому крайне неосторожно заявлять a priori, будто какое-то явление абсолютно невозможно, а именно такую ошибку совершает профессор Челленджер. Он воспользовался той славой, которую по праву приобрёл

в определённых областях науки, для того чтобы скомпрометировать предмет, о котором не имеет ни малейшего понятия. Если человек является выдающимся физиком и физиологом, это ещё не говорит о том, что он большой специалист в вопросах души.

Совершенно очевидно, что профессор Челлен-

джер не удосужился прочесть даже основные труды по вопросу, в котором он объявляет себя знатоком. А между тем может ли он сообщить уважаемой публике, кто является медиумом у Шренк-Нотцинга? *(Пауза в ожидании ответа.)* А имя медиума у доктора Кроуфорда? Нет? Может быть, профессор знает, какова была цель экспериментов профессора Цольнера из Лейпцига? Что, мы и этого не знаем? Но ведь это основные вопросы дискуссии! Оратор некоторое время сомневался, стоит ли переходить на личности, но сильные выражения, которые позволил себе профессор, требуют соответствующей откровенности с его стороны. Известно ли, например, профессору, что эктоплазма, над которой он позволяет себе так насмехаться, в последнее время была исследована двадцатью немецкими профессорами — вот список их имён, — которые единогласно подтвердили её существование? Так как же профессор Челленджер может отрицать то, что доказано этими джентльменами? Или, может быть, он и их объявит дураками и преступниками? Но дело-то в том, что профессор явился сюда, не имея об этих фактах ни малейшего представления, — он впервые услышал о них лишь здесь. Ему невдомёк, что наука о душе имеет свои законы, иначе он не

стал бы требовать, чтобы создание из эктоплазмы появилось при полном свете на этой сцене, хотя любой начинающий изучать спиритизм знает, что эктоплазма при свете распадается. Что же касается убийства Пекема Рая, то раньше как-то не принято было считать, будто потусторонний мир — это филиал Скотленд-Ярда. Так что многоуважаемый профессор попросту пускал всем пыль в глаза…

Тут-то всё и началось. Сперва Челленджер ёрзал на стуле, теребил бороду, бросал свирепые взгляды на выступавшего, но вдруг неожиданно вскочил и, как раненый лев, одним прыжком подскочил к столу председателя. Сей джентльмен дремал, откинувшись в кресле и сложив пухлые ручки на довольно упитанном животе, но атака профессора заставила его вздрогнуть, при этом он чуть не свалился в оркестровую яму.

— Сядьте, сэр! Сядьте! — возопил он.

— И не подумаю! — пророкотал в ответ Челленджер. — Сэр, я обращаюсь к вам как к председателю! Что же, выходит, меня пригласили сюда, чтобы оскорблять! Это переходит всякие границы, и я больше не намерен терпеть! Коль скоро затронута моя честь, я имею полное право постоять за себя!

Как все люди, не привыкшие считаться с мнением других, Челленджер весьма болезненно воспринимал всякое несогласие с его собственным. Каждое новое колкое замечание противника отзывалось в нём подобно бандерилье, вонзающейся в бок разъярённого быка. В бессильной ярости потрясал он огромным волосатым кулаком над головой председателя, хотя угрозы его предназначались непосредственному противнику, который отвечал насмешливой улыбкой, и эта улыбка в конце концов толкнула нашего героя на самые решительные действия: он угрожающе двинулся на толстяка-председателя, а тот стал медленно отступать. Среди публики поднялся страшный шум. Часть рационалистов была шокирована, остальные же гневно кричали: «Стыд! Позор!», желая поддержать своего любимца. Спиритуалисты отпускали ехидные замечания, а некоторые даже бросились на помощь Смиту, чтобы уберечь его от физической расправы.

— Надо спасать старика, — обратился к Мелоуну лорд Рокстон, — иначе он себя погубит. Похоже, он невменяем — заедет кому-нибудь по физиономии, а его потом к суду привлекут.

На сцене тем временем началась настоящая потасовка, да и в зале обстановка была не лучше.

Мелоун и Рокстон с трудом пробрались к сцене и, действуя частично силой, частично уговорами, потащили Челленджера из зала, а тот всё продолжал осыпать проклятьями своего обидчика. Послышались мольбы, обращённые к председателю, и собрание закончилось — в суматохе и неразберихе.

«Весь этот прискорбный эпизод, — писала на следующее утро „Таймс“, — убедительно доказывает опасность публичных дебатов, особенно если предмет спора может всколыхнуть страсти как ораторов, так и слушателей. Такие выражения, как „безмозглый идиот“ и „недоразвитая обезьяна“, употреблённые всемирно известным профессором по отношению к своему оппоненту, наглядно демонстрируют, до чего могут дойти участники подобных диспутов».

Итак, после многословного отступления мы вновь возвращаемся к профессору Челленджеру, сидящему в самом дурном расположении духа с вышеупомянутым номером «Таймс» в руках и хмурым выражением на лице. И угораздило же Мелоуна выбрать именно этот момент для того, чтобы задать профессору весьма деликатный вопрос.

Впрочем, справедливости ради следует за-

метить, что наш приятель этого момента не выбирал — просто зашёл удостовериться, что человек, к которому, несмотря на все его причуды, он питал глубокое уважение и даже любовь, в результате событий предыдущего вечера не пострадал. Но ему вряд ли стоило беспокоиться на сей счёт.

— Это невыносимо! — орал профессор всё тем же тоном, так что могло показаться, будто он кричал одно и то же всю ночь. — Мелоун, вы тоже были там и, несмотря на ваше необъяснимое и ничем не оправданное сочувствие к бессмысленным идеям этих людей, должны признать, что собрание велось из рук вон плохо и мой праведный гнев был вполне оправдан. Возможно, когда я швырнул стол председателя в президента «Духовного колледжа», я несколько переусердствовал, но они меня довели. Вы же помните, как этот Смит, или Браун, или как его там — впрочем, это не важно — осмелился обвинить меня в невежестве и в том, что я пускаю пыль в глаза.

— Это верно, — примирительно сказал Мелоун. — Но не беда, профессор, вы ведь тоже в долгу не остались.

Хмурое лицо Челленджера прояснилось, и он весело потёр руки:

— Да-а, лично мне кажется, что некоторые мои удары попали в цель, и полагаю, они не скоро забудутся. Эти людишки просто содрогнулись, когда я сказал, что по ним жёлтый дом плачет. Так и завизжали, помню, ну прямо как щенки. Хотя, признаюсь, безумная идея, будто я обязан читать их идиотские книжонки, немного вывела меня из себя. И всё-таки надеюсь, мой мальчик, что сегодняшним вашим появлением я обязан тому, что моя вчерашняя речь повлияла на вас и вы пересмотрели те взгляды, которые, должен признаться, подвергают серьёзному испытанию нашу дружбу.

Мелоун отважно ринулся навстречу опасности.

— Я пришёл, — выпалил он, — по несколько иному поводу. Вы, должно быть, заметили, что ваша дочь Энид и я последнее время тесно общались, и для меня, сэр, она стала единственной избранницей, поэтому я уже никогда не буду счастлив, если не смогу назвать её своей женой. Я не богат, но мне недавно предложили в одном издании место заместителя главного редактора, так что я вполне могу позволить себе обзавестись семьёй. Мы с вами знакомы довольно давно, и я надеюсь, вы ничего против меня не имеете.

Позвольте же рассчитывать на ваше согласие!

Челленджер погладил бороду, веки его угрожающе прикрыли глаза.

— Мои чувства, — сказал он, — не настолько притупились, чтобы я не заметил, какие отношения установились между вами и моей дочерью. Но этот вопрос в значительной степени связан с проблемой, которую мы ещё не закончили обсуждать. Боюсь, оба вы впитали яд тех опасных заблуждений, искоренению которых я готов посвятить жизнь. Хотя бы ради потомков я не могу дать согласие на союз, строящийся на подобном основании, поэтому мне нужны веские доказательства того, что ваши взгляды стали более взвешенными. Я буду просить о том и свою дочь.

Так неожиданно Мелоун оказался в ряду достойных мучеников идеи. Предстояло сделать трудный выбор, но Мелоун и тут не растерялся:

— Боюсь, сэр, вы не стали бы относиться ко мне лучше, если бы я стал менять свои взгляды — не важно, верны они или нет — под влиянием меркантильных соображений. И я не стану поступаться убеждениями, даже если без этого не смогу получить руку Энид. Уверен, что она разделяет мою точку зрения.

— Так, значит, вас не впечатлило моё блестя-

щее выступление?

— Напротив, сэр. Я считаю, что ваша речь была верхом красноречия.

— Но я вас не убедил?

— Нет, поскольку для меня гораздо важнее доказательства, полученные при помощи моих собственных чувств.

— Но ваши чувства мог обмануть какой-нибудь мошенник-трюкач.

— Боюсь, сэр, я уже сделал свой выбор.

— Ну, в таком случае, я тоже, — прорычал Челленджер, бросив на Мелоуна неожиданно враждебный взгляд. — А теперь вы покинете этот дом и вернётесь только тогда, когда вновь обретёте рассудок.

— Минуточку, — остановил его Мелоун. — Прошу вас, сэр, не принимайте скоропалительных решений. Я слишком дорожу вашей дружбой, чтобы рисковать ею. Возможно, под вашим руководством я бы скорее разобрался в вопросах, которые ставят меня в тупик. Если мне удастся всё устроить, не согласитесь ли вы лично присутствовать на одном из сеансов, чтобы благодаря вашей невиданной наблюдательности пролить свет на вещи, которых я сам не могу понять?

Челленджер был неимоверно падок на лесть.

Он сразу почувствовал себя важной птицей, распустил перья и захорохорился.

— Если я, дорогой Мелоун, смогу помочь вам избавиться от этой заразы — назовем её, скажем, microbus spiritualensis, — то я весь к вашим услугам. С радостью уделю часть своего свободного времени, чтобы разоблачить эти пагубные заблуждения. Не стану утверждать, что вам не хватает мозгов, но вы слишком добродушны, поэтому легко подпадаете под чужое влияние. Только предупреждаю, что я буду въедливым и дотошным инспектором и полностью использую возможности лабораторных методов, в которых я, по общему признанию, так преуспел.

— Именно об этом я и мечтал.

— Тогда вам остаётся лишь всё подготовить, а уж я не заставлю себя ждать. Пока же я вынужден настаивать на том, чтобы вы на время оставили в покое мою дочь.

Некоторое время Мелоун колебался.

— Обещаю вам ждать шесть месяцев, — нако-

нец сказал он.

— Что же вы собираетесь делать потом?

— Там видно будет, — дипломатично ответил Мелоун, тем самым с честью выйдя из довольно сложной ситуации.

Случилось так, что, покинув квартиру профессора, Мелоун столкнулся с Энид, которая возвращалась из магазина. Со свойственным ирландцам нахальством Мелоун рассудил, что отсчёт обещанных шести месяцев можно начать в любой момент, но не обязательно прямо сейчас, поэтому он уговорил Энид спуститься с ним в лифте. Лифт был из тех, что управляются изнутри, и одному лишь Мелоуну известно, каким образом он застрял между этажами, но факт тот, что, несмотря на стук и нетерпеливые звонки, он тронулся с места не раньше чем через пятнадцать минут. Когда же агрегат вновь заработал, Энид вернулась домой, а Мелоун оказался на улице, оба уже были морально готовы к шестимесячному ожиданию и надеялись, что им удастся благополучно пережить этот эксперимент.

Глава четырнадцатая, в которой Челленджер неожиданно встречает необычного коллегу

Профессор Челленджер трудно сходился с людьми. Быть его другом одновременно означало и быть его вассалом. Он не терпел равных себе, но в роли покровителя был непревзойдён. Тогда — при всей своей царственной осанке, гипертрофированном чувстве собственного достоинства, самодовольной улыбке и облике снизошедшего до простых смертных божества — он мог держаться в высшей степени дружелюбно. Но многого и требовал в благодарность за своё расположение: глупость внушала ему отвращение, физическое уродство отталкивало, независимость вызывала протест. Ему нужен был друг, которым бы восторгался весь мир, но тот должен был, в свою очередь, восторгаться одним-единственным сверхчеловеком, верховным существом. И такого друга Челленджер обрёл в лице доктора Росса Скоттона, который одновременно стал и любимым его учеником.

А теперь этот человек смертельно заболел. Его

пользовал доктор Аткинсон из больницы Святой Марии, который уже появлялся на страницах нашей повести, и его сообщения о состоянии больного были весьма удручающими. Болезнь называлась «рассеянный склероз», и Челленджер знал, что Аткинсон не преувеличивает, говоря, что выздоровление почти невероятно. Как всё-таки несправедлива судьба: молодой блестящий учёный, ещё не достигший своего апогея, но уже написавший такие основополагающие труды, как «Эмбриология симпатической нервной системы» и «Ошибки справочника *Обсоник*», должен буквально превратиться в ничто, распавшись на отдельные химические элементы и не оставив следов своего существования. Что оставалось профессору: лишь пожимать своими широкими плечами, трясти своей огромной головой и готовиться к неизбежному. День ото дня вести, доходившие от ложа умирающего, становились всё более печальными, а потом и вовсе наступила зловещая тишина. Однажды Челленджер навестил своего юного друга в его квартире на Гауэр-стрит, но то, что он увидел, так его потрясло, что он больше своих визитов не возобновлял. Судороги скручивали страдальца в бараний рог, и ему приходилось закусывать

губы, чтобы подавить стон, — возможно, стоны и облегчили бы его мучения, но Россу Скоттону это казалось недостойным мужчины. Он ухватился за руку учителя, как утопающий хватается за соломинку.

— Неужели всё действительно так, как вы говорите, и меня не ждёт ничего, кроме отпущенных мне шести месяцев пытки? И ни единого проблеска жизни в беспросветном мраке вечной смерти?

— Мужайтесь, мой мальчик, мужайтесь, — сказал Челленджер. — Лучше смотреть правде в глаза, чем искать утешения в бессмысленных фантазиях.

При этих словах с губ несчастного сорвалось долго сдерживаемое стенание. Челленджер вскочил и опрометью кинулся прочь.

Но затем события приняли неожиданный оборот. Всё началось с появления мисс Делисии Фримен.

Однажды утром в квартиру профессора постучали. Открыв дверь, Остин, дворецкий, — суровый и молчаливый — на высоте своего роста не обнаружил никого. Лишь опустив взгляд, он заметил наконец миниатюрную женщину с тонкими чертами лица, которая смело глядела на него своими

глазами-бусинками.

— Мне надо видеть профессора, — сказала она и нырнула в сумочку, чтобы выудить оттуда визитную карточку.

— Он не может вас принять, — ответствовал Остин.

— О, я уверена, что может, — невозмутимо парировала крохотная женщина. Ни редакционные лабиринты, ни кабинеты государственных мужей, ни высочайшие канцелярии не пугали её, если она знала, что может сделать добро.

— Он никого не принимает, — повторил Остин.

— Но я должна его увидеть, — заявила мисс Фримен и вдруг нырнула дворецкому под руку, а затем с безошибочным инстинктом направилась к святилищу — кабинету профессора, — постучалась и вошла.

Из-за бумаг, которыми был завален стол, поднялась львиная голова. Львиные глаза сверкнули.

— Как понимать это вторжение? — взревел лев.

Но маленькая женщина ничуть не смутилась — она ласково улыбнулась сердитому лицу.

— Я так рада с вами познакомиться, — сказала она. — Меня зовут Делисия Фримен.

— Остин! — заорал профессор. Бесстрастная физиономия дворецкого появилась в дверях. — Что происходит, Остин? Как сюда попала эта особа?

— Я не смог её удержать, — жалобно промямлил дворецкий. — Пожалуйте за мной, мисс, нам уже надоели подобные штучки.

— Нет, нет! Вы не должны сердиться, это вам не идёт! — кокетливо протянула женщина. — Мне

говорили, что вы просто чудовище, но на самом деле вы — душка!

— Кто вы такая? Чего вам надо? И знаете ли вы, что я один из самых занятых людей в Лондоне?

Мисс Фримен вновь нырнула в сумочку: она вечно рылась у себя в сумке, выуживая оттуда то буклет об Армении, то памфлет о Греции, то брошюру о деятельности христианской миссии в Индии, то манифест какой-нибудь секты. На этот раз на свет божий был извлечён свёрнутый вчетверо листок.

— От доктора Росса Скоттона, — объявила она.

Письмо было небрежно свёрнуто и настолько коряво написано, что его было трудно читать. Челленджер склонился над ним.

«Дорогой друг и наставник, выслушайте, пожалуйста, то, что скажет эта дама. Я понимаю, что это противоречит вашим взглядам, и всё равно я должен на это пойти. Вы сами говорили, что у меня нет надежды, но я испробовал один метод, и он мне помог. Знаю, что всё это звучит дико, а я произвожу впечатление безумца, но слабая надежда лучше никакой. На моём месте вы поступили бы так же, посему не отбросить ли вам предубеждения, чтобы своими глазами во всём убедиться? Доктор Фелкин будет у меня в три. Дж.

Росс Скоттон».

Челленджер прочитал письмо дважды и вздохнул: сознание писавшего было явно помрачено.

— Он пишет, чтобы я выслушал вас. Так что вы имеете сказать? Только прошу быть краткой.

— Это доктор-дух, — ответила женщина.

Челленджер так и подскочил.

— Боже милостивый, я никогда не избавлюсь от этой чепухи! — возопил он. — Ну неужели нельзя дать несчастному спокойно умереть? Нет, они и на нём начинают пробовать свои фокусы!

Мисс Делисия захлопала в ладоши, и в её быстрых маленьких глазках засверкал радостный огонёк.

— Но он не собирается умирать! Он поправляется!

— Кто это сказал?

— Доктор Фелкин, а он никогда не ошибается.

Челленджер в ответ только фыркнул.

— А давно ли вы видели нашего больного? — спросила дама.

— Около месяца назад.

— Сейчас бы вы его не узнали: он почти здоров.

— Здоров? Вы хотите сказать, что он вылечился от рассеянного склероза за несколько недель?

— Приходите и сами убедитесь!

— Вы хотите вовлечь меня в какое-то неслыханное шарлатанство, противное роду человеческому. А потом моё имя появится в рекомендательных письмах этого мошенника. Уж я их породу изучил. Если я и приду, то просто возьму его за шиворот и спущу с лестницы.

Женщина от души рассмеялась:

— Он повторит вслед за Аристидом: «Убей, но выслушай меня». И я уверена, вы не откажете ему в этой просьбе. Ваш ученик — копия вы. Мне кажется, его угнетает, что лечение проводится столь нетрадиционными методами. Это я пригласила доктора Фелкина, несмотря на его протест.

— А, так это ваша затея? А не слишком ли много вы на себя берёте?

— Я готова нести ответственность за свои действия, если уверена, что права! Я беседовала с доктором Аткинсоном — он кое-что понимает в проблемах души и относится к ним с меньшей предубеждённостью, чем все вы, служители науки, — так вот, он согласился с мнением, что для умирающего все средства годятся. Тогда и появился доктор Фелкин.

— И какое же лечение предложил этот ваш шаман?

— Для того-то доктор Росс Скоттон и хочет видеть вас. — Она взглянула на часы, которые извлекла из глубин своей необъятной сумки. — Через час он уже будет там. Я передам вашему другу, что вы собираетесь прийти, — уверена, что вы не станете расстраивать его. Ой! — Тут она вновь погрузилась в недра сумки. — Вот последняя информация по бессарабскому вопросу. Там всё гораздо серьёзнее, чем многие склонны полагать. У вас как раз хватит времени, чтобы ознакомиться с ней. Итак, прощайте, дорогой профессор, au revoir!

Она лучезарно улыбнулась сердитому льву и удалилась.

Но её миссия удалась, — впрочем, так случалось всегда. Было что-то неизъяснимо привлекательное в бескорыстном энтузиазме этой крохотной женщины, которая могла во мгновение ока перетянуть на свою сторону любого — начиная со старшины общины мормонов и кончая албанским разбойником, — возлюбив преступника и скорбя о грехе. Челленджер не составил исключения и тоже пал жертвой её чар. И вот вскоре после трёх он, поднявшись по узкой лестнице, уже стоял в дверях скромной спальни, где, прикованный к постели, лежал его любимый ученик.

Росс Скоттон был одет в красный халат, и его учитель с радостным удивлением заметил, что лицо больного округлилось, а в глазах вновь засветилась надежда и появился здоровый блеск.

— Взгляните, я её поборол! — воскликнул он. — Уже после первой встречи Фелкина с Аткинсоном я почувствовал, что силы возвращаются ко мне. О учитель, если бы вы знали, как невыносимо лежать без сна и чувствовать, что эти проклятые микробы подтачивают основы основ твоей жизни! Я буквально слышал их мерзкую возню! А эти судороги, когда твоё тело сводит так, что оно скручивается в тугой узел, словно неправильно собранный скелет! Сейчас же боль почти прошла, если не считать некоторого расстройства пищеварения и волдырей на ладонях. И всё благодаря этому чудному доктору, который так мне помог!

Он сделал жест рукой, будто желая на кого-то указать. Челленджер сердитым взглядом обвёл комнату, ожидая обнаружить наглеца-шарлатана, но вокруг не было никакого врача. Лишь в углу дремала хрупкая девушка, похожая на сиделку, — тихая, скромная, с копною каштановых волос. Мисс Делисия, сдержанно улыбаясь, стояла в дверях.

— Я рад, что вам лучше, мой юный друг, — ска-

зал Челленджер, — но не пытайтесь обманывать себя. Эта болезнь имеет собственные законы и естественный цикл.

— Поговорите с ним, доктор Фелкин, объясните ему всё, — произнёс больной.

Челленджер поднял взгляд к потолку, затем осмотрел пол. Его ученик со всей очевидностью обращался к какому-то врачу, который, по всем признакам, должен был находиться в комнате, но профессору никого обнаружить не удалось. Не настолько же Росс Скоттон помрачился рассудком, чтобы считать, будто его лечат некие бесплотные существа?

— Это на самом деле требует некоторых разъяснений, — раздался низкий мужской голос у профессора за спиной.

Он обернулся. Голос явно звучал из уст хрупкой девушки, дремавшей в углу.

— Позвольте представить — доктор Фелкин, — сказала мисс Делисия с лукавой улыбкой.

— Что за чушь! — заорал Челленджер.

Девушка поднялась, неловко одёргивая платье; затем она сделала нетерпеливый жест рукой:

— Было время, дорогой коллега, когда табакерка составляла столь же неотъемлемую часть моей экипировки, как инструменты для кровопуска-

ний. Я жил в те времена, когда Лаэннек[58] ещё не изобрёл стетоскопа, поэтому такого инструмента у меня не было, но небольшой хирургический набор был всегда под рукой. А табакерка умиряла страсти, и я с радостью предложил бы её вам, но, увы! — её время прошло.

Пока произносилась эта речь, Челленджер стоял, вытаращив глаза и открыв рот; затем он повернулся к больному:

— Вы хотите сказать, что это и есть ваш врач, то есть вы пользуетесь советами этой особы?

Девушка держалась довольно неуклюже:

— Сэр, я не собираюсь с вами спорить. Очевидно, вы из тех, кто слишком много внимания уделяет материалистическому знанию, так что у них совершенно не хватает времени постичь возможности духа.

— Разумеется, у меня нет времени на всякую ерунду, — отрезал Челленджер.

— Дорогой учитель! — раздался голос с постели. — Умоляю вас помнить о том, как много доктор Фелкин сделал для меня. Вы видели, что

---

[58] Notes: 58

Рене Теофиль Гиацинт Лаэннек (1781–1826) — французский анатом и врач, изобрёл в 1816 г. стетоскоп — прибор для выслушивания тонов сердца, дыхательных шумов, трения плевры и иных звуков, возникающих в организме в физиологических и патологических условиях.

было со мной месяц назад, а сейчас можете собственными глазами убедиться, что с тех пор всё изменилось. Надеюсь, вы не станете обвинять моего лучшего друга.

— Я просто уверена, профессор, что вы должны принести доктору Фелкину свои извинения, — подхватила мисс Делисия.

— Сумасшедший дом! — недовольно проворчал Челленджер. А затем избрал свой излюбленный и наиболее эффективный метод воздействия на нерадивых студентов — тяжеловесную и неуклюжую иронию. — Юная леди, — или мне лучше сказать, почтенный и многоуважаемый профессор? — надеюсь, вы разрешите скромному и мало в чём сведущему любителю научных занятий, который обладает лишь знанием, доступным простым смертным на земле, смиренно примоститься в уголке и хотя бы отдалённо постичь ваши методы и ваше учение.

Эту речь Челленджер произнёс, втянув голову в плечи, полуприкрыв глаза и вытянув вперёд руки ладонями вверх, всей своей позой выражая неизбывный сарказм.

Тем временем доктор Фелкин мерила комнату тяжёлыми и нетерпеливыми шагами, не обращая на это ни малейшего внимания.

— Конечно, конечно, — рассеянно бросила она. — Можете расположиться где-нибудь в уголке, но только прошу вас молчать, ибо этот случай требует напряжения всех моих сил. — Тут её лицо приобрело властное выражение, и она повернулась к больному. — Ну вот, вам уже лучше. Месяца через два сможете вернуться к преподавательской деятельности.

— Не может быть! — чуть не плача, воскликнул Росс Скоттон.

— Ошибаетесь! Это говорю вам я — а я, как известно, слов на ветер не бросаю.

— Я прослежу, — вмешалась мисс Делисия. — А теперь умоляю вас, милый доктор, расскажите нам, кем вы были при жизни!

— Ну-ну-ну! Женщины неисправимы! Судачили в мои времена, судачат сейчас. Ну уж нет! Осмотрим лучше нашего юного друга. Пульс: прерывистость прошла. Уже хорошо. Температура — нормальная. Давление — несколько выше, чем хотелось бы. Пищеварение — могло быть и лучше. Не повредило бы то, что вы сейчас называете голоданием. В целом состояние неплохое. А теперь обратимся к непосредственному очагу болезни. Поднимите рубашку, сэр! Ложитесь на живот. Отлично! — Сильными и ловкими

пальцами девушка прошлась по верхней части позвоночника, а потом вдруг неожиданно резко надавила на него костяшками пальцев, так что пациент вскрикнул от боли. — Ну вот, так-то лучше. Я уже объяснял, что здесь необходимо некоторое выравнивание шейных позвонков, ибо сейчас мы имеем сужение каналов, через которые проходят нервные окончания. В результате они оказались ущемлены, а поскольку эти нервы — проводники жизненной силы, то их ущемление привело к нарушению взаимодействия частей организма. Глазами я вижу не хуже, чем вы с помощью ваших рентгеновских лучей, поэтому могу с уверенностью сказать, что практически восстановлено исходное положение позвонков и фатальное ущемление устранено. Надеюсь, сэр, — обратился он к Челленджеру, — вам понятны мои объяснения относительно данной патологии.

Челленджер что-то пробурчал, из чего можно было сделать вывод о его несогласии и полной враждебности.

— Я готов дать исчерпывающие разъяснения по любому вопросу, который вызывает у вас затруднения. Ну, мой дорогой, вы моя гордость, и ваше выздоровление меня радует. Передайте

от меня привет моему земному коллеге доктору Аткинсону и скажите ему, что я сделал всё, что мог. Мой медиум немного устал — бедная девочка! — поэтому я больше задерживаться не могу.

— Но вы обещали рассказать о себе!

— Да не о чем особенно рассказывать. Я был рядовым врачом. В юности служил под началом великого Абернетти и перенял некоторые из его приёмов; в более зрелые годы продолжил свои штудии, что позволило мне, как бы это сказать, принести пользу человечеству. Вы, конечно, понимаете, что лишь благодаря самоотречению и беззаветному служению людям переходим мы в высшие сферы. Моё служение таково, и мне остаётся только возблагодарить судьбу, что в этой девушке я нашёл человека, чьи жизненные импульсы совпадают с моими, благодаря чему я могу воплощаться в неё и управлять её телом.

— А где сейчас её душа? — спросил больной.

— Она находится возле меня и вот-вот вновь вселится в свою оболочку. Что же касается вас, сэр, — обратился он к Челленджеру, — то вы сильная личность и образованный человек, но погрязли в материализме, которым, словно проклятием, отмечена ваша эпоха. Уверяю вас, что профессия врача, которая превыше всех на

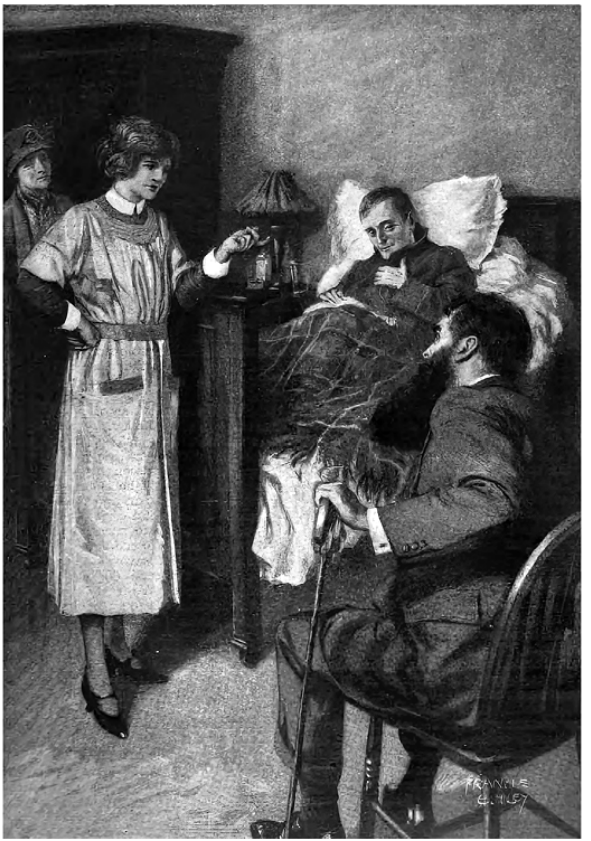
земле в силу бескорыстного служения людям, в значительной степени подверглась воздействию догматизма, который навязывают подобные вам, и в результате духовное начало в человеке оказалось незаслуженно забыто, а оно намного важнее, чем все ваши зелья и минералы. Помните, сэр, что существует так называемая жизненная сила, и медицина будущего будет основываться на умении правильно ею управлять. Если же пренебрегать ею, то доверие пациентов постепенно будет утрачено, и они обратят свои взоры к тем, кто готов предложить им разнообразные методы лечения.

Никогда Росс Скоттон не забудет этой сцены. Профессор, Мастер, высочайший авторитет, к которому надо было обращаться, затаив дыхание, теперь сидел, слегка подавшись вперёд, вытаращив глаза и приоткрыв рот от изумления, в то время как юная девушка с копною каштановых волос стояла перед ним, наставительно тыча в него пальцем, и говорила тоном, каким отец укоряет строптивого ребёнка. Её внутренняя сила была настолько велика, что Челленджер на какое-то время вынужден был подчиниться. Он глотал ртом воздух, пытаясь что-то произнести, но слова возражения так и не сорвались с его губ.

Потом девушка повернулась и села на стул.

— Он собирается покинуть нас, — сказала мисс Делисия.

— Но я пока ещё здесь, — с улыбкой произнесла девушка. — Да, я должен уйти, ибо у меня ещё масса дел. Это не единственный мой медиум, и через несколько минут меня ждут в Эдинбурге. Крепитесь, молодой человек. Я оставлю моей помощнице два запасных аккумулятора для подкрепления вашей жизненной силы в тех масштабах, в каких позволит ваш организм. А вы, сэр, — обращаясь к Челленджеру, — примите мой совет: не стоит слишком доверяться разуму, слишком полагаться на интеллект. Храните старое знание, но и будьте восприимчивы к новому, оценивая его с точки зрения божественного предназначения, а не так, как того хотелось бы лично вам.



Девушка издала глубокий вздох и откинулась на стуле. На мгновение воцарилась полная тишина — пока она сидела неподвижно, свесив голову на грудь. Затем, вздрогнув и ещё раз вздохнув, она открыла удивлённые голубые глаза.

— Ну что, он приходил? — спросила она нежным девическим голоском.

— Конечно! — воскликнул больной. — Он был великолепен и обещал, что через два месяца я уже смогу преподавать!

— Это просто прекрасно! А он оставил какие-нибудь указания для меня?

— Как обычно — только массаж. К тому же он обещал подключить два новых энергетических источника для поддержания душевных сил, если мой организм справится с нагрузкой.

— Ну, теперь-то он не заставит себя долго ждать!

Внезапно взгляд девушки упал на Челленджера, и она, смутившись, осеклась.

— Это сестра Урсула, — поспешила ей на помощь мисс Делисия. — А это знаменитый профессор Челленджер.

С женщинами Челленджер был неподражаем, особенно если перед ним оказывалась молодая, привлекательная девушка. Он приблизился к ней

— так когда-то, должно быть, сам царь Соломон шёл навстречу царице Савской, — взял за руку и отечески потрепал по волосам:

— Милочка, вы слишком юны и очаровательны, чтобы участвовать в подобном обмане. Откажитесь от этого раз и навсегда! Разве вам не довольно того, что вы прехорошенькая и к тому же ещё сестра милосердия, — так стоит ли претендовать на высочайшее звание врача? Откуда у вас этот жаргон: «шейные позвонки», «последующее сужение канала»?

Сестра Урсула беспомощно оглядывалась по сторонам, словно человек, попавший в объятия гориллы.

— Она не понимает ни слова из того, что вы говорите! — воскликнул больной. — Учитель, вы должны постараться смотреть правде в глаза! Я понимаю, каких усилий это потребует от вас, — в меньшей степени, но я пережил это сам, — однако поверьте, вы будете воспринимать действительность в искажённом виде, пока не осознаете существования мира духов вне нас.

Но Челленджер продолжал в том же наставительном тоне, хотя перепуганная девушка начала потихоньку отодвигаться от него.

— Ну вот скажите, кто же тот учёный эскулап,

на которого вы работаете и который обучил вас всем этим учёным словам? Вы же понимаете, что меня обманывать бесполезно! Милое дитя, вам самой станет легче, когда вы облегчите душу, и мы вместе посмеёмся над лекцией, которую вы мне прочли!

Но тут неожиданно вмешался больной, желая прекратить этот безобразный допрос: он сел в постели, ярким красным пятном выделяясь на фоне белых подушек, и заговорил с напором, который явно свидетельствовал о его близком выздоровлении.

— Профессор Челленджер! — возбуждённо начал он. — Вы оскорбляете моего лучшего друга! Хотя бы в моём доме она должна быть избавлена от насмешек, которые подсказывают вам научные предрассудки. Прошу вас покинуть эту комнату, если вы не можете говорить с сестрой Урсулой в более сдержанной манере!

Челленджер было вспыхнул, но тут вмешалась Делисия, которая всегда выступала в роли миротворца.

— Вы слишком торопитесь, дорогой доктор Росс Скоттон! — воскликнула она. — У профессора ещё не было времени осмыслить то, что здесь произошло. Поначалу вы тоже воспринимали всё

скептически, так можем ли мы его винить?!

— Да, да, вы правы, — поспешил согласиться молодой врач. — Мне казалось, что это позволяет расцвести пышным цветом небывалому шарлатанству, — так и было, факт остаётся фактом.

— «Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу»[59], — изрекла мисс Делисия. — Профессор, вы, конечно, можете недовольно поднимать брови и пожимать плечами, но семя, брошенное сегодня в ваш мозг, обязательно прорастёт; оно взойдёт и даст свои плоды. — Тут она вновь погрузилась в свою сумку. — Вот, возьмите эту брошюрку, «Разум против Души», прочтите и передайте другим.

Глава пятнадцатая, в которой готовится капкан на крупного зверя

Хотя Мелоун и дал обещание не беседовать с Энид о любви, но взгляд тоже может говорить, поэтому их общение не прервалось. Во всём же остальном он строго соблюдал уговор, как ни трудно это ему давалось. Он был частым гостем в

---

[59] Notes: 59
Ин. 9: 25.

доме профессора и к тому же желанным, особенно с тех пор, как страсти вокруг диспута несколько улеглись. Теперь целью жизни для Мелоуна стало заставить великого учёного с благосклонностью отнестись к тем сторонам жизни духа, которые так увлекли его самого. Он принялся за дело с усердием, но и с осторожностью, ибо понимал, что с вулканом шутки плохи и извержение может произойти в любой момент. Пару раз уже наблюдались незначительные вспышки, которые вынуждали Мелоуна отступить и затаиться на несколько недель, пока почва вновь не обретала достаточной твёрдости.

Каждый раз Мелоун изобретал всё новые хитроумные подходы к профессору, хотя одним из его излюбленных приёмов было обратиться к Челленджеру за консультацией по какому-нибудь научному вопросу: например, спросить об особенностях животного мира в проливе Банда или о насекомых Малайского архипелага и поддерживать беседу до тех пор, пока Челленджер не заявлял, что всеми этими сведениями человечество обязано Альфреду Расселу Уоллесу.

— Кто бы мог подумать — Уоллесу-спиритуалисту! — восклицал тогда с невинным видом Мелоун, на что Челленджер сердито сверкал

глазами и переводил разговор.

Иногда в качестве приманки выступал Лодж.

— Полагаю, вы о нём высокого мнения, — говорил Мелоун.

— Первый ум в Европе, — отвечал Челленджер.

— Ведь он крупнейший специалист по свойствам эфира.

— Несомненно.

— Я-то знаю его только по работам в области спиритизма.

Челленджер сразу умолкал. Тогда Мелоун выжидал денька два и словно невзначай ронял:

— А вам доводилось встречаться с Ломброзо?

— Да, на конгрессе в Милане.

— Я тут читал на досуге его сочинение.

— Что-нибудь по криминологии небось?

— Нет. Называется «После смерти — что?».

— Я о таком не слыхал!

— Трактует вопросы спиритизма.

— Такой могучий интеллект, как Ломброзо, камня на камне не оставит от этих шарлатанов!

— Да нет, книга, скорее, написана в их поддержку.

— Что ж, даже величайшие умы имеют свои маленькие слабости.

Так, с безграничным терпением и хитростью, сеял Мелоун свои семена в надежде, что постепенно профессор избавится от предубеждённости, но видимых результатов пока не наблюдалось. Требовалось предпринять более решительные действия, и Мелоун счёл вполне своевременным пригласить Челленджера на сеанс. Но как, где и когда? Без советов Альджернона Мейли тут не обойтись. И вот как-то весенним днём он вновь оказался в гостиной, где однажды катался по ковру, сцепившись с Сайласом Линденом. Там сидели преподобный Чарльз Мейсон и Смит, герой Куинс-холла, — они оживлённо обсуждали с Мейли вопрос, который, возможно, нашим потомкам покажется более важным, чем те проблемы, которые занимают публику сейчас. Речь шла ни больше ни меньше как о том, воспримет ли спиритуалистическое движение в Великобритании догмат о Троице или же встанет на точку зрения унитариев. Подобно отцам движения и основателям нынешних спиритуалистических общин, Смит придерживался антитринитарной линии, а Чарльз Мейсон, верный сын Англиканской церкви, выражавший взгляды своих сторонников, в частности таких авторитетов, как Лодж и Баррет среди мирян, и Уилберфорс, Хойс и

Чамберс среди священнослужителей, свято чтил древние каноны, хотя и признавал возможность спиритических контактов. Мейли оказался между двух огней и, подобно рефери, разводящему на ринге противников, получал удары с обеих сторон. Мелоун старался не пропустить ни слова, ибо теперь, когда он осознал, что будущее человечества связано с этим движением, его интересовала каждая деталь. Когда журналист вошёл, говорил Мейсон — в свойственной ему серьёзной, но и не лишённой мягкого юмора манере.

— Люди не созрели для серьёзных перемен, да их и не требуется. Достаточно объединить наше знание и непосредственное общение с душами умерших с величественным ритуалом и традициями Церкви, и мы получим могучий инструмент, способный вдохнуть новую жизнь в религию. Никогда нельзя рубить сплеча. Даже первые христиане это понимали и во всём шли на уступки религиям, в окружении которых оказались.

— Это-то их и сгубило, — вмешался Смит. — В этом и состоял крах Церкви в её изначальной силе и чистоте.

— Тем не менее она продолжала существовать.

— Но она уже не возродилась в полном объёме с тех пор, как этот негодяй Константин приложил

к ней руку.

— Ну-ну-ну, — возразил Мейли. — Разве можно называть негодяем первого христианского императора?

Но Смит был упрямый противник, открытый и честный, не идущий на компромиссы.

— А как, по-вашему, следует назвать человека, почти истребившего собственный род?

— Мы сейчас не обсуждаем его личные качества, мы говорим о создании христианской Церкви.

— Надеюсь, мистер Мейсон, вас не обидела моя прямота?

Мейсон улыбнулся своей открытой улыбкой:

— До тех пор пока вы не оспариваете существования Нового Завета, ваши слова меня не задевают. И даже если бы вы взялись доказывать, что Бог — всего лишь миф, я бы нисколько не оскорбился, коль скоро существует эта священная книга, вместилище величайшего учения. Откуда-то из глубины веков оно дошло до нас, я принял его и говорю: «Верую».

— Ну, тут между нами нет больших расхождений, — сказал Смит. — Я не встречал более цельного учения, и не стоит отказываться от него. Но мы желаем избавиться от разного рода изли-

шеств и пышности. Кстати, откуда они взялись? Как раз из компромиссов с другими религиями, на которые пошёл наш друг Константин, чтобы добиться религиозного единообразия во всей своей необъятной империи. Он превратил христианство в лоскутное одеяло. Так, из египетского культа были взяты церковное облачение, митра, епископский посох, тонзура, обручальные кольца. Пасха — языческое празднество, приуроченное к весеннему равноденствию; конфирмация заимствована из культа Митры, как, впрочем, и крещение, — только в митраическом ритуале использовалась кровь, а не вода. Что же касается жертвенной трапезы…

Мейсон заткнул уши.

— Это какая-то ваша старинная лекция, — рассмеялся он. — Можете снять зал, но не тратьте своё красноречие в частных домах. Если же серьёзно, Смит, то речь вовсе не о том. Пусть даже вы правы — это никоим образом не меняет моих убеждений: у нас есть величайшее и действенное учение, с благоговением принимаемое тысячами людей, в том числе и вашим покорным слугой, и было бы крайне неразумно от него отказываться. Уж с этим-то вы не можете не согласиться.

— Нет, — упорствовал Смит. — Вы слишком

заботитесь о чувствах ваших драгоценных прихожан, но совершенно не думаете о тех девяти десятых населения, которые никогда не переступали порога церкви. А между тем их оттолкнуло то, что им, как, впрочем, и вашему покорному слуге, кажется фантастическим и неразумным в христианском учении. Так как же вы рассчитываете привлечь их на свою сторону, если не предлагаете ничего нового, а лишь механически привносите в христианство спиритизм? Но стоит лишь обратиться к этим безбожникам и атеистам с такими словами: «Я согласен, что христианство — это сплошная ложь, и к тому же оно запятнано веками насилия и обскурантизма, но вот мы предлагаем вам нечто новое, незамутнённое и чистое. Придите и причаститесь его!» — и вот тут-то можно легко обратить их к Богу и вере, не насилуя их разума христианскими догматами.

Слушая спор, Мейли теребил свою рыжеватую бороду. Он прекрасно знал этих людей и понимал, что расхождения между ними невелики, ибо Смит воспринимал Христа как богоподобного человека, а Мейсон считал, что это принявший человеческое обличье Бог, что по сути своей одно и то же. Но между их более радикальными последователями лежала пропасть, и компромисс был

абсолютно невозможен.

— Почему бы вам, — вмешался Мелоун, — не задать эти вопросы представителям мира духов и не довериться полностью их мнению?

— Всё не так просто, как вы думаете, — ответил Мейли. — После смерти все мы сохраняем наши земные предрассудки, оказавшись в обстановке, которая в той или иной степени их отражает. Поэтому поначалу каждый живёт своими прежними представлениями. Постепенно, с течением времени, дух расширяет своё представление о мире и в конце концов приобщается к всеобъемлющему Символу веры, который подразумевает лишь братство людей и верховенство Господа. Но на это уходят годы. Во время сеансов мне доводилось слышать речи ярых фанатиков.

— И мне тоже, — поддержал Мелоун, — причём в этой самой комнате. Но что же души материалистов? Уж они-то не могут не перемениться!

— Я думаю, что их представления существенно влияют на их состояние, и они годами не проявляют никакой активности, ошибочно полагая, что жизнь уже кончена. Но в конце концов они просыпаются, понимают, сколько времени потеряли, и оказываются порой в первых рядах, поскольку обладают лёгким характером и руководствуются

возвышенными идеалами, сколь бы ни были ошибочны их взгляды.

— Да, часто материалисты — это лучшие представители человечества, — заметил священник с подкупающей искренностью.

— Из них-то и пополняются больше всего ряды нашего движения, — сказал Смит. — Случается порой, что чувства говорят им о существовании разумной силы помимо них, и тогда они с достойным рвением начинают пропагандировать своё открытие. Вы, люди, обладающие верой и лишь прибавляющие к ней новое знание, даже представить себе не можете, что испытывает человек, живший в вакууме и неожиданно обретший нечто способное заполнить его. Когда я встречаю простого честного парня, тщетно блуждающего в темноте, у меня руки чешутся ему помочь.

В этот момент появилась миссис Мейли с чаем, но разговор не затих. Такова уж особенность людей, изучающих возможности духа, что, встретившись, они затевают самый горячий обмен мнениями, — настолько интересна и многогранна эта проблема. Мелоуну стоило больших усилий перевести разговор на то, что являлось непосредственным поводом для его визита. Лучших советчиков ему было не найти, и все они

сошлись на том, что для такого человека, как Челленджер, необходимо устроить показательный сеанс.

Где же лучше всего его провести? В этом вопросе не было разногласий: большой зал «Духовного колледжа» был самым изысканным, самым удобным и во всех отношениях самым подходящим местом в Лондоне. Но когда? Чем скорее, тем лучше. Да любой спиритуалист, любой медиум ради такого случая, без сомнения, отложит все остальные дела.

Но вот загвоздка — кто же будет медиумом? Конечно, наилучший вариант — это кружок Болсоувера: он находится в частных руках, за него не надо платить, но Болсоувер — человек вспыльчивый, а Челленджер наверняка будет вести себя вызывающе и всем надоедать, так что сеанс может окончиться дракой и, таким образом, потерпеть провал. А этого ни в коем случае нельзя допустить. Может быть, отвезти его в Париж? Но кто возьмёт на себя смелость позволить этому слону разгуляться в изысканном салоне доктора Мопюи?

— Да он просто вцепится питекантропу в горло, поставив под угрозу жизнь всех, кто окажется там, — сказал Мейли. — Это не подойдёт.

— Вне всякого сомнения, самым лучшим медиумом в Англии, в которого могут воплощаться духи, является Бандерби, — заметил Смит. — Но некоторые его пристрастия… На него совершенно нельзя положиться!

— А почему? — спросил Мелоун. — Что он за человек?

Характерным жестом Смит щёлкнул себя по горлу:

— Он пошёл по дорожке, по которой прошёл не один медиум до него.

— Но ведь это серьёзный аргумент против нашего движения, — удивился Мелоун. — Разве может считаться благим дело, ведущее к подобным последствиям?!

— Как вы считаете, можно назвать благим делом, скажем, поэзию?

— Ну разумеется!

— А вот, например, По был алкоголиком, Кольридж — наркоманом, Байрон — повесой, Верлен — извращенцем. Не следует смешивать дело и человека, призванного это дело воплощать. За талант подчас приходится расплачиваться неуравновешенностью характера, а выдающийся медиум ещё более чувствителен, чем величайший талант. Некоторые медиумы

— достойнейшие люди, а некоторые не вполне чистоплотны в быту, и не следует их за это порицать. Такая работа требует большой отдачи, поэтому им необходимы радикальные средства для восстановления сил. Порой они теряют контроль над собой, но профессиональные их свойства остаются неизменными.

— Это напомнило мне один эпизод, произошедший с Бандерби, — вмешался Мейли. — Вы, должно быть, его никогда не видели, — обратился он к Мелоуну. — Он очень забавный — маленький, кругленький, неуклюжий и такой толстый, что уже много лет не видел собственных башмаков. Когда выпьет, он ещё забавнее. И вот как-то пару недель назад мне сообщают, что он напился где-то в баре и не может без посторонней помощи добраться домой. Мы с приятелем поспешили ему на выручку. С некоторыми приключениями, но всё же дотащили его до дому, и тут ему взбрело в голову устроить сеанс! Мы пытались его остановить, да куда там — он схватил с приставного столика рупор и неожиданно погасил свет. И только он это сделал, как сеанс немедленно начался, да так всё хорошо у него выходило! Но тут вмешался Принсепс, его дух-проводник, — он выхватил рупор и начал колотить медиума,

приговаривая: «Ах ты, негодяй! Пьяница несчастный! Да как ты смеешь!..» Рупор теперь весь во вмятинах. Бандерби с воплями бросился вон из комнаты, а мы пошли по домам.

— Ну уж медиум вовсе не виноват, — сказал Мейсон. — Так вернёмся к профессору Челленджеру — такой случай нельзя упускать!

— Как насчёт Тома Линдена? Может быть, его пригласить? — предложила миссис Мейли.

Мейли покачал головой:

— После тюрьмы с Томом что-то произошло. Эти дуболомы не просто преследуют наших лучших медиумов, они к тому же разрушают их бесценный дар. С тем же успехом можно поместить бритвенное лезвие во влажное место и после этого надеяться, что оно сохранит остроту.

— Как же так? Неужели он утратил свои способности?

— Ну, так категорично я бы не стал утверждать, но они уже не те, что были раньше. Теперь он в каждом подозревает переодетого полицейского, и это его отвлекает. Но если уж он возьмётся за дело, то доведёт его до конца. Да, лучше всего обратиться к Тому.

— А кого мы пригласим на сеанс?

— Я полагаю, что профессор придёт не один.

— Он со своими спутниками создаст ужасающую волну колебаний, поэтому нам следует пригласить людей, разделяющих наши идеи, чтобы ему противостоять. Например, Делисию Фримен — она с удовольствием придёт. Ещё буду я. А как вы настроены, Мейсон?

— Разумеется, я приду.

— Мистер Смит?

— Нет-нет! На мне газета, к тому же на той неделе я должен провести три службы, две панихиды, свадебный обряд и пять деловых встреч.

— Ну, я надеюсь, нам не составит труда выбрать ещё одного-двух гостей. Любимое число Линдена — восемь. Так что теперь, Мелоун, дело за малым — получить согласие нашего исполина мысли и назначить дату.

— И подтверждение мира духов, — серьёзным тоном добавил Мейсон. — Мы должны посоветоваться с нашими партнёрами.

— Всенепременно, святой отец. Это весьма существенное дополнение. Ну что ж, Мелоун, мы обо всём условились, и нам остаётся только ждать этого события.

Но случилось так, что этим вечером Мелоуна ожидали события совсем иного рода и на его пути возникло одно из тех препятствий, которые то и

дело подстерегают человека на его жизненном пути. Появившись, как всегда, в редакции «Газетт», он узнал, что его желает видеть мистер Бомон. Непосредственным начальником Мелоуна был заместитель главного редактора, старый шотландец по имени Макардл, и должно было произойти нечто экстраординарное, чтобы сам главный снизошёл со своего олимпа, откуда он наблюдал земные дела, и обратил внимание на кого-нибудь из своих скромных сотрудников, копошащихся где-то внизу. Этот вершитель судеб, всегда подтянутый, процветающий и могущественный, восседал в своём роскошном кабинете, обставленном старинной дубовой мебелью и диванами, обитыми кожей цвета сургуча. Когда Мелоун вошёл, он продолжал что-то писать и лишь после некоторой паузы поднял на журналиста проницательные серые глаза:

— А, добрый вечер, мистер Мелоун! У меня к вам небольшое дельце. Не угодно ли присесть? Речь идёт о ваших статьях по спиритизму. Хочу напомнить, что вы начинали в духе здорового скептицизма, изрядно сдобренного юмором, что весьма устраивало и меня, и наших читателей. Теперь я — увы! — с сожалением вынужден признать, что по мере углубления в вопрос ва-

ши взгляды существенно изменились и вы, похоже, готовы оправдывать подобного рода деятельность. Думаю, не стоит говорить, что это расходится с позицией «Газетт», и мы бы немедленно прекратили печатать ваши статьи, если бы заранее не объявили, что эта серия будет написана беспристрастным исследователем. Так что мы вынуждены продолжать, но тон статей должен быть изменён.

— Что же я должен сделать, сэр?

— Вы должны вновь обратиться к забавной стороне вопроса. Это нравится публике. Взгляните на всё с юмором, придумайте какую-нибудь старую деву, и пусть она болтает всякий вздор. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Боюсь, сэр, всё это больше не кажется мне смешным. Напротив того, я всё больше и больше убеждаюсь, насколько это серьёзно.

Бомон величественно покачал головой:

— К сожалению, так же считают и многие подписчики. — Он взял со стола письмо. — Вот послушайте: «Я всегда считал Вашу газету изданием, которое не осмеливается гневить Бога, поэтому хочу Вам напомнить, что деятельность, которую Ваш корреспондент склонен оправдывать, предана анафеме в Левите и Второзаконии.

Так что, если я останусь Вашим подписчиком, мне придётся взять на душу Ваш грех…»

— Проклятый фанатик, — пробормотал Мелоун.

— Не стану спорить, но пенни, которое платит этот фанатик, ничуть не хуже любого другого. Или вот ещё: «Надеюсь, что в наше время просвещения и свободомыслия Вы не станете поддерживать движение, которое пытается вернуть нас к отжившей свой век идее о существовании ангельской и дьявольской сущности вне нас! Если же я ошибаюсь, то прошу исключить меня из числа Ваших подписчиков».

— Вот бы запереть этих господ где-нибудь вместе и заставить их самих урегулировать свои разногласия.

— Возможно, это и будет забавно, мистер Мелоун, но меня в данном случае интересует тираж «Газетт».

— А не кажется ли вам, сэр, что вы недооцениваете интеллектуальный уровень наших читателей и что, помимо кучки экстремистов всех сортов, существует большая масса людей, на которых произвели впечатление свидетельства стольких известных и уважаемых людей? И разве не в том наш долг, чтобы знакомить подписчиков с

реальными фактами, а не высмеивать таковые?

FRANCIS
C. HILL

Мистер Бомон пожал плечами:

— Пусть спиритуалисты сами отстаивают свои убеждения. Мы не пропагандистская газета и не собираемся поучать читателей, во что им верить, а во что нет.

— Конечно-конечно, но я имел в виду лишь необходимость придерживаться фактов. А между

тем они неизменно замалчиваются. Ну когда это в лондонской газете появлялась серьёзная статья, посвящённая эктоплазме? Да никто даже не подозревает о том, что эта важнейшая субстанция была изучена и описана учёными, а её существование было подтверждено многочисленными фотографиями!

— Довольно! — нетерпеливо перебил Бомон. — Боюсь, я не располагаю временем, чтобы углубляться в данный вопрос. Я пригласил вас для того, чтобы сообщить, что мистер Корнелиус требует немедленно изменить нашу линию.

Мистер Корнелиус стал владельцем газеты не в силу каких-то личных заслуг, а лишь потому, что его отец оставил ему миллионное состояние, часть которого тот пустил на приобретение «Газетт». Он редко появлялся в редакции, но газета регулярно публиковала сообщения о том, что его яхта пришвартовалась в Ментоне, или что его видели в Монте-Карло за игорным столом, или что его ждут в Лестершире на охотничий сезон. Он не обладал ни ярким умом, ни сильным характером, но время от времени вторгался в общественную жизнь, публикуя какой-нибудь манифест на первой полосе собственной газеты. Он не был распутником, но жил в своё удовольствие, окру-

жённый роскошью, постоянно балансируя на грани порока, а изредка и переступая эту грань. При упоминании об этом ничтожестве кровь ударила Мелоуну в голову. Эта жалкая тварь, подумал он, смеет становиться между человечеством и откровением, ниспосланным свыше! Грязные руки человека, так и не сумевшего повзрослеть, способны перекрыть людям доступ к божественному источнику, пусть даже он может пробить себе и другое русло.

— Таково моё последнее слово, мистер Мелоун, — заключил Бомон с видом человека, который не намерен продолжать дискуссию.

— Очень хорошо! — заявил Мелоун. — И оно будет означать конец моей работы в вашей газете. У меня контракт на полгода, и уж после его окончания ноги моей здесь не будет!

— Как вам угодно, мистер Мелоун. — С этими словами мистер Бомон вернулся к своим бумагам.

А Мелоун, возбуждённый спором, вернулся в кабинет Макардла и всё ему рассказал. Старый шотландец был крайне обеспокоен:

— Э-э, молодой человек, это всё ваша ирландская кровь. Хорошо бы её разбавить шотландским виски. Вот что я вам скажу: возвращайтесь назад

и скажите, что передумали.

— Ну уж нет! Не хватало ещё, чтобы этот ублюдок Корнелиус, жирный, краснорожий, — я уж не говорю про его личную жизнь, — позволял себе диктовать, во что кому верить, а мне приказывал глумиться над самыми святыми вещами на земле!

— Ох уж вам не поздоровится!

— И более достойные люди жертвовали собой ради идеи! А я найду себе другую работу.

— Боюсь, что нет, если вмешается Корнелиус. Стоит вам заслужить репутацию человека несговорчивого — и для вас не найдётся места на Флит-стрит.

— Да это стыд и позор! — вскричал Мелоун. — То, как здесь относятся к проблеме спиритизма, — позор для журналистики! И Англия — не исключение, в Америке дела обстоят ещё хуже! Похоже на то, что в наших газетах служат самые низкие и бездушные люди, а если там и есть пара порядочных ребят, то это уникумы, которых нужно в специальных институтах изучать. И это светочи нации! Глядеть тошно!

Макардл отечески положил руку Мелоуну на плечо:

— Ну ладно, ладно, так уж устроен мир. Не мы

его создали, и не нам за него отвечать. Дайте срок, а то мы всё спешим, всё спешим. А сейчас вот что: идите-ка вы домой, хорошенько всё обдумайте и не забывайте о карьере да о своей молоденькой леди, а потом снова впрягайтесь в лямку, которую всем нам приходится тянуть, если мы хотим остаться на плаву.

Глава шестнадцатая, в которой Челленджер испытывает самое сильное потрясение в жизни

Итак, капканы были расставлены, ловушки вырыты, и охотники готовились заполучить большую добычу — вопрос заключался лишь в том, согласится ли зверь дать себя заманить. Если бы Челленджеру сказали, что истинная цель встречи — представить ему убедительные доказательства общения с духами и таким образом обратить его в спиритуализм, он бы рассвирепел или рассмеялся им в лицо. Но хитрый Мелоун при поддержке Энид убедил профессора, что его присутствие необходимо для того, чтобы разоблачить мошенничества и объяснить, как и почему их водят за нос. Пребывая в этом заблуждении, Челленджер в присущей ему надменной и снис-

ходительной манере согласился удостоить своим присутствием собрание, которое, по его мнению, больше подходило бы для пещерных дикарей эпохи неолита, чем для человека, представляющего всю культуру и мудрость, накопленную человечеством.

Энид сопровождала отца, который привёл с собой какого-то странного субъекта, ни Мелоуну, ни остальным собравшимся не известного. Это был большой угловатый шотландец, с веснушчатым лицом и мощной фигурой, крайне неразговорчивый. От него так и не удалось добиться, какие именно аспекты духовных проблем его интересуют; единственное, что из него вытянули, — это что зовут его Николл. Мелоун и Мейли пришли в Холланд-Парк вместе; там их уже ждали Делисия Фримен, преподобный Чарльз Мейсон, мистер и миссис Огилви как представители колледжа, мистер Болсоувер из Хаммерсмита и лорд Рокстон, который чрезвычайно увлёкся спиритизмом и весьма в нём преуспел. Всего собралось девять человек, компания разношёрстная и неоднородная, от которой трудно ожидать хороших результатов. Когда все вошли в комнату, где должен был проводиться сеанс, Линден восседал в кресле, возле него расположилась жена; его

представили собравшимся, многих из которых он уже хорошо знал. Челленджер тут же взялся за дело с видом человека, который не потерпит всякой там чепухи.

— Это медиум? — спросил он, глядя на Линдена с явной неприязнью.

— Да.

— А его обыскали?

— Нет ещё.

— Кто будет обыскивать?

— Кто-нибудь из нас, лучше вдвоём.

Челленджер недоверчиво хмыкнул:

— Кто именно, позвольте спросить?

— Лучше, чтоб это сделали вы и ваш друг мистер Николл. Можете пройти в спальню — это рядом.

Несчастного Линдена вывели из комнаты, словно под конвоем, неприятно напомнив ему о пребывании в тюрьме. Он и без того волновался, а это новое испытание и присутствие Челленджера совсем выбили его из колеи. Вернувшись, он посмотрел на Мейли и печально покачал головой:

— Боюсь, сегодня у нас ничего не получится. Может, лучше отложим?

Мейли приблизился и потрепал его по плечу, миссис Линден взяла за руку.

— Всё в порядке, Том, — сказал Мейли. — Помните, что вы под охраной друзей, которые не допустят, чтобы вами манипулировали.

Затем он обратился к Челленджеру — более сурово, чем это было в его правилах:

— Прошу вас не забывать, сэр, что медиум — это столь же чувствительный инструмент, сколь и любой из тех, какими вы пользуетесь в своей лаборатории. Бережно обращайтесь с ним. Полагаю, вы не нашли у него ничего подозрительного?

— Нет, сэр, не нашёл. Наверное, поэтому он и говорит, что сегодня ничего не получится?

— Просто его взволновало ваше поведение. Вам следовало бы более деликатно с ним обращаться.

Однако выражение лица Челленджера не предвещало ничего хорошего. Его взгляд упал на миссис Линден.

— Я так понимаю, что эта особа — его жена. Её также необходимо обыскать.

— Разумеется, — согласился Огилви. — Это могут сделать ваша дочь вместе с моей женой. Только умоляю вас, держитесь как можно дружелюбнее и помните, что мы не меньше вашего заинтересованы в хороших результатах и все пострадают, если вы разрушите необходимую

среду.

Тут поднялся мистер Болсоувер, бакалейщик, да с таким важным видом, словно он председательствовал на собрании общины.

— Я требую, — заявил он, — чтобы профессора Челленджера тоже обыскали!

От гнева борода профессора встала дыбом.

— Обыскать меня?! Да как вы смеете, сэр!

Но Болсоувера не так-то просто было запугать.

— Вы пришли сюда как враг и намерены торжествовать, если бы вам удалось показать обман, — улавливаете мою мысль? Вот я и говорю, что надо бы вас обыскать!

— Это гнусная инсинуация, сэр! Значит, вы намекаете, что я способен на обман! — проревел Челленджер.

— Увы, профессор, нас всех по очереди в этом обвиняют, — с улыбкой произнёс Мейли. — И мы все сначала негодуем, а потом, со временем, привыкаем. Меня называли лжецом, сумасшедшим, — да бог знает как ещё! И что же из того?

— Ваше предложение переходит всякие границы! — заявил Челленджер, бросая вокруг свирепые взгляды.

— Ну что ж, сэр, — вмешался Огилви, который был весьма неуступчивым шотландцем, — никто

вас силой не держит, можете в любую минуту уйти. Но если уж решите остаться, мы должны быть уверены в научной чистоте опыта. Сами посудите, можно ли говорить о научности эксперимента, если среди нас находится человек, известный своим враждебным отношением к нашему движению, который не желает предъявить нам свои карманы.

— Ладно, ладно, — предпринял попытку примирения Мелоун, — конечно же, мы можем поверить профессору на слово.

— Не берусь спорить с вами, молодой человек, — сказал Болсоувер, — но что-то сам профессор не очень верил на слово мистеру и миссис Линден.

— У нас есть все основания соблюдать меры предосторожности, — заметил Огилви. — Смею вас уверить, что мошенничества, направленные против медиумов, случаются ничуть не реже, чем те, что практикуются ими самими, и я могу привести тому множество примеров. Нет, сэр, вас необходимо обыскать!

— Было бы о чём говорить! — воскликнул лорд Рокстон. — Да мы с Мелоуном мигом произведём осмотр!

— Вот и прекрасно, давайте! — поддержал

Мелоун.

Челленджера, всем своим видом напоминавшего быка с налитыми кровью глазами и раздувающимися ноздрями, вывели из комнаты. Через несколько минут приготовления были закончены, все расселись кружком, и сеанс начался.

Однако настрой был разрушен. Ох уж мне эти допотопные исследователи! — они требуют, чтобы медиума связали по рукам и ногам, словно какого-нибудь цыплёнка, или ещё до начала сеанса высказывают ему свои подозрения прямо в глаза! Да это всё равно что подмочить порох, а потом надеяться, что он не утратил своих свойств и в нужный момент сможет взорваться! Из-за них все усилия медиума сводятся на нет, а когда сеанс оканчивается провалом, горе-экспериментаторы приписывают это своей проницательности, не подозревая даже, что во всём виновато их нежелание вникнуть в суть.

Вот и получается, что во время сеансов, собирающих вокруг себя скромных, но дружелюбных и благожелательных людей, происходят события, которые холодным и беспристрастным служителям науки увидеть не суждено.

Все были возбуждены, а уж как препиратель-

ства подействовали на человека, которого они касались прежде всего! Для него комната была наполнена разнонаправленными потоками и завихрениями психической энергии, и ему было так же трудно ими управлять, как, например, быстриной в низовьях Ниагары. От отчаяния он даже застонал. Началось, как всегда, с ясновидения, но имена, которые улавливал тончайший слух Линдена, казалось, не имели смысла и сливались в однообразный гул. Отчётливее всего звучало имя Джон, и он произнёс его вслух. Значит ли оно что-нибудь для присутствующих? Ответом был лишь глухой смешок Челленджера. Затем возникла фамилия Чепмен. Да, у Мейли был приятель с такой фамилией, но он умер много лет назад, и его появление казалось странным и неуместным. К тому же Мейли не мог вспомнить, как того зовут по имени. «Бадуорт» — тоже нет. До медиума доносились вполне отчётливые фразы, но они не имели никакого отношения к присутствующим. Всё складывалось из рук вон плохо, и Мелоун совсем пал духом. Челленджер хмыкал так откровенно, что Огилви возмутился.

— Вы только осложняете дело, сэр, — заявил он, — когда так явно выражаете свои эмоции. Я уже десять лет практикую спиритизм, но никогда

ещё не видел, чтобы медиум находился в столь затруднительном положении. По моему мнению, во всём виноваты вы.

— Именно так. — Челленджер довольно кивнул.

— Боюсь, будет мало толку, Том, — вмешалась миссис Линден. — Как ты себя чувствуешь, дорогой? Не пора ли прекратить?

Но Линден, несмотря на свой кроткий вид, по натуре был боец. Природа наградила его теми же качествами, благодаря которым его брат ещё немного — и получил бы «Пояс Лонсдейла».

— Может, я слегка перевозбуждён, и если погружусь в транс, это пройдёт? Сейчас, мне кажется, лучше задействовать телесную оболочку. Пожалуй, я попытаюсь.

Приглушили свет, и теперь в комнате лишь едва мерцал красноватый огонёк. Шторы, огораживающие кабину, были задёрнуты; по одну сторону от кабины смутно виднелся силуэт Тома Линдена, впавшего в транс — он тяжело дышал, — с другой стороны за всем происходящим наблюдала его жена.

Но ничего не произошло.

Прошло четверть часа, потом ещё пятнадцать минут. Все терпеливо ждали, и только Челлен-

джер начал ёрзать на стуле. Воцарилась мрачная и холодная атмосфера — всем казалось, что ничего уже и не может произойти.

— Всё без толку! — в конце концов воскликнул Мейли.

— Боюсь, что так, — согласился Мелоун.

Медиум шевельнулся и застонал: он начал приходить в себя. Челленджер демонстративно зевнул.

— По-моему, мы только зря тратим время, — изрёк он.

Миссис Линден гладила мужа по голове. Он открыл глаза.

— Ну что? — спросил он.

— Это бесполезно, Том. Мне кажется, лучше отложить.

— И я того же мнения, — поддержал Мейли.

— Это для него слишком большая нагрузка, учитывая сложившиеся неблагоприятные обстоятельства, — заметил Огилви, сердито сверкнув глазами на Челленджера.

— Я думаю, — отозвался тот с самодовольной улыбкой.

Но Линден не привык легко сдаваться.

— Конечно, условия неподходящие, — сказал он, — и колебания непривычные, но я попробую

изнутри кабины. Она способствует концентрации энергии.

— Это наш последний шанс, — сказал Мейли. — Действительно, почему бы не попробовать ещё раз?

Кресло внесли внутрь кабины, туда же проследовал медиум и задёрнул за собой занавеску.

— Кабина конденсирует потоки эктоплазмы, — пояснил Огилви.

— Вне всякого сомнения, — согласился Челленджер, — однако должен заявить, что в интересах истины исчезновение медиума из нашего поля зрения весьма огорчительно.

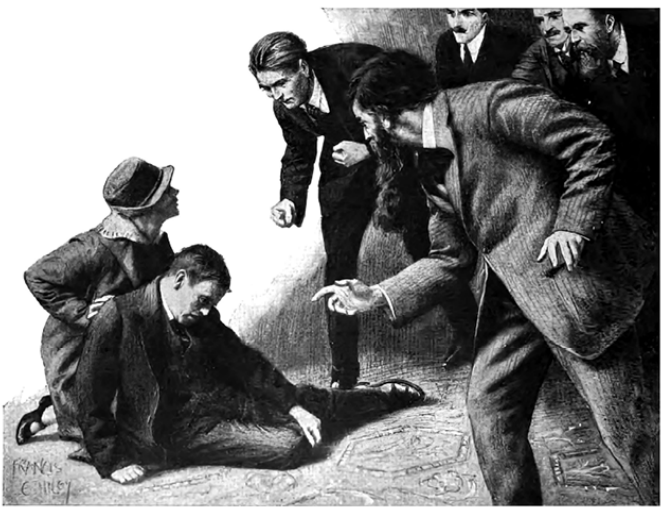
— Ради всего святого, прекратите! — воскликнул Мейли, теряя терпение. — Давайте прежде получим результат, а потом уж будем дискутировать относительно его научной ценности!

И вновь потянулись томительные минуты. Потом вдруг из кабины послышался глухой стон. Все напряглись в ожидании.

— Эктоплазма, — прошептал Огилви. — Возникая, она всегда причиняет боль.

Только он это произнёс, как занавеска резко распахнулась, громко звякнули кольца. На тёмном фоне возникли очертания какой-то белой фигуры. Медленно и неуверенно она вышла на

середину комнаты. В красноватом сумраке её контур оказался и вовсе размыт, и она выглядела в темноте движущимся белым пятном. С большой осторожностью, за которой скрывался страх, видение приблизилось к профессору.



— Ага! — громовым голосом проревел профессор.

Раздались шум, крик, треск.

— Поймал! — заорал кто-то.

Чей-то голос потребовал:

— Включите свет!

— Осторожнее! Вы же медиума убьёте!

Все вскочили. Челленджер бросился к выключателю и зажёг огни. Переход из темноты к яркому свету был настолько резким, что понадобилось время, прежде чем ошарашенные и ослеплённые зрители смогли понять, что же произошло.

Когда они обрели способность видеть, их взору открылась удручающая картина. Том Линден, бледный, больной, не успевший прийти в себя, сидел на полу, а над ним стоял здоровяк-шотландец, который и сбросил его вниз. Миссис Линден, опустившись на колени возле мужа, с негодованием глядела на обидчика. Все застыли в молчании, наблюдая эту сцену, как вдруг заговорил профессор Челленджер:

— Ну что ж, господа, полагаю, вам нечего добавить к происшедшему. Ваш медиум, как он того и заслуживает, разоблачён. Теперь вы сами убедились, что такое ваши призраки. Я должен поблагодарить мистера Николла, знаменитого

футболиста, за то, что он исполнил свои обязанности грамотно и точно.

— Я быстро его скрутил, — сказал детина. — Он и сопротивляться не стал.

— У вас это здорово получилось. Вы исполнили свой общественный долг, помогая разоблачить бессовестный обман. Думаю, нет нужды говорить, что по этому делу будет возбуждено судебное преследование.

Но тут вмешался Мейли. Он говорил с таким напором, что заставил Челленджера слушать себя:

— Вы допустили весьма распространённую ошибку, сэр, хотя избранные вами методы, которые свидетельствуют только о вашем невежестве, могли иметь для медиума роковые последствия.

— И вы смеете говорить о невежестве! В таком случае я заявляю вам, что отныне стану рассматривать вас не как жертв обмана, а как соучастников!

— Минуточку, профессор! Я задам вам прямой вопрос и хотел бы получить на него такой же прямой ответ. Фигура, которую мы все видели, прежде чем произошёл этот инцидент, была белой, не так ли?

— Да, именно так.

— Но ведь медиум одет в чёрный костюм. Так

где же белое одеяние?

— Для меня это несущественно. Не сомневаюсь, что он и его жена готовы к любого рода неожиданностям и уж наверняка знают способ быстренько спрятать куда-нибудь простыню — или что это там было. Подробности будут выясняться в суде.

— Нет уж, давайте сейчас. Обыщите комнату, может, и найдёте что-нибудь белое.

— Я впервые нахожусь в этой комнате, она мне незнакома. Я руководствуюсь лишь здравым смыслом: человека разоблачили, когда он переоделся духом, а уж в какое потайное место он спрятал свой костюм, для меня значения не имеет.

— Напротив, это имеет принципиальное значение. То, что вам посчастливилось наблюдать, — это не обман и не надувательство, это совершенно достоверное явление.

Челленджер хмыкнул.

— Да, сэр, самое что ни на есть истинное. Вы видели так называемое предвоплощение, переход к материализации. Поймите же вы, что духи-проводники, которые управляют этими вещами, не принимают в расчёт ваши подозрения. Они настраивают себя на определённый результат, и если слабости участников сеанса не дают им

возможности достичь его одним способом, они избирают другой путь, не считаясь с вашими предрассудками, мало заботясь о вашей выгоде. В данном случае вы сами создали столь неблагоприятные условия, что им не удалась попытка оформить эктоплазматическую фигуру, и вместо этого они обернули находящегося в трансе медиума в оболочку из эктоплазмы и выбросили его вон из кабины. Он так же непричастен к обману, как и вы.

— Клянусь всем святым, — сказал Линден, — что не помню ничего с того момента, как вошёл в кабину. Очнулся я уже на полу.

Пошатываясь, он поднялся; его била нервная дрожь, так что он едва удерживал стакан с водой, который подала жена.

Челленджер пожал плечами.

— Ваши объяснения, — произнёс он, — лишь показывают, насколько далеко может простираться человеческое легковерие. Я знаю свой долг и исполню его до конца. Всё, что вы имеете сообщить, будет, без сомнения, в должной мере оценено судьёй.

С этими словами профессор повернулся, чтобы уйти, — с видом человека, с честью выполнившего миссию, ради которой пришёл.

— Идём, Энид! — бросил он.

Но тут возникло обстоятельство настолько неожиданное, настолько драматическое, что оно навеки запечатлелось в памяти тех, кто его наблюдал.

Челленджеру никто не ответил.

Все уже поднялись, и лишь Энид оставалась сидеть. Голова её склонилась на плечо, глаза были закрыты, из причёски выбилась прядь волос — вид, достойный кисти художника.

— Она уснула, — удивился Челленджер. — Энид, проснись! Я ухожу!

Но девушка не ответила. Тогда Мейли склонился над ней:

— Тсс! Не трогайте её — она в трансе!

Челленджер бросился к дочери:

— Что вы наделали! Ваши гнусные проделки испугали её, и она лишилась чувств!

Мейли приподнял ей веко:

— Нет-нет, у неё глаза закатились. Она в трансе. Ваша дочь, сэр, — медиум, обладающий большими возможностями.

— Медиум! Да вы с ума сошли! Проснись, дочка, проснись!

— Ради бога, оставьте её, иначе вам придётся сильно пожалеть. Очень опасно внезапно пре-

рывать транс.

Челленджер был явно озадачен. Впервые присутствие духа изменило ему. Его дитя подстерегает какая-то неведомая опасность, так неужто он её и подтолкнёт?!

— Что же мне делать? — беспомощно спросил он.

— Не бойтесь, всё будет в порядке. Садитесь! Все садитесь! Ага, она собирается заговорить.

Девушка выпрямилась на стуле. Губы её дрожали, одна рука была вытянута вперёд.

— Это ему! — воскликнула она, указывая на Челленджера. — Он не смеет обижать моего медиума! Это послание. Ему.

Все затаили дыхание.

— Кто говорит? — спросил Мейли.

— Виктор говорит. Виктор. Пусть не обижает моего медиума! У меня послание — для него!

— Да-да. Так что за послание?

— Здесь его жена.

— Да!

— Она говорит, что уже приходила к нему — с помощью этой девушки. Это случилось сразу после кремации. Она стучит, он слышит её стук, но не понимает, что происходит.

— Профессор Челленджер, вам это о чём-нибудь

говорит?

Из-под нахмуренных бровей с подозрением глядели глаза, в которых застыл немой вопрос, — как загнанный зверь, профессор свирепо озирался по сторонам. Это обман, подлый обман, и они вовлекли в него его собственную дочь. Это отвратительно! Но он им покажет! Он выведет их на чистую воду! Нет, у него нет вопросов: он видит их насквозь! Они её совратили. Конечно, он от неё такого не ожидал, но, к сожалению, так и есть. Она пошла на это ради Мелоуна. Ради любимого человека женщина готова на всё! Да, отвратительная история! Он не смягчился, напротив, он жаждал мести. Разъярённый вид и отрывистая речь отчётливо выражали его настрой.

FRANCIS
C HILL

Девушка вытянула руку:

— Ещё одно послание!

— Кому?

— Снова ему. Человеку, который хотел обидеть моего медиума. Он не должен его обижать! Вот мужчина — двое мужчин, — они хотят ему что-то сообщить!

— Да, мы слушаем, Виктор.

— Первого зовут… — Девушка слегка наклонила головку, словно прислушиваясь. — Ага, понял! Ол… Олдридж.

— Вам это имя о чём-нибудь говорит?

Челленджер вздрогнул; на его лице отразилось безграничное удивление.

— А кто же второй?

— Уэр. Да-да, Уэр.

Внезапно Челленджер сел и провёл рукой по лбу. Он был смертельно бледен, на лице выступил пот.

— Вы их знаете?

— Я знал людей с такими именами.

— Они хотят вам что-то сказать, — промолвила девушка.

Челленджер словно подготовился к удару:

— Что же это?

— Слишком личное. Нельзя сказать, пока все

здесь.

— Мы можем подождать за дверью, — сказал Мейли. — Пойдёмте, друзья, пусть профессор услышит, что ему должны передать.

Все направились к двери, оставив профессора наедине с дочерью. Внезапно им овладела непривычная робость.

— Мелоун, не уходите!

Дверь закрылась; в комнате остались трое.

— Так что же это за послание?

— Оно касается порошка.

— Да, слушаю.

— Серого порошка.

— Да, ясно.

— Эти двое хотят, чтобы я передал: «Вы не убили нас».

— Тогда спросите их — да-да, спросите их, как они умерли. — Профессор едва мог говорить, он весь дрожал от волнения.

— Они умерли от болезни.

— От какой болезни?

— Нев… нев… Что бы это могло быть?.. От пневмонии!

Челленджер, издав вздох облегчения, откинулся на стуле.

— Боже мой! — вскричал он, отирая пот со

лба. — Мелоун, позовите остальных!

Все устремились в комнату. Челленджер поднялся им навстречу. Первым делом он обратился к Тому Линдену. По его тону было видно, что он глубоко потрясён и готов — хоть на миг — смирить гордыню.

— Имею ли я право судить вас, сэр! Сейчас со мной произошло нечто настолько странное и в то же время не подлежащее сомнению — если мои чувства на этот раз не изменили мне, — что я не могу не принять объяснения, проливающие свет на ваши поступки. Прошу вас не принимать на свой счёт оскорбительные замечания, которые я, возможно, позволил себе.

Том Линден был истинным христианином. Он без долгих колебаний от всей души простил профессора.

— Теперь я вижу, что моя дочь обладает удивительными способностями, и у меня нет оснований сомневаться во многом из того, о чём вы говорили, мистер Мейли. Надеюсь, вы не станете оспаривать моё право на научный скептицизм, но сегодня вы представили мне настолько неопровержимые доказательства, что их нельзя ставить под сомнение.

— Все мы через это прошли, профессор. Сначала

сомневаемся мы, потом сомневаются в нас.

— Вряд ли кто-нибудь усомнится в моём свидетельстве на этот счёт, — с достоинством ответил Челленджер. — У меня есть все основания утверждать, что сегодня я получил такие сведения, какими не может располагать ни один из живущих на свете: уж слишком всё сходится.

— Наша юная леди приходит в себя, — сказала миссис Линден.

Энид в недоумении озиралась вокруг:

— Папа, что случилось? Кажется, я спала.

— Всё в порядке, любовь моя, мы после об этом поговорим. А сейчас идём домой, мне нужно многое обдумать. Мелоун, не составите ли вы нам компанию? Мы должны объясниться.

Придя домой, профессор отдал распоряжение Остину ни под каким предлогом никого к себе не пускать и прошёл в библиотеку. Там он расположился в своём огромном кресле: Мелоун сел слева, а Энид — справа от него. Профессор протянул руку и накрыл маленькую ручку дочери своей огромной клешнёй.

— Любовь моя, — начал он после долгого молчания, — сегодня я убедился, что ты обладаешь поразительными способностями, которые открылись мне с удивительной ясностью и полнотой.

Но раз они есть у тебя, значит могут быть и у других, и вот благодаря тебе я расширил свои представления о реальном и постиг роль медиума в спиритизме. Я не готов пока обсуждать этот вопрос, поскольку сам ещё не во всём разобрался и мне нужно будет кое-что обсудить с вами и вашими приятелями, Мелоун, чтобы составить окончательное суждение по данному поводу. Скажу лишь, что мой разум получил новый импульс и передо мной открылись новые научные перспективы.

— Для нас большая честь помочь вам, — отозвался Мелоун.

Челленджер криво усмехнулся:

— Да уж, не сомневаюсь, что заголовок «Обращение профессора Челленджера» в вашей газетёнке произведёт фурор. Не обольщайтесь, это не так.

— Мы не будем торопиться с оглаской, и ваша точка зрения останется в полной тайне.

— У меня всегда хватало мужества открыто заявить о своих убеждениях, когда они окончательно оформлялись, но в данном случае этого ещё не произошло. И тем не менее сегодня я получил два послания и склонен приписывать их происхождение внематериальным факторам. Конечно, я исхожу из того, что ты, Энид, действи-

тельно была в бессознательном состоянии.

— Уверяю тебя, отец, я ничего не знаю.

— Охотно верю. Ты не способна на обман. Сначала было послание от твоей матери. Помнишь, я говорил тебе, что слышал характерный стук — так могла стучать только она. Так вот, она сказала, что это она и была. Теперь-то я понял, что ты тогда не спала, ты находилась в трансе. Всё это невероятно, непостижимо, поразительно — но похоже на правду.

— Крукс, помнится, выражался примерно так же, — заметил Мелоун. — Он писал, что всё это абсолютно невозможно и вместе с тем совершенно реально.

— Я очень виноват перед ним. Впрочем, я должен извиниться перед многими людьми.

— В этом нет нужды, — успокоил его Мелоун. — Эти люди устроены иначе, чем мы.

— Позвольте мне остановиться и на другом послании. — Профессор беспокойно повернулся в кресле. — Дело это очень деликатное, я о нём никогда и никому не говорил, и о нём не может знать ни один человек на земле. Раз уж вы столько знаете, я могу вам доверить и его. Случилось оно ещё в те годы, когда я был начинающим врачом, и не будет преувеличением сказать,

что эта история омрачила всё моё дальнейшее существование вплоть до сего дня. Кто-нибудь объяснил бы случившееся телепатией, причудами подсознания, да чем угодно, но у меня нет ни малейшего сомнения в том, что послание пришло с того света.

В те времена обсуждали свойства нового лекарства. Сейчас нет смысла вдаваться в подробности, которые вам всё равно не дано понять. Скажу лишь, что делали его из дурмана, из которого можно приготовить и смертельный яд, и целебное снадобье. Я одним из первых получил образцы этого лекарства, ибо хотел, чтобы меня знали как человека, впервые применившего его в медицинской практике. Я прописал его двум больным, Уэру и Олдриджу, и, как мне казалось, в неопасных дозах (они, как вы понимаете, были моими пациентами в клинике), — так вот наутро оба были мертвы.

Я дал лекарство тайком, никто об этом не знал. Всё обошлось без последствий, поскольку их состояние было критическим и ничего удивительного в том, что они умерли, не было. Но в глубине души я очень переживал, я боялся, что ускорил их смерть, и мысль об этом с тех пор омрачала мою жизнь. А сегодня вы своими уша-

ми слышали их признание, что умерли они от болезни и лекарство тут ни при чём.

— Бедный мой папочка, — прошептала Энид, гладя его волосатую лапу. — Бедный папочка! Ты так страдал!

Челленджер был слишком горд, чтобы позволить кому-нибудь, даже собственной дочери, себя жалеть, — он отдёрнул руку.

— Я служил науке, — сказал он, — а в ней без риска не обойтись, поэтому я не считаю, что меня можно в чём-то обвинять. И всё же… всё же у меня сегодня как-то особенно легко на душе!

Глава семнадцатая, в которой туман окончательно рассеивается

Мелоун лишился работы и обнаружил, что путь на Флит-стрит ему теперь заказан из-за распространившихся слухов о его независимой позиции. На его место в газету взяли молодого пьяницу-еврея, который сразу же завоевал популярность серией весёленьких статеек, посвящённых проблемам спиритизма, от души сдобренных уверениями в непредвзятости и объективности подхода. Большой успех также

имела его идея предложить пять тысяч фунтов духу, который угадает трёх призёров предстоящего дерби, а также предпринятая им попытка доказать, что эктоплазма — это не что иное, как пивная пена, искусно спрятанная медиумом. Все эти его шутки ещё на памяти читателей.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Челленджеру, с головой погружённому в свои эксперименты и воплощение самых дерзких своих замыслов, уже давно был нужен энергичный помощник со светлой головой, который вёл бы его дела и контролировал использование изобретений. А таковых у профессора было предостаточно — плоды многих лет неустанного труда, они приносили неплохой доход, но за соблюдением авторских прав нужно постоянно следить. Автоматическое устройство, предупреждающее капитана о том, что корабль попал на мелководье, приспособление для отражения торпеды, новый и весьма экономичный способ выделения азота из воздуха, значительные усовершенствования беспроволочного телеграфа и оригинальный способ обогащения уранита — всё это было весьма прибыльно. Возмущённый поведением Корнелиуса, профессор вверил все эти дела будущему зятю, который ревниво охра-

нял интересы патрона.

Сам Челленджер сильно изменился. Его знакомые и коллеги заметили перемену, хотя и не могли объяснить её причин. Он стал скромнее, деликатнее, душевнее. Поборник научной методологии и точного знания, в глубине души он чувствовал, что долгие годы напрасно тратил силы, чиня препятствия попыткам человеческого разума разобраться в тайнах неведомого. Он сурово себя осуждал за прежние заблуждения, и произошедшая переоценка ценностей сильно изменила его. К тому же с присущей ему увлечённостью он погрузился в изучение трактатов по данной проблеме и теперь, избавившись от прежних предрассудков, постигал выдающиеся труды Гейра, де Моргана, Крукса, Ломброзо, Баррета, Лоджа и многих других и поражался, как это он раньше мог полагать, что столь удивительное единодушие основывается на заблуждении. Страстный и открытый по натуре, он теперь стал отстаивать спиритуализм с тем же рвением и, как ни удивительно, с той же непримиримостью, с какой прежде его отвергал. Старый лев огрызался и рычал на тех, кого ещё недавно считал единомышленниками.

Его выдающаяся статья в «Спектейторе» на-

чиналась так: «Идиотское неверие и тупое упрямство церковников, которые не желали даже взглянуть в телескоп Галилея и своими глазами увидеть спутники Юпитера, в наши дни намного превзойдены крикливыми полемистами, позволяющими себе высказывать поспешные суждения по поводу тех связанных со сферой духа проблем, о которых они даже не удосужились прежде узнать». В заключение он писал, что его оппоненты «не только не являются истинными представителями научной мысли XX века, но выражают идеи, больше подходящие для эпохи раннего плиоцена». Критики тут же, по своему обыкновению, подняли шум, протестуя против резкого тона статьи, хотя прежде считали это вполне дозволенным по отношению к противной стороне. Итак, мы можем теперь покинуть Челленджера, чья буйная шевелюра уже подёрнулась сединой, но чей разум лишь окреп и возмужал. Отныне профессор смело смотрит в будущее, ибо оно сулит ему не смерть, но вечную жизнь — с безграничными возможностями и перспективами.

Сыграли свадьбу. Церемония была скромной, и никакой провидец не смог бы угадать, кого именно счастливый отец пригласит в Уайтхолл-Румз.

Собралась дружная и весёлая компания, кружок посвящённых, которым противостоял остальной мир. Там был преподобный Чарльз Мейсон — он венчал молодых, — в своём чёрном одеянии, но сияющий белозубой улыбкой, он обходил собравшихся, пробуждая в душах мир и любовь. Мейли, закалённый в боях, но жаждущий новых сражений, стоял подле жены, своего верного оруженосца, в трудную минуту всегда готового его поддержать. Приехал из Парижа доктор Мопюи; он долго пытался втолковать официанту, что желал бы выпить чашечку кофе, но тот принёс ему пачку зубочисток, к вящему удовольствию лорда Рокстона. Пригласили и милейшего Болсоувера, и кое-кого из Хаммерсмитского кружка, Тома Линдена с супругой, Смита, этого бойцового петуха, доктора Аткинсона, издателя Мервина с его добрейшей женой, чету Огильви, миниатюрную мисс Делисию, с её бездонной сумкой и бесконечными брошюрами, доктора Росса Скоттона, ныне исцелившегося, и даже доктора Фелкина, который немало способствовал его излечению, по крайней мере в тех пределах, в каких его земной представитель, сестра Урсула, могла его заменить. Их и немало других вполне можно было различить в пределах цветового спектра,

воспринимаемого человеческим глазом, и звукового диапазона, различимого ухом. Но кто знает, сколько ещё гостей, не включённых в эти узкие рамки, почтили молодых своим присутствием и осенили благословением!

Прежде чем мы закончим наше повествование, хотелось бы остановиться ещё на одном эпизоде. Перенесёмся мысленно в один из номеров гостиницы «Империал», что в Фолькстоуне. Мистер и миссис Мелоун сидят у окна и смотрят на хмурое вечернее небо над проливом. Из-за горизонта, извиваясь, ползут по небу огромные пунцовые щупальца, таящие угрозу посланцы мира невидимого и загадочного. А внизу, выбиваясь из последних сил, стремится к родным берегам утлый чёлн. Чуть дальше видны большие океанские корабли — словно чуя опасность, они застряли посреди пролива. Смутное чувство опасности, исходящее от этого неба, подсознательно подействовало на молодых людей.

— Энид, — начал Мелоун, — расскажи мне, какие из наших спиритических впечатлений больше всего подействовали на тебя?

— Так удивительно, что ты спросил именно об этом, Нед, — ведь я только что сама о том же подумала. Мне кажется, что эти мысли нам навеяло

небо, такое оно жуткое, пугающее. Я размышляла о Миромаре, таинственном человеке с его мрачными пророчествами.

— И я тоже.

— А ты слыхал о нём что-нибудь с тех пор?

— Лишь однажды. Как-то воскресным утром я забрёл в Гайд-парк, и там, перед небольшой группкой слушателей, выступал он. Я тихо подошёл и прислушался. Он говорил всё те же жуткие слова.

— А как его восприняли окружающие? Они не

рассмеялись?

— Но ты же сама слышала, что он говорит. Разве тебе хотелось смеяться?

— Да нет, конечно. Но ведь не станешь же ты воспринимать всё серьёзно, правда, Нед? Посмотри, на какой твёрдой почве стоит старушка Англия! Или взгляни на наш величественный отель, на людей, живущих здесь, на эти нудные утренние газеты, да на весь уклад жизни цивилизованной нации. Неужели ты и правда веришь, будто что-то может это всё уничтожить?

— Кто знает? Миромар ведь не единственный, кто так говорит.

— Что ж, выходит, по его мнению, грядёт конец света?

— Нет-нет, это будет возрождение мира — мира истинного, такого, каким замыслил его Господь.

— Тогда это величайшее предсказание! Но чем провинился мир, если всё-таки должен свершиться столь страшный суд?

— Причиной всему грубый материализм, косность церковных обрядов, пренебрежение духовными ценностями, отрицание существования невидимого мира, осмеяние, которому подвергается это новое откровение, — так считает он.

— Но ведь раньше мир был ещё хуже.

— Но тогда не было нынешних достижений — ни образования, ни науки, ни того, что мы называем цивилизацией, которые, казалось бы, должны вести к новой духовности. К сожалению, всё это обратилось во зло. Появились аэропланы, но с их помощью бомбят города. Мы учимся создавать подводные лодки — и губим моряков. Мы познаём мир химических веществ, превращая их во взрывчатку и ядовитые газы. И дела становятся хуже день ото дня. Сейчас нет такой страны, где втайне не обдумывали бы, как испортить жизнь всем остальным. Разве для этого Бог создал нашу планету и допустит ли Он, чтобы мир шёл по такому пути?

— Это кто говорит: ты или Миромар?

— Как тебе сказать? Я и сам размышлял над этим и пришёл к тем же выводам, что и он. Однажды я прочитал записанное Чарльзом Мейсоном послание: «Самое опасное для человека, как и для целого народа, — это когда интеллект развит сильнее духовности». Как будто специально сказано о сегодняшнем дне!

— А как всё произойдёт?

— Тут я могу сослаться только на Миромара. Он говорит, что придёт конец смутам и войнам, голоду и чуме, землетрясениям, потопам и на-

воднениям и воцарятся несказанные гармония и покой.

Огромные пунцовые полосы опоясали небо. На западе пылал огненно-красный закат, постепенно переходивший в тусклое красноватое сияние. Энид вздрогнула, взглянув туда.

— Мы знаем только одно, — вновь нарушил молчание Мелоун, — две любящие души вместе проходят через все сферы. Так стоит ли нам бояться смерти или тех испытаний, что уготовит нам жизнь?

Она улыбнулась и вложила в его руку свою ладонь.

— А ведь верно, — сказала она.

Пояснения
Ко второй главе
Ясновидение в спиритических церквях

Этот феномен, производящийся в спиритических церквях, или храмах, как обыкновенно называют их сами спириты, весьма неоднороден по качеству своих проявлений. Он столь ненадёжен, что многие конгрегации вообще отказались от него, поскольку он чаще оказывался источником недоразумений, нежели действительного

назидания. С другой стороны, отмечены случаи, когда медиум, находясь в хорошей форме, мог при удачных условиях и в симпатизирующей, сочувственной обстановке получить результаты более чем удивительные. Я сам был свидетелем тому, как г-н Том Тайрел из Блэкберна, говоря в ответ на внезапный призыв из Донкастера — города ему совершенно незнакомого, — дал не только исключительно точное описание его зданий, улиц и ландшафта, но и назвал целый ряд имён, которые были подтверждены присутствующими, к каковым он от лица названных особ обратился. Я хорошо также знаком с тем случаем, когда г-н Ваут Питерс привёл сорок описаний иностранного города (то был Льеж), в котором он ни разу не был, при этом им оказалась допущена всего лишь одна ошибка, и та впоследствии получила разъяснение. Такого рода результаты бесконечно далеко выходят за пределы, до коих простираются возможности совпадения. Какова их действительная raison d'être[60] — это выяснить ещё предстоит. Но мне порой кажется, что тот эфирный пар, кой представляется нам зримым как твёрдое вещество в процессе проявления эктоплазмы, мог бы

[60] Notes: 60
Причина *(фр.)*.

в своём более летучем состоянии заполнить зал и что тогда дух, войдя в него, мог бы сделаться видимым ясновидцу, подобно тому как невидимая падающая звезда становится зримой для наших глаз, проходя сквозь земную атмосферу. Такое объяснение, разумеется, всего лишь аналогия, но оно даёт пищу для размышлений.

Помню, что в Бостоне, штат Массачусетс, я дважды был свидетелем тому, как священники являли дар ясновидения прямо со ступеней алтаря, причём оба случая нашли себе блестящее подтверждение. Меня поразило в них то, что случаи эти были как бы восхитительным воспроизведением тех новозаветных условий, когда апостолы учили «не только словом, но и силою свыше». Всё это должно вернуться в христианскую религию, прежде нежели она сможет вновь исполниться своей животворческой силы. Это, однако, не может совершиться в один день. Нам требуется теперь меньше веры и больше знания.

К восьмой главе
Духи, привязанные к земле

Эта глава может представиться невероятной, и всё же в ней нет ни единого факта, по поводу

которого нельзя было бы привести множества примеров. Инцидент с Нелл Гвинн, упоминаемый лордом Рокстоном, был рассказан мне полковником Корнуолисом Уэстом как имевший место в его собственном загородном доме. Посетители встретили призрака в коридорах замка, а после того как они увидели один из портретов, висевших в гостиной, воскликнули: «Так вот она, женщина, которую мы видели!»

Приключение героев, вызванное встречей со страшным обитателем покинутого дома, позаимствовано мною с незначительными изменениями из истории, пережитой лордом Сент-Одрисом в непокойном доме поблизости от Торквея. Этот бравый солдат сам рассказал её в одном из декабрьских номеров «Уикли-диспетч» за 1921 год. Она же восхитительно пересказана г-жою Вайолет Твидейл в её книге «Призраки зари»[61]. Что касается беседы, произошедшей между священником и привязанным к земле духом, то беседа, подобная этой, была описана опять же госпожою Твидейл в другой её книге — «Призраки, которых я видела»[62], — когда она

[61] Notes: 61
Mrs. Violet Tweedale, «Phantoms of the Dawn».

[62] Notes: 62
Mrs. Violet Tweedale, «Ghosts I Have Seen», p. 175.

рассказывает о приключениях, пережитых лордом и леди Уинфорд в замке Глэдис.

Вопрос о том, где подобный дух черпает необходимый ему запас материальной энергии, — это проблема нерешённая[63]. Возможно, он заимствует её у какого-либо лица по соседству, наделённого медиумической способностью. В чрезвычайно интересном случае, который приводится преподобным Ч. Мейсоном и каковой был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь самоубийством. Она подчинила себе медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые обществом, где неописуемо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцирована средствами, подобными описанным в романе. Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» американского Общества психических

[63] Notes: 63

Никак не можем согласиться с подобным утверждением нашего уважаемого автора, и нам весьма странно слышать нечто подобное от столь сведущего спирита, тем более что он и сам, буквально в следующей фразе, даёт хотя и не совсем полное, но совершенно верное решение этой якобы нерешённой проблемы.

исследований, а также в «Сайик ризёч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, — страна, весьма продвинутая в психической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявикский является председателем Психического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в мире ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий.

К десятой главе
Кружки духовного спасения

Сцены, описанные в этой главе, основываются либо на моём собственном опыте, либо на

отчётах скрупулёзных и достойных доверия экспериментаторов. Среди последних можно назвать Тозера из Мельбурна и Мак-Фарлейна из Саутси; оба они методично занимались в кружках духовного спасения с целью оказать помощь духам, привязанным к земле. Подробные записи экспериментов, проведённых лично мною в такого рода кружках, можно найти в четвёртой и шестой главе моих «Странствий спиритуалиста». Могу добавить, что и в моём собственном домашнем кружке, при медиумичестве моей супруги, нам выпала честь принести надежду и знание некоторым из этих несчастных существ.

Полные отчёты целой серии подобных драматических бесед можно найти на завершающих ста страницах последней работы адмирала Азборна Мура «Проблески последующей жизни»[64]. Следует отметить, что адмирал не присутствовал лично на этих сеансах, но что они проводились людьми, к которым он питал полнейшее доверие, и что результаты были подтверждены письменными показаниями под присягой со стороны участников сеансов. «Высокий характер г-на Линдера Фишера, — говорит адмирал, — является

[64] Notes: 64
Admiral Usborne Moore, «Glimpses of the Next State».

достаточной гарантией их достоверности». То же самое может быть сказано и о Э. Дж. Рендале, опубликовавшем множество аналогичных случаев. Он является одним из ведущих юристов Буффало, в то время как г-н Фишер — преподаватель музыки в том же самом городе.

Естественное возражение в этом случае сводится к тому, что даже если не ставить под сомнение честность исследователей, то общее восприятие опыта всё же может оказаться некоторым образом субъективным и не соответствующим реальным фактам. Имея в виду это, адмирал говорит: «Я навёл справки касательно того, действительно ли каждый из духов, давших понять, что они вступили в новое состояние сознания, был удовлетворительным образом удостоверен. В результате выяснилось, что данные многих из них подтвердились, и это послужило достаточной причиной для того, чтобы счесть совершенно бесполезным разыскание их родственников и места их проживания в земной жизни на предмет подтверждения. Такого рода розыски требуют много времени и труда и всегда заканчиваются тем же результатом, именно — подтверждением сказанного». В одном из случаев, который приводится на с. 524, говорится о некоей светской

даме, умершей во сне. Во всех подобных случаях возвращающийся дух не осознаёт, что его земная жизнь завершилась.

Драматичная история, в которой речь шла о духе человека, проявившегося в самый момент несчастного случая, повлекшего за собой его смерть (на самом деле этот случай касался сразу нескольких человек и имена, при этом упомянутые, были впоследствии проверены по газетным сообщениям об этой катастрофе), приводится г-ном Э. Дж. Рендалем. Другой пример, сообщаемый этим же джентльменом, может быть предложен вниманию тех, кто ещё не осознал, сколь неоспорима и убедительна очевидность и сколь необходимо нам пересмотреть свои взгляды на природу смерти. Всё это приводится им в книге «Мёртвые не умирают»[65].

«Приведу инцидент, уклоняющийся в чисто материальную сторону. Я был одним из душеприказчиков отца, и после смерти и раздела его имущества, говоря со мной уже из мира потустороннего, он как-то раз сказал мне, что я проглядел один пункт в завещании, о котором он собирался теперь мне напомнить.

---

[65] Notes: 65
Mr. E. G. Randall, «The Dead Have Never Died».

Я ответил: „Твой ум и так всегда был сосредоточен на накоплении денег. К чему ещё и теперь тратить время, которое так ограниченно, на разговоры об имуществе? Оно уже разделено“.

„Да, — ответил он, — я знаю, но мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы заработать свои деньги, и поэтому я не хочу, чтобы они пропали впустую. Ещё осталась сумма, о которой ты ничего не знаешь“.

„Хорошо, — сказал я, — коли так, расскажи, в чём дело“.

И он сообщил следующее:

„За несколько лет до отъезда[66] я дал взаймы под расписку небольшую (хотя как сказать!) сумму Сузанне Стоун, проживавшей в Пенсильвании, и получил от неё вексель. По законам этого штата я был вправе востребовать деньги через суд без возбуждения дела. Не знаю отчего, у меня возникло нехорошее предчувствие, и до истечения срока платежа я решил на всякий случай заверить вексель у нотариуса в Эйри, штат Пенсильвания, и тот сделал приписку, которая давала мне право удержать имущество заёмщика до уплаты долга. В моих бухгалтерских книгах

---

[66] Notes: 66

Здесь имеется в виду переход в мир иной.

нет никаких ссылок ни на вексель, ни на эту приписку. Будь любезен, поезжай в Эйри, зайди в нотариальную контору, найди приписку и забери её. Есть много и других вещей, о которых ты ничего не знаешь. Эта — одна из них“.

Я был весьма удивлён, получив подобные сведения столь необычным образом, и, разумеется, справился об этой приписке у названного нотариуса. В результате я узнал, что она сделана 2 октября 1896 года, и ввиду несомненного факта задолженности получил по этой приписке с должника 70 долларов вместе с процентами. И вот я спрашиваю, было ли известно кому-нибудь ещё о существовании этого векселя и приписки, кроме самого должника и нотариуса в Эйри? Лично мне определённо об этом ничего известно не было. У меня не имелось даже причины подозревать о существовании векселя и приписки. Медиум, в присутствии которого происходила эта беседа, также ничего не мог знать по данному поводу, и тем не менее я получил денежную сумму, объявленную мне столь неординарным способом. Голос, звучавший при этом, несомненно принадлежал моему отцу, как, впрочем, и на сотне иных подобных сеансов, когда мне приходилось с ним разговаривать, и я привожу именно этот пример

к пользе тех, кто имеет обыкновение измерять ценность всякой вещи лишь с денежной точки зрения».

Однако самые поразительные из всех этих посмертных сообщений находятся в книге «Тридцать лет среди умерших» доктора Викленда из Лос-Анджелеса[67]. Книгу эту, равно как и множество иных бесценных книг такого рода, можно приобрести только в Психическом книжном магазине на Виктория-стрит в Лондоне[68].

Д-р Викленд и его жена, воистину героическая женщина, проделали работу, которая заслуживает самого пристального внимания психиатров всего мира. Если только автору удастся отстоять свою правоту, а позиция его в данном случае весьма сильная, то он тем самым не только революционизирует все наши представления о безумии и сумасшествии, но и существенно изменит наши взгляды в криминологии, поскольку нам станет ясно, что мы наказываем как преступников тех людей, которые гораздо более заслуживают сострадания, нежели осуждения.

---

[67] Notes: 67

Dr. Wickland, «Thirty Years Among The Dead».

[68] Notes: 68

Библиотека-магазин, основанная и руководимая самим А. Конан Дойлом.

Создав теорию о том, что многие маньяки являются попросту жертвами одержания, подчинёнными неразвитым сущностям, и экспериментально выяснив (впрочем, метода его в данном случае мне не вполне понятна), что эти сущности до чрезвычайности чувствительны к статическому электричеству, пропущенному через захваченное ими тело, он на основе этой гипотезы создал курс лечения, дающий замечательные результаты. Третьим фактором в его системе было обнаружение того, что подобные сущности значительно легче изгоняются из захваченного ими обиталища, когда для их временного приёма в наличии было предусмотрено некоторое свободное от души тело. В этом и заключается героизм г-жи Викленд, весьма очаровательной и культурной дамы, находящейся в гипнотическом трансе рядом с субъектом в готовности принять в себя захватчика, как только тот будет изгнан из одержимого им тела. Личность и характер этого неразвитого духа определяются, когда он говорит устами г-жи Викленд.

Субъекта привязывают к электрическому стулу — это привязывание крайне необходимо, поскольку многие из них являются неистовыми маньяками, — после чего включается ток.

Эта электризация не воздействует на пациента, поскольку характер её статичен, но причиняет сильнейшие неудобства паразитирующему духу, каковой тут же старается найти приют в бессознательном теле г-жи Викленд. Затем следуют изумительные разговоры, подробнейшим образом приведённые в данном томе. Дух-одержатель подвергается перекрёстному допросу со стороны доктора, который увещевает его, объясняет ему все невыгоды его положения и в конце концов отпускает, либо передав его заботам какого-нибудь непременно присутствующего при этой процедуре высшего духа, либо, если одержатель не проявляет готовности к раскаянию, отдаёт его во власть некоего более сурового духовного распорядителя.

Для учёного, незнакомого с психическими исследованиями, такого рода утверждение, будучи подано в неприкрытом виде, звучит просто дикостью, но мне-то нет надобности требовать от д-ра Викленда доказательств его правоты, я просто говорю, что наш опыт в кружках духовного спасения содержит в себе общую идею и что, как было признано, д-ру Викленду удалось добиться полного исцеления в случаях, которые были неизлечимы всеми другими методами. Как бы то ни

было, всё это является очень убедительным подтверждением нашей теории. Например, в случае духа одной женщины, горько сожалевшей, что она не приняла на прошлой неделе достаточного количества карболовой кислоты, имя и адрес при этом оказались даны совершенно правильно (там же, с. 39)

По всей видимости не каждый открыт для подобного вторжения, но лишь те, кто наделён необходимой для того психической чувствительностью. Это открытие, когда оно будет в полной мере разработано, станет одним из основополагающих фактов психологии и юриспруденции будущего.

К двенадцатой главе
Опыты доктора Мопюи

Доктор Мопюи из романа, как без труда догадается всякий, знакомый с психическими исследованиями, есть не кто иной, как доктор Желе, чьи превосходные труды в данной области обеспечат ему неувядаемую славу. Это был перворазрядный ум, наделённый к тому же моральным мужеством, позволявшим ему с невозмутимым спокойствием противостоять

цинизму и легковесности своих критиков. Наделённый редкостным здравым смыслом, он никогда не шёл далее того, к чему его приводили факты, и ни на йоту не отступал уже от того, что признал истинным, будучи убеждён разумом и очевидностью, как бы далеко ни простёрлись их доказательства. Необыкновенная щедрость г-на Жана Мейера поместила его во главе Метапсихического института, превосходно оснащённого для проведения научно-исследовательской работы такого свойства, и он извлёк максимум возможного из предоставленного ему оснащения. Если только объявится некий британский Жан Мейер, то деньги, вложенные им в это дело, с лихвой окупятся лишь в том случае, если для управления своей машиной он сможет отыскать столь же прогрессивный ум, как тот, к услугам которого прибег его французский предшественник. Огромные пожертвования, сделанные Стенфордскому университету в Калифорнии, оказались практически растрачены впустую, поскольку те, кто возглавил исследования, ни в чём не походили на Желе или Рише.

Рассказ о питекантропе взят из «Бюллетеня Метапсихического института». Одна хорошо знакомая дама описала мне, как это существо

протиснулось между нею и её соседом и как она дотронулась рукой до его косматой шкуры. Отчёт об этом сеансе можно найти в книге д-ра Желе «Эктоплазма и ясновидение»[69]. На с. 296 помещена фотография необычной хищной птицы, появившейся над головой медиума. Потребна воистину маккавеевская доверчивость, чтобы вообразить, будто всё это подлог.

Все эти столь различные виды животных могут приобретать весьма странные формы. В неопубликованной рукописи полковника Охоровица, каковую мне посчастливилось увидеть, описываются некоторые материализации, которые не только страшны, но и не походят ни на одно из известных нам живых существ.

С той поры как подобные животные формы материализовывались под влиянием медиумичества как Клуского, так и Гузика, их образование, по-видимому, зависело скорее от влияния одного из участников сеанса, нежели самих медиумов, если только позволительно целиком отделять их от всего остального кружка. Среди спиритов считается чуть ли не аксиомой, что характер духов, проявляющихся во время спиритического сеан-

---

[69] Notes: 69
Gustave Geley, «L'Ectoplasme et la Clairvoyance», Félix Alcan, p. 345.

са, является в значительной мере выражением общей интеллектуальной и моральной природы участников сеанса. Так, почти что за сорок лет экспериментирования я ни разу не услышал во время сеанса ни единого непристойного или богохульственного слова, потому что сеансы эти проводились в почтительной и религиозной сосредоточенности. Здесь, однако, правомерно возникает вопрос, не могут ли сеансы, проводимые с чисто научными и экспериментальными целями, ни в коей мере не принимающие в расчёт в высшей степени религиозное значение предмета, вызывать куда менее желательные проявления психической силы? Опыт тем не менее показал, что высокий характер таких людей, как Рише и Желе, вполне гарантирует то, что общее направление таких проявлений окажется хорошим.

Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, таящий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, может служить то, что злотворные проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадаются зловредные существа. Точно так же и здесь: отказаться от изучения этой области значило бы оставить её во владении этих самых сил зла и вместе с тем — лишить самих себя того знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия.

1925 г.

Открытие Рафлза Хоу

Глава первая
Двойная загадка

— Ну конечно он не придёт! — с досадой в голосе проговорила Лаура Макинтайр.

— Почему же?

— Да посмотри, какая погода! Просто ужас!

Она не успела договорить, как снежный вихрь с глухим шумом ударил в уютное, завешенное красной шторой окно; протяжно завыл, засвистел ветер в ветвях огромных заснеженных вязов, росших вдоль всей садовой ограды.

Роберт Макинтайр отложил эскиз, над которым работал, и, взяв в руки лампу, стал вглядываться в темноту за окном. Длинные и словно мёртвые сучья безлистных деревьев качались и дрожали, еле видимые за снежной бурей.

Сидя с вышиваньем у камина, сестра взглянула на профиль Роберта, силуэтом выступавший на фоне яркого света. Красивое лицо — молодое, свежее, с правильными чертами, волнистые каштановые волосы зачёсаны назад и падают завитками на плечи — таким обычно и представляешь себе художника. Во всём его облике

чувствуется утончённость: глаза с еле заметными морщинками в уголках, элегантное пенсне в золотой оправе, чёрная бархатная куртка, на рукав которой так мягко лёг свет лампы. Только в разрезе рта что-то грубоватое, намёк на какую-то слабость характера — нечто такое, что, по мнению некоторых, и в том числе сестры Роберта, портило прелесть и изящество его лица. Впрочем, об этом не раз говорил и сам Роберт, — как подумаешь, что каждый смертный наследует все нравственные и телесные пороки бесчисленных прошлых поколений, то, право, счастлив тот, кого природа не заставила расплачиваться за грехи предков.

Неумолимый кредитор этот, надо сказать, не пощадил и Лауры, но верхняя часть лица у неё отличалась такой совершенной красотой, что недостатки в остальных чертах замечались не сразу. Волосы у неё были темнее, чем у брата, её густые локоны казались совершенно чёрными, пока по ним не скользнул свет лампы. Изящное, немного капризное лицо, тонко очерченные брови, умные, насмешливые глаза — в отдельности всё было безупречно, и тем не менее всякий, взглянув на Лауру, смутно ощущал в её внешности какое-то нарушение гармонии — то ли в

чертах лица, то ли в его выражении. Всматриваясь внимательнее, можно было заметить, что нижняя губка у неё слегка оттопырена и уголки рта опущены — недостаток сам по себе незначительный, но из-за него лицо, которое могло быть прекрасным, казалось всего лишь миловидным. Сейчас на нём были написаны недовольство и досада. Лаура сидела, откинувшись в кресле, бросив на колени суровое полотно и мотки разноцветного шёлка и заложив за голову руки — белоснежные, с мягкими розовыми локотками.

— Он не придёт, я уверена, — повторила она.

— Ну что за вздор, Лаура! Разумеется, придёт. Чтобы моряк испугался ненастья!

— Ш-ш-ш… — Лаура подняла палец, на губах у неё заиграла торжествующая улыбка, которая, однако, тут же уступила место прежнему выражению разочарования. — Это всего-навсего папа, — пробормотала она.

В передней послышалось шарканье подошв, и в гостиную, волоча ноги, вошёл хилый, небольшого роста человек в сильно поношенных комнатных туфлях. У Макинтайра-старшего был бегающий взгляд, редкая, растрёпанная, рыжая с проседью бородка, бледная, унылая физиономия. Житейские невзгоды и слабое здоровье

наложили на него свою печать. Десятью годами ранее Макинтайр был одним из самых крупных и самых богатых оружейных фабрикантов в Бирмингеме, но длинный ряд коммерческих неудач в конце концов привёл его к банкротству. Смерть жены в тот самый день, когда Макинтайра объявили несостоятельным, переполнила чашу бед, и с тех пор с его бледного, осунувшегося лица не сходило выражение растерянности и придавленности — свидетельство некоторого душевного расстройства. Финансовый крах был полный, и семья впала бы в совершенную нищету, не получи они как раз в это время от брата миссис Макинтайр, сумевшего нажить состояние в Австралии, небольшое наследство — ежегодную ренту в двести фунтов каждому из детей. Соединив свои доходы и перебравшись в небольшой домик в Тэмфилде — тихом местечке в четырнадцати милях от Бирмингема, — Макинтайры могли жить с относительным достатком. Перемену, однако, остро ощущали все члены семьи. Роберт, которому пришлось отказаться от всякой роскоши, столь милой сердцу художника, должен был теперь ломать голову над тем, как бы извлечь средства к существованию из того, что прежде являлось лишь прихотью. Но особенно

чувствительной перемена была для его сестры: Лаура хмуро сдвигала брови, выслушивая соболезнования друзей, и ей казались невыносимо скучными поля и дороги Тэмфилда после шумной жизни в Бирмингеме. Недовольство детей усугублялось поведением отца. Вся его жизнь теперь проходила в том, что он непрестанно оплакивал злую судьбу, а утешения искал то в молитвеннике, то в графинчике.

Для Лауры, впрочем, жизнь в Тэмфилде всё же имела и свою приятную сторону, но и этого ей скоро предстояло лишиться. Макинтайры переселились именно в эту глухую деревушку только потому, что сюда назначен был приходским

викарием старый их друг, преподобный Джон Сперлинг. Гектор Сперлинг, старший его сын и ровесник Лауры, был помолвлен с ней несколько лет, и молодые люди уже собирались пожениться, когда внезапное разорение семьи Макинтайр нарушило все их планы. Гектор, морской офицер в чине младшего лейтенанта, находился в отпуске, и не проходило вечера, чтобы он не навестил Зелёные Вязы, дом Макинтайров. Сегодня, однако, Лауре передали от жениха записку, в которой он сообщал, что получил неожиданный приказ на следующий же вечер вернуться на корабль, стоящий в Портсмуте. Гектор обещал забежать хотя бы на полчаса, попрощаться.

— А где Гектор? — сразу же спросил мистер Макинтайр, оглядывая комнату и мигая от яркого света.

— Не приходил, да и нечего ждать его в такую непогоду. В поле снега намело фута на два.

— Не приходил? Вот как! — закаркал старик, усаживаясь на кушетку. — Ну-ну! Не хватает ещё, чтобы и они с отцом отреклись от нас. Только этого и остаётся ждать.

— Ну как ты можешь так говорить, папа! — вос-

кликнула Лаура негодующе. — Они уже доказали нам свою преданность. Что бы они подумали о нас, если бы слышали твои слова!

— Послушай, Роберт, — сказал вдруг старик, не обращая никакого внимания на возмущение дочери, — я, пожалуй, выпью рюмочку коньяка — всего один глоток, а то я, кажется, схватил простуду в этот холодище.

Роберт продолжал рисовать в альбоме, будто ничего не слыша, но Лаура подняла глаза от работы.

— К сожалению, папа, в доме нет ни капли коньяка, — сказала она сухо.

— Ах, Лаура, Лаура!.. — Старик покачал головой, как бы не столько рассерженный, сколько огорчённый. — Ты уже не дитя, Лаура, ты взрослая девушка, хозяйка дома. Мы тебе доверяем, полагаемся на тебя. А ты оставляешь своего бедного брата, не говоря уж обо мне, твоём отце, без капли коньяку. Бог ты мой, что бы сказала твоя мать! Ты только представь себе: вдруг несчастный случай, внезапная болезнь, апоплексический удар! Ты берёшь на себя огромную ответственность, Лаура, ты подвергаешь риску наше здоровье!

— Я почти не прикасаюсь к коньяку, — отрезал Роберт. — Для меня Лаура может его не запасать.

— Как лекарство коньяк незаменим. Употребляй, но не злоупотребляй — ты меня понимаешь, Роберт? В этом всё дело. Ну тогда я, пожалуй, загляну на полчасика в «Три голубка».

— Отец! — не выдержал молодой человек. — Неужели ты выйдешь из дому в такую погоду? Если уж тебе необходим коньяк, я пошлю Сару. Или схожу сам, или…

Хлоп! На лежавший перед ним альбом упала свёрнутая в шарик бумажка. Роберт развернул её. «Бога ради, не удерживай его, пусть уходит!» — было нацарапано на ней карандашом.

— Во всяком случае, оденься потеплее, — продолжал Роберт, круто меняя позицию с чисто мужской неловкостью, от которой Лауру передёрнуло. — Может быть, на улице не так уж холодно, как кажется, и с пути тут у нас, слава богу, не собьёшься, всего-то пройти сотню шагов.

Не переставая ворчать и бормотать что-то по адресу незаботливой дочери, старик Макинтайр натянул на себя пальто и окутал шарфом длинную, тощую шею. Едва он открыл дверь прихожей, как от резкого порыва холодного ветра замигали лампы. Пока старик брёл по извилистой дорожке сада, сын и дочь молча прислушивались к его постепенно удаляющимся тяжёлым шагам.

— С отцом становится всё труднее, он просто невыносим, — проговорил наконец Роберт. — Не следовало его отпускать. Он там, чего доброго, выставит себя на посмешище.

— Но Гектор придёт сегодня в последний раз, он ведь уезжает, — жалобно оправдывалась Лаура. — Вдруг бы они встретились? Гектор, конечно, сразу всё поймёт. Поэтому мне и хотелось, чтобы отец ушёл.

— В таком случае он ушёл как нельзя более вовремя, — ответил брат. — Кажется, скрипнула калитка… слышишь?

Не успел он договорить, как снаружи послышался весёлый возглас и тут же раздался громкий стук в окно. Роберт вышел в переднюю и, отворив наружную дверь, впустил высокого молодого человека; чёрная суконная куртка его была вся усыпана сверкающими снежинками. Прежде чем войти в маленькую, ярко освещённую гостиную, он, громко смеясь, отряхнулся, как большой пёс, и счистил снег с сапог.

По лицу Гектора, по каждой его чёрточке, сразу видно было, что он моряк. Гладко выбритая верхняя губа и подбородок, небольшие бачки, прямой, решительный рот, твёрдые обветренные щёки — всё говорило, что перед вами офицер

английского флота. Ежедневно за обеденным столом во флотской столовой в Портсмуте можно увидеть с полсотни таких лиц, больше похожих одно на другое, чем лица родных братьев. Все эти моряки как будто отлиты по одному образцу, все они продукт определённой системы, которая учит смолоду полагаться на самого себя, закаляет стойкость и мужество. В общем, отличные образцы человеческой породы: быть может, не столь тонко отточенного интеллекта, как их собратья на суше, но люди честные, деятельные, готовые к подвигу. Гектор был отлично сложён, высок и строен. Зоркий взгляд серых глаз и энергичные, решительные манеры ясно говорили, что человек этот привык и приказывать, и повиноваться.

— Получила мою записку? — обратился он к Лауре, едва войдя в комнату. — Что ж, приходится сниматься с якоря. Вот досада, а? Старику Смизерсу позарез нужны люди, он требует, чтобы я немедленно возвращался.

Сев рядом с Лаурой, Гектор положил загорелую руку на белую ручку девушки.

— Но на этот раз ненадолго, — продолжал он. — Рейс короткий: Мадейра, Гибралтар, Лисабон — и восвояси. К марту, пожалуй, вернёмся.

— Кажется, будто ты только вчера приехал

домой…

— Бедная моя! Но теперь ждать немного. Смотри, Роберт, береги её тут без меня. А когда я вернусь, то на этот раз уж окончательно, слышишь, Лаура? Бог с ними, с деньгами. Тысячи людей живут на меньшее. Совершенно не обязательно иметь целый дом. Зачем он нам? В Саутси можно снять отличные комнаты за два фунта в неделю. Макдугл, наш казначей, только что женился, а он получает всего тридцать шиллингов. Ты не побоишься, Лаура?

— Разумеется, нет.

— Почтенный мой старикан чересчур осторожен. «Подождать, подождать», других у него и слов нет. Но сегодня у меня с ним будет серьёзный разговор. Я его уговорю, вот увидишь. А ты, Лаура, побеседуй на этот счёт с твоим родителем. Роберт тебя поддержит. И вот тебе список портов и даты, когда мы будем туда заходить. Смотри, я надеюсь, что в каждом порту меня будет ждать письмо!

Гектор вытащил из бокового кармана кителя листок бумаги, но вместо того, чтобы передать девушке, уставился на него с величайшим изумлением.

— Ничего не понимаю!.. — проговорил он. — Посмотри-ка, Роберт, что это такое.

— Поднеси к свету. Ну что ж, банковский билет стоимостью пятьдесят фунтов. Не вижу здесь ничего особо примечательного.

— Напротив, это более чем странно. Решительно отказываюсь понять, что всё это значит.

— Постой-ка, Гектор, — сказала мисс Макинтайр, и в глазах у неё мелькнули озорные искорки. — И со мной сегодня тоже произошло кое-что странное. Держу пари на пару перчаток, что моё приключение интереснее твоего, хотя оно и не принесло столь приятных плодов, как твой банковский билет.

— Прекрасно! Принимаю вызов. Роберт будет судьёй.

— Изложите ваше дело. — Молодой человек закрыл альбом и, подперев голову руками, принял шутливо-торжественный вид. — Даме — первое слово. Начинай, Лаура. Впрочем, я, кажется, уже догадываюсь, о чём ты хочешь рассказать.

— Случилось это сегодня утром, — сказала она. — Да, Гектор, ты ещё, пожалуй, приревнуешь, я об этом и не подумала. Но тебе волноваться нечего, бедняга просто-напросто помешан.

— Да скажи, ради бога, что с тобой произошло? — спросил молодой офицер, переводя взгляд с банковского билета на невесту.

— Случай сам по себе безобидный, но, согласитесь, очень странный. Я вышла погулять, но тут пошёл снег, и я укрылась под навесом — его поставили рабочие вблизи Нового Дома. Рабочих уже нет, постройка ведь закончена, а владелец, говорят, приезжает завтра, но навес ещё не успели разобрать. Я села там на какой-то ящик, как вдруг на дороге появляется человек, подходит ближе и останавливается под тем же навесом. Очень высокий, худой, лицо бледное, спокойное, на вид лет немногим больше тридцати, одет бедно, но выглядит джентльменом. Он что-то спросил о деревне, её обитателях, я, конечно, ответила, и неожиданно мы с ним принялись оживлённо болтать на самые разнообразные темы. Время летело так незаметно, я и забыла про метель, а незнакомец вдруг говорит мне, что снег перестал. И тут, когда я уже собралась уходить, знаете, что он сделал? Подошёл ближе, грустно и задумчиво поглядел мне прямо в лицо и сказал: «Хотел бы я знать, полюбили бы вы меня, если бы у меня не было ни гроша за душой?» Как странно, правда? Я перепугалась и выбежала из-под навеса на дорогу — он не успел больше сказать ни слова. Но право же, Гектор, тебе нечего принимать такой грозный вид. Теперь, когда я всё это вспоминаю, мне ясно,

что ни в манерах, ни в тоне моего незнакомца не было ничего предосудительного. Он просто размышлял вслух и не имел ни малейшего намерения оскорбить меня. Я убеждена, что он немного не в своём уме.

— Гм… Но в его помешательстве я замечаю некоторую систему, — заметил Роберт.

— Я тоже стану действовать по системе, если мне доведётся когда-нибудь дать ему хорошую взбучку, — свирепо проговорил лейтенант. — В

жизни своей не слыхал о подобной бесцеремонности.

— Я так и знала, что ты приревнуешь. — Лаура коснулась рукава его грубого суконного кителя. — Успокойся, я больше никогда в жизни не встречусь с этим беднягой. Он, очевидно, нездешний. Ну вот и всё моё маленькое приключение. А теперь расскажи о своём.

Гектор шелестел ассигнацией, вертя её между пальцами; другой рукой он проводил по волосам, как человек, старающийся собраться с мыслями.

— Тут какое-то нелепое недоразумение, — начал он. — Я должен как-то всё это выяснить, только, признаться, не знаю как. Под вечер я шёл из дому в деревню, по дороге вижу — какой-то человек попал в беду: колесо его двуколки сползло в канаву с водой, незаметной под снегом. Достаточно было сделать небольшой крен вправо, и седок вылетел бы вон. Я, конечно, помог, оттащил двуколку на дорогу. Уже совсем стемнело. Незнакомец принял меня, наверное, за деревенского чурбана: мы ведь не обменялись с ним и десятком слов. Перед тем как отправиться дальше, он сунул мне в руку вот эту бумажку. Я чуть было не бросил её тут же на дороге — я почему-то вообразил, что это какой-то торговый проспект

или реклама. По счастью, я всё-таки сунул эту смятую бумажку в карман и вот сейчас в первый раз вытащил. Теперь вы знаете об этой истории ровно столько, сколько я сам.

Брат с сестрой не сводили удивлённых глаз с банковского билета.

— Да этот твой проезжий, должно быть, сам Монте-Кристо или, по меньшей мере, Ротшильд, — сказал Роберт. — Я вынужден заявить, Лаура, что ты проиграла пари.

— И ничуть не огорчена. Первый раз в жизни слышу о такой удаче. Что за прелесть. должно быть, этот щедрый путешественник. Хорошо бы с ним познакомиться.

— Но я ведь не могу оставить у себя эти деньги, — сказал Гектор Сперлинг, не без сожаления поглядывая на банкноту. — Денежные вознаграждения сами по себе вещь приятная, но всему есть мера. Ведь это могло быть ошибкой. И всё-таки я уверен, что он хотел дать мне крупную сумму, не мог же он спутать ассигнацию с мелкой монетой! Думаю, мне следует поместить объявление в газетах.

— Жаль, — заметил Роберт. — Должен тебе сказать, твоя история мне представляется в несколько ином свете.

— Право, Гектор, это просто донкихотство, — сказала Лаура Макинтайр. — Почему тебе не принять этот дар так же просто, как он был тебе предложен? Ты оказал услугу человеку, попавшему в затруднительное положение, — услугу, быть может, более значительную, чем ты думаешь, вот он и отблагодарил тебя, оставил своему спасителю маленький сувенир на память. Не вижу причины, почему тебе надо отказаться от этих денег.

— Нет, право же… — смущённо засмеялся молодой человек. — Во всяком случае, история не из таких, какие лестно рассказывать за столом товарищам.

— Так или иначе, Гектор, завтра ты уезжаешь, — заметил Роберт. — У тебя не будет времени наводить справки о твоём таинственном Крёзе. Придётся тебе подумать, как бы получше использовать этот неожиданный дар.

— Знаешь что, Лаура, положи-ка эти деньги в свою рабочую корзинку, — сказал Гектор. — Будь моим банкиром, и если настоящий владелец отыщется, я направлю его в Зелёные Вязы. Если же нет, будем считать, что это моя награда «за спасение утопающих», хотя, честное слово, всё это не очень-то мне нравится.

Он встал и бросил ассигнацию в стоявшую подле Лауры коричневую рабочую корзинку с мотками цветной шерсти.

— А теперь пора мне сниматься с якоря, я обещал отцу вернуться к девяти часам. Ну, дорогая, расстаёмся ненадолго и в последний раз. До скорого свидания, Роберт! Желаю успеха!

— До свидания, Гектор! Bon voyage![70]

Художник остался сидеть за столом, а сестра его пошла проводить жениха до двери. Роберту были видны их силуэты в слабо освещённой передней, слышны голоса.

— Значит, когда я вернусь, дорогая?..

— Да, Гектор.

— И ничто на свете нас не разлучит?

— Ничто на свете.

— Никогда?

— Никогда.

Роберт встал и скромно притворил дверь в комнату. Через минуту хлопнула входная дверь, за окном заскрипел снег под быстрыми шагами: это ушёл Гектор.

---

[70] Notes: 70
Счастливого пути! *(фр.)*

Глава вторая
Хозяин нового дома

Метель утихла, но целую неделю крепкий мороз держал в своих железных объятиях всю округу. По промёрзшим дорогам звонко цокали лошадиные подковы; ручейки и придорожные канавы превратились в полосы льда. На уходящих вдаль холмистых равнинах, покрытых безупречно белой пеленой, тёплыми пятнами рассыпались красные кирпичные домики; в безветренном воздухе струи серого дыма из труб тянулись прямо вверх. Небо было нежнейшего голубого оттенка, и утреннее солнце, светившее сквозь далёкие туманы Бирмингема, заливало мягким блеском широко раскинувшиеся поля. Вся эта картина не могла не радовать глаз художника.

Она и в самом деле доставляла радость молодому художнику, который наблюдал её с вершины пологого Тэмфилдского холма, опершись на изгородь, надвинув на лоб берет и покуривая короткую терновую трубку. Роберт Макинтайр медленно оглядывал всё вокруг, как человек,

наслаждающийся созерцанием природы.

Внизу, к северу от подножия холма, перед ним лежала деревня Тэмфилд — красные стены домов, серые крыши, там и сям тёмные силуэты деревьев и неподалёку от них, в стороне от широкой, извилистой, покрытой снегом дороги на Бирмингем, Зелёные Вязы, где жил он с отцом и сестрой. Медленно переведя глаза в другую сторону, Роберт увидел только что достроенное огромное белокаменное здание строгих пропорций. На одном его углу возвышалась башня; в стёклах доброй сотни окон мерцали красноватые отблески утреннего солнца. Поблизости стояло второе, небольшого размера, низкое квадратное строение с высокой трубой, из которой поднимался в морозный воздух длинный столб дыма. Оба здания окружала массивная ограда, внутри её высились частые ряды молодых елей — со временем они обещали превратиться в настоящий лес. Большая груда строительного мусора у ворот, навесы для рабочих, длинные штабеля досок от разобранных лесов — всё говорило, что работы только что закончены.

Роберт Макинтайр с любопытством разглядывал массивную громаду Нового Дома. Он уже давно был загадкой и темой для пересудов по

всей округе. Не более года назад прошёл слух, что какой-то миллионер купил участок и собирается устроить тут поместье. С тех пор день и ночь здесь кипела работа, и всё до последних мелочей было завершено в наикратчайший срок, в какой можно выстроить разве что несколько шестикомнатных коттеджей. Каждое утро два длинных специальных железнодорожных состава привозили из Бирмингема целую армию рабочих, а вечером их сменяла новая партия, продолжавшая работу при свете двенадцати мощных электрических прожекторов. Число рабочих ограничивалось, как видно, лишь пространством, на котором велись работы. Со станции тянулись вереницы подвод с белым камнем из Портленда. Сотни рабочих тут же выгружали камень, уже отшлифованный в форме квадратных плит, каменщики подавали его с помощью паровых кранов на всё растущие стены, где он тут же поступал к другим каменщикам, производившим укладку. День ото дня дом становился выше, колонны, пилястры, карнизы вырастали как по волшебству. Строилось не только главное здание. Одновременно росло и второе сооружение, и вскоре из Лондона стали приезжать какие-то бледнолицые люди, и с ними прибыло множество странного вида машин,

огромные цилиндры, колёса, мотки проводов — всё это шло на внутреннее устройство второго здания. Большая труба, поднимавшаяся из самого его центра, и сложное машинное оборудование ясно показывали, что здесь будет фабрика или лаборатория; ходили слухи, что владельцу, этому богачу, служит забавой то, что для бедняков является необходимостью: он любит поработать у горна, повозиться с колбами и ретортами.

Едва начали возводить второй этаж главного здания, а внизу уже суетились слесари, водопроводчики, столяры, обойщики, выполняя тысячи непонятных, дорогостоящих работ — всё ради наибольшего комфорта и прихоти владельца. По всей округе и даже в Бирмингеме рассказывали фантастические истории о неслыханной роскоши внутреннего убранства дома. Здесь явно не жалели никаких денег, лишь бы всё до последней мелочи было удобно. Через деревню проезжали фургон за фургоном, нагруженные великолепной мебелью, а деревенские жители стояли по обочинам дороги и глазели на все эти чудеса. Затем стали прибывать ценные звериные шкуры, пушистые ковры, старинные гобелены, изделия из слоновой кости и драгоценных металлов; и всякий раз, когда кому-нибудь удавалось

мельком увидеть все эти склады сокровищ, находился повод для новой легенды. Наконец, когда всё было готово, прибыл штат прислуги в сорок человек, что предвещало скорое появление самого владельца, мистера Рафлза Хоу.

Неудивительно поэтому то живейшее любопытство, с каким Роберт Макинтайр рассматривал великолепный дом и мысленно отмечал, что из труб идёт дым, а на окнах спущены занавеси — признаки того, что хозяин уже прибыл. Огромная территория позади дома была отведена под оранжереи, стёкла их сверкали, как поверхность озера, а ещё дальше тянулись конюшни и различные хозяйственные постройки. За неделю перед тем через Тэмфилд провели полсотни коней. Как ни грандиозны были приготовления, они всё же не были чрезмерны и вызывались лишь необходимостью.

Кто же этот человек, который так щедро сыпал деньги направо и налево? Ни в Бирмингеме, ни в Тэмфилде никто о нём ничего не слыхал, никто не знал источника его несметных богатств. Об этом и размышлял лениво Роберт Макинтайр, стоя у изгороди и пуская голубые клубы табачного дыма в морозный, неподвижный воздух.

Взгляд его вдруг упал на тёмную фигуру среди

поля: кто-то вышел из-за поворота и зашагал по широкой, извилистой дороге, ведущей к Тэмфилдскому холму. Через несколько минут человек подошёл настолько близко, что Роберт различил знакомое лицо, стоячий крахмальный воротничок и мягкую чёрную шляпу викария.

— Доброе утро, мистер Сперлинг.

— А, доброе утро, Роберт! Как поживаешь? Нам не по пути? До чего скользко на дороге!

Его круглое приветливое лицо сияло добродушием, он шёл, слегка подпрыгивая, как человек, с трудом сдерживающий радость.

— Есть ли письма от Гектора?

— Ну как же! В прошлую среду он благополучно отплыл из Спитхеда, теперь будем ждать от него вестей с Мадейры. Но вы в Зелёных Вязах, наверное, получаете вести от Гектора прежде моего.

— Не знаю, получала ли сестра письма за последние дни. А вы ещё не были у своего нового прихожанина?

— Я как раз от него.

— Он женат, этот мистер Рафлз Хоу?

— Нет, холост. И кажется, у него вообще нет родных. Живёт один, окружённый огромным штатом прислуги. Дом поистине изумителен. Невольно вспоминаешь «Тысячу и одну ночь».

— А сам владелец? Что он собой представляет?

— Ангел, сущий ангел! Кажется, не встречал ещё подобной доброты. Он меня совершенно осчастливил. — Глаза старика сияли от радостного волнения, он громко высморкался в большой красный носовой платок.

Роберт Макинтайр посмотрел на него удивлённо.

— Рад это слышать, — проговорил он. — А нель-

зя ли узнать, в чём, собственно, выразилась его ангельская доброта?

— Сегодня я явился к нему в назначенный час — накануне я писал ему, просил меня принять. Я рассказал ему о нашем приходе, о всех его нуждах, о своей давнишней борьбе за ремонт южного придела церкви, о наших усилиях поддержать беднейших прихожан в эту суровую зиму. Пока я рассказывал ему про все эти беды, он не проронил ни слова, и на лице у него было такое отсутствующее выражение, будто он и не слышит, о чём я говорю. Когда я окончил свой рассказ, он взялся за перо. «Сколько нужно для ремонта церкви?» — спросил он. «Тысяча фунтов, — ответил я, — но триста фунтов мы уже собрали. Сквайр внёс щедрую лепту — пятьдесят фунтов». — «Ну а сколько у вас нуждающихся семейств?» — «Около трёхсот», — ответил я. «Если не ошибаюсь, тонна угля стоит фунт стерлингов. Трёх тонн должно хватить на всю зиму. И можно купить пару отличных одеял за два фунта. Ну что ж, по пяти фунтов на каждую семью и семьсот фунтов на церковь». Он окунул перо в чернильницу и, честное слово, Роберт, тут же выписал мне чек на две тысячи двести фунтов. Не помню уж, что я ему сказал. Я просто поглупел от радости, двух

слов не мог выговорить, чтоб поблагодарить его. В один миг он снял с моих плеч все заботы. Право, Роберт, я до сих пор не могу прийти в себя.

— Очевидно, очень отзывчивый человек.

— Необычайно! И так скромен! Со стороны можно было подумать, что это я делаю ему одолжение, а он мой проситель. Мне вспомнилось, как сказано в Писании о вдовице, у которой сердце запело от радости. У меня у самого сердце поёт от радости, уверяю тебя, Роберт. Ты не зайдёшь к нам?

— Нет, благодарю вас, мистер Сперлинг. Мне пора домой: хочу поработать над своей новой картиной. Это большое полотно, в пять футов: «Высадка римских легионов в Кенте». Попытаюсь ещё раз послать на выставку в академию. До свидания, мистер Сперлинг.

Роберт приподнял берет и продолжал путь, а викарий свернул к своему дому.

Роберт Макинтайр превратил просторную, пустую комнату на втором этаже в студию; туда-то он и направился после завтрака. Хорошо хоть, что у него есть собственный угол, где можно побыть одному! Отец, кроме как о гроссбухах и финансовых отчётах, больше ни о чём не может говорить, а Лаура стала как-то раздражительна

и сварлива, с тех пор как оборвалась последняя связь, удерживавшая её в Тэмфилде.

Обстановка в студии была скудная, и в ней было довольно неуютно: ни обоев, ни ковров, — но в камине трещал весёлый огонь и два широких окна давали необходимый для работы свет. Посреди комнаты помещался мольберт с огромным, натянутым на подрамник холстом, у стены стояли две последние, уже законченные работы художника: «Убийство Фомы Кентерберийского» и «Подписание Великой хартии вольностей». У Роберта была слабость к грандиозным темам и эффектным сценам. Пусть даже честолюбие у него превышало талант, всё же в нём сохранилась искренняя преданность искусству и способность не падать духом при неудачах — качества, обычно присущие художникам, которые добиваются успеха. Дважды несколько его картин путешествовали в город, и дважды все они возвращались обратно, и под конец на золочёных рамах, расходы на которые порядком истощили кошелёк Роберта, начали обнаруживаться следы этих путешествий. Но несмотря на неприятное соседство отвергнутых произведений, Роберт принялся писать новое полотно с жаром, какой может быть только у человека, уверенного в

конечном успехе.

Но в этот день художнику не работалось. Тщетно клал он мазок за мазком, делая тон, тщетно выписывал длинные, плавные формы римских галер. Несмотря на все усилия, ему не удавалось сосредоточить мысли на работе; они всё время возвращались к утреннему разговору с викарием. Воображение Роберта взволновал странный человек, живущий одиноко среди чужих людей и в то же время обладающий таким могуществом, что одним росчерком пера он может обратить горе в радость и преобразить весь приход. Роберту вдруг вспомнился случай, о котором рассказывал Гектор. По всей вероятности, он повстречался именно с этим самым Рафлзом Хоу. Трудно предположить, чтоб в приходе оказалось двое таких богачей, для которых ничего не стоит дать пятьдесят фунтов случайному прохожему за пустяковую услугу. Ну конечно, это был Рафлз Хоу! А у Лауры лежит ассигнация Гектора с поручением вернуть её владельцу, если таковой обнаружится!

Роберт отложил палитру и, спустившись в гостиную, передал отцу и сестре свою утреннюю беседу с мистером Сперлингом и выразил уверенность, что незнакомец, наградивший Гектора пятьюдесятью фунтами, был не кто иной, как новый сосед, Рафлз Хоу.

— Ну-ну, — оживился старик Макинтайр. — Как это так, Лаура? Почему же ты мне ничего не

рассказала? Что вы, женщины, смыслите в делах и деньгах? Дай-ка мне ассигнацию, я освобожу тебя от всякой ответственности за неё. Я всё беру на себя.

— Нет, папа, — решительно заявила Лаура. — Я ни за что не выпущу из рук эти деньги.

— Что только делается на белом свете! — воскликнул старик, воздев к небесам тощие руки. — С каждым днём ты становишься всё непочтительнее, Лаура. Я могу извлечь пользу из этих денег, понимаешь? Пользу! Они могут стать краеугольным камнем, на котором я снова воздвигну… ну, словом, поправлю свои дела. Я пущу эти деньги в оборот. Я возьму их у тебя под четыре или даже четыре с половиной процента и верну по первому требованию. Ручаюсь тебе, ручаюсь! Ну хотя бы моим честным словом.

— Папа, это совершенно невозможно, — холодно повторила Лаура. — Это не мои деньги, они принадлежат Гектору. Гектор пожелал, чтобы я стала его банкиром, — это его собственное выражение. Я не вольна распоряжаться ими. А твоё предположение, Роберт… не знаю, может, ты и прав, а может быть, и нет, но, во всяком случае, я не отдам эти деньги ни мистеру Рафлзу Хоу, ни кому другому без разрешения Гектора.

— Тут ты вполне права: уж конечно, незачем отдавать деньги этому Рафлзу Хоу, — сказал старик, одобрительно кивая. — По-моему, нам незачем выпускать их из рук.

— Поступайте как хотите, я только счёл долгом высказать вам своё мнение.

Роберт взял берет и вышел из дому, не желая быть свидетелем спора, который, как он видел, готов был снова разгореться. Душе художника претили эти мелкие перебранки, и он, чтобы немного успокоиться, решил снова обратиться к созерцанию мирного зимнего ландшафта. Роберту была чужда корысть, постоянные разговоры отца о деньгах вызывали в нём подлинное отвращение и ненависть к этой теме.

Он не спеша зашагал по своей излюбленной тропинке, которая вилась вокруг холма. Мысли, занимавшие художника, были далеко от вторжения римлян на территорию Англии — он думал о таинственном миллионере, — как вдруг взгляд его упал на высокого, худощавого мужчину, неожиданно оказавшегося прямо перед ним: держа трубку во рту, незнакомец пытался зажечь спичку, загораживая её от ветра шапкой. На нём была куртка грубого, толстого сукна, на лице и на руках виднелись следы дыма и копоти.

Но ведь известно, что все курильщики на свете как бы принадлежат к одному братству, подобно масонам, и тут уж рушатся всякие социальные перегородки. Вот почему Роберт остановился и предложил свой коробок:

— Не хотите ли огня?

— Благодарю. — Незнакомец взял спичку, чиркнул ею и пригнулся. У него было бледное, худощавое лицо, короткая негустая бородка и острый, с горбинкой нос; прямые густые брови, почти сросшиеся на переносице, придавали взгляду решительное и энергичное выражение. Очевидно, какой-нибудь квалифицированный рабочий или механик из тех, кто занимался внутренним оборудованием Нового Дома. Вот случай получить из первых рук ответы на вопросы, мучившие Роберта. Он подождал, пока незнакомец раскурит трубку, затем пошёл с ним рядом.

— Вы идёте к новому дому? — спросил Роберт.

— Да.

Голос прозвучал холодно и отчуждённо.

— Вы, случайно, не принимали участия в его строительстве?

— Да, я в некотором роде к нему причастен.

— Я слыхал, внутри там просто какие-то чудеса. Все только об этом и говорят. Дом действительно

так роскошен?

— Право, не могу сказать. Я не слышал того, что о нём рассказывают.

Судя по тону, незнакомец не хотел вступать в разговор, и Роберту даже показалось, что проницательные серые глаза спутника глянули на него насторожённо. Но если этот рабочий так сдержан и скрытен, тем больше оснований предполагать, что он кое-что знает, — надо только суметь вытянуть из него сведения.

— А вот и пресловутый дворец! — заметил Роберт, когда они очутились на самой вершине холма и он ещё раз посмотрел на громадное здание. — Что ж, он и в самом деле грандиозен и великолепен, но я лично предпочитаю свою каморку там, в деревне.

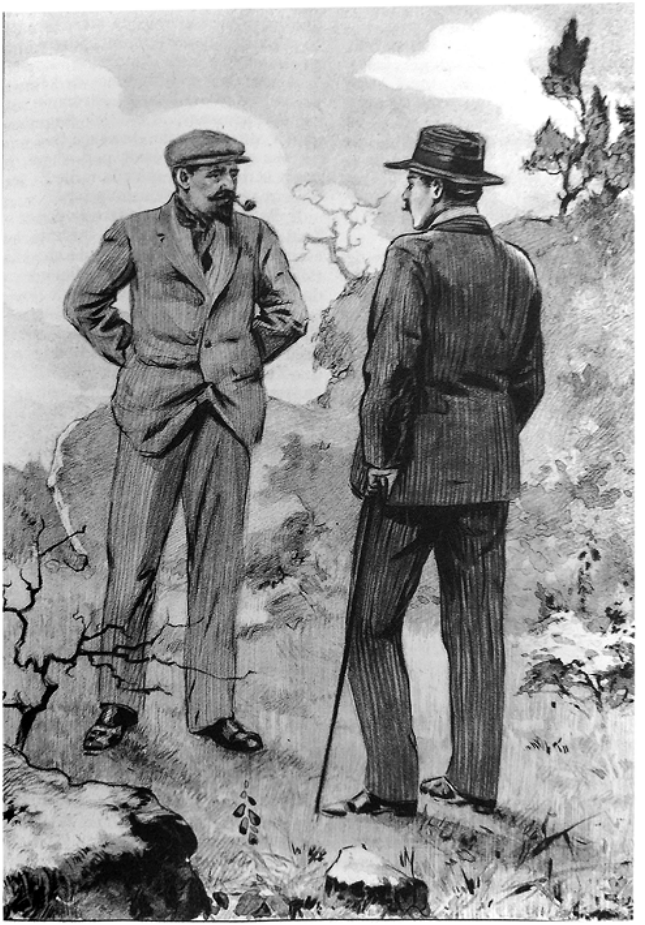
Рабочий молча пускал дым из трубки.

— Так вы не охотник до роскоши? — спросил он наконец.

— Нет. Я не хотел бы стать ни на йоту богаче, чем я есть. Конечно, мне бы хотелось продать свои картины. Надо же на что-то существовать! Но, кроме этого, мне ничего не нужно. Я даже берусь утверждать, что я, бедный художник, или вы, человек, зарабатывающий себе на хлеб, мы больше получаем радостей от жизни, чем владе-

лец этого пышного дворца.

— Да, пожалуй, вы правы, — ответил рабочий уже более миролюбиво.



— Искусство само по себе награда, — продолжал Роберт, воодушевляясь всё больше, коль скоро разговор коснулся близкой его сердцу темы. — Разве купишь за деньги то чувство глубочайшего удовлетворения, какое испытывает художник, творящий нечто новое, прекрасное? Разве купишь тот восторг, какой охватывает его, когда день за днём он видит, как оно растёт у него под рукой, — и вот оно завершено! Живя искусством и не будучи богат, я всё же счастлив. Отнимите у меня искусство, и в жизни моей образуется пустота, которую не заполнить никаким богатством. Но право, не знаю, почему я вам всё это говорю.

Рабочий остановился, обратил к Роберту закопчённое лицо и посмотрел на него серьёзно и пытливо.

— Очень рад слышать такие речи, — сказал он. — Отрадно знать, что ещё не все на свете поклоняются золотому тельцу. Значит, есть люди, стоящие выше этого! Разрешите пожать вам руку!

Это было довольно неожиданно, но втайне Роберт немножко гордился тем, что принадлежит к богеме и обладает счастливой способностью заводить друзей в самых разнообразных слоях общества. Он с готовностью ответил на сердечное

рукопожатие нового знакомого.

— Вас интересует этот дом? Я хорошо знаю его внутреннее устройство, если угодно, могу, пожалуй, вам кое-что показать, может, будет для вас занятно. Мы как раз подходим к воротам, желаете пройти со мной?

Вот действительно удобный случай! Роберт охотно согласился, и они пошли по длинной аллее, обсаженной молодыми ёлками. Увидев, однако, что его скромно одетый спутник шагает по широкой, усыпанной гравием площадке прямо к главному входу, Роберт испугался, как бы не поставить себя в неудобное положение.

— Но не через главный же вход? — шепнул он, слегка потянув своего спутника за рукав. — Мистеру Рафлзу Хоу это может не понравиться.

— Не думаю, что тут встретятся какие-либо препятствия, — ответил тот, спокойно улыбнувшись. — Я и есть Рафлз Хоу.

Глава третья
Дом чудес

На лице Роберта Макинтайра застыло выражение крайнего изумления, вызванного этим совершенно неожиданным оборотом дела. Сперва он решил, что его спутник шутит, но спокойная уверенность, с какой тот стал подниматься по лестнице, и глубокое почтение, с каким встретил его в холле разодетый мажордом, распахнувший перед ним дверь, доказывали, что он сказал правду. Рафлз Хоу оглянулся и, увидев растерянное и удивлённое лицо молодого художника, чуть заметно усмехнулся.

— Простите, что я не сразу назвал себя, — сказал он, дружеским жестом коснувшись руки Роберта. — Узнай вы сразу, кто я такой, вы бы не были откровенны и я бы лишился возможности узнать вас по-настоящему. Едва ли, например, вы решили бы столь прямо выражать своё мнение о богатстве, если бы знали, что перед вами хозяин этого дома.

— Кажется, никогда в жизни я не был до такой степени поражён, — выговорил наконец Роберт.

— Вполне естественно. За кого вы могли принять меня, как не за рабочего? Да я, в сущности, и есть рабочий. Химия — мой конёк, я часами не вылезаю из лаборатории. Сегодня я как раз разжигал горн, надышался не очень-то приятными газами и решил, что мне полезно прогуляться и выкурить трубку. Вот так мы и встретились. И боюсь, костюм на мне был вполне под стать моей прокопчённой физиономии. Но, мне кажется, я догадываюсь, кто вы. Вы — Роберт Макинтайр, я не ошибся?

— Да. Но… откуда вы меня знаете?

— Я, конечно, постарался кое-что проведать о своих новых соседях. Мне сказали, что в деревне живёт художник по имени Макинтайр, а в Тэмфилде, я полагаю, художники не так уж многочисленны. Но как вам нравится планировка и сам дом? Надеюсь, он не оскорбляет вашего тонкого вкуса?

— Чудесно, изумительно! У вас, должно быть, необычайно острый глаз на такие вещи.

— У меня нет никакого вкуса, ни малейшего. Я не отличу хорошего от дурного. Я самый типичный обыватель. Но я пригласил лучшего специалиста из Лондона и ещё одного из Вены. Вот они вдвоём всё это и устроили.

Хозяин провёл гостя через двустворчатую дверь, и они остановились на огромном ковре из бизоньих шкур. Он был постлан у самого входа в большой квадратный двор, вымощенный разноцветным мрамором, выложенным сложнейшим узором. Посреди двора из фонтана резной яшмы били пять тонких водяных струй: четыре из них изгибались к четырём углам двора, падая затем в широкие мраморные чаши, а пятая била высоко вверх и затем со звоном падала в центральный бассейн. С каждой стороны двора росла высокая, грациозная пальма; тонкие, прямые как стрела стволы их венчались на высоте пятидесяти футов кроной зелёных, клонящихся книзу листьев. Вдоль стен тянулись арки в мавританском стиле из яшмы и белого с красными прожилками корнуоллского мрамора; арки были завешены тяжёлыми тёмно-пурпуровыми занавесями, скрывавшими находящиеся за ними двери. Впереди, справа и слева шли широкие мраморные лестницы, устланные пушистыми коврами из Смирны; они вели к верхним этажам зала, расположенного вокруг всего этого двора. Во дворе было тепло и в то же время чувствовалась свежесть — таким бывает в Англии воздух в мае.

— Тут всё как в Альгамбре, — заметил Рафлз Хоу. — Пальмы хороши. Корни их уходят глубоко в землю и окружены трубами с горячей водой. По-видимому, отлично принялись.

— Какая прекрасная филигранная работа по бронзе! — воскликнул Роберт, подняв восхищённый взгляд на блестящие, поразительно тонкой

ажурной чеканки металлические экраны, заполнявшие промежутки между мавританскими арками.

— Да, довольно изящно. Но это не бронза. Бронза недостаточно ковкий материал, её нельзя довести до такой тонкости. Это — золото. Но пройдёмте дальше. Вы подождёте, пока я не смою с себя всю эту копоть?

Он повёл гостя к двери с левой стороны двора. К изумлению Роберта, едва они подошли, дверь медленно распахнулась перед ними.

— Я ввёл небольшое усовершенствование, — пояснил хозяин. — Стоит приблизиться к двери, и вес вашего тела, давя на доски пола, освобождает пружину, а она вызывает вращение дверных петель. Прошу вас, войдите. Это мой собственный маленький кабинет, он обставлен по моему личному вкусу.

Если Роберт ожидал увидеть новое зрелище богатства и роскоши, то был горько разочарован, ибо очутился в просторной, но почти пустой комнате, где находилась лишь узкая железная кровать, несколько как попало расставленных деревянных стульев, старый, потускневший от времени ковёр и большой стол, заваленный книгами, пузырьками, бумагами и всяким хламом,

какой обычно скапливается на столе делового и не очень аккуратного человека. Жестом пригласив гостя сесть, Рафлз Хоу скинул куртку и, завернув рукава толстой фланелевой рубашки, стал старательно умываться горячей водой, тёкшей из крана в стене.

— Видите, как скромны мои собственные вкусы, — заметил Рафлз Хоу, вытирая полотенцем лицо и волосы. — Это единственная комната во всём моём громадном доме, где я чувствую себя в родной мне обстановке. Здесь мне уютно. Здесь я могу почитать, выкурить трубку в тишине и покое. Всякая роскошь мне противна.

— Вот как! Право, я никак не предположил бы…

— Это сущая правда, уверяю вас. Видите ли, даже вы, с вашим взглядом на богатство — взглядом весьма разумным и делающим вам честь, — даже вы должны признать, что, если человек обладает несметным… ну, скажем лучше, значительным богатством, прямая его обязанность пустить свои деньги в обращение, и притом с пользой для общества. Вот весь секрет моих пышных перьев. Мне приходится пускать в ход всю свою изобретательность, чтобы истратить доходы, действуя в границах узаконенного. Очень легко, например,

просто раздавать деньги кому попало; таким способом я, несомненно, быстро избавился бы от лишних денег или хотя бы от части их. Но я не хочу никого превращать в нищих попрошаек или причинить какой-либо другой вред людям необдуманной благотворительностью. Я должен быть уверен, что истраченные мною деньги приносят соответствующую пользу. Вам понятна моя мысль?

— Абсолютно. Хотя, признаться, для меня ново слышать жалобы человека на то, что он затрудняется найти применение своим капиталам.

— Уверяю вас, для меня это действительно серьёзная трудность. Но я кое-что придумал: у меня родились довольно интересные планы. Не желаете ли вымыть руки? Нет? В таком случае хотите посмотреть ещё что-нибудь в моём доме? Пройдите, пожалуйста, вон в тот угол комнаты и сядьте там в кресло, вот так. Теперь я сяду рядом в другое кресло, и мы готовы к отбытию.

Угол комнаты, где они теперь сидели, футов на шесть в обе стороны был окрашен в тёмно-шоколадный цвет; выступавшие из стены два крытых красным плюшем сиденья резко контрастировали с остальной обстановкой комнаты.

— Это лифт, — пояснил Рафлз Хоу. — Он вмонти-

рован в стену, и, если бы не иная окраска, вы бы и не угадали, где он находится. Лифт устроен таким образом, что может двигаться и в вертикальном и в горизонтальном направлениях. Вот ряд кнопок, на них указаны различные помещения. Видите? «Столовая», «курительная», «бильярдная», «библиотека» и так далее. Сейчас покажу, как он действует в вертикальном направлении. Я нажимаю кнопку с надписью «кухня».

Роберт почувствовал лёгкий толчок и вдруг, не сходя с кресла, увидел, что комната куда-то пропала и на её месте оказалась большая дубовая дверь с полукруглым верхом.

— Эта дверь ведёт в кухню, — сказал Рафлз Хоу. — Кухня у меня расположена на самом верхнем этаже: терпеть не могу запахов стряпни. Мы поднялись на восемьдесят футов всего за полторы секунды. Теперь я снова нажимаю кнопку, и мы опять у меня в комнате.

Роберт, поражённый, смотрел во все глаза.

— Чудеса науки удивительнее всякого волшебства, — проговорил он наконец.

— Да, тут довольно сложный механизм. Теперь продвинемся по горизонтали. Нажимаю кнопку с надписью «столовая» — вот мы уже и прибыли. Шагните к двери, она сама распахнётся перед

вами.

Роберт сделал так, как ему было сказано, и вместе с хозяином очутился в большой комнате с высоким потолком, а лифт, освободившись от тяжести их тел, в ту же минуту вернулся в прежнее положение.

Ноги Роберта утопали в роскошном мягком ковре, точно он стоял по щиколотку во мху; взгляд его привлекли большие картины, развешанные по стенам.

— Неужели?.. Да, да, несомненно, это кисть Рафаэля.

Он указал на одно из полотен, висевшее как раз перед ним.

— Да, это Рафаэль — один из его шедевров. Я выдержал за него на аукционе настоящий бой с французским правительством. Картину хотели купить для Лувра, но, как всегда на аукционах, победил более толстый кошелёк.

— А эта, «Арест Катилины», должно быть, Рубенс. Трудно не узнать его великолепных мужчин и бесстыдных женщин.

— Вы угадали, это Рубенс. А те две — Веласкес и Тенирс, отличные образцы испанской и нидерландской школы. Здесь у меня только старые мастера. Современная живопись — в бильярдной

комнате. Мебель здесь необычная, я даже полагаю, уникальная. Она сделана из чёрного дерева и кости нарвала. Видите, витые ножки у столов и кресел костяные. Мебельщику стоило немалых хлопот раздобыть этот редкий материал в таком большом количестве. Любопытная подробность: китайский император сделал крупный заказ на кость нарвала для реставрации внутренней решётки какой-то древней пагоды, но я перебил его на аукционе, и «сыну неба» пришлось подождать. Вон в том углу лифт, но он нам не нужен. Пройдите, пожалуйста, в дверь. Это бильярдная комната, — продолжал он, войдя с Робертом в соседнее помещение. — Как видите, на стенах здесь картины новых больших художников: Коро, два Месонье, Бугро, Милле, Орчардсон, две работы Альма Тадема. Но даже как-то жаль завешивать картинами эти стены резного дуба, правда? Взгляните на тех птиц среди ветвей. Кажется, что они действительно порхают и щебечут, словно живые.

— Они восхитительны! Никогда мне не доводилось видеть такой тончайшей резьбы по дереву. Но почему вы называете эту комнату бильярдной, мистер Хоу? Я не вижу бильярдного стола.

— Это такой громоздкий и неудобный предмет

— всегда мешает, когда вы в нём не нуждаетесь. Вот поэтому стол у меня скрыт под площадкой полированного клёна, она перед вами на полу. Смотрите, я ставлю ногу на этот моторчик…

Не успел он закончить фразу, как центральная часть пола поднялась кверху, и великолепный, инкрустированный черепахой стол поднялся на высоту в четыре фута. Рафлз Хоу нажал вторую пружину, и в то же мгновение и таким же образом появился второй, на этот раз карточный стол.

— Но это всё пустяки, — заметил хозяин. — Вот в моём музее может сыскаться для вас что-нибудь поинтереснее.

Он провёл гостя в следующую комнату, обставленную в античном стиле и всю увешанную редчайшими и богатейшими драпировками и коврами. На мраморном мозаичном полу были раскиданы ценные меховые шкуры. Мебели в комнате было немного, лишь вдоль стен стояли шкафчики в стиле Людовика XIV; они были из чёрного дерева и отделаны серебром и изящными, тонко расписанными фарфоровыми медальонами.

— Возможно, комната эта и не заслуживает названия музея, — снова заговорил Рафлз Хоу. — Это всего-навсего собрание кое-каких изящных

безделушек, я добывал их в самых разнообразных местах. Наиболее интересное здесь — драгоценные камни. Думаю, тут я мог бы соперничать с любой частной коллекцией. Я держу их на запоре, чтобы не вводить в искушение слуг.

Он снял с часовой цепочки серебряный ключ и стал отпирать и выдвигать ящики в шкафчиках. У Роберта вырвался невольный крик изумления и восторга; он переводил глаза от одного ящика к

другому: в них лежали великолепнейшие драгоценные камни. Глубокое, ровное красное пламя рубинов, зелёные вспышки прозрачных изумрудов, ослепительное сверкание бриллиантов, тончайшие переливы бериллов, аметистов, ониксов, кошачьего глаза, опалов, агатов, сердоликов, казалось, наполнили всю комнату лёгкими многоцветными, мерцающими огнями. Длинные пластинки прекрасной голубой ляпис-лазури, превосходные гелиотропы, розовые, красные и белые кораллы, длинные нити светлого жемчуга — всё это владелец их небрежно высыпал из ящиков, словно мальчуган свои мраморные шарики.

— Вот этот неплох, — заметил он, поднимая в руке золотистый кусок янтаря размером с человеческую голову. — Мне прислал его мой агент из Прибалтики. Чрезвычайно редкий экземпляр. Весит двадцать восемь фунтов. Мне не приходилось слышать о более крупном. Бриллианты у меня не особенно велики — их не было на рынке, — но, в общем, довольно хороши. Красивые игрушки. Вам нравятся?

Он взял в обе горсти изумруды, затем медленно высыпал их обратно в ящик.

— Боже ты мой! — вырвалось у Роберта. Он переводил взгляд с одного ящика на другой. —

Ведь уж одно это — огромное состояние! Такая великолепная коллекция, должно быть, стоит не меньше ста тысяч фунтов!

— Вы, как я вижу, не большой знаток камней, — засмеялся Рафлз Хоу. — Всего один ящичек с бриллиантами и тот нельзя приобрести за названную вами сумму. У меня в памятной книжке записано всё, что я истратил на приобретение ценностей для коллекции, — впрочем, специальные мои агенты по закупке драгоценных камней в ближайшие же недели значительно увеличат эту сумму. Сейчас посмотрим. Так… На жемчуга истрачено сто сорок тысяч, на изумруды семьсот пятьдесят, на рубины — восемьсот сорок… Бриллианты девятьсот двадцать. Ониксы… У меня есть неплохие ониксы… двести тридцать. Карбункулы, агаты… Гм… Да, всего ровно четыре миллиона семьсот сорок тысяч. Для ровного счёта, если учесть накладные расходы, скажем, пять миллионов.

— Господи! — воскликнул молодой художник, широко раскрыв глаза от удивления.

— Поймите, я почитаю это своим долгом. Отделка, шлифовка, продажа драгоценных камней — профессии эти целиком зависят от богатства. Если их не поддержать, они заглохнут, а это

многим людям грозит нищетой. То же самое относится и к ювелирным работам по золоту — помните экраны во дворе? Богатство обязывает; поощрить подобные искусства и ремёсла — долг богатого человека. Посмотрите, вот славный рубин. Он из Бирмы. Это пятый по величине из всех существующих в мире. Я склонен думать, что без шлифовки он был бы вторым по величине, но, конечно, шлифовка сильно уменьшает размер камня.

Он подержал двумя пальцами сверкающий красным пламенем рубин величиной с каштан, затем небрежно бросил его обратно в ящик.

— Пройдём в курительную, — предложил он. — Вам следует немного подкрепиться. Осмотр достопримечательностей, говорят, самое утомительное занятие на свете.

Глава четвёртая
Из страны в страну

Комната, в которой теперь очутился совершенно ошеломлённый всем виденным Роберт, оказалась, может быть, не столь богатой, но ещё более роскошно обставленной, чем те, в которых он уже побывал. По пышному восточному ковру в обдуманном беспорядке были разбросаны козетки, обитые светло-красным плюшем. Тут стояли также мягкие кушетки, оттоманки, диваны, американские качалки — удобная мебель на любой вкус. Одна из стен была стеклянной, за ней, очевидно, был роскошный зимний сад. В дальнем конце комнаты находился двойной ряд золочёных стендов со множеством последних номеров различных журналов. По обе стороны украшенного мозаикой камина на специальных полках расположились десятки всевозможных курительных трубок: английские черешневые, французские терновые, немецкие фарфоровые, резные пенковые трубки, трубки из душистого кедра, восточные наргиле, турецкие чубуки и два больших кальяна в оправе из золота. Вдоль стен

висели в три ряда небольшие закрытые ящички; на каждом из них была табличка из слоновой кости с обозначением сорта табака. Выше помещались шкафчики побольше из полированного дуба — в них были сигары и папиросы.

— Испытайте-ка мой дамасский диван, — пригласил хозяин, сам усевшись в кресло-качалку. — Он сделан поставщиком самого султана. Турки отлично понимают, что такое комфорт. Я заядлый курильщик, мистер Макинтайр, поэтому тут я мог давать советы архитектору, здесь всё больше по моему вкусу, чем в остальных помещениях. В картинах, например, я ровно ничего не смыслю, как вы могли бы убедиться очень скоро. А по части табака я, смею сказать, могу подать неплохой совет. Вот, скажем, эти. — Он вытащил несколько больших сигар, отлично свёрнутых, мягкого, светло-коричневого оттенка. — Несколько необычные. Попробуйте.

Роберт закурил предложенную ему сигару и с наслаждением откинулся на пышные подушки, разглядывая сквозь голубые душистые облака дыма загадочного человека в грязной куртке, который о миллионах говорил так, как другой говорит о шиллингах. Бледное лицо, грустный, усталый взгляд, понурые плечи, — казалось, он

сгибался под тяжестью собственного богатства. В его разговоре, в манере держаться сквозило что-то вроде немой мольбы о прощении, какое-то чувство виноватости, что так не вязалось с могуществом, которым он обладал. Вся фантастическая встреча чрезвычайно заинтересовала и взволновала Роберта. Его душа артиста нежилась в атмосфере неслыханной роскоши и комфорта; он отдавался чувству покоя и полнейшего довольства, какого никогда доселе не испытывал.

— Что же мы выпьем — кофе, рейнвейн, токайское? Или, может быть, что-нибудь покрепче? — спрашивал Рафлз Хоу, протянув руку к выступавшей из стены доске с клавишами, напоминавшей клавиатуру рояля. — Рекомендую токайское. Меня снабдил им поставщик австрийского императора, и, полагаю, лучшие вина достались не императору, а мне.

Он дважды нажал клавишу на доске. Через несколько секунд, резко щёлкнув, одна из планок в стене откинулась, в образовавшемся отверстии оказался небольшой поднос, на котором стояли два высоких узких бокала венецианского стекла, наполненные вином.

— Механизм, как видите, действует неплохо, — сказал Рафлз Хоу. — Совершенно новое

устройство, насколько мне известно. Видите, на клавишах написаны названия различных вин? Нажав на клавишу, я включаю электрический ток, под действием которого кран в погребе останется открытым ровно столько, сколько необходимо, чтобы наполнить стоящий под краном бокал. Бокалы помещаются на вращающемся цилиндре, так что один бокал всегда стоит наготове под краном. Затем он движется по пневматической трубе, которая приводится в действие тяжестью наполненного вином бокала. Не правда ли, забавная выдумка? Но боюсь, я нагоняю на вас скуку всеми этими пустяками. Просто это моя слабость — механизировать всё, что можно.

— Напротив, я преисполнен любопытства и изумления, — с жаром заверил его Роберт. — Мне кажется, будто меня вдруг перебросили из старой, прозаической Англии куда-то на Восток, во дворец джиннов. Если бы я не видел всё это собственными глазами, я бы не поверил, что можно всё так устроить, так освободить жизнь от тысячи её досадных, мелких неудобств.

— Я покажу вам ещё кое-что достойное внимания, — сказал Рафлз Хоу. — Но отдохнём здесь несколько минут, мне бы хотелось немного с

вами побеседовать. Ну, как сигара?

— Превосходна!

— Она была свёрнута в Луизиане ещё во времена рабства. Теперь таких уже не делают. Человек, продавший их мне, не знал подлинной их стоимости. Я купил эти сигары по нескольку шиллингов за штуку. А теперь я хотел бы попросить вас об одном одолжении, мистер Макинтайр.

— Буду очень рад.

— Теперь вы более или менее ясно представляете моё положение. Я здесь совершенно чужой. С людьми из зажиточных классов у меня мало общего. Я не светский человек. Я не люблю наносить визиты, не люблю принимать визитёров. Я учёный-любитель, человек самых скромных потребностей. У меня нет ни малейшего стремления блистать в обществе. Вы меня понимаете?

— Да, разумеется.

— С другой стороны, жизненный опыт показал мне, что труднее всего найти себе друга среди людей не столь богатых, то есть я хочу сказать, тех, кто жаждет увеличить свои доходы. Они очень ценят ваше богатство и очень мало вас самих. Я уже испытал это на себе, я знаю, как это бывает.

Он умолк и взъерошил пальцами редкую бородку.

Роберт Макинтайр кивнул в знак полного понимания и согласия.

— Теперь вы видите, — снова начал Рафлз Хоу, — от богатых меня отвращают мои собственные склонности, а от тех, кто беден, — то, что я не доверяю их искренности, и потому я оказываюсь в одиночестве. Не то чтобы я боялся одиночества, нет, я к нему привык. Но это сужает поле моей полезной деятельности. Я лишаюсь возможности получать достоверные и непосредственные сведения о людях, которым мог бы помочь. Я рад, что встретил сегодня здешнего викария, по-видимому человека совершенно бескорыстного и честного. Он будет одним из посредников, связывающих меня с внешним миром. Могу я просить вас стать для меня вторым таким посредником?

— Буду счастлив! — с готовностью откликнулся Роберт.

Предложение это наполнило его восторгом: оно давало ему почти официальное право на вход в этот земной рай. Ему только того и надо было.

— По счастью, из нашего разговора я узнал, как благородны ваши взгляды в вопросе о деньгах и до какой степени вам чуждо стяжательство. Вы, наверное, заметили, как я вначале был резок, почти груб с вами? У меня есть основания бояться и

подозревать всех случайных знакомых. Слишком часто оказывалось, что встречи со мной были подстроены заранее с самыми неблаговидными целями. Боже ты мой, что бы только я мог вам порассказать! Однажды я оказался свидетелем того, как за девушкой гнался бык. Рискуя жизнью, я бросился ей на помощь, а потом узнал, что всё это было подстроено матушкой и дочкой, — быка взяли напрокат, и вся сцена была задумана как эффектная завязка знакомства. Но не буду подрывать вашу веру в людей. Мне самому пришлось пережить довольно тяжкие разочарования. Может, поэтому я и смотрю на всех предвзято. Тем нужнее мне человек, совету которого я мог бы довериться.

— Вы только скажите, в чём может быть вам полезен мой совет, и я с величайшей охотой помогу вам, — заверил его Роберт. — Сам я родом из Бирмингема, но знаю почти всех здешних жителей, знаю положение каждого.

— Именно это мне и нужно. Деньги могут принести много добра, но и много зла. Я буду обращаться к вам за советом в сомнительных случаях. Кстати, у меня есть один небольшой вопрос. Скажите, знакома ли вам девушка — брюнетка с серыми глазами, с тонкими, правильными черта-

ми лица? Когда я встретил её, на ней было синее пальто с барашковым воротником и манжетами.

Роберт усмехнулся про себя.

— Я отлично знаю это синее пальто: вы говорите о моей сестре Лауре.

— Это ваша сестра? Да что вы! Впрочем, теперь я и сам вижу, конечно, есть сходство. Я встретил её на днях, и мне захотелось узнать, кто она. Сестра, конечно, живёт вместе с вами?

— Да. Мы живём втроём в Зелёных Вязах: сестра, отец и я.

— Надеюсь иметь честь познакомиться со всей вашей семьёй. Вы кончили курить? Не желаете ли ещё сигару или, может быть, трубку? Настоящий курильщик всегда предпочтёт трубку. У меня здесь почти все сорта табака. Каждый понедельник запас в ящиках пополняется, а в субботу табак поступает в распоряжение стариков из дома призрения, поэтому табак у меня всегда свежий. Ну, если больше не угодно курить, пойдём посмотрим кое-какие другие мои выдумки. В соседней комнате оружейная, а за ней библиотека. Собрание книг у меня ограниченное, немногим больше ста тысяч томов. Но подбор не совсем обычный. У меня есть Библия пятого века

— полагаю, уникальная; есть Biblia Pauperum[71] тысяча четыреста тридцатого года; манускрипт Книги Бытия на тутовых листьях относится, по всей вероятности, ко второму веку; есть рукописный экземпляр «Тристана и Изольды» восьмого века. Есть несколько сот старопечатных книг, среди них пять отличных экземпляров Шеффера и Фуста[72]. Но всё это вы можете посмотреть, полистать в любой дождливый день, когда у вас не будет более интересных занятий. А сейчас я покажу вам одно интересное устройство, связанное с курительной комнатой, оно, вероятно, вас позабавит. Возьмите ещё сигару. Теперь пересядем вон на тот диван в дальнем углу.

Диван стоял в нише и был с трёх сторон и сверху окружён кристально прозрачными стеклянными стенками. Когда оба они сели, Рафлз Хоу потянул за шнур, и тотчас позади них опустилась четвёртая стенка. Они оказались как бы в большом ящике из такого чистого, столь тщательно отшлифованного стекла, что его почти не было заметно. Внутри этой маленькой прозрачной камеры

[71] Notes: 71

«Библия бедных» *(лат.)* — собрание иллюстраций на библейские сюжеты с пояснительными текстами.

[72] Notes: 72

Шеффер и *Фуст* — немецкие первопечатники (XV в.).

свисали сверху золотые шнуры с хрустальными ручками; шнуры выходили наружу и, по-видимому, были соединены с длинной блестящей металлической полосой, находящейся снаружи.

— Ну, где бы вы предпочли выкурить сигару? — спросил Рафлз Хоу, и в его серьёзных глазах мелькнул весёлый огонёк. — Может, отправимся в Индию, или в Египет, или в Китай, или…

— В Южную Америку, — пошутил Роберт.

Что-то мигнуло, послышался рокот колёс. Роберт почувствовал, что стеклянная комнатка движется, и — что это?.. Молодой художник озирался кругом в полнейшем недоумении. Со всех сторон их окружали гигантские папоротники и пальмы, увитые длинными ползучими лианами, орхидеи ослепительно-яркой окраски. Курительная комната, дом, Англия — всё исчезло, и Роберт сидел на диване где-то в гуще девственного леса на берегу Амазонки. Это была не просто иллюзия, оптический обман. Он видел, как с земли поднимаются горячие испарения от тропических растений, как падают тяжёлые капли влаги с огромных зелёных листьев, ясно различал узор толстой коры на стволах деревьев. А над головой бесшумно скользила по суку пёстрая зелёная змея, из древесной листвы вылетел

яркий попугай и снова скрылся в зелени. Онемев от изумления, Роберт поворачивал голову во все стороны и наконец встретился взглядом с сидевшим рядом с ним хозяином — в глазах Роберта было удивление, смешанное со страхом.

— В доброе старое время сжигали на костре за более невинные шутки, — смеясь от души, проговорил Рафлз Хоу. — Ну как, хватит с вас Амазонки? Не перебраться ли в Египет?

Вновь послышался шум какого-то механизма, всё мгновенно переменилось, и вот, насколько хватало глаз, вокруг раскинулась бесконечная пустыня. На переднем плане теснилось друг к другу пять пальм, у основания их росли колючие, напоминающие кактус растения. В стороне стоял серый, грубо обтёсанный обломок скалы, низ у него был высечен в форме огромного жука-скарабея. На поверхности этого древнего камня резвились ящерицы. А в бесконечную даль уходили жёлтые пески, и на горизонте мерцала дымка миража.

Роберт ухватился за край дивана и бросал по сторонам ошеломлённые взгляды.

— Мистер Хоу, я ровно ничего не понимаю!..

— Сильное впечатление, не правда ли? Эта египетская пустыня — излюбленное моё убежище, сюда я скрываюсь, когда мне хочется покурить и предаться на досуге размышлениям. Странно, что табак завезён к нам с делового, практического Запада. Так и кажется, что его родина — томный, мечтательный Восток. Но может быть, для разно-

образия вам хотелось бы перенестись в Китай?

— Нет, только не сегодня, — сказал Роберт, проводя рукой по лбу. — От всех этих чудес у меня голова кругом идёт, и, право, я испытал нечто вроде нервного потрясения. Кроме того, мне пора вернуться в Зелёные Вязы, наш прозаический дом, если только я смогу найти туда дорогу из этой пустыни, куда вы меня умчали. Но, мистер Хоу, разрешите моё недоумение: в чём тут секрет?

— Это просто забава, хитрая игрушка, и только. Сейчас я вам всё объясню. От курительной идёт длинная анфилада очень больших оранжерей. В каждой поддерживается особая температура и степень влажности, так чтобы воспроизвести в точности климат Египта, Китая и других стран. Наша стеклянная камера — это просто трамвай, движущийся почти бесшумно по стальным рельсам. С помощью шнуров я направляю ход нашего трамвая, и он идёт, как вы заметили, с поразительной скоростью. Эффект ещё усиливается тем, что потолки в оранжереях очень умело расписаны под небо, и повсюду обитают птицы и другие живые существа, которые, кстати сказать, чувствуют себя в этой искусственной обстановке не хуже, чем на родине. Вот вам весь секрет нашего путешествия в Южную Америку.

— А как же египетская пустыня?

— Да, здесь несколько сложнее. У меня работал лучший французский специалист по декорациям. Он написал весь идущий по окружности фон. Пальмы, кактусы, обелиск — это всё, конечно, настоящее, так же как и песок, который тянется ярдов на пятьдесят, и я готов держать пари, что самый зоркий человек не отличит, где кончается настоящий песок и начинается иллюзия песка. Это обычный и даже довольно дешёвый приём, используемый в круглой панораме, но только всё очень тщательно выполнено. Что ещё осталось для вас непонятным?

— Стеклянная камера. Для чего её стены из стекла?

— Чтобы мои гости не чувствовали резкой перемены температуры. Я оказывал бы плохое гостеприимство, если б они возвращались в курительную, промокнув насквозь и схватив жестокий насморк. Стекло прогрето, иначе на нём осела бы влага и казалось бы, что всё затронуто туманом. Но вы действительно спешите? В таком случае вот мы и снова в курительной. Надеюсь, ваш визит далеко не последний. И, если позволите, я с большой охотой побываю у вас в Зелёных Вязах. Прошу вас, выход через музей.

Когда после благовонной, тёплой атмосферы великолепного дворца Роберт Макинтайр вновь очутился в резком, колючем холоде английского зимнего вечера, у него было такое чувство, словно он надолго уезжал в дальние края. Протяжённость времени измеряется нашими впечатлениями, и так живы, так новы были впечатления Роберта, что ему казалось, будто уже много недель прошло с момента встречи на дороге с прокопчённым «механиком». Голова у Роберта шла кругом, мысли неслись вихрем, он был словно одурманен безмерным богатством, колоссальным могуществом этого необыкно-

венного человека. Как мал, как убог показался ему их дом, когда Роберт переступил его порог, недовольный самим собой и всем окружающим.

Глава пятая
Просьба Лауры

В тот же вечер после ужина Роберт Макинтайр выложил отцу и сестре всё, что ему довелось увидеть. Он был так переполнен впечатлениями, что ему не терпелось ими поделиться. Поэтому скорее ради собственного удовольствия, чем из желания доставить удовольствие близким, он живо обрисовал виденные им чудеса, несметные богатства, сокровищницу драгоценных камней, золото, мрамор, необычайные механические устройства, бьющую через край роскошь, полное пренебрежение к расходам, которое сказывалось во всём. Целый час он в самых красочных выражениях расписывал эти чудеса и под конец не без гордости сообщил о просьбе, с какой обратился к нему Рафлз Хоу, и о том полнейшем доверии, которое ему, Роберту, было оказано.

Рассказ Роберта подействовал на его слушателей совершенно по-разному. Старик Макинтайр откинулся на спинку стула, ядовитая усмешка искривила его губы, кожа на худом лице собралась в тысячи морщинок, глазки заблестели от

зависти и жадности. Он с такой силой сжал край стола тощей жёлтой рукой, что при свете лампы суставы на пальцах казались совсем белыми. Лаура, напротив, вся подалась вперёд, губы у неё полураскрылись, щёки порозовели — она впитывала в себя каждое слово брата. Когда он поочерёдно взглянул на отца и сестру, ему показалось, что никогда ещё не видел он отца таким злым, а Лауру — такой красивой.

— Да кто он, этот субъект? — спросил наконец старик после продолжительного молчания. — Надеюсь, состояние своё он нажил честным путём? На пять миллионов драгоценных камней, ты говоришь? Боже милостивый!.. И готов раздать их, только боится превратить людей в попрошаек? Можешь передать ему, Роберт, что тебе известен человек, вполне достойный и не имеющий ничего против того, чтобы его сделали попрошайкой!

— Но всё же, Роберт, кто он такой? — воскликнула Лаура. — Едва ли Хоу — его настоящее имя. Может, он переодетый принц или даже король в изгнании? Да, хорошо бы полюбоваться на его бриллианты и изумруды! Я считаю, что изумруды особенно идут брюнеткам. Расскажи мне ещё про этот музей, Роберт.

— Я думаю, что мистер Хоу именно тот, за кого

себя выдаёт, — сказал Роберт. — У него простые, сдержанные манеры обыкновенного среднего англичанина. Какой-нибудь особой утончённости я в нём не заметил. Он разбирается в книгах, в картинах, но ровно настолько, чтоб оценить их прелесть, не больше. Нет, по-моему, он человек нашего круга и положения, но получивший по наследству огромное богатство. Конечно, мне судить трудно, но всё то, что я видел сегодня, — дом, картины, драгоценности, книги и всё остальное — меньше чем за двадцать миллионов не купишь, я даже уверен, что и этого будет недостаточно.

— Я знал когда-то одного Хоу, — сказал старик Макинтайр, барабаня пальцами по столу. — Он был у меня старшим мастером в цехе по изготовлению патронных гильз. Но это был пожилой, одинокий человек. Ну, во всяком случае, будем надеяться, что всё это добро досталось твоему Хоу не мошенничеством, деньги, надеюсь, ничем не запятнаны.

— И он в самом деле придёт к нам? — Лаура захлопала в ладоши. — Скажи, Роберт, ну как ты думаешь — когда? Смотри предупреди меня заранее. А вдруг завтра, как ты думаешь?

— Право, не могу сказать тебе.

— Я просто жажду его увидеть. Никогда в жизни

мне ничего не хотелось так сильно!

— А, ты получила письмо, — сказал вдруг Роберт. — От Гектора, конечно, судя по иностранной марке. Ну как он там?

— Письмо пришло только сегодня вечером, я его ещё не читала. Сказать по правде, я так увлеклась твоими рассказами, что совершенно про него забыла. Бедняга Гектор! Письмо с Мадейры. — Она бегло проглядела четыре страницы, исписанные неровным, ребячьим почерком молодого моряка. — У него всё благополучно. Корабль попал в шторм в пути и тому подобное, но теперь у него всё в порядке. Рассчитывает к марту вернуться. А может, он всё-таки придёт завтра, твой новый друг, твой рыцарь из очарованного замка?

— Едва ли так скоро.

— Если он ищет, куда бы поместить капитал, Роберт, — сказал отец, — не забудь передать ему, что сейчас особенно выгодно вкладывать средства в производство оружия. С моим опытом и при капитале в несколько тысяч я обеспечу ему барыш в тридцать процентов, точно, как в банке. В конце концов, должен же твой Рафлз Хоу пустить в оборот свои капиталы. Нельзя же всё растранжирить на всякие там книги и драгоценные камни! Я, безусловно, мог бы дать ему самые

практические советы.

— Он навестит нас, возможно, ещё очень не скоро, отец, — холодно ответил Роберт. — И когда он придёт, я едва ли позволю себе использовать дружеское его расположение ко мне в твоих коммерческих интересах.

— Папа, мы не ниже его! — воскликнула Лаура с горячностью. — Зачем ты хочешь выставить нас перед ним в роли нищих? Он вообразит, что мы проявляем внимание к нему только из-за его денег. Я просто не понимаю, как ты можешь допускать подобные мысли!

— Если бы я не допускал подобных мыслей, мисс, на какие бы, спрашивается, средства дал я вам образование? — сердито накинулся на неё старик.

Роберт тихонько вышел из комнаты. И у себя, среди своих полотен, он всё ещё слышал голоса из гостиной: один хриплый, другой звонкий — там шла нескончаемая семейная перебранка. Всё более неприглядной казалась Роберту домашняя обстановка, в которой протекала его жизнь, всё больше мечтал он о покое, который можно приобрести за деньги.

На следующее утро, едва убрали со стола после завтрака, а Роберт ещё не успел приняться за

работу, как раздался робкий стук в дверь — на пороге стоял Рафлз Хоу. Роберт бросился к нему навстречу, радостно его приветствуя.

— Боюсь, что я слишком ранний визитёр, — произнёс гость извиняющимся тоном, — но я обычно совершаю прогулку сразу после завтрака. — Во внешности его теперь не замечалось следов грязной работы, на нём был аккуратный тёмный костюм, волосы гладко причёсаны. — Вчера вы рассказывали мне о вашей работе. Может быть, несмотря на ранний час, вы позволите побывать в вашей студии?

— Входите, мистер Хоу, прошу вас! — Роберт был приятно взволнован лестным вниманием столь щедрого мецената. — Сочту за честь показать вам те небольшие вещи, над которыми сейчас тружусь, хотя, признаться, побаиваюсь: у вас перед глазами всегда столько настоящих шедевров! Разрешите представить вас отцу и сестре.

Старик Макинтайр отвесил глубокий поклон и потёр высохшие, костлявые руки, а молодая леди, подавив возглас удивления, широко раскрытыми глазами смотрела на миллионера. Хоу сделал шаг вперёд и спокойно пожал ей руку.

— Я так и думал, что это вы. Я уже имел честь

встретить вашу сестру, мистер Макинтайр, в первый же день моего приезда в Тэмфилд. Мы оба прятались от метели под навесом и очень приятно беседовали.

— Я понятия не имела, что разговариваю с владельцем Нового Дома, — сказала Лаура несколько смущённо. — Какие странные бывают совпадения!

— Я часто думал, с кем же я тогда встретился, но только вчера это стало мне ясно. Как у вас здесь мило! А летом, должно быть, просто очаровательно! Да позвольте, если бы не тот холм, ваш дом был бы виден из моих окон!

— Да, и он не закрывал бы вид на ваши чудесные ели, — сказала Лаура, став у окна рядом с мистером Рафлзом Хоу. — Только вчера я смотрела и думала: как жаль, что существует этот холм!

— Да? Я прикажу снести его. Буду счастлив доставить вам удовольствие.

— Боже мой! — воскликнула Лаура. — Снести холм? Но куда же его девать?

— Можно его весь срыть и насыпать в другом месте. Холм не так уж велик. Нужно только нанять несколько тысяч рабочих, снабдить их соответствующей техникой и провести железнодорожную ветку — через несколько месяцев от

холма и следа не останется.

— А как же дом нашего бедного викария? — спросила Лаура смеясь.

— Ну, это не встретит особых затруднений. Мистеру Сперлингу можно будет предложить взамен такое же точно жилище, и ещё более для него удобное. Ваш брат подтвердит, что я большой мастер проектировать здания. Нет, серьёзно, если вы считаете, что холм вам мешает, я приму меры, и его снесут.

— Нет, мистер Хоу, ни за что на свете! Я оказала бы плохую услугу жителям Тэмфилда, если бы стала внушать вам такую идею. Ведь холм единственное, что придаёт Тэмфилду хоть некоторое своеобразие! Я оказалась бы отъявленной эгоисткой, если бы хотела уничтожить холм только для того, чтобы украсить вид из окон нашей гостиной.

— Наш дом, мистер Хоу, — это просто конура, — заговорил старик Макинтайр. — Вы, наверное, чувствуете себя здесь как в коробке после вашего величественного дворца, о котором сын рассказывает самые невероятные вещи. Но мы не всегда так жили, мистер Хоу. Теперь я существую более чем скромно, но было время, и не так давно, когда я мог предъявить в банк чек на сумму не

меньшую, чем любой другой фабрикант оружия в Бирмингеме. Это было…

— Папочка, наш милый, старенький ворчун! — воскликнула Лаура, ласково обняв отца.

Старик вскрикнул, и лицо у него исказилось гримасой боли, однако он попытался скрыть её за притворным кашлем.

— Не подняться ли нам наверх? — поспешно предложил Роберт, стремясь отвлечь внимание гостя от маленького семейного инцидента. — Моя студия — настоящая мансарда художника: она под самой крышей. Разрешите, я проведу вас туда, мистер Хоу?

Оставив Лауру и мистера Макинтайра-старшего в гостиной, они поднялись в мастерскую Роберта. Мистер Хоу долго стоял перед «Подписанием Великой хартии вольностей» и «Убийством Фомы Кентерберийского», щуря глаза и нервно пощипывая бородку; Роберт с беспокойством ждал.

— Сколько вы за них хотите? — обратился к нему наконец мистер Хоу.

— Я оценил их по сто фунтов за каждую, когда посылал в Лондон на выставку.

— В таком случае лучшее, что я могу вам пожелать, — это чтобы наступил день, когда вы

будете рады уплатить вдесятеро, только бы получить свои работы обратно. Я убеждён, что у вас большие способности, и вижу, что в отношении композиции и смелости замысла вы уже достигли многого. Но рисунок у вас, если позволите быть откровенным, несовершенен, и в цвете вы не сильны. Так вот, мистер Макинтайр, предлагаю вам сделку. Я знаю, вы равнодушны к деньгам, но всё же, как вы сами сказали при нашей первой встрече, человеку надо на что-то существовать. Я покупаю у вас обе картины по назначенной вами цене на том условии, что за вами сохраняется право выкупить их, как только пожелаете, за ту же сумму.

— Право, вы так добры!.. — Роберт не знал, радоваться ли ему продаже картин или обидеться на не очень лестные замечания покупателя.

— Разрешите сразу же выписать вам чек, — продолжал Рафлз Хоу. — Вот я вижу перо и чернила. Сегодня же вечером пришлю за своей покупкой двоих лакеев. Не беспокойтесь, я сберегу ваши произведения. Когда вы станете знаменитостью, они будут цениться как образцы вашей ранней манеры.

— Поверьте, мистер Хоу, я чрезвычайно вам обязан, — сказал Роберт, пряча чек в записную

книжку.

Прежде чем свернуть его, молодой художник успел взглянуть на проставленную в нём цифру в смутной надежде, что богач с прихотями, быть может, пожелал дать ему более высокую цену, чем та, которую он сам назвал. Но нет, там значилось ровно «двести фунтов». В душу Роберта закралось неясное ощущение, что репутация бессребреника имеет и неприятную сторону. Жаль, что в присутствии Рафлза Хоу у него сорвалось тогда с языка несколько необдуманных слов, ведь они были не столько продиктованы убеждённостью, сколько являлись реакцией на отцовскую меркантильность.

— Надеюсь, мисс Макинтайр, — сказал Рафлз Хоу, когда они с Робертом снова спустились в гостиную, — вы окажете мне честь и придёте посмотреть мои коллекции. Ваш брат, я думаю, охотно будет вас сопровождать, или, может быть, ваш отец не откажет в любезности посетить мой дом.

— Приду с большим удовольствием, мистер Хоу, — ответила Лаура, подарив ему свою самую милую улыбку. — Но сейчас у меня много времени отнимают заботы о бедняках, которым в такие холода приходится ещё труднее, чем всегда.

Роберт поднял брови: он впервые слышал о благотворительной деятельности сестры, но мистер Рафлз Хоу одобрительно кивнул.

— Роберт рассказывал нам о ваших чудесных оранжереях, — продолжала Лаура. — Хорошо бы разместить в одной из них наших бедных прихожан, чтобы они там побыли в тепле.

— Ничего нет проще. Боюсь только, не покажется ли им потом ещё труднее, когда придётся снова вернуться в свои дома. У меня только что закончилась постройка одной новой оранжереи, я ещё не успел показать её вашему брату. Думаю, она будет самой подходящей: это уголок индийских джунглей, там жарко в полном смысле этого слова.

— Ах, как мне хотелось бы побывать в индийских джунглях! — воскликнула Лаура, хлопая в ладоши. — Увидеть Индию — моя давнишняя, заветная мечта. Я так много о ней читала — о её храмах, лесах, великих реках и тиграх. Вы не поверите, мистер Хоу, но я ещё никогда в жизни не видела настоящего тигра — только на картинках!

— Это легко исправить, — сказал мистер Хоу с улыбкой. — Вам хочется увидеть живого тигра?

— Да, ужасно хочется!

— Я вам его пришлю. Позвольте… Сейчас около двенадцати. До часа я успею протелеграфировать в Ливерпуль. Там есть человек, занимающийся такими вещами. Завтра утром, полагаю, тигра уже пришлют. Итак, надеюсь видеть вас у себя в ближайшее время. Я у вас засиделся, а мне ещё предстоит несколько часов провести в лаборатории. У меня строгий распорядок дня.

Он сердечно пожал всем руки и, закурив в дверях трубку, вышел из дома.

— Ну, что вы скажете? — спросил Роберт.

Все трое провожали глазами удалявшуюся по снегу тёмную фигуру.

— Ему нельзя доверять деньги, прямо как младенцу! — визгливо выкрикнул старик. — Я еле сдержался, едва он начал болтать чепуху об уничтожении холмов, покупке тигров и прочий вздор, и это когда честные люди лишены возможности развернуть свои способности и вершить настоящие крупные дела и им только не хватает небольшого капитала! Это просто безбожно, вот как я это называю!

— Он очарователен — вот моё мнение! — сказала Лаура. — Не забудь, Роберт, ты обещал взять нас с собой посмотреть его дом. Он сам пожелал, чтобы мы его навестили в ближайшее время. Как

ты думаешь, не пойти ли сегодня же вечером?

— Нет, Лаура, это неудобно. Положись на меня — я всё устрою. А теперь надо пойти поработать: зимой так быстро темнеет.

Ночью, когда Роберт уже лёг в постель и начал дремать, он вдруг почувствовал, как его кто-то тронул за плечо. Он приподнялся и увидел, что у постели, в белой сорочке и в шали, накинутой на плечи, вся залитая лунным светом, стоит сестра.

— Роберт, дорогой, — зашептала она, наклонясь над ним, — я хотела кое о чём тебя попросить, но мне всё время мешал папа. Ты обещаешь исполнить мою просьбу, Роберт?

— Конечно, Лаура. Что за просьба?

— Ты знаешь, дорогой, как я не люблю, когда обсуждают мои личные дела. Если мистер Рафлз Хоу заговорит обо мне и станет задавать какие-нибудь вопросы, не говори ему ничего о Гекторе. Ты сделаешь, как я прошу тебя, ты не откажешь твоей сестрёнке?

— Разумеется, раз ты этого хочешь.

— Какой ты милый, Роберт!

Лаура кинулась к брату и нежно его поцеловала. Она редко проявляла такие чувства, и Роберт потом, уже засыпая, долго недоумевал, не зная, как объяснить поведение сестры, пока наконец

не заснул.

Глава шестая
Необычайный гость

На следующее утро после визита Рафлза Хоу семья Макинтайр сидела за столом и завтракала, как вдруг, к их удивлению, со стороны деревни донёсся шум и гул голосов. Шум становился всё явственнее, и вдруг к садовой ограде подлетели два закусивших удила коня — они били копытами, вставали на дыбы, прядали ушами, в глазах у них светился страх. Коней еле удерживали под уздцы два конюха; третий со всех ног бросился по усыпанной гравием дорожке к дому. Не успели ещё Макинтайры сообразить, что всё это значит, как в столовую ворвалась Мэри, служанка, с выражением ужаса на круглом веснушчатом лице.

— Прошу прощения! — взвизгнула она. — Мисс Лаура! Ваш тигр приехал!

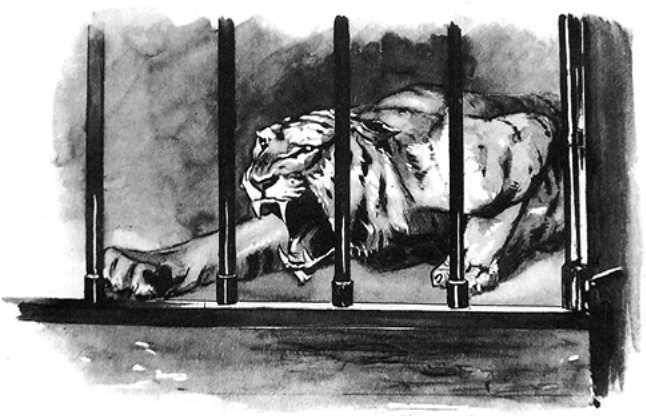
— Господи! — воскликнул Роберт, кидаясь к двери с недопитой чашкой в руке. — Это уж слишком! Полюбуйтесь, вон железная клетка на колёсах, и в ней скачет огромный тигр. И конечно, сбежалась вся деревня.

— Он не в своём уме! — вскричал старый Ма-

кинтайр. — Да это сразу было видно! На деньги, какие он потратил на этого зверя, я мог бы начать большое дело! Ну слыхано ли такое? Велите кучеру везти клетку в полицию.

— Ни в коем случае, папа! — заявила Лаура, с достоинством вставая из-за стола и окутывая плечи шалью. Глаза у неё сияли, щёки разрумянились, у неё был вид торжествующей королевы.

Роберт, всё ещё держа чашку в руке, забыл про странного гостя в клетке: он залюбовался красотой сестры.



— Мистер Рафлз Хоу прислал тигра из лю-

безности ко мне, — проговорила она, плавной походкой направляясь к двери. — Я считаю это знаком большого ко мне внимания. Я непременно выйду и посмотрю на тигра.

— Прошу прощения, сэр, — сказал появившийся в дверях кучер. — Нам никак не сдержать коней.

— Давайте все выйдем и посмотрим, — предложил Роберт.

Макинтайры подошли к ограде: по ту сторону её стояла вся деревня, от школьников до седых стариков из дома призрения, — все изумлённо глядели на невиданное зрелище. Тигр — длинный, гибкий, грозного вида зверь с горящими зелёными глазами — крадущимися шагами кружил по клетке, ударяя себя по бокам хвостом и тычась мордой в железные прутья.

— Какие вам даны распоряжения? — спросил Роберт у кучера.

— Тигр приехал из Ливерпуля специальным экспрессом, сэр. Поезд подтянули к Тэмфилду, он стоит на станции, ждёт, чтобы забрать зверя обратно. Служащие на станции оказали ему такой почёт, будто это не тигр, а какая-нибудь королевская особа. Нам приказано отвезти его обратно, как только вы скажете. Тяжёлая была работка, сэр, просто руки вывихнули, когда сдер-

живали коней.

— Чудное, прелестное создание! — восклицала Лаура. — Сколько в нём грации, изящества! Просто не понимаю, как люди могут бояться такого красавца!

— Прошу прощения, мисс, — заметил кучер, притрагиваясь рукой к козырьку кожаного картуза. — На станции он просунул лапу между прутьями, и не успей я вовремя оттащить моего приятеля Билла, он угодил бы на тот свет. Прямо скажу, на волосок от смерти был!

— В жизни не видела ничего очаровательнее, — продолжала восхищаться Лаура, высокомерно пропуская мимо ушей рассказ кучера. — Я получила огромное удовольствие. Надеюсь, Роберт, ты не забудешь передать это мистеру Рафлзу Хоу при встрече?

— Кони очень беспокойны, — заметил брат. — Если ты достаточно налюбовалась на тигра, Лаура, не лучше ли отправить его на станцию?

Лаура кивнула ему всё с тем же царственным видом, какой она так неожиданно приняла, Роберт крикнул конюхам — один из них вскочил на козлы, двое других отпустили поводья, и клетка с тигром покатила обратно, а за ней, изо всех сил стараясь не отставать, побежали все обитатели

Тэмфилда.

— Какие чудеса могут творить деньги! — сказала Лаура, когда они все трое стояли на пороге, счищая с ботинок снег. — Кажется, нет такого желания, какое мистеру Хоу было бы не под силу выполнить.

– *Твоего* желания, ты хочешь сказать, — прервал её отец. — Совсем другое дело, если бы нужно было что-нибудь сделать для старого, измученного человека, всю жизнь трудившегося для детей. Да, тут любовь с первого взгляда, это ясно.

— Ну как ты можешь говорить так грубо, папа! — воскликнула Лаура. Глаза её, однако, искрились, зубки блестели, — по-видимому, догадка отца показалась ей не так уж неприятна.

— Бога ради, будь осторожна, Лаура! — заволновался вдруг Роберт. — Мне сперва это не пришло в голову, но похоже, что отец прав. Лаура, ведь ты не свободна. А Рафлз Хоу не из тех, с кем можно играть.

— Милый мой Роберт, — Лаура положила руку ему на плечо, — что ты понимаешь в таких делах? Занимайся лучше своей живописью да помни, что ты мне обещал вчера.

— Что за обещание, что такое? — подозрительно спросил старик Макинтайр.

— Ничего, папа, пустяки. Знай, Роберт, если ты нарушишь обещание, я тебе этого никогда не прощу!

Глава седьмая
Сила золота

Неудивительно, что по прошествии нескольких недель имя и деятельность таинственного владельца Нового Дома приобрели известность по всей округе, и слух о нём шёл всё дальше, пока не докатился до самых отдалённых уголков Уорикшира и Стаффордшира. В Бирмингеме, с одной стороны, и в Ковентри и Лемингтоне — с другой, судачили о его неслыханном богатстве, о необыкновенных причудах, о странном образе его жизни. Его имя передавалось из уст в уста, тысячи усилий были направлены на то, чтобы разузнать, кто он такой. Однако, невзирая на все эти старания, любопытным не удавалось ни выяснить хоть что-нибудь о нём самом, ни раскрыть секрет его богатства.

Неудивительно, что имя Рафлза Хоу обрастало всё новыми легендами, ибо не проходило дня без нового доказательства его неограниченного могущества и беспредельной доброты. От сельского викария, Роберта Макинтайра и других жителей Тэмфилда Рафлз Хоу разузнавал о нуж-

дах деревни, и не один прихожанин, когда жизнь припирала его к стене, получал вдруг краткую записку с приложением чека, устраняющего разом все его беды и заботы. Сегодня старики в доме призрения получили по тёплой двубортной куртке и паре крепких, добротных сапог, а завтра у мисс Свайр, престарелой женщины из хорошей семьи, кое-как шитьём добывающей себе пропитание, внезапно появилась новенькая, первоклассная швейная машинка взамен старой ножной, работать на которой мисс Свайр, с её ревматическими суставами, было мучительно трудно. Бледный молодой учитель, долго и почти без отдыха бившийся с бестолковыми тэмфилдскими юнцами, получил по почте билет на двухмесячную туристскую поездку по Южной Европе и оплаченные квитанции номеров в отелях и всё прочее. Фермер Джон Хэккет, мужественно боровшийся с судьбой долгих пять неурожайных лет кряду, на шестой не устоял, и к нему уже явились описывать имущество, когда неожиданно прибежал добрый викарий и, размахивая ассигнацией, сообщил, что не только вся задолженность фермера погашена, но и осталось достаточно, чтобы купить новые, усовершенствованные сельскохозяйственные машины и впредь

быть увереннее в завтрашнем дне. Деревенских жителей охватывало почти суеверное чувство, когда они глядели на великолепный дом, на огромные, блестевшие на солнце оранжереи и особенно когда видели ночью его бесчисленные окна, из которых лился ослепительный электрический свет. Им казалось, что в этом громадном дворце обитает какое-то божество, невидимое, но всевидящее, обладающее безграничной силой и добротой, всегда готовое помочь и утешить. Совершая свои благодеяния, Рафлз Хоу сам оставался в тени — приятная обязанность осыпать дарами сирых и убогих выпала на долю викария и Роберта.

Только однажды он выступил открыто — в том знаменитом случае, когда спас от краха известный банк братьев Гэрревег в Бирмингеме. Люди высокой честности, благожелательные и щедрые, оба брата, Льюис и Руперт, основали банк, отделения которого имелись теперь во всех городах четырёх графств. Неудачные операции их лондонских агентов неожиданно привели к весьма крупным финансовым потерям, слух об этом как-то просочился наружу, и это вызвало внезапные и очень опасные изъятия вкладов. Из всех сорока отделений банка летели телеграммы

с настоятельными требованиями наличности как раз тогда, когда центральное здание банка в Бирмингеме осаждали встревоженные клиенты, размахивая своими сберегательными книжками и требуя выдачи денег. Братья и с ними все служащие банка держались героически, храня на лицах улыбки, а тем временем слали гонцов и телеграммы: банк пускал в ход все свои ресурсы. Весь день не прекращался поток клиентов, и когда пробило четыре часа и банк закрылся, улица всё ещё была забита толпой, а в подвалах не оставалось и тысячи фунтов наличности.

— Это только оттяжка, Льюис! — проговорил Руперт с отчаянием, когда ушёл последний клерк и братьям можно было наконец согнать застывшую улыбку с измученных лиц.

— Эти ставни никогда больше не откроются! — воскликнул Льюис, и, упав друг другу в объятия, оба вдруг разрыдались, горюя не о себе, но о тех, кто им доверился и на кого они навлекли несчастье.

Но кто осмелится сказать, что надежды нет, пока он не поведал о своей беде людям? В тот же вечер миссис Сперлинг получила от своей старой школьной подруги, жены Льюиса Гэрревега, письмо, в котором та излила все свои опасения

и надежды и рассказала о свалившемся на них несчастье. Тут же из дома викария весть пошла в Новый Дом, и на следующий день, рано утром, мистер Рафлз Хоу вышел из дому с большим чёрным ковровым саквояжем в руках и затем каким-то образом добился, чтобы кассир местного отделения Английского банка встал из-за стола, не закончив завтрака, и открыл банк раньше обычного часа. К половине десятого возле банка братьев Гэрревег уже начала собираться толпа, но тут появился бледный, худощавый человек с большим, раздутым ковровым саквояжем и настойчиво потребовал, чтобы его провели в приёмную банка.

— Ничего нельзя поделать, сэр, — смиренно сказал ему старший брат (братья стояли рядом, стараясь поддержать друг в друге мужество). — Мы бессильны. У нас почти ничего не осталось, и было бы несправедливо по отношению к другим, если бы мы вам уплатили. Можно лишь надеяться, что, когда будут исчерпаны все оставшиеся возможности, никто, кроме нас самих, не пострадает.

— Я пришёл не взять, а внести деньги, — сказал Рафлз Хоу своим серьёзным, как бы извиняющимся тоном. — У меня здесь с собой пять тысяч

банковских ассигнаций, в сто фунтов каждая. Если вы будете так добры и примете этот вклад, я буду чрезвычайно вам обязан.

— Но боже мой!.. — проговорил Руперт Гэрревег, запинаясь. — Разве вы, сэр, не слыхали, что… Разве вы не видели? Мы не можем допустить, чтобы вы пошли на это, не зная… Как ты думаешь, Льюис?

— Да, конечно! Сейчас мы не можем посоветовать вам, сэр, воспользоваться услугами нашего банка: идёт непрерывное изъятие вкладов и мы не знаем, чем всё это может кончиться.

— Ну-ну, — сказал Рафлз Хоу. — Если изъятие вкладов будет продолжаться, пошлите мне телеграмму, я добавлю ещё немного. Расписку вы мне пришлёте по почте. Всего доброго, господа!

Он поклонился и вышел, прежде чем изумлённые братья поняли, что произошло, и успели оторвать глаза от огромного чёрного саквояжа и лежащей на столе визитной карточки посетителя. В Бирмингеме в тот день всё обошлось благополучно, и банк братьев Гэрревег по сей день пользуется заслуженной высокой репутацией.

Эти случаи сделали Рафлза Хоу известным во всей Центральной Англии. Однако, несмотря

на свою щедрость, он был не из тех, кого легко надуть. Тщетно канючил у его дверей здоровенный нищий, напрасно ловкий вымогатель исписывал страницу за страницей, изливая свои вымышленные горести. Роберта поражало, как безошибочно Рафлз Хоу, выслушав от него какую-нибудь трогательную историю, замечал всякое несоответствие, тотчас слышал фальшивую ноту. Если пострадавший был, по мнению Рафлза Хоу, достаточно силён и мог сам справиться со своей бедой или таков по своей натуре, что помощь не пошла бы ему на пользу, ничего нельзя было добиться от хозяина Нового Дома. И старик Макинтайр тоже тщетно осаждал миллионера тысячами намёков и недомолвок, стараясь дать ему понять, какой злой и несправедливой оказалась участь его, бывшего фабриканта, и как легко было бы ему вернуть прежнее величие. Рафлз Хоу вежливо выслушивал, кивал, улыбался, но не проявлял ни малейшей охоты помочь озлобленному неудачами фабриканту оружия подняться на прежний пьедестал.

Но если богатство странного отшельника манило к себе попрошаек, как огонь притягивает мотыльков, оно привлекало к себе и другие, более опасные общественные элементы. В деревне стали встречаться грубые, подозрительные физиономии, за елями возле Нового Дома по ночам рыскали какие-то тёмные фигуры, и городская и местная полиция предупреждала, что в Тэмфилд собираются пожаловать недобрые гости. Но, как полагал Рафлз Хоу, среди многих возможностей, какие даёт огромное богатство, оно обеспечивает и его защиту, в чём кое-кто скоро имел случай убедиться.

— Не хотите ли зайти ко мне? — сказал он однажды утром, заглянув в полуоткрытую дверь гостиной Зелёных Вязов. — Покажу вам нечто забавное.

Рафлз Хоу близко сошёлся с семьёй Макинтайр, и редкий день проходил, чтобы они не встретились.

Все трое охотно откликнулись на приглашение, зная, что это, как всегда, сулит какой-нибудь приятный сюрприз.

— Я как-то показал вам тигра, — обратился Рафлз Хоу к Лауре, когда они входили в столовую, — а сегодня покажу зверя не менее опасного, хотя

далеко не такого красивого.

В углу столовой находились особым образом расставленные зеркала, и наверху, под острым углом к ним, — ещё одно большое круглое зеркало.

— Посмотрите в верхнее зеркало, — предложил Рафлз Хоу.

— Господи, какие страшные люди! — ужаснулась Лаура. — Их там двое, и я не знаю, который хуже.

— Что они там делают? — спросил Роберт. — Они как будто сидят на полу в каком-то подвале.

— Очень подозрительные личности, — заметил старик Макинтайр. — Рекомендую послать за полицией.

— Уже сделано. Но сажать их в тюрьму, пожалуй, излишне: они и так уже в надёжном заключении. Впрочем, законная власть должна получить то, что полагается ей по праву.

— Да кто же они и как сюда попали? Объясните нам, мистер Хоу. — Нежный, почти умоляющий тон в сочетании с величественной красотой придавал Лауре особую прелесть.

— Я знаю о них не больше вашего. Вчера вечером их ещё не было, а утром они оказались здесь, значит они попали сюда ночью. Да и слуги, войдя в комнату утром, увидели, что окно откры-

то. А что касается профессии и намерений этих субъектов, это, я думаю, легко прочесть на их физиономиях. Красавчики, нечего сказать!

— Но я решительно не понимаю, где они находятся, — недоумевал Роберт, вглядываясь в зеркало. — Один из них бьётся головой о стену. Нет, он просто пригнулся, чтобы другой мог стать ему на спину. Теперь тот уже у него на спине, свет падает ему прямо в лицо. Посмотрите, какая растерянная физиономия у этого типа! Интересно было бы сделать с него набросок. Он послужил бы мне этюдом к картине, которую я задумал. Я назову её «Бунт».

— Это моя первая добыча и, уверен, не последняя. Я поймал их в мою патентованную ловушку для жуликов, — пояснил Рафлз Хоу. — Сейчас покажу вам её в действии. Это совершенно новое изобретение. Пол под нами как нельзя более прочен, но на ночь он раздвигается, разъединяется на отдельные части. Это проделывается одновременно во всех комнатах нижнего этажа с помощью центрального механизма. И тогда стоит сделать два-три шага от окна или от двери, и весь настил поворачивается на больших винтах, вы соскальзываете в нижнее помещение на мягкую подстилку и можете сколько душе угодно

бесноваться там и ждать, пока вас не освободят. Посреди, между винтами, остаётся свободное место, куда составляется на ночь вся мебель. Пол, освободившись от веса непрошеного гостя, принимает прежнее положение, а гостю приходится сидеть внизу, и я могу в любое время поглядеть на него с помощью этого нехитрого оптического устройства. Я подумал, что вам будет любопытно взглянуть на моих пленников, прежде чем я передам их старшему констеблю — он, кстати, уже идёт по аллее к дому.

— Бедные жулики! — сказала Лаура. — Немудрено, что у них такой озадаченный вид: они, очевидно, не понимают, где они и как туда попали. Я рада, что вы так хорошо себя охраняете, я часто думала, что вам здесь небезопасно.

— Да? — Он обернулся к ней с улыбкой. — Не тревожьтесь, дом мой вполне воронепроницаем. Правда, есть одно окно в лаборатории, среднее из трёх, которое никогда не запирается, потому что служит мне входом и выходом, — признаться, я люблю иногда побродить ночью и предпочитаю ускользнуть из дому незаметно, без церемоний. Однако надо, чтобы вору очень повезло, если он изберёт именно это единственное безопасное для него окно. Но даже и тут ему будет не так просто проникнуть в дом. Вот и констебль. Но вы не уходите, мисс Макинтайр. В моём домишке, может быть, найдётся ещё что-нибудь, чем я смогу вас развлечь. Пройдите, пожалуйста, в бильярдную, через несколько минут я присоединюсь к вам.

Глава восьмая
Планы миллиардера

Всё то утро, как и многие другие до и после него, Лаура провела в Новом Доме: рассматривала сокровища музея, любовалась драгоценными безделушками в коллекциях Рафлза Хоу; из курительной комнаты стеклянный лифт перенёс её в роскошные оранжереи — хозяин скромно следовал за ней, а она порхала, словно бабочка, от цветка к цветку. Рафлз Хоу наблюдал за ней украдкой и про себя радовался её восторгам. Единственной отрадой, какую он извлекал из своих богатств, была для него возможность сделать приятное другим.

Его внимание к Лауре Макинтайр было теперь так явно, что уже не приходилось сомневаться относительно его чувств. В её присутствии он тотчас оживлялся и был неистощим на выдумки, только бы сделать ей приятный сюрприз, развлечь и порадовать. Каждое утро, когда в доме у Макинтайров все ещё спали, лакей Рафлза Хоу приносил в Зелёные Вязы огромный букет прекрасных, редких цветов, чтобы украсить

стол к завтраку. Малейшее её желание, любой каприз выполнялись немедленно, если только это оказывалось в человеческих силах. Пока держались морозы, ручей по распоряжению Рафлза Хоу запрудили и отвели на луг только затем, чтобы устроить для Лауры каток. Когда начало таять, ежедневно к вечеру появлялся грум, ведя превосходную, с лоснящейся шерстью лошадку — на тот случай, если мисс Макинтайр пожелает совершить верховую прогулку. Всё указывало на то, что Лаура завладела сердцем затворника Нового Дома.

Что касается Лауры, она отлично играла свою роль. Женское чутьё помогало ей угадывать оттенки настроений Рафлза Хоу и на всё смотреть его глазами. Она только и говорила что о приютах, бесплатных библиотеках, пожертвованиях, реформах. Выслушивая его проекты, она всегда умела подсказать какую-нибудь новую дельную мысль. Рафлзу казалось, что наконец-то он встретил родственную душу — вот помощница, подруга жизни, способная не только идти за ним, но и вести его по избранному им пути!

И отец, и брат Лауры не могли не видеть, какой оборот принимает дело. Для старика ничего не могло быть желательней родственных отноше-

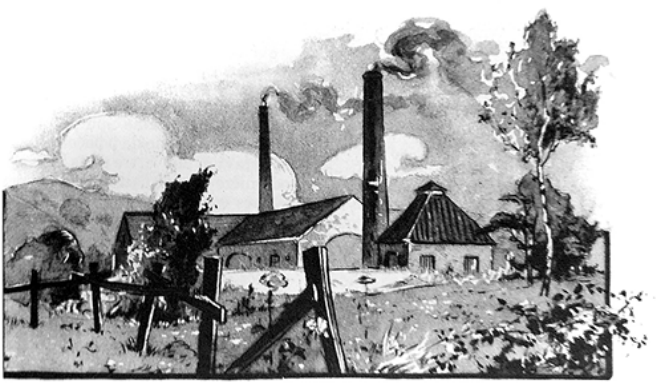
ний с таким баснословно богатым человеком, как Рафлз Хоу: это и его самого хоть как-то приближало к огромному состоянию. Блеск золота ослепил и Роберта — возражения замирали у него на губах. Так сладко было прикасаться ко всем этим сокровищам хотя бы в качестве доверенного лица! Зачем ему вмешиваться и портить установившиеся приятные отношения? Сестра знает, как ей поступать, это не его дело, а что касается Гектора Сперлинга — ну что ж, пусть сам о себе заботится. Самое лучшее — предоставить всё своему течению.

Но с тех пор как он познакомился с Рафлзом Хоу, и работа, и домашнее окружение становились Роберту всё более в тягость. Наслаждение от занятий живописью утратило для него свою остроту. К чему, казалось, трудиться, изнурять себя работой, чтобы получить какие-то гроши, если деньги можно достать, попросив их? Правда, он не обращался к Рафлзу Хоу ни с какими денежными просьбами, но через его руки постоянно проходили крупные суммы для передачи нуждающимся, и, если бы и сам он терпел в чём-либо нужду, его новый друг, конечно, не отказал бы ему в помощи. Поэтому римские галеры на огромном холсте оставались по-прежнему в виде наброска,

а Роберт проводил дни в роскошной библиотеке Нового Дома или разгуливал по окрестностям и выслушивал жалобы, чтобы потом вновь вернуться, как некий добрый, облачённый в костюм из твида ангел, неся беднякам помощь от Рафлза Хоу. Довольно скромная роль, но вполне под стать ему, человеку слабохарактерному и беспечному.

Роберт заметил, что на миллионера нередко нападают приступы мрачного уныния, и ему не раз приходило в голову, что, быть может, огромные растраченные суммы сильно подорвали капитал Рафлза Хоу и он начинает тревожиться за будущее. Отсутствующий взгляд, нахмуренный лоб, склонённая голова — всё указывало на то, что душа Рафлза Хоу отягчена заботами, и только в присутствии Лауры он как будто сбрасывал с себя груз своих тайных тревог. Ежедневно, часов по пять кряду, он запирался в своей лаборатории, предаваясь любимой науке, но по какой-то странной причуде никому, ни слугам, ни даже Лауре или Роберту, не разрешалось входить в лабораторию. День за днём он исчезал в ней и затем возвращался бледный, усталый, и шум машин и густые клубы дыма, валившие из высокой трубы, показывали, как сложны были опыты, проводимые им без помощников.

— Не могу ли я быть чем-нибудь полезен вам в вашей работе? — как-то предложил ему Роберт, когда они после завтрака отдыхали в курительной комнате. — По-моему, вы слишком утомляете себя. Я бы так охотно помог вам, я ведь немного разбираюсь в химии.



— Вот оно что! — Рафлз Хоу поднял брови. — Никак не предполагал. Склонность к искусству и

склонность к наукам редко идут рука об руку.

— Да, я, конечно, не очень большой знаток, но в своё время прошёл курс химических наук и два года работал в лаборатории института сэра Мейсона.

— Очень, очень рад это слышать, — ответил Хоу каким-то многозначительным тоном. — Это может иметь для нас чрезвычайно важное значение. Весьма возможно, и даже почти наверное, мне придётся воспользоваться вашими услугами и познакомить вас с некоторыми моими методами, которые, должен сказать, сильно отличаются от методов ортодоксальных химиков. Но пока для этого ещё не наступило время… В чём дело, Джонс?

— Письмо, сэр. — Дворецкий подал конверт на серебряном подносе.

Хоу сломал печать и пробежал глазами листок бумаги.

— Ах вот как! Приглашение на бал от леди Морзли. Вынужден решительно отклонить его. Очень любезно с её стороны, но я предпочёл бы, чтобы меня оставили в покое. Хорошо, Джонс, я пошлю ответ… Знаете, Роберт, порой у меня так тяжело на душе!

Теперь он часто называл молодого художника

просто по имени, особенно в минуты наибольшей откровенности.

— Я это нередко замечал, — ответил Роберт сочувственно. — Но как странно, что вы, ещё молодой, здоровый, кому доступны все житейские радости, и притом миллионер…

— Ах, Роберт! — воскликнул Хоу, откинувшись в кресле и пуская из трубки кольца густого голубого дыма. — Вы попали в самую точку! Будь я миллионером, я, может быть, был бы счастлив, но, увы, я не миллионер!

— Боже мой! — ахнул Роберт.

Он весь похолодел при мысли, что это, вероятно, предисловие к признанию, что надвигается банкротство и весь блеск, все приятные волнения рассеются как дым.

— Не миллионер… — еле мог он выговорить.

— Нет, Роберт, я миллиардер, может быть, единственный в мире. Вот что тяготит меня, вот почему я иногда чувствую себя несчастным. Я убеждён, что должен тратить свои деньги, обязан пускать их в обращение, но как осторожно надо поступать, если хочешь действовать на благо людям, не нанося им вреда! Я глубоко сознаю свою ответственность. Она меня угнетает. Имею ли я право жить спокойно, когда вокруг миллионы

людей, которых я мог бы спасти, поддержать в беде, если бы только знал, как это сделать?

Роберт вздохнул с облегчением:

— Быть может, вы слишком требовательны к себе и преувеличиваете свою ответственность перед людьми? Всем известно, как много вы сделали добра. Что же вас не удовлетворяет? Если вам хочется ещё больше денег и сил отдать филантропии, то ведь повсюду имеются благотворительные общества, которые будут рады принять вашу помощь.

— У меня в списке уже двести семьдесят таких учреждений, — ответил Рафлз Хоу. — Просмотрите как-нибудь этот список; может, вы пополните его. Каждому из этих обществ я ежегодно высылаю скромную лепту. Нет, не думаю, что мог бы сделать ещё что-либо в этом направлении.

— Но право же, вы внесли свою долю, она более чем достаточна. На вашем месте я зажил бы спокойно и счастливо и больше не ломал бы над этим голову.

— Нет, так поступить я не могу, — серьёзно сказал Хоу. — Не для того судьба дала мне в руки огромную силу, чтобы я жил спокойно и счастливо. Конечно нет. Нет, Роберт, лучше пустите-ка в ход ваше воображение, придумайте ещё какой-

нибудь способ, чтобы человек, обладающий… ну, скажем, неограниченным богатством, мог оказать услугу человечеству, никого не лишая личной независимости, никому не нанося ущерба.

— Да, пожалуй, вы правы. Задача не из лёгких, — согласился Роберт.

— Некоторыми своими планами я с вами поделюсь: может, вы подадите мне дельный совет. Вот послушайте. Что, если купить десять квадратных миль земли здесь, в Стафордшире, и выстроить аккуратный городок из чистеньких, удобных четырёхкомнатных домиков, обставленных хорошо, но просто, чтоб и магазины были, и всё, что нужно, но, конечно, никаких трактиров. Все жилища отдать безвозмездно людям разорившимся, безработным, бездомным бродягам, каких немало в Великобритании. Собрать их в одно место, всем дать работу, которая длилась бы годы и приносила постоянную пользу человечеству. Чтобы труд их хорошо оплачивался и не изнурял, чтобы часы отдыха были приятны. Ведь правда, таким образом сделаешь добро и этим людям, и всему обществу в целом?

— Но какую придумать работу, чтобы занять такое огромное количество людей на большой

срок и не вступить в конкуренцию с какой-нибудь существующей отраслью промышленности? Иначе вы просто переложите жизненные тяготы с одних плеч на другие.

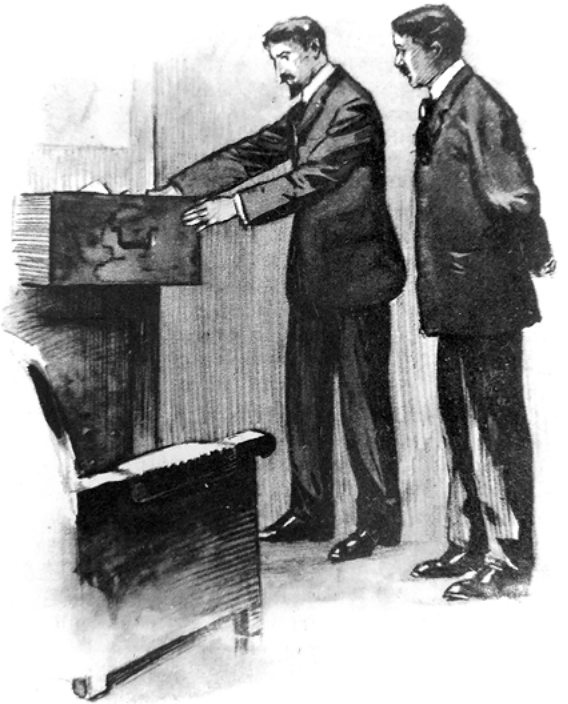
— Совершенно верно. Нет, этого я не хочу. Я придумал другое: я хочу пробить земную кору и установить прямую связь с антиподами. Когда будет пробуравлена определённая толща земли (вычислить, какая именно — интереснейшая математическая задача) и если при этом бурить несколько в сторону от центра земного шара — центр тяжести окажется под нами, и можно будет проложить рельсы и туннели, как это делается на поверхности земли.

Тут в первый раз у Роберта мелькнула мысль, что отец, пожалуй, прав и что перед ним в самом деле безумец. Несметные богатства затуманили ему мозг и превратили в маньяка. Роберт кивнул, делая вид, что соглашается, как не стал бы перечить ребёнку.

— Это было бы неплохо, — сказал он. — Только я слышал, что внутренность земли расплавлена, и вашим рабочим придётся стать саламандрами.

— Последние научные данные показывают, что земной шар внутри не так раскалён, как предполагалось ранее, — возразил Рафлз Хоу. —

Вполне доказано, что повышенная температура в угольных шахтах объясняется атмосферным давлением. В земле есть газы, способные воспламеняться, и есть горючие вещества, какие встречаются в недрах вулканов, но если мы натолкнёмся на что-либо подобное в процессе бурения земли, мы направим туда одну или две реки и одолеем это препятствие.



— Пожалуй, получится не совсем удачно, если вы выйдете на противоположном конце и очутитесь под Тихим океаном, — сказал Роберт, с трудом удерживаясь от смеха.

— У меня есть вычисления наилучших совре-

менных французских, английских и американских инженеров. Место выхода можно рассчитать с точностью до одного ярда. Вон в том портфеле масса всяких планов, диаграмм, расчётов. У меня уже наняты агенты для закупки земли, и если всё пойдёт гладко, осенью мы приступим к работам. Это первый из моих проектов. Второй — новые каналы.

— Тут вы непременно окажетесь конкурентом железнодорожным компаниям.

— Вы меня не поняли. Я хочу прорыть каналы повсюду, где это сможет способствовать развитию торговли. Если пошлины на суда будут сняты, такой план мне кажется разумным способом помочь всему человечеству.

— А где, скажите, вы собираетесь проводить каналы? — осведомился Роберт.

— Вот карта мира. — Хоу встал и снял карту со стенда. — Видите пометки синим карандашом? Это пункты, где я намерен рыть каналы. Первый мой долг — завершить постройку Панамского канала.

— Ну конечно!

Да, безумие этого человека становилось всё более явным, но в то же время держался он так спокойно и уверенно, что Роберт помимо воли

выслушивал планы одобрительно и даже заинтересовался ими.

— Потом займёмся Коринфским перешейком. Но это задача простая и в отношении самих инженерных работ, и затрат на них. Затем проведём канал вот здесь, у Киля, чтобы связать Немецкое море с морем Балтийским. Это, как видите, сократит путь вдоль берегов Дании и облегчит нашу торговлю с Германией и Россией. Видите эту синюю линию?

— Да-да, разумеется.

— Проведём небольшой канал и вон там. Он свяжет Белое море и Ботнический залив. Нельзя же думать только о своей стране! Пусть наши благие дела послужат всему миру. Постараемся дать славным жителям Архангельска удобный порт для сбыта мехов и жира.

— Но канал здесь будет замерзать.

— Да, на шесть месяцев в году. И всё же он будет нужен. Затем надо что-то сделать и для Востока. Никогда не следует забывать про Восток!

— Это было бы неосмотрительно, — сказал Роберт.

Его разбирал смех — таким нелепым казался ему весь этот разговор. Рафлз Хоу, однако, говорил с глубочайшей серьёзностью, делая на карте

пометки синим карандашом:

— Вот здесь мы, пожалуй, тоже сумеем помочь. Если начать рыть от Батума до реки Куры, то откроется торговый путь для населения берегов Каспия, установится связь со всеми реками, которые в него впадают. Обратите внимание, какую большую территорию они охватывают. Затем хорошо бы прорыть канал между Бейрутом на Средиземном море и верховьем Евфрата — это свяжет нас с Персидским заливом. Вот те самые необходимые каналы, которые теснее объединят все страны мира.

— Планы ваши, безусловно, грандиозны, — сказал Роберт, не зная, смеяться ему или пугаться. — Вы перестанете быть простым смертным и обратитесь в одну из тех великих сил природы, которые меняют, преобразуют, совершенствуют жизнь.

— Именно так я себя и мыслю. И вот почему я так остро сознаю свою ответственность.

— Программа действий у вас обширная. Но, совершив всё это, вы уж конечно будете вправе отдохнуть.

— Ну нет! Я патриот и хотел бы оставить своё имя в анналах истории моей родины. Только пусть это будет после моей смерти: я не выно-

шу широкой гласности и почестей. Я отложил — где именно, будет указано в моём завещании — восемьсот миллионов на погашение нашего национального долга. Не думаю, что это повредит Англии.

Роберт смотрел на этого странного человека во все глаза, онемев от дерзости его речей.

— Можно ещё заняться обогреванием почвы. Здесь неограниченное поле деятельности. Вы, конечно, читали о необычайно высоких урожаях в Джерси и других местах, где были проведены под землёй трубы с горячей водой? Урожай увеличился втрое и вчетверо. Я могу повторить этот опыт в расширенном масштабе. Остров Мэн, например, можно использовать в качестве тепловой станции. Главные трубопроводы пойдут в Англию, Ирландию и Шотландию, а в них сделаем отводы и образуем по всей стране целую сеть труб на глубине двух футов под землёй. Одна труба на расстоянии ярда от другой — этого, я думаю, будет достаточно.

— Боюсь, — заметил Роберт, — что горячая вода с острова Мэн несколько охладится, пока достигнет, скажем, Шотландии.

— Это препятствие обойти легко. Через каждые несколько миль можно установить особые печи,

которые будут поддерживать должную температуру в трубах. Вот некоторые из моих планов на будущее, Роберт, и, чтобы осуществить их, мне необходима помощь вот таких, как вы, бескорыстных людей. Но как ярко светит солнце, как вокруг чудесно! Мир прекрасен, Роберт, и я хотел бы, чтобы после моей смерти людям жилось хоть немного лучше. Пройдёмся, вы расскажете, кому и где ещё я могу помочь.

Глава девятая
Новый поворот событий

Богатство Рафлза Хоу принесло, несомненно, много добра людям, но бывали случаи, когда оно оказывало им плохую услугу. Даже самые мысли о больших деньгах, соприкосновение с ними часто приносили вред. Пагубней всего повлияли они на старого фабриканта оружия. Если прежде это был только жадный, ворчливый старик, то теперь он стал жёлчным, угрюмым и даже опасным человеком. Он видел изо дня в день, как протекает через его собственный дом поток денег, а ему не удаётся отвести для себя даже самый крохотный ручеёк, и это его озлобило, в глазах у него появился алчный блеск. Он меньше жаловался на превратности судьбы, но чаще впадал в мрачное настроение, часами стоял на Тэмфилдском холме и глядел на величественный дворец внизу, как умирающий от жажды смотрит на мираж в пустыне.

Он повсюду выспрашивал, выведывал, подслушивал и в конце концов кое в чём оказался более осведомлённым, чем сын и дочь.

— Ты, наверное, всё ещё понятия не имеешь, откуда твой новоявленный друг добывает деньги, — сказал он как-то Роберту во время утренней прогулки по деревне.

— Я знаю только, что он тратит их достойным образом.

— Как бы не так! — фыркнул старик. — Достойным образом! Помогает всякому бродяге, всякой потаскушке и последнему негодяю и не может дать в долг и фунта стерлингов под верное обеспечение, чтобы помочь уважаемому человеку поправить свои дела!

— Дорогой отец, право, я не могу спорить с тобой на эту тему, — сказал Роберт. — Я уже не раз высказывал тебе своё мнение об этом. Цель мистера Хоу — помогать тем, кто доведён до крайности. А на нас он смотрит как на равных себе: ему и в голову не приходит покровительствовать нам, как будто мы слабы и беспомощны. Принять от него деньги — значит для нас унизиться.

— Что за вздор ты говоришь, Роберт! Речь идёт лишь о том, чтобы взять у него заимообразно, это постоянно практикуется в деловом мире.

Было ещё утро, но Роберт видел, что отец уже успел где-то порядком выпить, — он был раздражён, сварлив. Пристрастие к вину за последнее

время у него усилилось: его редко видели трезвым.

— Мистер Рафлз Хоу без нас знает, кому дать деньги и кому отказать, — ответил Роберт холодно. — Он сам зарабатывает деньги и волен распоряжаться ими, как ему заблагорассудится.

— А как он, интересно, их «зарабатывает»? Ты этого, Роберт, не знаешь. Ты не подозреваешь, что, может быть, участвуешь в афере, когда помогаешь ему расшвыривать деньги. Слыхал ты, чтобы кто-нибудь зарабатывал такую уйму денег праведным путём? И могу тебя уверить: слитки золота для него не дороже, чем куски угля для шахтёра. Он мог бы сложить дом из них и не моргнул бы глазом! — злобно выкрикивал старик.

— Я знаю, отец, Рафлз Хоу чрезвычайно богат. Знаю также, что порой он высказывает крайне экстравагантные мысли, что фантазия уносит его очень далеко. Он делился со мной некоторыми своими планами, осуществить которые нечего мечтать и богатейшему человеку в мире.

— Смотри, сын мой, не соверши ошибки. Твой бедный старик-отец не так уж глуп, хотя он всего-навсего несчастный, разорившийся промышленник. — Он искоса посмотрел на сына, подмигнул ему и как-то неприятно усмехнул-

ся. — Когда пахнет деньгами, я это сразу чую. У него горы денег. Не сомневаюсь, что другого такого богача и на свете нет. Но честным ли путём досталось ему богатство? За это я не поручусь. Я ещё не совсем ослеп, Роберт. Ты видел фургон, который приезжает сюда каждую неделю?

— Фургон?

— Ну да. Видишь, мне ещё удаётся разузнавать для тебя новости. Фургон должен прибыть сегодня утром, он всегда приезжает в субботу утром. Да вот он выезжает из-за поворота, видишь?

Роберт оглянулся и действительно увидел на дороге к Новому Дому большой, тяжёлый фургон, который тянули две сильные лошади. По тому, как они напрягались, как медленно двигался фургон, чувствовалось, что кладь весит необычайно много.

— Подождём здесь, — сказал старик Макинтайр, ухватив костлявой рукой сына за рукав. — Пусть проедет мимо. Посмотрим, что будет дальше.

Они стали у дороги, дожидаясь, пока фургон поравняется с ними. Он был покрыт брезентом и спереди и с боков, но сзади можно было разглядеть, что находится внутри. Там были какие-то свёртки, уложенные рядами, один на другом, — все одинаковой формы, в одинаковой упаковке,

длиной фута два и высотой приблизительно шесть дюймов. Каждый свёрток был обёрнут в грубый холст.

— Ну, что ты на это скажешь? — торжествующе обратился старик к сыну, когда фургон, скрипя колёсами, проехал дальше.

— Что это, по-твоему, такое?

— Я следил за ним, Роберт, я следил за этим фургоном каждую субботу, и однажды мне удалось заглянуть внутрь. Эта произошло в тот день, когда, помнишь, бурей свалило вяз, он упал поперёк дороги и его пришлось распилить пополам. Это случилось в субботу, и, пока расчищали дорогу, фургону пришлось остановиться. Я стоял неподалёку и воспользовался случаем. Я подошёл сзади и ощупал свёрток. Ведь не так уж он велик, верно? Но поднять его под силу только очень крепкому человеку. Они тяжёлые и твёрдые, словно бы из металла! И я вот что скажу тебе, Роберт: фургон нагружен золотом!

— Золотом?!

— Это всё слитки золота, Роберт. Но давай подойдём поближе.

Они прошли вслед за фургоном в ворота и там, свернув с аллеи, встали среди ёлок, откуда им всё хорошо было видно. Фургон остановился у входа

в здание с высокой трубой. Там его уже поджидал целый штат конюхов и лакеев: они тут же бросились разгружать фургон и потащили свёртки в лабораторию. Первый раз Роберт видел, что туда входят посторонние. Самого хозяина сейчас нигде не было видно. Через полчаса весь груз перенесли в здание, и фургон тотчас укатил.

— Ну что ж… — задумчиво проговорил Роберт, когда они с отцом возобновили прогулку. — Допустим, ты прав, — кто же присылает ему такое количество золота, откуда оно?

— Ага, в конце концов пришлось тебе согласиться с отцом! — Старик даже захихикал от удовольствия. — Я-то вижу, в чём тут вкус! Мне все ясно! Их двое, понимаешь? Тот, другой достаёт золото. Каким образом? Этот вопрос на время оставим, но будем надеяться, что всё идёт честным путём. Предположим, что они напали на необыкновенные золотые россыпи, где золото можно грести лопатой. Добытое золото пересылают сюда, и этот Рафлз Хоу в своей лаборатории всякими там своими химическими обработками очищает и промывает его, чтобы можно было продать. Вот как я всё это объясняю. А ты как считаешь, правильно я сообразил?

— Но если так, золото приходится снова выво-

зить отсюда?

— Ну да! Только вывозят его понемногу. Я знаю, я смотрю в оба. Каждую ночь золото увозят в небольшой тележке на станцию и поездом семь сорок отправляют в Лондон. Но оно уже не в слитках, а сложено в окованные железом ящики. Я их видел, мой мальчик, трогал собственными руками!

— Ну что ж… — проговорил молодой человек в раздумье. — Может, ты и прав. Да, возможно, что ты прав.

В то время как отец и сын пытались проникнуть в тайну Рафлза Хоу, сам он явился в Зелёные Вязы. Лаура была одна; она сидела у камина, читая «Королеву»[73].

— Ах, как жаль! — воскликнула она, отбрасывая газету и вскакивая с кресла. — Кроме меня, никого нет дома. Но отец и брат скоро вернутся. Роберт, во всяком случае, должен быть с минуты на минуту.

— Я как раз предпочёл бы побеседовать с вами с глазу на глаз, — спокойно ответил Рафлз Хоу. — Прошу вас, сядьте, я хотел бы с вами поговорить.

Лаура снова села в кресло. Щёки у неё вспых-

---

[73] Notes: 73

«Королева» — английская газета, посвящённая исключительно вопросам моды, светским сплетням и т. п.

нули, дыхание участилось. Она отвернула лицо и смотрела на огонь в камине, но глаза её искрились своим, неотражённым светом.

— Помните, мисс Макинтайр, как мы встретились с вами впервые? — спросил он, стоя перед ней на ковре и глядя на её тёмные волосы, на прекрасную точёную шею цвета слоновой кости.

— Как будто всё это было только вчера, — ответила Лаура самым мягким и нежным тоном.

— Тогда, значит, вы не забыли те нелепые слова, которые под конец вырвались у меня. Это было очень глупо с моей стороны. Очень сожалею, если напугал или смутил вас тогда. Но я давно живу отшельником и приобрёл скверную привычку думать вслух. Ваш голос, лицо, манера держаться — всё так отвечало моему идеалу женщины — любящей, преданной, способной понять, — и мне невольно подумалось: будь я бедняком, мог бы я надеяться завоевать любовь такой девушки, как вы?

— Я очень дорожу вашим добрым мнением, мистер Хоу, — сказала Лаура. — Уверяю вас, я тогда ничуть не испугалась. Вам незачем извиняться за то, что, в сущности, было лишь комплиментом.

— Позже я убедился, что и душа у вас так же прекрасна, что вы наделены тончайшими и благороднейшими качествами, какими только может природа одарить женщину. Вы знаете, что

я человек состоятельный, но мне бы хотелось, чтобы это не влияло на ваше решение. Скажите, Лаура, могли бы вы быть счастливы, выйдя замуж за такого человека, как я?

Она не ответила, а продолжала сидеть, чуть отвернувшись, по-прежнему устремив искрящиеся глаза на огонь. Маленькая ножка её часто постукивала по ковру.

— Вы имеете право узнать обо мне больше, прежде чем принять решение. Но рассказывать мне почти нечего. Я сирота, и, насколько мне известно, на всём свете у меня нет никого родных. Отец мой был уважаемым хирургом в Уэльсе, и я также получил медицинское образование. Но отец умер прежде, чем я успел окончить курс. Он оставил мне небольшие средства. Я увлекался химией и физикой, изучал свойства электричества и, вместо того чтобы продолжать занятия медициной, целиком посвятил себя химии. Наконец я выстроил лабораторию и там продолжал научные исследования. К этому времени я получил крупную, чрезвычайно крупную сумму и почувствовал, что на меня ложится большая ответственность — я обязан правильно использовать эти деньги. Я всё обдумал и решил построить дом где-нибудь в провинциальном уголке, но не

слишком далеко от большого города. Там, думал я, у меня будет возможность держать связь с внешним миром, и в то же время я смогу жить спокойно, на досуге вынашивать свои замыслы. По чистой случайности я избрал Тэмфилд. Теперь моя задача — осуществлять задуманное и помогать людям бороться с их бедами, с несправедливостями судьбы. Я ещё раз спрашиваю вас, Лаура: согласны вы соединить свою жизнь с моей и стать помощницей в деле моей жизни?

Лаура посмотрела на Рафлза Хоу и увидела сухопарую фигуру, бледное лицо, проницательные и в то же время ласковые глаза. Невольно перед ней возник другой образ — мужественные черты Гектора Сперлинга: чётко очерченный рот, открытый взгляд... В эту минуту торжества Лауре вспомнилось, что Гектор остался верен ей в страшный час разорения их семьи, что он продолжал любить её, бедную девушку, так же преданно, как в дни, когда она была богатой наследницей. Лауре вспомнился их последний поцелуй за дверью: она вновь ощутила прикосновение его губ на своих губах.

— Я считаю честью ваше предложение, мистер Хоу, — проговорила она медленно. — Но оно так неожиданно!.. Я не имела времени подумать. Я

не знаю, что вам ответить.

— Нет, нет, я не хочу вас торопить! — сказал он. — Прошу вас, обдумайте всё хорошенько. Я приду за ответом. Когда мне прийти? Сегодня вечером?

— Да, приходите вечером.

— Тогда я сейчас ухожу. Поверьте, ваша нерешительность заставляет меня уважать вас ещё больше. Буду жить надеждой!

Он поцеловал ей руку и вышел, предоставив Лауру её мыслям.

Вскоре можно было уже не сомневаться в том, какое они приняли направление. Всё туманней и туманней становился образ далёкого моряка, всё ярче и заманчивей казались роскошный дворец, почти царственная власть, бриллианты, золото, будущие почести. Всё это лежало у её ног — стоило только нагнуться и взять. Как могла она колебаться хотя бы секунду! Лаура поднялась, подошла к письменному столу и взяла лист бумаги и конверт. На конверте она тут же написала:

Гибралтар, флот Его Королевского Величества, лейтенанту Гектору Сперлингу.

Написать самое письмо было несколько сложнее, но наконец и оно было составлено так, как то диктовали её чувства и намерения:

Дорогой Гектор,

я убеждена, что твой отец всегда не очень одобрял наше обручение, иначе он не стал бы чинить столько препятствий нашему браку. Я уверена также, что, когда разорился мой бедный отец, ты остался мне верен лишь из чувства долга и чести, и поэтому было бы гораздо лучше, если бы мы с тобой тогда же расстались. Я не могу допустить, Гектор, чтобы из-за меня ты жертвовал своей карьерой, и, тщательно всё обдумав, я решила освободить тебя, расторгнуть нашу детскую помолвку, чтобы ты был совершенно, во всех отношениях независим. Тебе может показаться, что я поступаю жестоко, но я глубоко убеждена, дорогой Гектор: когда ты добьёшься высокого положения, когда ты станешь адмиралом и оглянешься назад, ты убедишься, что я была тебе подлинным другом и помешала тебе сделать ложный шаг, который погубил

бы твою карьеру. Что касается меня, то, выйду я замуж или нет, я решила остаток своей жизни посвятить людям, буду стараться делать им добро, чтобы после моей смерти им жилось хоть немного лучше.

Отец твой вполне здоров и в прошлое воскресенье прочитал отличную проповедь.

Возвращаю тебе банкноту, которую ты просил меня сохранить. Прощай навсегда, милый Гектор, и поверь, что бы ни случилось, я всегда останусь твоим преданным другом.

Лаура Макинтайр

Она едва успела запечатать письмо, как вернулись с прогулки отец и Роберт. Она закрыла за ними дверь и сделала реверанс.

— Я жду поздравлений от родственников, — сказала она, высоко подняв голову. — Приходил Рафлз Хоу и просил моей руки.

— Да не может быть! — проговорил старик. — Что же ты ему сказала?

— Попросила прийти вечером за ответом.

— И что же ты ответишь?

— Я приму предложение.

— Ты всегда была умной девушкой, Лаура, — сказал Макинтайр-старший.

Он привстал на цыпочки и поцеловал дочь.

— Но, Лаура, а как же Гектор? — сдержанно упрекнул её Роберт.

— Я написала ему, — ответила сестра небрежно. — Будь так добр, отправь письмо.

Глава десятая
Великая тайна

Итак, Лаура Макинтайр обручилась с Рафлзом Хоу, и у старика-отца, когда он почувствовал себя на шаг ближе к источнику богатства, стал ещё более алчный вид, а Роберт всё меньше думал о работе и совсем забыл про холст, который так и стоял на мольберте, покрытый пылью. Хоу подарил невесте старинное кольцо с огромным сверкающим бриллиантом. О свадьбе, однако, говорили мало: Хоу предпочитал, чтобы всё было как можно скромнее. Почти все вечера он проводил теперь в Зелёных Вязах и здесь вместе с Лаурой строил грандиозные планы. Разложив на столе географическую карту, молодые люди как бы парили над миром, обдумывая, рассчитывая, совершенствуя.

— Что за девушка! — восхищался дочерью Макинтайр. — Болтает о миллионах так, словно родилась быть миллионершей. Надеюсь, выйдя замуж, она не будет швырять деньги на всякие дурацкие затеи, какие взбредут в голову её мужу.

— Лаура сильно переменилась, — заметил

Роберт. — Она стала смотреть на всё гораздо серьёзнее.

— Дай срок, ты ещё увидишь… — захихикал старик. — Лаура — умница, она знает, что делает. Она не допустит, чтобы её старенький папа так и остался ни с чем, когда она может ему помочь. Да, хорошие дела, нечего сказать! — проговорил он вдруг оскорблённо. — Дочь выходит замуж за человека, для которого золото значит не больше, чем для меня значил когда-то чугун для пушек. Сын берёт у этого богача денег сколько вздумается и раздаёт их направо и налево всем бездельникам в Стаффордшире. А отец, любящий, заботливый отец, который воспитал их, часто не имеет шиллинга, чтобы купить себе бутылку коньяка! Что бы сказала ваша бедная мать!

— Тебе стоит только попросить у Рафлза Хоу, он тебе не откажет.

— Да, как будто я пятилетний ребёнок! Но знай, Роберт, у меня есть свои права, и я так или иначе добьюсь своего. Я не позволю, чтобы меня почитали за пешку. И ещё вот что: прежде чем стать дорогим тестюшкой этого субъекта, я хочу знать, откуда берутся его доходы. Мы, может, бедны, но честны. Я сегодня же пойду к нему и потребую объяснений.

Схватив шляпу и трость, он было направился к двери.

— Нет-нет, отец, ради бога! — остановил его Роберт, ухватив за рукав. — Лучше не вмешивайся. Мистер Хоу крайне щепетилен, ему не понравится, что его выспрашивают о таких вещах. Это может привести к серьёзной ссоре. Прошу тебя, не ходи!

— Я не позволю, чтоб вы меня всегда отодвигали на задний план! — огрызнулся старик, успевший сильно захмелеть. — Я покажу, кто я такой!

Он всё пытался вырваться от сына.

— Нет, во всяком случае, без ведома Лауры ты к Рафлзу Хоу не пойдёшь. Сейчас я позову её, мы с ней посоветуемся.

— Нет, уволь, с меня хватит сцен, — угрюмо проворчал старик, сразу притихнув: он боялся дочери, и одно только имя Лауры способно было его усмирить, как бы воинственно он ни был настроен.

— Кроме того, — продолжал Роберт, — я не сомневаюсь, что Рафлз Хоу сам сочтёт нужным объяснить нам всё до свадьбы. Он должен понять, что мы теперь имеем право на его доверие.

Не успел он договорить, как в дверь постучали

и вошёл Рафлз Хоу.

— Доброе утро, мистер Макинтайр, — сказал он. — Роберт, вы не заглянете ко мне? Я хотел бы с вами серьёзно поговорить.

Они вышли, не обменявшись ни словом. Рафлз Хоу весь погрузился в свои мысли. Роберт был взволнован: он чувствовал, что предстоит что-то важное.

Зима была на исходе. Наперекор мартовскому дождю и ветру из земли уже выглядывали первые робкие ростки. Снег сошёл, но вся округа, казалось, стала ещё холоднее и неприветливее, окутанная туманами, тянувшимися с сырых полей.

— Между прочим, Роберт, — спросил вдруг Рафлз Хоу, когда они подходили к дому, — вы уже отправили в Лондон вашу картину с римлянами?

— Я её ещё не закончил.

— Но ведь вы работаете быстро, я думал, она давно готова.

— Нет, боюсь, что с того времени, как вы её видели, она мало подвинулась вперёд. Прежде всего было мало света.

Рафлз Хоу промолчал, но по лицу его как бы скользнула тень. Они вошли в дом, и хозяин

повёл гостя в музей. Там на полу стояли два больших металлических ящика.

— Небольшое пополнение коллекции драгоценных камней, — бросил хозяин мимоходом. — Прибыли только вчера вечером, я ещё не успел ничего посмотреть, но, судя по прилагаемым описям, тут должны быть прекрасные экземпляры. Можно разобрать ящики сегодня же вечером, если хотите помочь мне. А сейчас пройдёмте в курительную.

В курительной Рафлз Хоу сел на диван и указал Роберту кресло напротив.

— Возьмите сигару, — предложил он. — И нажмите кнопку, если желаете подкрепиться. Ну а теперь, мой милый Роберт, признайтесь: вы не раз принимали меня за сумасшедшего, а?

Это было так неожиданно и так верно, что молодой художник растерялся и не ответил.

— Дорогой Роберт, я не виню вас. Это так понятно! Я бы сам счёл сумасшедшим всякого, кто говорил бы со мной вот так же, как я говорил с вами. Но, Роберт, вы ошибались. Среди проектов, которыми я с вами делился, не было ни одного, для меня невыполнимого. Я не шучу, я говорю с полнейшей серьёзностью, размеры моих доходов безграничны, и все банкиры и финансисты, вме-

сте взятые, не сумели бы собрать денег, какими я могу располагать когда угодно.

— У меня достаточно доказательств тому, как велико ваше богатство.

— И вам, естественно, любопытно, каким образом оно мне досталось. Могу сказать одно: деньги мои не запятнаны бесчестьем. Я никого не обманул, никого не ограбил, никого не угнетал, никого не заставлял на себя трудиться, чтобы добыть их. По глазам вашего отца я вижу, что он относится ко мне подозрительно. Ну что ж, может быть, его и нельзя винить. Как знать, может, и мне приходили бы в голову недобрые мысли, будь я на его месте. Но поэтому-то, Роберт, я откроюсь вам, а не ему, вы, по крайней мере, поверили мне, и вы имеете право, прежде чем я стану членом вашей семьи, узнать всё, что я могу вам сообщить. Лаура также доверилась мне, и я хорошо знаю, что она будет верить мне и дальше, не требуя объяснений.

— Я не хочу вырывать у вас вашей тайны, мистер Хоу, — запротестовал Роберт, — но не стану отрицать, я буду очень горд, если вы окажете мне доверие.

— Да, я раскрою вам секрет, но не весь: пока я жив, никто не узнает его до конца. Но я оставлю

указания, чтобы после моей смерти вы продолжали то, что не успею завершить я сам. Я сообщу вам, где будут храниться эти указания. А пока вам придётся довольствоваться тем, что я вам сейчас расскажу, не вдаваясь в подробности.

Роберт уселся поудобнее и приготовился внимательно слушать, а Рафлз Хоу слегка нагнулся вперёд, и серьёзное и напряжённое выражение его лица ясно показывало, как важен для него этот разговор.

— Вам известно, — начал он, — что я отдал много времени и сил изучению химии?

— Да, вы говорили мне.

— Я начал занятия под руководством знаменитого английского химика, продолжал их под руководством лучшего химика Франции и закончил их в самой знаменитой химической лаборатории Германии. Я был небогат, но отец оставил мне небольшие деньги, на которые я мог жить, не зная нужды. Тратил я экономно и сумел собрать сумму, позволившую мне завершить курс обучения. Я вернулся в Англию и оборудовал собственную лабораторию в спокойном провинциальном местечке, где мог работать без помех. Там я сделал несколько исследований, и они ввели меня в ту область науки, в которую

не проникал ни один из трёх обучавших меня химиков.

Вы говорили, Роберт, что несколько знакомы с химией, — тем легче вам будет меня понять. Химия в значительной мере наука эмпирическая, и случайный эксперимент подчас даёт более важные результаты, чем может дать глубочайшее изучение данного вопроса или самые тонкие умозаключения. Крупнейшие открытия в химии — начиная с производства стекла и кончая производством рафинированного сахара — обязаны счастливой случайности, которая с таким же успехом могла выпасть на долю простого любителя, как и на долю величайшего учёного.

Вот такой случайности и я обязан своим великим открытием, может быть величайшим в мире. Хотя, надо отдать себе должное, тут я многим обязан и собственным рассуждениям.

Я часто раздумывал над тем, какое действие оказывают на различные материалы мощные электрические токи, пропускаемые через них продолжительное время. Я имею в виду не те слабые токи, которые идут по телеграфному проводу, я говорю о токах высокого напряжения. Я проделал соответствующие опыты и установил, что, проходя через жидкости и различные соеди-

нения, они разлагают элементы. Вы, конечно, помните известный опыт с электролизом воды. Но я обнаружил, что в отношении простых твёрдых веществ эффект получается иной и весьма своеобразный. Металл, например, медленно уменьшается в весе, почти не меняясь качественно. Достаточно ли понятно я объясняю?

— Я отлично всё понимаю, — сказал Роберт, слушавший с живейшим интересом.

— Я брал для опыта различные металлы и получал всегда один и тот же результат: каждый раз пропускаемый в течение часа ток приводил к заметной потере веса. Теория моя на этой стадии работы сводилась к следующему: электрический ток вызывает распад молекул, некоторое количество их отходит от основной массы, как от комка земли, в виде мельчайшей, неосязаемой пыли, и кусок металла, естественно, становится легче. Я уже полностью принял для себя эту теорию, как вдруг однажды необычайный случай заставил меня в корне изменить свои взгляды.

Как-то вечером в субботу я поместил кусок висмута в зажимы и провёл к его концам электрические провода, чтобы проверить действие тока на этот металл. Я проводил опыты над всеми металлами, подвергая каждый действию тока

от одного до двух часов кряду. Едва я установил зажимы и пустил ток, как вдруг пришла телеграмма из Лондона, извещавшая меня, что Джон Стилингфлит, старый химик, с которым я был в дружеских отношениях, опасно болен и хочет повидаться со мной. Последний поезд в Лондон отходил через двадцать минут, а я жил в доброй миле от станции. Сунув в саквояж кое-какие необходимые вещи, я запер лабораторию и со всех ног бросился на станцию, чтобы поспеть на поезд.

Только в Лондоне я вспомнил, что забыл выключить ток и что он будет идти через висмут до тех пор, пока не разрядятся батареи. Впрочем, я этому особенного значения не придал и тотчас забыл про висмут. Я задержался в Лондоне до вечера вторника и только в среду вернулся к своей работе. Отпирая лабораторию, я опять вспомнил о своём незавершённом опыте, и мне пришло в голову, что, по всей вероятности, кусок висмута распался на отдельные молекулы. Я был совершенно не подготовлен к тому, что меня ожидало.

Подойдя к столу, я действительно убедился, что кусок металла исчез и зажимы пусты. Я уже хотел было заняться чем-то другим, как вдруг заметил, что стол, на котором были установлены зажимы, весь покрыт каплями и небольшими

лужицами серебристой жидкости. Я очень ясно помнил, что перед началом опыта очистил стол, следовательно жидкость эта могла появиться, лишь пока я был в Лондоне. Странное явление меня очень заинтересовало, я аккуратно собрал жидкость в сосуд и тщательно её исследовал. Сомнений быть не могло: это была чистейшая ртуть, без малейшей примеси висмута.

Я тотчас понял, что случай привёл меня к химическому открытию чрезвычайной важности. Если висмут в определённых условиях подвергнуть воздействию электрического тока, он начнёт терять вес и постепенно обратится в ртуть. Я уничтожил перегородки между элементами. Но ведь процесс на этом не остановится, и, очевидно, это есть проявление какого-то общего закона, а не отдельный, частный факт. Итак, висмут превращается в ртуть, ну а ртуть во что превратится? Я не мог успокоиться, не разрешив этого вопроса. Я снова зарядил батареи и пропустил ток через сосуд с ртутью. Шестнадцать часов кряду я наблюдал, как ртуть постепенно густела, становилась всё твёрже, теряла серебристый блеск и принимала тусклый желтоватый оттенок. Когда наконец я вытащил металл щипцами и бросил его на стол, у него уже не было никаких

признаков ртути, это был иной металл. Простейший анализ показал, что передо мной платина.

Химику последовательность этих переходов металла из одного в другой подсказывала очень многое. Может быть, вы уже догадываетесь, Роберт, что я имею в виду?

— Признаться, нет.

Роберт слушал странный рассказ, глядя во все глаза и приоткрыв рот.

— Сейчас я вам объясню. Висмут — самый тяжёлый металл, его атомный вес — двести десять. Следующий за ним по весу — свинец, атомный вес его — двести семь; затем ртуть — её вес двести. Возможно, что за время моего отсутствия ток сперва обратил висмут в свинец, а затем уже в ртуть. Атомный вес платины — сто девяносто семь и пять десятых, это как раз следующий в ряду металл, который должен получиться, если и дальше пропускать ток. Теперь понимаете?

— Да, всё ясно.

— И тут сам собой возник вывод, от которого меня кинуло в жар и холод и голова пошла кругом. Следующим в ряду стоит золото. Его атомный вес — сто девяносто семь. Мне припомнилось и я впервые понял, почему в старину алхимики всегда упоминали свинец и ртуть как два металла,

обязательных для опытов. Дрожащими от волнения пальцами я снова включил ток, и немногим больше чем через час — скорость процесса превращения всегда пропорциональна разнице веса металлов — передо мной был неровный кусок красноватого металла, на все пробы дающий реакцию золота.

Это длинная история, Роберт, но, я думаю, вы согласитесь со иной, что всё это очень важно и не напрасно я так углубляюсь в подробности. Когда я окончательно убедился, что создал золото, я распилил слиток пополам. Одну часть я послал знакомому ювелиру, знатоку драгоценных металлов, с просьбой определить качество моего золотого самородка. Над другой частью слитка я продолжал экспериментировать, по очереди обращая его в серебро, цинк, марганец, пока не обратил его в литий, самый лёгкий металл.

— А во что он превратился потом? — не выдержал Роберт.

— Потом произошло то, что для химика в моём открытии, наверное, интереснее всего. Литий превратился в тонкий сероватый порошок, который так и оставался без изменений, сколько я ни подвергал его действию тока. Этот порошок — основа всех основ, это первоэлемент, иначе говоря,

та субстанция, существование которой недавно теоретически доказал один известный химик и которую он назвал «протил». Я открыл великий закон видоизменения металлов под действием электричества, и я первый, кто получил протил. Поэтому, Роберт, если все мои начинания в других направлениях не дадут больших плодов, моё имя по крайней мере останется в истории химии.

Вот, в сущности, и всё. Знакомый ювелир вернул мне самородок, подтвердив все мои предположения относительно его природы и качеств. Я вскоре разработал приёмы, упрощавшие процесс, главным образом научился регулировать ток и добиваться более значительных результатов. Добыв таким образом некоторое количество золота, я продал его за сумму, позволившую мне закупить материалы лучшего качества и более мощные батареи. Я расширил свои опыты и наконец построил этот дом и оборудовал лабораторию так, чтобы продолжать работу в ещё значительно большем масштабе. Повторяю, я смело могу сказать, что размер моих доходов ограничен лишь моими желаниями.

— Невероятно! — От волнения у Роберта пересохло во рту. — Просто как сказка. Но, храня эту тайну, вы, наверное, испытывали сильное

искушение поделиться ею с другими?

— Да, я думал над этим. Я очень серьёзно всё обдумал. Одно было очевидно: если я опубликую своё открытие, драгоценные металлы немедленно утратят свою ценность. На место золота станет что-нибудь другое — янтарь, например, или слоновая кость. А золото будет цениться дешевле меди, потому что оно тяжелее меди и в то же время не такое твёрдое. И никто от такой перемены не выиграет. Если же я сохраню свой секрет и буду пользоваться им мудро, я смогу оказать человечеству величайшую услугу. Вот главные причины и, надеюсь, не бесчестные, которые заставили меня дать себе обет молчания. Я нарушил его сегодня впервые.

— Я не выдам вашу тайну, — заверил его Роберт. — Клянусь, я никому не скажу ни слова, пока вы сами не снимете с меня зарок.

— Если бы я не знал, что могу довериться вам, я бы не открыл свой секрет. Но теория, милый Роберт, унылая вещь, практика бесконечно более интересна. Я уделил достаточно внимания первой. Если вы пройдёте со мной в лабораторию, я дам вам представление и о второй.

Глава одиннадцатая
Демонстрация опыта

Рафлз Хоу прошёл вперёд и, выйдя из дома, пересёк усыпанную гравием дорожку и открыл ведущую в лабораторию дверь, ту самую, через которую, как подглядели Роберт с отцом, проносили свёртки, выгруженные из фургона. Но когда Роберт очутился за этой дверью, оказалось, что это ещё не лаборатория, а просторная пустая передняя; вдоль стен её громоздились штабелями те свёртки, которые вызывали у него такое любопытство, а у отца — всякие домыслы. Таинственность, окружавшая тогда эти свёртки, теперь, однако, исчезла, потому что, хотя некоторые из них всё ещё оставались в холщовой упаковке, остальные были развёрнуты и оказались большими брусками свинца.

— Вот моё сырьё, — бросил на ходу Рафлз Хоу, кивнув на бруски. — Каждую субботу мне присылают их полный фургон, этого хватает на неделю, но, когда мы с Лаурой поженимся, придётся работать вдвое: к тому времени мы уже начнём осуществлять наши великие проекты. Очень важ-

но качество свинца: всякая посторонняя примесь, естественно, сказывается и на качестве золота.

В конце коридора находилась тяжёлая железная дверь. Хоу отпер её — в пяти футах за ней оказалась такая же вторая.

— На ночь пол здесь повсюду раздвинут, — заметил он. — Не сомневаюсь, что прислуга в доме много судачит по поводу этой опечатанной комнаты, поэтому я вынужден остерегаться какого-нибудь любознательного конюха или слишком предприимчивого дворецкого.

Третья дверь привела их в лабораторию — высокую пустую комнату с выбеленными стенами и стеклянным потолком. В одном углу стоял мощный горн с котлом, в щели по краям его закрытой дверцы вырывался свет ослепительного красного пламени, глухой рёв огня разносился по всей лаборатории. У другой стены стояли один над другим ряды батарей, а ещё выше — аккумуляторы. У Роберта загорелись глаза, когда он увидел всевозможные механизмы, сложные сети проводов, штативы, колбы, бутыли монетного стекла, мензурки, горелки Бунзена, фарфоровые изоляторы и всевозможный хлам, обычный для химической и физической лаборатории.

— Пройдём сюда, — сказал Рафлз Хоу, проби-

раясь через груды металла, кокса, упаковочных ящиков и оплетённых бутылей с разными кислотами. — Вы первый, не считая меня самого, кто проник в эту комнату после того, как отсюда ушли строители. Слуги вносят свинец в первое помещение и оставляют его там. Горн очищается и разжигается снаружи. У меня для этого нанят человек. Теперь взгляните вот сюда.

Он распахнул дверь в дальнем конце комнаты и жестом пригласил молодого художника войти. Тот остановился на пороге и в немом изумлении осмотрелся. Всё помещение площадью около тридцати квадратных футов было завалено золотом. Большие, в форме кирпича, слитки тесными рядами лежали на полу, а у стены верхние ряды почти касались потолка. Свет единственной электрической лампы, освещавшей эту комнату без окон, вызывал тусклое желтоватое мерцание сложенного у стен драгоценного металла и падал красноватым отблеском на устланный золотом пол.

— Вот моя сокровищница, — сказал владелец дома. — Как видите, здесь сейчас скопились довольно большие запасы. Импорт превышает у меня экспорт. Вы понимаете, на мне сейчас лежат иные и гораздо более важные обязанности, чем

производство золота. Здесь я храню свою продукцию до момента отправки. Почти ежедневно я посылаю ящик золота в Лондон. Сбытом золота занимаются семнадцать моих агентов. Каждый из них уверен, что он единственный, и каждому до смерти хочется узнать, где я достаю так баснословно много чистого золота. Они говорят, что лучшего золота на рынке не имеется. Кажется, наиболее распространённая версия — что я один из совладельцев какого-нибудь южноафриканского прииска и что местонахождение золота держится в секрете. Ну, во сколько оцените вы всё золото, что в этой комнате? Оно должно стоить очень немало, ведь это итог моей почти недельной работы.

— Какая-нибудь совершенно головокружительная цифра, — сказал Роберт, поглядев на ряды золотых кирпичей. — Что-нибудь около полутораста тысяч фунтов?

— Да что вы, гораздо больше! — засмеялся Рафлз Хоу. — Сейчас я вам скажу точно. Один слиток стоит свыше двух тысяч фунтов. Здесь пятьсот слитков у каждой из трёх сторон комнаты, у четвёртой только триста — из-за того, что там дверь. Но на полу не меньше двух сотен. Всего получается тысячи две слитков. Поэтому, дорогой мой

друг, любой биржевик, купив всё золото, которое находится в этой комнате, за четыре миллиона фунтов, счёл бы, что совершил недурную сделку.

— И это итог работы одной недели! — ахнул Роберт. — У меня просто мысли путаются!

— Теперь вы станете мне верить, когда я говорю, что ни одному из моих обширных проектов не помешает отсутствие денег. Давайте перейдём в лабораторию, вы увидите, как я изготовляю золото.

Посреди лаборатории стоял аппарат, похожий на большие тиски и состоящий из двух широких металлических пластин, судя по цвету бронзовых, и большого стального винта, с помощью которого они сдвигались. К пластинам шли бесчисленные провода от динамо-машин, находившихся у противоположной стены. Внизу под аппаратом стоял стеклянный изоляционный стол, в средней его части шёл ряд углублений.

— Сейчас вы поймёте, как всё это делается, — сказал Рафлз Хоу, сбрасывая пиджак и надевая прокопчённую, измазанную холщовую куртку. — Сперва надо немного поднять температуру в горне. — Он налёг на огромные мехи, и в ответ раздалось гудение пламени. — Этого достаточно. Чем выше температура, чем сильнее электрический ток, тем быстрее идёт процесс. Теперь берём свинец. Помогите дотащить его сюда.

Они подняли с пола с десяток свинцовых брусков и положили на изоляционный стол. Зажав их с обеих сторон металлическими пластинами, Рафлз Хоу туго закрутил винт.

— Прежде на всё это требовалась масса времени, — заметил Хоу, — но теперь у меня столько всяких приспособлений, что работа идёт гораздо быстрее. Ну, осталось только пустить ток, и мы

сможем начать.

Он взялся за длинный стеклянный рубильник, выступавший среди проводов, и опустил его. Что-то резко щёлкнуло, затем начался непрерывный треск. От электродов рвались мощные огненные струи. Ореол золотистых искр окружил металл на стеклянном столе, искры свистели и щёлкали, как пистолетные выстрелы. В воздухе остро пахло озоном.

— Действующая тут сила огромна, — сказал Рафлз Хоу. Он наблюдал за процессом, держа на ладони часы. — Органическую материю она обращает в протил мгновенно. Надо очень точно разбираться в устройстве аппарата, умело с ним обращаться, не то механизм может серьёзно пострадать. Мы имеем дело с колоссальной мощностью. Видите, свинец уже начинает видоизменяться.

В самом деле, на тусклом сером бруске выступали серебристые, как роса, капли и падали со звоном в углубление на стеклянном столе. Свинец медленно плавился, таял, как сосулька на солнце, электроды всё время плотно его сжимали, пока не сошлись вместе, и от твёрдого металла осталась лужица ртути. Рафлз Хоу опустил в неё два меньших электрода, и ртуть начала посте-

пенно густеть, застывать и наконец обратилась в твёрдое тело с желтовато-бронзовым отливом.

— Это платина, — пояснил Рафлз Хоу. — Сейчас мы вытащим её из углублений и снова подвергнем действию больших электродов, вот так. Включим ток. Видите, цвет металла становится всё темнее, всё гуще. Ну, полагаю, достаточно.

Он поднял рубильник, удалил электроды — перед Робертом лежал десяток кирпичей красноватого, тускло мерцающего золота.

— Согласно нашим расчётам, эта утренняя работа должна дать двадцать четыре тысячи фунтов, а она отняла у нас не больше двадцати минут, — заметил алхимик, снимая один за другим слитки только что изготовленного золота и бросая их на стол, уже покрытый золотыми брусками.

— Давайте продолжим опыт, — сказал затем Рафлз Хоу, оставив последний слиток на изоляционном столе. — Всякому он показался бы слишком дорогостоящим — целых две тысячи фунтов, но у нас, как видите, масштабы иные. Следите, сейчас металл пройдёт всю шкалу изменений.

Первым на свете после самого изобретателя Роберт увидел, как золото под действием электродов быстро и последовательно превращалось

в барий, олово, серебро, медь, железо. Длинные белые электрические искры становились ярко-красными от стронция, пурпурными от калия, жёлтыми от марганца. Наконец после сотни всяких изменений металл вовсе растаял прямо на глазах у Роберта, и на стеклянном столе осталась лишь горстка лёгкой серой пыли.

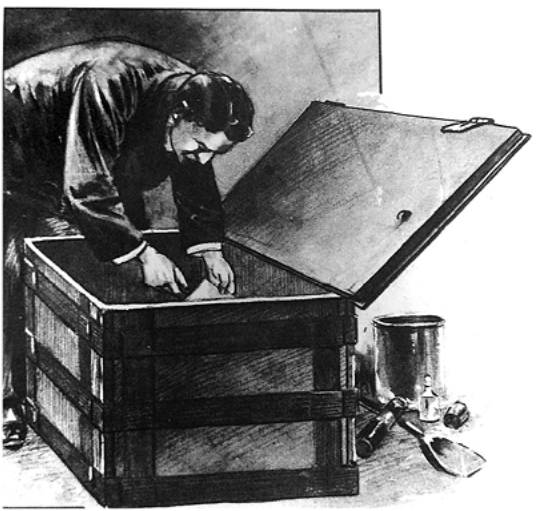
— Это и есть протил, — сказал Хоу, перебирая её пальцами. — Может быть, химики будущего сумеют и протил разложить на составные части, но для меня это ultima thule[74]. А теперь, Роберт, — продолжал он, помолчав, — я показал вам достаточно, вы узнали мою великую тайну. Тайна эта даст владеющему ею такое могущество, каким не обладал ещё ни один человек от Сотворения мира. И заветное моё желание — употребить своё открытие на служение людям. Клянусь вам, Роберт Макинтайр, если бы я убедился, что золото моё не приносит им добра, я бы покончил со всем этим навеки. Нет, я никогда не использую его ради собственного обогащения, клянусь всем, что свято, ни один человек не вырвет у меня моего секрета.

Глаза его сверкали, голос дрожал от волнения.

---

[74] Notes: 74
Предел *(лат.)*.

Высокий, худой, он стоял среди своих электродов и реторт, и было что-то величественное в этом человеке, который, обладая сказочным богатством, сохранил высокие нравственные качества и не ослеп от блеска своего золота. Роберт, натура слабая, и не представлял прежде себе, какая сила заключена в этих тонких сжатых губах, в этих вдумчивых глазах.



— Можно не сомневаться, мистер Хоу, этот сек-

рет в ваших руках будет служить только добру.

— Надеюсь, что так. От всей души на то уповаю. Знайте, Роберт, я открыл вам то, чего, пожалуй, не открыл бы и родному брату, будь у меня брат. И сделал я это потому, что верю и надеюсь, что вы человек, который не станет употреблять это могущество, если оно достанется вам от меня по наследству, в корыстных, эгоистических целях. Но и вам я не сказал всего. Есть одно звено, о котором я умолчал и о котором вы узнаете лишь после моей смерти. Взгляните!

Он подошёл к большому, окованному железом сундуку, стоявшему в углу, и, открыв его, достал небольшую шкатулку резной слоновой кости.

— Внутри лежит документ, раскрывающий подробности процесса, пока ещё вам неизвестные. Если со мной что-нибудь случится, вы всегда сможете продолжать моё дело, выполнять мои планы, следуя указаниям, изложенным в этой бумаге. Теперь, — заключил он, опустив шкатулку на прежнее место, — я буду часто обращаться к вам за помощью. Но сегодня она мне не понадобится. Я и так отнял у вас слишком много времени. Если отсюда пойдёте прямо домой, прошу вас, передайте Лауре, что я зайду к ней сегодня вечером.

Глава двенадцатая
Семейная ссора

Итак, великая тайна раскрыта! Роберт шёл домой, и в голове у него вился целый рой мыслей, кровь стучала в висках. Он поёжился, когда утром выходил из Зелёных Вязов навстречу сырому, холодному ветру, в густую, туманную мглу. Но теперь он всё ощущал иначе, всё видел в розовом свете, он шагал по грязной, изрезанной глубокими колеями деревенской улочке — и ему хотелось петь, танцевать. Чудесный удел выпал на долю Рафлза Хоу, но и ему, Роберту, едва ли худший. Ведь он посвящён в великий секрет алхимика, ему достанется сказочное богатство, каким не обладают и монархи, и в придачу свобода и независимость, каких у монархов нет. Поистине завидная доля! Перед ним вставали тысячи радостных видений будущего, в мечтах он уже вознёсся над всем миром: люди падали перед ним ниц, моля о помощи или вознося благодарения за милости.

Каким неприглядным показался ему запущенный их сад с редким кустарником и тощими

вязами, каким жалким простой кирпичный фасад дома с окрашенным в зелёный цвет деревянным крыльцом! Всё это и раньше оскорбляло его вкус художника, но сейчас безобразие дома показалось ему нестерпимым. А комната! Стулья, обитые клеёнкой, ковёр унылой расцветки, на полу дорожка из разноцветных лоскутков — всё вызывало в нём отвращение. Одно лишь было красиво в этой комнате — его сестра, и взгляд Роберта остановился на ней с удовольствием. Лаура сидела в кресле у камина, и прекрасное, тонкое, белое её лицо чётко выделялось на тёмном фоне стены.

— Знаешь, Роберт, — сказала она, кинув на него взгляд из-под длинных чёрных ресниц, — папа становится невозможен. Мне пришлось сказать ему прямо, что я выхожу замуж не ради его выгоды, а ради своей собственной.

— Где он сейчас?

— Право, не знаю. В «Трёх голубках», вероятно. Он проводит там почти всё своё время. Он выскочил из дому в страшной ярости, наговорил мне кучу глупостей о брачных договорах, родительских запретах и тому подобном. Его представление о брачном контракте сводится, по-видимому, к тому, что имущество надо запи-

сать на имя отца. Ему следовало бы вести себя смирно и ждать, пока о нём не позаботятся.

— Знаешь, Лаура, всё же нужно относиться к нему снисходительнее, — сказал Роберт обеспокоенно. — Последнее время я замечаю, что он очень переменился. Мне кажется, он не вполне душевно здоров. Надо бы обратиться за советом к врачу, но я сегодня всё утро провёл у Рафлза.

— Да? Ты виделся с Рафлзом? Он ничего не просил мне передать?

— Сказал, что зайдёт к нам, как только закончит работу.

— Но что с тобой, Роберт? Ты разгорячён, глаза блестят, ты как-то даже похорошел, — с женской проницательностью заметила Лаура. — Рафлз что-нибудь сказал тебе? А, догадываюсь, он рассказал тебе, откуда у него деньги, верно?

— Да. Он мне многое объяснил. Поздравляю тебя, Лаура, поздравляю от всей души, ты будешь очень богата!

— Как всё-таки странно, что именно теперь, когда мы обеднели, нам довелось познакомиться с таким человеком! Это всё благодаря тебе, милый мой Роберт. Ведь если бы ты не полюбился ему, он никогда бы не попал к нам в Зелёные Вязы и ему не полюбился бы ещё кое-кто.

— Вовсе нет, — ответил Роберт, усаживаясь подле сестры и ласково похлопывая её по руке. — У него любовь к тебе с первого взгляда. Он влюбился в тебя, ещё не зная твоего имени. Ведь он расспрашивал о тебе в первый же день, как мы с ним познакомились.

— Но расскажи, Боб, что ты узнал о его богатстве, — попросила Лаура. — Он мне ещё ничего не говорил, а меня мучит любопытство. Откуда у него деньги? Во всяком случае, это не отцовское наследство — отец его был простым деревенским врачом, он мне сам рассказывал. Как же он добывает деньги?

— Я обещал держать это в тайне. В своё время он сам всё тебе объяснит.

— Ну скажи хотя бы, угадала я или нет: он получил их от дяди? Да? Или от какого-нибудь друга? Или продал необыкновенный патент? Может, нашёл золотую жилу? Или нефть? Ответь же, Роберт!

— Не проси, не могу, честное слово! — засмеялся брат. — И больше об этом я с тобой говорить не стану. Ты чересчур хитра. А я обязан хранить секрет. И, кроме того, мне необходимо пойти поработать.

— Очень нелюбезно с твоей стороны. — Лаура

надула губки. — Но мне пора одеваться, поездом час двадцать я еду в Бирмингем.

— В Бирмингем?

— Да, мне надо заказать там кучу всяких вещей. Всё надо купить заново. Вы, мужчины, забываете о таких пустяках. Рафлз хочет, чтобы мы обвенчались чуть ли не через две недели. Конечно, всё будет очень скромно, но всё же надо кое о чём позаботиться.

— Так скоро? — задумчиво произнёс Роберт. — Ну что ж, может, так оно и лучше.

— Конечно, гораздо лучше. Представь себе, какой ужас, если вдруг приедет Гектор и устроит сцену! А если к тому времени я успею выйти замуж, это уже не будет иметь никакого значения. Что мне до того? Но Рафлз, разумеется, понятия не имеет о Гекторе. Будет просто ужасно, если они встретятся.

— Да, этого допустить нельзя.

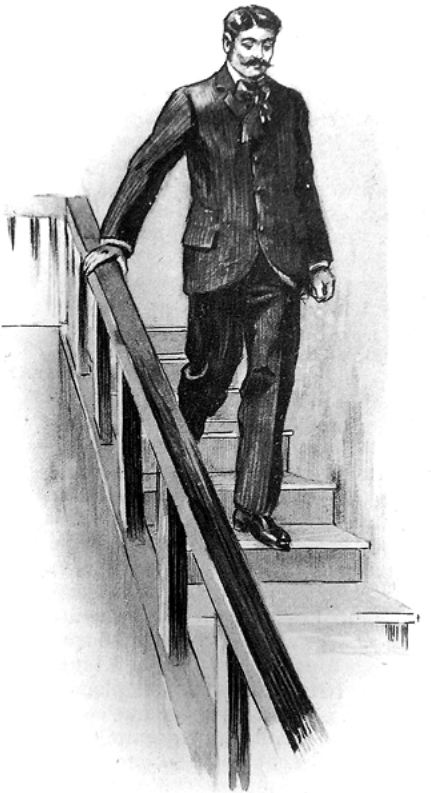
— Я не могу без страха подумать об этом. Бедный Гектор! Но что мне оставалось делать? Ты же знаешь, Роберт, ведь у нас с ним была просто старая детская дружба. И разве могу я из-за неё отказаться от такого предложения? Это просто мой долг перед семьёй, ведь правда?

— Ты попала в трудное положение, очень труд-

ное, — ответил ей брат. — Но всё уладится, я не сомневаюсь, Гектор всё поймёт. А ты говорила старику Сперлингу, что выходишь замуж?

— Ни слова. Он был вчера у нас, завёл разговор о Гекторе, но, право, я не знала, как ему сказать. Мы поженимся в Бирмингеме, поэтому, в сущности, незачем ему и говорить. Ну, я должна поторопиться, не то опоздаю на поезд.

Сестра ушла, а Роберт поднялся к себе в студию и, растерев краски на палитре, долго стоял перед большим пустым холстом, держа в руке кисть и мастихин. Какой бессмысленной, какой бесполезной показалась ему теперь его работа! Какая у него цель? Заработать деньги? Они будут у него и так, стоит лишь попросить или, в конце концов, даже взять без спроса. Или, может быть, он работает, чтобы создать прекрасное произведение? Нет, как художник он далёк от совершенства. Рафлз Хоу именно так сказал, и был прав. После стольких усилий убедиться, что всё это зря? А имея деньги, можно покупать картины, которые доставят ему радость, потому что будут действительно прекрасны. Какой же смысл в его работе?



Роберт не видел теперь этого смысла.
Он бросил кисть, разжёг трубку и спустился

обратно в гостиную.

Перед камином стоял отец отнюдь не в благодушном настроении, о чём свидетельствовало его красное лицо и опухшие глаза.

— Ну, Роберт, ты, конечно, как всегда, всё утро провёл, интригуя против отца!

— Что ты хочешь сказать, отец?

— Именно то, что говорю. Разве это не интриги, не заговор, когда вы все трое — ты, она и этот Рафлз Хоу — шепчетесь, совещаетесь и что-то замышляете, а мне ни о чём ни слова? Что мне известно о ваших планах?

— Я не вправе разглашать чужие секреты, отец.

— Секреты? Но я тоже имею право голоса! Секреты там или не секреты, а вы ещё вспомните, что у Лауры есть отец, которого нельзя просто отшвырнуть в сторону! Пусть у меня были неудачи в делах, но я не настолько низко пал, я не позволю, чтобы меня третировали в собственной семье! Что, собственно, я выигрываю от этого прекрасного замужества?

— Что ты выигрываешь? Я полагаю, счастье Лауры — достаточная для тебя награда.

— Если бы этот человек искренне любил Лауру, он позаботился бы о её отце. Не далее как вчера

я попросил у него в долг, да-да, я снизошёл до того, что обратился к нему с просьбой! Это я-то, который чуть не стал мэром Бирмингема! И что же? Он наотрез мне отказал!

— Ах, отец! Ну как ты мог пойти на такое унижение?

— Да-да, отказал наотрез! — возбуждённо кричал старик. — Это, видите ли, противно его принципам! Но я с ним ещё поквитаюсь… вот увидишь! Я про него кое-что знаю. Как они там называют его в «Трёх голубках»? Фальшивомонетчик, вот как! Зачем это ему без конца доставляют столько металла и почему у него всегда идёт дым из трубы?

— Отец, оставь ты его в покое! — взмолился Роберт. — Ты, кажется, только и думаешь, что о его деньгах. А по мне, не имей он ни гроша в кармане, он всё равно милый, сердечный человек.

Старик Макинтайр разразился хриплым хохотом.

— И ты ещё читаешь проповеди! — сказал он. — Не имей он ни гроша в кармане! Да разве стал бы ты так лебезить перед ним, будь он нищим? И ты воображаешь, Лаура бы тогда взглянула на него? Ты сам не хуже меня знаешь, что она выходит за него только из-за денег.

У Роберта вырвался крик ужаса: в дверях стоял Рафлз Хоу. Он был бледен и молча переводил испытующий взгляд с отца на сына.

— Прошу извинить, — сказал он сухо. — Я не имел намерения подслушивать, но я невольно слышал ваш разговор. Что касается вас, мистер Макинтайр, ваши слова продиктованы вашим недобрым сердцем. Они меня не задевают. Роберт же — мой преданный друг. И Лаура любит меня ради меня самого. Вам не удастся подорвать моё доверие к ним. Но с вами, мистер Макинтайр, у нас нет ничего общего, и даже лучше, что мы откровенно выскажем это друг другу.

Он поклонился и вышел так быстро, что ни Роберт, ни его отец не успели сказать ни слова.

— Вот видишь! — сказал наконец Роберт. — Ты натворил такое, что уже не поправишь.

— Я ещё с ним поквитаюсь! — яростно выкрикнул старик, грозя кулаком вслед тёмной, медленно проходившей за окном фигуре. — Подожди, Роберт, ты увидишь, можно ли шутить шутки с твоим старым отцом!

Глава тринадцатая
Ночное происшествие

Лауре, когда она вернулась из Бирмингема, о случившемся не сказали ни слова. Она была в приподнятом настроении и весело болтала о покупках, о приготовлениях к свадьбе, время от времени выражая удивление, почему это Рафлз всё не приходит. Наступил вечер, а от него по-прежнему не было вестей, и Лаура начала беспокоиться.

— Что его задерживает, почему он не идёт? — спросила она брата. — Сегодня впервые после нашей помолвки мы с ним не виделись.

Роберт выглянул в окно.

— Очень ветрено, и сильный дождь, — сказал он. — Думаю, сегодня Хоу не придёт.

— Гектор, бедняга, приходил в любую погоду: в дождь, в снег, когда угодно. Но впрочем, Гектор — моряк. Ему всё нипочём. Надеюсь, Рафлз не заболел?

— Он был совершенно здоров, когда я виделся с ним утром, — ответил брат, и оба они умолкли.

В оконные стёкла бил дождь, в ветвях вязов у

садовой ограды свистел ветер.

Старик Макинтайр весь день молча просидел в углу, глядя на огонь в камине, кусая ногти, и с его морщинистого лица не сходило выражение злобы. Вопреки своему обыкновению он не пошёл в деревенский трактирчик, а рано поплёлся спать, так и не сказав детям ни слова. Лаура и Роберт ещё некоторое время сидели у камина, оживлённо болтая. Лаура щебетала о том, сколько чудес сотворит она, когда станет хозяйкой Нового Дома. Роберт не мог не заметить, что сейчас сестра рассуждает о благотворительности меньше, чем при своём будущем муже. Кареты, платья, приёмы, путешествия в далёкие страны — вот о чём рассуждала она так же горячо, как прежде об устройстве приютов и работных домов.

— Я думаю, лучше всего лошади серой масти, — сказала она. — Гнедые тоже красивы, но всё же серые эффектнее. Мы можем обойтись двухместной каретой и ландо, да ещё нужна двуколка для Рафлза. У него полны конюшни лошадей и экипажей, но он никогда ни верхом не ездит, ни в экипаже. Если только на него надеяться, вся его полсотня коней просто перемрёт от отсутствия моциона или у них печень ожиреет, как у страсбургских гусей.

— Вы, наверное, останетесь жить здесь? — спросил брат.

— Да, но, кроме того, нам необходим дом в Лондоне, чтобы проводить там сезон. Конечно, пока я не хочу предлагать никаких изменений, но потом всё будет по-другому. Я уверена, Рафлз не откажет мне, если я попрошу. Он может сколько угодно говорить, что ему не нужны почести и благодарности, но какой, интересно, смысл заниматься благотворительностью, если ничего за это не получаешь? Не сомневаюсь, если он доведёт до конца хотя бы половину своих проектов, его сделают пэром. Допустим, он будет лордом Тэмфилдом. И тогда я, конечно, стану леди Тэмфилд. Как это тебе нравится, Боб?

Она присела, делая реверанс, и вскинула голову так, словно была рождена носить корону.

— Отцу придётся дать пенсию, — заговорила она немного погодя. — Он будет получать ежегодно определённую сумму при условии, что не станет мешать и поселится где-нибудь в другом месте. А для тебя, Роберт, право, не знаю, что придумать. Мы сделаем тебя президентом королевской академии, если только это звание можно купить за деньги.

Было уже поздно, когда они наконец перестали

строить воздушные замки и разошлись по своим комнатам. Но воображение Роберта было возбуждено, и он не мог уснуть. События этого дня могли бы взвинтить человека и с более крепкими нервами. Утром ему открыли необыкновенную тайну и показали фантастическое зрелище в лаборатории. Затем разговор с отцом, их размолвка, неожиданное появление Рафлза Хоу. И наконец, болтовня сестры. Всё это взбудоражило его и отогнало сон. Напрасно ворочался он с боку на бок, напрасно шагал по комнате, стараясь успокоиться. Ему не только не хотелось спать, но каждый нерв его был натянут, все чувства обострены до предела. Что же сделать, чтобы хоть ненадолго заснуть? Роберт вспомнил, что внизу стоит графин с коньяком: стакан вина может нагнать сон.

Он только успел приоткрыть дверь своей комнаты, как до слуха его долетел звук медленных, крадущихся шагов: кто-то спускался по лестнице. Лампа у него в комнате не горела, и Роберт издали увидел на лестнице тусклый свет свечи и движущуюся вдоль стены тень. Он замер, напряжённо прислушиваясь. Теперь шаги доносились из передней, послышался лёгкий скрип: кто-то осторожно повернул ключ в замочной скважине. В ту же минуту струя холодного воздуха задула

свечу, и резкий, короткий стук возвестил, что дверь захлопнули снаружи.

Роберт был поражён. Кто мог бродить здесь ночью? Вероятно, отец. Но что заставило его выйти из дому в три часа ночи? И в такую погоду! С каждым порывом ветра дождь ударял в окно спальни, точно стараясь выбить его. Стёкла в раме дрожали, а за окном скрипело и стонало дерево, ветер раскачивал его громадные ветви. Что могло выгнать человека на улицу в такую ночь?

Роберт поспешно чиркнул спичкой и зажёг лампу. Спальня отца находилась напротив, и дверь была слегка приоткрыта. Роберт распахнул её и оглядел комнату. Она была пуста. Постель была даже не смята. У окна стоял единственный

стул. Тут отец, должно быть, и сидел с тех пор, как ушёл к себе наверх. Ни книги, ни газеты поблизости. Чем же он занимался всё это время? Ничего, только на подоконнике лежит ремень для правки бритвы.

Сердце Роберта похолодело от предчувствия беды. В ночном походе отца скрывалось недоброе. Ему вспомнилось, как старик вчера был угрюм, как хмурился, как яростно грозился. Да, тут что-то неладно. Но может быть, он, Роберт, ещё успеет предупредить возможное несчастье? Лауру звать незачем. Что она тут сделает? Роберт торопливо оделся, запахнулся в тёплое пальто и, схватив шляпу и трость, бросился вслед за отцом.

На деревенской улице ветер бушевал с такой силой, что Роберту пришлось идти боком, чтобы его не сбило с ног. В переулке было тише — с одной стороны тут защищали высокая насыпь и живая изгородь. Но дорога была покрыта грязью, а сверху непрерывно хлестал дождь. И нигде ни души. Но Роберту незачем было искать прохожих, расспрашивать, не встретился ли им отец; он знал, куда тот отправился, знал наверняка, как если бы видел это собственными глазами.

Железные ворота Нового Дома были приоткрыты, и Роберт быстро зашагал по аллее среди ёлок,

с которых падали капли дождя. Зачем пошёл сюда отец? Только чтобы высмотреть, подкараулить что-нибудь, или он ищет Рафлза Хоу, хочет высказать ему свою обиду, возмущение? А может быть, за этим загадочным исчезновением из дому среди ночи скрывается более тёмный, более страшный умысел? Роберт вдруг вспомнил о ремне для правки бритвы, забытом на подоконнике отцовской спальни, и похолодел от ужаса. Зачем понадобилась старику бритва?

Роберт ускорил шаг, он почти бежал, пока не очутился у подъезда.

Слава богу, в доме всё тихо! Роберт стоял у высокой двери, напряжённо вслушиваясь в тишину. Нигде ни звука, только шум ветра и дождя. Где же отец? Если он задумал проникнуть в дом, то уж во всяком случае не через окно: ведь он слышал, как Рафлз Хоу рассказывал о мерах, принятых против грабителей. И вдруг Роберта как громом поразило. А то ничем не защищённое окно? Хоу был так неосторожен, что рассказал о нём. Среднее окно лаборатории! Если он, Роберт, отлично помнит про него, то уж и отец, конечно, не забыл! Да, здесь таится опасность!

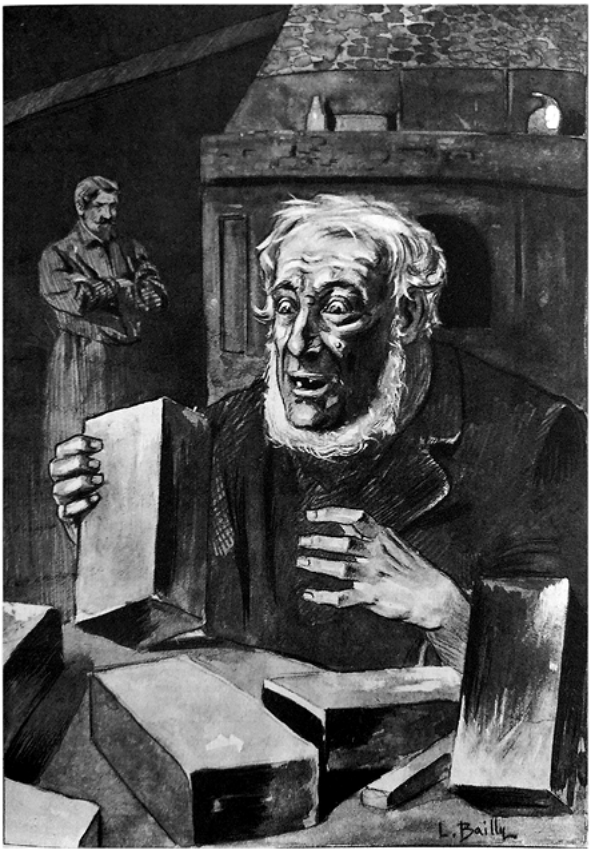
Едва Роберт завернул за угол дома, как убедился, что догадки его имели основание. В лаборато-

рии горел свет, и в темноте три широких окна выделялись яркими серебряными четырёхугольниками. Среднее окно было раскрыто, и Роберт тут же увидел, как тёмная фигура с обезьяньими ухватками вспрыгнула на подоконник и исчезла внутри комнаты. Лишь на секунду на фоне яркого света мелькнули её очертания, но этого было достаточно, чтобы Роберт узнал отца. Роберт на цыпочках подобрался к открытому окну и заглянул внутрь. То, что он увидел, потрясло его.

На стеклянном столе лежало пять или шесть слитков золота, очевидно произведённого вечером, но ещё не убранного в хранилище. И на эти слитки золота старик кинулся как на свою законную добычу. Он лёг грудью поперёк стола, обхватив руками золотые бруски, прижимаясь к ним щекой, что-то напевая и бормоча про себя. В резком ярком свете среди огромных колёс и странных механизмов эта маленькая тёмная фигура, жадно вцепившаяся в золото, являла собой мрачное и в то же время жалкое зрелище.

Минут пять Роберт стоял в темноте под дождём, не отрывая глаз от окна, а отец всё лежал неподвижно, лишь крепче прижимаясь к золоту и поглаживая его костлявыми руками. Роберт не знал, как поступить, и вдруг у него вырвался

возглас удивления, тут же заглушённый завыванием ветра.



В углу комнаты стоял Рафлз Хоу. Роберт не по-

нимал, каким образом он там очутился, он готов был поклясться, что за минуту перед тем угол был пуст. Рафлз Хоу молчал. Он стоял в длинном тёмном халате, скрестив на груди руки, на бледном лице его застыла горькая усмешка. Старик Макинтайр, очевидно, тоже его увидел, громко выругался и ещё теснее обхватил своё сокровище, искоса бросая на хозяина дома злобный, бегающий взгляд.

— Вот до чего дошло! — произнёс наконец Рафлз Хоу, делая шаг вперёд. — Пасть так низко, прокрасться в мой дом ночью, как мелкий вор! Вы знали, мистер Макинтайр, что окно это не заперто. Я помню, что говорил об этом при вас. Однако я не сказал, что у меня есть способ тут же получить сигнал, если ко мне заберутся воры. Но чтобы грабителем оказались вы!..

Старый фабрикант оружия не пытался оправдаться, только бормотал ругательства и всё цеплялся за слитки золота.

— Я люблю вашу дочь, — продолжал Рафлз Хоу, — и ради неё не выдам вас. Я сохраню ваш отвратительный, позорный поступок в тайне. Никто не узнает, что произошло сегодня ночью. Я не стану будить слуг и звать полицию. Но вы должны сейчас же покинуть мой дом. Больше

мне вам сказать нечего. Уходите тем же путём, каким вы сюда попали.

Он шагнул вперёд и протянул руку, словно хотел оттащить старика от золота. Неожиданно тот выхватил что-то из кармана пальто и, свирепо крикнув, бросился на алхимика. Нападение было так внезапно и яростно, что Рафлз Хоу не успел защититься. Костлявые пальцы сжали ему горло, в воздухе сверкнуло лезвие бритвы. По счастью, бритва, опускаясь, задела за один из бесчисленных проводов, тянувшихся по всей лаборатории, и, выскользнув из рук старика, со звоном упала на каменный пол. Но и лишившись оружия, старик был всё же опасен. Не произнося ни звука, он с чудовищной энергией кидался на Рафлза Хоу, вынуждая его отступать, пока оба они не наткнулись на скамью и не упали. Макинтайр оказался на Рафлзе Хоу. Он сжал алхимику горло, и тому пришлось бы плохо, если бы Роберт не вскочил в окно и не оттащил отца. Вместе с Хоу они повалили старика на пол и шейным платком скрутили ему руки. На него было страшно смотреть: лицо его искажала судорога, глаза вылезли из орбит, на губах выступала пена.

Хоу опёрся о стеклянный стол, он задыхался, прижимая рукой левый бок.

— Роберт? — Он еле дышал. — Какой ужас!.. Но как вы здесь очутились?

— Я шёл следом за отцом. Я слышал, как он уходил из дому.

— Он хотел ограбить меня. И готов был убить. Но он безумец, самый настоящий безумец!

В том не было сомнения. Старик приподнялся и внезапно разразился хриплым смехом. Он раскачивался из стороны в сторону, поглядывая то на Рафлза Хоу, то на сына хитрыми, сверкающими глазками. Оба поняли, что ум старика помутился от навязчивых мыслей о богатстве, что перед ними маньяк. Жуткая, беспричинная весёлость старика была ещё страшней его ярости.

— Что нам с ним делать? — спросил Хоу. — Его нельзя отвести домой. Это будет страшным ударом для Лауры.

— Необходимо пригласить врача. Нельзя ли оставить отца здесь до утра? Если мы возьмём его домой, по дороге может кто-нибудь встретиться, тогда не избежать огласки.

— Понимаю. Мы перенесём его в комнату с пробковыми стенами, там он не причинит вреда ни себе, ни другим. Знаете, я просто сам не свой. Но теперь мне лучше. Возьмём его под руки — вы

справа, я слева.

Наполовину ведя, наполовину волоча старика, они кое-как увели его из лаборатории и поместили на ночь в надёжном месте. В пять часов утра Роберт отправился в двуколке за врачом, а Рафлз Хоу всё шагал по своим царственным покоям. На лице его застыла озабоченность, сердце сжималось тоской.

Глава четырнадцатая
Зло растёт

Лаура, очевидно, не была поражена горем оттого, что отца неожиданно увезли из дому. Ей ничего не сказали о том, при каких обстоятельствах это произошло, просто Роберт за завтраком сообщил сестре, что счёл благоразумным послушаться совета врачей и поместил отца на некоторое время в больницу, где он будет под постоянным наблюдением. Она и сама не раз говорила, что странности отца усиливаются, поэтому новость эта не показалась ей слишком неожиданной, во всяком случае не помешала ей с аппетитом пить кофе и есть яичницу и при этом оживлённо болтать о предстоящей свадьбе.

Но на Рафлза Хоу случай этот подействовал совсем иначе. Он был потрясён до глубины души. Он всегда опасался, как бы его деньги не стали косвенной причиной чьей-нибудь гибели, а тут, прямо у него на глазах, они довели человека до преступления и безумия. Напрасно пытался он успокоиться, убеждая себя, что безумие Макинтайра вызвано иными, давнишними причинами,

а он, Рафлз Хоу, и его богатство тут ни при чём. Он старался вспомнить, каким он впервые увидел старика: ворчлив, неумён, но явной порочности в нём заметно не было. Но с каждой неделей он менялся. Начались жадные взгляды исподтишка, намёки, недомолвки, и наконец вчера он открыто попросил денег. Совершенно очевидно, что всё это — звенья одной цепи, ведущие к роковой встрече в лаборатории. Он мечтал, что золото его принесёт людям благо, а оно породило зло и преступление.

Рано утром к Рафлзу зашёл мистер Сперлинг, викарий: до него уже дошли дурные вести. Хоу приятно было поговорить с викарием — свежий, бодрый старик казался прямой противоположностью самому Хоу.

— Ах, ах! — огорчался викарий. — Какое несчастье, поистине несчастье! Помрачение рассудка, вы говорите, и нет надежды, что поправится? Боже мой, боже мой… Да я и сам замечал в нём перемену за эти последние недели. Будто он что-то затаил. А как Роберт Макинтайр?

— С ним всё благополучно. Он был у меня утром, когда с отцом случился припадок.

— Да, наш Роберт тоже изменился. Он уже не тот, что прежде. Вы меня простите, мистер Хоу,

если я позволю себе подать вам совет. И не как духовный пастырь, а как человек, который по возрасту годится вам в отцы. Вы очень состоятельны, и вы благородно распоряжаетесь вашим богатством. Да, сэр, благородно. Не думаю, чтобы из тысячи нашёлся один, кто так поступил бы на вашем месте. Но не кажется ли вам иногда, что деньги ваши оказывают на окружающих дурное влияние?

— Порой я боюсь, что да.

— Оставим старого Макинтайра. Его как пример уж брать не будем. Но Роберт! Прежде он с жаром отдавался своему делу, он так любил своё искусство. Бывало, когда ни встретишь его, он тотчас заговорит о новых замыслах, о том, как подвигается последняя картина. В нём чувствовалось хорошее честолюбие, энергия, независимость. Теперь он ничего не делает. Я знаю наверное, что вот уже два месяца, как он не брал кисти в руки. Трудолюбивый художник стал лентяем и, ещё того хуже, прихлебателем. Простите, что я говорю это вам так прямо.

Рафлз Хоу промолчал, только в отчаянии стиснул руки.

— То же и кое-кто из наших деревенских жителей, — продолжал мистер Сперлинг. — Боюсь, вы

помогали слишком щедро, без разбору. И люди опустились, утратили чувство собственного достоинства. Вот, например, старик Блэкстон. У него на днях ветром сорвало крышу с сарая. Он всегда был человеком толковым, энергичным. Случись это три месяца назад, он взял бы лестницу и за два дня починил бы крышу. А теперь он сидит, бездельничает да строчит вам письма, потому что знает: стоит вам только услыхать о его беде и вы поможете. А старик Элвари? Правда, он всегда был бедняком, но всё-таки трудился, сохранял достоинство. Теперь он палец о палец не ударит, только знай курит да сплетничает с утра до вечера. И что хуже всего, ваша щедрость вредит не только тем, кому вы помогли: она сбивает с пути и тех, кто от вас ничего не получил. Они чувствуют себя несправедливо обиженными, обойдёнными, как будто другие получили то, на что и они имеют такое же право. Дело уж дошло до того, что я счёл долгом обратиться к вам. Для меня самого это урок. Я часто порицал своих прихожан за скупость, и мне как-то странно упрекать того, кто излишне щедр. Это благородный промах.

— Крайне признателен вам за то, что вы всё это мне рассказали, — ответил Рафлз Хоу, пожимая руку викарию. — Впредь я буду осторожнее.

Пока не ушёл мистер Сперлинг, Рафлз Хоу оставался спокойным, сдержанным. И, только придя к себе, в свою скромную комнату, бросился на постель, зарылся лицом в подушку, и из груди его вырвались рыдания. Самый богатый человек во всей Англии, он в тот день был и самым несчастным. Как ему поступить, куда направить ниспосланную судьбой силу? Он пытается осчастливить людей — и приносит им проклятие. Добрые его намерения дают такие горькие плоды! Как будто самый его разум поражён какой-то нравственной проказой и он переносит её на всех, кто находится под его влиянием. Благотворительность, которую он так тщательно обдумывал, словно бы пропитала отравой все окрестные селения. И если результаты даже малых дел так плачевны, чего ждать от его грандиозных проектов? Если он не может уплатить грошовый долг простого фермера, не нарушая великих законов причины и следствия, лежащих в основе жизни, как смеет он рассчитывать на то, что обогатит народы, вмешиваясь в сложную систему торговли или пытаясь обеспечить всем необходимым сотни тысяч человек?

Ужас охватил его, когда перед ним вдруг, как в тумане, предстали все эти неразрешимые за-

дачи: что, если он совершит ошибки, которых потом не исправить никакими деньгами? Путь, начертанный Провидением, — это прямой путь, а он, полуслепое создание, хочет изменить его, пытается повести человечество куда-то в сторону. Удастся ли ему стать благодетелем человечества, не окажется ли он величайшим его врагом?

Вскоре, однако, смятение его улеглось; он поднялся, умыл разгорячённое лицо, пылающий лоб. В конце концов, неужели нет поприща, где можно принести бесспорную пользу? Надо переделывать не столько природу, сколько жизнь человека. Не Провидение же распорядилось, чтобы люди жили впроголодь, в тесноте, в жалких трущобах! Ведь всё это результат искусственно созданных условий; их можно исправить искусственными же мерами. Может, ему всё же посчастливится осуществить свои планы и мир станет лучше благодаря его, Рафлза Хоу, открытию. Неверно, что он несёт только зло всем, с кем сталкивается. Лаура, например. Кто знает его лучше, чем она? А уж какая она добрая, нежная, преданная! Лаура, во всяком случае, не стала хуже от знакомства с ним. Надо пойти сейчас же повидаться с ней. Как отрадно будет услышать её голос, получить её сочувствие в этот тяжёлый для него час!

Непогода утихла. Дул мягкий ветер, и в воздухе чувствовалось приближение весны. Шагая по извилистой дороге, Рафлз Хоу вдыхал смолистый запах елей. Перед ним расстилались широкие просторы, там и сям виднелись усадьбы фермеров, красные кирпичные домики; утреннее солнце бросало косые лучи на серые крыши, сверкало на стёклах окон. Сердце Рафлза Хоу тянулось к людям с их постоянными тревогами, с их стремлениями и надеждами, с убивающими душу заботами. Как подойти к людям? Как облегчить им жизнь и при этом не сбить их с пути? Всё яснее видел он, что горести очищают душу и жизнь без стремления к совершенствованию лишена смысла.

Лаура сидела одна в гостиной. Роберт ушёл, ему надо было завершить некоторые формальности в связи с болезнью отца. Увидев жениха, Лаура вскочила и с милой девичьей грацией подбежала к нему.

— Ах, Рафлз, — воскликнула она, — я была уверена, что ты придёшь! Но как ужасна эта история с папой!

— Не огорчайся, дорогая, — мягко ответил он. — Может оказаться, что болезнь его не так уж серьёзна.

— Это случилось, когда я ещё спала. Я обо всём узнала только за завтраком. Вероятно, они пошли к тебе очень рано.

— Да, они пришли рано.

— Что с тобой, Рафлз? — спросила Лаура, заглянув ему в лицо. — Ты такой печальный, утомлённый.

— Я сегодня в плохом настроении. Дело в том, что утром я долго беседовал с мистером Сперлингом.

Лаура вздрогнула, губы у неё побелели. Долго беседовал с мистером Сперлингом? Неужели он выдал её?

— Вот как! — только и смогла она выговорить.

— Он сказал мне, что благотворительность моя причинила больше вреда, чем пользы, и даже что я оказываю дурное влияние на всех, с кем сталкиваюсь. Он дал мне понять это в самой деликатной форме, но смысл его слов был именно таков.

— И только-то? — Лаура облегчённо вздохнула. — Не обращай внимания на то, что говорит мистер Сперлинг. Ведь это сущая чепуха! Все знают, что десятки людей без твоей поддержки давно бы разорились либо их просто выгнали бы на улицу. Как могли они из-за тебя стать хуже? Меня поражает, что мистер Сперлинг мог приду-

мать такой вздор!

— Как подвигается картина Роберта?

— Он что-то разленился. Давно не прикасается к работе. Но почему ты спрашиваешь? Опять у тебя морщинка на лбу. Извольте сейчас же разгладить её, сэр! — Белой ручкой она провела по его нахмуренному лбу.

— Во всяком случае, я знаю кое-кого, кто из-за меня не стал хуже, — сказал он, глядя на Лауру. — Есть человек — добрый, чистый, преданный, он всё равно любил бы меня, даже если бы я был бедным клерком, с трудом зарабатывающим себе на пропитание. Ведь правда, Лаура, ты и тогда любила бы меня?

— Глупый! Ну конечно!

— И всё же как странно, что ты, единственная женщина, какую я в жизни любил, ответила мне таким же чувством — чувством, свободным от корысти и расчёта. Может, само Провидение послало мне тебя, чтобы я вновь обрёл веру в людей. Как холодно было бы на свете без женской любви! Утром я всё видел в мрачном свете, я кинулся к тебе, к нашей любви, как к единственной своей опоре. Всё остальное показалось мне изменчиво ненадёжным, всеми движут низменные побуждения. Только тебе, только тебе я верю!

— А я тебе, дорогой Рафлз! Я не знала, что такое любовь, пока не встретилась с тобой.

Она шагнула к нему, протянула руки. В глазах её светилась любовь, но тут же Рафлз увидел в них ужас, краска сбежала с её лица. Она смотрела в сторону двери. Рафлз стоял спиной к двери и не видел, что́ так взволновало Лауру.

— Гектор… — еле произнесла она пересохшими губами.

Одно мгновение, и стройный, загорелый молодой человек вбежал в комнату и подхватил Лауру на руки словно пёрышко.

— Дорогая моя! — воскликнул он. — Я знал, что устрою тебе сюрприз. Я только что из Плимута, приехал вечерним поездом. И у меня длинный отпуск и сколько угодно времени, чтобы сыграть свадьбу. Правда, чудесно, Лаура, дорогая?

В полном восторге он кружил Лауру по комнате. И вдруг увидел незнакомца, молча стоявшего в стороне. Гектор густо покраснел и неловко, по-матроссски поклонился, всё ещё сжимая холодную, неподвижную руку Лауры.

— Простите, сэр, не заметил вас сразу, — сказал он. — Извините, что я так ворвался. Но если бы вы послужили во флоте, вы бы поняли, что такое избавиться от матросской муштры и почувствовать

себя свободным человеком. Мисс Макинтайр подтвердит, что мы с ней знаем друг друга с детства и не позже чем через месяц, надеюсь, поженимся.

Рафлз Хоу стоял неподвижно. Он был потрясён, оглушён тем, что увидел и услышал. Лаура оттолкнула Гектора и пыталась вырвать у него свою руку.

— Разве ты не получил моего письма в Гибралтаре? — спросила она.

— Я не попал в Гибралтар. Нам дали приказ с Мадейры вернуться в Англию. Эти умные головы в адмиралтействе способны каждые два часа менять приказы. Но что нам теперь до этого письма, когда я сам здесь и могу говорить с тобой! Однако ты не представила меня твоему другу.

— Одно слово, сэр, — произнёс Рафлз Хоу дрожащим голосом. — Верно ли я вас понял? Я должен убедиться, что не ошибся. Вы обручены с мисс Макинтайр?

— Ну конечно! Я только что вернулся из четырёхмесячного плавания и спешу сыграть свадьбу, пока не придётся снова сниматься с якоря.

— Четыре месяца!.. — ахнул Рафлз Хоу. — Да ведь я приехал сюда ровно четыре месяца назад! Ещё один, последний вопрос. Роберт Макинтайр знает о вашей помолвке?

— Роберт? Ну как же! Уезжая, я оставил Лауру на его попечение. Но что случилось? Что с тобой, Лаура? Почему ты такая бледная и молчишь? А что это с ним? Он теряет сознание…

— Ничего, сейчас пройдёт.

Рафлз Хоу с трудом переводил дыхание, прислонясь к дверному косяку. Он был бел как бумага и держался рукой за сердце, словно его пронзила

вдруг нестерпимая боль. Минуту он стоял пошатываясь, затем выкрикнул что-то невнятное, повернулся и выбежал из комнаты.

— Вот бедняга! — сказал Гектор, с изумлением глядя ему вслед. — Что-то с ним стряслось. Но что всё это значит, Лаура, объясни!

Лицо моряка потемнело, он плотно сжал губы.

За всё это время Лаура не сказала ни слова и стояла не двигаясь, с застывшим взглядом, но теперь она вырвалась от Гектора, бросилась на диван и, уткнувшись лицом в подушку, разразилась бурными рыданиями.

— Это значит, что ты погубил меня! — вскричала она. — Да, погубил, погубил! Почему ты не оставил меня в покое? Зачем явился так не вовремя? Ещё несколько дней, и всё было бы кончено. Неужели ты не получил моего письма?

— И что же было в этом письме? — спросил Гектор холодно.

Он смотрел на неё, скрестив руки на груди.

— Я написала, что ты свободен, что я полюбила Рафлза Хоу и собираюсь стать его женой. О, теперь всё погибло! Я ненавижу тебя, ненавижу! И буду ненавидеть всю жизнь! Ты встал между мной и единственной удачей, выпавшей мне на долю. Оставь меня, и никогда не приходи к нам!

— Это твоё последнее слово, Лаура?

— Да, больше ты от меня ничего не услышишь!

— Тогда прощай. Я повидаюсь с отцом и сразу же вернусь в Плимут.

Он подождал с минуту, надеясь, что она скажет ему ещё что-нибудь, затем печально вышел из комнаты.

Глава пятнадцатая
Последняя тайна

Поздно вечером в дом к Макинтайрам громко, настойчиво постучали. Лаура весь день провела у себя в спальне, а Роберт в подавленном настроении сидел у камина и курил трубку. Внезапный резкий стук прервал его мысли. Он открыл дверь; на пороге стоял Джонс, представительный дворецкий Рафлза Хоу. Лицо у Джонса было испуганное, он был без шляпы, при свете лампы видно было, как по его лысой голове стекают дождевые капли.

— Прошу вас, сэр, будьте добры, зайдите к нам! — обратился он к Роберту. — Мы все очень тревожимся за нашего хозяина.

Роберт схватил шляпу и бросился бегом: перепуганный дворецкий бежал рядом, тяжело ступая. Весь день были только одни волнения и несчастья. На сердце молодого художника лежала тяжесть, его мучило предчувствие новой большой беды.

— Что же с вашим хозяином? — спросил он наконец, переходя на более ровный шаг.

— Не знаем, сэр, мы не можем достучаться к нему в лабораторию. Он не отвечает, и дверь заперта изнутри. Мы все напугались, сэр, уж очень он странно вёл себя сегодня.

— Странно?

— Да, сэр. Утром вернулся с прогулки просто на себя не похож. Говорит сам с собой и смотрит в одну точку. Жутко глядеть! Потом долго ходил по коридорам, на завтрак даже не взглянул, а прошёл в музей. Собрал драгоценности, всё прочее и унёс в лабораторию. Что он делал с тех пор, не знаем. Но слышно было, горн там у него всё время горел, и из трубы валил дым, как на фабрике в Бирмингеме. Когда стемнело, нам стала видна тень мистера Хоу — окно-то было освещено. Он работал прямо как одержимый, таскал что-то тяжёлое. И обедать не захотел, всё работал и работал. А теперь всё стихло, и горн остыл, и дым из трубы не идёт, а мистер Хоу всё в лаборатории и не отвечает нам. Вот мы и перепугались. Миллер побежал в полицию, а я к вам.

Они уже подошли к дому. У двери в лабораторию столпились слуги: только что прибывший деревенский полисмен, приставив электрический фонарик к замочной скважине, старался заглянуть внутрь.

— Ключ повёрнут наполовину, — сказал он. — Ничего не разглядеть, видно только, что там горит свет.

— Пришёл мистер Макинтайр! — закричало сразу несколько голосов, едва Роберт подошёл

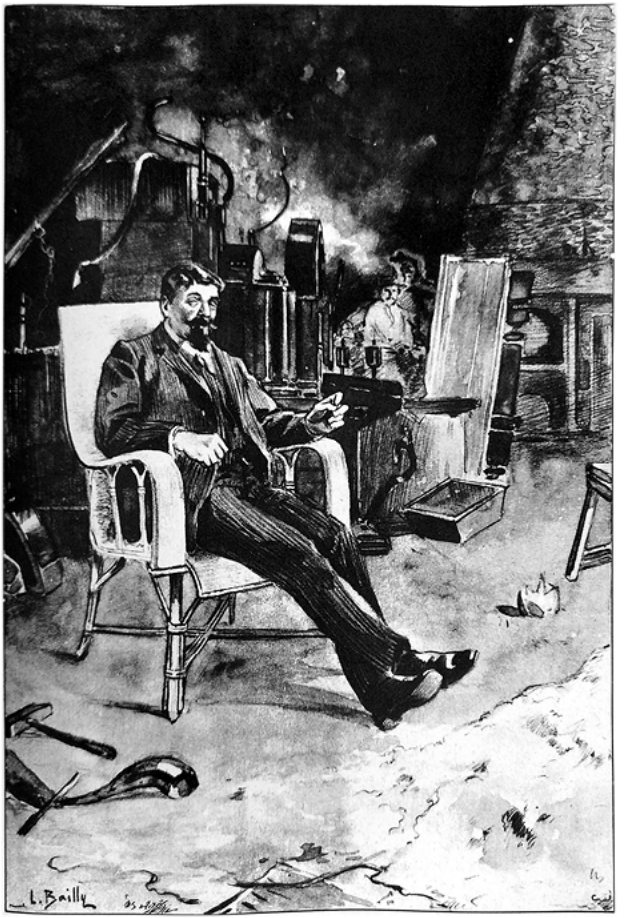
ближе.

— Придётся взломать, сэр, — сказал полисмен. — Никак не можем добиться ответа, что-то неладно.

Они несколько раз вместе налегли всей своей тяжестью на дверь; наконец послышался треск, замок сломался, и все, толпясь, прошли в узкий коридор. Дверь в лабораторию оказалась приоткрытой, и вот что они там увидели.

Посреди комнаты высилась, доходя до середины стены, огромная куча лёгкого серого пепла, а рядом меньшая кучка сверкающей пыли — она вся искрилась в лучах электрического света. Вокруг царил хаос: валялись черепки, разбитые бутылки, исковерканная аппаратура, спутанные, изогнутые и перепачканные провода. И среди этого разрушения, откинувшись на спинку стула и стиснув на коленях руки, в спокойной позе человека, отдыхающего после трудной и завершённой работы, сидел Рафлз Хоу, владелец этого дворца, самый богатый человек на свете. Он был смертельно бледен, но сидел так непринуждённо, так естественно, выражение его лица было так безмятежно, что, только когда его приподняли с кресла и коснулись холодных, окоченевших рук, все поняли, что он мёртв.

Рафлза Хоу понесли к нему в комнату — ступая медленно, благоговейно, ибо его любили все, кто ему служил. Роберт и полисмен остались в лаборатории. Словно во сне, поражённый Роберт бродил среди хаоса. На полу лежал тяжёлый молот, очевидно, им-то Рафлз Хоу и разбил аппаратуру, сначала обратив с помощью электрических приборов всё созданное им золото в протил. Сокровищница, так поразившая когда-то Роберта, теперь стала пустой комнатой с голыми стенами, и сверкающая пыль на полу говорила о том, какая судьба постигла великолепную коллекцию драгоценных камней, огромное, баснословное богатство. От машин не осталось ни одной целой детали, даже стеклянный изоляционный стол был расколот на три части. Непреклонная решимость чувствовалась во всём, что совершил Рафлз Хоу в тот день.


L. Bailly

И вдруг Роберт вспомнил о секрете, спрятанном в шкатулке на дне окованного железом сундука. Ведь там оставлена ему разгадка последнего и самого важного звена процесса, раскрыта тайна создания золота! Сохранилась ли бумага? Задыхаясь и дрожа от волнения, Роберт открыл сундук и вытащил шкатулку слоновой кости. Она была заперта, но в замочной скважине торчал ключ. Роберт повернул ключ, откинул крышку. Там белел лист бумаги, и на нём стояло его, Роберта, имя.

Дрожащими руками он развернул бумагу. Суждено ему наследовать богатства Эльдорадо или оставаться бедным художником и всю жизнь бороться за кусок хлеба?

Записка была помечена сегодняшним числом, и в ней было написано:

Дорогой Роберт!

Тайна моя умрёт со мной. Не могу передать Вам, как благодарю я Небо за то, что удержался и не доверил Вам весь секрет сполна, ибо я мог передать Вам в наследство лишь горе и для Вас самого, и для других. Я не знал ни одной счастливой минуты с тех пор, как сделал своё

открытие. Но я бы всё стерпел, если бы чувствовал, что творю добро. Увы, все мои старания приводили к тому, что труженики становились бездельниками, довольные своей судьбой – жадными тунеядцами и, что хуже всего, чистые, благородные женщины – обманщицами и лицемерками. Если таковы плоды моего вмешательства в малом, то можно себе представить, что получится из моих грандиозных планов, которые мы с Вами так часто обсуждали. Все мечты моей жизни рушились. Меня вы больше не увидите. Я вернусь к занятиям наукой. Там, если я принесу и не много пользы, зато по крайней мере не принесу и вреда. Завещаю все оставшиеся в доме ценности распродать, а вырученную сумму разделить между благотворительными обществами Бирмингема. Я уеду сегодня же ночью, если почувствую себя крепче, – сегодня весь день у меня резкая боль в боку. Кажется, богатство столь же пагубно влияет на тело, как и на дух. Прощайте, Роберт, и пусть никогда на сердце у Вас не будет так тяжело, как у меня сегодня.

Преданный Вам Рафлз Хоу

— Это самоубийство, сэр? Он покончил самоубийством? — вмешался полисмен, заметив, что Роберт прячет записку в карман.

— Нет, — ответил Роберт, — я думаю, у него не выдержало сердце.

Итак, все чудесные декорации и механизмы Нового Дома были разобраны, резьба, золото, книги, картины — всё пошло с торгов. И немало обездоленных горемык, никогда и не слыхавших о Рафлзе Хоу, пока он был жив, стали его благословлять после его смерти. Дом купила какая-то компания и устроила там водолечебницу. Из тех, кто посещает её, мало кто знает странную историю, связанную с этим домом.

Пагубное влияние, которое богатство Хоу распространяло на всех окружающих, казалось, не утратило своей силы и после его смерти. Старик Макинтайр всё ещё в больнице для душевнобольных. Он собирает кусочки дерева и металла, принимая их за слитки золота. Роберт Макинтайр, вечно хмурый и раздражительный, неустанно повторяет один и тот же научный опыт — опыт этот ему никак не удаётся. Живопись он забросил и тратит все свои скудные доходы на химическую и электрическую аппаратуру для своих опытов, тщетно пытаясь найти утерянное звено. Сестра ведёт его хозяйство; это неразговорчивая, угрюмая женщина, всё ещё красивая и величественная, но душа её отравлена горечью. Впрочем, последнее время Лаура усиленно занимается благотворительностью и стала

незаменимой для нового помощника викария; полагают, что он, быть может, пожелает никогда уже более не расставаться с ней. Так, во всяком случае, сплетничают в деревне, а в маленьком местечке такие пересуды всегда не без причин. Что до Гектора Сперлинга, то он всё ещё во флоте и, по-видимому, следует мудрому отцовскому совету — не думать о женитьбе, пока не получит чин капитана. Возможно, что среди всех, кто так или иначе соприкоснулся с золотом Рафлза Хоу, он — единственный, кому оно пошло на благо.

1892 г.

Маракотова бездна

I

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вёл капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трёх человек, в их числе американец — механик с завода «Мерибэнкс» в Филадельфии.

Все они — и команда, и пассажиры — исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходивший к приметам погибшего судна, и видел, как он пошёл ко дну во время сильной

бури осенью 1926 года. Позже по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ялик с надписью «Стратфорд»; там же плавали решётки, сорванные с палубы, спасательный буёк и части спардека. Всё это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нём, ни о его команде. Ещё больше подтвердила эту уверенность случайно перехваченная в то время странная радиограмма, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиограммы я приведу позже.

В своё время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего, необычайная таинственность, которой окружал экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда «Стратфорд» ещё стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были

подтверждены правлением заводов «Хэнтер и компания» в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что всё днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить. Вскоре обо всём этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие «Стратфорда». В настоящее время существует четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них — письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Круса, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия пребывания «Стратфорда» в гавани.

Второй — странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвёртый и последний — удивительное содержание шара, которое является либо злой

и непонятной мистификацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в моё распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени ещё не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

«Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Круса, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти всё время я проводил с Биллом Сканленом, главным механиком; он мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, „свидание с девчонкой“. Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сухарь. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил меня к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервилю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда

можно работать по специальности, но я предпочёл бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощён своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. „Самый чёрствый сухарь на свете“, — выразился про него Билл Сканлэн. И однако, нельзя не преклоняться перед таким учёным. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьёзного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качестве лёгкого чтения — геккелевские „Планктонные работы“[75].

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда, в маленькой приёмной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо — лицо Савонаролы[76] или, вернее, Торквема-

---

[75] Notes: 75

«О планктоне» — название одной из монографий Эрнста Геккеля (1834–1919) — немецкого естествоиспытателя, видного последователя учения Чарльза Дарвина.

[76] Notes: 76

Джироламо Савонарола (1452–1498) — итальянский проповедник-реформатор, изобличавший распущенность духовенства, тиранию Медичи, создатель Флорентийской республики. Когда сторонники его были разбиты папистами, его обвинили в ереси и сожгли.

ды[77] — никогда не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперёд нос, близко посаженные маленькие серые сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щёки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, — вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, досягаемых обыкновенными смертными. Временами мне кажется, что он не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат… Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберётесь.

Итак, о начале нашего плавания. „Стратфорд“ — превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебёдки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью

[77] Notes: 77

Томасо Торквемада (1420–1498) — глава испанской инквизиции, первый Великий инквизитор.

новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Ещё до отплытия „Стратфорд“ приобрёл репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль оборудован специально для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна морского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи островов Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом

нелёгким. Начать с того, что доктор — самый рассеянный и самоуглублённый человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтёру пенни, полагая, что сел в трамвай? Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, как он тут же их прячет. Я твёрдо уверен, что он что-то замыслил, но до тех пор, пока мы вынуждены проходить вблизи портов, не откроет нам своих планов. Таково моё впечатление, и вскоре я узнал, что Билл Сканлэн держится того же мнения.

— Слушайте, мистер Хедли, — сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя результаты наших первых уловов, — как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

— Полагаю, — ответил я, — что мы займёмся тем же, чем занимался до нас „Челленджер“ и добрая дюжина других океанографических экспедиций, — откроем несколько новых разновидностей рыб, нанесём несколько новых данных на гидрометрические карты.

— Ничего подобного, — возразил Сканлэн. —

Начинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

— Ну… на случай, если испортятся машины.

— Как бы не так! Какие там машины! Машина „Стратфорда“ на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счёт.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повёл меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблёскивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабжённые по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

— Что это за чертовщина? — спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна — у него лицо не то опереточного комика, не то боксёра — расплылась в улыбке.

— Это мой малютка, сэр, — заявил он. — Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть ещё такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть ещё крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это доказывало, что платформу можно сдвигать с места.

— Двойное дно, — подтвердил Сканлэн. — Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает гораздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола — окна вот здесь, запакованы отдельно — и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

— Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, — сказал я.

— Это вы верно смекнули, — согласился Билл Сканлэн и поскрёб затылок. — Вот я и не могу никак сообразить, в чём тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту

дурацкую штуку. Пока он ничего ещё не говорил, я тоже молчу, но всё принюхиваюсь, и, ежели он ещё долго будет молчать, я и сам всё узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом — занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребает всё, что встречает на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили — совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаскивали полтонны чистой розоватой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделённых между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неистощимы, и мы усердно их собирали. И всё время я не мог избавиться от ощущения, что не затем привёз нас

сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начнётся настоящее дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройтись, ибо завтра рано утром мы отплывём. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьёзный скандал, причём в главных ролях выступали Маракот и Билл Сканлэн. Билл — известный задира, и, по его выражению, у него часто *кулаки чешутся*, но, когда вокруг столпилось с полдюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролётками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Всё сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружились человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и

поблагодарил за вмешательство.

— Да, кстати, мистер Хедли, — заметил он. — Насколько мне известно, вы не женаты?

— Нет, — ответил я.

— И на вашем попечении нет никого из близких?

— Нет.

— Прекрасно, — сказал он. — Я молчал пока о своих намерениях: у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие — как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил своё намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и никакой соперник не успеет опередить меня. Завтра мы поплывём к нашей настоящей цели.

— Какая же это цель? — спросил я.

Он весь подался вперёд, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что

у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверно, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл ещё час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

— Да, молодой человек! — сказал он. — Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнём.

Он усмехнулся. Он был не лишён некоторого суховатого юмора.

— Да, сэр, „нырнём“. Это самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдёт в историю науки. Я твёрдо убеждён, что ходячее мнение об огромном давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я ещё не сумею сказать какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

— Не менее одной тонны на квадратный дюйм, — ответил я. — Это доказано.

— Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни — существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

— Давление уравновешивалось, — ответил я. — Оно одинаково изнутри и снаружи.

— Пустые слова! — крикнул Маракот, нетерпе-

ливо дёрнув головой. — Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, gastrostomus globulus. Разве их не расплющило бы в лепёшку, если бы давление было таково, как вы полагаете? Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплющиваются даже на самых больших глубинах.

— Но опыт водолазов…

— Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела — внутреннее ухо[78]. Но по моим предположениям, мы совершенно не будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закалённой двухромоникелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Уильямсон в Насау, с которым вы, наверно, знакомы. Если мой расчёт ошибочен — ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит… Мы умрём

---

[78] Notes: 78

У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода; среднее ухо, или барабанную перепонку; и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой. Внутреннее ухо содержит в себе окончание слухового нерва.

во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

— На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? — спросил я.

Над его столом была приколота карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

— В прошлом году я зондировал эти места, — сказал он. — Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдёте её на картах под названием Маракотова бездна.

— Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? — воскликнул я.

— Нет, нет, — с улыбкой ответил Маракот. — Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая, несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине трёхсот

фатомов[79].

[79] Notes: 79
Фатом равен 1,82 м.

— Трёхсот фатомов? Треть мили! — воскликнул я.

— Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабинке именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать об этом в трубку.

— А воздух?

— Будет накачиваться к нам вниз.

— Но ведь там будет совершенно темно!

— Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасена на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллесена, соединёнными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Люка военного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что ещё вас смущает?

— А если наши воздушные трубки запутаются?

— Не запутаются! А на всякий случай у нас есть

сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? — спросил Маракот.

Решение предстояло нелёгкое. Мозг мой быстро работал, а воображение — ещё того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот чёрный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спёртый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые всё расширяются… Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это — безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскочил и протянул ему руку.

— Доктор, я с вами до конца! — воскликнул я.

— Я так и знал, — ответил он. — Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, — улыбаясь, добавил он, — а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказаться для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахара,

он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочитать. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий надгробный памятник и прикрепить его на якоре где-нибудь южнее Канарских островов, написав на нём: „Здесь или где-либо поблизости покоится всё, что оставили рыбы от моего друга Сайреса Дж. Хедли“».

Второй документ — неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход «Аройя». Она была принята в три часа дня 3 октября 1926 года, и это доказывает, что она была отправлена всего через два дня после отплытия «Стратфорда» с Больших Канарских островов, что подтверждается и письмом Хедли. Это приблизительно совпадает с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую в циклоне яхту в двухстах милях от порта Санта-Крус.

Радиограмма гласила:

«Лежим на боку. Положение безна-

дёжное. Только что потеряли Маракота, Хедли, Сканлэна.

Местоположение непонятно. Носовой платок Хедли на конце глубоководного лота. Господь да поможет нам…

Яхта „Стратфорд“».

Это было то последнее непонятное сообщение, которое дошло со злополучного судна, и конец радиограммы такой странный, что его сочли бредом радиотелеграфиста. Однако сама радиограмма, казалось, не оставляла сомнения относительно судьбы судна.

Объяснение этого случая, если это можно принять в качестве объяснения, следует искать в записках, найденных в стеклянном шаре, и прежде всего я нахожу нужным расширить появившийся в печати очень краткий отчёт о находке этого шара. Я беру его дословно из вахтенного журнала «Арабеллы Ноулз», направлявшейся под командой Амоса Грина с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес.

«Среда, 5 января 1927 года. Широта 27° 14′, западная долгота 28°. Спокойная погода. Голубое небо с низкими перистыми облаками. Море как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый

помощник доложил, что заметил сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря и затем упал обратно. Его первое впечатление было, что это какая-то неизвестная ему рыба, но, посмотрев в подзорную трубу, он увидел, что это серебряный шар, такой лёгкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал шар и доставил его на борт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что шар этот сделан из какого-то очень гибкого стекла и наполнен столь лёгким газом, что, когда его подбрасывали в воздух, он плавал, как детский воздушный шарик. Он был почти прозрачен, и мы разглядели внутри его что-то вроде свёртка бумаг. Сделан он был из такого упругого материала, что нам далеко не сразу удалось разбить его и добраться до бумаги. Молоток его не брал, и он разбился, только когда главный механик положил его в машину. К сожалению, он разлетелся в искрящуюся пыль, так что нам не удалось найти ни кусочка, чтобы установить, из чего же он был сделан. Однако бумага осталась цела, и,

прочитав её, мы заключили, что она имеет большое значение, и решили вручить её британскому консулу, как только достигнем Ла-Платы. Вот уже тридцать пять лет я плаваю на судах, но с такой загадочной историей я столкнулся впервые; то же говорят все, кто находится сейчас на борту. Предоставляю разбираться в этом людям поумней меня».

Вот всё, что мы знаем о том, откуда взялись записки Сайреса Дж. Хедли, которые мы сейчас приведём без малейших искажений.

«Кому я пишу? Смело могу сказать: всему миру, — но так как это адрес весьма неточный, то укажу определённее: моему другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что последнее моё письмо было адресовано ему, а это можно рассматривать как продолжение. Я готов к тому, что, если даже шар увидит свет солнца и не будет проглочен акулой, есть лишь один шанс из тысячи, что среди бесконечных водных пространств он попадётся на глаза человеку. Но всё же попробовать стоит, да и Маракот тоже посылает шар, так что вполне возможно, что рассказ о наших удивительных приключениях станет известен миру. Поверят ли нам — это, я полагаю, уже другой вопрос, но когда

люди увидят прозрачный шар, наполненный неведомым им газом, надеюсь, они поймут, что внутри находится нечто не совсем обыкновенное. Во всяком случае, вы, Толбот, не бросите мои заметки, не прочтя их.

Если кто-нибудь захочет узнать, как всё это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти эти сведения в письме, которое я вам писал 1 октября прошлого года, в день отплытия из Санта-Круса. Знай я наперёд, что́ нам придётся пережить, я бы прыгнул в последнюю отходящую лодку! А впрочем, наверно, даже зная, что нас ожидает, я всё же принял бы предложение доктора Маракота и прошёл бы через всё до конца. Да, я даже уверен в этом: я всё равно не отказался бы.

Итак, я начинаю рассказ с того дня, как мы отплыли из Санта-Круса. Едва мы вышли из гавани, старик Маракот преобразился. Наконец-то наступило время действовать, и вся его энергия, так долго лежавшая под спудом, вырвалась наружу. Уверяю вас, он сразу забрал всю власть на яхте, подчинив себе и заставив склониться перед своей волей всё и всех. Сухой, рассеянный ворчун-учёный внезапно исчез, уступив место воплощению мощной динамо-машины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стёкол очков, как прожекторы. Он, казалось, находился сразу везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Биллом Сканлэном, давая мне множество разных поручений, и при этом во всех его действиях была система, все они вели к одной цели. Он неожиданно обнаружил солидные познания в электричестве и механике и бóльшую часть времени проводил у машины, которую Сканлэн методично собирал под его непосредственным наблюдением.

— Ну, мистер Хедли, дело идёт на лад, — сказал Билл на второе утро. — Пойдёмте ко мне, взглянете на эту диковинную штуку. Доктор, оказывается, великолепный парень и механик

первый сорт.

Ощущение у меня было не из приятных: мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но всё же, должен признаться, выглядел он весьма впечатляюще. Стальной пол был накрепко приклёпан к четырём стальным стенкам, и в каждой было по круглому окну-иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Вся кабинка висела на тонком, но невероятно крепком стальном канате, который навёртывался на барабан и разматывался или наматывался сильным двигателем, который обычно приводил в действие глубоководные тралы „Стратфорда“. Насколько я понял, канат был длиной около полумили, и конец его был закреплён на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулся телефонный провод и изолированный кабель, подающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли на всякий случай запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые чёрные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды. Вдали был виден барк под

норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к шторму. Но в ту минуту всё было благополучно, и „Стратфорд“ мягко покачивался на синих волнах океана, кое-где пенившихся белыми гребешками от пассатного ветра.

Билл Сканлэн заглянул ко мне в лабораторию в несколько более взволнованном состоянии, чем следовало при его спокойном темпераменте.

— Послушайте, мистер Хедли, — сказал он, — они спустили эту ловушку на самое дно трюма. Как по-вашему, неужто хозяин хочет в ней спускаться?

— Именно, Билл! И я с ним вместе.

— Так-так, значит, теперь двое свихнулись. Но я буду себя чувствовать последним негодяем, коли пущу вас одних.

— Да вам-то что там делать, Билл?

— Не меньше, чем вам, сэр! Да я весь пожелтею от зависти, если вы спуститесь без меня. Мерибэнкс послал меня сюда наблюдать за машиной, и если она спускается на дно моря, значит и моё место на дне моря. Где эта стальная мышеловка, там и Билл Сканлэн, и мне совершенно безразлично, сошли все с ума или нет.

Спорить с ним было бесполезно. Итак, к наше-

му клубу самоубийц примкнул ещё один, и мы стали ждать дальнейших распоряжений.

Вся ночь прошла в интенсивной работе, и утром мы спустились в трюм, готовые к погружению. Стальная кабинка была уже наполовину вставлена в вырез дна „Стратфорда“, и мы один за другим спустились в неё через верхний трап, который закрыли за нами и завинтили наглухо, после того как капитан Хови с самой похоронной миной пожал нам руки на прощание. Потом кабинку спустили ещё на несколько метров, закрыли герметическую камеру и впустили воду, чтобы испытать нашу каюту в воде. Кабинка выдержала испытание прекрасно, каждая часть оказалась точно пригнанной, и никакой течи не наблюдалось.

Кабинка действительно была очень удобная, и я восхищался продуманностью её устройства. Электрическое освещение было пока выключено, субтропическое солнце, преломляясь в бутылочно-зелёной воде, бросало в иллюминаторы фантастический мягкий свет. Там и сям мелькали серебряные рыбки, как чёрточки на зелёном фоне. По стенам кабинки шли диваны, над ними помещался циферблат глубиномера, термометр и другие приборы. Под диванами стояли баллоны

со сжатым воздухом на случай, если испортятся проводящие воздух трубки. Концы этих трубок уходили к потолку, а рядом с ними висел телефонный аппарат. Мы услышали траурный голос капитана.

— Вы определённо решили погружаться? — спросил он.

— У нас всё в порядке, — нетерпеливо ответил профессор. — Опускайте медленно, и пусть кто-нибудь всё время дежурит у приёмника. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь на месте, пока не получите распоряжений. Я не хочу давать слишком большую нагрузку канату, так что спускайте медленно, со скоростью двух-трёх узлов в час. А теперь — вниз!

Последние слова он выкрикнул как безумный. Это был величайший момент его жизни, плод взлелеянной им мечты. На одно мгновение меня пронзила мысль, что мы находимся во власти ловкого и хитрого маньяка. Билл Сканлэн, видимо, подумал то же; он посмотрел на меня с горестной усмешкой и дотронулся до своего лба. Но после этой единственной дикой вспышки Маракот тотчас же взял себя в руки. В самом деле, достаточно было взглянуть на порядок и преду-

смотрительность, которые проявлялись в каждой детали вокруг нас, чтобы отбросить опасения за его рассудок.

Теперь всё наше внимание было поглощено удивительными новыми ощущениями. Кабинка медленно опускалась в океанские глубины. Светло-зелёная вода превратилась в тёмно-оливковую. Потом цвет её сгустился, стал удивительно синим, и этот густо-синий постепенно перешёл в тёмно-пурпурный. Мы спускались всё ниже, ниже: тридцать метров… шестьдесят… девяносто… Трубки действовали превосходно. Мы дышали свободно и естественно, как на палубе. Стрелка глубиномера медленно двигалась по светящемуся циферблату. Сто двадцать… сто пятьдесят… сто восемьдесят метров…

— Как вы себя чувствуете? — прорычал тревожный голос сверху.

— Как нельзя лучше! — крикнул в ответ Маракот.

Но свет убывал. Теперь наступили тусклые серые сумерки.

— Остановитесь! — распорядился Маракот.

Мы перестали двигаться и повисли на глубине двухсот десяти метров ниже поверхности океана. Я услыхал щёлканье выключателя, и нас залил

золотой свет, который выходил сквозь боковые иллюминаторы и посылал длинные мерцающие лучи в окружающие нас водные пустыни. Прильнув лицом к толстому стеклу, каждый у своего иллюминатора, мы увидели зрелище, невиданное ещё ни одним человеком.

До сего времени глубинная жизнь океана была известна только благодаря отдельным рыбам, которые были слишком медлительны, чтобы увернуться от неуклюжего трала, или слишком глупы, чтобы не угодить в невод. Теперь же мы видели удивительный подводный мир таким, каков он есть на самом деле. Океан оказался гораздо населённее земли. Огромные морские пространства, расстилавшиеся перед нами, не уступали Бродвею в субботу вечером, Ломбард-стрит перед праздничным днём. Мы уже прошли те верхние слои, где рыбы либо бесцветны, либо обладают настоящей морской окраской: ультрамариновой сверху и серебряной снизу. Здесь были создания всевозможной окраски и формы, все, какие может породить море. Нежные лептоцефалии проносились сквозь туннель света, как ленточки из серебра. Медленно изгибалась змееобразная мурена — вьюн морских глубин; чёрный морской ёж, в котором только и есть что колючки да рот,

глупо глазел на нас. Порой подплывала каракатица и смотрела на нас человечески-зловещими глазами, мелькала какая-нибудь цистома или глаукус, оживляя всю сцену, подобно цветку. Огромная лошадиная макрель свирепо налетала на иллюминатор, пока не появилась тёмная тень акулы, — и макрель исчезла в её раскрывшейся пасти.

Доктор Маракот сидел с записной книжкой на коленях, заносил в неё свои наблюдения и безостановочно бормотал.

— Что это? Что это? — слышал я. — Да, да, химера мирабилис Майкла Сарса. Подумать только, а вон там лепидион, но, насколько я могу судить, новый вид. Заметьте этого макруруса, мистер Хедли: его окраска отличается от тех, которые попадаются нам в сеть.

Один лишь раз он был застигнут врасплох — когда длинный овальный предмет промелькнул с большой быстротой сверху мимо его окна и оставил позади себя вибрирующий след, тянувшийся как нитка. Признаюсь, я был озадачен не меньше доктора. Загадку разрешил Билл Сканлэн.

— Сдаётся мне, этот простак Джон Свинни опустил свой лот рядом с нами. Решил, видно, напомнить нам, что мы не одни.

— Верно, верно! — сказал, улыбаясь, Маракот. — Новый род глубоководной фауны, мистер Хедли, — с проволочным хвостом и свинцом на носу… Но конечно, им необходимо производить промеры, чтобы держаться над нашей подводной мелью. Всё идёт хорошо, капитан! — крикнул он. — Продолжайте спуск!

И мы опять пошли вниз. Маракот выключил

электрический свет, и всё снова погрузилось в полную темноту, светился лишь фосфоресцирующий циферблат глубиномера, который отмечал наше погружение. Мы чувствовали движение только по лёгкому покачиванию. И лишь движущаяся по циферблату стрелка с несомненностью показывала нам, в каком ужасающем, в каком непостижимом положении мы находимся. Теперь мы были на глубине трёхсот метров, и воздух в кабинке становился спёртым. Сканлэн открыл кран вытяжной трубки, и дышать стало легче. Когда стрелка показала четыреста пятьдесят метров, мы остановились и вновь осветили океанскую глубь. Какая-то большая тёмная масса прошла мимо нас, но мы не могли определить, была ли это меч-рыба, или глубоководная акула, или же какое-нибудь чудовище неизвестной породы. Доктор поспешно выключил свет.

— В этом наша главная опасность! — сказал Маракот. — В глубине водятся такие существа, которым так же легко уничтожить эту бронированную комнату, как носорогу — пчелиный улей.

— Может быть, это киты? — спросил Сканлэн.

— Киты могут забираться и на бóльшую глубину, — ответил учёный. — Об одном гренландском

ките известно, что он утянул около мили каната перпендикулярно вниз. Но кит уходит так глубоко, только когда он ранен или сильно напуган. Это могла быть гигантская каракатица, они встречаются на любой глубине.

— Ну, каракатица небось слишком мягка. Ей нас не продолбить. Но вот смеяться-то она будет, если всё же ухитрится сделать дыру в никелированной стали „Мерибэнкса“.

— Тела их, может быть, и мягки, — ответил профессор, — но клюв большой каракатицы способен продолбить насквозь железный брусок. Один удар этого клюва может просверлить иллюминаторные стёкла толщиной в три сантиметра с такой лёгкостью, словно они сделаны из пергамента.

— Весёленькое дельце! — воскликнул Билл.

Наконец мы почувствовали, что остановились. Толчок был таким лёгким, что мы узнали об остановке, лишь включив свет и увидав вокруг кабинки покойно свернувшиеся кольца каната. Они представляли опасность для наших воздушных трубок, так как могли их запутать, и после приказа Маракота канат подтянули вверх. Циферблат отметил пятьсот сорок метров. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте

на дне Атлантики.

II

В то время мы, вероятно, все чувствовали одно и то же. Не хотелось ни двигаться, ни наблюдать. Нам хотелось просто спокойно посидеть и постараться осмыслить происходящее — ведь мы находились в самом центре одного из величайших океанов мира. Но скоро странные видения вокруг кабинки привлекли нас снова к иллюминаторам.

Кабинка опустилась на густые заросли водорослей („Cutleria multifida“, — определил их Маракот), жёлтые плети которых покачивались вокруг нас под давлением глубоководного течения, совсем как ветви деревьев под ветром. Они были не настолько длинны, чтобы закрыть окружающий вид, но огромные листья их цвета тёмного золота, колыхаясь, проплывали перед иллюминаторами. Под водорослями можно было различить тёмную вязкую массу грунта, так густо усеянную маленькими разноцветными существами — голотуриями, осундиями, ежами и ехинодермами, как весной в Англии берега рек усеяны первоцветом и гиацинтами. Эти живые цветы морских глубин, то ярко-красные, то

тёмно-пурпурные, то нежно-розовые, сплошь устилали угольно-чёрное дно. Там и сям из выступов подводных скал вырастали гигантские губки, изредка проносились рыбы — обитатели более верхних слоёв воды, мелькая, как разноцветные искры, в лучах наших прожекторов.

Как зачарованные смотрели мы на это феерическое зрелище, когда по телефону донёсся встревоженный голос:

— Ну как вы себя чувствуете на дне? Всё ли благополучно? Не оставайтесь слишком долго: барометр падает и мне это не нравится. Достаточно вам воздуха? Нужно ли вам что-нибудь?

— Всё в порядке, капитан! — весело откликнулся Маракот. — Мы не задержимся. Снабжаете вы нас всем чудесно. Комфортабельно, как в каюте. Распорядитесь потихоньку двигать нас вперёд.

Мы вступили в область светящихся рыб и, потушив свет, в абсолютной темноте, где даже светочувствительная пластинка могла бы висеть часами и не запечатлеть ни единого ультрафиолетового лучика, с величайшим интересом наблюдали жизнь фосфоресцирующих обитателей океана. Как будто на фоне чёрного бархата, медленно проплыли блестящие искорки: казалось, это идёт ночью большой пассажирский

пароход, выбрасывающий потоки света через иллюминаторы. У некоторых чудищ были светящиеся зубы, пылавшие в полном мраке, у других — длинные золотистые усы, у третьих язычок пламени качался над головой. Повсюду, насколько хватало глаз, мерцали блестящие точки, и каждое животное спешило по своим делам, освещая себе путь, — ну точь-в-точь таксомоторы на Стрэнде в час театрального разъезда.

Потом мы снова зажгли свет, и доктор стал обозревать морское дно.

— Мы опустились на огромную глубину, и всё же недостаточно глубоко, чтобы увидеть характерные породы низших слоёв океана, — сказал он. — Но ничего не поделаешь. Может быть, в другой раз, с более длинным канатом…

— Типун вам на язык! — взвыл Билл. — Бросьте и думать об этом!

Маракот улыбнулся:

— Ну, вы скоро привыкнете к этим глубинам, Сканлэн. Ведь этот спуск не последний…

— Чёрт знает что! — возмутился Билл.

— Да, привыкнете, и это вам покажется не опаснее, чем спускаться в трюм „Стратфорда“. Вы увидите, мистер Хедли, что дно здесь, насколько мы можем рассмотреть его сквозь плотный

слой животных и губок, состоит из пемзы и чёрного базальта, а это указывает на вулканическое происхождение этого хребта. Пожалуй, это вполне подтверждает моё первоначальное предположение, и мы действительно находимся над вершиной древнего вулкана, а Маракотова бездна, — он произнёс эти слова с явным удовольствием, — не что иное, как его внешний склон. Мне пришло в голову — и это будет весьма любопытно — медленно двигать нашу кабинку до края бездны и посмотреть, какая там геологическая формация. Я надеюсь увидеть обрыв невероятной глубины, уходящий перпендикулярно вниз к самому дну океана.

Этот опыт казался мне опасным: кто знает, насколько крепок наш канат, выдержит ли он, если мы попадём в сильное подводное течение. Но когда дело шло о научных исследованиях, Маракот не думал об опасности. Я затаил дыхание, когда лёгкое содрогание стальной кабинки, раздвигавшей длинные плети колыхавшихся водорослей, показало, что канат натянут крепко и тащит нас за собой. Канат блестяще выдержал нашу тяжесть, и с постепенно возрастающей скоростью мы стали скользить по дну океана. Маракот, с компасом в руке, отдавал по телефону

распоряжения переменить направление или подтянуть кабинку повыше, чтобы перескочить через препятствия.

— Базальтовый хребет вряд ли больше двух километров в ширину, — объяснил он. — По моим соображениям, пропасть расположена западнее того места, где мы опустились. А если так, то мы очень скоро доползём до неё.

Мы беспрепятственно скользили над вулканическим плато, поросшим золотыми водорослями и сверкавшим тысячами фантастических красок.

Вдруг доктор схватил трубку телефона.

— Стоп! — закричал он. — Мы на месте!

Внезапно нам открылась чудовищная пропасть. Жуткое место, такое увидишь разве что в ночном кошмаре! Блестящие чёрные грани базальта круто обрывались вниз, в неизвестное. По краю пропасти росли мохнатые водоросли, как растёт папоротник на краю обрыва где-нибудь на поверхности земли; за этим колышущимся, точно живым, бордюром шла гладкая блестящая стена бездны. Мы не знали, сколь широка эта пропасть, ибо даже наши сильные прожекторы не могли одолеть мрака. Мы зажгли мощный сигнальный фонарь Люка и направили вниз сильный сноп параллельных лучей. Они падали в бездну всё ниже и ниже, не встречая препятствий, пока не затерялись в непроглядном мраке.

— Поистине поразительно! — воскликнул Маракот, и на его худом лице появилось радостное выражение. — Нечего и думать, что такую глубину можно найти ещё где-нибудь. Существует пропасть Челленджера в восемь тысяч метров у Ландронских островов, есть открытая „Планетой“ пропасть в десять тысяч метров близ Филиппин и ряд других, но, по всей вероятности, Маракотова бездна совершенно исключительна по крутизне спуска и представляет тем больший интерес, что она укрылась от наблюдений всех гидрографических экспедиций — а их было немало, — составлявших карту Атлантики. Едва ли можно сомневаться, что…

Он замер на полуслове, и на лице его застыло выражение любопытства и удивления. Мы с Биллом бросились к иллюминатору и окаменели при виде поразительного зрелища. Какое-то крупное животное поднималось к нам из глубины по световому туннелю. Оно было ещё далеко и освещено слабо, и мы едва могли различить огромное чёрное тело, медленными хищными движениями поднимавшееся всё выше и выше. Оно загребало каким-то непонятным образом и вот уже, тускло отсвечивая, появилось у края пропасти, и теперь, при ярком свете, мы смогли

его рассмотреть. Это было существо, неизвестное науке, но в нём был ряд особенностей, известных каждому из нас. Это чудовище, слишком длинное для гигантского краба и слишком короткое для гигантского рака, больше всего походило на морского рака: две огромные клешни торчали у него по бокам, а пара тяжёлых громадных усов вибрировала над чёрными, круглыми злыми глазами навыкате. Панцирь светло-жёлтого цвета в окружности метра три, а в длину, не считая усов, чудовище было не меньше десяти метров!

— Поразительно! — воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. — Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы — род Crustaceae, вид неизвестен. Crustaceus Maracoti. Почему бы и не так, а?

— Чёрт с ним, с его именем! Ей-ей, оно лезет прямёхонько на нас! — закричал Билл. — Слушайте, док, а не лучше ли нам выключить свет?

— Одну минутку! Только набросаю его очертания! — воскликнул натуралист. — Да-да, теперь тушите.

Он щёлкнул выключателем, и мы снова очутились в непроглядной тьме, прорезаемой фосфоресцирующими точками, пролетавшими, как метеоры в безлунную ночь.

— В жизни не видал более мерзкой скотины, — проворчал Билл, вытирая пот со лба. — Чувствуешь себя как наутро после попойки.

— Он и в самом деле страшен на вид, — заметил Маракот, — но, вероятно, ещё страшнее иметь с ним дело и испытать силу его клешней. Однако в стальной кабинке мы в полной безопасности и можем наблюдать его в своё удовольствие…

Только он произнёс эти слова, как по внешней стенке точно киркой ударили. Потом царапанье, скрежет и новый удар…

— Слушайте, ему хочется к нам! — в ужасе закричал Билл. — Нет, право, надо было написать на дверях: „Посторонним вход запрещается“.

Он старался шутить, но дрожащий голос выдавал его волнение. Сознаюсь, что и у меня поджилки затряслись, когда я убедился, что чудовище ощупывает нашу кабинку, размышляя, что это за странная банка и найдётся ли в ней съестное, если умеючи её вскрыть.

— Он не может нам повредить, — сказал Маракот, но в голосе его не чувствовалось уверенности. — Пожалуй, лучше его стряхнуть.

И он крикнул в телефонную трубку капитану:

— Поднимите нас на десять-пятнадцать метров!

Через несколько минут мы поднялись над равниной из лавы и закачались в спокойной воде. Но дьявольский рак не отставал. Вскоре мы услышали царапанье и постукивание клешней, которыми он продолжал ощупывать кабинку. Было жутко сидеть в темноте и чувствовать смерть в двух шагах от себя. Выдержит ли стекло, если по нему стукнет огромная клешня? Этот безмолвный вопрос волновал каждого из нас.

Но вскоре выявилась новая страшная опасность. Постукивание перешло на крышу, и мы почувствовали лёгкое покачивание.

— Доктор! — крикнул я отчаянно. — Он задел за канат! Он оборвёт его!

— Слушайте, док, дуем наверх! Довольно мы насмотрелись всего, Билл Сканлэн хочет домой к маме! Позвоните мальчику, пусть поднимает лифт…

— Но мы и половины не исследовали! — закаркал Маракот. — Мы только ещё начали обследовать края пропасти. Измерим хотя бы её ширину. Когда мы доберёмся до противоположного края, я согласен вернуться на поверхность.

И он крикнул в трубку:

— Всё в порядке, капитан! Двигайтесь со скоростью двух узлов, пока я не скажу „стоп“.

Мы медленно двинулись над краем бездны. Раз темнота не спасла нас от нападения, мы включили свет. Одно окно было совершенно закрыто брюхом чудовища. Голова и огромные клешни работали на крыше, и удары по кабинке звучали как погребальный колокол. Чудовище обладало невероятной силой. Никогда ещё смертному не приходилось быть в таком положении: километры воды внизу — и злобное чудовище сверху! Качка усилилась. И вот мы почувствовали, что чудовище дёргает канат! Трубка принесла испуганный крик капитана, а Маракот вскочил, в отчаянии всплеснув руками. Даже внутри кабинки мы слышали скрежет перетираемого каната, звон и свист рвущейся проволоки — и через мгновение мы уже падали в бездонную пропасть.

У меня до сих пор в ушах звенит дикий крик Маракота.

— Канат оборван! Мы пропали! Всё погибло! — вопил он. Потом, схватив телефонную трубку, отчаянно крикнул: — Прощайте, капитан, прощайте все!

Это были наши последние слова, обращённые к людям на земле.

Падение наше не было стремительным, как вы, наверно, ожидаете. Несмотря на солидный вес, пустая внутри кабинка создавала некоторое неустойчивое равновесие, и мы опускались в пропасть медленно и постепенно. Я слышал протяжный скрип, когда мы выскальзывали из страшных объятий чудовища, послужившего причиной нашей гибели; и затем, медленно вращаясь, широкими кругами, мы стали спускаться в бездонную пропасть. Прошло, наверное, не больше пяти минут, но нам они показались часом, когда телефонный провод натянулся и лопнул с тихим стоном, как струна. В ту же минуту лопнула и проводящая воздух трубка, и сквозь отверстие стала по каплям просачиваться солёная вода. Опытные, проворные руки Билла Сканлэна мигом перетянули конец резиновой трубки узлами, и вода перестала течь; а доктор

отвинтил пробку, и из баллона с лёгким свистом стал выходить сжатый воздух. Затем лопнул электрический провод, и мгновенно потух свет, но доктор в темноте добрался до аккумуляторов, и на потолке вспыхнули лампочки.

— Света нам хватит на неделю, — проговорил он с кривой усмешкой. — Во всяком случае, мы умрём при свете…

Потом он с досадой покачал головой, и его аскетическое лицо озарилось доброй улыбкой.

— Мне, собственно, всё равно. Я старик, довольно пожил, и моя роль в мире сыграна. Единственное, о чём я сожалею, — зачем я вовлёк двух молодых людей в это опасное предприятие. Я должен был рисковать один.

Я просто и горячо пожал ему руку, не в силах произнести ни слова. Билл Сканлэн тоже молчал. Мы медленно опускались, измеряя скорость падения по теням рыб, поднимавшихся вверх мимо окон. Казалось, что это рыбы поднимаются вверх, а не мы опускаемся вниз. Кабинка сохраняла равновесие, хотя мне казалось, что мы каждую минуту можем перевалиться набок или перевернуться вверх дном. К счастью, наш вес был хорошо сбалансирован, и мы шли ко дну в стоячем положении. Случайно взглянув на

глубиномер, я увидел, что мы опустились уже на глубину тысячи шестисот метров.

— Видите, всё выходит так, как я предсказывал, — заметил Маракот с мрачным удовлетворением. — Не мешало бы вам ознакомиться с моим докладом Океанографическому обществу о соотношении давления и глубины. Как бы мне хотелось написать хоть несколько строк туда, наверх, чтобы пристыдить Бюлова из Гессена, который осмелился мне возражать.

— Чёрт подери! Будь у меня такая возможность, я бы не стал тратить её на споры с этим тупоумным ослом! — воскликнул механик. — В Филадельфии живёт одна крошка; когда она узнает, что больше уже не увидит Билла Сканлэна, её прелестные глазки наполнятся слезами. Да, что и говорить, хорошенький мы выбрали путь к нашим предкам.

— Вам не следовало опускаться с нами, — сказал я, пожав ему руку.

— Я счёл бы себя последней дрянью, если б остался наверху, — ответил он. — Нет, это моя прямая обязанность, и я рад, что исполнил её.

Мы помолчали.

— Долго ли ещё? — спросил я доктора.

Он пожал плечами.

— У нас ещё будет время осмотреть дно бездны, — ответил он тихо. — Воздуха в баллоне хватит больше чем на полдня. Опасность в другом — в продуктах выдыхания. Они задушат нас. Если бы мы смогли выпускать углекислоту!

— Это, по-видимому, невозможно.

— У нас есть баллон кислорода. Я захватил его на всякий случай. Вдыхая его время от времени, мы как-нибудь продержимся ещё… Взгляните на глубиномер: мы опустились уже больше чем на три километра.

— Да стоит ли бороться за жизнь? Чем скорее наступит конец, тем лучше, — заметил я.

— Это верно! — подтвердил Сканлэн. — Раз, два — и не копайся!

— И отказаться от поразительного зрелища, которого ещё не видел ни один человек на свете? — возразил Маракот. — Это предательство по отношению к науке! Будем записывать свои наблюдения, даже если им суждено погибнуть вместе с нами. Надо довести игру до конца.

— Да вы молодчага, док! — воскликнул Скан-лэн. — Вы нам сто очков вперёд дадите. Ладно, будем играть до последнего грошика!

Мы терпеливо уселись втроём на диван, крепко вцепившись в его ручки; кабинка, колыхаясь и поворачиваясь, опускалась, и рыбы мелькали вверх мимо иллюминаторов…

— Уже пять километров, — заметил Маракот. — Я выпущу немного кислорода, мистер Хедли. Становится очень душно. Забавно, — сухо усмехнулся он, — теперь-то эта бездна уж во всяком случае будет называться бездной Маракота. Когда капитан Хови привезёт эти новости, мои коллеги позаботятся, чтобы эта бездна стала не только моей могилой, но и памятником мне. Даже Бюлов из Гессена…

И он стал бормотать о каких-то своих учёных обидах.

Потом мы снова сидели в тишине и следили, как стрелка подползает к семи километрам. Один раз мы задели за что-то тяжёлое и ударились с такой силой, что чуть не перевернулись набок. Может быть, это была крупная рыба, а может, выступ скалистой стены, вдоль которой мы низвергались вниз. Прежде нам казалось, что хребет находится на страшной глубине, теперь же, когда мы смотрели на него из этой ужасной пропасти, он, на наш взгляд, был чуть ли не на поверхности океана.

Мы всё плыли, вращаясь и описывая круги, сквозь тёмно-зелёные водные пустыни. Циферблат глубиномера показывал семь тысяч шестьсот метров.

— Мы приближаемся к концу путешествия, — сказал Маракот. — Глубиномер Скотта в прошлом году показал восемь тысяч сто сорок пять метров в самом глубоком месте. Может быть, кабинка разлетится от удара. Может быть…

В эту минуту мы „причалили“.

Ни одна любящая мать не опускала с такой нежностью своего первенца на пуховую перинку, как мы опустились на дно Атлантического океана. Толстый эластичный слой мягкого ила, на который мы сели, сыграл роль идеального буфера и спас нас от гибели. Мы боялись шевельнуться на диване, и не напрасно, ибо кабина опустилась краем на выступ скалы, покрытый вязким, желатинистым илом, и на нём мы покачивались, с трудом сохраняя равновесие и ежеминутно рискуя перевернуться. Но через некоторое время кабина утвердилась и застыла неподвижно.

В это мгновение доктор Маракот, пристально смотревший в окно, удивлённо вскрикнул и выключил свет.

Каково же было наше удивление, когда оказалось, что и без электричества мы всё видим. Тусклый рассеянный свет вливался через иллюминаторы в кабинку, как холодное сияние морозного утра. Мы поспешили к окнам и, не при-

бегая к свету прожекторов, могли рассмотреть окружающее метров на триста во всех направлениях. Это было непостижимо, невероятно, и, однако, спорить с очевидностью не приходилось. Дно океана было освещено!

— А почему бы и нет? — воскликнул Маракот после минутного молчания. — Разве я не предвидел этой возможности? Из чего состоит этот ил? Разве это не продукт разложения биллионов микроскопических органических существ? И разве разложение не сопровождается фосфорическим свечением? Да где же и наблюдать такое свечение, как не здесь? Ах, какая досада — видеть такие изумительные вещи и не иметь возможности сообщить об этом миру!

— Но позвольте, — возразил я, — мы вытаскивали по полтонны ила и никогда не замечали подобного свечения!

— Ну да, очевидно, пока ил поднимали на поверхность, он терял способность фосфоресцировать. Да и что такое полтонны в сравнении с этими безграничными равнинами ила? И смотрите, смотрите, — вдруг возбуждённо вскричал он, — глубоководные существа пасутся на этом органическом ковре, как земные стада на лугу!

Стая крупных чёрных рыб, толстых и непово-

ротливых, проплыла над самым дном, то и дело поклёвывая что-то. Потом появилось ещё какое-то красное неуклюжее существо, вроде морской коровы; оно меланхолично жевало жвачку перед моим окном. Другие такие же животные паслись тут и там; иногда они поднимали голову и посматривали на странный предмет, так неожиданно появившийся среди них. Я не мог не восхищаться Маракотом, который в этой мрачной обстановке, когда слышалось уже дыхание смерти, повиновался зову науки и лихорадочно записывал свои наблюдения. Не так педантично и углублённо, как он, я, однако, тоже наблюдал, и эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Дно океана состоит из красной глины, но здесь поверх неё лежал слой серой глубоководной слизи, образовавший волнистую равнину. Насколько хватало глаз, равнина не была ровной, её пересекали странные круглые холмики, вроде того, на который мы сели, светившиеся всеми цветами радуги. Между холмиками плавали крупные стаи причудливых рыб, большей частью неизвестных науке; они были окрашены во все цвета с преобладанием чёрного и красного. Маракот рассматривал их со сдержанным волнением и делал заметки в записной книжке.

Воздух в кабинке стал очень тяжёлым, и снова мы спаслись, вдохнув кислорода. Как ни странно, мы все чувствовали свирепый, прямо волчий голод и с жадностью набросились на консервированное мясо, хлеб с маслом и виски с водой, предусмотрительно захваченные Маракотом. Немного подкрепившись и освежившись, я поудобнее уселся у иллюминатора, и мне страстно захотелось в последний раз закурить, как вдруг я увидел нечто поднявшее у меня в голове настоящий вихрь мыслей.

Я уже упомянул, что волнистая серая долина была вся испещрена маленькими холмиками. Один, более крупный, высился перед моим окном метрах в десяти. На нём был какой-то странный знак. Присмотревшись к другим холмикам, я с изумлением заметил, что знак этот опоясывает всю видимую мне часть холма. На пороге смерти не так-то легко поддаться постороннему впечатлению, но у меня замерло дыхание и сердце на миг остановилось, когда я догадался, что эти знаки не что иное, как фриз, и что фигуры эти, потерявшие от времени чёткость очертаний, были когда-то, несомненно, высечены рукою человека! Маракот и Сканлэн подбежали к иллюминатору и с изумлением смотрели на эти следы вездесу-

щей деятельности человека.

— Ей-ей, это резьба! — воскликнул Сканлэн. — Верьте слову, эта площадка была когда-то крышей здания! Да и все эти холмики тоже были домами. Слушайте, хозяин, да ведь мы без пересадки приехали в настоящий город!

— Да, это древний город, — ответил Маракот. — Геологи утверждают, что некогда моря были материками, а на месте материков были моря, но я всегда отрицал теорию, что в столь недавние сравнительно времена, как четвертичный период, в Атлантике могли быть какие-нибудь серьёзные катастрофы. Оказывается, рассказ Платона о египетской легенде[80] имеет под собой почву. А эти формации подтверждают теорию, что дно океана осело в результате весьма недавней вулканической деятельности.

— Эти холмики довольно правильно расположены, — заметил я. — Я начинаю думать, что это не отдельные дома, а купола и своего рода украшения крыши одного крупного здания.

---

[80] Notes: 80

Имеется в виду рассказ греческого философа Платона (в диалогах «Тимей» и «Критий») об Атлантиде, континенте, занимавшем, по преданию, значительную часть Атлантического океана. Платон, как утверждается, записал этот рассказ со слов Солона, греческого мудреца и законодателя, в свою очередь всё это узнавшего со слов одного египетского жреца.

— Пожалуй, вы правы, — подтвердил Сканлэн. — Вот посмотрите, четыре крупные по краям и мелкие между ними, как по линейке. А интересно бы посмотреть всё это сооружение! Да в него можно запихать весь завод „Мерибэнкса“, и ещё место останется.

— Непрерывное осаждение морских отложений погребло его до самой кровли, — сказал Маракот. — Но с другой стороны, здание совсем не разрушено. На большой глубине мы наблюдаем постоянную, устойчивую температуру в тридцать два градуса по Фаренгейту[81], и она препятствует процессу разрушения. Даже разложение глубоководных органических осадков, которые устилают дно океана и иногда освещают его, видимо, происходит очень медленно. Но послушайте, это же вовсе не фриз, а надписи!..

Он, без сомнения, был прав. Одни и те же знаки виднелись в разных местах. Конечно же, это были буквы какого-то древнего алфавита.

— Я изучал финикийские памятники письменности, и там встречаются очень похожие начертания, — продолжал он. — Ну, друзья мои, мы с вами увидели погребённый античный го-

---

[81] Notes: 81
Соответствует 0° по Цельсию.

род, и это поразительное открытие унесём с собой в могилу. Больше уже ничего не узнать: наша книга знаний прочитана. Я согласен с вами: чем скорее наступит конец, тем лучше!..

Жить нам теперь оставалось совсем недолго. Воздух был тяжёлый, спёртый. Он так был пропитан углекислотой, что живительная струя сжатого кислорода с трудом выходила из баллона. Встав на диван, можно ещё было глотнуть чистого воздуха, но отравленная зона поднималась всё выше и выше. Доктор Маракот безнадёжно сложил руки и опустил голову на грудь. Сканлэн, отравленный углекислотой, вдруг сполз на пол. У меня кружилась голова и грудь точно налилась свинцом. Я закрыл глаза и стал терять сознание. Потом снова открыл их, чтобы в последний раз увидеть то, что покидал навсегда, и тут же с хриплым криком изумления вскочил на ноги.

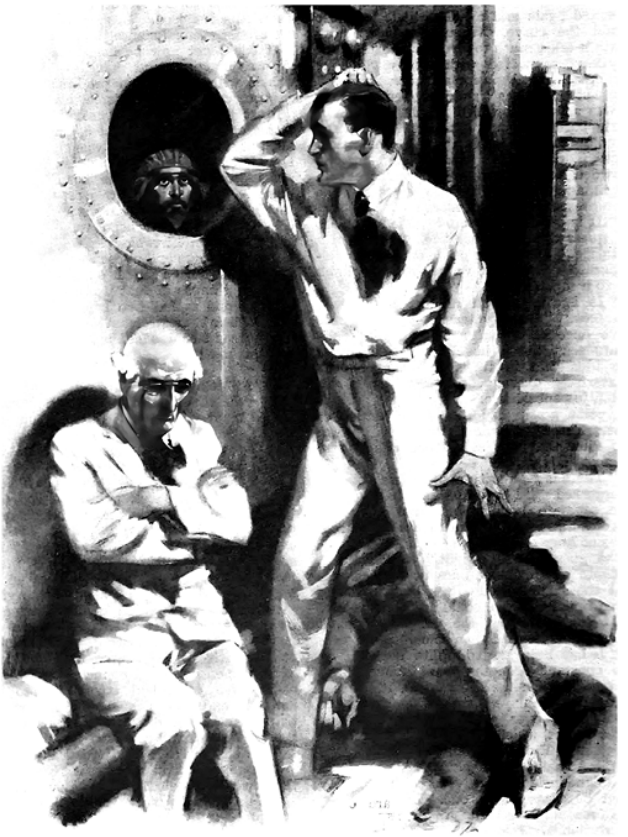
К иллюминатору прильнуло лицо человека.

Может, это привиделось мне в бреду? Я вцепился в плечо Маракота и затряс его изо всех сил. Доктор очнулся, выпрямился и, широко раскрыв глаза, безмолвно впился глазами в призрак. Раз и он его увидел, значит это не галлюцинация. Лицо было длинное, узкое, смуглое, с острой бородкой клинышком, живые глаза быстро, пытливо

осмотрели внутренность кабинки, и по выражению этих глаз я увидел, что наше положение ему понятно. Он был явно поражён. Электричество горело полным светом, и человеку снаружи наша кабинка представлялась камерой смерти, где один человек уже лежал без чувств, а двое других, с искажёнными, страшными лицами умирающих, отравленные углекислотой, смотрели на него через иллюминатор. Мы оба хватались руками за горло: нам нечем было дышать. Человек снаружи махнул нам рукой и исчез.

— Он бросил нас! — воскликнул Маракот.

— Или пошёл за помощью. Поднимем Сканлэна. На полу он умрёт!



Мы втащили механика на диван и уложили его голову на подушки. Лицо у него посерело, он что-то бормотал в забытьи, но пульс ещё прощупывался.

— Ещё есть надежда! — прохрипел я.

— Но это сумасшествие! — крикнул Маракот. — Разве человек может жить на дне океана? Как он дышит? Это массовая галлюцинация! Мой молодой друг, мы сходим с ума.

И, взглянув на унылый, пустынный, серый ландшафт за окном, я подумал, что, наверно, Маракот прав. Потом мне почудилось движение за окном. Где-то вдали появились туманные тени. Вскоре они превратились в движущиеся фигуры. По дну океана к нам спешила толпа людей.

Через минуту они собрались перед окном и, размахивая руками и жестикулируя, о чём-то оживлённо спорили. Среди толпы было несколько женщин. Один из мужчин, коренастый, большеголовый, с чёрной бородой, видимо, был предводителем. Он зорко осмотрел нашу стальную скорлупу и, благодаря наклону кабины, заметил, что в полу имеется трап. Послав куда-то одного из своих спутников, предводитель стал энергично жестикулировать, приказывая нам открыть трап изнутри.

— Почему бы и не открыть? — спросил я. — Не всё ли равно, утонуть или задохнуться? У меня уже больше нет сил.

— Мы не должны утонуть, — ответил Маракот. — Вода, входящая снизу, встретит сопротивление воздуха и дальше определённой высоты не дойдёт. Дайте Сканлэну глоток коньяка. Пусть сделает последнее усилие и выпьет.

Я влил коньяк в горло механика. Он судорожно глотнул и удивлённо огляделся. Мы поставили беднягу на диван и, встав по обе стороны, держали его. Он всё ещё не совсем пришёл в себя, но я в двух словах объяснил ему положение.

— Если вода дойдёт до батарей, возможно отравление хлором, — сказал Маракот. — Надо дать кислороду вытекать свободно: чем больше будет давление, тем меньше войдёт воды. Так... Теперь помогите мне поднять трап.

Мы налегли всей тяжестью и медленно отвалили круглую крышку в полу нашего прибежища, но мне казалось, мы совершаем самоубийство. Зеленоватая вода, шипя и сверкая под лучами ламп, потоками ворвалась в кабинку. Она быстро залила пол, дошла нам до колен, до груди и тут остановилась. Но давление воздуха было непереносимо. У меня кружилась голова и в ушах

шумело. В такой атмосфере долго не проживёшь. Только ухватившись за верхнюю сетку, мы удержались от падения в воду.

Так, стоя, мы уже не могли смотреть в окна и не знали, какие меры подводные люди принимают для нашего освобождения. Казалось совершенно невероятным, что нам могут прийти на помощь, но у этих людей, и особенно у предводителя, был такой энергичный и обнадёживающий вид, что у нас невольно появились надежды на спасение. Вдруг нам показалось, что он смотрит на нас через круглое отверстие внизу сквозь воду, а через мгновение он пролез через трап, поднялся на диван, встал рядом с нами — низенький, коренастый, плотный, не выше моего плеча. Его большие карие глаза осматривали нас, и в них светилось желание ободрить: казалось, он хотел сказать: «Бедняги, вы думаете, что всё кончено, а я отлично знаю, как отсюда выбраться».

И только теперь я заметил одно очень странное обстоятельство. Человек этот, если только он и в самом деле принадлежал к одному с нами племени, носил прозрачный колпак, который обволакивал весь его торс и голову, оставляя свободными руки и ноги. Колпак был так удивительно прозрачен, что в воде его не было видно,

но теперь, на воздухе, он блестел, как серебро, оставаясь в то же время идеально прозрачным. На плечах у человека были странные наплечники с отверстиями и завязками, плотно облегавшими грудь. Наплечники имели вид маленьких продолговатых ящичков с многочисленными дырочками и напоминали эполеты.

Когда наш новый друг присоединился к нам, в отверстии в полу появился ещё какой-то человек и протиснул в него нечто вроде большого стеклянного шара. За первым шаром последовал второй, третий, все они быстро поднялись вверх и поплыли по поверхности. Затем таким же путём были переданы шесть маленьких ящичков, и прикреплёнными к ним завязками наш новый знакомый привязал нам по два ящичка на плечи — получилось совсем как у него. Внезапно я начал понимать, что в этом не было ничего сверхъестественного, ничего противоречащего законам природы: один из ящичков был, несомненно, оригинальным источником свежего воздуха, другой — поглотителем отработанных продуктов дыхания. Потом незнакомец натянул нам на голову прозрачные колпаки, охватив плечи и грудь эластичными завязками, не позволявшими воде проникнуть внутрь колпака. Дышать под

колпаком было совсем легко, и я с радостью увидел, что у Маракота снова бодро заблестели глаза из-под очков, а широкая улыбка Билла Сканлэна убедила меня, что животворный кислород сделал своё дело и Билл окончательно поправился. Наш спаситель удовлетворённо оглядел нас, потом махнул рукой, приглашая следовать за ним через трап в полу на дно океана. Дюжина дружеских рук протянулась, чтобы помочь нам вылезти и направить первые неуверенные шаги по вязкому глубокому илу.

Даже теперь я не могу забыть этого чуда. Маракот, Сканлэн и я, живые и невредимые, стояли на дне океана, на дне подводной пропасти в восемь километров глубиной! Куда девалось ужасающее давление, смущавшее умы стольких исследователей? Оно мешало нам не больше, чем хрупким рыбам, плававшим вокруг нас. Правда, наши головы и тела были надёжно защищены тонкими прозрачными шарами, упругими, но крепкими, как броневая сталь, руки же и ноги, остававшиеся свободными, чувствовали лишь плотную среду воды, которую вскоре перестаёшь замечать, — и ничего больше! Как хорошо было стоять всем вместе в группе бородатых людей и смотреть на только что покинутую нами тюрьму! Мы забыли

выключить аккумуляторы, и кабина наша представляла фантастическое зрелище: из круглых окон вырывались жёлтые снопы электрического света и, привлечённые им, к окнам устремились стада рыб. Но вот предводитель взял Маракота за руку, и мы двинулись за ним сквозь плотную водную среду, тяжело ступая по скользкому илу.

И тут произошла странная история, удивившая наших новых друзей ничуть не меньше, чем нас. У нас над головой появился небольшой тёмный предмет; он быстро спускался к нам из темноты и лёг на дно со свинцовым грузом, спущенный со „Стратфорда“ в пропасть, которая навсегда теперь будет связана с памятью о нашей экспедиции.

Мы поняли, что наверху разгадали сущность происшедшей трагедии, но никому и в голову не могло прийти, что лот опустится почти у самых наших ног. Лот неподвижно лежал на дне, но капитан, вероятно, не знал, что он достиг дна. Рядом со мной тянулся вверх тонкий проволочный канатик длиной восемь километров, соединявший меня с нашим судном. Ах, если бы можно было написать записку и привязать к канатику! Абсурдная мысль… Но почему бы не послать наверх какой-нибудь знак, который покажет капитану, что мы всё ещё живы?

Верхняя часть моего тела, прикрытая прозрачным колпаком, была недосягаема, но руки оставались свободными, и в кармане брюк у меня, по счастью, оказался носовой платок. Я быстро выхватил его и привязал к лоту. В тот же миг сработал автоматический механизм, отделил свинцовый груз, и белый лоскут быстро понёсся вверх, в тот мир, который я, наверно, никогда больше не увижу.

Наши новые знакомые внимательно и с большим интересом обследовали тридцатикилограммовый груз свинца, наконец подняли его и понесли с собой.

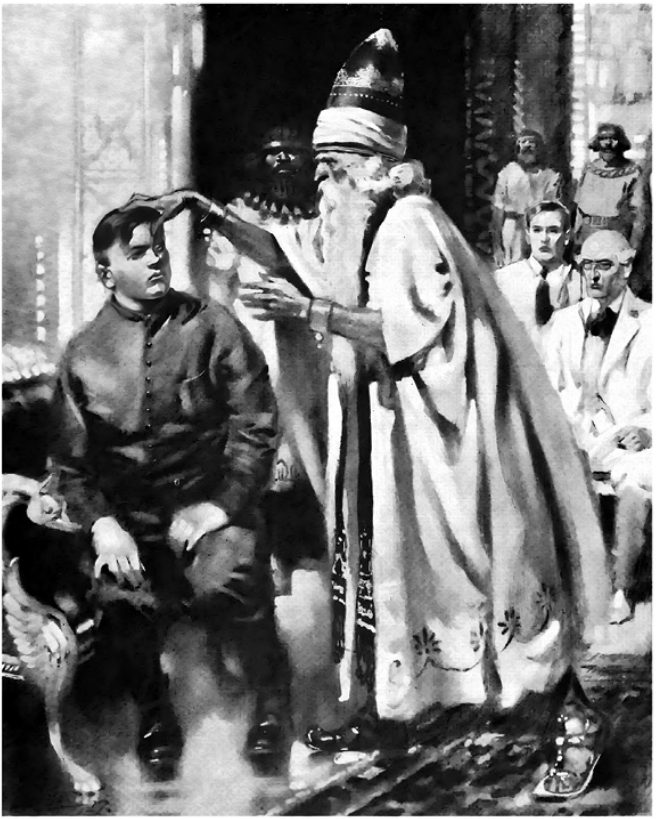
Мы прошли не более сотни метров, пробираясь среди холмиков, и остановились перед небольшой квадратной дверью с массивными колоннами по бокам и какой-то надписью на дверной перемычке. Дверь была открыта, и мы вошли в большое пустое помещение. Управляемая скрытым, чётко работавшим механизмом, тяжёлая каменная дверь немедленно захлопнулась.

Под своими колпаками мы, разумеется, ничего не могли слышать, но, постояв несколько минут, убедились, что пришёл в действие какой-то огромный насос, потому что уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Меньше чем через четверть часа мы стояли на слегка сыром полу, выложенном каменными плитами, а наши новые друзья хлопотливо освобождали нас от ненужных теперь прозрачных колпаков. И вот мы уже стоим в тёплой, хорошо освещённой комнате и жадно вдыхаем совершенно чистый воздух, а смуглые обитатели бездны, улыбаясь и болтая, толпятся вокруг нас, пожимают нам

руки и дружески похлопывают по плечу. Они говорили на странном языке; мы не понимали ни слова, но улыбки на лицах и ласковые взгляды были понятны даже на глубине восьми километров под уровнем океана. Повесив прозрачные колпаки на многочисленные крючки по стенам комнаты, бородатые незнакомцы стали ласково подталкивать нас к внутренней двери, за которой открывался длинный покатый каменный коридор. Когда и эта дверь автоматически захлопнулась за нами, ничто больше не напоминало нам о том невероятном обстоятельстве, что мы оказались невольными гостями неизвестного народа на дне Атлантического океана и навсегда оторваны от того мира, где родились и жили.

Теперь, когда страшное напряжение отпустило нас, мы вдруг почувствовали, как мы измучены. Даже Билл Сканлэн, этот неугомонный геркулес, еле отдирал ноги от пола, а мы с Маракотом рады были, что можно повиснуть на руках проводников. И всё же, несмотря на смертельную усталость, я внимательно глядел по сторонам и всё замечал. Совершенно очевидно, что воздухом здание снабжала какая-то мощная машина, ибо он ритмически вырывался струями из маленьких круглых отверстий в стенах. Свет рассеянный,

флюоресцентный, того вида, который занимал умы европейских инженеров с тех пор, как научились обходиться без лампы и без нити накала. Свет исходил из длинных цилиндров прозрачного стекла, подвешенных к карнизам коридоров. Наконец мы вошли в обширную гостиную, всю устланную толстыми коврами и обставленную золочёными креслами и низкими диванчиками, при виде которых мне смутно вспомнились гробницы египетских фараонов. Провожатые наши разошлись, остался лишь глава отряда и два его помощника.



— Манд! — повторил он несколько раз, ударяя себя в грудь.

Потом стал указывать по очереди на нас и повторять наши имена: Маракот, Хедли и Скандлэн, — пока не научился выговаривать их вполне правильно. Потом он усадил нас и сделал знак одному из помощников, который тотчас вышел и скоро вернулся в сопровождении глубокого старика с седыми кудрями и длинной бородой, с забавной конической шапкой чёрного бархата на голове. Я забыл сказать, что все эти люди были одеты в цветные туники, достигавшие колен, и обуты в сандалии не то из рыбьей, не то из шагреневой кожи.

Почтенный незнакомец, очевидно, был врач. Он по очереди осмотрел нас, возлагая каждому руку на голову и закрывая глаза — так он составлял впечатление о физическом состоянии пациента. Очевидно, обследование ни в какой степени его не удовлетворило, потому что он недовольно покачал головой и сказал несколько сердитых слов Манду. Манд сейчас же снова отрядил одного из помощников, тот принёс поднос с кушаньями и кувшин вина и поставил их перед нами. Мы были слишком измучены, чтобы задумываться над тем, что это за еда, но, поевши, почувствова-

ли себя лучше. После этого нас повели в другую комнату, где были приготовлены три постели, и я немедленно свалился на первую попавшуюся. Смутно помню, что подошёл Билл Сканлэн и присел на край моей постели.

— Послушайте, Хедли, — сказал он, — этот глоток коньяка спас мне жизнь. Но где мы, собственно, находимся?

— Я знаю столько же, сколько и вы.

— Что ж… — сказал он сонным голосом и пошёл к своей постели. — Я готов отправиться на боковую. А выпивка у них ничего. Слава богу, Вольдштеду[82] сюда не добраться.

Больше я не услышал ничего, ибо погрузился в такой глубокий сон, какого не припомню, кажется, за всю жизнь.

---

[82] Notes: 82

Эндрю Джон Вольдштед (1860–1947) — американский конгрессмен. В 1919 г. добился проведения в конгрессе закона о запрещении производства, продажи и перевозки спиртных напитков.

III

Придя в себя, я сперва никак не мог понять, где нахожусь. События прошлого дня казались далёким кошмаром, и я никак не мог примириться с мыслью, что мне придётся принимать их как факты. Я с удивлением оглядывал большую комнату без окон, стены, выкрашенные в спокойные цвета; увидел полосы мерцающего красноватого света у потолка и две другие постели — с одной из них доносился тонкий, с присвистом храп Маракота, знакомый мне ещё по „Стратфорду“. Всё это было слишком странно, чтобы в это поверить, и, лишь потрогав одеяло, сотканное из сухих волокон неизвестного мне морского растения, я убедился, что всё то невероятное, что приключилось с нами, — не сон, а действительность. Я всё ещё не мог освоиться с этой мыслью, как вдруг раздался взрыв хохота и Билл Сканлэн вскочил с постели.

— Доброе утро, Хедли! — крикнул он мне, не переставая смеяться.

— Вы сегодня в хорошем настроении, — ответил я несколько раздражённо. — Не вижу особых причин для восторгов.

— Я тоже, как и вы, повесил было нос, когда проснулся, — ответил он. — Потом мне пришла забавная штука в голову, и я расхохотался.

— А что за штука? Я бы тоже не прочь посмеяться.

— Да вот, Хедли, я подумал, как чертовски забавно было бы нам вчера прицепиться к этому самому лоту. Ведь в этих прозрачных колпаках мы бы прелесть как дышали. Старик Хови поглядел бы — а мы все вылезаем из воды. Он бы решил, что выудил нас, это как пить дать. Вот бы здорово получилось!

Наш дружный хохот разбудил доктора Маракота, который сел на постели с тем же выражением удивления на лице, что за минуту до того было и у меня. Я позабыл о своих заботах, слушая сперва его отрывистые восклицания, потом выражение необузданной радости при виде столь обширного поля для новых исследований, затем горькие жалобы, что он не сможет поделиться своими замечательными наблюдениями с земными коллегами. Наконец, излив свои жалобы, доктор перешёл к более насущным нуждам.

— Сейчас девять часов, — сказал он, посмотрев на часы.

Мы сверили по своим часам: девять. Только вот

вопрос: дня или вечера?

— Надо нам завести календарь, — предложил Маракот. — Мы совершили спуск третьего октября. Сюда мы попали к вечеру того же дня. Вопрос: сколько времени мы проспали?

— Да не меньше месяца, чёрт возьми! — ответил Билл Сканлэн. — Ни разу я ещё не спал так крепко с тех пор, как Микки Скотт уложил меня на шестом раунде, когда мы с ним боксировали на фабрике.

Мы вымылись и оделись, ибо всё, что для этого требовалось, оказалось тут же, под рукой. Но дверь была заперта, и было очевидно, что мы пленники. Несмотря на видимое отсутствие вентиляции, воздух был удивительно чист, и мы вскоре обнаружили, что он вливается в комнату через небольшие отверстия в стенах. Отопление было, очевидно, центральное, потому что, хотя печки здесь не было, в комнате было тепло. Вдруг я заметил на стене кнопку и нажал её. Это, как я и ожидал, был звонок, ибо дверь тотчас распахнулась и на пороге появился маленький смуглый человечек в жёлтой тунике. Он вопросительно смотрел на нас тёмными ласковыми глазами.

— Мы голодны, — сказал Маракот. — Дайте нам, пожалуйста, поесть.

Человечек покачал головой и улыбнулся. Ясно было, что он не понимает нас.

Сканлэн попытал счастья, изъяснив ему наши желания на крепком американском жаргоне, на что слуга ответил той же любезной, но непонимающей улыбкой. Когда же я открыл рот и выразительно пожевал палец, наш страж усиленно закивал и быстро исчез.

Через десять минут дверь снова распахнулась, и двое в жёлтых одеждах вкатили столик на колёсах. Будь мы в „Балтимор-отеле“, нам бы не сервировали лучшего завтрака. Здесь были кофе, горячее молоко, булочки, какая-то восхитительная плоская рыба и мёд. С полчаса мы были слишком заняты, чтобы обсуждать, что именно мы едим и откуда всё это явилось. Когда всё было съедено, снова вошли слуги, выкатили столик и тщательно заперли за собой дверь.

— Честное слово, я исщипал себя до синяков, — заявил Билл. — Спим мы или нет, позвольте вас спросить? Слышите, док, вы нас сюда притащили, и ваша святая обязанность — объяснить нам, у кого мы, собственно, в гостях.

Доктор покачал головой.

— Для меня это тоже сон, — сказал он, — но какой изумительный сон! Что бы можно было

рассказать миру, сумей мы передать туда наш рассказ!

— Ясно одно, — заметил я, — что в легенде об Атлантиде была правда и часть погибшего народа спаслась каким-то нам пока неизвестным образом.

— Даже если они и спаслись, — ответил Билл Сканлэн, почёсывая в затылке, — то чёрт меня подери, коли я понимаю, как они получают свежий воздух, воду и всё такое! Может быть, когда придёт этот бородатый чудак, он нам что-то брякнет?

— Как же он может нам объяснить, раз у нас нет общего языка?

— Пока подведём итоги собственным наблюдениям, — предложил Маракот. — Одно для меня несомненно, — я понял это, когда ел за завтраком мёд. Мёд был явно синтетический, на земле мы только-только учимся делать такой. Но раз есть синтетический мёд, почему бы не быть синтетическому кофе и муке? Молекулы элементов подобны кирпичам, и они повсюду вокруг нас. Надо только знать, как переместить или вынуть некоторые кирпичи, а иногда всего один кирпич, чтобы получить новое вещество. Сахар превращается в крахмал, а эфир — в алкоголь простой

перестановкой кирпичей. От чего же зависит эта перестановка? От теплоты, от электрических влияний. Быть может, и от других причин, о которых мы не знаем. Некоторые вещества изменяются сами собой. Уран становится радием, радий превращается в свинец без всякого вмешательства с нашей стороны.

— Значит, вы полагаете, что у них очень развита химия?

— Совершенно уверен. Ведь к их услугам сколько угодно этих „кирпичей"–элементов. Кислород и водород добываются непосредственно из морской воды. Углерод и азот имеются в изобилии в составе водорослей, а кальций и фосфор — в отложениях на дне. С умом и знаниями чего только не сделаешь!

Доктор ещё продолжал свою лекцию по химии, когда дверь открылась и вошёл Манд, дружески приветствуя нас. С ним вместе пришёл старик, который осматривал нас накануне вечером. Очевидно, это был учёный, потому что он обратился к нам на разных языках по очереди, но ни одного из них мы не понимали. Тогда он пожал плечами и заговорил с Мандом, и тот дал знак двум слугам. Они внесли странный небольшой экран на двух подставках. Экран был похож на обыкновенный

кинематографический, но покрыт каким-то составом, который блестел и переливался в лучах света. Экран приставили к одной из стен. Старик отмерил несколько шагов и провёл черту на полу. Став на неё, он обернулся к Маракоту и прикоснулся ко лбу, указывая на экран.

— Спятил, — усмехнулся Билл. — Винтиков в голове не хватает.

Маракот покачал головой, показывая, что мы не понимаем, чего от нас ожидают. На лице старика выразилось замешательство. Потом, очевидно приняв какое-то решение, он показал рукой на себя, повернулся к экрану и, сосредоточившись, устремил на него взгляд. Через мгновение на экране появилось его изображение. Потом он указал на нас, и вскоре мы заняли на экране его место. Но это были не совсем мы! Сканлэн имел вид опереточного китайца, Маракот похож был на труп, но, очевидно, такими мы казались старику.

— Это отражение его мыслей! — воскликнул я.

— Правильно, — подтвердил Маракот. — Это — удивительнейшее изобретение, которое мы ещё еле-еле нащупываем на земле.

— Вот уж никогда не думал, что увижу себя в кино, если только этот кругломордый китаец и

вправду я, — сказал Сканлэн. — Сообщи мы все эти штуки редактору „Леджера“, он бы нас обеспечил на всю жизнь. Да, уж мы бы не остались внакладе, если б сумели передать это на землю.

— В том-то и дело, — возразил я. — Мы бы заставили весь мир разинуть рот от удивления, если бы только выбрались отсюда. Но что он там волнуется, этот старик?

— Он хочет, чтобы вы, док, проделали такую же штуку.

Маракот занял указанное ему место и, сосредоточившись, прекрасно воспроизвёл картину. Мы увидели изображение Манда, потом „Стратфорда“ в ту минуту, когда его покидали.

И Манд, и старик-учёный радостно закивали при виде парохода, а Манд начал делать плавные жесты от нас к экрану.

— Просит рассказать им всё! — воскликнул я. — Они хотят знать по картинкам, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул Манду, показывая, что мы поняли, и начал было „рисовать“ картинки нашего путешествия, но тут Манд прикоснулся к его руке и прервал рассказ. По его знаку слуги унесли экран, и атланты жестами пригласили нас следовать за ними.

Здание было огромное, и мы долго переходили из одного коридора в другой, пока наконец не пришли в большой зал с сиденьями, возвышающимися амфитеатром, как в университетской аудитории. Сбоку стоял экран — такой же, какой мы только что видели, только побольше. Лицом к нему сидели люди; их было около тысячи человек, и при нашем входе раздался одобрительный шёпот. Здесь были мужчины и женщины всех возрастов. Мужчины все бородатые, женщины постарше имели весьма почтенный вид, а девушки блистали красотой. Мы лишь мельком могли взглянуть на толпу. Нас усадили в первом ряду, а Маракота поставили на кафедру перед экраном. Потом огни угасли и был дан сигнал к началу.

Маракот прекрасно восстанавливал в своём воображении сцены пережитого. Сперва мы увидели, как наш корабль выходит из устья Темзы, и ропот удовольствия прошёл по рядам при виде настоящего современного города. Потом появилась карта, на которой был отмечен наш путь. Затем показалась стальная кабинка, и по оживлению в зале ясно было, что её уже видели. Кабинка опускалась всё глубже и глубже. И вот появился чудовищный рак, погубивший нас.

— Маракс! Маракс! — закричали зрители при

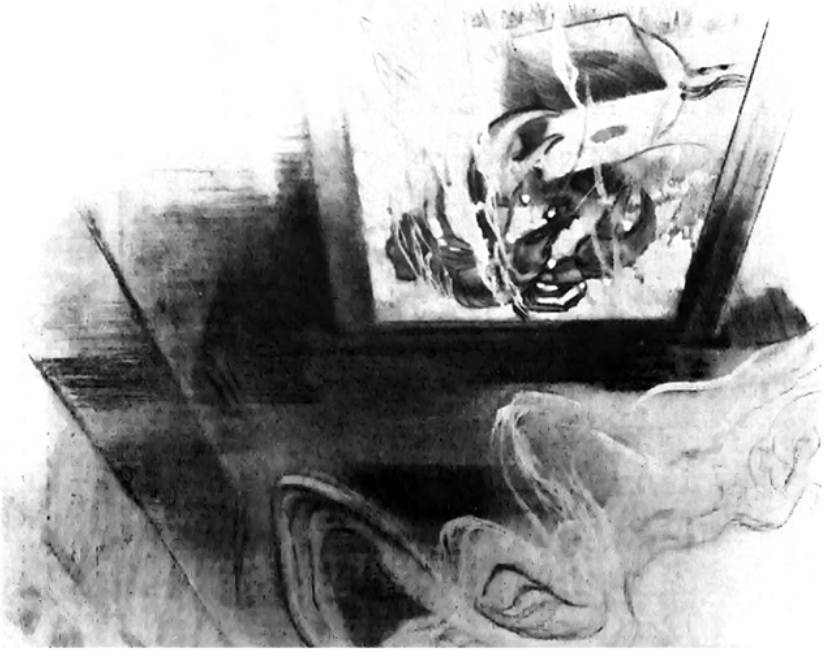
появлении чудовища.

Ясно, что они знали и боялись его. Но вот чудовище стало перетирать канат, и раздались крики ужаса, перешедшие в вопль, когда канат оборвался и кабина полетела в бездну. Рассказывая целый месяц, мы не объяснили бы всё так подробно, как за получасовую лекцию-демонстрацию.

Когда зажёгся свет, вся аудитория собралась подле нас, проявляя знаки симпатии и удовольствия, похлопывая нас по плечу, всеми силами стараясь дать нам понять, что они нам рады. Нас по очереди представили некоторым старшинам. Но они отличались от всех остальных лишь знаниями и мудростью, иных различий между ними, казалось, не было, и одеты все были примерно одинаково. У мужчин были короткие, до колен, шафрановые туники с поясами; обуты они были в высокие сандалии из упругого чешуйчатого материала, вероятно из кожи какого-то морского животного.

Женщины живописно драпировались в розовые, синие, зелёные одежды и были украшены нитками жемчуга и мелких перламутровых раковин. Многие были так прекрасны, что на земле невозможно было бы найти им равных. Там была одна… Но зачем вмешивать мои личные чувства

в рассказ, представляющий общественный интерес? Скажу лишь, что Мона — единственная дочь Манда, одного из вождей народа, и что с самой первой нашей встречи я прочёл в её взоре симпатию и сердцем почуял, что и она поняла моё восхищение её красотой. Пока больше ничего не буду говорить об этой прелестной девушке. Достаточно сказать, что новое, сильное чувство вошло в мою жизнь. Потом, когда я увидел, как непривычно оживлённый Маракот жестикулирует перед одной приятной, любезной особой, а Сканлэн, окружённый группой смеющихся девушек, жестами выражает им своё восхищение, я понял, что и мои спутники нашли в нашем трагическом приключении приятную сторону. Если мы погибли для надводного мира, то нашли иной, где, по-видимому, жизнь обещает хоть как-то вознаградить нас за утраченное.



Позже Манд и другие наши новые друзья водили нас по различным помещениям бесконечного здания. Здание настолько вросло в дно океана, что проникнуть в него можно было лишь через крышу, и отсюда длинные коридоры лабиринтом спускались всё ниже и ниже, пока не достигли глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Фундамент здания, покоившийся на первоначальном дне океана, сообщался с новыми коридорами и ходами, которые вели глубоко под землю. Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгонявшие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением указал нам на маленькие реторты, где вырабатывались аргон, неон и прочие газы, роль которых для дыхания мы на земле только-только ещё начинаем понимать. Чрезвычайно интересны были огромные дистилляторы для свежей воды и огромные электрические установки, но бóльшая часть машин была так сложна, что мы не в силах были разобраться в их деталях. Могу только заявить, что видел собственными глазами и попробовал на вкус различные химические элементы в жидком и газообразном состояниях, которые вводились в аппараты и

подвергались там обработке теплом, давлением и электричеством, и в результате машины производили муку, чай, кофе, вино и множество других продуктов питания.

При самом поверхностном осмотре здания, тех его частей, которые нам были открыты для осмотра, нас поразило одно обстоятельство. Нам стало совершенно очевидно, что затопление страны было предусмотрено её обитателями задолго до катастрофы и они своевременно позаботились об организации защиты от неминуемой гибели. Совершенно понятно и в доказательствах не нуждается то обстоятельство, что подобные предосторожности не могли быть приняты после катастрофы, что всё огромное здание с самого начала строилось с расчётом послужить в случае наводнения убежищем и постоянным жильём для народа. Огромные машины, вырабатывающие воздух, пищу, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах здания и составляли его органическую, неотъемлемую часть. Были предусмотрены выходы с крыши, организованы мастерские, изготовлявшие прозрачные колпаки-скафандры, установлены колоссальные насосы для откачивания воды из специальных камер,

сообщавшихся непосредственно с океаном. Всё это было заготовлено с умом и дальновидностью удивительно культурного народа, который, как мы имели возможность убедиться, в своё время простирал свою руку к Египту и Южной Америке и, таким образом, оставил по себе память на земле даже после того, как сама чудесная Атлантида погибла под волнами. Что же до их потомков, то они, что вполне естественно, несколько выродились и застыли на одной точке прогресса. Они сохранили знания предков, но у них не хватало энергии развить их, пополнить. Они располагали огромными возможностями, но нам казалось, им не хватает инициативы и они мало что сделали, чтобы приумножить богатейшее наследие, доставшееся им от предков. Я уверен, что, если бы их огромные знания достались Маракоту, он сотворил бы великие дела. Что касается Сканлэна, с его острым, живым умом прирождённого механика, то он им всё время показывал разные диковинки, так же удивлявшие их, как их изобретения удивляли нас. Садясь в стальную кабинку перед спуском, он не забыл сунуть в карман свою любимую губную гармонику, и теперь она была непрерывным источником радости наших подводных друзей. Они садились вокруг Билла

и слушали его, как мы слушаем Моцарта, а он наигрывал им то весёлые, то грустные песенки своей далёкой родины.

Я уже упоминал, что не всё здание было нам предоставлено для осмотра, и хочу несколько подробнее рассказать об этом. В здании был один запущенный на вид коридор, по которому постоянно сновали люди, но наши проводники тщательно его избегали. Естественно, это возбудило наше любопытство, и однажды вечером мы решили на свой страх и риск заглянуть туда. Мы тихонько выбрались из нашей комнаты и направились к неизвестной части здания, где, по счастью, почти никого не встретили.

Коридор привёл нас к высокой двери-арке, которая, как мне показалось, была из чистого золота. Растворив дверь, мы очутились в большом зале, образующем четырёхугольник площадью не меньше ста метров. Стены были разрисованы яркими красками и украшены изображениями и статуями уродливых существ со странными головными уборами, вроде тех, что носили в старину американские индейцы. В конце большого зала возвышалась огромная сидячая фигура со скрещенными, как у Будды, ногами, но лицо её отнюдь не выражало нерушимое спокойствие,

свойственное Будде. Наоборот, это было воплощение зла, идол с открытой пастью и свирепыми красными глазами, освещёнными изнутри электрическими лампочками. На коленях идола был большой чёрный жертвенник — очаг, в котором, подойдя поближе, мы увидели кучи пепла.

— Молох! — сказал Маракот. — Молох, или Ваал, древний бог финикийцев.

— Чёрт возьми! — воскликнул я, вспомнив о Карфагене. — Неужели этот культурный народ совершает человеческие жертвоприношения?

— Послушайте, Хедли! — забеспокоился Сканлэн. — Надеюсь, они будут держать эту свою дурь про себя. Нам это уж вовсе ни к чему.

— Я думаю, они уже получили хороший урок, — ответил я. — Несчастье учит милосердию.

— Правильно, — поддержал Маракот, вглядываясь в пепел. — Это старый бог их предков, но формы культа, видно, обновились. Посмотрите на этот пепел. Это остатки сожжённых хлебов, злаков и тому подобного. Но возможно, было время, когда…

Наши размышления прервал сердитый голос, и, обернувшись, мы увидели нескольких людей в жёлтых одеждах и высоких шапках, вероятно жрецов храма. По выражению их лиц я уви-

дел, что мы весьма близки к тому, чтобы стать последними жертвами Ваала: один из жрецов угрожающе вытащил из-за пояса нож. Криками и грозными жестами они грубо вытеснили нас из храма.

— Чёрт подери! — возмутился Билл. — Я вот сейчас двину этого типа, если он ещё раз до меня дотронется!

В первое мгновение я испугался, что Билл затеет в этом святилище скандал. Но нам удалось увести разъярённого механика, и мы все вернулись к себе в комнату, однако по выражению лиц Манда и других мы поняли, что поход наш получил огласку и все нас осуждают.

Зато в другое святилище нас пускали невозбранно, и там мы случайно нашли возможность, правда весьма несовершенную, для общения с нашими хозяевами. Это была комната в нижней части храма без всяких украшений, только в одном углу стояла пожелтевшая от времени статуя слоновой кости, изображавшая женщину с копьём в руке и с совой на плече. Комнату охранял дряхлый старик, и несмотря на то, что он был очень стар, мы поняли, что это представитель иной, более красивой и рослой расы, чем жрецы. Мы с Маракотом смотрели на статую, стараясь

припомнить, где мы видели нечто похожее, когда старик обратился к нам.

— Теа, — сказал он, указывая на статую.

— Чёрт возьми! — воскликнул я. — Он говорит по-гречески!

— Теа Афина! — повторил старик.

Сомнений не было. Он говорил: «Богиня Афина».

Маракот, человек удивительно универсального ума и огромных знаний, начал задавать ему вопросы на классическом греческом языке, которые старик понимал лишь отчасти и отвечал на столь архаическом диалекте, что понять его было почти невозможно. И всё же Маракоту удалось кое-что узнать, он нашёл посредника, через которого можно будет хоть что-то передать атлантам.

В тот же вечер Маракот говорил нам возбуждённо, тоном лектора, обращающегося к большой аудитории, и, как всегда, высоким, пронзительным голосом:

— Это поразительное доказательство достоверности легенды. Легенда основывается на фактах, даже если последующие века постоянно их искажают. Вам известно или, скорее, неизвестно, — («Вот это верно сказано», — вставил Сканлэн), — что во время катастрофы, разразившейся над несчастным островом, между древними греками и атлантами происходила кровопролитная война. Эти факты описаны Солоном со слов жрецов Саис. Мы можем допустить, что в ту эпоху у атлантов были греческие пленники, что некоторые из них были отданы для службы в храмы и принесли с собой свою религию. Насколько я мог понять, старик — наследник древних греческих жрецов, и, быть может, когда мы познакомимся с ним поближе, мы узнаем что-нибудь и об этом древнем народе.

— Что ж, я на стороне греков, — заявил Билл. — В конце концов, уж если хочешь вылепить себе бога, так пусть лучше это будет красивая женщина, чем красноглазое чудовище с камином на коленях.

— Хорошо, что они не могут читать ваших мыслей, — сказал я. — Иначе вам, пожалуй, не миновать судьбы христианских мучеников.

— Ну, на этот счёт будьте покойны, — возразил Билл. — Пока я им изображаю джаз-банд на гармонике, нас не тронут. Кто же тогда их будет забавлять?

Это был весёлый народ, и мы вели чудесную жизнь, но бывали и бывают времена, когда сердце стремится в родные края, когда встают в воображении квадратные башни Оксфорда и старые вязы Гарварда. В первые дни нашей подводной жизни они мне казались такими же недостижимо далёкими, как лунный ландшафт, и лишь теперь у меня появляется слабая, робкая надежда, что когда-нибудь я их всё-таки увижу.

IV

Через несколько дней нас, гостей или пленников — временами мы и в самом деле не знали, кем себя считать, — взяли в экспедицию на дно океана. С нами отправилось шестеро во главе с Мандом. Собрались мы всё в той же входной камере, через которую проникли сюда впервые, и теперь могли более подробно осмотреть её устройство. Это была большая квадратная комната не менее тридцати метров в длину и ширину; её низкие стены и потолок были сплошь покрыты зелёной плесенью. По стенам комнаты виднелся длинный ряд крючков со знаками, которые, как нам объяснили, были цифрами, и на этих крючках висели прозрачные колпаки; каждый из них был снабжён парой батарей для дыхания. Пол был выстлан плитами из светлого известняка, выщербленного ногами многих поколений, и в углублениях застаивалась вода. Комната была ярко освещена трубками, подвешенными к карнизу. Нас заключили в прозрачные колпаки и дали каждому по толстой остроконечной палке, вроде багра, из какого-то чрезвычайно лёгкого металла.

Потом по данному сигналу Манд велел нам ухватиться за перила, окружавшие комнату. Он сам подал нам пример, а за ним и другие атланты. Скоро выяснилась причина этой предосторожности. Как только открылась наружная дверь, воды океана ворвались в комнату с такой силой, что, не держись мы за перила, бушующий поток тотчас же свалил бы нас с ног. Вода быстро поднималась, и, когда она покрыла нас с головой, напор сразу ослабел. Манд первый двинулся к выходу, и через мгновение мы уже были на дне океана, оставив за спиной открытую дверь входной камеры.

Оглядываясь по сторонам в холодном мерцающем свете, слабо озарявшем дно океана, мы могли свободно различать всё на расстоянии полукилометра. Больше всего нас удивила яркая, светящаяся вдалеке точка, но что это было, мы пока не могли разобрать. К этой точке и направил нас наш предводитель, а мы гуськом шли за ним. Идти приходилось медленно из-за упругой водной среды, да и ноги глубоко вязли в мягком иле, покрывавшем дно океана; но вскоре мы ясно увидели, откуда льётся загадочный свет, привлёкший наше внимание. Это была наша стальная кабинка — последнее воспоминание о земной жизни! Она лежала боком на одном из

куполов этого огромного здания, всё ещё ярко освещённая изнутри. Сжатый воздух сохранил от вторжения воды ту её часть, где были электрические установки. Странное ощущение испытывали мы, рассматривая через иллюминатор знакомую внутренность нашей стальной кабины, наполненной водой, в которой скользили, как в аквариуме, несколько крупных рыб, напоминающих миног. Один за другим мы проникли в кабинку через открытый люк. Маракот хотел непременно спасти записную книжку, плававшую на поверхности воды, а мы со Сканлэном решили захватить кое-что из личного имущества. За нами влез и Манд с двумя спутниками и стал с интересом рассматривать глубиномер, термометр и другие приборы, прикреплённые к стенкам. Кое-какие из них мы сняли и забрали с собой.

Учёным будет небезынтересно знать, что на самой большой глубине, куда только спускался человек, температура равна пяти градусам по Цельсию, то есть значительно выше, чем в верхних слоях океана. Объясняется это непрерывным химическим процессом разложения ила и возникающей в связи с этим теплотой.

Оказалось, что, помимо лёгкой прогулки по дну океана, наша экспедиция имела определённую цель. Мы добывали пищу. Я видел, как наши спутники вдруг ударяли острыми баграми, всякий раз пронзая большую коричневую плоскую рыбу, несколько похожую на камбалу. Этих рыб было множество, но они так сливались окраской с илом, что заметить их мог лишь опытный глаз. Вскоре у каждого из наших спутников было уже по две-три рыбины. Немного погодя мы со Скэнлэном тоже наловчились бить рыбу и поймали каждый по паре, но Маракот двигался точно во сне, весь поглощённый чудесами морского дна, и произносил длинные взволнованные речи, которые мы не могли услышать. Мы видели только, что губы его беспрерывно шевелятся. На первый взгляд дно океана показалось нам унылым и однообразным, но вскоре мы убедились, что серая равнина изборождена бесчисленными подводными течениями, пересекающими её, как подводные реки. Эти течения прорывают каналы в мягком слое ила и образуют настоящие речные ложа. Дно каналов состоит из красной глины, которая образует фундамент всего дна океана, и сплошь устлано какими-то белыми предметами, которые я сперва принял за раковины, но

при ближайшем рассмотрении они оказались костями китов, зубами акул и других морских чудовищ. Один из таких зубов, поднятый мною, имел пятнадцать дюймов длины. Какое счастье для нас, что чудовища, обладающие таким страшным оружием, живут преимущественно в верхних слоях океана! По мнению Маракота, этот зуб принадлежал гигантскому полулегендарному хищнику Орка-гладиатор. Находка лишний раз подтверждала нашумевшее в учёных кругах заявление Митчела Хиджеса о том, что у самых огромных акул, которых ему удавалось поймать, на теле имелись исполинских размеров раны, а значит, существуют ещё более свирепые и сильные чудовища, чем они сами.

Одна странность особенно поражает наблюдателя дна океана. Это, как я уже упоминал, постоянный холодный свет, излучаемый огромными фосфоресцирующими массами разлагающихся органических веществ. Но выше темно, как ночью. Это создаёт иллюзию сумеречного зимнего дня, когда низко над землёю тянутся огромные мрачные тучи. Из этой мглы медленно, но беспрестанно падает что-то лёгкое, белое, поблёскивающее, будто хлопья снега. Это раковины морских улиток и других мелких морских

животных, которые живут и умирают в восьмикилометровом слое воды, отделяющем нас от поверхности, и хотя многие во время падения растворяются и образуют известковые соли, которыми богат океан, другие, падая год за годом, образуют мягкий органический вековой слой, погребающий великий город, в верхней части которого мы теперь живём.

Со вздохом покинув стальную кабинку — последнее звено, связывающее нас с землёй, — мы вышли в сумрак подводного мира и вскоре столкнулись ещё с одной особенностью жизни на дне океана. Впереди замаячило смутное движущееся пятно, оказавшееся группой людей в прозрачных колпаках; люди эти тащили своего рода широкие сани, нагруженные углём. Это была тяжёлая работа, и бедняги, вцепившись в верёвки рыбьей кожи, напрягали все свои силы. При каждой группе людей находился один главный, и мы с удивлением заметили, что рабочие и руководители принадлежат к совершенно разным расам. Рабочие были высокие белокурые люди с голубыми глазами и могучим телом. Руководители, как я уже описывал, — брюнеты с примесью негритянской крови, коренастые, приземистые. В ту минуту мы не могли разрешить свои сомнения,

но похоже было, что одна раса из поколения в поколение была рабами другой, и Маракот полагал, что голубоглазые — потомки греческих пленников, чью богиню мы видели в храме.

До того как мы подошли к рудникам, нам встретилось ещё несколько групп, тащивших уголь. Здесь органический слой и песчаные напластования были сняты целиком, и обнаружилось широкое пространство, откуда начиналась шахта, где чередовались слои угля и глины, веками наращивавшиеся на дне Атлантического океана. Тут, на разных уровнях, мы видели группы людей за работой. Они отбивали пласты, грузили куски в корзины, поднимали их наверх. Рудник был настолько обширен, что мы не видели другого края этого огромного колодца, который пробивали в дне океана многочисленные поколения рабочих. Уголь, превращаемый в электрическую энергию, был основной движущей силой, приводившей в движение все машины Атлантиды. Кстати, любопытно отметить, что самое имя древнего города совершенно точно сохранилось легендами. Когда мы упомянули слово „Атлантида“, Манд и другие наши спутники чрезвычайно удивились, что мы его знаем, а потом одобрительно закивали, показывая, что они нас поняли.

Миновав огромный колодец-шахту или, вернее, уйдя от него вправо, мы подошли к цепи базальтовых скал с поверхностью столь же чистой и блестящей, как в день, когда земля извергала их из своих недр. Вершины скал уходили в темноту непроглядной ночи, а подошвы терялись в густой чаще водорослей, поднимавшихся на бугристых наслоениях окаменевших кораллов, строивших свои колонии в отдалённейшие доисторические времена. Некоторое время мы шли вдоль края этих густых подводных зарослей, причём наши провожатые изредка ударяли по ним палками, извлекая оттуда ради нашего удовольствия удивительных рыб и ракообразных; часть их бросали, часть отбирали для своего стола. Таким образом, мы прошли около двух километров, как вдруг я увидел, что Манд внезапно остановился и стал озираться, жестами выражая удивление и тревогу. Его выразительные движения и мимика подвижного лица вполне заменяли язык, потому что атланты мгновенно уяснили себе причину его беспокойства, и лишь тогда мы с испугом поняли, в чём дело. Доктор Маракот исчез!

Я отчётливо помню, что доктор был с нами, когда мы шли мимо угольной шахты, он дошёл с нами до базальтовых утёсов. Уйти вперёд он,

конечно же, не мог, так что оставалось искать его позади, вдоль линии подводных зарослей. Наши друзья были чрезвычайно встревожены исчезновением Маракота, а мы со Сканлэном, хорошо знакомые с эксцентричностью рассеянного учёного, были убеждены, что тревожиться тут не из-за чего и мы скоро найдём его: забыв всё на свете, он, наверно, с головой ушёл в изучение какой-нибудь диковинной морской зверюги. Мы повернулись и пошли обратно и, не сделав и сотни шагов, увидели Маракота.

Но он бежал — бежал со скоростью, которой я никак не ожидал от человека его возраста и привычек. И никуда не годный спортсмен побежит, если его подгоняет безудержный страх. Маракот бежал, спотыкаясь и увязая, широко раскинув руки, точно взывая о помощи. У него были все основания рваться из последних сил: три ужасных существа преследовали его по пятам. Это были тигровые крабы с чередующимися чёрными и жёлтыми полосами, каждый размером с ньюфаундленда. К счастью, они не могли быстро передвигаться по илу и как-то странно, боком, прыгали по мягкому дну океана со скоростью, немного превышающей ту, что развил испуганный беглец.

Но запаса сил у них было больше, они постепенно догоняли его, и, если бы не вмешались наши друзья, они через несколько минут схватили бы Маракота страшными клешнями. Все бросились навстречу крабам с острыми баграми наперевес, а Манд зажёг мощный электрический фонарь, висевший у него на поясе, и пустил сноп света в глаза отвратительных чудовищ, которые поспешно свернули в заросли и пропали из виду. Доктор бессильно опустился на обломок кораллового рифа, и по его лицу было видно, что он совершенно измучен этим приключением. Позже он рассказывал нам, что проник в подводные джунгли, желая достать то, что показалось ему редким экземпляром глубоководной химеры[83], и угодил в гнездо свирепых тигровых крабов, которые мгновенно бросились за ним в погоню. Только после продолжительного отдыха он смог двинуться дальше.

[83] Notes: 83

Химера — рыба, похожая на акулу, с продолговатым телом, низко врезанным ртом, голой кожей и длинной хвостовой нитью.

Миновав базальтовые утёсы, мы наконец подошли к нашей цели. На серой равнине перед нами высились раскинутые в беспорядке пригорки, высокие холмики, выступы, говорившие о том, что под нею лежит большой древний город. Он был бы совершенно и навсегда погребён под слоем ила, как Геркуланум под лавой и Помпея[84] под пеплом, если бы подводные жители не прокопали в него вход. Входом служил длинный покатый коридор, переходивший в широкую улицу, по обе стороны которой тянулись ряды строений. Стены домов, построенные не столь прочно, как Храм Безопасности, были изборождены трещинами и частично разваливались, но внутренность домов большей частью осталась в том состоянии, в каком захватила их разразившаяся катастрофа, разве только в иных местах океанские волны похозяйничали в домах: где украсили их, а где изуродовали. Наши проводники не дали нам времени осмотреть эти первые дома и увлекали нас вперёд, пока мы не добрались до здания, которое, очевидно, было большой центральной крепостью или дворцом, вокруг которого концентрическими кругами разрастался весь город.

[84] Notes: 84

Геркуланум и *Помпеи* — италийские города, погибшие при извержении Везувия в 79 г. после Р. Х.

Колонны, огромные скульптурные карнизы и фризы, площадки и лестницы этого здания превосходили всё, что я когда-либо видел на земле. Больше всего здание походило на остатки храма Карнака в Луксоре в Египте, и — удивительное дело — украшения и полустёртые надписи в мелочах напоминали такие же украшения и надписи великих развалин близ Нила. И колонны, увенчанные огромными капителями в виде цветов лотоса, были точно такие же.

Как странно было идти по мозаичному мраморному полу огромных залов с большими статуями у стен и видеть крупных серебристых угрей, мелькавших у нас над головой, и стаи перепуганных рыб, без оглядки удиравших от снопа света, которым Манд освещал нам дорогу. Мы переходили из комнаты в комнату, подолгу задерживаясь в богато обставленных покоях, носивших все следы той непомерной роскоши, которая, по преданию, и навлекла на Атлантиду гнев богов.

Одна комната, сравнительно небольшая, была чудесно украшена перламутровой инкрустацией, которая ещё до сих пор переливалась мягкими опаловыми бликами, когда луч света, играя, скользил по стенке. В углу, на возвышении, орнаментированное изысканной резьбой, стояло

ложе из какого-то жёлтого металла, и комната эта казалась опочивальней королевы, но возле ложа теперь лежал уродливый чёрный моллюск, и его отвратительное тело вздымалось и опускалось в тихом пульсирующем ритме: казалось, будто в самом центре этого зловещего дворца бьётся чьё-то злобное сердце.

Я был рад, да и мои товарищи тоже, когда атланты вывели нас отсюда. На мгновение мы заглянули в большой разрушенный амфитеатр, дальше увидели набережную с маяком в конце и поняли, что город этот был в своё время морским портом. Скоро мы выбрались из этих мест, отмеченных недоброй печатью, и снова очутились на знакомой подводной равнине.

Но наши приключения ещё не кончились: произошло ещё одно, встревожившее нас не меньше, чем наших друзей-атлантов. Мы направлялись обратно, когда один из атлантов вдруг с беспокойством указал на что-то наверху. Мы взглянули туда, и перед нами предстало невиданное зрелище. Из чёрного слоя воды прямо на нас быстро опускалось что-то огромное, тёмное. Сперва нам показалось, что это бесформенная масса, но когда она спустилась пониже, мы увидели в слабом свете, что это труп огромной рыбы, он раздулся и

лопнул, и за ним тянулись её внутренности. Газы поддерживали его в верхних слоях океана, но в результате гниения, а быть может, тут постарались акулы, они покинули это мёртвое тело, и оно устремилось на дно океана. Во время нашей прогулки мы натыкались не раз на гигантские скелеты, начисто обглоданные рыбами, но это чудовище, хоть оно и было выпотрошено, ещё походило на то, каким было при жизни.

Атланты вцепились в нас, намереваясь оттащить с пути падающего тела, но, увидев, что оно нас минует, успокоились. Колпаки не позволяли нам различать звуков, но при падении этого тяжёлого тела на дно, вероятно, последовал сильный удар; слой ила взлетел кверху, как взлетает тина в пруду, если бросить в неё камень.

Это был кит метров двадцати пяти в длину, и по оживлённой и радостной жестикуляции подводных людей я заключил, что они сумеют найти хорошее употребление для его жира и спермацета.

Некоторое время спустя после встречи с мёртвым китом мы, все трое, к нашей радости, снова очутились перед знакомой квадратной дверью с тяжёлыми колоннами по бокам, ибо порядком устали от такого непривычного для нас путеше-

ствия, и вскоре уже стояли на сыроватом полу входной камеры сухие, невредимые, без прозрачных колпаков.

Через несколько дней — нам трудно определять время точно, — после того как Маракот демонстрировал атлантам на экране «кинематографа мысли» всё, что с нами произошло, нас пригласили на куда более пышную, торжественную демонстрацию, где мы узнали историю этого удивительного народа.

Я не обольщаюсь, сеанс вовсе не был организован исключительно в нашу честь; скорее всего, такие демонстрации нередко повторялись публично, чтобы народ не забывал о своём прошлом, и то, что нам показали, было лишь прелюдией к длинной религиозной церемонии. Но как бы то ни было, постараюсь описать то, чему мы были свидетелями.

Нас привели в тот же большой зал, где Маракот при помощи экрана рассказывал о наших приключениях. Здесь уже собрались все обитатели Храма Безопасности, и нам, как и в прошлый раз, отвели почётные места перед большим блестящим экраном. Атланты запели длинную торжественную песнь, скорее всего своего рода гимн. Потом дряхлый седой старик, летописец

или историк атлантов, встреченный аплодисментами, занял кафедру и стал проецировать на экран ряд картин, изображавших возвышение и падение его народа. Если бы только мне удалось передать вам их яркость и драматизм! Я и мои товарищи совершенно потеряли представление о времени и пространстве — так мы были увлечены этими картинами. А сзади нас, потрясённые до глубины души, люди вздыхали и проливали слёзы над трагедией, рисовавшей разрушение их отечества и гибель их народа.

В первой серии изображений мы увидели древний материк во всём блеске славы — каким он сохранился в памяти народа, ибо воспоминание это народ передавал из поколения в поколение. Мы видели великую страну с птичьего полёта — её огромные владения, прекрасно возделанные и орошённые беспредельные поля, где росли культурные злаки; цветущие фруктовые сады, весёлые ручьи, поросшие лесом холмы, спокойные озёра и кое-где живописные горы. Повсюду селения, фермы, прекрасные дворцы. Потом мы перенеслись в столицу страны — удивительный, великолепный город на берегу моря; в гавани стояло множество галер, пристани были завалены товарами. Город защищали крепкие стены,

высокие боевые башни и глубокие рвы — всё колоссальных размеров. Дома вдоль улиц тянулись на много километров, а в центре города возвышался окружённый зубчатой стеной замок, такой огромный и внушительный, точно порождение каких-то фантастических снов. Потом мы увидели лица обитателей страны того золотого века: почтенных старцев, мужественных воинов, прекрасных, достойных женщин, весёлых, крепких детей — цвет человечества.

Потом замелькали картины другого рода. Мы видели войны — беспрерывные войны, войны на суше и на море. Мы видели полудикие беззащитные племена, уничтожаемые огнём и мечом, их подминали под себя колесницы, топтала тяжёлая конница. Мы видели сокровища, доставшиеся победителям, но чем богаче они становились, тем резче менялись лица на экране: они приобретали всё более жёсткие, животные черты. Из поколения в поколение всё грубее становилось выражение лиц, всё ниже и ниже опускалась культура. Мы наблюдали признаки сладострастия и беспутства, морального разложения; богатства росли, а духовная культура падала. Жестокие, извращённые состязания, стоившие жизни их участникам и привлекавшие

тысячи зрителей, заняли место мужественных спортивных игр прошлого. Простая, здоровая жизнь отошла в область преданий. Мы видели беззаботные, легкомысленные толпы, бросавшиеся от одного увлечения к другому; они гонялись лишь за порочными наслаждениями, никогда не насыщаясь ими. Вырос, с одной стороны, класс эксплуататоров, сверхбогачей, стремившихся исключительно к чувственным наслаждениям, с другой стороны, обнищавшее до последней степени население, всё назначение которого состояло в том, чтобы беспрекословно исполнять желания и капризы господ, как бы жестоки и отвратительны ни были эти желания.

Затем мы опять увидели совсем другие картины. Появились реформаторы, пытавшиеся указать заблудшим другие пути, вернуть их к прежним, забытым благородным целям. Мы видели, как эти печальные, исполненные серьёзности люди увещевали ставших на путь порока, но те, кого они хотели спасти, высмеивали их, издевались над ними. Особенно враждебны реформаторам были жрецы Ваала, по милости которых бескорыстная религия духа выродилась во внешние ритуалы и церемонии. Но мужественные борцы не сдавались, они стремились

спасти свой народ. Лица их принимали всё более суровое, непреклонное выражение, словно перед их внутренним взором вставали грядущие беды. Лишь некоторые прислушивались к словам мудрецов, устрашась их пророчеств, большинство же отворачивалось со смехом и ещё больше погрязало в пучине греха. И наступило время, когда реформаторы уже ничего больше не могли сделать и предоставили этот вырождающийся народ его собственной судьбе.

Потом мы увидели странную картину. Один реформатор, крепкий духом и телом, возглавил всё реформаторское движение. Он был богат и влиятелен и обладал поистине неистощимыми силами. Мы видели его словно бы в трансе, в общении с какими-то духами. Это он собрал всех величайших учёных страны, все знания — а они превосходили, затмевали всё, что было известно нам сегодня, — и применил их для постройки убежища от грядущей катастрофы. Мы видели тысячи рабочих за постройкой — стены росли. А беспечные толпы смотрели, хохотали и удивлялись столь сложным и ненужным предосторожностям. Другие спорили с мудрецом и говорили, что если он чего-то боится, то не проще ли уехать в другую, более безопасную страну. А он

отвечал (насколько мы могли понять), что здесь есть честные, простые люди, которых можно спасти в последнюю минуту, и для их-то спасения он и должен остаться в своём Храме Безопасности. Понемногу он собрал своих приверженцев и поселил их в Храме, потому что, хотя высшие силы предупредили его о катастрофе, он не знал точно ни дня, ни часа, когда она свершится.

Так что, когда Храм был готов и водонепроницаемые двери испытаны, он вместе со своей семьёй, друзьями, приверженцами и слугами стал ждать страшного часа. И час настал. Это было ужасное зрелище даже на экране! А каким оно было на самом деле, и представить невозможно. Сперва мы увидели, как вдали из спокойной глади океана поднялась на огромную высоту страшная сверкающая гора воды. Потом она двинулась вперёд; километр за километром двигалась по морю водяная стена, взметая на гребне клочья пены, стремясь вперёд со всё возрастающей яростью. Две щепки в потоках белоснежной пены на вершине волны оказались, когда волна подкатилась ближе, двумя разбитыми волной большими галерами. Потом мы видели, как гигантская волна с силой ударила в берег и понеслась на город и дома никли перед её напором, как спелая

рожь под порывами бури. Мы видели людей на крышах домов, глядящих на приближающуюся смерть. Лица их были искажены ужасом, глаза дико блестели, рты перекошены, они кусали руки и в неописуемом ужасе что-то кричали. Те самые люди, что насмехались над строителем Храма Безопасности, теперь взывали о пощаде, они бросались на колени и простирали руки, моля о спасении. У них не было времени добраться до убежища, построенного за городом, и тысячи беглецов бросились к центральной крепости, стоявшей на холме, и зубчатые стены её потемнели от толпы беглецов.

И вдруг замок начал проваливаться. Всё начало проваливаться. И через расселины вода хлынула в глубины земли, внутренний огонь превратил её в пар, и произошёл взрыв, разрушивший и исковеркавший предпочвенные слои древнего материка. Город погружался всё глубже и глубже, и при виде этого ужасного зрелища и мы, и все, кто сидел за нами, не могли удержаться от крика. Мол раскололся пополам и исчез. Гигантский маяк рухнул и исчез под волнами. Ещё некоторое время виднелись крыши и купола высоких домов, точно острые скалистые рифы, но скоро и они скрылись под водой. Над поверхностью

бушующего океана высилась лишь одна крепость — как чудовищной величины корабль. Потом и она стала медленно опускаться в бездну, и на вершине её качался лес рук, простёртых вверх. Страшная драма была окончена, море поглотило весь материк, весь без остатка, и на его поверхности не виднелось ни одного живого существа. В его бурлящих водах то там, то тут всплывали трупы людей и животных, стулья, столы, одежда, головные уборы, тюки с товарами, и всё это ныряло и носилось в пенистом водовороте. Потом воды успокоились, перед нами раскинулась необъятная водная гладь, блестящая как ртуть, и мрачное солнце на горизонте скупо освещало могилу страны, судьба которой была отныне решена.

Рассказ был окончен. Нам не о чем было расспрашивать: догадка, логика и воображение восстановили все пробелы рассказа. Мы представили себе медленное, но неуклонное опускание Атлантиды в бездны океана среди вулканических конвульсий, воздвигнувших вокруг неё огромные горы. Мы представили себе государство атлантов, погребённое на дне океана, разрушенный город, раскинувшийся вокруг Храма Безопасности, в котором укрылась горстка потрясённых людей.

Мы поняли теперь, как сумели беглецы спастись от смерти, как использовали они разнообразные достижения науки, которыми снабдил их гениальный строитель Храма Безопасности, как он обучал их всем наукам и искусствам, как кучка в пятьдесят-шестьдесят спасшихся атлантов выросла теперь в значительное общество, которое должно было вгрызаться в недра земли, чтобы расширить свою «страну». Целая справочная библиотека не смогла бы рассказать всё это проще и подробнее, чем серия картин-мыслей. Такова была участь древнего государства атлантов, таковы были причины, сокрушившие его. В отдалённом будущем, когда покрывающий дно ил превратится в мел, великий город, возможно, ещё раз будет вынесен новым катаклизмом на поверхность земли, и геологи будущего, роясь в каменоломнях, найдут не отпечатки растений, не раковины, а остатки погибшей цивилизации и следы катастрофы, погубившей древний мир.

Одно лишь нам всё ещё не было ясно: сколько прошло времени с того дня, когда произошла трагедия? Доктор Маракот прибегнул к довольно несовершенному методу для определения даты. Среди множества помещений огромного здания Храма Безопасности была большая пещера, слу-

жившая местом погребения вождей атлантов. Здесь, как в Египте, мумифицировали трупы, и в нишах, по стенам, стояли бесчисленными рядами эти мрачные реликвии прошлого. Манд гордо указал на одну свободную нишу и дал нам понять, что она изготовлена специально для него.

— Если мы обратимся к европейским правителям, — объяснил нам Маракот профессорским тоном, — то найдём, что они сменялись приблизительно по пяти человек в столетие. Этими цифрами можно воспользоваться и в данном случае. Конечно, мы не можем гарантировать абсолютной точности, но приблизительный расчёт получить нетрудно. Я сосчитал мумии — их четыреста.

— Значит, получается около восьми тысяч лет!..

— Правильно. И это в какой-то мере совпадает со сведениями Платона. Катастрофа, разумеется, произошла до зарождения египетской письменности, а она началась шесть-семь тысяч лет назад. Да, я думаю, мы имеем право сказать, что видели воспроизведённую на экране трагедию, случившуюся не менее восьмидесяти веков назад. Но разумеется, создать ту культуру, следы которой мы находим здесь, тоже можно было лишь за многие тысячелетия. Таким образом, — закончил он, и я передаю его утверждение вам, — мы расширили горизонт достоверной истории человечества до таких пределов, каких не достигал ещё ни один человек с самого начала истории!

V

Приблизительно через месяц после посещения погребённого города произошло нечто удивительное и неожиданное. В то время мы уже думали, что застрахованы от всяких неожиданностей и ничто больше не сможет нас удивить, но эта история превзошла всё, что мы способны были вообразить.

Известие, что случилось что-то из ряда вон выходящее, принёс Сканлэн. Надо сказать, что к тому времени мы чувствовали себя в огромном здании почти как дома: мы прекрасно знали расположение комнат, присутствовали на концертах атлантов (их музыка очень своеобразна и сложна для нашего уха) и на театральных представлениях, где непонятные нам слова прекрасно пояснялись живыми, выразительными жестами, — короче говоря, мы стали членами их общины. Мы посещали отдельные семьи в их частных помещениях, и наша жизнь — моя, во всяком случае, — была согрета бесконечным гостеприимством этих славных людей, особенно одной славной девушки, чьё имя я уже однажды упоминал. Мона, как я уже говорил, была дочерью

одного из вождей, и в её семье я нашёл тёплый и милый приём, который стирал все существовавшие между нами преграды. А когда дело доходит до самого нежнейшего из языков, я, право, почти не нахожу больших различий между древней Атлантидой и современной Америкой. То, что может нравиться массачусетской девушке из Броун-колледжа, я думаю, понравится и девушке, живущей под водой.

Но вернёмся к той минуте, когда вбежал Сканлэн и сообщил, что произошло что-то важное.

— Один из них, — возбуждённо рассказывал Билл, — сейчас ворвался сюда — он был в океане, — и до того вне себя, что забыл снять стеклянный колпак и несколько минут болтал без толку, пока не сообразил, что из-за колпака никто его не слышит. Потом что-то говорил, говорил, пока у него дыхание не перехватило, и все помчались за ним в выходную комнату. Вы как хотите, а я побегу за ними, потому что там, наверно, есть что посмотреть!

Выскочив в коридор, мы увидели, что атланты бегут к выходу, оживлённо жестикулируя. Мы присоединились к ним и, наскоро надвинув колпаки, помчались по дну океана вслед за взволнованным вестником. Атланты бежали

так быстро, что нам нелегко было следовать за ними, но у них были электрические фонарики, и мы, отстав, всё же знали, куда нам направляться. Путь шёл вдоль базальтовых утёсов, пока мы не достигли места, откуда начинались уступы, полустёртые от многолетнего хождения по ним. По этим уступам мы взобрались на вершину базальтовой скалы и очутились в местности, загромождённой обломками скал, сильно затруднявшими наше передвижение. Пробравшись кое-как через этот лабиринт, мы вышли на круглую равнину, залитую фосфорическим светом, и в самом её центре лежало нечто, от чего у меня сразу занялся дух.

Наполовину зарывшись в мягкий ил, на боку лежал большой пароход. Труба его была сбита, грот-мачта тоже сломана почти у самого основания, но в остальном корабль был цел и так чист и нетронут, точно только что вышел из дока. Мы поспешили обойти его вокруг и очутились перед кормой. Вы можете себе представить, с каким чувством мы прочли его название:

„СТРАТФОРД“

Лондон

Наш корабль последовал за нами в Маракотову

бездну!

Когда первое потрясение прошло, всё это не показалось нам таким уж загадочным. Мы вспомнили пасмурную погоду, зарифлённые паруса видавшего виды норвежского барка и зловещее чёрное облако на горизонте. Ясно, что наверху внезапно разразился чудовищной силы шторм и „Стратфорд“ потонул. Было совершенно очевидно, что команда яхты погибла, потому что все шлюпки, хотя и полуразбитые, висели на талях[85]. Да и какая шлюпка могла бы спастись в такой ураган?! Трагедия, несомненно, произошла через час-два после нашей катастрофы. Лот, который мы видели на дне, был, возможно, брошен за несколько минут до первого порыва циклона. По страшному капризу судьбы мы ещё живы, а те, кто оплакивал нашу гибель, погибли.

Мы не знали, носило ли нашу яхту в верхних слоях океана, или она уже довольно давно лежит здесь, где мы на неё наткнулись. Бедный капитан Хови — вернее, то, что от него осталось, — всё ещё стоял на своём посту на капитанском мостике, крепко вцепившись в перила окоченевшими пальцами. Только он и трое кочегаров в машин-

[85] Notes: 85

Тали — механизмы для подъёма вручную грузов на небольшую высоту.

ном отделении утонули вместе с яхтой. Всех их, по нашим указаниям, вынули и погребли под слоем векового ила, украсив могилы подводными цветами. Я упоминаю об этой подробности в надежде, что она несколько смягчит тяжкое горе миссис Хови. Имена кочегаров нам неизвестны.

Пока мы выполняли этот скорбный долг, по яхте сновали атланты. Они накинулись на неё, как мыши на сыр. Их любопытство и возбуждение ясно доказывали, что „Стратфорд“ — первый современный корабль, может быть, первый пароход, попавший в их бездну. Позже мы узнали, что кислородные аппараты внутри колпаков позволяли атлантам находиться под водой всего несколько часов без перезарядки, и поэтому они могли передвигаться лишь по сравнительно небольшой территории. Атланты сразу же принялись за дело, стали рыться в каютах „Стратфорда“, снимать с него всё, что им могло пригодиться; это паломничество за оборудованием яхты происходит непрерывно и ещё не совсем закончено. Мы тоже были рады случаю проникнуть в свои старые каюты и унести оттуда всю одежду и книги, хотя бы частично уцелевшие при катастрофе.

Среди имущества, снятого нами со „Стратфорда“, был и корабельный журнал, который вёлся капитаном до самого последнего момента. И странно было читать о собственной гибели и видеть гибель того, кто о ней писал.

Вот последняя запись корабельного журнала:

„3 октября. Трое храбрых, но безумных

искателей приключений, вопреки моей воле и совету, сегодня спустились в своём аппарате на дно океана, и произошло несчастье, которое я предвидел. Упокой, Господи, их души. Они начали спуск в одиннадцать часов утра, и я, заметив надвигающийся шквал, долго колебался, прежде чем дать своё согласие. Жалею, что не послушался своего инстинкта, но это лишь отсрочило бы трагическую развязку. Я попрощался с ними, предчувствуя, что никогда больше их не увижу. Некоторое время всё шло хорошо, и в одиннадцать сорок пять они достигли глубины пятисот сорока метров, где и обнаружили дно. Доктор Маракот давал мне по телефону ряд распоряжений, и всё, казалось, шло отлично, как вдруг я услышал его взволнованный голос и проволочный канат сильно заколебался. Через мгновение он лопнул. По-видимому, в эту минуту они находились над глубокой расселиной; перед этим доктор приказал яхте медленно двигаться вперёд. Воздушные трубки ещё некоторое время продолжали разматываться

и спустились, по моим расчётам, ещё на километр, а потом и они оборвались. Теперь больше нет надежды услышать о судьбе доктора Маракота, мистера Хедли и мистера Сканлэна.

Затем я должен отметить одно удивительное происшествие, значение которого я не имею времени расшифровать, так как надвигается шторм и надо торопиться с записями. Был брошен лот, который отметил глубину в семь тысяч шестьсот пятьдесят метров. Груз его, конечно, остался на дне, канатик мы вытащили, и – как это ни невероятно – над фарфоровой чашкой, берущей образцы, был привязан носовой платок мистера Хедли с его меткой. Команда поражена, и никто не понимает, как это могло произойти. В следующей записи я, быть может, сумею что-нибудь сообщить на этот счёт. Мы прождали несколько часов в надежде, что на поверхность что-нибудь всплывёт, и вытащили остаток каната, конец которого был точно перепилен. Теперь я должен прервать запись и заняться яхтой: никогда не видел такого грозного

неба, барометр быстро падает“.

Так получили мы последнюю весточку от наших погибших товарищей. Очевидно, тотчас же после этой записи налетел ураган и уничтожил пароход.

Мы оставались подле корабля, пока не почувствовали, что воздух внутри колпаков стал тяжёлым, грудь стало давить; мы поняли, что пора возвращаться.

На обратном пути мы столкнулись с серьёзной опасностью, которая, видно, постоянно подстерегает подводный народ, и поняли, почему за такой огромный промежуток времени численность атлантов выросла так незначительно. Включая и греческих рабов, их было четыре-пять тысяч человек, не больше.

Мы спустились со ступеней и шли вдоль подводных джунглей, растущих у подножия базальтовых утёсов, когда Манд взволнованно указал вверх и замахал руками одному из атлантов, отделившемуся от группы и шедшему поодаль по открытому месту. В ту же минуту атланты бросились к большим валунам, увлекая нас за собой. Только забравшись под прикрытие валунов, мы узнали причину внезапной тревоги.

На некотором расстоянии от нас сверху быстро спускалась крупная, странного вида рыба. Формой она напоминала огромный плавучий пуховый матрас, мягкую, рыхлую перину. Нижняя часть рыбы была светлая, с неё свисала длинная красная бахрома, вибрация которой давала поступательное движение всему телу. По-видимому, у рыбы не было ни глаз, ни рта, но скоро мы заметили, что она обладает чрезвычайно развитым чутьём.

Атлант, оставшийся на открытом месте, со всех ног бросился к нам, но слишком поздно! Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел, что смерть неминуема. Страшное существо опустилось прямо на него, обволокло его со всех сторон, прижало ко дну, жадно пульсируя, точно раздавливая его тело о кораллы. Вся трагедия развернулась в нескольких шагах от нас, однако атланты, застигнутые врасплох, растерялись и, казалось, потеряли всякую способность действовать. Тогда Сканлэн бросился вперёд и, вспрыгнув на широкую спину чудовища, испещрённую красными и коричневыми точками, вонзил острое металлическое копьё в его мягкое тело.

Я последовал примеру Сканлэна, и наконец Маракот с атлантами атаковали чудовище, которое

медленно заскользило прочь, оставляя за собою клейкий маслянистый след. Наша помощь подоспела слишком поздно: тяжесть колоссальной рыбы раздавила колпак атланта, и он захлебнулся. Это был день скорби — мы несли тело погибшего обратно в Храм Безопасности, — но и день нашего триумфа, ибо быстрая смётка и энергия возвысили нас в глазах подводных людей. О страшной рыбе Маракот сказал, что это разновидность рыбы-покрывала, хорошо известной ихтиологам, но экземпляр такой величины, какого он и вообразить не мог.

Я упоминаю об этом существе лишь потому, что оно послужило причиной трагедии, но я могу и, может быть, начну писать целую книгу о той удивительной жизни на дне океана, которой был свидетелем. В глубине океана преобладают красный и чёрный цвета, растительность по преимуществу бледно-оливковая, и её плети и листья столь упруги, что наши драги чрезвычайно редко вытаскивают их; на этом основании наука пришла к убеждению, что на дне океана ничто не растёт. Многие глубоководные животные необычайно красивы, другие — уродливы и страшны, как видения кошмара, и гораздо опаснее всех земных тварей.

Я видел чёрного ската десяти метров длиной, с ужасным когтем на хвосте, один удар которого способен уложить на месте любое живое существо. Видел похожее на лягушку создание — у него зелёные глаза навыкате, прожорливый рот и сразу за ним огромный живот. Если у вас нет с собою электрического фонаря, чтобы ослепить это животное, встреча с ним смертельна. Видел слепого красного угря, который лежит среди камней и убивает жертву, выпуская сильнейший яд. Видел опаснейшее страшилище глубин — гигантского морского скорпиона — и рыбу-чёрта, что прячется в подводных зарослях.

Однажды я удостоился чести видеть настоящего морского змея — существо, которое редко видели глаза человека, потому что оно живёт на огромной глубине и на поверхности океана показывается лишь в тех случаях, когда его выталкивают из бездны какие-либо подводные конвульсии. Пара морских змеев проскользнула однажды мимо нас с Моной, укрывшихся в густых зарослях водорослей. Они были огромны, эти змеи, метров трёх в ширину и около семидесяти метров в длину, чёрные сверху, серебристо-белые снизу, с огромными бахромчатыми плавниками на спине и крошечными, как у быка, глазками.

Об этом и о многих других интересных созданиях вы найдёте подробный отчёт в бумагах доктора Маракота, если когда-нибудь они до вас дойдут.

Неделя за неделей тянулась наша новая жизнь. Существование наше было вполне приятно. Мы понемногу усваивали чуждый нам язык, так что уже могли говорить со своими друзьями. В подводном городе было бесконечно много разных областей для изучения и наблюдения, и вскоре Маракот настолько постиг древнюю химию, что гордо заявил, что может теперь перевернуть вверх дном всю современную науку, если только сумеет передать свои знания наверх. Кроме всего прочего, атланты давно научились разлагать атом, и хотя освобождающаяся при этом энергия значительно меньше, чем предполагали наши учёные, всё же она настолько велика, что служит им неисчерпаемым источником энергии. Их знания в области энергетики и природы эфира также много обширнее наших, и то непостижимое для нас превращение мысли в живые образы, посредством которого мы рассказали им нашу историю, а они нам свою, — следствие открытого атлантами способа превращать колебания эфира в материальные формы.

И всё же, несмотря на все их познания, им

неведомо многое из того, что давно открыто на земле. Доказать это подводным жителям выпало на долю Сканлэна. Вот уже несколько недель, как он пребывал в состоянии загадочного волнения, его распирала какая-то тайна, и он постоянно ухмылялся собственным мыслям. За это время мы видели его лишь изредка и случайно, он был отчаянно занят, и единственным его другом и поверенным был толстый, жизнерадостный атлант по имени Бербрикс, который работал в машинном отделении Храма Безопасности. Сканлэн и Бербрикс, беседы которых велись главным образом посредством жестикуляции и частых дружеских шлепков по спине, скоро стали закадычными друзьями и подолгу занимались чем-то наедине друг с другом. Однажды вечером Сканлэн пришёл, весь сияя.

— Послушайте, доктор, — сказал он Маракоту, — я обмозговал тут одну штуковину и хочу показать её почтеннейшей публике. Они показали нам пару пустяков, и я полагаю, что пора утереть им нос. Давайте пригласим их завтра вечером на представление.

— Джаз или чарльстон? — спросил я.

— Какой там чарльстон! Погодите — увидите! Это замечательная штука, но больше я ни слова

не скажу. Вот какое дело, Хедли. Мы ведь тоже всякое можем. Я тут кое-что придумал и хочу поделиться этим со всеми.

На следующий вечер все подводные жители собрались в музыкальном зале. На эстраде, сияя от гордости, стояли Сканлэн и Бербрикс. Один из них тронул кнопку, и тут, выражаясь языком Сканлэна, нас здорово ошарашило.

— Добрый день, говорит Лондон! — раздался вдруг звонкий голос. — Слушайте метеорологический бюллетень.

Последовали стереотипные фразы о давлении и антициклоне.

— Новости дня. Сегодня состоялось открытие нового корпуса детской больницы в Хаммерсмите…

И так далее и так далее… Знакомые слова! Впервые за всё это время мысленно мы перенеслись в Англию, которая мужественно трудилась изо дня в день, согнув свою крепкую спину под тяжестью военных долгов. Потом мы услышали иностранные новости, потом спортивные.

Надземный мир жил по-прежнему. Наши друзья-атланты с любопытством слушали, но ничего не понимали. Но когда в перерыве гвардейский

оркестр грянул марш из „Лоэнгрина“[86], с трибун раздались крики восторга, и было забавно видеть, как слушатели ринулись к эстраде, заглядывали за экран, приподнимали занавес, ища чудесный источник музыки. Да, и мы приложили руку к чудесам подводной цивилизации!

— Нет, сэр, — говорил потом Сканлэн. — Передающую станцию я сам смастерить не сумел. У них нет подходящего материала, а у меня не хватает мозгов. Но дома, там, наверху, я сам состряпал двухламповый приёмник, натянул антенну на крыше между верёвками для сушки белья, научился им управлять и мог поймать любую станцию Штатов. Стыдно было бы, имея под рукой все их электрические штучки и стеклодувные мастерские, далеко опередившие наши, не смозговать машинку, улавливающую эфирные волны, а ведь волны проходят по воде не хуже, чем по воздуху. Старина Бербрикс чуть не спятил, когда мы в первый раз зацепили волну, но теперь попривык, и я думаю, радио тут станет привычным, обиходным делом.

Среди открытий химиков Атлантиды имеется газ в девять раз легче водорода, которому Маракот

---

[86] Notes: 86

Имеется в виду антракт к III действию оперы Рихарда Вагнера (1813–1883) «Лоэнгрин».

дал название «левиген». Его опыты с этим газом навели нас на мысль послать на поверхность океана шары из эластичного стекла атлантов с сообщением о нашей судьбе.

— Я разъяснил Манду, в чём дело, — сказал Маракот. — Он отдал распоряжение в стеклодувную мастерскую, и через день-два шары будут готовы.

— Но как мы положим внутрь записки? — спросил я.

— В шаре обычно оставляют небольшое отверстие для наполнения газом. В него можно просунуть свёрнутый в трубочку листочек бумаги. Потом эти искусные стеклодувы запаяют шар. Я уверен, что, когда мы выпустим шары, они стрелой помчатся кверху.

— И будут годами блуждать, никем не замеченные.

— Возможно. Но шары будут отражать лучи солнца. А это рано или поздно привлечёт внимание. Мы находимся под оживлённым морским путём из Европы в Южную Америку. И я не вижу причин, почему бы хоть одному из шаров не дойти по назначению.

Вот каким образом, мой дорогой Толбот или вы, кто читает эти строки, дошёл до вас мой рас-

сказ. Но этим дело не кончилось. За этой мыслью появилась другая, ещё более смелая. Её родил изобретательный мозг механика-американца.

— Послушайте, друзья, — сказал он, когда мы сидели одни в своей комнате, — здесь очень славно: и выпивка недурна, и закуска как быть должно, и бабёнку я тут встретил такую, что в Филадельфии ей никто и в подмётки не годится, — и всё же иной раз до зарезу хочется увидеть родную землю.

— Мы все об этом мечтаем, — возразил я, — но я положительно не вижу, как можно осуществить нашу мечту.

— А ну, погодите! Коли эти шары с газом могут унести от нас весточку, может, они и нас самих смогут утащить наверх. Да вы не думайте, что я дурака валяю. Я всё это прикинул и высчитал. Взять да связать три-четыре шара вместе и устроить этакий лифт на одну персону. Понимаете? Потом мы надеваем наши колпаки и привязываемся к шарам. Третий звонок, занавес поднимается — и мы улетаем. Что нас может задержать между дном и поверхностью?

— Акула, например…

— Подумаешь! Плевать я хотел на вашу акулу! Да мы так проскочим мимо всякой акулы, что она

и не расчухает, в чём дело. Мы так разгонимся, что выскочим метров на двадцать над поверхностью. Верьте слову, если какой-нибудь дурень увидит, как мы выскочим из воды, он со страху сразу примется молитвы читать.

— Ну, предположим, достигли мы поверхности, а что будет потом?

— Да бросьте вы к чёрту ваше „потом“. Надо попытать счастья или засесть здесь навеки. Я, во всяком случае, полечу.

— Я тоже очень хочу вернуться на землю, хотя бы для того, чтобы представить результаты своих наблюдений научным обществам, — отозвался Маракот. — Только моё влияние и личное присутствие дадут им возможность уяснить себе огромное богатство и значение моих наблюдений. Я готов принять участие в вашей попытке, Сканлэн.

Я меньше других стремился наверх, у меня были на то свои причины, о которых вы узнаете позже.

— Это безумие! — сказал я. — Если наверху нас никто не будет ждать, мы будем носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

— Ерунда, как это мы можем устроить, чтобы нас кто-нибудь ждал?

— Пожалуй, и с этим удастся справиться, — вмешался Маракот. — Мы можем сообщить довольно точно нашу широту и долготу…

— И там бросят лестницу? — не без иронии перебил я.

— Какая там ещё лестница! Хозяин прав. Слушайте, мистер Хедли, вы напишете в своих бумажках, которые посылаете наверх, где мы находимся. Чёрт возьми! Да я прямо вижу сенсационные заголовки в газетах! Напишите, что мы находимся под двадцать седьмым градусом северной широты и двадцать восьмым градусом четырнадцатой минутой западной долготы или как там ещё — ну, словом, поставьте нужные цифры. Поняли? Потом ещё напишите, что три самые знаменитые в истории персоны: великий деятель науки Маракот, восходящая звезда по части собирания жуков Хедли и Билл Сканлэн, механик первый сорт, гордость заводов „Мерибэнкса“ — взывают о помощи со дна океана. Поняли?

— А что дальше?

— Ну а тогда уже дело за ними. На такой призыв они уж не смогут не отозваться. Всё равно как я читал насчёт Стэнли, который спасал Ливингсто-

на[87]. Уж это их забота — вытащить нас отсюда или поджидать нас на поверхности, если мы ухитримся выпрыгнуть сами.

— Мы можем сами кое-что предложить, — сказал Маракот. — Пусть спустят сюда глубоководный лот, а мы будем его поджидать. Когда же мы его увидим, мы привяжем к нему письмо и напишем, чтобы они были готовы нас встретить.

— Вот это здорово! — воскликнул Билл Сканлэн. — Лучше не придумаешь.

— А если некая леди пожелает разделить нашу участь, то четверо так же легко поднимутся, как и трое, — произнёс Маракот, ехидно посмотрев на меня.

— И пятеро так же легко, как четверо, — прибавил Сканлэн. — Ну как, вы теперь уразумели, мистер Хедли? Напишите всё это, и через полгода мы снова будем гулять по набережной Темзы.

Сейчас мы выпустим два шара в воду, которая для нас всё равно что для вас воздух. Шары помчатся вверх. Пропадут ли оба в пути? Всё может быть! Или можно надеяться, что хоть один пробьётся на поверхность? Поручаем их судьбу счастливому случаю. Если для нашего спасения

---

[87] Notes: 87

Давид Ливингстон (1813–1873) и *Генри Мортон Стэнли* (1841–1904) — знаменитые путешественники, исследователи Африки.

ничего нельзя предпринять, то хотя бы дайте знать тем, кто нас оплакивает, что мы живы и счастливы. Если же представится случай прийти нам на помощь и для этого найдутся энергия и средства, мы дали вам достаточные указания, чтобы нас можно было спасти.

А пока прощайте, или, может быть, до свидания?!»

На этом окончились записки, вынутые из стеклянного шара.

Предыдущая часть повествования излагает факты, известные ко дню сдачи рукописи в набор. Когда книга уже находилась в печати, подоспел совершенно неожиданный сенсационный эпилог. Я имею в виду спасение Маракота и его группы паровой яхтой «Марион», снаряжённой для этого мистером Фавержером, и отчёт, переданный с яхты по радио и услышанный радиостанцией на островах Кап-де-Верде, которая передала его дальше — в Европу и Америку. Отчёт этот был составлен мистером Кеем Осборном, известным сотрудником агентства Ассошиэйтед Пресс.

Оказалось, что немедленно после того, как в Европе стало известно о действительной судьбе экспедиции доктора Маракота, началась энер-

гичная организация спасательной экспедиции. Мистер Фавержер великодушно предоставил для нужд экспедиции прекрасную паровую яхту и решил отправиться на ней сам. «Марион» отплыла из Шербура в июне, захватила в Саутгемптоне мистера Кея Осборна и кинооператора и немедленно направилась к пункту, точно указанному в письме. На место она прибыла 1 июля.

Был спущен глубоководный лот на крепком проволочном канатике, и его медленно повели по дну океана. На конце лота, кроме свинцового груза, была привешена бутылка с письмом внутри. В этом сообщении говорилось:

«Ваш отчёт стал известен миру, и мы прибыли спасти вас. Это же сообщение мы посылаем вам и по радио в надежде, что оно тоже дойдёт до вас. Мы будем медленно двигаться над вашей пропастью. Вынув это письмо из бутылки, положите на его место ваши инструкции. Мы их выполним в точности».

Два дня медленно и безрезультатно крейсировала «Марион». На третий день спасательную экспедицию ожидал большой сюрприз. В нескольких метрах от корабля из воды выскочил небольшой блестящий шар. Это был стеклянный почтальон, описанный в документе Хедли. Когда

шар не без труда был вскрыт, в нём оказалось письмо следующего содержания:

«Благодарим вас, дорогие друзья! Мы очень тронуты вашей добротой и признательны вам за ту энергию, с который вы приступили к делу. Мы легко уловили ваши радиопризывы и имеем возможность отвечать вам с помощью шаров. Мы попытались поймать ваш лот, но течение относит его высоко наверх, и он скользит так быстро, а сопротивление среды так велико, что самый проворный из нас не может за ним угнаться. Мы предполагаем назначить своё отплытие отсюда на шесть часов утра завтра, в среду, 5 июля, если не ошиблись в вычислениях. Мы отправимся поодиночке, так что замечания и указания, которые возникнут после отправления первого из нас, можно сообщить по радио тем, кто отправится позже. Ещё раз сердечно благодарим вас.

Маракот, Хедли, Сканлэн».

Дальше рассказывает мистер Кей Осборн:

«Было прекрасное утро. Тёмно-сапфи-

ровое море казалось спокойным, как озеро, и небосвод не омрачался ни единой тучей. Ещё до восхода солнца вся команда „Марион“ была на ногах и с живейшим интересом ожидала событий. Когда время стало приближаться к шести часам, общее волнение достигло предела. На сигнальной мачте был помещён особый дозорный, и без пяти шесть мы услыхали его крик и увидели, что он указывает на что-то справа от корабля. Мы все столпились у правого борта, и мне удалось забраться на шлюпку, с которой всё было прекрасно видно. Сквозь слой прозрачной воды я увидел нечто вроде серебристого пузыря, с большой скоростью поднимавшегося из глубины океана. Он вырвался на поверхность метрах в ста от яхты – красивый блестящий шар около метра в диаметре, – высоко взлетел на воздух и поплыл по ветру, покачиваясь, как детский воздушный шарик. Это было волшебное зрелище, но оно заронило тревогу в наши сердца: под шаром болтался обрывок верёвки, а значит, его груз остался где-то в глубинах океана.

Тотчас же была послана следующая радиограмма:

> „Ваш шар вынырнул рядом с судном. Ни в нём, ни под ним ничего не было найдено. Тем не менее мы спускаем лодку, чтобы быть готовыми ко всему“.

Вскоре после шести часов раздался новый сигнал дозорного, и через мгновение я снова увидел отливающий серебряным блеском шар, поднимавшийся из глубины, но гораздо медленнее, чем первый. Достигнув поверхности, он слегка поднялся в воздух и приподнял над водой привязанный к нему груз. То была большая пачка книг, бумаг и разнообразных мелких предметов, обёрнутых в непромокаемую рыбью кожу. Он был доставлен на борт, о его прибытии отправлена радиограмма, а мы с нетерпением стали ожидать следующего посланца.

Ждать пришлось недолго. Опять показался серебристый пузырь, опять он всколыхнул и прорвал гладь океана, но на этот раз поднялся в воздух очень высоко, увлекая за собой, к нашему удивлению, тонкую женскую фигуру. Она медленно опустилась на воду, а через мгновение уже была на борту яхты. Вокруг стеклянного шара, выше его экватора, было прикреплено кожаное кольцо, от которого свисали длинные ремни, привязанные к широкому поясу, охватывающему тонкую талию женщины. Выше пояса голова и плечи её были заключены в оригинальный грушевидный стеклянный колпак, — я называю его стеклянным, но он был из того же лёгкого упругого материала, похожего на стекло, что и шары. Колпак совершенно прозрачный, с лёгкими серебристыми прожилками.

Этот стеклянный колпак с помощью эластичных приспособлений так плотно прилегал к талии и плечам, что вода не могла в него проникнуть, и внутри находились неизвестные нам лёгкие аппараты, восстанавливающие запас кислорода, которые уже были описаны мистером Хедли. С некоторым усилием мы сняли колпак и уложили атлантку на палубе. Девушка лежала в глубоком обмороке, но равномерное дыхание

внушало надежду, что она скоро оправится от последствий стремительного полёта и перемены давления, которая была не так велика благодаря тому, что плотность воздуха внутри колпака была несколько выше, чем в атмосфере, так что можно сказать, что она была примерно такой, как в пунктах, где имеют обыкновение делать передышку ныряльщики. По всей видимости, это была та женщина из Атлантиды, которую Хедли в первом письме называл Моной, и, если судить по ней, атланты действительно прекрасная раса, достойная снова появиться на земле. Она смугла, у неё прекрасные, правильные черты лица, длинные чёрные волосы и великолепные глаза лани, которые теперь с очаровательным любопытством глядят по сторонам. Морские ракушки и перламутр украшают её кремовую тунику и блестят в тёмных волосах. Нельзя представить себе более прекрасной наяды из пучины океана — это само воплощение таинственного очарования моря. Мы видели, как в её глазах постепенно появлялось сознательное выражение, потом она вскочила на ноги с грацией лани и побежала к борту яхты.

— Сайрес! Сайрес! — кричала она.

Мы уже по радио успокоили тех, внизу. И те-

перь они быстро, один за другим, поднялись из глубины, подпрыгнув на десять-пятнадцать метров в воздух и снова спустившись на воду, откуда их тотчас извлекли. Все трое были без сознания, а у Сканлэна текла кровь из ушей и из носа, но уже через час все они были в силах подняться на ноги. Мне кажется, что первые движения каждого из них были удивительно характерны. Хохочущая группа увлекла Сканлэна в буфет, откуда и сейчас доносятся весёлые возгласы, которые отнюдь не помогают сей радиопередаче. Доктор Маракот схватил пачку бумаги, вытащил тетрадь, исписанную, насколько я могу судить, алгебраическими формулами, и молча пошёл в каюту. А Сайрес Хедли бросился к странной девушке и, по последним данным, имеет твёрдое намерение никогда от неё не отходить.

Таково положение дел, и мы надеемся, что наш радиопередатчик доставит этот отчёт станции Кап-де-Верде. Подробности этого удивительного приключения будут сообщены дополнительно теми, кто вырвался из подводной Атлантиды…»

VI

После нашего удивительного пребывания на дне Атлантики, когда в двухстах милях к юго-западу от Канарских островов нам удалось совершить погружение в подводную пучину, мы не только пересмотрели свои взгляды на давление и возможность жизни на больших глубинах, но и установили существование древней цивилизации, выжившей в невероятно сложных условиях. С тех пор множество людей написали как мне, Сайресу Хедли, роудскому стипендиату в Оксфорде, так и профессору Маракоту и даже Биллу Сканлэну. В этих письмах нас неизменно просили подробнее рассказать о том, что нам довелось увидеть и пережить в изумительной стране атлантов.

Надо заметить, что, хотя мой первый отчёт был весьма поверхностным, большинство событий в нём отражено. К потрясающим фактам, о которых я умолчал, относится и жуткая встреча с Темноликим Властелином. С ним связаны столь невероятные события и явления, что мы сочли за благо до поры до времени о них не рассказывать. Однако теперь, когда наука приняла наши выво-

ды (и я могу добавить, когда общество приняло мою невесту), а наша правдивость общепризнанна, можно отважиться на рассказ, который, полагаю, прежде не вызвал бы сочувствия публики. Как вы помните, мы провели несколько удивительных месяцев в затерянном мире атлантов, способных при помощи стеклянных колпаков передвигаться по океаническому дну с той же лёгкостью, с какой лондонцы, которых я вижу сейчас из окна «Гайд-парк отеля», гуляют по дорожкам среди цветочных клумб.

Когда после нашего ужасного падения в океаническую бездну атланты приютили нас, мы находились скорее в положении пленников, чем гостей. Теперь из моего повествования читатель узнает, как изменилось их отношение к нам и как благодаря величию доктора Маракота мы оставили после себя неувядаемую славу, и теперь наше появление запечатлено в анналах этого народа как пришествие небожителей. Если бы атланты заподозрили, что мы намереваемся просто-напросто сбежать, безусловно, они бы воспрепятствовали этому, но они не догадались о способе нашего исчезновения и, вероятно, сложили легенду о том, что небожители вознеслись в свою горнюю обитель, забрав с собой их лучший

и сладчайший цветок.

В определённом смысле мне хотелось бы остаться в Маракотовой бездне ещё, потому что мы столкнулись со многими тайнами и разгадать нам удалось далеко не все. Надо сказать, что мы довольно быстро осваивали язык атлантов и вскоре сумели бы узнать гораздо больше.

Опыт научил подводных жителей распознавать опасность. Помню, как однажды внезапно поднялась тревога и все выбежали в кислородных колпаках на океанское дно, хотя куда бежим и что надо делать, мы не понимали. Лица окружавших нас людей были искажены ужасом. Достигнув океанской равнины, мы повстречали греков-углекопов, спешивших к входу в нашу колонию. Они так торопились и так обессилели, что постоянно падали в ил, и мы, словно спасательная команда, поднимали несчастных и помогали отстающим. Оружия у атлантов не было, и мы не заметили, чтобы они готовились отразить надвигающуюся опасность. Наконец углекопов протолкнули в убежище, и когда последний из них оказался внутри, мы оглянулись на гряду скал, которую им пришлось пересечь. Мы увидели лишь пару пятен-струек зеленоватого цвета, светящихся в центре и изорванных по краям, которые скорей

дрейфовали, чем активно двигались в нашем направлении. При виде их, хотя они и были не менее чем в полумиле, наши спутники стали в панике стучать в дверь, чтобы их скорее впустили. Конечно, было крайне неприятно следить за приближением неведомой опасности, но насосы работали быстро, и скоро нам уже ничто не угрожало. Над дверью располагался огромный прозрачный кристалл длиной десять футов и шириной два, и огни были расставлены так, чтобы бросать яркий свет наружу. Взобравшись по лестницам, специально для этого установленным, некоторые из нас, включая и меня, смотрели через это подобие окна. Странные мерцающие круги зелёного света остановились перед дверью. Атланты буквально завизжали от страха. Затем тенеподобное создание заколыхалось в направлении нашего окна-кристалла. Тотчас же атланты стянули меня вниз, но по причине моей собственной нерасторопности прядь моих волос оказалась в сфере пагубного влияния, которое распространяют эти неведомые существа. До сих пор эта прядь остаётся высохшей и седой.

Ещё долго атланты не осмеливались открыть дверь, и когда наконец выбрали лазутчика, ему жали руку, хлопали по спине, как человека,

совершающего в высшей степени доблестный поступок. Он сообщил, что опасность миновала, и подводное сообщество вновь ликовало, а странное посещение было забыто. Мы лишь поняли, что слово «пракса», которое с ужасом на разные лады повторяли атланты, было названием этого существа. Единственным человеком, извлёкшим настоящую радость из происшествия, был профессор Маракот, которого едва удалось удержать от похода с небольшой сетью и со стеклянным сосудом.

— Новая форма жизни, частью газообразная, частью органическая, но, очевидно, разумная, — прокомментировал он.

— Да, «уродец адский», — менее научно описал это явление Билл Сканлэн.

Два дня спустя, во время вылазки, которую мы между собой называли «креветочной», блуждая среди глубоководной растительности и собирая в сетки образцы мелкой рыбёшки, мы внезапно наткнулись на останки землекопа, которого, несомненно, настигло одно из тех удивительных существ. Стеклянный колпак был сломан, что потребовало необычайной силы, поскольку этот стеклоподобный материал весьма прочен, в чём вы убедились, когда пытались достать моё пер-

вое послание. Глаза несчастного были вырваны, но больше никаких повреждений на его теле не оказалось.

— Разборчивый едок! — сказал профессор, когда мы вернулись. — В Новой Зеландии обитает ястреб, который убивает ягнёнка ради одного кусочка жира над почкой. Так же и эта тварь убивает человека ради его глаз. В небесных высях и в морских глубинах природа диктует лишь один закон, и это, увы, жестокость, не ведающая жалости.

В океанских глубинах нам встречалось множество подтверждений этого страшного закона. Я помню, например, что мы много раз видели странную борозду в мягком глубинном иле, словно по нему прокатили бочку. Мы показали этот след нашим атлантийским спутникам и, когда мы научились задавать вопросы, попытались добиться от них описания этого существа. Что касается его имени, наши друзья издали несколько характерных для их речи щёлкающих звуков, которых нет в европейских языках и которые нельзя воспроизвести с помощью европейского алфавита. «Криксок» — это, пожалуй, довольно близко передаёт звучание их слова. Получить представление о внешнем виде существа было очень легко: мы воспользовались отражателем мыслей. Таким образом атланты передали нам изображение весьма странного морского создания, которое профессор мог классифицировать лишь как гигантского морского слизня. Оно, видимо, было огромных размеров, сигарообразной формы, с глазами на каком-то подобии стеблей; его покрывала густая жёсткая шерсть или щетина. Демонстрируя нам образ этого существа, наши друзья выражали жестами величайший ужас и отвращение.

Их страх, как понял бы любой, кто знал Маракота, лишь воспламенил его жажду познания и подхлестнул в нём стремление определить точный вид и подвид неведомого чудовища. Поэтому я не удивился, когда во время нашей следующей прогулки он остановился там, где в иле был хорошо виден след, и повернул к сплетениям водорослей и базальтовым глыбам, откуда он тянулся. Как только мы покинули равнинную часть, следы исчезли, и осталось нечто вроде естественного углубления среди камней, которое явно вело к норе чудовища. Мы были вооружены копьями, какие атланты обычно носили с собой, но для защиты от неизвестных опасностей они казались мне чересчур хрупким оружием. Однако профессор не колеблясь пошёл вперёд, и нам ничего не оставалось, как следовать за ним.

Скалистое ущелье шло вверх; края его были сложены из огромных глыб вулканической породы и обильно обрамлены красными и чёрными силуэтами ламинарий, характерных для огромных океанических глубин. Тысячи прекрасных асцидий и иглокожих ярких радужных цветов и фантастических форм выглядывали из водорослей, среди которых также двигались необыкновенные ракообразные. Мы шли очень

медленно, поскольку на больших глубинах вообще ходить непросто, а склон, по которому мы взбирались, был довольно крутым. Наконец мы увидели то существо, которое искали, и вид его не сулил ничего хорошего.

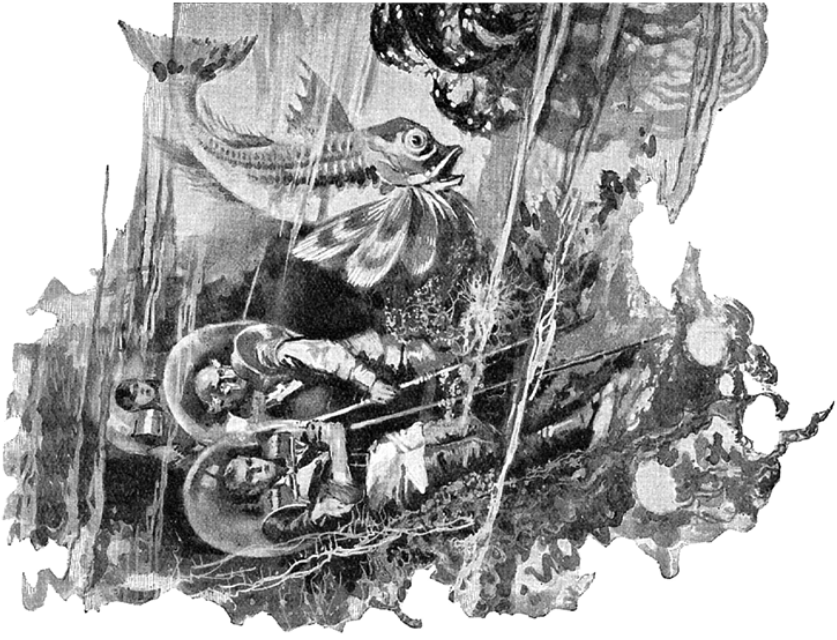
Оно лежало, наполовину высунувшись из своего логова-впадины в груде базальта. Снаружи находилось около пяти футов покрытого шерстью туловища, и мы заметили, как его жёлтые глаза размером с блюдце, блестевшие, словно агаты, задвигались на своих стеблях, когда животное заслышало наше приближение. Затем оно стало медленно выбираться из норы, извиваясь своим грузным телом, как гусеница. Один раз оно отодвинуло голову фута на четыре от камня, чтобы лучше нас рассмотреть, и в это время я заметил у него с обеих сторон шеи полосатые наросты, похожие на ребристые подошвы теннисных туфель. Что это такое, я не мог догадаться, но нам скоро на собственном опыте пришлось узнать, какую роль играли эти наросты.

Профессор стоял, выставив копьё вперёд, с выражением решимости на лице. Надежда добыть редкий образец заставила его позабыть про страх. Мы со Сканлэном вовсе не были так уверены в себе, но не могли покинуть старика и заняли

позиции по бокам от него. Понаблюдав за нами, чудовище начало медленно и неловко сползать по склону, пробираясь среди камней по своей борозде. Время от времени оно поднимало глаза на стеблях, чтобы посмотреть, чем мы заняты. Приближалось оно так медленно, что мы считали себя в полной безопасности, поскольку всегда могли держаться от страшилища на приличном расстоянии. Мы и не подозревали, что находимся на волосок от смерти.

Без сомнения, само Провидение послало нам предостережение. Чудовище всё ещё неуклюже приближалось, когда из густых водорослей недалеко от нас вынырнула крупная глубоководная рыба и стала медленно переплывать ущелье. Когда она оказалась примерно посередине между монстром и нами, она вдруг как-то судорожно дёрнулась, перевернулась брюхом вверх и опустилась на дно ущелья. Вдруг каждый из нас почувствовал, что странная и очень неприятная судорога прошла через всё тело, а колени сами собой подогнулись. Старик Маракот был столь же осторожен, сколь и смел: в мгновение ока он оценил положение и понял, что животное ему не добыть. Мы имели дело с существом, способным посылать электрические разряды, которые уби-

вали намеченную жертву, и наши копья были так же бесполезны против него, как и против пулемёта. Если бы рыба по счастливой случайности не отвлекла его огонь на себя, мы бы дождались, пока чудовище не оказалось достаточно близко и разрядило в нас всю мощь своей батареи, что непременно стоило бы нам жизни. Мы пустились наутёк, решив навсегда оставить в покое гигантского электрического слизня со дна морского.



Я описал далеко не все из тех ужасных опасностей, с которыми можно столкнуться в морских глубинах. Была там ещё и Hydrops ferox (водянка воинственная), как её окрестил профессор. Это маленькая красноватая рыбка, в длину чуть больше сельди, с широким ртом и грозным рядом зубов. При обычных обстоятельствах она не опасна, но пролитая кровь, пусть даже в самых ничтожных количествах, мгновенно привлекала её, и тогда поранившейся жертве не было спасения: рои рыбок разрывали её на куски. Однажды на угольных разработках мы видели настоящий кошмар, когда раб-углекоп имел несчастье поранить себе руку. В ту же секунду со всех сторон на него набросились тысячи рыбок; он упал навзничь. Тщетно он отбивался, тщетно его товарищи пытались отогнать хищниц кирками и лопатами. Нижняя часть его тела, не защищённая колоколом, исчезла у нас на глазах, растерзанная окружившим его живым трепещущим облаком. Только что мы видели человека, теперь же перед нами была красная масса с выступающими белыми костями. А спустя минуту ниже талии остались лишь голые кости: на морском дне лежал наполовину обглоданный человеческий скелет. Зрелище было столь ужасным, что нам всем стало плохо, а

невозмутимый Сканлэн просто упал в обморок, и мы с трудом дотащили его до дому.

Разумеется, не надо думать, будто все зрелища, которые представали перед нами, были мерзкими и отвратительными. Нам случалось наблюдать и удивительные, завораживающие явления. Однажды мы отправились на одну из излюбленных прогулок, которые мы уже частенько совершали без сопровождения атлантов, понявших, что нам более не нужна постоянная опека. Мы шли по знакомой равнинной местности и вдруг увидели, что со времени нашего последнего посещения здесь возникло огромное пятно из светло-жёлтого песка. Мы недоумевали, какое подводное течение или движение земной коры могло принести сюда этот песок. Внезапно, к полнейшему нашему изумлению, то, что мы приняли за песок, поднялось над дном и поплыло, легко колыхаясь, прямо у нас над головой. Это оказалась огромная плоская рыба, ничем не отличавшаяся, по наблюдениям профессора, от нашей маленькой камбалы, но выросшая до невероятных размеров благодаря тому, что обильно питалась в плодородном глубоководном иле. Она проплыла в темноте над нами — огромное, мерцающее, колышущееся жёлто-белое пятно, — и

больше мы её не встречали.

Был ещё один весьма неожиданный феномен, характерный для морских глубин, — частые торнадо. Похоже, они представляют собой периодически возникающие подводные течения, которые появляются внезапно и производят ужасное действие, вызывая такие же разрушения, как ураганы на суше. Нет сомнения, что, не будь этих течений, наступили бы застой и разложение, как бывает при полной неподвижности. Данное явление природы, как и всё остальное, имеет свою разумную необходимость, но ощущение от него отнюдь не из приятных.

Когда я в первый раз попал в такой водяной циклон, я прогуливался по дну с чрезвычайно милой девушкой, о которой уже упоминал, — с Моной, дочерью Манда. Мы находились в красивом месте, примерно в миле от колонии, около насыпи, заросшей водорослями. Водоросли играли и переливались тысячами разнообразных цветов. Это был личный сад Моны. Она очень его любила. Здесь росли ламинарии, розовые серпулярии, пурпурные офиуры и красные голотурии. В тот день Мона показывала мне сад, как вдруг началась буря. Течение, подхватившее нас, было невероятно сильным, и нас не смыло

лишь потому, что мы крепко держались друг за друга, спрятавшись за камнями. Я заметил, что несущийся поток был тёплым, даже горячим; это доказывает вулканическую природу течений — отголоска подводного извержения в дальней части океанического дна. Поток поднял грязь на огромной равнине, и свет померк в густом облаке ила. Дорогу назад найти было невозможно: мы потеряли всякое чувство направления, да и вряд ли смогли бы двигаться против течения. В довершение неприятностей медленно увеличивающаяся тяжесть в груди и затруднённость дыхания свидетельствовали, что запас кислорода подходит к концу. Но когда смерть оказывается совсем рядом, человеком овладевает сильная первобытная страсть к жизни, заглушающая другие чувства.

Именно тогда я понял, что люблю свою нежную спутницу, люблю всем сердцем и душой. Сколь загадочна, непостижима любовь! Сколь неподвластна рассудку! Я любил в Моне не лицо или фигуру, хотя они и были прелестны. И не голос, хотя более музыкального голоса мне в своей жизни слышать не доводилось. И не её быстрый и деятельный ум. Нет, было нечто в глубине её тёмных мечтательных глаз, в самой глубине её

души, так же как и моей, что роднило нас на все времена. Я протянул руку и сжал её ладонь. Я узнавал мысли Моны лишь по выражению её чувственного лица. Её взгляд говорил, что она прочла мои мысли и чувства, и прекрасные ланиты моей возлюбленной покрылись румянцем. Смерть рядом со мной не страшила её, и сердце моё учащённо забилось.

Но нам не было суждено умереть. Хоть мне и казалось, что колпаки наши не пропускают звуков, однако на самом деле некоторые воздушные колебания легко проникали сквозь них или же своим воздействием создавали аналогичные колебания внутри. Мы услышали громкое биение, гулкий звон, как будто вдалеке били в гонг. Я не понимал значения этих звуков, но у моей спутницы не было сомнений. Держа мою руку, она поднялась из-за нашего укрытия и, внимательно прислушавшись, приникла ко дну, а затем стала двигаться против течения. То было бегство от смерти, потому что ужасная тяжесть в груди становилась всё невыносимее. Я видел, как милые глаза Моны с тревогой вглядывались в моё лицо, и с трудом брёл вслед за нею. Судя по её движениям, запас кислорода у неё был израсходован меньше, нежели у меня. Я держался, сколько

позволяла природа, а затем перед глазами у меня всё поплыло, я выбросил вперёд руки и упал без чувств.

Очнувшись, я увидел, что лежу на своей кровати во дворце атлантов. Старик-жрец в жёлтых одеждах стоял у изголовья, держа в руке сосуд с тонизирующим снадобьем. Маракот и Сканлэн склонились надо мной, а Мона на коленях стояла в изножье кровати, и в чертах её лица читалось крайнее беспокойство. По-видимому, храбрая девушка поспешила к убежищу, около входа в которое во время торнадо били в огромный гонг, чтобы заблудившиеся могли сориентироваться. Она кинулась за помощью и привела ко мне спасательную команду, к которой присоединились и оба моих товарища; они-то и отнесли меня домой. Что бы я ни делал в своей жизни, я вечно буду благодарен Моне, потому что саму эту жизнь подарила мне она.

Теперь, когда Мона чудесным образом последовала за мной в надводный мир людей под солнцем, я часто размышляю о нас и нашей любви. Я так любил Мону, что искренне желал остаться в морских глубинах навсегда, лишь бы не потерять любимую. Ещё долго я не мог понять, какие такие сокровенные узы соединяют нас, но

я видел, что и Мона чувствует их. Манд, её отец, объяснил мне природу этой связи. Его объяснение было и неожиданным, и убедительным.

Он смотрел на нашу любовь со снисходительной улыбкой человека, предвидение которого оправдывается. И вот как-то раз он привёл нас к себе и установил в комнате серебряный экран, на какой атланты проецируют свои мысли и знания. Никогда, пока жив, я не забуду того, что он нам показал. Сидя рядом и взявшись за руки, мы заворожённо следили за картинами, рождёнными присущей атлантам памятью о прошлом их расы.

Мы видели скалистый полуостров, омываемый прекрасным синим океаном. Возможно, я не упоминал прежде, что в этом мысленном кинематографе, если можно его так назвать, воспроизводятся не только формы предметов, но и их цвет. На мысу стоял большой белый дом причудливой формы с красной крышей. Его окружала пальмовая роща, где, вероятно, расположился военный лагерь, потому что мы различали белое полотно палаток, видели блеск оружия. Стражники несли вахту. Вот из рощи вышел человек средних лет, одетый в боевые доспехи и с лёгким круглым щитом на руке. В

другой руке он что-то нёс, но был ли то меч или копьё — я не мог разглядеть. Вот он повернулся, и я понял, что он принадлежал к той же расе, что и атланты. Его можно было назвать близнецом Манда, но черты лица его были несравненно грубее и резче, — несомненно, это был жестокий человек, но жестокий не от невежества, а в силу своего характера. Жестокость и ум — опаснейшее сочетание! Высокий лоб, сардоническое выражение обрамлённого бородой рта и знакомые нам жесты могли принадлежать только Манду, но душой он с той поры сильно изменился к лучшему.

Когда человек приблизился к дому, ему навстречу вышла молодая женщина. Она была в характерном для древних греков длинном облегающем одеянии — в простейшем и вместе с тем благороднейшем наряде, какое когда-либо носила женщина. Подходя к мужчине, она держала себя с покорностью и уважением, как подобает дочери вести себя в присутствии отца. Он, однако, грубо оттолкнул её и занёс руку словно для удара. Когда она отпрянула, солнечный свет упал на её прелестное лицо с полными слёз глазами, и я увидел, что это была моя Мона.

Серебряный экран померк, и через мгновение на нём появилась другая сцена. Перед нами была

скалистая бухта того же полуострова. На переднем плане мы видели лодку необычной формы с высокими заострёнными концами. Была ночь, но луна ярко освещала воду. В небе Атлантиды мерцали знакомые звёзды. Медленно и осторожно лодка стала причаливать. В ней находилось два гребца, на носу стоял человек, закутавшийся в тёмный плащ. Когда лодка подплыла к берегу, он нетерпеливо огляделся по сторонам. В ярком свете луны я увидел его бледное и серьёзное лицо. Не нужно было судорожного рукопожатия Моны или восклицания Манда, чтобы объяснить внутренний трепет, который охватил меня. Этим человеком был я!

Да, я, Сайрес Хедли, ныне живущий в Нью-Йорке и Оксфорде, я, продукт современной культуры, был когда-то частью этой могущественной древней цивилизации. Наконец мне стало ясно, почему многие символы и иероглифы, которые я видел вокруг, казались мне смутно знакомыми. Снова и снова я напрягал память, чувствуя, что стою на пороге какого-то важного открытия: оно совсем рядом и всё же остаётся за пределом досягаемости. Я понял и причину глубокого душевного волнения, возникавшего всякий раз, когда я встречался взглядом с Моной. Оно шло из

глубин моего собственного подсознания, где хранилось воспоминание двенадцати прошедших тысячелетий.

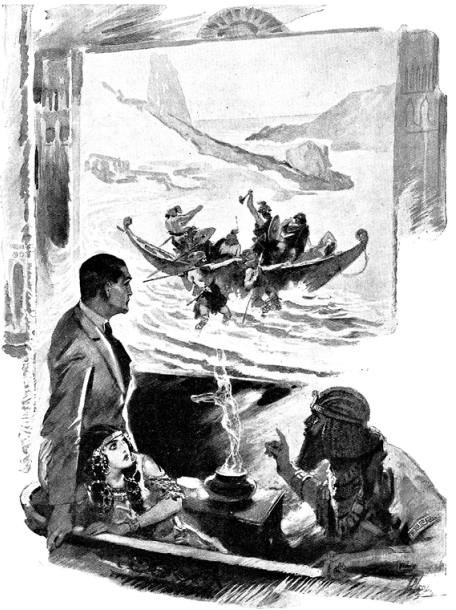
Затем лодка коснулась берега, и из прибрежных кустов показалась мерцающая белая фигурка. Я простёр руки, чтобы подхватить её. После поспешного объятия я поднял девушку и перенёс в лодку. Внезапно в лагере поднялась тревога. Неистово жестикулируя, я молил гребцов скорее отчаливать от берега. Но было поздно. Из-за кустов появились толпы людей. Сильные руки схватили лодку за борт. Тщетно пытался я отбиться. В воздухе сверкнул топор и обрушился на мою голову. Я замертво упал на девушку, моя кровь окрасила её белое одеяние. По её безумным глазам и открытому рту мы видели, что она кричала, когда отец за длинные чёрные волосы выволакивал её из-под моего тела. И занавес опустился.

Снова осветился серебряный экран. Мы видели внутреннюю часть дома-убежища, построенного мудрым атлантом накануне рокового дня, того самого дома, в котором мы все сейчас находились. Я видел столпившихся людей: разразилась катастрофа. Там я снова встретил мою Мону и её отца, который стал лучше и мудрее, поэтому он оказался среди тех, кто спасся. Огромный зал

раскачивался, словно корабль в бурю, а атланты, охваченные благоговейным страхом, приникали к колоннам или падали на пол. Затем дом накренился и стал опускаться под воду. Экран померк, и Манд повернулся к нам с улыбкой, чтобы показать, что всё кончилось[88].

[88] Notes: 88

Очень похожую, но не вымышленную историю описывает в своей книге «От прошлых жизней к жизням грядущим, бессмертие и перевоплощение» Патрик Друо, современный французский исследователь проблемы множественности существований и припоминания прошлых жизней (так наз. регрессия памяти). См. Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation», Paris, Ed. du Rocher, 1989, p. 111–126. Более подробно эта тема освещена в трактате Йога Раманантаты «Регрессия и реинкарнация. Память прошлых жизней и множественность существований».



Да, мы жили раньше, все мы — Манд, Мона и я, — и, наверное, будем жить опять, снова и снова ступая по длинной череде наших суще-

ствований. Я умер на земле и поэтому в своих новых воплощениях жил на суше. Манд и Мона умерли под водой, поэтому их космическая судьба развивалась здесь. Для нас на мгновение приподнялся уголок тёмного покрова природы, и мимолётный проблеск истины озарил нас. Каждая жизнь — лишь глава в задуманном Творцом повествовании. Нельзя судить о её мудрости или справедливости, пока в некий День откровения с неведомой до сей поры вершины знания и мудрости не оглянешься назад и не увидишь наконец причины и следствия на всём протяжении бесконечного времени.

Эта заново обретённая удивительная духовная связь, быть может, и спасла нас позже, когда разгорелась единственная серьёзная ссора между нами и сообществом, в котором мы жили. Нам пришлось бы весьма туго, если бы более значительное происшествие не завладело вниманием атлантов и не переменило их отношения к нам. Вот как это случилось.

Однажды утром — если только подобное слово применимо там, где о времени суток приходится судить лишь по тому, чем занимаются люди, — мы с профессором сидели в нашей большой гостиной. В одном углу он устроил себе нечто вро-

де лаборатории и был занят препарированием гастростомуса, которого мы поймали накануне. На столе лежали останки амифподов и копеподов, а также образцы валелл, иантин и фезалий и сотня других существ и веществ, запах которых вовсе не был столь привлекателен, сколь их вид и название. Я сидел рядом и изучал грамматику языка атлантов. Надо сказать, что у наших друзей имелось множество книг (читать по их нормам следует справа налево), все они были напечатаны на материале, который я считал пергаментом, пока не узнал, что это спрессованные и особым образом выделанные рыбьи пузыри. Я был преисполнен решимости прочитать все книги и потому проводил много времени за изучением алфавита и структуры языка.

Внезапно наши мирные занятия были прерваны ворвавшимся в комнату Сканлэном, раскрасневшимся и взволнованным. Одной рукой он размахивал, а в другой, к нашему изумлению, держал упитанного орущего младенца. За ним следовал Бербрикс, инженер, который помог Сканлэну соорудить беспроволочный приёмник. Бербрикс всегда отличался изрядным добродушием, но сейчас его крупное полное лицо было искажено яростью. За инженером в комнату

вбежала женщина, чьи русые волосы и голубые глаза говорили о том, что её предками, скорее всего, были не атланты, а порабощённые ими древние греки.

— Послушайте-ка, босс! — воскликнул Сканлэн. — Этот парень, Бербрикс, я вам скажу, классный парень, только он, похоже, свихнулся, и эта юбка, на которой он женился, тоже. И теперь, значит, им без нас не разобраться. Как я понимаю, она у них — всё равно что черномазый у нас на юге, и он отлично поступил, когда решил на ней жениться, но это личное дело парня, и мы тут ни при чём.

— Конечно же это его личное дело, — согласился Маракот. — Что это, Сканлэн, на вас нашло?

— Речь вот о чём, босс. Тут — бац! — появляется ребёнок. Похоже, что здешний народ не очень-то жалует эту породу, и жрецы тут же решили принести ребёнка в жертву этой ихней образине. Жрец — ать-два — схватил ребёнка и отчалил с ним, но старина Бербрикс дёрнул младенца на себя, а я жреца двинул по уху. Так что теперь вся свора гонится за нами по пятам и…

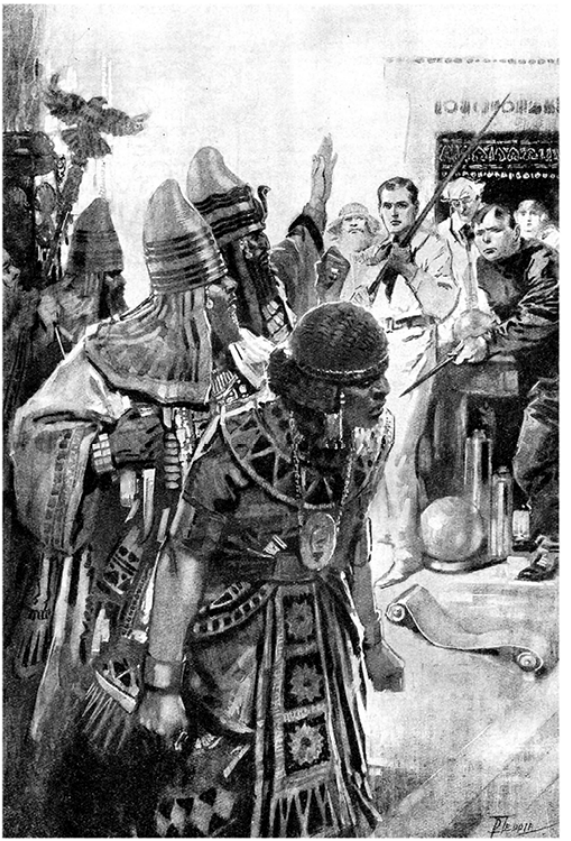
Договорить Сканлэн не успел: в коридоре раздались крики и топот, наша дверь распахнулась и несколько служителей Храма в жёлтых оде-

яниях ворвались в комнату. За ними вбежал разъярённый курносый главный жрец. Он дал рукой знак, и слуги бросились к нам, чтобы схватить ребёнка. Однако им пришлось остановиться, когда Сканлэн, положив ребёнка на стол, взял копьё и выставил его навстречу нападавшим. Те достали ножи. Схватив копья, мы с Бербриксом поспешили на помощь Сканлэну. Выглядели мы угрожающе, служители Храма отпрянули и стояли в нерешительности.

— Мистер Хедли, вы, сэр, ведь немного говорите на их наречии! — выкрикнул Сканлэн. — Так скажите им, что нас так просто не возьмёшь. Скажите им, что, мол, большое спасибо, но мы сегодня младенцев не выдаём. И что мы их славно вздуем, коли они сейчас же не очистят ранчо. Вот так, вы просили, так что кушайте теперь на здоровье, желаю вам повеселиться!

Последняя тирада Сканлэна была вызвана тем, что доктор Маракот внезапно вонзил скальпель, которым препарировал животных, в руку одного из служителей, подкравшегося к Сканлэну сзади с ножом. Служитель взвыл и завертелся от страха и боли. Между тем его товарищи, поощряемые жрецом, готовились к атаке. Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы в комнату не вошли

Манд и Мона. Манд удивлённо посмотрел на представшую его глазам картину и обратился с вопросами к жрецу. Мона же подошла ко мне, и я по счастливому наитию взял младенца и отдал его ей. Тот сразу же успокоился и довольно заворковал.



Манд нахмурился, и нам стало ясно: он не знает, как быть. Он отослал верховного жреца назад в Храм и начал длинное объяснение, из которого я понял и смог передать моим друзьям лишь часть.

— Вы должны отдать ребёнка, — сказал я Скан-лэну.

— Отдать! Ну уж нет, сэр. Ни за что!

— Эта девушка позаботится и о нём, и о его матери.

— Ну, это другой коленкор. Коли мисс Мона берёт дело в свои руки, то я спокоен. Но если этот бродяга-жрец снова…

— Нет-нет, он сейчас не станет вмешиваться. Вопрос будет решён на совете. Всё это как нельзя более серьёзно, потому что со слов Манда я понял, что жрец не превысил своих прав и что таков древний обычай нации. Он говорит, что они не могли бы различать высшую и низшую расы, будь между ними промежуточные звенья. Если подобный ребёнок родился, он должен умереть. Таков закон.

— Всё равно ребёнок не умрёт!

— Надеюсь. Манд обещал сделать в совете всё от него зависящее. Но до совета есть ещё одна-две недели. Так что пока ребёнку ничто не грозит, а

там видно будет — мало ли что случится за это время?

Да, как можно было знать наперёд, что случится? И кто, в самом деле, мог вообразить, что произойдёт *такое*?! Об этом, однако, следующая глава наших приключений.

VII

Я уже говорил, что неподалёку от подземного жилища атлантов, загодя приготовленного для спасения в предстоящей катастрофе, поглотившей их родную землю, лежали руины огромного города, частью которого было когда-то и их убежище. Я описал также, как с прозрачными, наполненными кислородом колпаками на голове мы осматривали данное место. Нельзя передать словами впечатления, которое произвело на нас величественное зрелище — огромные колонны с резными узорами и гигантские здания, молчаливо застывшие в сером свете фосфоресцирующей бездны, где глубинные течения медленно размывают каменные плиты да иногда мелькает тень огромной рыбы, вплывающей в зияющий дверной проём или бесшумно скользящей в разорённых комнатах. Это было любимое место наших прогулок, и в сопровождении Манда мы проводили там по многу часов, рассматривая непривычную архитектуру исчезнувшей цивилизации, которая по развитию техники (но отнюдь не духовной культуры) далеко обогнала нашу. Урок, который мы можем вынести из

их взлёта и падения, состоит в том, что самая большая опасность для государства — допустить, чтобы развитие интеллекта обогнало развитие души. Это погубило древнюю цивилизацию Атлантиды и может погубить нас.

Среди руин старинного города внимание привлекало большое здание, которое первоначально, должно быть, стояло на холме, потому что оно и теперь располагалось выше общего уровня. К нему вела длинная широкая лестница из чёрного мрамора; тот же материал был использован и для отделки большей части здания, но мрамор почти полностью оказался скрыт отвратительной жёлтой губкой, которая свисала со всех уступов и карнизов, напоминая струпья проказы на коже больного. Над главным входом, тоже из чёрного мрамора, торчала ужасная голова Медузы с развевающимися змеями вместо волос, и этот символ то и дело повторялся на стенах. Не раз мы порывались осмотреть зловещий дом, но Манд приходил в сильнейшее волнение и жестами упрашивал нас уйти. Мы поняли, что, пока он нас сопровождает, нам своего не добиться, а нас прямо-таки одолевало любопытство.

Однажды утром мы с Биллом Сканлэном устроили по этому поводу совет.

— Слушай-ка, приятель, — сказал он, — по всему видно, этот парень пытается от нас что-то скрыть, и чем старательней он скрывает, тем больше мне кажется, что я не прочь узнать, в чём там, собственно, дело. Нам ведь не нужны провожатые — ни тебе, ни мне. Мы вполне можем сами надеть стеклянные колпаки и выйти через парадный подъезд погулять как нормальные граждане. Пошли туда, разберёмся, что к чему!

— Почему бы и нет? — ответил я, заинтригованный не меньше его.

— У вас нет возражений, сэр? — спросил я у вошедшего в комнату Маракота. — Не хотите ли и вы пойти с нами, чтобы разрешить загадку Дворца Чёрного Мрамора?

— Возможно, это ещё и дворец чёрной магии, — отвечал он. — Вам не доводилось слышать о Темноликом Властелине?[89]

Я вынужден был сознаться, что не слыхал о таком. Не помню, говорил ли я, что профессор — всемирно признанный авторитет по истории религий, по древним и первобытным культам. Даже далёкая Атлантида не выходила за пределы

---

[89] Notes: 89

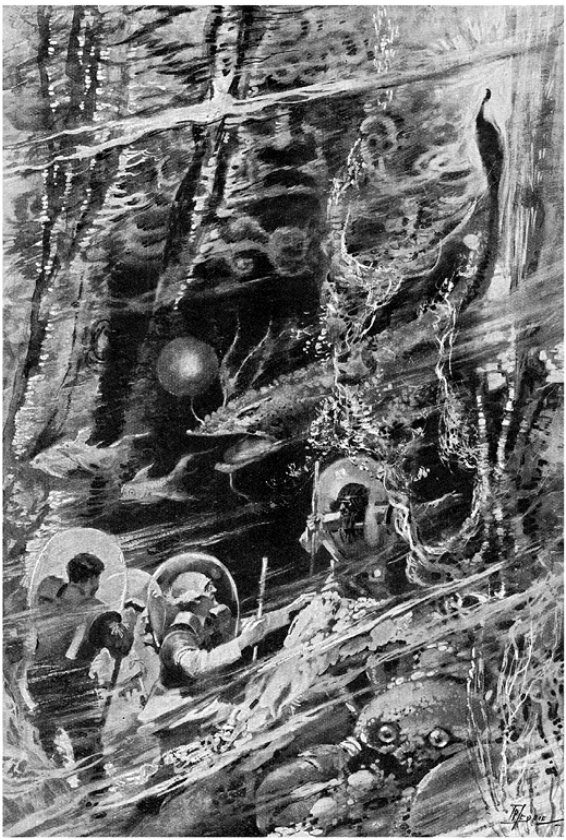
Данный персонаж, как будет видно из дальнейшего, во многом напоминает Фантомаса в исполнении Жана Марэ и озвученного по-русски В. Дружниковым.

его познаний.

— Сведения о Темноликом Властелине дошли до нас преимущественно через Египет, — сказал он. — То, что жрецы храма в Саисе рассказали Солону, стало как бы ядром, вокруг которого собрались другие факты, легенды, свидетельства очевидцев. Есть в них, разумеется, и определённая доля вымысла.

— Так что ж интересного рассказывали эти умники? — спросил Сканлэн.

— Они много всего рассказывали. Среди прочего — легенду о Темноликом Властелине. Я подозреваю, что это и есть хозяин Дворца Чёрного Мрамора. Некоторые утверждают, что было несколько Темноликих Властелинов, но достоверные свидетельства существуют лишь об одном.



— И кто он? — спросил Сканлэн.

— Все сходятся на том, что это был больше, чем человек — и по силе, и по злу, в нём заключённому. Ведь именно из-за него, из-за полного духовного разложения, которое он навлёк на людей, была уничтожена Атлантида.

— Как Содом и Гоморра.

— Совершенно верно. Видимо, есть предел, который невозможно преступить. Терпение природы истощается, и единственное, что ей остаётся, — смести всё с лица земли и начать заново. Это зловещее существо — не хочу называть его человеком — изучило тёмные искусства и преуспело в магии, которую употребляло во зло. Такова легенда о Темноликом Властелине. Она объясняет, почему его дом и по сей день пугает бедняг-атлантов и почему они так не хотят, чтобы мы к нему приближались.

— А мне, наоборот, ещё больше захотелось! — воскликнул я.

— И мне тоже, — прибавил Билл.

— Должен сознаться, что и я не прочь его осмотреть, — сказал профессор. — Не вижу, чем мы повредим нашим гостеприимным хозяевам, если сходим туда сами, раз их предрассудки не позволяют им близко подходить к дворцу. Отправимся

при первом же удобном случае.

Но удобного случая нам пришлось терпеливо ждать, потому что в тесном сообществе атлантов наша экспедиция, предприми мы её, не укрылась бы от глаз остальных. Однажды утром (насколько мы вообще могли отличить ночь от утра) наши хозяева были заняты какой-то грандиозной религиозной церемонией, и мы решили не упускать свой шанс; заверив обоих рабочих, приводивших в действие огромные насосы, что идём на обычную прогулку, мы быстро выбрались на океанское дно и направились к древнему городу. В плотной морской воде трудно передвигаться, и даже короткая прогулка бывает утомительной, но всё же через час мы оказались перед большим чёрным зданием, возбудившим наше любопытство. Некому было нас остановить, и мы, не подозревая о грозящей опасности, поднялись по чёрной мраморной лестнице и вошли в исполинские каменные двери Дворца Зла.

Дворец сохранился гораздо лучше прочих зданий древнего города — даже каменные стены ничуть не пострадали, лишь мебель и портьеры исчезли, и их заменили ужасные занавеси, развешенные природой. Это было мрачное и тёмное место, в жуткой тени скрывались безобразные

полипы и странные бесформенные рыбы, казавшиеся плодом ночного кошмара. Больше всего мне запомнились гигантские пурпурные слизни, которые ползали кругом в невероятных количествах, и огромные чёрные рыбы, покрывавшие пол, словно циновки. Над ними в воде колыхались длинные щупальца, будто обрамлённые огнём. Нам пришлось ступать весьма осторожно, так как всё строение оказалось наполнено этими отвратительными созданиями, мерзостный вид которых, скорее всего, соответствовал их смертоносности.

В богато украшенные коридоры выходили двери комнат, центральная часть здания представляла собой большой зал, некогда бывший одним из самых великолепных творений рук человеческих. В сумеречном свете нам не было видно ни потолка, ни истинной высоты стен, но по мере того, как свет наших фонарей выхватывал из темноты бесчисленные коридоры, мы поняли, что дворец просто необъятен. Мы дивились настенным украшениям: барельефам и орнаментам, вырезанным с потрясающим мастерством, но на отвратительные и непристойные сюжеты. Вся садистская жестокость и животная похоть, какую только может измыслить человеческий ум,

нашла на этих стенах своё отражение, и из теней перед нами возникали гадкие образы и ужасные фантазии. Если когда-либо на земле возводили храм в честь дьявола, то, несомненно, мы в нём сейчас находились. Здесь присутствовал и сам дьявол, потому что в конце зала под навесом из металла, давно утратившего свой первоначальный цвет (возможно, то было золото), на высоком троне красного мрамора восседал ужасный идол, настоящее воплощение зла. Нахмурив брови, он взирал на мир жестоко и неумолимо. Он выглядел близнецом Ваала, изображение которого мы видели в колонии у атлантов, только был ещё отвратительнее и ужаснее.

Кажущееся живым лицо завораживало, притягивало к себе, и мы словно оцепенели, как вдруг сзади нас послышался громкий смех, полный издёвки. Мы, как я уже сказал, были в стеклянных колпаках, не пропускавших звуков ни внутрь, ни наружу, но издевательский смех отчётливо звучал в ушах! Мы резко обернулись и застыли в изумлении.

Прислонившись к колонне, стоял человек, руки его были скрещены на груди, во взгляде горящих глаз читались злорадство и угроза. Я

назвал его человеком, хотя ни на кого из людей он не походил: он мог дышать и говорить под водой, что не под силу никому из нас, и голос его проникал сквозь наши колпаки, что невозможно для человеческого голоса! Он был не менее семи футов ростом, атлетического сложения, что подчёркивал облегающий костюм из материала, похожего на гладкую кожу. Его лицо выглядело как бронзовая маска с тёмно-зелёным отливом, выполненная с необычайным мастерством. Казалось, она соединила в себе всю силу и зло, какие могут оставить свой отпечаток на лице человека. В его наружности не было и намёка на полноту или чувственность, что было бы выражением слабости. Напротив, в этом существе виделось изящество хищной птицы: орлиный нос, пронзительные чёрные глаза, полные огня. Именно безжалостные, пылающие злобой глаза и жестокий, словно сама судьба, хотя и красивый рот, прямой и резко очерченный, внушали ужас. Глядя на это существо, я чувствовал, что за его безупречной красотой скрывается самая что ни на есть чудовищная порочность. Взгляд выражал угрозу, улыбка смахивала на ухмылку, а смех — на глумление.

— Итак, господа, — произнёс он на чистейшем

английском языке, и голос звучал так ясно, будто мы снова на земле, — у вас было замечательное приключение в прошлом и, возможно, вам предстоит ещё более увлекательное в будущем, хотя, может статься, я сочту своим приятным долгом его неожиданно прервать. Боюсь, что разговор получается несколько односторонний, но я отлично читаю ваши мысли, и, поскольку мне о вас всё известно, вам нечего опасаться непонимания. Но вам ещё многое, весьма многое предстоит узнать.

Мы беспомощно переглядывались. И снова раздался глумливый смех.

— Что ж, это и в самом деле непросто. Вы всё обсудите, когда вернётесь, потому что я хочу, чтобы вы вернулись и передали моё послание. Если б не оно, я думаю, что визит, который вы мне нанесли, оказался бы для вас последним. Но прежде я хочу вам кое-что сказать. Я обращаюсь к вам, доктор Маракот, как к старшему и, полагаю, мудрейшему из троих, хотя ваш приход сюда мудрым никак не назовёшь. Вы меня ведь прекрасно слышите? Отлично, друзья мои, достаточно кивнуть.

Несомненно, вы знаете, кто я такой. Похоже, вы узнали обо мне недавно. Никто не может говорить или подумать обо мне без моего ведома.

Никто не может явиться в этот старый дом, в мою сокровенную обитель, не вызвав при том меня. Вот почему эти бедняги, зарывшиеся, словно кроты, в землю, обходят его стороной. Им хотелось, чтобы и вы следовали их примеру. Вы поступили бы благоразумнее, послушавшись их совета. Но вот вы вызвали меня, а будучи вызван, я не скоро ухожу, ха-ха-ха…

Да, я вижу, ваш ум в смятении: обладая ничтожной крупицей жалкой земной науки, вы не в состоянии ответить на вопросы, которые возникают из-за меня. Как это я живу здесь без кислорода? Но я ведь живу не здесь, а в огромном мире людей под солнцем. Сюда же я прихожу, когда меня призовут, — вы, например. Но я не дышу воздухом — я дышу эфиром. А эфира здесь столько, сколько и на вершине любой горы. Даже некоторые люди могут жить без воздуха. В каталепсии человек месяцами лежит не дыша. Я в чём-то похож на него, но, как видите, остаюсь в сознании и не теряю активности.

Ещё вас беспокоит, каким образом вы меня слышите. Но разве вы забыли суть беспроволочной передачи сигналов, которые переходят из эфира в воздух? Так и я могу превращать свои слова в колебания воздуха в ваших несуразных

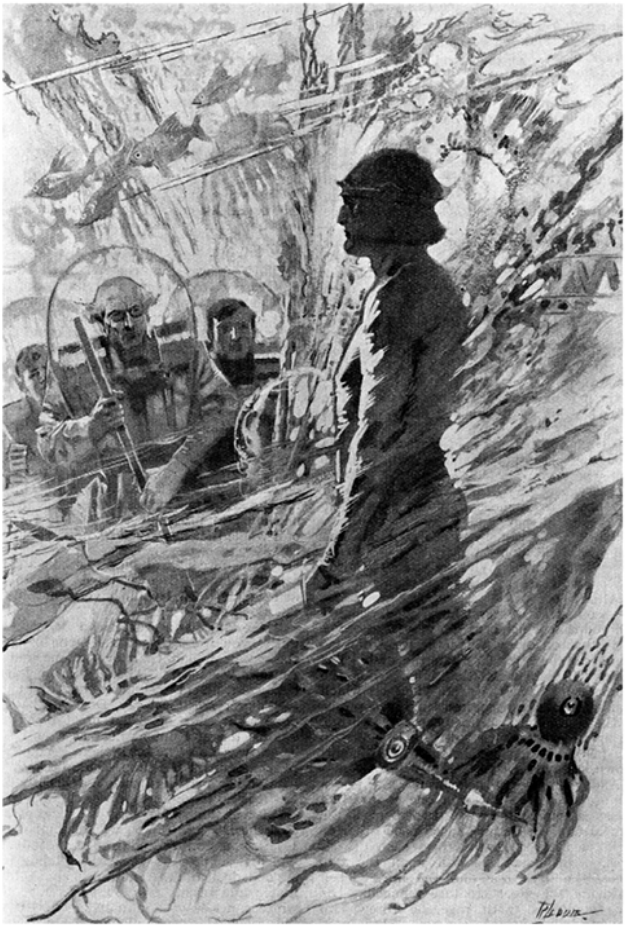
колпаках.

Вас поражает то, как я владею английским? Надеюсь, он не так уж плох… ха-ха-ха… Я ведь пожил какое-то время на земле, господа, и это было трудное, очень трудное время. Сколько именно? Сейчас идёт одиннадцатое или двенадцатое тысячелетие. Скорей, двенадцатое. Как видите, у меня было достаточно времени, чтобы выучить все существующие языки. Английским я владею не хуже, чем прочими.

Надеюсь, я разрешил некоторые ваши сомнения? Хорошо. Теперь я хочу поговорить с вами серьёзно.

Я — Ваал-Сепа. Я Темноликий Властелин. Я тот, кто столь глубоко проник в тайны природы, что победил саму смерть. Я не смогу умереть, даже если б и захотел. Чтобы я умер, должна появиться воля сильнее моей. О смертные, никогда не молитесь об избавлении от смерти! Может быть, она и кажется вам ужасной, но вечная жизнь неизмеримо страшней. Всё жить и жить и снова жить, пока неисчислимые поколения людей проходят мимо… ха-ха-ха… Сидеть на обочине истории и видеть, как жизнь идёт, неизменно идёт вперёд, оставляя тебя позади. Разве удивительно, что в моём сердце лишь тьма и горечь… ха-ха-ха… и

что я проклинаю тупоумное человеческое стадо? Я врежу́ им, когда могу. Почему бы и нет?



Вы хотите знать, как я могу им вредить? У меня есть власть, и немалая. Я могу управлять умами людей. Я повелитель толпы. Где замышляли и замышляют зло, там всегда был я. Я был с гуннами, когда они повергли в руины половину Европы. Я был с сарацинами, когда во имя религии они убивали гяуров. Я вдохновил и провёл Варфоломеевскую ночь. Благодаря мне велась торговля рабами. Это по моему наущению сожгли десять тысяч старух, которых дураки называли ведьмами. Я был тем высоким тёмным человеком, который вёл толпу в Париже, когда улицы утопали в крови… ха-ха-ха… Такие радости редки, но в России в последнее время бывало и похлеще. Я как раз оттуда. Я уже почти забыл про здешнюю колонию подводных крыс. Они зарылись в грязь и сохранили жалкие крохи от искусств и легенд той великой страны, что не расцветёт уже никогда. Вы напомнили мне о них, потому что этот старый дом связан со мной волнами эфира, о каких ваша наука не имеет понятия. Да, я тот человек, который построил этот дворец и любил в нём жить. Я узнал, что сюда проникли посторонние, взглянул — и вот я здесь, надо сказать, впервые за тысячи лет, и я вспомнил об атлантах. Они здесь что-то больно зажились. Им

пора уходить. Их родоначальником был человек, который посмел противостоять мне. При жизни он построил убежище от катастрофы, поглотившей всех, кроме его последователей и меня. Их спасла его мудрость, а меня — моя сила. Но теперь я раздавлю тех, кого он спас, и на этом повесть будет завершена.

Он сунул руку за пазуху и извлёк какой-то свиток.

— Отдадите вождю водяных крыс, — сказал он. — Мне жаль, что вам, джентльмены, придётся разделить их судьбу, но поскольку именно вы повинны в их несчастье, то это вполне справедливо. Советую рассмотреть рисунки и барельефы: они помогут вам понять, как вознеслась Атлантида за время моего правления. Здесь вы найдёте кое-какие свидетельства о характере и нравах людей, пока они находились под моим владычеством. Жизнь была чрезвычайно разнообразна, многоцветна, многостороння… В нынешнее серое время это назвали бы «бесстыдной оргией»… ха-ха-ха… Что ж, называйте как хотите. Я принёс эти радости в мир, я наслаждался сполна и ни о чём не жалею. И если б пришлось начать сначала, я бы всё повторил и сделал бы больше… Но как, однако, тягостен дар вечной жизни! Варда, которого

я проклинаю и которого следовало убить прежде, чем он смог мне противостоять и восстановить против меня людей, Варда оказался в данном отношении мудрее меня. Он иногда посещает землю, но как дух, а не как человек.

Теперь я покину вас. Вы пришли сюда из любопытства, друзья мои. Надеюсь, я его удовлетворил… ха-ха-ха…

Засим он исчез. Да-да, исчез, растаял прямо у нас на глазах. Он чуть отступил от колонны, к которой прислонялся, и его великолепная фигура утратила чёткость очертаний, глаза погасли. Через мгновение он превратился в тёмное клубящееся облачко, которое поплыло вверх в застойной воде ужасного зала.

Мы не стали задерживаться в том жутком месте: оставаться было небезопасно. Снимая с плеча Билла Сканлэна ядовитого пурпурного слизня, я обжёг себе руку ядом. Когда мы шли к выходу, я вновь содрогнулся при виде бесстыдных барельефов, созданных самим дьяволом. Затем мы почти побежали по тёмному коридору, проклиная свою глупость, из-за которой сюда забрались. Мы испытали огромное облегчение, когда наконец выбрались на фосфоресцирующую равнину и снова увидели вокруг себя чистую, прозрачную

воду. Через час мы были дома и, сняв шлемы, устроили у себя в комнате совет. Мы с профессором были слишком потрясены, чтобы облечь свои мысли и чувства в слова. Но неукротимому жизнелюбию Сканлэна было всё нипочём.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Влипли же мы в историю! Этот парень небось прямо из ада заявился. Со своими картинками и статуями он кого угодно за пояс заткнёт. Надо решить, как нам быть.

Доктор Маракот глубоко задумался. Затем, позвонив в колокольчик, он вызвал приставленного к нам человека в жёлтом и сказал:

— Манд!

Когда явился наш друг, Маракот вручил ему роковое письмо. Меня восхитило самообладание Манда: своим любопытством, которому нет оправдания, мы, спасённые им незнакомцы, поставили под угрозу не только его жизнь, но и жизнь всего его народа; он смертельно побледнел, читая письмо, но в грустных карих глазах его не было упрёка. Он только печально покачал головой.

— Ваал-Сепа! Ваал-Сепа! — воскликнул он и судорожно закрыл лицо руками, как бы заслоняясь от жуткого видения.

В конце концов, охваченный невыразимым горем, он в отчаянии заметался по комнате. Когда он ушёл, чтобы огласить роковое послание остальным атлантам, мы услышали звон огромного колокола, созывавшего всех в Центральный зал.

— Так мы идём? — спросил я.

Доктор Маракот лишь пожал плечами:

— Зачем? Демоническая власть сильнее нас.

— Вы правы! — сказал Сканлэн. — Кролики бессильны перед удавом. Однако разрази меня гром, если мы не должны помочь им! Ведь что получается: мы с вами вызвали дьявола, заварили всю эту кашу, а расхлёбывать что же, придётся им?!

— Что же вы предлагаете? — нетерпеливо спросил я, так как понимал, что за напускным легкомыслием Сканлэна скрываются сила и практичность современного человека, привыкшего всё делать своими руками.

— У меня нет идей, хоть обыщите, — отвечал он. — Но думаю, этот парень не такой уж неуязвимый, как ему кажется. Глядишь, он чуток и поизносился от времени, ведь если верить ему на слово, лет старикашке немерено.

— Может, просто напасть на него?

— Нет, это ничего не даст, — сказал доктор.

Сканлэн подошёл к своему ящику, и когда он повернулся к нам, в руке у него оказался большой шестизарядный револьвер.

— Ну, как насчёт этого? — спросил он. — Подобрал его на месте катастрофы. Думал, пригодится. У меня к нему и дюжина патронов имеется. А что, если проделать столько же дырок в старой мумии? Глядишь, часть магии и улетучится… О боже! Что это… что со мной?

Револьвер выпал у него из руки и ударился об пол, а сам Сканлэн, извиваясь от страшной боли, обхватил запястье. Правую руку ему свела страшная судорога, и когда мы попытались помочь, то почувствовали, что мышцы у него вздулись и стали как древесные корни. От мучительной боли по лицу бедняги катился пот. Наконец, совершенно обессиленный и покорный, он повалился на кровать.

— Всё!.. Я выбываю из игры, — сказал он. — Сдаюсь! Да, спасибо, уже не так больно. Уильям Сканлэн в нокауте. Это мне будет наукой. Против ада с шестизарядником не попрёшь, и пытаться нечего. Признаю своё поражение.

— Да, это вам будет уроком, — сказал Маракот, — и, надо сказать, серьёзным уроком.

— Так что же, положение безнадёжное? — вы-

рвалось у меня.

— А что мы можем сделать, когда он, выходит, знает каждое наше слово, видит каждый наш шаг? Но не стоит отчаиваться, — проговорил Маракот и на несколько минут погрузился в размышления.

— Полагаю, — сказал он наконец, — что вам, Сканлэн, лучше всего оставаться здесь. Полежите и придите в себя. Вы пережили страшное потрясение и не сразу оправитесь.

— Имейте в виду: если что-то надо делать, на меня можете положиться. Хотя ясно, что грубой силой тут ничего не добьёшься, — стойко произнёс наш товарищ. По его искажённому болью лицу и трясущимся рукам было видно, что он превозмогает сильнейшую боль.

— Пока вы ничем не поможете. Во всяком случае, мы поняли, чего нам делать не следует. Любое насилие бесполезно. Стало быть, будем действовать по-другому — на уровне духа. Оставайтесь здесь, Хедли, а я пойду к себе лабораторию и там поразмыслю хорошенько. Глядишь — и придумаю, как нам быть.

Мы со Сканлэном научились во всём полагаться на Маракота. Мы не сомневались: если только человеческому уму под силу разрешить возник-

шую проблему, Маракот с нею справится. Хотя мы оказались в положении, когда человек не в силах что-либо изменить. Мы беспомощны, словно дети, перед лицом сил, которых не понимаем и которыми не в состоянии овладеть. Сканлэн забылся тревожным сном. И всё время, сидя подле него, я думал не о том, как избежать катастрофы, а о том, как скоро она наступит и каким будет конец. В любую минуту я был готов увидеть, как рушатся стены и тёмные воды морских глубин смыкаются над атлантами и нами.

И вдруг огромный колокол зазвонил снова. Его металлический звон будоражил каждый нерв. Я вскочил, а Сканлэн приподнялся на кровати. Да, это не был обычный сигнал сбора, какой нам доводилось слышать в старом дворце не раз. Гудел тревожный, беспорядочный набат.

«Идите сюда! Идите скорей! Бросайте всё и идите!» — звал колокол.

— Знаешь, приятель, надо идти к ним, — сказал Сканлэн. — Там сейчас что-то будет.

— Какой от нас толк?

— Не исключено, что наше появление слегка их встряхнёт, а это уже что-то. В любом случае они не должны думать, что мы боимся. Где док?

— Пошёл к себе в лабораторию. Согласен, Скан-

лэн, нам следует быть со всеми. Мы должны показать, что готовы разделить их судьбу.

— Беднягам наверняка нужна наша поддержка. Пусть они знают и больше нашего, но с нервами у них явно слабовато. Видать, смирились со своей судьбиной, так что рассчитывать будем только на себя. Что ж, по мне, потоп так потоп!

Мы ринулись было к двери, но тут она распахнулась, и на пороге возник доктор Маракот. Но он ли это? Перед нами был человек, преисполненный непоколебимой уверенности, в лице его читались сила и решимость. Тихий учёный исчез без следа, перед нами стоял сверхчеловек, предводитель с властным характером, способный подчинить своей воле человечество.

— Да, друзья, наша помощь определённо понадобится. Ещё можно всё исправить. Но поспешим, пока не поздно! Объясню всё после. Да-да, мы идём! — Последние слова были обращены к перепуганным атлантам, которые нетерпеливо нас звали.

Действительно, как сказал Сканлэн, мы не раз уже показали, что сильнее характером и куда более способны к решительным действиям, чем эти отгороженные от остального мира люди. В час смертельной опасности они, видимо, ждали от

нас поддержки. При нашем появлении раздались вздохи облегчения и радостный шёпот. В переполненном людьми зале мы заняли отведённые нам места в первом ряду.

Если мы собирались оказать нашим друзьям помощь, то пришли как нельзя более кстати: знакомое нам страшилище уже стояло на возвышении и с жестокой, демонической улыбкой на тонких губах взирало на съёжившихся под его взглядом людей. (Мне вспомнились слова Сканлэна о кроликах и удаве.) Люди в ужасе жались друг к другу и широко раскрытыми глазами смотрели на исполинскую фигуру. Безжалостные глаза, сверкавшие на тёмном зелёном лице, взирали на них сверху вниз. Никогда не забыть мне этого зала и людей, сидящих в нём ярус за ярусом, — лица осунувшиеся, глаза широко раскрыты, исполненный ужаса взгляд устремлён на монстра, стоящего на возвышении в центре. Они безропотно ожидали исполнения вынесенного им приговора, и тень смерти уже нависла над их головой. Манд, униженно-покорный, срывающимся голосом просил за свой народ, молил о пощаде, но было видно, что слова его лишь тешат стоящее над ним исчадие ада. Монстр резко его перебил, сказав что-то, воздел правую руку — и

по рядам пронёсся стон отчаяния. И тут доктор Маракот одним сильным прыжком встал рядом с чудовищем. Я был изумлён произошедшей с ним перемене: походка и движения юноши, лицо излучает нечеловеческую силу.

— Жалкий человечишка, что это ты хочешь сказать мне? — спросил монстр.

— А вот что! — невозмутимо отвечал Маракот. — Твоё время прошло, Сатана. Ты уж больно зажился на этом свете. Убирайся прочь! Ступай к себе в ад, там тебя заждались. Ты — князь тьмы, так и сгинь во тьму!

Глаза демона источали тёмное пламя, когда он отвечал:

— Когда настанет срок — если вообще настанет, — я узнаю об этом не из уст жалкого смертного. Где тебе противостоять мне — познавшему тайны Вселенной? Да я одним взглядом раздавлю тебя, как муху!

Маракот посмотрел в ужасные глаза без страха, и мне показалось, что демон отвёл взгляд.

— О несчастный! — ответствовал Маракот. — Это у меня сила и воля, чтобы уничтожить тебя. Ты слишком долго осквернял мир своим присутствием. Ты был чумой, заражавшей всё доброе и прекрасное. Человечество вздохнёт с облегче-

нием, когда тебя не станет, и свет солнца станет ярче на небесах!

— Что это? Кто ты? Что говоришь?.. — в изумлении забормотало чудовище.

— Ты ещё рассуждаешь о тайном знании! Сказать ли тебе, что лежит в самом основании мира? Тайна состоит в том, что на каждом уровне Вселенной — физическом, ментальном, духовном — добро сильней, чем зло. Ангел всегда одолеет дьявола. Я сейчас на той же плоскости, на какой правил ты, и со мной сила победителя. Она дана мне свыше. Поэтому я говорю: сгинь! пропади, нечистый! Твоё место в аду, вот и ступай туда! Исчезни! Я сказал: *исчезни*!

И здесь свершилось чудо! Минуту или долее — кто берётся определить? — смертный человек и демон стояли друг против друга и смотрели один другому в глаза. Столкнулись две воли: тёмная и светлая. Внезапно мощная фигура отступила. С искажённым от ярости лицом монстр стал хватать руками воздух…

— Проклятье, это ты, Варда! Я узнаю дело твоих рук. О Варда, будь ты проклят! Будь прокля…

Его голос затих, высокая тёмная фигура как бы расплылась по краям, голова упала на грудь, колени подогнулись, он начал оседать, и его очерта-

ния менялись. Сначала мы увидели сгорбленную человеческую фигуру, затем — бесформенную тёмную массу, которая сгнила у нас на глазах, запачкав платформу и отравив зловонием воздух.

Маракот был в полном изнеможении, он покачнулся и упал, а мы со Сканлэном кинулись к нему.

— Мы победили, победили! Победи… — твердил он, но силы оставили его, и он лежал на полу, не подавая признаков жизни.

Вот каким образом атланты были спасены от ужасной опасности, а дух зла оказался навеки изгнан из земного мира. Несколько дней доктор Маракот пролежал без сил, с уст его то и дело слетали удивительные слова и обрывки фраз, которые мы сочли бы бредом и отнесли на счёт болезни, не доведись нам самим быть очевидцами недавних поразительнейших событий. Должен также добавить, что нечеловеческая духовная мощь, переполнявшая Маракота, исчезла без следа, и перед нами снова был тихий, спокойный учёный, коего мы хорошо знали.

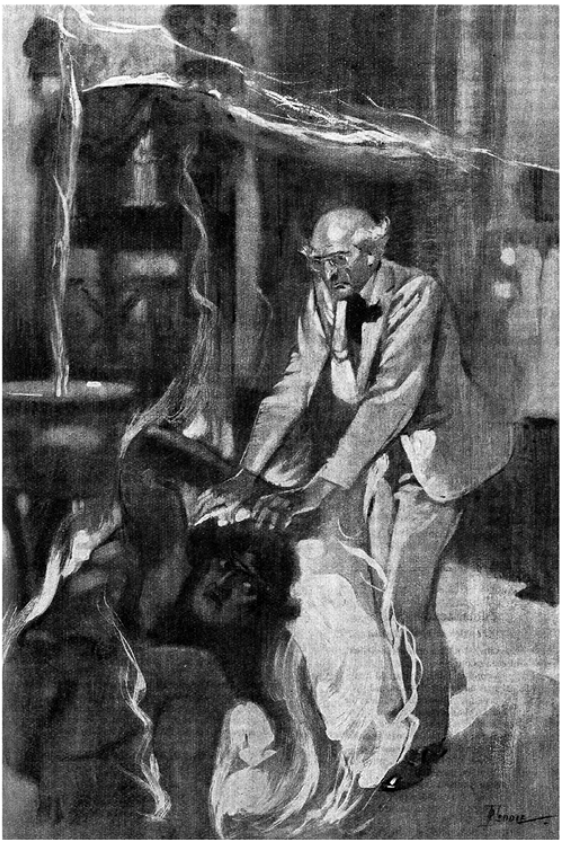
— И надо же, чтоб это случилось именно со мной! — восклицал он. — Со мной — материалистом и безбожником! Я был всецело погружён в материю, ничто идеальное и духовное не могло

рассчитывать на моё внимание. И вот теории, которые я возводил на протяжении всей жизни, рухнули в мгновение ока!

— Похоже, мы снова побывали в школе, сэр, — прокомментировал его слова Сканлэн. — Если я когда-нибудь вернусь домой, будет что рассказать ребятам.

— Чем меньше ты им расскажешь, дружище, тем лучше будет для тебя, не то прослывёшь величайшим лжецом в Америке, — заметил я. — Суди сам, разве мы с тобой поверили б такому рассказу?

— Да уж, пожалуй. Ну, док, скажу я вам, здорово вы влепили в черномазого! Точно в десятку! Ему оттуда нипочём не выбраться! Вы его просто спихнули. Не знаю, где он теперь обосновался, но Билл Сканлэн туда ни ногой!



— А сейчас, друзья мои, я расскажу вам, что всё-таки со мной произошло, — возвестил доктор. — Помните, как я покинул вас и ушёл к себе в лабораторию? Я уже почти ни на что не надеялся. Правда, я много читал о чёрной магии и оккультных искусствах и хорошо знал, что белое всегда может победить чёрное, если только сумеет встать с ним на одну иерархическую плоскость. Ваал-Сепа находился на гораздо более сильном — не будем говорить «высоком» — уровне, чем я. Это был роковой и неопровержимый факт.

Я не видел способа преодолеть данное затруднение. Тогда я улёгся на кушетку и стал молить о помощи. Когда оказываешься на грани человеческих сил и сознаёшь свою беспомощность, остаётся только в мольбе протянуть руки к силам Добра, что сокрыты от нас туманной завесой. Я стал молиться — и молитва моя была услышана.

Внезапно я почувствовал, что в комнате я не один. Передо мной стоял смуглый высокий мужчина, доброе бородатое лицо сияло благожелательностью и любовью. Интуиция подсказывала мне, что это — дух великого и мудрого атланта, который при жизни боролся со злом и, не имея сил предотвратить гибель своей страны, принял меры, чтобы самые достойные выжили, хотя

им и пришлось погрузиться в глубины океана. Этот удивительный дух появился, дабы спасти своих потомков. Приблизившись, он с улыбкой возложил руки мне на голову и стоял так, передавая мне свою собственную энергию и силу. Я почувствовал, как она, словно огонь, разливается по моим жилам. У меня появились воля и сила творить чудеса! Тут я услышал звон колокола и понял, что решающий час настал. Дух, улыбнувшись мне на прощанье, исчез. Я пошёл в зал, а остальное вам известно.

— Что ж, сэр, — сказал я, — думаю, вы завоевали среди подводных жителей небывалый авторитет. Так что, пожелай вы обосноваться здесь в качестве божества, вы, безусловно, добьётесь успеха.

— М-да, док, вам повезло больше, чем мне, — заявил Сканлэн с оттенком грусти в голосе. — Как, чёрт побери, вышло, что дьявол не пронюхал о вашей затее? Меня-то он сразу скрутил, когда я схватился за пушку, а вас он не расколол.

— Наверное, дело в том, что вы находились на уровне материи, а я какое-то время пребывал на уровне духа, — задумчиво проговорил доктор. — Общение с миром просветлённых духов всегда учит смирению, и ты осознаёшь, как недалеко ушло человечество в своём развитии, как в

действительности ничтожно наше земное существование. Я сделал свои выводы, и моя жизнь послужит тому доказательством.

Так закончилась эта история. В скором времени у нас возникла идея послать весть о себе на поверхность, а затем с помощью стеклянных шаров, наполненных левигеном, мы поднялись наверх, о чём я уже писал раньше.

Доктор Маракот подумывает о том, чтобы вернуться к атлантам. Ему нужно кое-что уточнить в вопросах ихтиологии. Сканлэн, я слышал, женился в Филадельфии на своей голубке и был назначен управляющим делами фирмы, так что теперь он не ищет приключений, в то время как я…

Что ж, море уже подарило мне самую драгоценную свою жемчужину, и больше я ни о чём не прошу.

1928 г.